
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306515 8

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.

 Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

и

ПРИНЦЕССА ВЛАДИМІРСКАЯ.

I.

Въ первой книжкѣ „Чтеній", издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, за 1867 годъ помѣщены доставленныя почетнымъ членомъ этого Общества, графомъ В. Н. Панинымъ, чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о той загадочной женщинѣ, что въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, за границей, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рожденную отъ законнаго брака ея съ фельдмаршаломъ графомъ А. Г. Разумовскимъ. Время появленія самозванки весьма знаменательно; она явилась непосредственно за первымъ раздѣломъ Польши и одновременно съ Пугачевымъ. Близкія сношенія ея съ поляками, уѣхавшими послѣ раздѣла за границу, особенно же съ знаменитымъ княземъ Карломъ Радзивиломъ, короннымъ генеральной конфедераціи маршаломъ, палатиномъ виленскимъ, съ этимъ магнатомъ, обладавшимъ несмѣтными богатствами, идоломъ шляхты, извѣстнымъ подъ именемъ „пана коханка", не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта женщина была употреблена орудіемъ польской интриги противъ императрицы Екатерины II.

Объ этой самозванкѣ писали иностранцы съ разными, по обыкновенію, прикрасами. Они-то и утвердили мнѣніе, будто эта женщина дѣйствительно была дочерью императрицы, имѣвшею законное право на русскій престолъ, что, взятая въ Италіи графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ, она была привезена въ Петербургъ, заточена въ Петропавловскую крѣпость и тамъ, 10-го сентября 1777 года, во время сильнаго наводненія, затоплена въ казематѣ, изъ котораго ее забыли или не хотѣли вывести.

Въ 1863 году въ Петербургѣ, на художественной выставкѣ Академіи Художествъ, обращала на себя особенное вниманіе публики картина даровитаго художника, покойнаго Флавицкаго, изображающая ужасную смерть княжны Таракановой. Она изображаетъ женщину, одѣтую въ поношенное и уже изорванное платье изъ атласа и бархата, стоящую на кровати, покрытой овчиннымъ одѣяломъ. Въ окно съ желѣзною рѣшеткой хлещетъ вода и наполняетъ комнату; крысы плаваютъ по ней, пробираются на кровать и на платье заключенной. Несчастная въ отчаяніи смотритъ на неизбѣжную гибель. Картина г. Флавицкаго, заслуживающая, по отзывамъ знатоковъ, большую похвалу въ отношеніи художественномъ и удостоенная Академіей заслуженной награды, еще болѣе распространила въ публикѣ увѣренность въ истинѣ небывалаго происшествія, придуманнаго досужими иностранцами, много писавшими самаго разнообразнаго вздора объ Екатеринѣ II. Самозванка (а не настоящая княжна Тараканова) дѣйствительно была заключена въ Петропавловской крѣпости, но, какъ видно изъ опубликованныхъ теперь, не подлежащихъ никакому сомнѣнію извѣстій, — умерла отъ чахотки года за два до наводненія 1777 года.

Манштейнъ и нѣкоторые другіе иностранные писатели говорятъ, что императрица Елизавета Петровна вступила въ тайный бракъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Объ этомъ нѣсколько разъ говорено было и въ русской печати. Въ первый разъ сдѣлалъ печатный намекъ о бракѣ Елизаветы г. Бантышъ-Каменскій въ 1836 г. Въ его „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ (т. IV, біографія А. Г. Разумовскаго) сказано: „Манштейнъ въ своихъ „Запискахъ“ сохранилъ любопытныя, но едва ли достовѣрныя подробности объ отношеніяхъ императрицы Елизаветы къ графу Разумовскому“. Изъ напечатанныхъ въ Россіи извѣстій о тайномъ бракѣ императрицы особенно замѣчателенъ „Разсказъ о бракѣ императрицы Елизаветы Петровны“, напечатанный въ третьей книжкѣ „Чтеній“ въ Обществѣ Исторіи и Древностей 1863 года. Это разсказъ покойнаго графа С. С. Уварова, который женатъ былъ на послѣдней въ родѣ Разумовскихъ, графинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (ум. 1849 г.), и слышалъ о таинственномъ бракѣ отъ своего тестя, приходившагося роднымъ племянникомъ графу Алексѣю Григорьевичу. Въ своемъ мѣстѣ мы передадимъ этотъ въ высшей степени любопытный разсказъ.

О бракѣ императрицы Елизаветы Петровны съ Разумовскимъ и о дѣтяхъ, рожденныхъ ею отъ этого брака, сохранилось у насъ немало преданій. Преданія эти обращались и обращаются не въ одномъ тѣсномъ кружкѣ высшаго общества; въ простомъ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются разсказы о бракѣ императрицы съ ея подданнымъ и о судьбѣ ихъ дѣтей. Такъ, въ Москвѣ народъ, указывая на церковь Воскресенія въ Барашахъ, крестъ на которой увѣнчанъ короной, говоритъ, что здѣсь вѣнчалась царица Елизавета, и что въ память этого со-

бытія брачный вѣнецъ поставленъ на крестѣ церковномъ. На находящійся неподалеку отъ этой церкви домъ, строенный по проекту графа Растрелли и занимаемый теперь четвертою гимназіей, указываютъ какъ на домъ, гдѣ тихо праздновалась тайная свадьба, гдѣ нѣкоторое время жилъ Разумовскій съ царственною своею супругой. Въ Пучежѣ сохраняются въ народѣ преданія о дочери Елизаветы, Аркадіи, жившей будто бы въ этомъ посадѣ при Пушавинской церкви, подъ именемъ Варвары Мироновны Назарьевой или инокини, и умершей въ 1839 году *). Подобныя преданія сохраняются и по другимъ мѣстамъ: въ нѣкоторые женскіе монастыри, напримѣръ, въ Арзамасѣ, въ Екатеринбургѣ, въ Уфѣ, въ Нижнемъ, въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ, съ таинственностью привозили въ прошломъ столѣтіи женщинъ, принадлежавшихъ къ высшему сословію, и онѣ въ укромныхъ обителяхъ доживали дни свои. То были женщины, которыхъ, по неизвѣстнымъ еще пока причинамъ, какъ „умалишенныхъ", удаляли отъ общества, подъ попечительный надзоръ игуменій **). Всѣмъ почти такимъ заточенницамъ, какъ и пучежской Варварѣ Мироновнѣ, мѣстная молва приписывала происхожденіе отъ императрицы Елизаветы... Въ селѣ Работкахъ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, сохраняется память о бывшемъ тамошнемъ помѣщикѣ Шубинѣ, за котораго будто бы императрица Елизавета желала выйти замужъ, но онъ отказался отъ этой чести, уступивъ царственную невѣсту Разумовскому. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ сохраняется преданіе о бракѣ Елизаветы и о томъ, что въ этомъ городѣ, въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей, жилъ князь Таракановъ, рожденный отъ этого брака. Въ Александровѣ, Владимірской губерніи, гдѣ жила нѣкоторое время Елизавета Петровна, еще бывши цесаревной, также сохраняется преданіе о бракѣ ея съ Разумовскимъ. Въ Ярославской, Владимірской и Тверской губерніяхъ намъ случалось слышать такое же народное преданіе.

Всѣ эти преданія отличаются мѣстными подробностями, но сводятся на слѣдующее: императрица Елизавета вступила въ тайный бракъ съ Разумовскимъ и имѣла дѣтей — сына и дочь. Какъ рожденные отъ брака тайнаго, они не имѣли права на престолонаслѣдіе и по возрастѣ убѣждены были добровольно отказаться отъ свѣта и посвятить жизнь свою

---

*) Во второй книжкѣ „Чтеній Общества Исторіи и Древностей" 1866 года напечатана статья М. И. Семевскаго: „Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ". Въ ней сказано, что эта Варвара Мироновна была не кто иная, какъ дочь императрицы Елизаветы. На мѣстѣ дѣйствительно ходитъ такой слухъ въ народѣ. Но Варвара Мироновна ничего общаго съ княжной Таракановой не имѣетъ.

**) Для мужчинъ въ XVII столѣтіи устроены были особые казематы также въ монастыряхъ Соловецкомъ и Спасо-Евѳимьевомъ Суздальскомъ. Они ссылались туда подъ названіемъ „умалишенныхъ". Теперь въ казематахъ обоихъ этихъ монастырей содержатся преимущественно духовныя лица, а также разные сектаторы, признанные вредными.

служенію Богу, дабы не сдѣлаться орудіемъ честолюбцевъ, которые могли бы употребить ихъ имя и мнимыя права для достиженія собственныхъ своекорыстныхъ цѣлей, дабы не быть такимъ образомъ невольною причиной весьма возможныхъ въ прошломъ столѣтіи политическихъ замѣшательствъ. Ни о желаніи дѣтей Елизаветы занять высокое положеніе своей матери, ни о жалобахъ ихъ на печальную судьбу свою — преданія не упоминаютъ ни слова. Должно-быть, Таракановы были далеки отъ честолюбія и оставались довольны своею скромною долей. Несмотря на то, что въ царствованіе Екатерины II являлось немало самозванцевъ, принимавшихъ на себя имя Петра III, самозванцы Таракановы не могли явиться въ Россіи. Самозванка явилась лишь за границей.

II.

Цесаревна Елизавета Петровна родилась въ годъ Полтавской побѣды, и когда умерла ея мать, императрица Екатерина I, ей только-что исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она была рѣдкой, необычайной красоты. Портреты ея, находящіеся въ Романовской галлереѣ и въ галлереѣ Гатчинскаго дворца, свидѣтельствуютъ, какъ красива, какъ привлекательна была она во время первой молодости. Веселый, беззаботный характеръ и сердечная доброта отражались на нѣжныхъ чертахъ миловиднаго лица бѣлокурой цесаревны. Она была граціозна и приводила въ восхищеніе всѣхъ знавшихъ ее. Обѣ дочери Петра Великаго, по справедливости, назывались первыми красавицами Сѣвера. Елизавета не отличалась ни блестящими свойствами ума ни политическими способностями; она любила удовольствія, любила роскошь, миръ, тишину, была безпечна, лѣнива и, какъ извѣстно, не искала престола, желая лишь одного: полной свободы дѣйствій въ частной жизни. Самое вступленіе ея на престолъ совершилось почти помимо ея воли; приверженцамъ ея немало было труда, чтобы склонить цесаревну къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; только страхъ монастырскаго заключенія заставилъ безпечную, лѣнивую и начинавшую уже отцвѣтать красавицу сдѣлать желанный другими, но не ею, рѣшительный шагъ.

Еще при жизни матери Елизавета объявлена была невѣстой голштинскаго принца Карла-Августа, епископа Любскаго; но бракъ не состоялся по случаю смерти жениха, послѣдовавшей мѣсяца черезъ полтора по кончинѣ Екатерины I. Черезъ мѣсяцъ послѣ того (25-го іюля 1727 г.) старшая сестра Елизаветы, герцогиня голштинская Анна Петровна, съ горестными слезами уѣхала съ мужемъ изъ Россіи въ Голштинію, измученная нападками всесильнаго еще тогда князя Меншикова. Елизавета Петровна осталась въ одиночествѣ. Она была сирота, въ полномъ смыслѣ этого слова; ни отца, ни матери, ни добраго руководителя у восемнадцатилѣтней дѣвушки, пылкой, страстной, готовой пожертвовать, пренебречь всѣмъ для удовольствій и свободной, веселой жизни. Императоръ, племянникъ ея, былъ еще очень молодъ, бабушка его, царица

Авдотья Θедоровна, не могла питать нѣжныхъ чувствъ къ дочери своей соперницы, которую считала источникомъ всѣхъ своихъ злоключеній и плачевной кончины своего сына. Къ тому же она жила въ монастырѣ, и дворъ былъ почти совсѣмъ чуждъ ей. Сестра императора, Наталья Алексѣевна, была только годомъ старше своего брата и, какъ кажется, не любила Елизавету. Царевны, дочери царя Ивана Алексѣевича, жили въ Москвѣ; къ нимъ Елизавета также находилась въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ; словомъ, въ царской семьѣ она была совершенно чужою. Она потеряла всякое значеніе и въ глазахъ верховныхъ сановниковъ имперіи, особенно послѣ паденія Меншикова. Остерманъ предложилъ было обвѣнчать четырнадцатилѣтняго императора на его теткѣ Елизаветѣ, чтобы такимъ образомъ соединить потомство Петра Великаго отъ обѣихъ женъ. Но эта нѣмецкая выдумка не могла быть приведена въ исполненіе: уставы православной церкви не дозволяютъ брака въ столь близкой степени родства. Нѣкоторое время Елизавета находилась съ своимъ племянникомъ-императоромъ въ самыхъ пріязненныхъ, въ самыхъ близкихъ, короткихъ отношеніяхъ и имѣла на него большое вліяніе. Остерманъ это хорошо понималъ и потому предлагалъ невозможный бракъ. По паденіи Меншикова, когда дворъ переселился въ Москву, на Петра II имѣла большое нравственное вліяніе сестра его Наталья Алексѣевна, что̀ не нравилось князьямъ Долгоруковымъ, самымъ близкимъ людямъ къ императору. Любимецъ государевъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, по внушенію своего отца, чтобы поссорить брата съ сестрой или, по крайней мѣрѣ, охладить его къ ней, всячески старался возбудить любовь его къ Елизаветѣ. Очарованный прелестями своей тетки, Петръ предался ей со всѣмъ пыломъ молодости, не скрывалъ любви своей даже во многолюдныхъ собраніяхъ и безусловно слѣдовалъ ея внушеніямъ. Долгоруковы не предвидѣли, что вліяніе Елизаветы будетъ такъ велико, и искали способа удалить ее. Они придумали выдать ее замужъ за извѣстнаго Морица Саксонскаго, съ 1725 года домогавшагося Курляндскаго герцогства. Это однако не состоялось, и когда Елизавета Петровна своимъ легкомысліемъ сама разрушила свою силу, лишившись любви Петра II, Долгоруковы болѣе не заботились о сватовствѣ ея. Послѣднее время Петрова царствованія и первые годы Анны Ивановны цесаревна Елизавета жила отдѣльно отъ двора, въ слободѣ Покровской, нынѣ вошедшей въ составъ города Москвы, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и Александровской слободѣ (нынѣ городъ Александровъ), нуждаясь нерѣдко въ денежныхъ средствахъ. По своей безпечности, склонности къ удовольствіямъ и крайнему нерасположенію къ труду, она была совершенно безопасна для Анны Ивановны, но духовное завѣщаніе Екатерины I, по которому, въ случаѣ бездѣтной кончины Петра II, русская корона должна была перейти въ руки одной изъ цесаревенъ, было всѣмъ памятно; оно безпокоило Анну и ближайшихъ ея приверженцевъ. За Елизаветой учрежденъ былъ секретный, но бдитель-

ный надзоръ, но напрасно соглядатаи старались подмѣтить въ ней какіе-либо политическіе замыслы. При дворѣ Елизаветы не было почти никого изъ знатныхъ людей, въ Покровскомъ она нерѣдко проводила время съ слободскими дѣвушками, въ лѣтніе вечера водила съ ними на лугу хороводы, пѣла пѣсни и даже сочиняла ихъ. Такимъ образомъ пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Середь улицы большой,
Расплясались, разскакались
Красны дѣвки межъ собой —

приписывается Елизаветѣ Петровнѣ. Въ Переяславлѣ и Александровской слободѣ она также сближалась съ простолюдинами. Это обратило на себя подозрительное вниманіе большого двора, уже переселившагося въ Петербургъ. Боялись, чтобъ она не пріобрѣла такой популярности въ народѣ, которая могла бы сдѣлаться опасною для императрицы. Елизавету вытребовали въ Петербургъ, гдѣ она и помѣстилась въ особомъ домѣ, нынѣ называемомъ Смольнымъ и находившемся въ концѣ Воскресенской улицы. Впослѣдствіи увидали, что популярность цесаревны въ средѣ гвардейскихъ солдатъ для преемника Анны была несравненно опаснѣе популярности между покровскими и александровскими слобожанами и переяславскими посадскими и ямскими людьми.

III.

Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, молодой человѣкъ незнатнаго происхожденія *), но чрезвычайно красивой наружности, ловкій, проворный, расторопный, рѣшительный и энергическій, овладѣлъ сердцемъ Елизаветы Петровны **). Она предалась своему чувству со всѣмъ пыломъ молодости, со всѣмъ упоеніемъ страсти и, какъ говоритъ преданіе, предполагала сочетаться съ Шубинымъ бракомъ ***). Примѣръ тайнаго брака царевны съ подданнымъ былъ уже поданъ: родная сестра императрицы Анны Ивановны, царевна Прасковья, была замужемъ за Иваномъ Ильичомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ и умерла въ 1731 году, не переживъ его смерти. Если-бъ избранный сердцемъ Елизаветы былъ такой же ничтожный че-

---

*) До 1600 года дворянъ Шубиныхъ не было. Въ 1699 г. двое Шубиныхъ владѣли помѣстьями.

**) Манштейнъ.

***) Елизавета Петровна пламенно любила Шубина и выражала чувства свои въ стихахъ, обращенныхъ къ нему. Вотъ одна строфа изъ нихъ, приведенная г. Бантышъ-Каменскимъ въ его «Словарѣ достопамятныхъ людей» (Второй выпускъ. Спб. 1847, т. III, стр. 550):

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легче-бъ тя не знати, нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

ловѣкъ, какъ мужъ ея двоюродной сестры Прасковьи Ивановны, по всей вѣроятности, бракъ ея съ Шубинымъ не встрѣтилъ бы препятствій со стороны императрицы; но энергическій прапорщикъ казался опаснымъ, онъ былъ любимъ товарищами, имѣлъ большое вліяніе на солдатъ, черезъ него Елизавета сблизилась съ гвардейцами и вступила съ ними въ такія же отношенія, въ какихъ находилась прежде съ слобожанами Покровской и Александровской слободы: крестила у нихъ дѣтей, бывала на ихъ свадьбахъ; солдатъ-именинникъ приходилъ къ ней, по старому обычаю, съ именниннымъ пирогомъ и получалъ отъ нея подарки и чарку анисовки, которую, какъ хозяйка, Елизавета и сама выпивала за здоровье именинника. Гвардейскіе солдаты полюбили доступную цесаревну, стали называть ее „матушкой“ и говорили другъ другу, по внушенію Шубина, что ей, дочери Петра Великаго, „не сиротой плакаться“, а слѣдовало бы на престолѣ сидѣть. Не дождавшись брачнаго вѣнца, Шубинъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы Анны, долго томился въ оковахъ, въ такъ-называемомъ „каменномъ мѣшкѣ“, гдѣ нельзя было ни сѣсть ни лечь, и наконецъ отправленъ въ Камчатку и обвѣнчанъ тамъ, противъ воли, съ камчадалкой*).

*) Вступивъ на престолъ, Елизавета Петровна вспомнила о своемъ любимцѣ, сосланномъ за нее въ дальнюю Камчатку. Съ великимъ трудомъ отыскали его не ранѣе 1742 года въ одномъ камчадальскомъ селеніи. Посланный объѣздилъ всю Камчатку, спрашивалъ вездѣ, нѣтъ ли гдѣ Шубина, но не могъ ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя кому бы то ни было подъ страхомъ смертной казни. Въ одной юртѣ посланный отыскивать ссыльнаго спрашивалъ нѣсколькихъ бывшихъ тутъ арестантовъ, не слыхали ли они чего-нибудь про Шубина; никто не далъ положительнаго отвѣта. Потомъ, разговорясь съ арестантами, посланный упомянулъ имя императрицы Елизаветы Петровны.—«Развѣ Елизавета царствуетъ?»—спросилъ тогда одинъ изъ ссыльныхъ.—«Да, вотъ ужъ другой годъ, какъ Елизавета Петровна восприяла родительскій престолъ»,—отвѣчалъ посланный.—«Но чѣмъ вы удостовѣрите въ истинѣ?»—спросилъ ссыльный. Офицеръ показалъ ему подорожную и другія бумаги, въ которыхъ было написано имя императрицы Елизаветы.—«Въ такомъ случаѣ Шубинъ, котораго вы отыскиваете, передъ вами»,—отвѣчалъ арестантъ. Его привезли въ Петербургъ, гдѣ 2-го марта 1743 года онъ былъ произведенъ «за невинное претерпѣніе» прямо въ генералъ-майоры и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ майоры и получилъ Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатыя вотчины, въ томъ числѣ село Работки на Волгѣ, что̀ въ нынѣшнемъ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Шубинъ недолго оставался при дворѣ. Камчатская ссылка совершенно разстроила его здоровье, онъ предался набожности, дошедшей до аскетизма, и въ 1744 году, уже въ чинѣ генералъ-поручика, когда особенно сильно было вліяніе на императрицу Разумовскаго, просилъ увольненія отъ службы. Получивъ отставку, Шубинъ поселился въ пожалованныхъ ему Работкахъ, гдѣ и умеръ. На прощаньи императрица Елизавета подарила ему драгоцѣнный образъ Спасителя и часть ризы Господней. То и другое доселѣ сохраняется въ церкви села Работокъ. Въ этомъ селѣ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіе объ отношеніяхъ императрицы Елизаветы Петровны къ бывшему тамошнему помѣщику.

Послѣ ссылки Шубина пылкая Елизавета Петровна обратила вниманіе на Разумовскаго. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій родился въ одинъ годъ съ нею, то-есть въ 1709 году, въ маленькомъ селѣ Лемешахъ *), Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; отецъ его былъ простой казакъ Григорій Розумъ. У Алексѣя Розума былъ хорошій голосъ, и онъ пѣвалъ на клиросѣ приходской церкви. Для укомплектованія придворной капеллы посылали изъ Петербурга набирать пѣвчихъ обыкновенно въ Малороссію, гдѣ, какъ извѣстно, несравненно болѣе хорошихъ голосовъ, чѣмъ въ Великой Россіи. Полковникъ Вишневскій, посланный съ такимъ порученіемъ въ царствованіе Анны Ивановны, услыхалъ въ Лемешовской церкви Алексѣя Розума, которому было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и взялъ его въ придворные пѣвчіе. Во дворцѣ увидала его Елизавета, постаралась перевести его въ свой штатъ и поручила ему надзоръ за управленіемъ своихъ помѣстій. Розумъ, переименованный въ Разумовскаго, оставался при дворѣ цесаревны до самаго вступленія ея на престолъ. Въ тотъ же день, какъ Елизавета заняла мѣсто несчастнаго Ивана Антоновича, 25-го ноября 1741 года, сдѣлала она своего любимца дѣйствительнымъ камергеромъ, вскорѣ затѣмъ оберъ-егермейстеромъ, а въ день коронаціи своей, 25-го апрѣля 1742 года, пожаловала ему Андреевскую ленту. Въ 1744 году Разумовскій викаріемъ Римской имперіи, курфирстомъ саксонскимъ, былъ возведенъ въ графское Римской имперіи достоинство, а черезъ два мѣсяца послѣ того Елизавета Петровна возвела его въ графы Россійской имперіи. Это было 15-го іюня 1744 года. Въ этотъ день новопожалованный графъ и обвѣнчался съ Елизаветой Петровной въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія въ Барашахъ, что̀ на Покровской улицѣ **). Затѣмъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, хотя никогда не бывалъ ни въ одномъ походѣ.

IV.

Разумовскій умѣлъ хорошо держать себя на той высотѣ, на которую былъ возведенъ. Хотя отношенія его къ императрицѣ и были извѣстны, но онъ всячески старался скрывать ихъ, не гордился своимъ положеніемъ, былъ со всѣми привѣтливъ, всѣмъ услужливъ, и тѣмъ пріобрѣлъ искреннюю любовь окружавшихъ Елизавету. Сначала жилъ онъ въ одномъ дворцѣ съ императрицей, а потомъ для него былъ построенъ особый дворецъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Аничкова. Богатства

---

*) Село Лемеши, въ 10 верстахъ отъ Козельца, стоитъ на болотѣ и въ настоящее время имѣетъ всего 49 дворовъ съ 174 жителями обоего пола.

**) Одни говорятъ, что бракъ Елизаветы былъ совершенъ 15 іюля 1748, а другіе относятъ его къ 1750 году. Но принцесса Августа Тараканова, рожденная отъ этого брака, скончалась 4 февраля 1810 года, 64 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно она родилась или въ январѣ 1746, или въ 1745 году. По этому расчету мы и относимъ бракъ Елизаветы къ 1744 году.

Разумовскаго были несмѣтны, и онъ умѣлъ ими пользоваться. Много добра дѣлалъ онъ бѣднымъ и несчастнымъ, снабжая ихъ деньгами или ходатайствуя за нихъ предъ Елизаветой. Онъ любилъ поиграть въ банкъ, и если узнавалъ, что кто-нибудь нуждается въ денежныхъ средствахъ, приглашалъ его играть и нарочно проигрывалъ ему болѣе или менѣе значительныя суммы. Одно въ немъ было непріятно: любилъ иногда выпить лишнюю рюмку вина и во хмелю былъ неспокоенъ, какъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ" учитель Павла Петровича, Порошинъ. Это было, говорятъ, причиной охлажденія къ нему Елизаветы, послѣдовавшаго года черезъ четыре послѣ брака. Елизавета Петровна, любившая театральныя представленія, въ то время даваемыя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, однажды пріѣхала туда нечаянно и, придя въ театръ, увидала на сценѣ спящаго молодого человѣка, бывшаго уже на выпускѣ. Это былъ Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ, къ которому, какъ тогда говорили, „счастье во снѣ пришло". По окончаніи спектакля онъ былъ пожалованъ въ сержанты, а мѣсяца черезъ три выпущенъ изъ корпуса прямо премьеръ-майоромъ (то-есть подполковникомъ) Преображенскаго полка и назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ Разумовскому. Разумовскій былъ совершенно равнодушенъ къ возвышенію новаго любимца и былъ съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Но графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, опасаясь возраставшаго вліянія Бекетова, сблизился съ этимъ неопытнымъ юношей, вкрался въ его довѣренность. Расхваливая его красоту, особенно же бѣлизну его лица, онъ совѣтовалъ для поддержанія ея употреблять какое-то притиранье, которое и далъ ему. Бекетовъ поступилъ по совѣту Шувалова, и лицо его покрылось сыпью. Жена Шувалова, Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, еще съ ранней молодости Елизаветы пользовавшаяся особенною ея довѣренностью и посвященная во всѣ ея тайны, сказала ей, что Бекетовъ ведетъ распутную жизнь и заразился. Его тотчасъ же отправили въ армію, а мѣсто его заступилъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, братъ графа Петра Ивановича *). Разумовскій и съ Шуваловымъ и съ другими фаворитами находился въ столь же пріятныхъ отношеніяхъ, какъ и съ Бекетовымъ. Впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ Екатерины, онъ совершенно отказался отъ двора и велъ жизнь уединенную, выѣзжая только въ церковь.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II, Григорій Григорьевичъ Орловъ, стремившійся занять положеніе, подобное положенію Разумовскаго, сказалъ императрицѣ, что бракъ Елизаветы, о которомъ пишутъ иностранцы, дѣйствительно былъ совершенъ, и у Разумовскаго есть письменныя на то доказательства. На другой день Екатерина велѣла графу Воронцову написать указъ о дарованіи Разумовскому, какъ

*) Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», 1 — 115; Вейдемейеръ, «Дворъ и замѣчательные люди Россіи», 1 — 3.

супругу покойной императрицы, титула императорскаго высочества и проектъ указа показать Разумовскому, но попросить его, чтобъ онъ предварительно показалъ бумаги, удостовѣряющія въ дѣйствительности событія.

„Такое приказаніе,—разсказывалъ впослѣдствіи графъ С. С. Уваровъ (въ Варшавѣ за обѣдомъ у намѣстника, князя Паскевича):—Воронцовъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ, на лицѣ его изображалась готовность высказать свое мнѣніе, но Екатерина, какъ бы не замѣчая того, подтвердила серьезно приказаніе и, поклонившись благосклонно, съ свойственною ей улыбкой благоволенія, вышла, оставя Воронцова въ совершенномъ недоумѣніи. Онъ, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поѣхалъ къ себѣ, написалъ проектъ указа и отправился съ нимъ къ Разумовскому, котораго засталъ сидящимъ въ креслахъ у горящаго камина и читающимъ священное писаніе.

„Послѣ взаимныхъ привѣтствій, между разговоромъ, Воронцовъ объявилъ Разумовскому истинную причину своего пріѣзда; послѣдній потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ, развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

„Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, возвелъ глаза, орошенные слезами, къ образамъ, перекрестился и, возвратясь съ примѣтнымъ волненіемъ души къ камину, у котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, помолчавъ еще нѣсколько, сказалъ:

„Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ былъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслью сближаться съ ея царственнымъ величіемъ. Стократъ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не прейдемъ, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ, доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлитъ милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство! Да останется все прошедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ, что̀ имъ угодно; пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ, но мы не должны быть причиной ихъ толковъ“.

„Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ государынѣ и донесъ ей съ подробностью объ исполненіи порученнаго ему. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую онъ поцѣловалъ съ чувствомъ преданности, и вымолвила съ важностью:

„Мы друга друга понимаемъ: тайнаго брака не существовало, хотя бы то для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія“ *).

V.

Какъ иностранные писатели, такъ и преданія, сохранившіяся въ Россіи, единогласно утверждаютъ, что у Елизаветы отъ брака съ Разумовскимъ были дѣти. Кастера, въ своей „Histoire de Catherine II“, говоритъ, что дѣтей было трое, изъ нихъ младшая—княжна Тараканова, родившаяся въ 1755 году; старшіе же были сыновья, изъ которыхъ одинъ былъ живъ еще въ 1800 году, а другой еще въ молодыхъ лѣтахъ, приготовляясь къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и вмѣстѣ съ своимъ учителемъ былъ удушенъ испареніями какого-то состава, пролившагося изъ разбитой по неосторожности бутылки. Гельбихъ, жившій долго въ Россіи и вообще сообщающій извѣстія, отличающіяся истиной и подтверждаемыя во многомъ архивными дѣлами, въ своей „Russische Günstlinge“ говоритъ, согласно съ русскими преданіями, что дѣтей у Елизаветы Петровны было двое: сынъ, имѣвшій фамилію Закревскаго, и дочь, Елизавета Тараканова **), которую считаетъ дочерью Ивана Ивановича Шувалова, рожденною въ 1753 году. Но этотъ годъ показанъ по соображеніи возраста не настоящей Таракановой, рожденной въ 1745 году, а самозванки, которая въ 1775 году говорила, что ей двадцать три года. Дюкло въ своихъ „Memoires secrets sur la France“ говоритъ, что дѣти Елизаветы воспитывались у одной приближенной къ императрицѣ итальянки Іоанны и были признаваемы за собственныхъ ея дѣтей. Гельбихъ также говоритъ, что Тараканова отвезена итальянкой, своею воспитательницей, въ Италію, еще при жизни Елизаветы, и до кончины ея жила тамъ въ полномъ довольствѣ. Онъ прибавляетъ, что отецъ Таракановой, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (?), удалившійся по воцареніи Екатерины за границу на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, видѣлся съ Таракановой въ Италіи, но не открылся ей. Изъ опубликованныхъ теперь графомъ В. Н. Панинымъ свѣдѣній оказывается, что дѣйствительно Алексѣй Орловъ взводилъ подозрѣніе на Шувалова въ сношеніяхъ не съ настоящею, но съ самозванкой Таракановою (не называя, впрочемъ, прямо его по имени).

---

*) «Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн.», 1863 г., книжка 3, статья: «Разсказъ о бракѣ императрицы Елизаветы Петровны».

**) Въ статьѣ М. Н. Лонгинова: «Княжна Тараканова», помѣщенной въ 24 книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1859 года, сказано, что этотъ Закревскій былъ впослѣдствіи тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ медицинской коллегіи, и что одна изъ его дочерей (Прасковья Андреевна, род. 1763, ум. 1816 г.) была замужемъ за генералъ-аншефомъ графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ (генералъ-губернаторъ кавказскій, умеръ внезапно 29-го марта 1796 года въ Москвѣ, во время посѣщенія его извѣстнымъ дѣльцомъ тайной полиціи Шешковскимъ).

Оказалось однако, что захваченныя нѣжныя письма въ псевдо-Таракановой писаны были хотя и похожимъ на шуваловскій почеркомъ, но не имъ, а сведеннымъ съ ума самозванкой владѣтельнымъ княземъ Лимбургскимъ.

Между истинною Таракановой и самозванкой, надѣлавшею много шума въ Европѣ во время Пугачевскаго бунта, общаго нѣтъ ничего. Вотъ все, что̀ мы знаемъ о дѣйствительно-рожденныхъ Елизаветою Петровною дѣтяхъ отъ брака съ Разумовскимъ.

Ихъ было двое — сынъ и дочь. О сынѣ письменныхъ свидѣтельствъ никакихъ не сохранилось. По крайней мѣрѣ, доселѣ изслѣдователи старинныхъ архивовъ ничего не заявляли о немъ. Извѣстно только по преданію, что онъ жилъ до начала нынѣшняго столѣтія въ одномъ изъ монастырей Переяславля-Залѣсскаго и горько жаловался на свою участь. Это говорилъ покойный графъ Д. Н. Блудовъ, которому хорошо были извѣстны подобныя тайны *).

Дочь Елизаветы Петровны носила имя Августы, какъ свидѣтельствуетъ портретъ ея, находящійся въ настоятельскихъ кельяхъ Московскаго Новоспасскаго монастыря **). По свидѣтельству Г. И. Головиной, которая училась въ Ивановскомъ монастырѣ и черезъ одну монахиню сблизилась съ княжной Таракановой, она звала себя по отечеству Матвѣевной ***). Отчество это, конечно, вымышленное. Почему она получила фамилію Таракановой, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не потому, что отецъ ея, графъ Разумовскій, родился въ слободѣ Таракановкѣ, какъ разсказывалъ покойный графъ Д. Н. Блудовъ °). Такой слободы нѣтъ во всей Черниговской губерніи °°). Гдѣ воспитывалась принцесса Августа и гдѣ она находилась до 1785 года, то-есть до сорокалѣтняго возраста, мы не знаемъ °°°). Въ этомъ году она привезена

*) «Русскій Архивъ» 1865 года, книжка 1, статья М. Н. Лонгинова: «Замѣтка о княжнѣ Таракановой», стр. 94.

**) Копія съ этого портрета (въ монашескомъ одѣяніи) приложена къ одному изъ выпусковъ «Русскихъ достопамятностей», издаваемыхъ А. А. Мартыновымъ (выпускъ 5-й, «Ивановскій монастырь»). Портретъ писанъ на полотнѣ, вышина его 10½, ширина 7½ вершковъ; на задней сторонѣ подпись: «Принцесса Августа Тараканова, во инокѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтѣхъ праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ». Судя по портрету, принцесса Августа имѣла сходство съ Елизаветою Петровною.

***) «Современная Лѣтопись», 1865 года, № 13, статья г. Самгина.

°) «Русскій Архивъ» 1865 г., книжка 1, ст. М. Н. Лонгинова: «Замѣтка о княжнѣ Таракановой», стр. 94.

°°) «Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ, т. XLVIII.

°°°) Въ статьѣ г. Самгина («Современная Лѣтопись», 1865 г., № 13) сказано, что бабушкѣ его, г-жѣ Головиной, инокиня Досиѳея, въ минуту откровенности, взявъ съ нея предварительно клятву, что она до смерти ея никому не разскажетъ, что̀ услышитъ, сказала слѣдующее: «Это было

была, по именному повелѣнію Екатерины II, въ Ивановскій монастырь, который, по указу императрицы Елизаветы Петровны отъ 20-го іюня 1761 года, предназначенъ былъ для призрѣнія *вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей*. Принцесса Августа была здѣсь пострижена и получила монашеское имя Досиѳеи. Во все время двадцатипятилѣтняго пребыванія своего въ этомъ монастырѣ она жила въ одноэтажныхъ каменныхъ кельяхъ, примыкавшихъ къ восточной части монастырской ограды близъ покоевъ игуменьи *). Все ея помѣщеніе, говоритъ г. Снегиревъ **), составляли двѣ уютныя комнаты подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изразчатая печь съ лежанкой; окна были обращены на монастырь. На содержаніе ея отпускалась игуменьѣ изъ казначейства особенная сумма, и Досиѳея, никогда не бывая въ общей трапезѣ, имѣла особый столъ, обильный и изысканный. Иногда на ея имя присылаемы были къ игуменьѣ значительныя суммы отъ неизвѣстныхъ лицъ; эти деньги Досиѳея употребляла преимущественно на украшеніе монастырскихъ церквей, на пособія бѣднымъ и раздавала нищимъ. Кромѣ игуменьи, духовника, причетника и москов-

давно: была одна дѣвица, дочь очень, очень знатныхъ родителей, и воспитывалась она далеко за моремъ, въ теплой сторонѣ, образованіе получила блестящее, жила она въ роскоши и почетѣ, окруженная большимъ штатомъ прислуги. Однимъ разъ у нея были гости и въ числѣ ихъ одинъ русскій генералъ, очень извѣстный въ то время; генералъ этотъ и предложилъ покататься въ шлюпкѣ по взморью; поѣхали съ музыкой, съ пѣснями; а какъ вышли въ море — тамъ стоялъ наготовѣ русскій корабль. Генералъ и говоритъ ей: «Не угодно ли вамъ посмотрѣть на устройство корабля?» Она согласилась, взошла на корабль, — а какъ только взошла, ее ужъ силой отвели въ каюту, заперли и приставили къ ней часовыхъ... Черезъ нѣсколько времени нашлись добрые люди, сжалились надъ несчастною — дали ей свободу и распустили слухъ, что она утонула... Много было труда ей укрываться... Чтобы какъ-нибудь не узнали ея, она испортила лицо свое, натирая его лукомъ до того, что оно распухло и разболѣлось, такъ что не осталось и слѣда отъ ея красоты; одѣта она была въ рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковныхъ папертяхъ; наконецъ пошла она къ одной игуменьѣ, женщинѣ благочестивой, открылась ей, и та изъ состраданія пріютила ее у себя въ монастырѣ, рискуя сама подпасть за это подъ отвѣтственность». Сдѣлавшіяся нынѣ извѣстными свѣдѣнія, извлеченныя изъ архивовъ, совершенно лишаютъ этотъ разсказъ вѣроятія. Ясно, что въ разсказѣ г-жи Головиной разумѣется не княжна Тараканова, а самозванка, называвшая себя принцессой Владимірскою, взятая на Ливорнскомъ рейдѣ графомъ Алексѣемъ Орловымъ и умершая въ Петропавловской крѣпости. Трудно допустить, чтобы Досиѳея разсказывала о себѣ такъ, какъ передано это г. Самгинымъ.

*) Сгорѣвшій во время нашествія Наполеона Ивановскій монастырь былъ послѣ того упраздненъ, церковь обращена въ приходскую, а въ кельяхъ помѣщались чиновники и рабочіе Синодальной типографіи. По ходатайству высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, въ 1859 году государь императоръ разрѣшилъ возстановить Ивановскій монастырь. Нѣкоторыя старыя зданія при этомъ случаѣ были сломаны, въ томъ числѣ и кельи, гдѣ жила Тараканова.

**) «Русскія достопамятности», изд. А. А. Мартыновымъ, V—15.

скаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева *), торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, Досиѳея ни съ кѣмъ не видалась. Г-жа Головина разсказывала, что, по смерти Екатерины II, Досиѳею стали посѣщать нѣкоторыя извѣстныя лица; такъ, напримѣръ, митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ поздравлять ее по большимъ праздникамъ, и даже одно лицо изъ Императорской фамиліи посѣтило ея келью и долго бесѣдовало съ затворницей. Несмотря на то Досиѳея до самой смерти не была спокойна и при всякомъ шорохѣ, при каждомъ стукѣ въ дверь блѣднѣла и тряслась всѣмъ тѣломъ. У нея былъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны и какія-то бумаги, которыя она, послѣ долгаго колебанія, сожгла **). Въ церковь она ходила очень рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ ней монахини. Коридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келій вели прямо въ церковь, устроенную подъ святыми воротами. Тамъ духовникъ съ причетниками совершалъ богослуженіе для нея одной, и въ это время церковныя двери запирались, чтобы не могъ зайти кто-либо изъ постороннихъ и увидѣть таинственную монахиню. Къ окнамъ ея келій, всегда задернутымъ занавѣсками, иногда подходили любопытные, но монастырскій служитель тотчасъ отгонялъ ихъ. Разсказываютъ, будто графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ, никогда не ѣздилъ мимо Ивановскаго монастыря, и если нужно было ѣхать мимо, всегда дѣлалъ крюкъ. Можетъ-быть, онъ и самъ не зналъ о судьбѣ взятой имъ въ Ливорно обманомъ самозванки Таракановой и думалъ, что таинственная заточенница Ивановскаго монастыря и красавица, называвшаяся въ Италіи дочерью императрицы Елизаветы, одно и то же лицо. Все время своего пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ Досиѳея посвящала молитвѣ, чтенію душеспасительныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя отъ работъ деньги раздавала нищимъ черезъ свою келейницу. Послѣдніе годы она провела въ безмолвіи и считалась праведною. Она была средняго роста, худощава и чрезвычайно стройна; несмотря на долговременное заключеніе и старость, она сохраняла на лицѣ остатки рѣдкой красоты. Судя по портрету, она была похожа на Елизавету Петровну. Старый причетникъ, недавно умершій, сказывалъ (по словамъ г. Снегирева), что онъ видалъ какихъ-то важныхъ особъ, допущенныхъ игуменьей къ Досиѳеѣ; съ ними она говорила на иностранномъ языкѣ. Имени ея въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ нѣтъ.

Досиѳея скончалась 64 лѣтъ отъ роду, 4-го февраля 1810 года, какъ сказано въ надписи на надгробномъ ея памятникѣ, или въ 1808 году, какъ сказано на оборотѣ ея портрета. Первое указаніе вѣрнѣе. Когда Досиѳея умерла, на пышныя ея похороны явился въ полномъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ тогдашній главноко-

*) Не родственникъ ли Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, наперсницѣ императрицы Елизаветы Петровны?

**) «Современная Лѣтопись», 1865 г., № 13.

мандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской, которая приходилась двоюродною сестрой усопшей. Сенаторы, члены опекунскаго совѣта и доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ вельможи стараго времени явились на похороны также въ мундирахъ. За болѣзнью престарѣлаго митрополита Платона, отпѣвалъ Досиѳею викарій его, дмитровскій епископъ Августинъ, въ сослуженіи со старшимъ московскимъ духовенствомъ. Стеченіе народа на похоронахъ было необыкновенное. Досиѳею похоронили не въ томъ монастырѣ, гдѣ она жила, и не на общемъ кладбищѣ, а въ монастырѣ Новоспасскомъ, въ усыпальницѣ рода бояръ Романовыхъ, гдѣ въ XVII столѣтіи погребались родственники царственнаго дома. Ея могила находится у восточной ограды, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122. На дикомъ надгробномъ ея камнѣ находится слѣдующая надпись: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ, а скончавшейся 4-го февраля 1810 года. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года. Боже, всели ее въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ!“

Монахиня Досиѳея, какъ разсказываютъ, была кроткаго нрава и безропотно подчинялась своей участи. Говорятъ, что она имѣла свиданіе съ Екатериной и безпрекословно согласилась удалиться отъ свѣта въ таинственное уединеніе, чтобы не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и не быть невинною виновницей государственныхъ потрясеній. Между нею и самозванкой, бывшею орудіемъ враждебныхъ поляковъ и кончившею многомятежную жизнь свою въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, какъ уже сказали мы выше, нѣтъ ничего общаго.

Сказавъ все, что̀ извѣстно доселѣ объ истинной Таракановой, обращаемся къ ловкой авантюристкѣ, называвшейся дочерью императрицы Елизаветы и сдѣлавшейся орудіемъ въ рукахъ знаменитаго князя Карла Радзивила. Доставленныя графомъ В. Н. Панинымъ извѣстія, почерпнутыя изъ государственнаго архива, которыми мы руководствуемся, изображаютъ въ подробности похожденія этой загадочной и во всякомъ случаѣ необыкновенной женщины.

VI.

Когда, по волѣ Екатерины II, Станиславъ Понятовскій вступилъ на древній престолъ Пястовъ, враждебная намъ въ Польшѣ, поддерживаемая Франціей партія, во главѣ которой стоялъ коронный великій гетманъ графъ Браницкій, обратилась съ просьбой о помощи къ Версальскому кабинету. Герцогъ Шуазёль, первый министръ Людовика XV, заботясь о возстановленіи прежняго вліянія Франціи на дѣла сѣверныхъ государствъ, радъ былъ этому обстоятельству и поспѣшилъ имъ воспользоваться.

Образовалась Барская конфедерація, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его Россіи. Франція послала конфедератамъ довольно значительныя денежныя пособія и кромѣ того искусныхъ офицеровъ для распоряженій военными дѣйствіями, а чтобъ отклонить Екатерину II отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Польши, склонила султана Мустафу III объявить Россіи войну. Война началась, но была несчастна для турокъ. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ, истребленіе графомъ Орловымъ турецкаго флота при Чесмѣ, блистательныя дѣйствія князя Рѣпнина, овладѣвшаго Измаиломъ, Киліею и Аккерманомъ, занятіе русскими войсками Молдавіи, Валахіи и Крыма сильно потрясли Порту: подвластные ей славяне, греки и закавказскіе христіане возстали, чтобы, пользуясь удобнымъ случаемъ, свергнуть съ себя турецкое иго; египетскій паша Алибей также поднялъ оружіе противъ султана. Между тѣмъ кровопролитныя междоусобія въ Польшѣ продолжались и совершенно ее обезсилили. Барскіе конфедераты нѣсколько разъ были разбиты русскими, и будущій извѣстный французскій генералъ Дюмурье, присланный на помощь противникамъ Станислава Понятовскаго, нѣсколько разъ разбитый Суворовымъ, ушелъ изъ Польши. Австрія съ безпокойствомъ взирала на торжество русскихъ, особенно на занятіе ими Молдавіи и Валахіи. Опасаясь за нарушеніе европейскаго равновѣсія, она предложила прусскому королю вооруженное посредничество для примиренія Россіи съ Турціей. Фридрихъ II согласился, тѣмъ болѣе, что и самъ неравнодушно смотрѣлъ на успѣхи Екатерины. Императрица была не прочь отъ мира, но потребовала независимости отъ султана крымскихъ татаръ, свободнаго плаванія русскимъ кораблямъ по Черному морю и Архипелагу и присоединенія къ Россіи Молдавіи съ Валахіей. Это встревожило Австрію; она, заключивъ съ султаномъ оборонительный союзъ, собрала многочисленную армію для дѣйствій противъ Россіи; война готова была вспыхнуть, но Фридрихъ II нашелъ средство отклонить ее. Зная, что вѣнскій кабинетъ съ особенною тревогой смотритъ на намѣреніе Екатерины пріобрѣсть Молдавію съ Валахіей, король предложилъ вознаградить Россію частью польскихъ областей, при чемъ какъ Австріи, такъ и самому миротворцу отмежевать изъ наслѣдія Ягеллоновъ приличныя части. Австрія согласилась, и лѣтомъ 1772 года послѣдовалъ *первый раздѣлъ Польши*. Въ то же время открылись мирные переговоры Россіи съ Турціей въ Фокшанахъ.

Магнаты и шляхта, составлявшіе единственную причину всѣхъ злоключеній Польскаго государства, были поражены этою вѣстью. Не наученные опытомъ, вздумали они продолжать борьбу съ Екатериной II, которую считали единственною виновницей ослабленія ихъ отечества. Со множествомъ подручной шляхты, нѣкоторые изъ магнатовъ отправились въ Западную Европу возбуждать противъ Россіи тамошнія правительства. Но въ одной только Франціи они имѣли нѣкоторый успѣхъ: польская эмиграція свила въ Парижѣ теплое для себя гнѣздо, суще-

ствующее, какъ извѣстно, и въ настоящую пору. Графъ Михаилъ Огинскій, напольный гетманъ литовскій, посланный Станиславомъ Понятовскимъ въ качествѣ посланника къ Людовику XV, съ протестомъ противъ намѣренія трехъ сосѣднихъ державъ отнять у Польши значительныя области,—жилъ въ Парижѣ, напрасно вымаливалъ у Шуазёля дѣятельной помощи противъ Екатерины и просилъ о поддержкѣ султана. Какъ офиціальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть въ близкихъ и прямыхъ сношеніяхъ съ противниками своего государя — конфедератами, но въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними онъ находился, ради одной цѣли—вреда Россіи. Во главѣ эмигрантовъ былъ князь Радзивилъ, жившій преимущественно въ прирейнскомъ краѣ и пріѣзжавшій иногда въ Парижъ. Съ нимъ-то посолъ Станислава Понятовскаго находился въ тайныхъ сношеніяхъ.

Между тѣмъ на востокѣ Россіи въ 1771 году возникъ такъ-называемый „Яикскій бунтъ". Яикскіе (нынѣ уральскіе) казаки, недовольные нововведеніями въ ихъ внутреннемъ управленіи, возстали открыто, но были усмирены вооруженною силой. Возмущеніе было подавлено, но недовольство казаковъ еще болѣе усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутреннихъ замѣшательствъ, которыя могли грозить серьезною опасностью государству. Замѣшательства не замедлили обнаружиться: лѣтомъ 1773 года явился Пугачевъ.

Пугачевскій бунтъ — явленіе доселѣ еще не разъясненное вполнѣ и со всѣхъ сторонъ. Дѣло о пугачевскомъ бунтѣ, которое не показали Пушкину, до сихъ поръ запечатано, и никто еще изъ изслѣдователей русской исторіи вполнѣ имъ не воспользовался *). Пугачевскій бунтъ былъ не просто мужицкій бунтъ, и руководителями его были не донской казакъ Зимовейской станицы и его пьяные и кровожадные сообщники. Мы не знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ принимали участія поляки, но не можемъ и отрицать, чтобъ они были совершенно непричастны этому дѣлу. Въ шайкахъ Пугачева было нѣсколько людей, подвизавшихся до того въ Барской конфедераціи.

Враждебники Россіи и Екатерины, кто бы они ни были, устроивъ дѣла самозванца на востокѣ Россіи, не замедлили поставить и самозванку, которая, по ихъ замысламъ, должна была одновременно съ Пугачевымъ явиться среди русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, и возмутить ихъ противъ императрицы Екатерины. Это дѣло — безспорно польское дѣло. Князю Радзивилу, или, вѣрнѣе сказать, его приближеннымъ, ибо у самого „пане коханку" едва ли бы достало на то смысла, пришла затѣйная мысль: изъ Западной Европы выпустить на Екатерину еще самозваннаго претендента на русскій престолъ. Но подъ чьимъ же именемъ выпустить на свѣтъ претендента? Подъ именемъ Петра III уже

*) Нѣкоторыя части дѣла о Пугачевѣ, по ходатайству графа Перовскаго, были открыты покойному Надеждину.

явился Пугачевъ, и, кромѣ него, въ восточной части Россіи уже прежде того являлось нѣсколько Петровъ. Императора Ивана Антоновича, незадолго передъ тѣмъ убитаго въ Шлиссельбургѣ, выставить было нельзя, ибо всѣмъ было извѣстно, что этотъ несчастный государь, въ одиночномъ съ самаго младенчества заключеніи, сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности; притомъ же исторія покушенія Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всѣмъ извѣстна. Оставались дѣти Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но объ ихъ существованіи знали, хотя и не знали, гдѣ они находятся. Таинственность, которою были окружены Таракановы, неизвѣстность объ ихъ участи и мѣстопребываніи немало способствовали успѣху задумавшихъ выставить на политическую арену новаго претендента на престолъ, занимаемый Екатериной.

По извѣстію, сообщаемому Кастерой *), князь Карлъ Радзивилъ, палатинъ виленскій, еще въ 1767 году взялъ на свое попеченіе дочь Елизаветы Петровны, то-есть отыскалъ гдѣ-то дѣвочку, способную разыграть роль самозванки. Въ самомъ началѣ Барской конфедераціи Радзивилъ удалился за границу. Трудно опредѣлить, кто именно была эта дѣвочка. Одни считали ее дочерью султана, другіе приписывали ей знатное польское происхожденіе, третьи полагали, что родители ея неизвѣстны, но что она должна была въ Петербургѣ выйти замужъ за внука принца Георга Голштинскаго. Впослѣдствіи, когда она была уже привезена въ Петропавловскую крѣпость и фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ производилось о ней слѣдствіе, англійскій посланникъ сказывалъ въ Москвѣ Екатеринѣ, что она родомъ изъ Праги, дочь тамошняго трактирщика, а консулъ англійскій въ Ливорно, сэръ Дикъ, помогшій графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, увѣрялъ, что она дочь нюренбергскаго булочника. Трудно теперь рѣшить, которое изъ этихъ указаній болѣе справедливо, и согласно ли которое-нибудь изъ нихъ съ истиной, но, принимая въ соображеніе замѣчательное образованіе загадочной женщины, ея ловкость въ политической интригѣ, ея короткое знакомство съ дипломатическими тайнами кабинетовъ, ея умѣнье держать себя не только въ средѣ лицъ высокопоставленныхъ, но даже въ кругу владѣтельныхъ нѣмецкихъ государей, трудно повѣрить, чтобъ она воспитывалась въ трактирѣ или булочной. Нельзя не согласиться съ составителемъ „Записки“, напечатанной въ „Чтеніяхъ“, который говоритъ: „едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны“. Но, кто бы ни была эта загадочная женщина, нѣтъ сомнѣнія, что она была созданіемъ польской партіи, враждебной королю Понятовскому, а тѣмъ болѣе еще императрицѣ Екатеринѣ.

Поляки — большіе мастера подготовлять самозванцевъ; при этомъ

*) «Histoire de Catherine II», томъ II, стр. 80.

они умѣютъ такъ искусно хоронить концы, что ни современники ни потомство не въ состояніи сказать рѣшительное слово объ ихъ происхожденіи. Болѣе двухъ съ половиной вѣковъ тому назадъ впустили они въ Россію Лжедмитрія и даже не одного, но до сихъ поръ никто изъ историковъ не можетъ съ положительною увѣренностью сказать, кто такой былъ самозванецъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Гришки Отрепьева, и кто былъ преемникъ его, воръ Тушинскій. То же самое и въ дѣлѣ самозванки, дочери Елизаветы Петровны. Но какъ несомнѣнно участіе отцовъ-іезуитовъ въ подготовкѣ Лжедмитрія, такъ вѣроятно и участіе ихъ въ подготовкѣ самозванки, подставленной княземъ Радзивиломъ. Самому Карлу Радзивилу, безъ пособія столь искусныхъ пособниковъ, едва ли бы удалось выдумать *принцессу Владимірскую*. Этотъ человѣкъ, обладавшій несмѣтными богатствами, отличавшійся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идолъ кормившейся вокругъ него шляхты, былъ очень недалекъ. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, болѣе на то искусные. Онъ сыпалъ только деньгами, пока они у него были, и разыгрывалъ въ Венеціи передъ публикой комедіи, обращаясь съ подставною принцессой, какъ съ дѣйствительною дочерью императрицы всероссійской.

Кто бы ни была дѣвушка, выпущенная Радзивиломъ на политическую сцену подъ именемъ дочери Елизаветы Петровны, но, разсматривая всѣ ея дѣйствія, читая переписку ея и показанія, данныя фельдмаршалу князю Голицыну въ Петропавловской крѣпости, нельзя не придти къ заключенію, что не сама она вздумала сдѣлаться самозванкой, что она была вовлечена въ обманъ и сама вѣрила въ загадочное свое происхожденіе. Поляки такъ искусно сумѣли опутать молоденькую дѣвочку сѣтью лжи и обмана, что впослѣдствіи она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, кто она такая. На краю могилы, желая примириться съ совѣстью, призвавъ духовника, она сказала ему, что о мѣстѣ своего рожденія и о родителяхъ она ничего не знаетъ.

„Я помню только, — говорила она въ послѣднемъ своемъ предсмертномъ показаніи князю Голицыну: — что старая нянька моя, Катерина, увѣряла меня, что о происхожденіи моемъ знаютъ учитель ариѳметики Шмидтъ и маршалъ лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде находился въ русской службѣ и воевалъ противъ турокъ. Этого Кейта я видѣла только однажды, мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня въ дѣтствѣ возили на короткое время изъ Киля. Отъ него я получила тогда и паспортъ на обратный путь. Я помню, что Кейтъ держалъ у себя турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова или съ Кавказа. Эта турчанка воспитывала нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще въ то время, когда, по смерти Кейта, я видѣла ее проѣздомъ черезъ Берлинъ. Хотя я навѣрное знаю, что я не изъ числа этихъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что я роди-

лась въ Черкесіи“. Кромѣ того, она объяснила, что еще въ дѣтствѣ жила въ Килѣ, что изъ тамошнихъ жителей помнитъ какого-то барона фонъ-Штерна и его жену, данцигскаго купца Шумана, платившаго въ Килѣ за ея содержаніе, и наконецъ учившаго ее ариѳметикѣ Шмидта. „Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители, — говорила она передъ смертью князю Голицыну: — да и сама я мало заботилась о томъ, чтобъ узнать, чья я дочь, потому что не ожидала отъ того никакой себѣ пользы“.

Изъ бумагъ, находившихся при ней въ Ливорно и взятыхъ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, видно, что послѣ Киля жила она въ Берлинѣ, потомъ въ Гентѣ и наконецъ въ Лондонѣ; что сначала она извѣстна была подъ именемъ дѣвицы Франкъ, потомъ дѣвицы Шель, потомъ г-жи Тремуйль.

Получивъ, какъ видно, хорошее воспитаніе, она знала языки французскій и нѣмецкій, говорила нѣсколько по-итальянски и по-англійски; по-русски и по-польски не знала. Обладая рѣдкою красотой *), она была умна, всегда весела, любезна, кокетлива и владѣла необыкновенною способностью сводить съ ума каждаго мужчину и дѣлать его покорнымъ своимъ поклонникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ ея похожденій по Европѣ, одни, очарованные красотой ея, входятъ изъ угожденія красавицѣ въ неоплатные долги и попадаютъ за то въ тюрьму, другіе, принадлежа къ хорошимъ фамиліямъ, поступаютъ къ ней въ услуженіе, сорокалѣтній князь Римской имперіи хочетъ на ней жениться, вопреки всѣмъ политическимъ расчетамъ, и хотя узнаётъ объ ея невѣрности, однакоже намѣревается бросить свои германскія владѣнія и бѣжать съ прекрасною очаровательницей въ Персію. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствія и не отличалась строгостью нравовъ. Увлекая въ свои сѣти и молодыхъ и пожилыхъ людей, красавица не отвѣчала имъ суровостью; она даже имѣла въ одно время по нѣскольку любовниковъ, которыхъ, повидимому, не очень печалила вѣтренность ихъ подруги.

VII.

Что дѣлала дѣвица Франкъ въ Берлинѣ — неизвѣстно, извѣстно только, что здѣсь случилась съ ней какая-то непріятная, скандальная исторія, заставившая ее уѣхать въ Гентъ и даже перемѣнить имя. Въ Гентѣ жила она подъ именемъ дѣвицы Шель и познакомилась съ сыномъ голландскаго купца Вантурсомъ (van Toers). Вантурсъ влюбился въ нее, и дѣвица Шель отвѣчала ему взаимностью. На роскошную жизнь ея недоставало денегъ, получаемыхъ ею изъ таинственнаго источника, отъ имени какого-то персидскаго дяди (по всей вѣроятности. это были польскія деньги и шли изъ шкатулки князя Радзивила). Влюбившійся

*) Она косила на одинъ глазъ, но этотъ недостатокъ не уменьшалъ ея замѣчательной красоты.

Вантурсъ, пользуясь кредитомъ во многихъ торговыхъ домахъ Гента, набралъ значительныя суммы, а прекрасная подруга его безрасчетно ихъ истратила. Дѣло кончилось тѣмъ, что кредиторы подали векселя на Вантурса ко взысканію, и ему стали грозить банкротство и тюрьма. Бросивъ жену и кредиторовъ, Вантурсъ бѣжалъ съ своею возлюбленной въ Лондонъ. Здѣсь она явилась подъ именемъ г-жи Тремуйль. Это было въ 1771 году. Въ Лондонѣ г-жа Тремуйль жила, по обыкновенію, роскошно, а Вантурсъ долженъ былъ искать новыхъ кредиторовъ, дѣлать новые долги для удовлетворенія безграничныхъ прихотей своей очаровательницы. Пока еще не узнали объ его гентскихъ долгахъ и о побѣгѣ отъ кредиторовъ, лондонскіе капиталисты снабжали его деньгами. Но когда до лондонскаго торговаго круга дошли слухи о поступкѣ Вантурса, ему перестали вѣрить и хотѣли начать противъ него преслѣдованіе. Узнавъ объ этомъ, Вантурсъ немедленно оставилъ Лондонъ и весною 1772 года бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ явился подъ вымышленнымъ именемъ барона Эмбса. Положеніе оставленной имъ подруги было крайне непріятно, но она скоро нашла случай утѣшиться. Влюбился въ нее нѣкто, называвшійся барономъ Шенкомъ. Она сблизилась съ нимъ и еще цѣлые три мѣсяца послѣ побѣга Вантурса прожила въ Лондонѣ съ прежнею роскошью на деньги, добываемыя новымъ любовникомъ. Черезъ три мѣсяца и Шенку стали грозить кредиторы, но онъ заблаговременно успѣлъ съ своею подругой уѣхать въ Парижъ.

Въ Парижѣ въ это время, какъ мы уже сказали, жилъ посланникъ польскаго короля, графъ Михаилъ Огинскій, хлопотавшій вокругъ короля Людовика XV о дѣятельной помощи Франціи въ пользу Барскихъ конфедератовъ и о подкрѣпленіи султана, доведеннаго побѣдами екатерининскихъ полководцевъ до крайности. Тогда же на нѣкоторое время пріѣзжалъ въ столицу Франціи и князь Радзивилъ. Въ то самое время, какъ Огинскій получилъ извѣстіе, что въ Петербургѣ раздѣлъ Польши рѣшенъ, а въ Фокшаны посланъ графъ Григорій Орловъ для веденія съ турками мирныхъ переговоровъ, въ Парижѣ явилась г-жа Тремуйль, сопровождаемая барономъ Шенкомъ. Къ ней присоединился и Вантурсъ, или, какъ теперь называли его, баронъ Эмбсъ. По пріѣздѣ въ Парижъ г-жа Тремуйль имѣла свиданіе съ Огинскимъ. Что̀ они говорили между собой, не знаемъ, но извѣстно, что женщина, жившая въ разныхъ городахъ Европы подъ разными именами и выдававшая себя то за нѣмку, то за француженку, теперь, въ Парижѣ, стала выдавать себя за русскую и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ *принцессы Владимірской* (princesse de Volodimir). Но за дочь императрицы Елизаветы Петровны она въ это время себя еще не выдавала. Звали ее обыкновенно Алиною или Али-Эмете и признавали за единственную отрасль знаменитаго происхожденіемъ и богатствами какого-то русскаго рода князей Владимірскихъ. Лишившись въ младенчествѣ родителей, которыхъ никогда не знала, она будто бы была воспитана своимъ дядей въ Персіи и, до-

стигнувъ совершеннолѣтія, пріѣхала въ Европу отыскивать свое наслѣдство, находящееся въ Россіи. Ея персидскій дядя обладаетъ несмѣтными сокровищами, и эти сокровища къ ней же должны перейти по наслѣдству. Такъ разсказывала про себя принцесса въ Парижѣ. Нелѣпость этой сказки, имѣющей слѣды польскаго происхожденія, была бы очевидна для всякаго русскаго, знающаго, что никакихъ князей Владимірскихъ съ XIV столѣтія не бывало, но во Франціи, гдѣ объ Россіи, ея исторіи и внутренней жизни знали не больше, какъ и о какомъ-нибудь персидскомъ или другомъ азіатскомъ государствѣ, слухи о Владимірской принцессѣ не могли казаться нелѣпыми, особенно если ихъ поддерживали, если не самъ польскій посланникъ, графъ Михаилъ Огинскій, то такія польскія знаменитости, какъ, напримѣръ, княгиня Сангушко. Кому же, по мнѣнію парижскаго общества, какъ не ближайшимъ сосѣдямъ Россіи, полякамъ, лучше и знать о тамошнихъ обстоятельствахъ?

VIII.

Беззаботно и весело, утопая въ блескѣ и роскоши, Али-Эмете провела въ Парижѣ зиму 1772 года. Присылались ли къ ней въ это время мнимо-персидскія деньги, не знаемъ, но, въ надеждѣ на азіатскія ея сокровища, парижскіе капиталисты ввѣрили ей значительныя суммы. Самыми ближними къ ней людьми были въ это время бароны Шенкъ и Эмбсъ; черезъ нихъ-то она и доставала деньги; они занимали ихъ или на свое имя, или за своимъ поручительствомъ. Эти бароны познакомились съ богатымъ купцомъ Понсе и еще съ какимъ-то Макке, которые и доставляли имъ деньги на житье въ Парижѣ принцессы Владимірской. Она жила открыто, пользовалась всѣми удовольствіями Парижа, свела знакомства съ разными лицами тамошняго высшаго общества и заставила о себѣ говорить, чего, какъ извѣстно, не легко достигнуть въ столицѣ роскоши и моды. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ принцессы Алины былъ нѣкто маркизъ де-Маринъ, типъ стараго развратника, столь обыкновенный при дворѣ Людовика XV. Онъ до того былъ очарованъ прелестями и быстрымъ, увлекательнымъ умомъ Алины, что пожертвовалъ для нея и своими связями, и состояніемъ, и положеніемъ при Версальскомъ дворѣ и въ обществѣ. Онъ сдѣлался такимъ покорнымъ рабомъ ея, что, не задумавшись, покинулъ Францію, чтобы въ ничтожномъ нѣмецкомъ городишкѣ исправлять должность ея интенданта. Трудно повѣрить, чтобы де-Маринъ не искренно вѣрилъ въ дѣйствительность происхожденія этой женщины отъ Владимірскихъ государей и въ существованіе персидскихъ ея богатствъ, иначе врядъ ли онъ дошелъ бы до такого униженія. Правда, Алина отвѣчала на любовь стараго селадона, но ему ли, имѣвшему столь много успѣховъ у дамъ высшаго французскаго общества, можно было жертвовать всѣмъ своимъ положеніемъ ради прелести какой-то искательницы приключеній, если-бъ онъ зналъ, что она происходитъ не изъ московитскаго рода Владимірскихъ князей, а

изъ пражскаго трактира или нюренбергской булочной? И не одинъ де-Маринъ былъ въ такомъ положенiи. Принадлежавшiй къ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилiй Францiи, графъ Рошфоръ-де-Валькуръ, гофмаршалъ владѣтельнаго князя Лимбурга (изъ фамилiи Линанжъ), находившiйся тогда въ Парижѣ по дѣламъ своего государя, познакомившись съ Алиной, до того прельстился ею, что просилъ руки ея. Алина приняла предложенiе графа; бракъ былъ назначенъ въ Германiи тотчасъ по полученiи женихомъ согласiя отъ своего государя, но, чтобы не томить жениха долгимъ ожиданiемъ, прекрасная принцесса вступила съ нимъ въ супружескiя отношенiя. Наконецъ самъ графъ Михаилъ Огинскiй не могъ устоять предъ красотою очаровательной принцессы, она и его запутала въ свои сѣти *). Такимъ образомъ, въ веселомъ обществѣ пяти любовниковъ, и въ томъ числѣ одного жениха, Алина Владимiрская проводила дни свои въ Парижѣ. Мотовству ея не было границъ, а персидскiй дядя денегъ не присылалъ. Въ началѣ 1773 года средства красавицы истощились. Вантурсъ, или баронъ Эмбсъ, попалъ въ тюрьму за долги, барону Шенку грозила такая же участь отъ кредиторовъ. Алина попросила взаймы у Огинскаго, но офицiальное положенiе его, какъ польскаго посланника при французскомъ королѣ, не дозволило ему исполнить желанiе обворожившей его женщины. Онъ, подъ разными предлогами, отказалъ ей. Ничего больше не оставалось Алинѣ, какъ еще разъ, въ четвертый разъ, бѣжать отъ заимодавцевъ.

Де-Маринъ поручился за мнимаго барона Эмбса, и Вантурсъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Вмѣстѣ съ нимъ, съ де-Мариномъ и съ барономъ Шенкомъ, принцесса переѣхала въ одну изъ деревень въ окрестностяхъ Парижа. Странный переѣздъ на дачу еще до наступленiя весны, кажется, не обратилъ на себя ничьего особеннаго вниманiя, но парижскiе кредиторы немало были изумлены, когда узнали, что прекрасная Алина съ своими друзьями внезапно скрылась изъ окрестностей Парижа и очутилась во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Неожиданный отъѣздъ ея поразилъ и Огинскаго, хотя она и увѣряла его, что важныя дѣла требуютъ немедленнаго отъѣзда ея въ Германiю **).

---

*) Въ маѣ 1774 года, когда графъ Огинскiй уже разстался съ своею очаровательницей, онъ писалъ къ ней письмо, изъ котораго можно заключать о свойствѣ ихъ отношенiй въ Парижѣ. «Quoiqu'à peine je puis me remuer encore, j'aurais pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du roi (французскаго), *il m'aurait été bien doux de vous embrasser*. Combien de fois ne se dit-on pas par jour, qu'on ne fait jamais ce que l'on désire avec le plus grand empressement; il suffit de desirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas». Многочисленныя записки Огинскаго къ самозванкѣ, говоритъ составитель «Записки», напечатанной въ «Чтенiяхъ», исполнены любезности и живого участiя и даже не лишены нѣкотораго довѣрiя къ ея разсказамъ о баснословномъ богатствѣ персидскаго дяди.

**) На прощаньи Алина выпросила у литовскаго напольнаго гетмана, имѣвшаго право производить въ офицерскiе чины служившихъ въ литов-

Франкфуртъ встрѣтилъ принцессу Владимірскую не совсѣмъ гостепріимно. Парижскіе кредиторы не дремали. Какъ скоро Алина съ друзьями своими поселилась въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, заимодавецъ Макке явился тамъ же. Онъ представилъ франкфуртскому магистрату долговыя обязательства барона Эмбса, и Вантурсъ опять попалъ въ тюрьму, при чемъ даже было употреблено насиліе. Вслѣдъ затѣмъ, по жалобѣ другого кредитора, Понсе, франкфуртскій магистратъ хотѣлъ арестовать и де-Марина. Хозяинъ гостиницы, въ которой остановилась принцесса съ своими спутниками, во избѣжаніе дальнѣйшихъ скандаловъ, выгналъ изъ дому пріѣзжихъ. Алина требовала отъ магистрата удовлетворенія, грозила вмѣшательствомъ въ это дѣло Россіи и показывала черновыя письма свои къ русскимъ посланникамъ при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ. Но магистратъ не испугался. Вантурсъ остался въ тюрьмѣ, и положеніе принцессы Владимірской сдѣлалось крайне затруднительнымъ; на счастье ея, во Франкфуртъ пріѣхалъ въ это время владѣтельный князь Лимбургскій въ сопровожденіи жениха ея, графа Рошфоръ-де-Валькура.

Филиппъ-Фердинандъ, владѣтельный графъ Лимбургскій, Стирумскій, Оберштейнскій и пр., князь Священной Римской имперіи, претендентъ на герцогство Шлезвигъ-Голштейнское, незадолго передъ тѣмъ наслѣдовалъ престолъ по смерти старшаго брата. Онъ былъ уже пожилой холостякъ — 42 лѣтъ отъ роду. Человѣкъ былъ образованный, какъ и подобало имперскому князю, но до крайности слабодушный. Былъ страстный поклонникъ женской красоты и легко отдавался подъ безграничное вліяніе любимой особы. Жилъ князь Лимбургъ, какъ и всѣ мелкіе имперскіе князья того времени: имѣлъ свой дворъ съ гофмаршаломъ, гофмейстеромъ, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, имѣлъ свое миніатюрное войско, держалъ своихъ повѣренныхъ при вѣнскомъ и версальскомъ дворахъ съ громкимъ названіемъ „посланниковъ“, имѣлъ свои ордена, которые раздавалъ щедро, ибо пошлины за пожалованье ими составляли не послѣднюю статью въ бюджетѣ его доходовъ, билъ свою монету, словомъ, пользовался всѣми правами и преимуществами коронованныхъ особъ. Въ описываемое время князь Лимбургъ велъ тяжбу съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II за нарушеніе послѣднимъ какихъ-то державныхъ правъ его, велъ переговоры съ курфирстомъ Трирскимъ о выкупѣ правъ на Оберштейнское графство, находившееся у нихъ въ совмѣстномъ владѣніи, и объявилъ себя соперникомъ великаго князя Павла Петровича, оспаривая наслѣдственныя права его на Голштейнъ. Хотя эти владѣнія и не принадлежали князю Лим-

---

скомъ войскѣ, бланковый патентъ на капитанскій чинъ, не говоря, кому она его предназначаетъ. Алина вписала въ патентъ имя барона Эмбса, и съ этого времени Вантурсъ, гентскій бѣглецъ, не имѣвшій дотолѣ паспорта и никакого удостовѣренія въ подлинности принятаго имъ на себя званія, сдѣлался литовскимъ капитаномъ, барономъ Эмбсомъ.

бургу, тѣмъ не менѣе онъ титуловался герцогомъ Шлезвигъ-Голштейнскимъ или княземъ Голштейнъ-Лимбургъ.

Съ своимъ гофмаршаломъ, графомъ Рошфоръ-де-Валькуромъ, прибылъ этотъ имперскій князь во Франкфуртъ, гдѣ у него велась тяжба съ курфирстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ II. Графъ Рошфоръ, узнавъ, что невѣста его во Франкфуртѣ, немедленно отыскалъ ее и напомнилъ о данномъ словѣ. Прекрасная Алина обрадовалась жениху, явившемуся какъ нельзя болѣе кстати, и рѣшилась отдать ему руку хоть сейчасъ же. Счастливый графъ просилъ у своего государя дозволенія вступить въ бракъ съ принцессой Владимірской и помѣстить ее въ одномъ изъ замковъ князя, чтобъ укрыть отъ преслѣдованія заимодавцевъ, не дававшихъ ей покоя. При этомъ графъ Рошфоръ разсказалъ о странной судьбѣ своей невѣсты, объ ея персидскомъ дядѣ и о громадныхъ сокровищахъ, принадлежащихъ ей въ Азіи. Все это чрезвычайно заинтересовало князя Лимбурга, и онъ не только разрѣшилъ своему гофмаршалу жениться на ней, но даже просилъ представить его принцессѣ. Съ восторгомъ приняла Алина желаніе имперскаго князя и съ перваго же свиданія до того успѣла обворожить его красотой, умомъ и кокетливою любезностью, что Лимбургъ тутъ же предложилъ устроить денежныя дѣла ея во Франкфуртѣ. Несмотря на предостереженія банкира Алленца, не совѣтовавшаго князю бросать деньги на вѣтеръ, онъ немедленно снабдилъ прекрасную принцессу значительною суммой денегъ на уплату франкфуртскихъ долговъ и предложилъ скорѣй переселиться въ его владѣнія, гдѣ она будетъ совершенно безопасна отъ всевозможныхъ непріятностей и проживетъ въ довольствѣ и роскоши столько времени, сколько ей самой будетъ угодно. Алина не заставила долго просить себя и тотчасъ же приняла любезное предложеніе по уши влюбившагося въ нее князя Лимбурга. Угодливостямъ его не было конца: тотчасъ же написалъ онъ посланнику своему въ Парижѣ, де-Буру, чтобы тотъ уладилъ какъ-нибудь дѣла принцессы съ кредиторами. Де-Буръ уговорилъ Понсе на отсрочку уплаты денегъ, а другому кредитору, Макке, князь пожаловалъ орденъ, за что тотъ и согласился на отсрочку. Алина совершенно завлекла въ свои сѣти простодушнаго князя Лимбургскаго. Во Франкфуртѣ онъ сдѣлался ежедневнымъ ея гостемъ, выѣзжалъ только съ нею и былъ почти отъ нея неотлученъ. Графу Рошфору, конечно, не нравилось, что его повелитель отбиваетъ у него невѣсту, онъ сталъ немножко ревновать, но Алина перемѣнила свое обхожденіе съ нимъ, сдѣлалась холодна, показывала жениху видимое равнодушіе и въ началѣ іюня 1773 года уѣхала съ княземъ Филиппомъ въ принадлежавшій ему замокъ Нейсесъ, находившійся во Франконіи. Дорогой она отдалась ему. Графъ Рошфоръ-де-Валькуръ не хотѣлъ, кажется, уступать своихъ правъ на очаровательную принцессу, но, спустя нѣсколько дней по прибытіи любящейся четы въ Нейсесъ, былъ заключенъ своимъ соперникомъ въ тюрьму, какъ государственный преступникъ, и содер-

жался въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока Алина не оставила и князя Лимбурга и Германію.

IX.

Въ Нейсесѣ Алина начала прежнюю роскошную и блестящую жизнь, которую, къ крайней досадѣ, принуждена была оставить во Франкфуртѣ. Всѣ доходы влюбленнаго князя были къ ея услугамъ. Здѣсь она стала называться султаншей — la sultane Aline, а также Элеонорой. Это обстоятельство послужило, вѣроятно, поводомъ къ возникшимъ впослѣдствіи толкамъ о томъ, будто бы она дочь турецкаго султана. Звали ее также „принцессой Азовской". Въ это время она учредила даже свой орденъ азіатскаго креста, можетъ-быть, съ цѣлью также имѣть посредствомъ раздачи его новую статью дохода, какъ и пламенный ея обожатель *). Алина въ Нейсесѣ устроила и свой дворъ. Одного изъ бывшихъ своихъ любовниковъ, де-Марина, назначила интендантомъ этого двора, выжидая перваго благопріятнаго случая, чтобы совсѣмъ удалить его изъ владѣній новаго своего обожателя. Другого покинутаго друга, барона Шенка, Алина назначила своимъ повѣреннымъ во Франкфуртѣ, а Вантурса не позаботилась выручить изъ франкфуртской тюрьмы. Отдаливъ такимъ образомъ отъ себя прежнихъ фаворитовъ, принцесса или султанша поставила себя въ такое положеніе, что обвороженному ея прелестями князю Лимбургу, на первое, по крайней мѣрѣ, время, вовсе были неизвѣстны похожденія ея въ Гентѣ, Лондонѣ и Парижѣ, и ничто не могло навести его на мысль, что обворожительная султанша, несмотря на свою молодость, уже нѣсколько разъ переходила изъ объятій одного обожателя въ объятія другого.

Въ Нейсесѣ влюбленный князь съ очаровательною султаншей прожили около мѣсяца, предаваясь удовольствіямъ взаимной пламенной любви. Время летѣло незамѣтно для уединившихся беззаботныхъ любовниковъ. Шутя называли они себя Телемахомъ и нимфою Калипсо, хотя имя юнаго сына Улиссова и не совсѣмъ шло сорокадвухлѣтнему князю Лимбургу. Недоставало въ Нейсесѣ Ментора, но и онъ не замедлилъ явиться, если не въ лицѣ богини Минервы, то въ лицѣ барона фонъ-Горнштейна, служившаго конференцъ-министромъ у Трирскаго курфирста. Горнштейнъ пріѣхалъ въ Нейсесъ по приглашенію князя, находившагося съ нимъ въ самыхъ короткихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Алина была такъ прелестна, такъ привлекательна, что не было

---

*) Въ 1858 году, по случаю извѣстнаго дѣла о торговлѣ орденами, въ Парижѣ были между прочимъ конфискованы дипломы на орденъ азіатскаго креста. Онъ назывался «La croix de l'ordre Asiatique, fondé par la Sultane Aline». Тогда же были конфискованы дипломы и на ордена князя Лимбургскаго: орденъ Голштейнъ-Лимбургскаго Льва и соединенные ордена четырехъ императоровъ и древняго дворянства. «Indépendance belge», 1858, octobre 9.

мужчины, который бы, узнавъ ее, не влюбился и не сдѣлался ея поклонникомъ. Фонъ-Горнштейнъ не избѣгъ этой участи. Съ перваго же свиданія съ Алиной онъ былъ совершенно очарованъ ею и, кажется, хотѣлъ сдѣлаться соперникомъ своего друга, по крайней мѣрѣ сталъ дѣлать ей подарки, присылать ноты, но Алина, имѣя уже особые виды на ослѣпленнаго ею князя Лимбурга, была съ Горнштейномъ любезна, кокетничала съ нимъ, но не допускала его до болѣе интимныхъ отношеній. По обязанностямъ службы, Горнштейнъ не могъ долго оставаться въ Нейсесѣ, и влюбленный Менторъ съ тревогой въ душѣ принужденъ былъ покинуть очаровательную Калипсо; но потомъ нерѣдко оставлялъ резиденцію курфирста, Кобленцъ, чтобы хоть нѣсколько часовъ провести въ обществѣ очаровательницы.

Горнштейнъ былъ увѣренъ въ дѣйствительности персидскихъ сокровищъ Алины. Да и какъ было не повѣрить, когда она въ самомъ дѣлѣ получала откуда-то деньги, шедшія, по всей вѣроятности, отъ Радзивила, жившаго въ то время въ Страсбургѣ и, конечно, наблюдавшаго за дѣйствіями Алины, выжидая время, когда нужно будетъ выпустить ее на политическую сцену. Получая деньги отъ мнимаго персидскаго дяди, Алина имѣла большой кредитъ, и, живя въ Нейсесѣ, достала значительную сумму, которую предложила своему гостепріимному хозяину на пріобрѣтеніе у трирскаго курфирста правъ на графство Оберштейнъ и на выкупъ заложеннаго графства Стирумъ. Выкупъ курфирстскихъ правъ на Оберштейнъ на счетъ Алины казался дѣломъ весьма выгоднымъ какъ для князя Лимбургскаго, такъ и для самого курфирста, и Горнштейнъ горячо принялся за это дѣло, а Алина дѣятельно слѣдила за нимъ, разсчитывая, что влюбленный князь, выкупивъ Оберштейнъ, подаритъ это владѣніе ей, что̀ и случилось впослѣдствіи. Для увеличенія денежныхъ средствъ, ибо денегъ, занятыхъ Алиною, было недостаточно на выкупъ оберштейнскихъ правъ и Стирума, и для продолженія роскошной жизни милой принцессы, мотовство которой не имѣло границъ, князь Лимбургъ вздумалъ, быть-можетъ, по ея же внушенію, продать принадлежавшіе ему лены въ Лотарингіи французской коронѣ. Де-Буръ велъ объ этомъ переговоры въ Парижѣ, а для помощи ему Алина послала туда же своего интенданта де-Марина и такимъ образомъ отдѣлалась отъ присутствія и послѣдняго, остававшагося еще у ней на глазахъ, прежняго обожателя.

По дѣлу о выкупѣ правъ на Оберштейнъ князь сталъ нерѣдко ѣздить въ Кобленцъ для переговоровъ съ курфирстомъ. Эти отлучки изъ Нейсеса не очень нравились Алинѣ; она боялась, что очарованный князь охладѣетъ къ ней, если часто будетъ покидать ее. Чтобы привязать его къ себѣ покрѣпче, она разыграла съ нимъ слѣдующую сцену. Однажды, возвратясь изъ Кобленца, князь Лимбургъ нашелъ свою возлюбленную грустною и чѣмъ-то крайне озабоченною. Неохотно отвѣчая на его ласки, она объявила со слезами, что настало время ихъ разлуки. Князь

былъ сильно пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ и спросилъ о причинѣ. „Я получила отъ дяди письмо, онъ требуетъ возвращенія моего въ Персію“. Лимбургъ сталъ-было уговаривать ее остаться, но она рѣшительно отвѣчала, что должна ѣхать. „Я не могу долѣе оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, я должна ѣхать, — говорила она. — Въ Персіи я пристроюсь, тамъ ждетъ меня женихъ“.

Князь Лимбургъ съ ума сходилъ, пораженный извѣстіемъ о внезапной разлукѣ съ милою женщиной, которую любилъ искренно. Никакія убѣжденія его однако не могли поколебать рѣшимости Алины. Она просила барона фонъ-Горнштейна достать ей какъ можно скорѣе денегъ на поѣздку, обѣщая какъ эти деньги, такъ и нужныя на уплату ея долговъ, выслать немедленно по прибытіи въ Персію. Пока Горнштейнъ искалъ денегъ, Алина сообщила князю Лимбургу еще одну новость: онъ будетъ отцомъ, она беременна. Тогда князь предложилъ ей свою руку, считая это своею обязанностью, дѣломъ чести. Этого только и ждала Алина, но, какъ ловкая женщина и опытная кокетка, не тотчасъ склонилась на сдѣланное предложеніе, какъ ни хотѣлось ей сдѣлаться владѣтельною княгиней Священной Римской имперіи и герцогиней Голштейнъ-Лимбургскою. Поблагодаривъ своего любезнаго, она скромно объявила, что, при всей безпредѣльной любви къ нему, она не можетъ сдѣлаться его женой, потому что политическія дѣла не дозволяютъ ей мѣшкать въ Европѣ. Отказъ еще болѣе воспламенилъ влюбленнаго князя; онъ сказалъ ей, что не можетъ разстаться съ ней и готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только быть мужемъ милой Алины. „Я откажусь отъ престола въ пользу младшаго брата, — говорилъ онъ: — покину хоть навсегда Европу и въ Персіи найду свое счастье въ твоихъ объятьяхъ“. Алина согласилась. Это было въ іюлѣ 1773 года.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ, хотя и былъ не прочь отъ брака своего друга съ прекраснѣйшею женщиной въ мірѣ, но, какъ и слѣдовало ему въ качествѣ Ментора, совѣтовалъ ему, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ рѣшительный шагъ, удостовѣриться въ происхожденіи Алины. Для этого нужно было взглянуть на документы объ ея рожденіи. Къ этому, какъ ревностный католикъ, баронъ фонъ-Горнштейнъ прибавилъ, что супругой католическаго германскаго государя необходимо должна быть католичка, и потому Алина должна оставить свою греческую схизму. Алина выдавала себя за православную, хотя, по собственнымъ словамъ ея, никогда не пріобщалась ни въ какой церкви.

До нея дошли слухи о совѣтахъ Горнштейна, и 7-го августа 1773 г. она написала къ нему письмо изъ Стирума, куда теперь переселилась изъ замка Нейсеса. Прося совѣтовъ у Ментора, какъ ей дѣйствовать въ ея странномъ положеніи, она, между прочимъ, писала слѣдующее: „Вы говорите, что меня принимаютъ за государыню Азова (princesse d'Azof); я не государыня, а только владѣтельница Азова (dame d'Azof). Императрица тамъ государыня. Черезъ нѣсколько недѣль вы прочтете

въ газетахъ, что я единственная наслѣдница дома Владимірскаго (maison de Volodimir) и въ настоящее время безъ затрудненій могу вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ покойнаго отца моего. Владѣнія его были подвергнуты секвестру въ 1749 г. и, находясь подъ нимъ двадцать лѣтъ, освобождены отъ него въ 1769 г. Я родилась за четыре года до этого секвестра: въ это печальное время умеръ отецъ мой. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ взялъ меня на свое попеченіе дядя мой, живущій въ Персіи, откуда я воротилась въ Европу 16-го ноября 1768 года". Это было первое, извѣстное до сихъ поръ по документамъ, показаніе загадочной женщины объ ея личности. Замѣчательно, что она не называетъ въ этомъ письмѣ ни отца своего ни матери и признаётъ себя подданною русской императрицы. Разсказывать сказку о происхожденіи отъ императрицы Елизаветы было еще преждевременно по расчетамъ польской партіи. Замѣчательно и то, что на этотъ разъ Алина говоритъ, что родилась въ годъ рожденія настоящей княжны Таракановой (какъ значится въ надгробной ея надписи). Поэтому выходитъ, что въ 1773 году, когда она была у князя Лимбурга, ей было 28 лѣтъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, она убавляла себѣ года.

Горнштейнъ повѣрилъ словамъ Алины и съ этого времени сталъ адресовать ей письма такъ: „Ея высочеству, свѣтлѣйшей принцессѣ Елизаветѣ Владимірской" (A son Altesse Serenissime, madame la Princesse Elisabeth de Volodimir).

Вѣсть о предстоящей женитьбѣ князя Лимбурга на принцессѣ Владимірской вскорѣ разнеслась и, достигнувъ до Парижа, имѣла благопріятныя для невѣсты послѣдствія. Тамошніе кредиторы хотѣли-было преслѣдовать за долги уже самоё Алину, но де-Буръ и де-Маринъ сообщили имъ, что она выходитъ замужъ за владѣтельнаго имперскаго князя, обѣщали имъ лимбургскіе ордена, и кредиторы успокоились. Алина сказала теперь своему жениху, что она получила новое письмо отъ персидскаго дяди, въ которомъ онъ дозволилъ ей остаться въ Европѣ на неопредѣленное время.

X.

Между тѣмъ князь Лимбургъ уѣхалъ въ Оберштейнъ. Дѣло о выкупѣ курфирстовыхъ правъ на это графство такъ подвинулось, что князь могъ явиться туда уже въ качествѣ единственнаго владѣльца. Въ это время принцесса Владимірская начала переписку съ графомъ Огинскимъ, все еще жившимъ въ Парижѣ. Она составила проектъ лотереи и просила его содѣйствія для распространенія билетовъ между французскими банками, но Огинскій, какъ офиціальный посланникъ польскаго короля, долженъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ (28-го августа 1773); затѣмъ принцесса писала ему о дѣлахъ Польши, отправила къ нему составленную ею записку по польскимъ дѣламъ для доставленія ея Версальскому кабинету. Къ сожалѣнію, эта переписка, ко-

торая во многомъ могла бы разъяснить темное, загадочное дѣло самозванки, — намъ неизвѣстна, хотя, какъ видно изъ сообщенныхъ графомъ В. Н. Панинымъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей свѣдѣній, она сохранилась при дѣлѣ. Князь Лимбургъ зналъ о перепискѣ своей невѣсты съ Огинскимъ, не зная ея содержанія. Ему пришло въ голову, что эта переписка любовнаго свойства; быть-можетъ, въ это время уже дошло до его свѣдѣнія о парижскихъ отношеніяхъ Алины къ польскому посланнику. Князь сталъ ревновать ее, а она старалась усиливать это чувство, чтобъ заставить Лимбурга поскорѣе жениться. Но въ Оберштейнѣ князь узналъ многое изъ прежнихъ похожденій своей подруги, какъ жила она подъ разными именами въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ, и какъ участвовала въ обманахъ своихъ пріятелей, выманивавшихъ у разныхъ лицъ деньги. Онъ сталъ догадываться и о любовныхъ отношеніяхъ ея къ Шенку и къ другимъ. Алина писала въ свою очередь князю Лимбургу о дошедшихъ до нея слухахъ, что его хотятъ женить на другой, увѣряла, что ей также сдѣлано блестящее предложеніе, и что поэтому она освобождаетъ его отъ даннаго слова и предлагаетъ разойтись, тѣмъ болѣе, что нельзя же ей выходить замужъ до признанія правъ ея русскимъ правительствомъ и полученія документовъ о ея рожденіи, а этого нельзя получить раньше окончанія все еще продолжавшейся войны Россіи съ Турціей. Въ другомъ письмѣ она писала, что рѣшилась окончательно уволить изъ службы своей и Шенка и де-Марина и предоставить все имущество свое въ распоряженіе князя. Для этого она приложила вексель на довольно значительную сумму, который долженъ былъ оставаться у князя въ видѣ залога до тѣхъ поръ, пока обѣщаніе о передачѣ имѣнія не будетъ ею приведено въ исполненіе. Она приложила еще черновое письмо къ русскому вице-канцлеру, завѣдывавшему тогда иностранными дѣлами, князю Александру Михайловичу Голицыну, котораго называла своимъ опекуномъ. Въ этомъ письмѣ она сообщала мнимому опекуну о любви своей къ князю Лимбургу и о намѣреніи вступить съ нимъ въ бракъ, изъявляла сожалѣніе, что тайна, покрывающая доселѣ ея происхожденіе, подаетъ поводъ ко многимъ про нее разсказамъ, и что сдѣланные ею незначительные долги преувеличены, съ цѣлью имѣть возможность поскорѣе воспользоваться ея сокровищами. Въ заключеніе письма, она увѣряла князя Голицына въ неизмѣнности своихъ чувствъ, благодарности и привязанности къ императрицѣ Екатеринѣ II и въ постоянномъ своемъ рвеніи о благѣ Россіи. При письмѣ приложенъ былъ проектъ о сосредоточеніи всей азіатской торговли на Кавказѣ. Алина писала наконецъ Голицыну, что она готова сама пріѣхать въ Петербургъ для разъясненія этого проекта, если бы въ томъ настала надобность.

Подлиннаго письма къ князю Голицыну посылаемо, конечно, не было, но черновое нужно было послать къ князю Лимбургскому, чтобъ увѣрить Горнштейна и другихъ его совѣтниковъ въ дѣйствительности про-

исхожденія Алины отъ Владимірскаго княжескаго дома. Горнштейнъ на первый разъ повѣрилъ всему написанному Алиной, но, какъ человѣкъ осторожный, навелъ справки. Чрезъ нѣсколько времени онъ увѣдомилъ своего друга, что весь разсказъ о русскомъ опекунѣ Алины, князѣ Голицынѣ — чистая ложь. Самъ князь не вполнѣ, кажется, вѣрилъ разсказамъ своей возлюбленной. Въ отвѣтныхъ письмахъ онъ то увѣрялъ ее въ пламенной любви, то, сомнѣваясь въ ея разсказахъ и напоминая прежнія скандальныя ея похожденія, отказывался отъ ея руки, то грозилъ поступить въ монахи, если она покинетъ его, то умолялъ ее откровенно разсказать ему всю истину, за что онъ проститъ ей все прошедшее, то просилъ скорѣе выслать ему метрическое свидѣтельство, увѣряя, что связь ихъ лежитъ тяжелымъ камнемъ на его совѣсти, а бракъ можетъ сдѣлать его совершенно счастливымъ, но этотъ бракъ долженъ быть совершенъ не иначе, какъ по обряду римской церкви, къ которой и сама она должна присоединиться. Наконецъ князь Лимбургъ просилъ Алину умѣрить мотовство, которое довело его до крайности, и совѣтовалъ подумать объ обезпеченіи будущихъ дѣтей ихъ.

Обстоятельства князя въ это время (осенью 1773 года) находились въ неблистательномъ положеніи: въ Стирумъ пріѣхалъ императорскій фискалъ для наложенія на это графство запрещенія за долги, и хотя Горнштейнъ успѣлъ уладить это дѣло, но финансовыя обстоятельства друга его все болѣе и болѣе запутывались. Несмотря на свою безхарактерность и на совершенное подчиненіе волѣ прелестной Алины, князь Лимбургъ, узнавъ во Франкфуртѣ отъ банкира Алленца о прежнемъ предосудительномъ поведеніи своей подруги, написалъ къ ней рѣзкое письмо, въ которомъ объявилъ, что онъ долженъ съ ней разстаться. Алина немедленно отвѣчала ему. Не отрицая справедливости дошедшихъ до князя слуховъ, она напоминала ему о своей беременности, и слабодушный князь снова поклялся жениться на ней и вездѣ говорилъ о твердой рѣшимости обвѣнчаться съ прелестною Алиной. Узнавъ это, Горнштейнъ сообщилъ князю справки о мнимомъ ея опекунѣ, князѣ Голицынѣ. Тогда Алина вдругъ собралась ѣхать въ Петербургъ, куда будто бы призывали ее важныя дѣла, и стала искать денегъ на поѣздку. Предположенной ею поѣздкѣ, повидимому, всѣ окружавшіе вѣрили, даже самъ Горнштейнъ, снабдившій ее деньгами. Чтобы не разлучаться съ своею любезной, князь Лимбургъ самъ навелъ ее на новый обманъ: чтобъ увѣрить Горнштейна въ дѣйствительности происхожденія ея отъ князей Владимірскихъ, онъ посовѣтовалъ ей выдать за своего опекуна одного русскаго князя, жившаго тогда въ Спа. Она такъ и сдѣлала. Обманъ удался вполнѣ. Кто такой былъ этотъ русскій князь—неизвѣстно, но впослѣдствіи графъ Орловъ-Чесменскій, когда уже взялъ самозванку, писалъ императрицѣ, что она находилась въ сношеніяхъ съ однимъ знатнымъ русскимъ путешественникомъ, намекая на Ивана Ивановича Шувалова.

XI.

Выкупленное съ помощью принцессы Владимірской графство Оберштейнъ князь Лимбургскій подарилъ своей невѣстѣ. Хотя формальнаго акта на эту передачу, сколько намъ извѣстно, не сохранилось, но единогласныя удостовѣренія разныхъ лицъ о дѣйствительности этого подарка не оставляютъ сомнѣнія, что князь въ самомъ дѣлѣ передалъ это владѣніе своей очаровательницѣ. Она переселилась въ доставшееся ей такимъ образомъ графство въ октябрѣ 1773 года.

Здѣсь она измѣнилась во многомъ. Съ того времени, какъ она сдѣлалась въ Оберштейнѣ полною хозяйкой, князь, бывшій въ Аугсбургѣ, и Горнштейнъ стали получать отъ разныхъ лицъ жалобы на самовластіе новой владѣтельницы, а болѣе всего удивляло ихъ, особенно же ревностнаго католика Горнштейна, что, несмотря на увѣренія ея, будто занимается изученіемъ католической вѣры, она стала ходить въ протестантскую церковь. Затѣмъ, отдаливъ отъ себя прежнюю прислугу, Алина приняла къ себѣ на службу новыхъ лицъ и въ томъ числѣ дочь прусскаго капитана, Франциску фонъ-Мешеде, которая была при ней безотлучно до самаго конца ея приключеній и вмѣстѣ съ нею попала въ Петропавловскую крѣпость. Наконецъ, удаливъ де-Марина и всѣхъ прежнихъ друзей, принцесса стала заботиться и объ удаленіи самого князя Лимбургскаго. Они поссорились, но Горнштейнъ умѣлъ помирить ихъ; несмотря на то Алина стала холоднѣе къ жениху, а чрезъ нѣсколько времени, кажется, и вовсе не помышляла о свадьбѣ. Что-то она затѣвала, но князь не могъ проникнуть ея замысловъ; она только сказала ему, что вмѣстѣ съ Огинскимъ предпринимаетъ блестящее и необыкновенно выгодное дѣло, и просила сто тысячъ гульденовъ для начатія его.

Осенью 1773 года въ Оберштейнъ сталъ являться молодой человѣкъ, пріѣзжавшій изъ Мосбаха, и проводить по нѣскольку часовъ съ владѣтельницей замка наединѣ. Онъ былъ извѣстенъ оберштейнской прислугѣ подъ именемъ „Мосбахскаго незнакомца“. Полагали, что это новый любовникъ, и, кажется, на этотъ разъ не ошибались. Алина была слишкомъ пылкаго темперамента и не могла жить безъ любовниковъ; въ этомъ она сама сознавалась, въ этомъ каялась и во время предсмертной своей исповѣди. Мосбахскій незнакомецъ былъ полякъ.

Князь Карлъ Радзивилъ лѣтомъ 1772 года пріѣхалъ на берега Рейна, откуда входилъ въ сношенія съ Версальскимъ кабинетомъ. При немъ было немало приверженцевъ Барской конфедераціи и враговъ короля Понятовскаго, которыхъ онъ употреблялъ для переговоровъ. Князь Радзивилъ не былъ настолько уменъ, чтобы самому вести политическую интригу, но въ помощникахъ у него недостатка не было. Мосбахскій незнакомецъ принадлежалъ къ ихъ числу. Это былъ Михаилъ Доманскій, другъ Радзивила, который въ 1769 году, во время Барской

конфедерации, былъ консиліаржемъ Пинской дистрикціи (уѣзда). Онъ пріѣхалъ на Рейнъ одновременно съ княземъ Радзивиломъ. Въ мартѣ 1773 года Радзивилъ посылалъ его изъ Мангейма, гдѣ тогда они жили, въ Ландсгутъ, на конфедераціонный генералитетъ, собиравшійся въ этомъ городѣ. Этотъ комитетъ состоялъ изъ главнѣйшихъ членовъ Барской конфедераціи, бѣжавшихъ за границу послѣ рѣшительнаго пораженія ихъ русскими войсками. Цѣлью совѣщаній было противодѣйствіе трактату, который тогда готовились заключить между собой Россія, Австрія и Пруссія о раздѣлѣ Польши. Доманскій предложилъ мнѣніе Радзивила: издать манифестъ, въ которомъ протестовать противъ приготовляемаго раздѣла, и всѣми средствами содѣйствовать низверженію съ престола Станислава Понятовскаго. Предложеніе было принято. Въ слѣдующемъ апрѣлѣ Радзивилъ переѣхалъ во Францію, избравъ мѣстопребываніемъ своимъ Страсбургъ, и осенью 1773 года ѣздилъ въ Парижъ.

По возвращеніи изъ Парижа въ Страсбургъ, онъ немедленно послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ приближенныхъ, Коссаковскаго, чтобы склонить Порту на сторону конфедератовъ и выпросить для Радзивила султанскій фирманъ на проѣздъ въ турецкую армію, дѣйствовавшую тогда противъ русскихъ. Во то же самое время другой его приверженецъ, Доманскій, началъ свои таинственныя посѣщенія къ оберштейнской красавицѣ.

Обратимъ теперь вниманіе на то, что происходило въ Россіи въ это время подготовленія поляками самозванки, которая, по ихъ планамъ, должна была произвести замѣшательство въ Россіи. Лѣтомъ 1773 года явился на Яикѣ Пугачевъ, въ сентябрѣ онъ осаждалъ Яицкій Городокъ, взялъ Илецкую Защиту, крѣпости Разсыпную, Татищеву, Чернорѣченскую. Затѣмъ овладѣлъ Сакмарскимъ Городкомъ и Пречистенскою крѣпостью, а 5-го октября находился уже подъ стѣнами Оренбурга. Башкирцы и мещеряки, обольщенные подарками и обѣщаніями самозванца, стали нападать на русскія селенія и толпами переходить въ шайки бунтовщиковъ; киргизскій ханъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ Пугачевымъ; мордва, черемисы, чуваши заволновались и перестали повиноваться русскому правительству; служилые калмыки бѣжали съ форпостовъ, помѣщичьи крестьяне Оренбургскаго края и по Волгѣ заговорили о волѣ, о волѣ „батюшки Петра Ѳедоровича". Въ половинѣ октября Оренбургскій край весь уже былъ охваченъ мятежомъ; тогда же (14-го октября) императрица послала, для усмиренія развивающагося мятежа, генерала Кара, который, какъ извѣстно, въ началѣ ноября доставилъ Пугачеву возможность разбить находившееся подъ его командой войско.

Фокшанскіе переговоры не привели ни къ какому соглашенію. Графъ Григорій Орловъ, возвратясь въ Петербургъ, увидалъ, что карьера его кончена: онъ палъ. Чесменскій герой, находившійся съ флотомъ въ

Средиземномъ морѣ, не скрывалъ своего неудовольствія противъ императрицы. Въ свою очередь, Панины явились ея противниками. Въ сентябрѣ 1774 года Павелъ Петровичъ вступилъ въ бракъ съ гессенъ-дармштадтскою принцессою Вильгельминой, названною, по принятіи православія, Наталіею Алексѣевною. По внушеніямъ Никиты Ивановича Панина, она возстановляла подпавшаго подъ ея вліяніе супруга противъ его матери, внушая ему, что пора ему самому царствовать.

По прекращеніи фокшанскихъ переговоровъ, начались военныя дѣйствія противъ турокъ. Но вóйска было мало, и, несмотря на побѣду Вейсмана и Суворова, войскà наши должны были отступить и перейти на лѣвый берегъ Дуная. Осада Силистріи не удалась.

Шведскій король Густавъ III, нарушивъ конституцію, сдѣлался въ 1772 году самовластнымъ государемъ и горѣлъ нетерпѣніемъ загладить полтавское пораженіе Карла XII. Онъ грозилъ Россіи войной, и съ часу на часъ ожидали, что послѣдуетъ разрывъ и шведскія войска явятся въ Финляндіи.

Въ Польшѣ дѣла наши шли вяло, русскаго войска было тамъ немного, и конфедераты подняли головы. Напрасно Станиславъ Понятовскій объявлялъ амнистіи: никто почти не обращалъ на нихъ вниманія, и конфедераты продолжали свое дѣло. Версальскій кабинетъ подавалъ имъ надежду на вооруженное вмѣшательство Франціи въ войну Россіи съ Турціей. Говорили, что въ Тулонѣ снаряжается сильная французская эскадра, которая должна идти на помощь бѣднымъ остаткамъ турецкаго флота, пораженнаго Алексѣемъ Орловымъ при Чесмѣ.

Извѣстія о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, преувеличенныя до крайней степени или совсѣмъ даже искаженныя, разносились по Европѣ и возбуждали надежды поляковъ. Извѣстія эти появлялись и въ газетахъ. Конечно, тогдашняя журналистика не имѣла еще такого вліянія на дѣла политическія, какое получила она въ нашемъ столѣтіи, но разсѣянные по западнымъ государствамъ члены Барской конфедераціи и тогда умѣли пользоваться ея силой, и тогда, какъ въ недавнее время, подкупали журналистовъ и печатали разнаго рода клеветы на ненавистную имъ Россію.

Польскіе эмигранты осенью 1773 года признали благовременнымъ поставить новое затрудненіе Екатеринѣ въ лицѣ подготовленной княземъ Карломъ Радзивиломъ претендентки на русскій престолъ. Нельзя думать, чтобъ они серьезно надѣялись возвести на престолъ Русской имперіи подставную самозванку, имъ нужно было лишь создать какъ можно больше затрудненій императрицѣ Екатеринѣ, имъ нужно было лишь произвести новое замѣшательство въ Россіи. Впрочемъ, носилъ же вѣдь нѣкогда Мономахову шапку названный сынъ Ивана Грознаго, выставленный польскими панами. Отчего же и не повториться этому? Вѣдь до 1762 года въ Россіи, при неопредѣленности правъ престолонаслѣдія, такъ часто происходили перемѣны въ правительствѣ, что произведеніе

новаго переворота никому не казалось дѣломъ невозможнымъ. Сама Екатерина нерѣдко тревожилась этимъ. И какъ ей было не тревожиться послѣ заговора Гурьевыхъ, послѣ покушенія Мировича, при интригахъ Никиты Панина, послѣ того, какъ до нея доходили свѣдѣнія, будто чумный бунтъ въ Москвѣ 1771 г. произведенъ былъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ *), и будто Иванъ Ивановичъ Шуваловъ интригуетъ противъ нея въ западныхъ государствахъ.

XII.

Мосбахскій незнакомецъ чаще и чаще являлся въ Оберштейнѣ. Князь Лимбургъ сильно ревновалъ его, думая, что между прекрасною Алиной и незнакомцемъ существуютъ лишь эротическія отношенія. Изъ писемъ князя къ его возлюбленной видно, что молва о любовныхъ ея отношеніяхъ къ таинственному незнакомцу сильно распространилась, и что даже въ газетахъ появился по этому поводу какой - то пасквиль. Князь зналъ, что соперникъ его полякъ, принадлежащій къ палатинату, то-есть къ партіи князя Карла Радзивила (палатина виленскаго). Но поѣздки Доманскаго въ Оберштейнъ имѣли характеръ не столько любовный, сколько политическій. Вслѣдствіе этихъ посѣщеній, въ декабрѣ 1773 года, разнесся въ Оберштейнѣ слухъ, что въ этомъ замкѣ подъ именемъ принцессы Владимірской живетъ прямая наслѣдница русскаго престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета. Слухъ объ этомъ распространился и по другимъ мѣстамъ: князь Лимбургскій былъ очень радъ такой новости, надѣясь, что она склонитъ его родственниковъ къ согласію на бракъ, которому они сильно противились. Но претендентка на русскую корону, кажется, уже не тѣми глазами смотрѣла теперь на влюбленнаго князя, она была къ нему холоднѣе прежняго. Лимбургъ ревновалъ, писалъ къ ней страстныя письма и въ то же время формально поручалъ ей вести дѣло съ русскимъ министерствомъ относительно правъ его на Голштинію. Принцесса приняла на себя это дѣло.

Между тѣмъ газеты извѣстили о дѣйствіяхъ Пугачева, объ осадѣ имъ Оренбурга и о распространеніи мятежа по Уралу. Родственница Радзивила, княгиня Сангушко, получила свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Россіи, объ успѣхахъ Пугачева. Свѣдѣнія эти доставлялись въ Оберштейнъ къ самозванкѣ, при чемъ княгиня Сангушко сообщала ей списки мѣстъ, занятыхъ пугачевскими шайками. Въ это время самъ Радзивилъ счелъ наконецъ нужнымъ лично повидаться съ мнимою великою княжной и хотѣлъ для того пріѣхать къ ней въ Оберштейнъ. Князь Лимбургъ былъ противъ этого, но только потому, что боялся новой измѣны своей невѣсты. Радзивилъ писалъ, что горитъ нетерпѣніемъ представиться прин-

*) Въ дѣлѣ о моровомъ повѣтріи и о бунтѣ, находящемся въ государственномъ архивѣ, есть на это указаніе.

цессѣ, но затрудняется пріѣхать къ ней, потому что, одѣтый въ польскій кунтушъ, можетъ обратить вниманіе любопытныхъ и тѣмъ повредить дѣлу, которое должно вести пока въ тайнѣ. Равнымъ образомъ и ея посѣщеніе Радзивила въ занимаемомъ имъ домѣ можетъ имѣть такія же послѣдствія. Чтобъ имѣть свиданіе, Радзивилъ нанялъ въ Цвейбрюккенѣ особый домъ, остававшійся никѣмъ не занятымъ, и въ этомъ домѣ предложилъ самозванкѣ имѣть съ нимъ свиданія. Она согласилась. Свиданіе состоялось въ Цвейбрюккенѣ (Deux Ponts) около новаго 1774 года, и послѣ того между княземъ Карломъ Радзивиломъ и прекрасною принцессою завязалась дѣятельная переписка. Радзивилъ возлагалъ на нее великія надежды. Предположено было: пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ Пугачевымъ, произвести новое возстаніе въ Польшѣ и въ бѣлорусскихъ воеводствахъ, отошедшихъ по первому раздѣлу во владѣніе Россіи, самой же принцессѣ, вмѣстѣ съ Радзивиломъ, ѣхать въ Константинополь и оттуда послать въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, воззваніе, въ которомъ предъявить свои права на престолъ, не по праву занимаемый Екатериной. Этимъ способомъ надѣялись они свергнуть Екатерину и доставить самозванкѣ императорскую корону. Съ своей стороны самозванка обѣщала Радзивилу возвратить Польшѣ отторгнутыя отъ нея области, свергнуть Понятовскаго съ престола и возстановить Польшу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась при короляхъ саксонской династіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ князь Радзивилъ говорилъ самозванкѣ: „Я смотрю на предпріятіе *Вашего Высочества*, какъ на чудо Провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню“.

Черезъ нѣсколько времени принцесса увѣдомила князя Лимбурга о полученномъ ею отъ княгини Сангушко извѣстіи, что король Людовикъ XV одобрилъ намѣреніе ея ѣхать съ княземъ Радзивиломъ въ Венецію и Константинополь и оттуда предъявить права свои на русскій престолъ.

Графъ Огинскій, какъ официальный посланникъ польскаго короля, до сего времени шага не дѣлалъ къ участію въ замыслахъ бывшей своей любовницы. Кромѣ того, что служебное положеніе стѣсняло свободу его дѣйствій, онъ и по природѣ своей былъ человѣкъ крайне осторожный и притомъ лѣнивый; онъ боялся скомпрометировать и себя и польское дѣло, въ случаѣ, если обманъ „принцессы Владимірской“ не удастся. Она приглашала его для переговоровъ въ Оберштейнъ, на что соглашался и ревнивый Лимбургъ, хотя не безъ колебанія, ибо онъ, кажется, больше всего къ Огинскому ревновалъ свою очаровательницу. Чтобы не помѣшать своимъ присутствіемъ ихъ переговорамъ, онъ даже уѣхалъ изъ Оберштейна въ Бартенштейнъ, гдѣ жила его сестра. Тамъ онъ хотѣлъ приготовить родныхъ своихъ къ предстоящему браку его съ принцессой Елизаветой. Но Огинскій не пріѣхалъ въ Оберштейнъ; Людовикъ XV въ это время находился при смерти. Отлучиться отъ двора

умирающаго короля онъ не могъ, ибо, въ случаѣ его смерти, долженъ былъ выждать, какое направленіе приметъ политика его преемника. Зато не разъ посылалъ онъ въ Оберштейнъ своего агента, аббата Бернарди, бывшаго наставникомъ дѣтей его зятя, литовскаго великаго кухмистера (т.-е. оберъ-гофмаршала), графа Михаила Віельгорскаго *). Принцесса черезъ этого аббата всячески уговаривала графа Огинскаго присоединиться къ ней и даже вмѣстѣ съ Радзивиломъ ѣхать въ Венецію, а оттуда въ Константинополь. Теперь это было возможно для Огинскаго, ибо онъ не былъ болѣе посланникомъ; постъ его занялъ графъ Віельгорскій. Но Огинскій медлилъ.

Между тѣмъ князь Лимбургъ продолжалъ переписку съ своею возлюбленною. Повидимому, эта переписка была между ними предварительно условлена, чтобы показывать ее родственникамъ князя и другимъ лицамъ, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній съ ихъ стороны или недобрыхъ толковъ о принцессѣ и ея поѣздкѣ съ Радзивиломъ, когда она огласится. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, посланномъ къ князю въ Бартенштейнъ, принцесса, успокаивая въ немъ чувства ревности, снова возникшей по поводу таинственныхъ посѣщеній ея какимъ-то молодымъ полякомъ (то былъ если не Доманскій, то князь Іеронимъ Радзивилъ, братъ князя Карла), извѣщала его, что готова принести въ жертву своему милому князю свою блестящую карьеру, но должна предпринять небольшое путешествіе, для устраненія послѣднихъ препятствій къ ихъ браку. Къ этому она прибавляла, что, по зрѣломъ обсужденіи, она рѣшилась познакомиться съ его родными не прежде, какъ сдѣлается его женой и уплатитъ издержанныя имъ на нее деньги. Въ отвѣтъ на это Лимбургъ написалъ, что, не имѣя возможности вознаградить часть рода человѣческаго (то-есть Россію) за потерю такой прекраснѣйшей принцессы, онъ не можетъ принять отъ нея такой жертвы. Письма свои князь Лимбургъ уже адресовалъ: *Ея Императорскому Высочеству принцессѣ Елизаветѣ Всероссійской.*

XIII.

Князь Лимбургъ на послѣднія оставшіяся у него средства устроилъ отъѣздъ своей возлюбленной, доставъ ей, хотя съ большимъ трудомъ, на дорогу денегъ, кромѣ того открылъ ей кредитъ у находившагося въ Аугсбургѣ трирскаго министра Горнштейна и даже отдалъ ей деньги, приготовленныя на собственную поѣздку въ Вѣну къ императору, по дѣламъ притязаній на Шлезвигъ-Гольштейнъ. Зато принцесса обѣщала

*) Онъ былъ женатъ на сестрѣ Огинскаго, Елизаветѣ. Воспитывавшіяся у аббата Бернарди дѣти графа Віельгорскаго были: Михаилъ и Іосифъ. Старшій, Юрій, впослѣдствіи бывшій польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а потомъ, по принятіи русскаго подданства, сенаторомъ (женатый на Матюшкиной), въ это время кончилъ уже воспитаніе. Ему было тогда болѣе 20 лѣтъ.

сама впослѣдствіи съѣздить къ императору и выхлопотать это дѣло. Князь Лимбургъ далъ ей письменное на то полномочіе.

Изъ Оберштейна принцесса выѣхала 13-го мая 1774 года вмѣстѣ съ княземъ Лимбургомъ. Онъ провожалъ ее до Цвейбрюккена. Здѣсь они разстались; на прощаньи князь далъ ей торжественное обѣщаніе быть ея супругомъ. Въ письмахъ, послѣ того писанныхъ, они называли другъ друга супругами. Она и въ Петропавловской крѣпости называла князя Лимбурга своимъ супругомъ, хотя и объясняла, что по церковному чиноположенію они не были вѣнчаны. Изъ Цвейбрюккена принцесса поѣхала въ Аугсбургъ для свиданія съ Горнштейномъ, а печальный, разстроенный разлукой съ своею очаровательною „супругой" князь возвратился въ Оберштейнъ, теперь сдѣлавшійся столь дорогимъ ему по воспоминанію о пребываніи въ немъ прекрасной Алины. По пріисканіи денегъ на путевыя издержки, князь обѣщался ей немедленно пріѣхать въ Венецію, а оттуда сопровождать принцессу въ Турцію.

Въ Оберштейнѣ князь засталъ Бернарди, посланнаго отъ графа Огинскаго къ принцессѣ съ просьбой, чтобъ она разъяснила ему свои намѣренія и таинственные намеки, сдѣланные ею въ письмѣ относительно будущности Польши. Князь убѣдилъ Бернарди въ дѣйствительности царственнаго происхожденія своей возлюбленной и разсказалъ ему о сношеніяхъ ея съ княгиней Сангушко. Этого было достаточно для убѣжденія французскаго аббата. Бернарди былъ ревностный поклонникъ прусскаго короля Фридриха II, человѣкъ, вполнѣ ему преданный. Онъ пришелъ въ восхищеніе, когда князь Лимбургъ, повѣряя ему планы мнимой наслѣдницы русскаго престола, увѣрялъ его, что какъ скоро она надѣнетъ на голову принадлежащую ей корону дѣда своего, Петра Великаго, то немедленно приступитъ къ политикѣ прусскаго короля, передъ которымъ благоговѣетъ, что она теперь же, посредствомъ сношеній съ Пугачевымъ, постарается способствовать расширенію владѣній Фридриха II на востокѣ, для чего отклонитъ вмѣшательство Австріи турецкими дѣлами, а вниманіе Россіи — войной со шведскимъ королемъ, который такимъ образомъ будетъ помогать и ей и Пугачеву. Бернарди, выслушавъ князя Лимбурга, далъ ему слово, при содѣйствіи Віельгорскаго, убѣдить Огинскаго къ немедленному отъѣзду въ Венецію, куда уже отправился князь Радзивилъ со множествомъ поляковъ, приверженцевъ Барской конфедераціи.

Принцесса торопилась ѣхать въ Венецію; тамъ ожидалъ ее князь Радзивилъ. Чтобы не имѣть остановки въ Аугсбургѣ, гдѣ Горнштейнъ долженъ былъ достать ей денегъ, она еще изъ Вюрцбурга послала передового курьера къ трирскому министру, прося его поторопиться пріисканіемъ денегъ и увѣдомляя, что ѣдетъ въ Венецію, а вслѣдъ за нею отправится туда и князь Лимбургъ. Горнштейнъ бросился къ своему другу уговаривать его не путаться въ опасное дѣло, не ѣздить въ Венецію. Князь поколебался, но оставался однако при своемъ намѣреніи. Тогда

Горнштейнъ поскакалъ на свиданіе съ принцессой. Не желая возбуждать общаго вниманія на свои сношенія съ претенденткой на русскій престолъ, чтобы тѣмъ не скомпрометировать своего государя, курфирста Трирскаго, у котораго былъ главнымъ министромъ, Горнштейнъ не поѣхалъ въ Аугсбургъ и свидѣлся съ принцессой въ Зусмаргаузенѣ. Здѣсь онъ настоятельно убѣждалъ ее отказаться отъ своихъ замысловъ, не идти на вѣрную погибель, не связываться съ поляками, которые только желаютъ имѣть ее своимъ орудіемъ для достиженія собственныхъ замысловъ, умолялъ ее возвратиться въ Оберштейнъ и жить съ княземъ Лимбургомъ, удаляясь отъ всякихъ политическихъ интригъ. Принцесса поколебалась и дала ему слово пробыть въ Венеціи самое короткое время, а потомъ возвратиться въ Германію и хлопотать въ Вѣнѣ по Шлезвигъ - Гольштейнскому дѣлу. Горнштейнъ выдалъ ей, за счетъ князя Лимбурга, 200 червонцевъ, и она уѣхала. Въ Бриксенѣ къ ней присоединился Доманскій съ разными лицами, большею частью поляками. Она сообщила имъ, что, обдумавъ всѣ шансы затѣяннаго ею предпріятія, она не рѣшается ѣхать въ Константинополь и намѣрена пробыть въ Венеціи самое короткое время, а потомъ воротиться въ Германію. Это озадачило поляковъ, особенно Доманскаго. Но „Мосбахскій незнакомецъ“ имѣлъ на принцессу вліяніе: онъ сталъ уговаривать не оставлять задуманнаго предпріятія, блестящими красками разрисовалъ будущее ея положеніе, когда скипетру ея будутъ повиноваться милліоны. Къ этому присоединены были нѣжныя ласки, и Алина не устояла. Она рѣшилась идти, куда поведетъ ее геній Польши, нарушила данное Горнштейну слово и увѣдомила его, что пробудетъ въ Венеціи нѣсколько долѣе, чѣмъ обѣщалась. Зная слабую струну ревностнаго католика Горнштейна, Алина приписала, что намѣрена воспользоваться пребываніемъ въ Венеціи для основательнаго изученія догматовъ римско-католической вѣры, которую намѣрена принять.

Горнштейнъ былъ крайне удивленъ, получивъ чрезъ нѣсколько дней два письма: одно отъ князя, съ просьбой передать присланное письмо „Ея Императорскому Высочеству, принцессѣ Елизаветѣ Всероссійской“, а другое отъ нея, съ просьбой доставить приложенное письмо къ *ея супругу*. До сихъ поръ онъ не придавалъ особеннаго значенія слухамъ и разговорамъ о царственномъ происхожденіи любовницы своего друга, но теперь увидѣлъ, что самъ князь признаётъ ее дѣйствительно за дочь императрицы Елизаветы. Ему, главному министру одного изъ германскихъ курфирстовъ, неловко было передавать такія письма: они могли навлечь немало хлопотъ его государю; съ другой стороны, Горнштейнъ могъ заключить, что бракъ князя Лимбурга, противъ котораго онъ такъ усердно дѣйствовалъ, совершился... Онъ написалъ къ принцессѣ письмо, въ которомъ обращалъ ея вниманіе на множество противорѣчій, встрѣчающихся какъ въ прежнемъ, такъ и въ настоящемъ ея поведеніи, а, впрочемъ, обѣщалъ ей зависящую отъ него помощь и настоятельно уго-

варивалъ выбрать въ Венеціи хорошаго католическаго священника, которому бы она могла вполнѣ довѣриться.

Князь Лимбургъ получилъ между тѣмъ извѣстіе, что король Людовикъ XV умеръ, и вступившій на престолъ Людовикъ XVI сочувственно отозвался о предпріятіи князя Радзивила. Онъ немедленно увѣдомилъ о столь радостной вѣсти свою возлюбленную. Но вскорѣ онъ разочаровался въ ожидаемомъ успѣхѣ.

XIV.

Денежныя дѣла князя Радзивила были теперь не въ блистательномъ положеніи. Когда король Станиславъ Понятовскій въ 1772 г. объявилъ амнистію всѣмъ оставившимъ предѣлы отечества участникамъ Барской конфедераціи и прочимъ противникамъ королевскимъ, князь Карлъ съ насмѣшкой отвергнулъ предлагаемое прощеніе и не воротился въ Литву. Въ 1773 г. виленскій епископъ Мосальскій писалъ къ нему, уговаривая возвратиться и примириться съ королемъ и напоминая, что въ противномъ случаѣ будетъ наложенъ секвестръ на его обширныя имѣнія. Радзивилъ, будучи въ Парижѣ, поколебался-было: ему, обладателю столь громадныхъ богатствъ, страшно было разстаться съ ними, но, построивъ уже планъ поѣздки въ Константинополь, онъ посовѣтовался съ французскимъ министромъ, герцогомъ Эгильономъ, и, по его внушенію, рѣшительно отказался отъ покорности королю Понятовскому. Въ началѣ января 1774 г. отправился онъ въ Венецію, куда и прибылъ въ концѣ февраля. Между тѣмъ имѣнія Радзивила попали подъ секвестръ, и онъ изъ Литвы не сталъ получать ни копейки. Приходилось жить на остававшіяся въ шкатулкѣ деньги и продавать брильянты. Принцессѣ онъ не могъ давать значительныхъ суммъ. Такимъ образомъ „персидскій дядя“ исчезъ. Но на такое дѣло, за какое взялась принцесса, необходимо было имѣть немалый запасъ денегъ. Находчивая женщина тотчасъ придумала средство получить милліоны: она составила проектъ русскаго внѣшняго займа отъ своего имени, какъ единственной законной наслѣдницы Русской имперіи. Этотъ проектъ она послала въ Парижъ, къ графу Огинскому, который долженъ былъ пригласить тамошнихъ банкировъ къ подпискѣ. Но Огинскій рѣшительно отказался отъ участія въ этомъ замыслѣ. Въ письмѣ къ принцессѣ онъ въ весьма изящныхъ фразахъ говорилъ о предстоящемъ ей блистательномъ поприщѣ, когда она сдѣлается повелительницей огромной имперіи, но не безъ сарказма извинился, что не можетъ содѣйствовать успѣшному ходу ея займа.

Князь Лимбургъ, прочитавъ письмо графа Огинскаго и зная, что безъ денегъ любезная его не можетъ достигнуть осуществленія своихъ замысловъ, сильно поколебался. Въ то же время нѣмецкія газеты извѣщали, что счастье, доселѣ благопріятствовавшее *союзнику принцессы, Пугачеву*, измѣнило ему. Бибиковъ успѣшно подавилъ мятежъ, Орен-

бургъ былъ освобожденъ, Яицкій Городокъ занятъ вѣрными императрицѣ войсками, и Пугачевъ, какъ писали, совершенно разбитъ.

Сообщая всѣ эти новости своей возлюбленной, князь Лимбургъ умолялъ ее бросить опасные и едва ли при теперешнихъ обстоятельствахъ возможные къ исполненію замыслы и скорѣе воротиться въ Оберштейнъ, гдѣ ждутъ ее объятья и горячіе поцѣлуи очарованнаго ея прелестями жениха. Но принцесса уже не могла идти назадъ. Ее и Радзивила хотя и смутили-было слухи о совершенномъ подавленіи пугачевскаго бунта, но ненадолго. Скоро до Венеціи дошли благопріятные для поляковъ и самозванки извѣстія: дѣла Пугачева поправились. Бибиковъ внезапно умеръ. Въ Россіи распространился слухъ, что онъ отравленъ однимъ изъ польскихъ конфедератовъ. Конфедераты дѣйствительно были тогда въ восточной Россіи, были и въ шайкахъ Пугачева *).

По смерти Бибикова (9-го апрѣля 1774 г.) дѣла Пугачева дѣйствительно поправились: онъ снова явился на Уральскихъ заводахъ, еще болѣе страшный, чѣмъ прежде. Принцесса вскорѣ была утѣшена извѣстіемъ, что отъ Сибири до Волги „ея союзникъ“ властвуетъ.

Она пріѣхала въ Венецію въ послѣднихъ числахъ мая, подъ именемъ графини Пиннебергъ. Графство Пиннебергъ находилось въ Голштиніи, и она приняла фамилію по его имени, какъ будущая герцогиня Гольштейнъ-Лимбургъ. Въ Венеціи же пошли слухи, что подъ этимъ именемъ скрывается уже настоящая его супруга. Дошедшіе о томъ до Оберштейна слухи сильно встревожили князя Лимбурга, и онъ написалъ къ возлюбленной, чтобъ она отнюдь не выдавала себя за жену его. Но въ то же время онъ послалъ въ Венецію своимъ резидентомъ барона Кнорра и повелѣлъ ему быть гофмаршаломъ при дворѣ графини Пиннебергъ. Непослѣдовательность дѣйствій недалекаго князя Лимбурга являлась на каждомъ шагу.

Князь Радзивилъ съ сестрой своею, Теофилой Моравской **), уже два мѣсяца жилъ въ Венеціи, когда пріѣхала въ эту республику давно ожидаемая имъ принцесса. Для нея приготовлена была пышная квартира — домъ французскаго посольства при Венеціанской республикѣ. Ясное доказательство, что новый король Франціи и Наварры, Людо-

---

*) Нельзя отвергать возможности сношеній, посредствомъ этихъ конфедератовъ, князя Радзивила и подставной принцессы Елизаветы съ пьянымъ казакомъ, котораго въ Европѣ представляли человѣкомъ образованнымъ, бывшимъ прежде пажомъ при дворѣ Елизаветы, учившимся въ Берлинѣ математикѣ и отличавшимся въ знаніи тактики. Нельзя отвергать этихъ сношеній до тѣхъ поръ, пока дѣло о Пугачевѣ не сдѣлается вполнѣ извѣстнымъ. Нельзя отвергать и сношеній шведскаго короля съ Пугачевымъ и съ мнимою княжной Таракановой. Недаромъ же Екатерина въ письмахъ своихъ къ Вольтеру называла Густава III «другомъ *маркиза* Пугачева».

**) Княжна Теофила Радзивилъ была замужемъ за польскимъ генералъ-лейтенантомъ Моравскимъ.

викъ XVI, благопріятствовалъ предпріятію самозванки. При графинѣ Пиннебергъ былъ свой дворъ: баронъ Кноррь, какъ мы уже замѣтили, сдѣланъ былъ гофмаршаломъ „ея высочества“.

На третій день по пріѣздѣ принцессы, князь Карлъ Радзивилъ сдѣлалъ ей пышный офиціальный визитъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, и представилъ бывшихъ съ нимъ знатныхъ поляковъ: своего дядю князя Радзивила, графа Потоцкаго, стоявшаго во главѣ польской генеральной конфедераціи, графа Пржездецкаго, старосту Пинскаго, Чарномскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ генеральной конфедераціи, и многихъ другихъ. Радзивилъ и Потоцкій были въ лентахъ. На другой день принцесса сдѣлала визитъ графинѣ Моравской, у которой въ то время находился и братъ ея. Затѣмъ князь Карлъ Радзивилъ часто посѣщалъ принцессу, являясь къ ней обыкновенно въ сопровожденіи своего секретаря Микошты. Графиня Пиннебергъ жила роскошно и открыто въ палатахъ французскаго резидента и искала новыхъ знакомствъ *). Толпа польскихъ и французскихъ офицеровъ, собравшихся вокругъ князя Радзивила, чтобъ ѣхать съ нимъ на подмогу туркамъ противъ Россіи, ежедневно наполняла пріемныя комнаты графини. Кромѣ Радзивиловъ, чаще другихъ у нея бывали: графъ Потоцкій, графъ Пржездецкій и Эдуардъ Вортли Монтегю, англичанинъ, долго путешествовавшій по Востоку, сынъ извѣстной англійской писательницы лэди Мэри, дочери герцога Кингстонъ. Нерѣдко посѣщали ее два капитана изъ Варварійскихъ владѣній султана, Гассанъ и Мехеметъ, корабли которыхъ стояли въ то время въ Венеціанскомъ портѣ. На одномъ изъ этихъ кораблей графиня Пиннебергъ намѣревалась ѣхать къ султану. Но роскошная жизнь ея въ Венеціи скоро истощила ея средства. Съ обычною ловкостью принялась она за прежнее: искать денегъ. Несмотря однако на новоизобрѣтенные разсказы о богатыхъ агатовыхъ копяхъ, находящихся будто бы въ принадлежащемъ ей Оберштейнѣ, несмотря на знакомство графини съ венеціанскими банкирами, она никакъ не могла доставать много денегъ; венеціанскій банкъ ссудилъ ей только 200 червонцевъ. Тогда графиня Пиннебергъ стала торопить Радзивила отъѣздомъ въ Константинополь, куда 16-го мая они вмѣстѣ и отправились.

Пріѣздъ графини въ Венецію надѣлалъ немало шума. Сначала было приняли ее за жену графа Гольштейнъ-Лимбурга, но, получивъ отъ

*) Въ № 38 «Московскихъ Вѣдомостей» 1774, отъ 13-го мая, напечатано извѣстіе изъ Венеціи отъ 18-го марта: «Князь Радзивилъ и *его сестра* учатся по-турецки и поѣдутъ въ Рагузу, откуда, какъ сказываютъ, турецкая эскадра проводитъ ихъ въ Константинополь». М. Н. Лонгиновъ («Русскій Вѣстникъ», 1859, № 24, стр. 723) думаетъ, что подъ именемъ сестры Радзивила должно разумѣть княжну Тараканову, но теперь мы знаемъ, что въ мартѣ 1774 года въ Венеціи дѣйствительно жила родная сестра Радзивила, графиня Моравская, а самозванной дочери императрицы Елизаветы Петровны до конца мая еще не было въ Венеціи.

него запрещеніе называться его женой, она отрицала это: безъ сомнѣнія, и резидентъ князя при Венеціанской республикѣ старался о разсѣяніи этихъ слуховъ. Стали обращаться къ князю Карлу Радзивилу, находившемуся съ ней въ ежедневныхъ почти сношеніяхъ, и „пане коханку“, подъ условіемъ строжайшей тайны, каждому разсказывалъ, что это дочь русской императрицы Елизаветы, рожденная отъ тайнаго брака, и пріѣхала изъ Германіи, чтобы подъ его покровительствомъ ѣхать въ Константинополь. Сама самозванка старалась о распространеніи такихъ слуховъ.

Варварійскіе капитаны, 16-го іюня 1774 г., посадили на корабли свои князя Карла Радзивила съ его дядей, съ графиней Моравскою и многочисленнымъ сборищемъ польскихъ и французскихъ офицеровъ. Съ ними же сѣла и графиня Пиннебергъ со всѣмъ дворомъ своимъ, кромѣ гофмаршала барона Кнорра, оставшагося въ Венеціи для устройства ея дѣлъ и для веденія переписки. Когда графиня Пиннебергъ пріѣхала на рейдъ, Радзивилъ со своими былъ уже на палубѣ. Ее встрѣтили съ большимъ почетомъ. Ей всѣ представились и, по придворному этикету, цѣловали ея руку. Радзивилы обходились съ ней самымъ почтительнымъ образомъ, равно какъ и графиня Моравская.

Путешествіе сначала шло при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Варварійскіе корабли плыли на югъ по Адріатикѣ, но вдругъ подулъ противный вѣтеръ, и они едва добрались до острова Корфу. Вышедши съ корфіотскаго рейда, Гассанъ, опасаясь бѣдствій на морѣ, рѣшился возвратиться въ Венецію. Этимъ воспользовались сестра и дядя Карла Радзивила, намѣреваясь изъ Венеціи сухимъ путемъ отправиться въ Польшу. Принцессѣ также совѣтовали воротиться, но роковая судьба влекла ее. Съ Карломъ Радзивиломъ перешла она на корабль Мехемета, который брался довезти ихъ до Константинополя. Противные вѣтры однако понесли корабль назадъ, къ сѣверу, и въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 г. Мехеметъ принужденъ былъ бросить якорь у Рагузы.

Рагузская республика не питала симпатіи къ Екатеринѣ II: графъ Орловъ-Чесменскій, начальствовавшій русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, немало надѣлалъ досады ея сенату. Потому „великая княжна Елизавета“ принята была съ радостью, хотя сенатъ и воздержался офиціально признать ее въ присвоиваемомъ ею званіи. Такъ же, какъ и въ Венеціи, принцессѣ уступленъ былъ для помѣщенія домъ французскаго консула при Рагузской республикѣ, де-Риво. Этотъ домъ сдѣлался, такъ сказать, главною квартирой польско-французской экспедиціи. Радзивилъ съ знатнѣйшими членами своей свиты ежедневно обѣдалъ у „великой княжны Всероссійской“. Расходы платилъ Радзивилъ.

Въ Рагузѣ „великая княжна Елизавета“ оставалась до ноября 1774. Отсюда она писала письма къ султану, къ Орлову-Чесменскому и къ воспитателю Павла Петровича, графу Никитѣ Ивановичу Панину.

XV.

Планъ дѣйствій „принцессы Елизаветы“ окончательно созрѣлъ въ Рагузѣ. Поляки на ежедневныхъ обѣдахъ внушали ей мысль — торжественно объявить о правахъ своихъ на престолъ и въ этомъ смыслѣ послать воззваніе въ русскую армію, находившуюся тогда въ Турціи, и другое — на русскую эскадру, стоявшую подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно. Не болѣе какъ черезъ недѣлю по прибытіи въ Рагузу (10-го іюля) принцесса писала уже къ Горнштейну, что намѣрена объявить о своемъ происхожденіи русскимъ морякамъ, и что это тѣмъ болѣе нужно, что недоброжелатели уже распространили ложные слухи, будто она умерла. „Постараюсь, — писала она: — овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно; это не очень далеко отсюда. Мнѣ необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухъ о моей смерти. Провидѣніе отомститъ за меня. Я издамъ манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ Константинополѣ; они работаютъ, что̀ нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объвить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣшкаю, стану во главѣ моей арміи, и меня признаютъ“. Далѣе „великая княжна“ упоминала о документахъ, доказавшихъ будто бы права ея на корону.

Документы эти были составлены, по всей вѣроятности, поляками. Хотя при дѣлѣ находятся они, переписанные рукой самой претендентки *), но, по сличеніи ихъ съ письмами ея и съ другими бумагами, не остается сомнѣнія, что они вышли изъ-подъ редакціи не самозванки, а другого лица, лучше ея владѣвшаго французскимъ языкомъ. Одинъ изъ документовъ (духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны) найденъ въ бумагахъ принцессы въ двухъ экземплярахъ: одинъ переписанъ ея рукой, а на другомъ, съ котораго, вѣроятно, она списывала копіи, находится ея собственноручная надпись: „*Testament d'Elisabeth, Princesse impériale de toutes les Russies*“. По удостовѣренію составителя „Записки о самозванкѣ“, помѣщенной въ „Чтеніяхъ“, почеркъ послѣдняго не имѣетъ сходства ни съ почеркомъ князя Лимбурга ни съ почеркомъ лицъ, составлявшихъ его общество, стало-быть, означенные документы были писаны не въ Оберштейнѣ. По всей вѣроятности, они были приготовлены поляками заблаговременно и вручены принцессѣ въ Рагузѣ. Можетъ-быть, это была работа Доманскаго или Чарномскаго. Такъ полагаетъ графъ В. Н. Панинъ, доставившій свѣдѣнія о самозванкѣ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей.

---

*) Два экземпляра завѣщанія Петра I, экземпляръ завѣщанія Екатерины I и одинъ изъ двухъ экземпляровъ завѣщанія Елизаветы Петровны переписаны рукой самой самозванки.

Вручившіе принцессѣ копіи съ духовныхъ завѣщаній увѣрили ее, что русскіе подлинники хранятся въ надежныхъ рукахъ. Такъ впослѣдствіи сама она писала графу Орлову.

Документы эти состояли изъ подложныхъ духовныхъ завѣщаній Петра I и Елизаветы Петровны и изъ экстракта дѣйствительнаго завѣщанія Екатерины I. Завѣщаніе Петра I состоитъ изъ шести пунктовъ. Первымъ назначается преемницей императорскаго престола Екатерина (la czarine), въ остальныхъ находятся слѣдующія распоряженія: Екатеринѣ наслѣдуетъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и его потомство, а дочери ея получаютъ завоеванныя Петромъ области: островъ Эзель, Эстляндію и Лифляндію, а также доходъ съ рижской таможни. Великій князь Петръ Алексѣевичъ долженъ жениться на принцессѣ изъ дома Любекскаго. Если онъ не оставитъ потомства, русская корона переходитъ къ Аннѣ Петровнѣ и ея наслѣдникамъ, съ тѣмъ однако, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ на шведскомъ престолѣ, не можетъ быть русскимъ императоромъ. Если Анна Петровна не оставитъ наслѣдниковъ, престолъ переходитъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и ея потомству.

Экстрактъ изъ духовнаго завѣщанія Екатерины I во всемъ согласенъ съ дѣйствительнымъ завѣщаніемъ этой императрицы.

Вотъ мнимое завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны:

„Елизавета *Петровна* (?), дочь моя, наслѣдуетъ мнѣ и управляетъ Россіей такъ же самодержавно, какъ и я управляла. Ей наслѣдуютъ дѣти ея, если же она умретъ бездѣтною — потомки Петра, герцога Голштинскаго *).

„Во время малолѣтства дочери моей Елизаветы, герцогъ Петръ Голштинскій будетъ управлять Россіей съ тою же властью, съ какою я управляла. На его обязанность возлагается воспитаніе моей дочери; преимущественно она должна изучить русскіе законы и установленія. По достиженіи ею возраста, въ которомъ можно будетъ ей принять въ свои руки бразды правленія, она будетъ всенародно признана императрицею Всероссійскою, а герцогъ Петръ Голштинскій пожизненно сохранитъ титулъ императора, и если принцесса Елизавета, великая княжна Всероссійская, выйдетъ замужъ, то супругъ ея не можетъ пользоваться титуломъ императора ранѣе смерти Петра, герцога Голштинскаго. Если дочь моя не признаетъ нужнымъ, чтобы супругъ ея именовался императоромъ, воля ея должна быть исполнена какъ воля самодержицы. Послѣ нея престолъ принадлежитъ ея потомкамъ какъ по мужской, такъ и по женской линіи.

„Дочь моя Елизавета учредитъ (верховный) совѣтъ и назначитъ членовъ его. При вступленіи на престолъ она должна возстановить прежнія права этого совѣта. Въ войскѣ она можетъ дѣлать всякія преобразованія, какія пожелаетъ. Черезъ каждые три года всѣ присутственныя мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія, должны представлять ей отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, а также счеты. Все это разсматривается въ совѣтѣ дворянъ (Conseil des Nobles), которыхъ назначитъ дочь моя Елизавета.

„Каждую недѣлю должна она давать публичную аудіенцію. Всѣ просьбы

*) Императоръ Петръ III.

подаются въ присутствіи императрицы, и она одна производитъ по нимъ рѣшенія. Ей одной предоставляется право отмѣнять или измѣнять законы, если признаѣтъ то нужнымъ.

„Министры и другіе члены совѣта рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ, но не могутъ приводить ихъ въ исполненіе до утвержденія постановленія ихъ императрицею Елизаветою Второй.

„Завѣщаю, чтобы русскій народъ всегда находился въ дружбѣ съ своими сосѣдями. Это возвыситъ богатство народа, а безполезныя войны ведутъ лишь къ уменьшенію народонаселенія.

„Завѣщаю, чтобъ Елизавета послала посланниковъ ко всѣмъ дворамъ и каждые три года перемѣняла ихъ.

„Никто изъ иностранцевъ, а также изъ непринадлежащихъ къ православной церкви, не можетъ занимать министерскихъ и другихъ важныхъ государственныхъ должностей.

„Совѣтъ дворянъ назначаетъ уполномоченныхъ ревизоровъ, которые будутъ черезъ каждые три года обозрѣвать отдаленныя провинціи и вникать въ мѣстное положеніе дѣлъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, въ состояніе таможенъ, рудниковъ и другихъ принадлежностей короны.

„Завѣщаю, чтобы губернаторы отдаленныхъ провинцій, Сибири, Астрахани, Казани и др., отъ времени до времени представляли отчеты по своему управленію въ высшія учрежденія въ Петербургъ или въ Москву, если въ ней Елизавета утвердитъ свою резиденцію.

„Если кто сдѣлаетъ какое-либо открытіе, клонящееся къ общенародной пользѣ или къ славѣ императрицы, тотъ о своемъ открытіи секретно представляетъ министрамъ и, шесть недѣль спустя, въ канцелярію департамента, завѣдывающаго тою частію; черезъ три мѣсяца послѣ того дѣло поступаетъ на рѣшеніе императрицы въ публичной аудіенціи, а потомъ въ продолженіе девяти дней объявляется всенародно съ барабаннымъ боемъ.

„Завѣщаю, чтобы въ Азіатской Россіи были установлены особыя учрежденія для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію и заведены колоніи, при непремѣнномъ условіи совершенной терпимости всѣхъ религій. Сенатомъ будутъ назначены особые чиновники для наблюденія въ колоніяхъ за каждою народностію. Поселены будутъ разнаго рода ремесленники, которые будутъ работать на императрицу и находиться подъ непосредственною ея защитой. За трудъ свой они будутъ вознаграждаемы ежемѣсячно изъ мѣстныхъ казначействъ. Всякое новое изобрѣтеніе будетъ вознаграждаемо по мѣрѣ его полезности.

„Завѣщаю завести въ каждомъ городѣ на счетъ казны народное училище. Черезъ каждые три мѣсяца мѣстные священники обозрѣваютъ эти школы.

„Завѣщаю, чтобы всѣ церкви и духовенство были содержимы на казенное иждивеніе.

„Каждый налогъ назначается не иначе, какъ самою дочерью моею Елизаветой.

„Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно будетъ производимо исчисленіе народа, и черезъ каждые три года будутъ посылаемы на мѣста особые чиновники, которые будутъ собирать составленныя чиновниками переписи.

„Елизавета Вторая будетъ пріобрѣтать, промѣнивать, покупать всякаго рода имущества, какія ей заблагоразсудится, лишь бы это было полезно и пріятно народу.

„Должно учредить военную академію для обученія сыновей всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Отдѣльно отъ нея должна быть

устроена академія гражданская. Дѣти будутъ приниматься въ академію девяти лѣтъ.

„Для подкидышей должны быть основаны особыя постоянныя заведенія. Для незаконнорожденныхъ учредить сиротскіе дома и воспитанниковъ выпускать изъ нихъ въ армію или къ другимъ должностямъ. Отличившимся императрица можетъ даровать право законнаго рожденія, пожаловавъ кокарду красную съ черными каймами и грамоту за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной печати.

„Завѣщаю, чтобы вся русская нація отъ перваго до послѣдняго человѣка исполнила сію нашу послѣднюю волю, и чтобы всѣ, въ случаѣ надобности, поддерживали и защищали Елизавету, мою единственную дочь и единственную наслѣдницу Россійской имперіи.

„Если до вступленія ея на престолъ будетъ объявлена война, заключенъ какой-либо трактатъ, изданъ законъ или уставъ, все это не должно имѣть силы, если не будетъ подтверждено согласіемъ дочери моей Елизаветы, и все можетъ быть отмѣнено силою ея высочайшей воли.

„Предоставляю ея благоусмотрѣнію уничтожать и отмѣнять все сдѣланное до вступленія ея на престолъ.

„Сіе завѣщаніе заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю. Благословляю дочь мою Елизавету во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Съ первыхъ же дней пребыванія въ Рагузѣ, графиня Пиннебергъ, на ежедневныхъ обѣдахъ въ ея квартирѣ, такъ разсказывала французскимъ и польскимъ сотрапезникамъ исторію своихъ приключеній: „Я дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ брака ея съ казацкимъ гетманомъ (grand hetman de tous les Cosaques *), княземъ Разумовскимъ. Я родилась въ 1753 году и до девятилѣтняго возраста жила при матери. Когда она скончалась, правленіе Русскою имперіей принялъ племянникъ ея, принцъ Голштейнъ-Готторпскій, и, согласно завѣщанію моей матери, былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Я должна была лишь по достиженіи совершеннолѣтія вступить на престолъ и надѣть русскую корону, которой не надѣлъ Петръ, не имѣя на то права. Но черезъ полгода по смерти моей матери жена императора Екатерина низложила своего мужа, объявила себя императрицей и короновалась въ Москвѣ мнѣ принадлежащею, древнею короной царей московскихъ и всея Россіи. Лишенный власти императоръ Петръ, мой опекунъ, умеръ. Меня, девятилѣтняго ребенка, сослали въ Сибирь. Тамъ я пробыла годъ. Одинъ священникъ сжалился надъ моею судьбой и освободилъ меня изъ заточенія. Онъ вывезъ меня изъ Сибири въ главный городъ донскихъ казаковъ (la capitale de Donskoï). Друзья отца моего укрыли меня въ его домѣ, но обо мнѣ узнали, и я была отравлена. Принятыми своевременно медицинскими средствами была я од-

*) Отецъ княжны Таракановой никогда не былъ казацкимъ гетманомъ; въ это званіе избранъ въ 1750 году и утвержденъ въ немъ императрицей меньшой братъ его, графъ Кириллъ Григорьевичъ. Оба Разумовскіе были только графами, а не князьями. Княжеское достоинство изъ Разумовскихъ получилъ сынъ гетмана, графъ Андрей Кирилловичъ, первый посолъ на Вѣнскомъ конгрессѣ ноября 24-го 1814 года.

нако возвращена къ жизни. Чтобъ избавить меня отъ новыхъ опасностей, отецъ мой, князь Разумовскій, отправилъ меня къ своему родственнику, шаху персидскому *). Шахъ осыпалъ меня благодѣяніями, пригласилъ изъ Европы учителей разныхъ наукъ и искусствъ и далъ мнѣ, сколько было возможно, хорошее воспитаніе. Въ это же время научилась я разнымъ языкамъ какъ европейскимъ, такъ и восточнымъ. До семнадцатилѣтняго возраста (1760 г.) не знала я тайны моего рожденія; когда же достигла этого возраста, персидскій шахъ открылъ ее мнѣ и предложилъ свою руку. Какъ ни блистательно было предложеніе, сдѣланное мнѣ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государемъ Азіи, но какъ я должна бы была, въ случаѣ согласія, отречься отъ Христа и православной вѣры, къ которой принадлежу съ рожденія, то я отказалась отъ сдѣланной мнѣ чести. Шахъ, надѣливъ меня богатствами, отправилъ меня въ Европу, въ сопровожденіи знаменитаго своею ученостью и мудростью Гали. Я переодѣлась въ мужское платье, объѣздила всѣ наши (живущіе въ Россіи) народы христіанскіе и нехристіанскіе, проѣхала черезъ всю Россію, была въ Петербургѣ и познакомилась тамъ съ нѣкоторыми знатными людьми, бывшими друзьями покойнаго отца моего. Отсюда отправилась я въ Берлинъ, сохраняя самое строгое инкогнито, здѣсь была принята королемъ Фридрихомъ II и начала называться принцессой. Тутъ умеръ Гали, я отправилась въ Лондонъ, оттуда въ Парижъ, наконецъ въ Германію, гдѣ пріобрѣла покупкой у князя Лимбурга графство Оберштейнъ. Здѣсь я рѣшилась ѣхать въ Константинополь, чтобъ искать покровительства и помощи султана. Приверженцы мои одобрили такое намѣреніе, и я отправилась въ Венецію, чтобы вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ ѣхать въ столицу султана".

Свита князя Радзивила, состоявшая изъ восьмидесяти офицеровъ, была въ восхищеніи отъ разсказовъ графини Пиннебергъ. Французскіе искатели приключеній и польская шляхта уже мечтали о почестяхъ и богатствахъ, ожидающихъ ихъ въ Петербургѣ, если, при ихъ содѣйствіи, очаровавшая всѣхъ милою любезностью, своимъ умомъ и разнообразными талантами ежедневная ихъ собесѣдница надѣнетъ на свою красивую головку русскую императорскую корону. Нельзя думать, чтобы всѣ эти люди знали о самозванствѣ принцессы и такимъ образомъ сознательно участвовали въ обманѣ. Вполнѣ владѣли тайной, конечно, только князь Радзивилъ да самые ближайшіе его совѣтники.

Графиня Пиннебергъ увѣряла, что въ Россіи есть сильная партія, преданная ей и желающая видѣть ее на престолѣ. Во главѣ этой партіи,

---

*) Въ письмѣ къ англійскому посланнику въ Неаполѣ, сэру Вильямсу Гамильтону изъ Рима, отъ 12-го декабря 1774 года, принцесса называетъ этого шаха Жамасъ: «Schah Jamas était encore roi de Perse». Можетъ-быть, она хотѣла сказать Тахмасъ (Надиръ-шахъ), но онъ умеръ ранѣе этого времени.

по словамъ ея, находился родной братъ ея, князь Разумовскій, извѣстный подъ именемъ Пугачева. По словамъ ея, Пугачевъ былъ сынъ князя Разумовскаго отъ перваго брака. Такъ писала самозванка верховному визирю. Другимъ принцесса говорила, что Пугачевъ человѣкъ знатнаго происхожденія, изъ донскихъ казаковъ, искусный генералъ, хорошій математикъ и отличный тактикъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ привлекать къ себѣ народныя толпы, потому что умѣетъ убѣдительно говорить съ простонародьемъ. „Когда Разумовскій, отецъ мой, — продолжала она: — пріѣхалъ въ Петербургъ, этотъ Пугачевъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, находился въ его свитѣ. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Разумовскому андреевскую ленту и сдѣлала его великимъ гетманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, а Пугачева назначила пажомъ при своемъ дворѣ. Замѣтивъ, что молодой человѣкъ выказываетъ большую склонность къ изученію военнаго искусства, она отправила его въ Берлинъ, гдѣ онъ и получилъ блистательное военное образованіе“. Еще находясь въ Берлинѣ, Пугачевъ, по разсказамъ принцессы, дѣйствовалъ, насколько было ему возможно, въ пользу своей сестры, законной наслѣдницы русскаго престола, скрывавшейся подъ разными именами сначала въ Персіи, а потомъ въ разныхъ государствахъ Европы. Въ свою очередь, дѣйствовалъ въ ея пользу и персидскій шахъ, другой ея родственникъ и воспитатель. Такъ какъ Персія ведетъ обширную торговлю со всѣми восточными странами и въ томъ числѣ съ азіатскими провинціями Русской имперіи, то шахъ, посредствомъ торговцевъ, успѣлъ склонить на сторону „великой княжны Елизаветы“ многихъ изъ обитателей этихъ провинцій. Съ одной стороны шахъ, съ другой—князь Разумовскій подъ именемъ Пугачева тайными путями успѣли наконецъ привлечь все населеніе сосѣднихъ съ Персіей и другихъ восточныхъ областей Россіи на ея сторону. Тогда, чтобы быть въ безопасности, она поѣхала въ Европу, а Пугачевъ, оставивъ Берлинъ, сталъ во главѣ населенія, возставшаго противъ Екатерины. Онъ рѣшился на этотъ подвигъ, говорила „великая княжна Елизавета“, чтобъ избавить множество невинно сосланныхъ Екатериной, томившихся въ хижинахъ Сибири. Когда восточныя провинціи возстали, желая видѣть на престолѣ Елизавету II, Пугачевъ объявилъ себя регентомъ имперіи. Такъ какъ, по смыслу завѣщанія императрицы Елизаветы Петровны, регентомъ назначенъ былъ принцъ Петръ Голштинскій съ титуломъ императора, то и Пугачевъ офиціально принялъ на себя имя Петра и титулъ императора. Но главная цѣль его возстанія состоитъ въ возведеніи на престолъ сестры своей, законной наслѣдницы русскаго престола. Такъ какъ она достигла уже совершеннолѣтія, то онъ, свергнувъ съ престола Екатерину, немедленно передастъ ей самодержавную власть надъ всѣми областями Русской имперіи.

Такія розсказни разсказывала въ Рагузѣ „принцесса Владимірская“. Несмотря на очевидную ихъ сказочность, имъ вѣрили и обо всемъ раз-

сказываемомъ принцессою распространяли слухи по Европѣ. Нѣкоторые изъ этихъ слуховъ нашли себѣ мѣсто на столбцахъ „Франкфуртской“ и „Утрехтской“ газетъ. Герцогъ Ларошфуко и графъ Бюсси, пріѣзжавшіе въ Оберштейнъ къ скучавшему по своей подругѣ князю Лимбургу, увѣряли его, что въ парижскихъ салонахъ много толкуютъ о принцессѣ и представляютъ будущность ея въ самомъ блестящемъ видѣ, ибо полагаютъ за несомнѣнное, что она, по законно ей принадлежащему праву, рано или поздно надѣнетъ корону Россійской имперіи *). Въ „Gazette d'Utrecht“ **) была напечатана корреспонденція изъ Неаполя отъ 4-го августа, въ которой много говорилось о почестяхъ, оказываемыхъ въ Рагузѣ „польскимъ княземъ“—„неизвѣстной принцессѣ“.

Въ самой Рагузѣ слухъ о наслѣдницѣ русскаго престола, „Елизаветѣ II“, сдѣлался до того общимъ, что тамошній сенатъ встревожился. Хотя Рагузская республика и была недовольна Екатериной, но сенаторы не могли не опасаться вредныхъ для ихъ отечества послѣдствій, если русское правительство обратитъ серьезное вниманіе на происки претендентки. Въ такомъ случаѣ слабой республикѣ, которой русскіе уже одинъ разъ дали сильный урокъ, предстояла бы неминуемая опасность. Рагузскій сенатъ отнесся въ Петербургъ къ своему повѣренному по дѣламъ о домогательствахъ неизвѣстной женщины, называющей себя „великою княжной Всероссійской“, предписавъ сообщить объ этомъ графу Никитѣ Ивановичу Панину, завѣдывавшему иностранными дѣлами. Но Панинъ не счелъ нужнымъ придавать этому дѣлу какую-либо важность: онъ просилъ рагузскаго повѣреннаго увѣдомить сенатъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на „эту побродяжку“.

Само собою разумѣется, что графъ Панинъ о сообщеніи рагузскаго сената докладывалъ императрицѣ, и самый отвѣтъ повѣренному данъ былъ по ея повелѣнію. Екатерина не желала дѣлать изъ этого громкой исторіи и придумала иное средство уничтожить самозванку съ ея замыслами. Она рѣшилась безъ шума и огласки захватить ее въ чужихъ краяхъ. Для исполненія такого плана императрица избрала графа Алексѣя Орлова, котораго рѣшительность и находчивость въ подобныхъ случаяхъ были ей очень хорошо извѣстны.

XVI.

Въ первые дни пребыванія въ Рагузѣ, князь Радзивилъ и свита его относились къ „принцессѣ Елизаветѣ“ чрезвычайно почтительно и соблюдали относительно нея строгій этикетъ. Она была центромъ польско-французской колоніи, жившей въ Рагузѣ, самъ „пане коханку“, казалось, отошелъ на второй планъ. Опутанная сѣтями интриги, искусно сплетенной поляками при несомнѣнномъ участіи достопочтенныхъ от-

*) Де-Маринъ писалъ объ этомъ принцессѣ въ Рагузу.

**) „Gazette d'Utrecht“, 1774 г. № 68.

цовъ-іезуитовъ, такъ-называемая великая княжна, не зная ничего положительнаго о своемъ рожденіи, отчасти сама вѣрила тому, что̀ о ней разсказывали и что̀, съ голоса совѣтниковъ, сама она разсказывала и писала къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и даже къ государямъ. Оказываемое ей почтеніе принимала она какъ должное и къ самому Радзивилу стала относиться съ тономъ покровительства. Вѣроятно, „пане коханку“ наскучила эта комедія, притомъ же получавшіяся извѣстія о мирныхъ переговорахъ Порты съ Россіей и о пораженіи Пугачева разрушили надежды поляковъ; такъ или иначе, отношенія князя Радзивила къ принцессѣ вскорѣ измѣнились. Іюля 23-го, въ письмѣ къ князю Лимбургу, принцесса уже жаловалась на Радзивила. Она хотѣла напечатать въ газетахъ прокламацію о притязаніяхъ своихъ на русскую корону, хотѣла обнародовать завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны, но Радзивилъ тайно этому воспрепятствовалъ: увѣрилъ принцессу, что онъ отправилъ статьи къ журналистамъ, а въ самомъ дѣлѣ уничтожилъ ихъ.

Еще изъ Венеціи отправленъ былъ Радзивиломъ въ Константинополь одинъ изъ его агентовъ, Радзишевскій. Ему поручено было собрать нужныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и испросить у султана фирманъ на поѣздку Радзивила съ поляками и французами въ Турцію. Долго Радзишевскій не возвращался, и въ Рагузѣ не имѣли никакихъ достовѣрныхъ извѣстій съ театра войны. Наконецъ получено было письмо Радзишевскаго. Онъ писалъ изъ Адріанополя, отъ 13-го іюля (2-го по старому стилю, то-есть за восемь дней до заключенія Кучукъ-Кайнарджискаго мира), что турецкая армія находится въ самомъ жалкомъ состояніи, средства Турціи истощены, и, устрашенная побѣдами русскихъ, она склоняется къ миру. Полякамъ, находящимся въ турецкомъ лагерѣ, писалъ агентъ Радзивила, очень плохо, а Версальскій дворъ, на который возлагали такую надежду польскіе конфедераты, самъ предложилъ теперь султану свое посредничество для заключенія мира съ Екатериной. Что касается до фирмана Радзивилу и его свитѣ, онъ не былъ изготовленъ, и потому Радзишевскій не могъ и хлопотать о выдачѣ собравшимся въ Рагузѣ какого-либо пособія со стороны Порты — деньгами или жизненными припасами. Невыдача фирмана произошла, впрочемъ, вслѣдствіи интригъ самихъ поляковъ. Находившійся при турецкомъ войскѣ офиціальный агентъ польской конфедераціи Коссаковскій сильно интриговалъ въ Портѣ, чтобы не выдавали князю Радзивилу фирмана, и вполнѣ успѣлъ въ своихъ проискахъ. Радзивилъ не сообщилъ письма Радзишевскаго окружавшимъ его; онъ еще надѣялся перехитрить Коссаковскаго, достать султанскій фирманъ и, пріѣхавъ въ Константинополь, возбудить турокъ къ продолженію войны съ Россіей. Сообщилъ ли онъ извѣстія, полученныя отъ Радзишевскаго, принцессѣ— неизвѣстно, но съ этого времени она въ письмахъ своихъ въ Германію стала настойчиво увѣрять, что слухи о предлагаемомъ мирѣ Турціи съ Россіей и о пораженіи Пугачева не имѣютъ никакого основанія, что, на-

противъ, все благопріятствуетъ ея предпріятію, и что она въ скоромъ времени отправится въ Константинополь и присоединится къ турецкой арміи.

Между тѣмъ въ Кучукъ-Кайнарджи происходили мирные переговоры. Извѣстіе объ этомъ, хотя и нескоро, достигло Рагузы. Радзивилъ увидѣлъ, что предпріятіе его рушилось, и сталъ придумывать средства, какъ бы выйти изъ комическаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя передъ всею Европой, а особенно передъ поляками. Но принцесса не унывала. Самообольщенная до крайней степени, она еще надѣялась отклонить султана отъ ратификаціи мира предложеніемъ своей помощи. Доходившіе до нея слухи о всеобщемъ недовольствѣ въ Турціи условіями Кучукъ-Кайнарджискаго мира, о томъ, что султанъ Ахметъ и его правительство смотрятъ на него лишь какъ на кратковременное перемиріе, и что Порта при первомъ удобномъ случаѣ намѣрена нарушить его и начать новую войну противъ Екатерины—были совершенно справедливы. Они-то и поддерживали увѣренность „принцессы Елизаветы" въ успѣхѣ ея предпріятія. Она написала къ султану Ахмету (24-го августа) письмо, въ которомъ, объявляя себя законною наслѣдницей русскаго престола, просила снабдить ее и князя Радзивила фирманомъ. „Принцесса Елизавета, дочь покойной императрицы Всероссійской Елизаветы Петровны,—писала она: —умоляетъ императора Оттомановъ о покровительствѣ". Далѣе она упоминала, что несчастія, доселѣ преслѣдовавшія ее, препятствовали ей занять принадлежащій ей престолъ: ссылка въ Сибирь была первымъ препятствіемъ, затѣмъ ее отравили, и приверженцы принцессы долгое время отчаивались за ея жизнь, наконецъ она бѣжала къ родственнику своего отца, казацкаго гетмана, и теперь, соединясь въ Венеціи съ княземъ Карломъ Радзивиломъ, ожидаетъ въ Рагузѣ султанскаго фирмана. Предлагая союзъ Портѣ, принцесса увѣряла султана, что имѣетъ въ Россіи много приверженцевъ, которые уже одержали значительныя побѣды надъ войсками Екатерины, и что русскій флотъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени признаетъ ее императрицей, что она уже послала въ Ливорно воззваніе къ морякамъ. Склоняя султана къ союзу, принцесса говорила, что Швеція, которой она уступаетъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ у нея провинцій, присоединится къ ихъ союзу, равно и Польша, которую они сообща возстановятъ въ старинныхъ ея предѣлахъ. Подъ письмомъ она подписала: „Вашего Императорскаго Величества вѣрный другъ и сосѣдка Елизавета" (De votre majesté impériale la fidèle amie et voisine Elisabeth).

Копія съ этого письма къ султану послана была принцессой, при весьма привѣтливомъ письмѣ, къ верховному визирю. Она просила его переслать эту копію къ „сыну Разумовскаго, monsieur de Puhaczew", и оказывать ему всевозможную помощь *). Еще не зная, что „любезный

*) Письмо принцессы къ верховному визирю находилось еще въ срединѣ 60-хъ годовъ у извѣстнаго піаниста Аполлинарія Контскаго.

братецъ ея", Пугачевъ, въ это время уже разбитый и по пятамъ преслѣдуемый Михельсономъ, бѣжалъ въ заволжскія степи, гдѣ вскорѣ и выданъ былъ сообщниками своими коменданту Яицкаго Городка. „великая княжна Елизавета", посылкой къ нему копіи съ письма своего къ султану, хотѣла, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ связать предпріятіе свое съ дѣломъ самозванца, возмутившаго восточныя области Европейской Россіи *).

Письма были отправлены въ Константинополь. Князь Радзивилъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, не желая компрометировать себя предъ султаномъ и предъ лицомъ всей Европы, приказалъ находившемуся въ Царьградѣ своему агенту не отдавать по назначенію посланій „великой княжны Всероссійской". Она этого не знала и съ нетерпѣніемъ ожидала султанскаго фирмана.

XVII.

Принцесса Елизавета, говоря въ письмѣ къ повелителю Османовъ, что она послала воззваніе къ русскому флоту, находившемуся въ Ливорно, сказала правду. Дѣйствительно, еще за четыре дня до отправленія письма къ султану (18-го августа 1774 года) она набросала мысли для составленія воззванія къ русскимъ морякамъ и написала письмо къ графу Алексѣю Орлову. Запечатавъ то и другое въ одинъ пакетъ, она передала его новому своему любовнику, варварійскому капитану Гассану, который долженъ былъ доставить его въ Венецію англичанину Монтегю. Въ письмѣ къ Монтегю принцесса просила его доставить прилагаемый пакетъ графу Орлову и прислать ей денегъ, въ которыхъ она нуждалась. Монтегю взялся исполнить ея порученіе относительно пересылки пакета, но денегъ достать не могъ. Отвѣчая ей, онъ совѣтовалъ быть какъ можно осторожнѣе съ французскими офицерами, находившимися въ Рагузѣ, присовокупляя, что французскій рези-

*) Въ то время, какъ въ Россіи, такъ и за границей, ходили слухи о сношеніяхъ турецкаго правительства съ Пугачевымъ. Вольтеръ, въ письмѣ къ императрицѣ Екатеринѣ II (2-го февраля 1774 года), говоритъ, что, повидимому, Пугачевское возмущеніе затѣяно кавалеромъ Тоттомъ (который во время войны турокъ съ Россіей устраивалъ имъ артиллерію, лилъ пушки, укрѣплялъ города и пр.). О сношеніяхъ турецкихъ сановниковъ и г. Тотта съ Пугачевымъ говорилось и въ европейскихъ газетахъ. Екатерина, отвѣчая Вольтеру (4-го марта 1774 года), писала: «Однѣ только газеты распространяютъ молву о разбойникѣ Пугачевѣ; онъ не имѣетъ съ г. Тоттомъ ни явнаго ни тайнаго сношенія. Я, съ своей стороны, презираю какъ пушки, выливаемыя однимъ изъ нихъ, такъ и предпріятіе другого. Впрочемъ, Пугачевъ и Тоттъ имѣютъ между собой одно общее: одинъ готовитъ себѣ петлю изъ пеньковой веревки, а другой подвергается опасности получить въ подарокъ петлю шелковую». Принцесса, жадно ловившая всѣ газетныя новости, знала, конечно, о разглашавшейся поддержкѣ Пугачева турками. Это, вѣроятно, и подало ей мысль установить сношенія съ «любезнымъ братцемъ» черезъ перваго сановника Оттоманской имперіи.

дентъ при Венеціанской республикѣ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сталъ отзываться о принцессѣ чрезвычайно странно, и, какъ кажется, дѣлалъ это по приказанію Версальскаго двора.

Въ „манифестикѣ", какъ называла принцесса бумагу, посланную къ графу Орлову, набросаны были мысли, развить которыя долженъ былъ самъ графъ Орловъ въ большомъ, въ офиціальномъ, такъ сказать, манифестѣ, назначенномъ для флотскаго экипажа. Вотъ этотъ манифестикъ: „Въ духовномъ завѣщаніи императрицы Всероссійской Елизаветы, сдѣланномъ въ пользу дочери ея Елизаветы *Петровны* (?), сказано: „дочь моя, Елизавета Петровна, наслѣдуетъ мнѣ и будетъ управлять такъ же самодержавно, какъ и я управляла". Принцесса Елизавета не могла доселѣ обнародовать сего манифеста, потому что находилась въ заключеніи въ Сибири, была отравляема ядомъ, словомъ, подвергалась тысячѣ опасностей. Теперь, когда русскій народъ рѣшился поддерживать законныя права наслѣдницы престола, она признала благовременнымъ торжественно объявить, что ей принадлежатъ права наслѣдія, извѣстныя всей Европѣ. Духовное завѣщаніе, на которомъ основываются эти права, заключаетъ въ себѣ статьи, направленныя къ благоденствію народа русскаго. Всѣ вѣрные наши подданные рѣшились принять сторону великой княжны, находившейся въ гоненіи со времени кончины матери ея, покойной императрицы Елизаветы Петровны. Сіе и насъ побудило сдѣлать рѣшительный шагъ, дабы вывести народъ нашъ изъ настоящихъ его злоключеній на степень, подобающую ему среди народовъ сосѣднихъ, которые навсегда пребудутъ мирными нашими союзниками. Мы рѣшились на сіе, имѣя единственною цѣлью благоденствіе отечества и всеобщій покой. Божіею милостію, мы, Елизавета Вторая, принцесса Всероссійская, объявляемъ всенародно, что русскому народу предстоитъ одно изъ двухъ: стать за нее или противъ нея. Мы имѣемъ всѣ права на похищенный у насъ престолъ и въ непродолжительномъ времени обнародуемъ духовное завѣщаніе блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, и тѣ, которые откажутся принести намъ вѣрноподданскую присягу, подвергнутся заслуженному наказанію, на основаніи законовъ, постановленныхъ самимъ народомъ и возстановленныхъ Петромъ I, императоромъ Всероссійскимъ".

Вѣроятно, для того, чтобы скрыть до времени отъ Орлова настоящее свое мѣстопребываніе, принцесса подъ этимъ документомъ написала, что онъ посылается изъ средины Турціи, и въ письмѣ сказала, что она находится на турецкой эскадрѣ.

Къ графу Орлову она писала слѣдующее:

„Принцесса Елизавета Всероссійская желаетъ знать, чью сторону примете вы, графъ, при настоящихъ обстоятельствахъ? Духовное завѣщаніе блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, составленное въ пользу дочери ея, цѣло и находится въ надежныхъ рукахъ. Князь Разумовскій, подъ именемъ Пугачева, находясь во главѣ нашей партіи,

благодаря всеобщей преданности русскаго народа къ законнымъ наслѣдникамъ престола, имѣетъ блистательные успѣхи. Ободряемые этимъ, мы рѣшились предъявить права свои и выйти изъ печальнаго положенія, въ какое поставлены. Всему народу извѣстно, что принцесса Елизавета была сослана въ Сибирь и потомъ перенесла много другихъ бѣдствій. Избавясь отъ людей, посягавшихъ на самую жизнь ея, она находится теперь внѣ всякой опасности, ибо многіе монархи ее поддерживаютъ и оказываютъ ей свое содѣйствіе.

„Торжественно провозглашая законныя права свои на Всероссійскій престолъ, принцесса Елизавета обращается къ вамъ, графъ. Долгъ, честь, слава — словомъ, все обязываетъ васъ стать въ ряды ея приверженцевъ.

„Видя отечество разореннымъ войной, которая съ каждымъ днемъ усиливается, а если и прекратится, то развѣ на самое короткое время, внимая мольбамъ многочисленныхъ приверженцевъ, страдающихъ подъ тяжкимъ игомъ, принцесса, приступая къ своему дѣлу, руководится не однимъ своимъ правомъ, но и стремленіями чувствительнаго сердца. Она желала бы знать, примете ли вы, графъ, участіе въ ея предпріятіи.

„Если вы желаете перейти на нашу сторону, объявите манифестъ, на основаніи прилагаемыхъ при семъ статей. Если вы не захотите стать за насъ, мы не будемъ сожалѣть, что сообщили вамъ о своихъ намѣреніяхъ. Да послужитъ это вамъ удостовѣреніемъ, что мы дорожили вашимъ участіемъ. Прямодушный характеръ вашъ и обширный умъ внушаетъ намъ желаніе видѣть васъ въ числѣ своихъ. Это желаніе искренно, и оно тѣмъ болѣе должно быть лестно для васъ, графъ, что идетъ не отъ коварныхъ людей, преслѣдующихъ невинныхъ.

„Мы находимся въ союзѣ съ имперіей Оттоманскою. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія о нашемъ предпріятіи, торжественно, предъ лицомъ всего міра, возвѣстимъ о себѣ, о томъ, какъ похитили у насъ корону, какъ хотѣли погубить насъ, и какъ правосудный Богъ чудеснымъ образомъ исхитилъ насъ изъ рукъ враговъ, посягавшихъ на жизнь нашу. Нужнымъ считаемъ присовокупить, что всѣ попытки противъ насъ, которыя бы въ настоящее время враги наши вздумали предпринять, будутъ безуспѣшны, ибо мы безопасны, находясь въ Турецкой имперіи, на эскадрѣ его величества султана.

„Какое рѣшеніе примете вы, графъ, мы узнаемъ изъ реляцій, которыя будутъ вами опубликованы. Отъ васъ зависитъ стать на ту или другую сторону, но можете судить, какъ высоко будемъ мы цѣнить заслугу вашу, если вы перейдете въ ряды нашихъ приверженцевъ. Мы бы никогда не рѣшились отыскивать корону, если бы друзья покойной императрицы Елизаветы Петровны не умоляли насъ о томъ. На основаніи законовъ, считая себя въ правѣ начать сіе предпріятіе, мы тѣмъ паче считаемъ себя къ тому обязанными, что видимъ несчастіе цѣлаго народа русскаго, ввергнутаго въ бездну злоключеній со времени кончины императрицы Елизаветы Петровны. Вы понимаете, графъ, что мы не обязаны писать вамъ такъ откровенно, но мы полагаемся на ваше благоразуміе и правильный взглядъ на вещи. Они убѣдятъ васъ, что причины, вызвавшія насъ къ дѣйствію, вполнѣ законны и совершенно достаточны для того, чтобы возбудить русскихъ къ исполненію ихъ долга передъ отечествомъ и передъ самими собой: ихъ святой долгъ — поддержать права законной наслѣдницы русскаго престола, которая стремится къ нему съ единственною цѣлью сдѣлать счастливымъ страдающій народъ свой. Вполнѣ уповаемъ на успѣхъ нашего начинанія. Главное сдѣлано, остается лишь торжественно объявить о себѣ.

„Увѣренные въ вашей честности, графъ, имѣли мы намѣреніе лично побывать въ Ливорно, но обстоятельства тому воспрепятствовали. Неоднократно доказанная вами при разныхъ обстоятельствахъ честность свидѣтельствуетъ о прекрасномъ вашемъ сердцѣ. Подумайте, графъ, поразмыслите; если присутствіе наше въ Ливорно, по вашему мнѣнію, нужно, увѣдомьте насъ о томъ съ подателемъ этого письма. Онъ не знаетъ, отъ кого и откуда привезено имъ письмо, и потому можете ему довѣрить отвѣтъ, а чтобы не возбуждать его любопытства, адресуйте на имя г. Флотирана — это мой секретарь.

„Завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны сдѣлано въ пользу одной ея дочери, въ немъ не упоминается о моемъ братѣ. Было бы слишкомъ долго объяснять здѣсь причину этого, достаточно сказать, что онъ въ настоящее время предводительствуетъ племенами, всегда вѣрными законнымъ своимъ государямъ и теперь поддерживающими права Елизаветы II.

„Время дорого. Пора энергически взяться за дѣло, иначе русскій народъ погибнетъ. Сострадательное сердце наше не можетъ оставаться покойнымъ при видѣ его страданій. Не обладаніе короной побуждаетъ насъ къ дѣйствію, но кровь, текущая въ нашихъ жилахъ. Наша жизнь, полная несчастій и страданій, да послужитъ тому доказательствомъ. Впослѣдствіи дѣлами правленія мы еще болѣе докажемъ это. Вашъ безпристрастный взглядъ на вещи, графъ, достойно оцѣнитъ сіи слова наши.

„Если вы считаете благовременнымъ распространеніе сущности прилагаемаго при семъ манифестика (ce petit manifeste), то располагайте имъ по своему усмотрѣнію, можете въ немъ прибавлять и убавлять, что̀ хотите, но предварительно разузнайте хорошенько расположеніе умовъ. Если сочтете нужнымъ перемѣнить мѣсто вашего пребыванія, сдѣлайте это, ибо вы лучше знаете обстоятельства, могущія мѣшать успѣху нашего предпріятія.

„Удостовѣряемъ васъ, графъ, что, въ какихъ бы обстоятельствахъ вы ни находились, во всякое время вы найдете въ насъ опору и защиту. Было бы излишне говорить о нашей къ вамъ признательности: она есть неотъемлемая принадлежность чувствительнаго сердца. Просимъ вѣрить искренности чувствъ нашихъ“.

Ни подписи ни означенія мѣста и дня на этомъ письмѣ не было.

XVIII.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ имѣлъ подъ главнымъ начальствомъ своимъ русскій флотъ, плававшій въ Средиземномъ морѣ подъ флагомъ флагмана, контръ-адмирала Самуила Карловича Грейга. Въ 1774 году этотъ флотъ, или, вѣрнѣе сказать, эскадра находилась въ Адріатикѣ и стояла на рейдѣ города Ливорно. Здѣсь жилъ и Орловъ. Съ 1770 года Чесменскій герой неоднократно живалъ въ этомъ городѣ и имѣлъ тамъ большія знакомства, особенно между англичанами. Съ англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно, сэромъ Дикомъ, онъ былъ въ особенно короткихъ отношеніяхъ. Этотъ Дикъ оказывалъ намъ большія услуги во время войны нашей съ турками и по заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи, по ходатайству Орлова, получилъ

Аннинскую ленту *). Орловъ жилъ въ Италіи по-царски, въ его распоряженіи находились огромныя суммы для веденія военныхъ, дипломатическихъ и другихъ дѣлъ. При немъ находился огромный штатъ офицеровъ, сухопутныхъ и морскихъ, онъ набиралъ въ русскую службу способныхъ иностранцевъ, особенно изъ единоплеменныхъ славянъ, и по предоставленной ему императрицей власти производилъ въ чины до штабъ-офицерскаго чина.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ графъ Орловъ получилъ пакетъ отъ Монтегю, онъ переѣхалъ изъ Ливорно въ Пизу, гдѣ и провелъ всю зиму 1774—1775 года. Ливорно мало представляло удовольствій, а Чесменскій герой любилъ пожить на славу. Полученное письмо и приложенный къ нему „манифестикъ" должны были немало озадачить Орлова. Онъ, по собственнымъ словамъ его **), до тѣхъ поръ не зналъ будто бы, что существуютъ на свѣтѣ дѣти, рожденныя императрицей Елизаветой отъ законнаго брака, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о „всклепавшей на себя имя" принцессы Елизаветы. Болѣе четырехъ лѣтъ не бывъ въ Россіи (онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лишь на самое короткое время, во время Фокшанскихъ переговоровъ), Орловъ не зналъ хорошо обо всемъ, что дѣлается внутри ея: московскій чумный бунтъ 1771 года, цѣлый рядъ самозванцевъ, принимавшихъ на себя имя Петра III, яицкій бунтъ, наконецъ Пугачевъ, все это было безъ него. Проницательный Орловъ догадывался, что пугачевскій бунтъ не безъ связи съ враждебными Россіи замыслами нѣкоторыхъ западныхъ державъ, и въ бытность свою въ Петербургѣ, во время начала пугачевщины, прямо говорилъ Екатеринѣ, что „онъ въ подозрѣніи, не замѣшались ли тутъ французы," поддерживавшіе и поляковъ. Теперь вдругъ получаетъ онъ письмо женщины, помышляющей о русской коронѣ. Она такъ положительно увѣряетъ его, что находится въ союзѣ съ султаномъ и имѣетъ пребываніе на его корабляхъ. Орловъ узнаётъ изъ этого письма, что нѣкоторые государи европейскіе поддерживаютъ искательницу русской короны, что Пугачевъ дѣйствуетъ въ ея пользу, что онъ не простой казакъ, а князь Разумовскій. Это невольно должно было озадачить Орлова, хотя онъ и довольно на своемъ вѣку искусился въ политическихъ интригахъ.

Извѣстна дѣятельность братьевъ Орловыхъ во время переворота, совершившагося 28-го іюня 1762 года въ Петербургѣ. Болѣе всѣхъ другихъ оказали они усердія при возведеніи на престолъ Екатерины. И цѣлыя десять лѣтъ они были самыми ближайшими ея совѣтниками, были

---

*) Единственный примѣръ полученія англійскимъ подданнымъ русскаго ордена въ XVIII столѣтіи. Получилъ еще въ 1763 г. графъ Билау Александровскую ленту, но не какъ англичанинъ, а какъ камергеръ двора Брауншвейгъ-Люнебургскаго.

**) Донесеніе императрицѣ Екатеринѣ графа Алексѣя Орлова отъ 27-го сентября 1774 г.

всесильны, всемогущи. Но кредитъ ихъ сталъ падать съ 1772 года, когда Алексѣй находился въ Средиземномъ морѣ, а Григорій отправился съ царскою пышностью на конгрессъ въ Фокшаны. Пользуясь ихъ отсутствіемъ, противники ихъ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій и другіе, успѣли найти соперника Григорію Орлову въ лицѣ молодого конногвардейскаго офицера, Александра Семеновича Васильчикова. Екатерина сдѣлала его своимъ камергеромъ и довѣреннымъ человѣкомъ. Григорій Орловъ встревожился, безъ разрѣшенія оставилъ конгрессъ и поскакалъ въ Петербургъ. Но его не допустили ко двору, и онъ, подъ предлогомъ карантина, долженъ былъ жить въ принадлежавшей ему Гатчинѣ. Ему предлагали подарки, угрожали мѣрами строгости, лишили его всѣхъ должностей, объявили ему повелѣніе отправиться въ путешествіе. Непреклонный Орловъ все отвергалъ, прося одного: личнаго объясненія съ императрицей. Дѣло уладилось: онъ получилъ княжескій Римской имперіи титулъ и явился при дворѣ. Но вліяніе Орловыхъ сильно поколебалось: новопожалованный князь уѣхалъ въ Ревель и прожилъ тамъ цѣлый годъ. Васильчиковъ былъ добрый, но весьма ограниченный человѣкъ. Хотя онъ и былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ выведшихъ его въ люди царедворцевъ, но не могъ совершенно уничтожить Орловыхъ. Въ апрѣлѣ 1774 года мѣсто его заступилъ Потемкинъ. Это былъ не дюжинный человѣкъ, какъ Васильчиковъ. Съ первыхъ же дней его возвышенія кредитъ Орловыхъ палъ совершенно.

Но противникамъ Орловыхъ этого было недостаточно: имъ хотѣлось доконать ихъ. Стали нашептывать императрицѣ, что Орловы люди опасные, что они куютъ противъ нея крамолу и замышляютъ что-то недоброе. Къ Алексѣю Орлову были подсылаемы разныя лица, убѣждавшія его измѣнить императрицѣ. Такъ, въ 1774 году, незадолго до полученія письма отъ мнимой великой княжны Елизаветы, онъ получилъ письмо отъ неизвѣстной госпожи изъ Пароса, которая хотѣла увлечь его въ измѣну. Получивъ отъ принцессы письмо съ приложеннымъ „манифестикомъ“, онъ могъ подумать, что это новый подсылъ къ нему, направленный врагами его фамиліи, что „его хотятъ пробовать, до чего вѣрность его простирается къ особѣ Ея Величества“, какъ онъ выразился въ донесеніи своемъ къ императрицѣ.

Были въ то время толки (и до сихъ поръ они не прекратились), будто графъ Алексѣй Орловъ, оскорбленный паденіемъ кредита, самъ вошелъ въ сношенія съ самозванкой, принялъ искреннее участіе въ ея предпріятіи, хотѣлъ возвести ее на престолъ, чтобы, сдѣлавшись супругомъ императрицы Елизаветы II, достичь того положенія, къ которому тщетно стремился братъ его вскорѣ по воцареніи Екатерины *). Но это не

*) М. Н. Лонгиновъ въ статьѣ своей «Княжна Тараканова», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 г., № 24, говоритъ, будто Алексѣй Орловъ еще въ январѣ 1774 года, то-есть за десять мѣсяцевъ до получе-

имѣетъ и тѣни вѣроятія. Какъ бы ни былъ недоволенъ Алексѣй Орловъ измѣнившеюся къ нему и къ брату его Екатериной, онъ не могъ рѣшиться на предпріятіе, не обѣщавшее ни малѣйшаго успѣха. Если ограниченный „пане коханку" и легкомысленные поляки да не знавшіе Россіи иностранцы могли мечтать о возможности достиженія принцессой Владимірскою русскаго престола, то Орлову ли, хорошо знавшему ходъ дѣлъ и расположеніе умовъ въ Россіи, можно было увлечься до такой степени? Могъ ли русскій народъ признать своею государыней женщину, не знавшую по-русски, „великую княжну", о которой до того никто не слыхивалъ, ибо ни о бракѣ императрицы Елизаветы ни о рожденіи ею дочери никогда не было объявлено, а если и ходили о томъ слухи, то одни имъ вѣрили, а другіе, составлявшіе громадное большинство, или не вѣрили, или вовсе не знали о существованіи княжны Таракановой? Всѣмъ памятно было объявленіе въ 1742 г. наслѣдникомъ русскаго престола великаго князя Петра Ѳеодоровича, котораго, до самой смерти Елизаветы, во всѣхъ церквяхъ ежедневно поминали на ектеніяхъ какъ ея наслѣдника. Притязаніями своими принцесса Владимірская могла представить затрудненія Екатеринѣ, могла даже обезпокоить ее, но быть опасною никогда не могла. Не зная по-русски, она бы не могла даже разыграть роли Пугачева. Алексѣй Орловъ хорошо понималъ все это и, какъ скоро получилъ свѣдѣніе о существованіи самозванки, не дожидаясь повелѣній изъ Петербурга, принялъ мѣры, чтобъ овладѣть ею и отправить въ Россію. Этимъ, быть-можетъ, онъ надѣялся хотя нѣсколько возстановить свой кредитъ.

Принцесса написала свой „манифестикъ" 18-го августа (7-го, по старому стилю). Съ письмомъ къ Орлову онъ былъ отправленъ изъ Рагузы сначала въ Венецію, оттуда при удобномъ случаѣ въ Ливорно, изъ Ливорно въ Пизу. Такимъ образомъ ранѣе двадцатыхъ чиселъ сентября, по старому стилю, Орловъ не могъ получить письма „великой княжны Елизаветы". Что̀ же онъ сдѣлалъ? Тотчасъ же (сентября 27-го) отправилъ и письмо и манифестикъ къ императрицѣ.

Вотъ что̀, между прочимъ, онъ писалъ при этомъ случаѣ Екатеринѣ: „Желательно, всемилостивѣйшая государыня, чтобъ искорененъ былъ Пугачевъ, а лучше бы того, если бы пойманъ былъ живой, чтобъ изыскать чрезъ него сущую правду. Я все еще въ подозрѣніи, не замѣша-

---

нія повелѣнія Екатерины захватить самозванку (12-го ноября 1774 г.), посылалъ къ ней въ Римъ офицера Христенека съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему, и что такимъ образомъ онъ въ 1774 году игралъ въ двойную игру. Это несправедливо: въ январѣ 1774 г. принцесса Владимірская находилась еще въ Германіи, и графъ Алексѣй Орловъ еще не имѣлъ о ней никакихъ свѣдѣній. Пребываніе ея въ Римѣ и сношенія съ ней Христенека относятся къ началу не 1774, а 1775 года. Впрочемъ, г. Лонгиновъ былъ введенъ въ заблужденіе «Русскою Бесѣдой», отнесшею донесеніе Орлова императрицѣ отъ 5-го (16-го) января 1775 года къ тому же числу и мѣсяцу 1774 года («Русская Бесѣда» 1859 г. № VI, стр. 69).

лись ли тутъ французы, о чемъ я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣе подтверждаетъ полученное мною письмо отъ неизвѣстнаго лица. Есть ли этакая (то-есть дочь императрицы Елизаветы) или нѣтъ, я не знаю, а буде есть и хочетъ не принадлежащаго себѣ, то-бъ я навязалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе-жъ письмо прислано, изъ котораго ясно увидѣть изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пугачева нѣсколько сходствовали въ слогѣ сему его обнародованія, а можетъ быть и то, что меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ вашего величества. Я-жъ на оное ничего не отвѣчалъ, чтобы чрезъ то не утвердить болѣе, что есть такой человѣкъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Паросъ и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ на англійскомъ суднѣ, платя слишкомъ по тысячѣ піастровъ на мѣсяцъ корабельщику, и сказываетъ, что она дожидается меня; только за вѣрное еще не знаю; отъ меня же посланъ нарочно вѣрный офицеръ, и ему приказано съ оною женщиной переговорить, и буде найдетъ что-нибудь сомнительное, въ такомъ случаѣ обѣщалъ бы на словахъ мою услугу, а изъ-за того звалъ бы для точнаго переговора сюда, въ Ливорно. И мое мнѣніе, буде найдется такая сумасшедшая, *тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо въ Кронштадтъ,* и на оное буду ожидать повелѣнія; какимъ образомъ повелите мнѣ въономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйше исполнять буду". Изъ этого ясно видно, что планъ Орлова заманить самозванку на русскій корабль и отправить въ Кронштадтъ явился у него при первомъ извѣстіи о ея существованіи.

XIX.

Отправивъ къ императрицѣ донесеніе, Орловъ послалъ находящагося въ русской службѣ серба, подполковника графа Марка Ивановича Войновича *), на особомъ фрегатѣ въ Паросъ, поручивъ ему войти въ личные переговоры съ таинственною женщиной. Орловъ предполагалъ, что эта женщина есть та самая принцесса, которая прислала ему письмо и воззваніе къ флоту. Онъ приказалъ Войновичу, если эта женщина станетъ называть себя наслѣдницей русскаго престола, увѣрить ее въ полной готовности Орлова содѣйствовать осуществленію ея плановъ и просить ее на фрегатъ, на которомъ бы она могла отправиться въ Ливорно; если же это другая женщина, оставить ее въ покоѣ. Войновичъ засталъ незнакомку въ Паросѣ и нѣсколько разъ видѣлся съ нею. Оказалось, что это была жена какого-то константинопольскаго купца, женщина заносчиваго характера и вздорнаго нрава, охотно мѣшавшаяся въ дѣла политической интриги и увѣрявшая, будто она находится въ перепискѣ со всѣми европейскими дворами. Она была лично извѣстна султану

*) Впослѣдствіи онъ былъ контръ-адмираломъ русскаго флота.

Ахмету и его предшественнику Мустафѣ и, пользуясь правомъ свободнаго входа въ сераль, гдѣ продавала султаншамъ и одалискамъ французскія галантерейныя вещи, находилась въ связяхъ со всѣми государственными людьми Оттоманской Порты. Они давали ей деньги за то, чтобъ она, бывая въ сералѣ, посредствомъ любимыхъ султаншъ, поддерживала ихъ кредитъ у падишаха. Они-то, вѣроятно, не безъ вѣдома самого Ахмета, и послали ее, еще до Кучукъ-Кайнарджискихъ переговоровъ, обольстить Орлова и посредствомъ подкупа увлечь его въ измѣну Екатеринѣ и уговорить передаться съ флотомъ султану. Она сама предложила Войновичу ѣхать въ Ливорно, но онъ не взялъ ея. Не она нужна была Чесменскому герою.

Не ограничиваясь посылкой Войновича на островъ Паросъ, графъ Орловъ, вскорѣ по отправленіи донесенія къ императрицѣ, то-есть въ началѣ октября 1774 года, послалъ развѣдывать о самозванкѣ другого надежнаго человѣка. Въ донесеніи императрицѣ отъ 23-го декабря онъ такъ пишетъ объ этой посылкѣ: „Отъ меня вскорѣ послѣ отправленія курьера ко двору вашего величества посланъ былъ человѣкъ для развѣдыванія объ ономъ дѣлѣ, и тому уже болѣе двухъ мѣсяцевъ никакого извѣстія о немъ не имѣю, и я сомнѣваюсь объ немъ, либо умеръ онъ, либо гдѣ удержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстить, а человѣкъ былъ надежный и доказанъ былъ многими опытами въ его вѣрности“. Это былъ Осипъ Михайловичъ Рибасъ, впослѣдствіи адмиралъ русскаго флота и основатель города Одессы *). Онъ былъ родомъ испанецъ, уроженецъ Неаполя, куда отецъ его, кузнецъ, переселился изъ Барселоны. Молодой Рибасъ былъ на неаполитанской службѣ, но почему-то долженъ былъ бѣжать изъ Неаполя. Въ 1772 году явился онъ къ графу Алексѣю Орлову въ Ливорно, прося его о принятіи въ русскую службу. Орловъ принялъ его съ чиномъ лейтенанта и, замѣтивъ въ немъ большія способности, давалъ ему важныя порученія. Получивъ порученіе отыскать претендентку на русскій престолъ, Рибасъ разъѣзжалъ по Италіи и, попавъ на слѣдъ ея въ Венеціи, отправился въ Рагузу, но, не заставъ ея тамъ, поѣхалъ по слѣдамъ ея въ Неаполь, потомъ въ Римъ, гдѣ и открылъ ея мѣстопребываніе уже въ началѣ 1775 года.

Въ декабрѣ пріѣхалъ къ Орлову изъ Петербурга курьеръ Миллеръ. Онъ привезъ наставленіе императрицы, какъ ему дѣйствовать относительно самозванки. Изъ объясненія повѣреннаго по дѣламъ Рагузской республики съ графомъ Панинымъ Екатерина уже знала, что самозванка находится въ Рагузѣ. Она сообщила о томъ Орлову отъ 12-го ноября, приказывая „поймать *всклепавшую на себя имя* во что бы то ни стало“. Орловъ былъ даже уполномоченъ Екатериной подойти къ Рагузѣ

---

*) Это былъ чрезвычайно тонкій и хитрый человѣкъ. Его разумѣлъ князь Суворовъ въ извѣстномъ отзывѣ своемъ о Кутузовѣ: «Его и Рибасъ не проведетъ».

съ флотомъ, потребовать выдачи самозванки и, если сенатъ Рагузской республики откажетъ ему въ томъ, бомбардировать городъ *).

Мы уже упомянули, что канцлеръ Россійской имперіи, графъ Н. И. Панинъ, съ пренебреженіемъ отозвался объ искательницѣ русскаго престола повѣренному по дѣламъ Рагузской республики, назвавъ ее „побродяжкой" и сказавъ, что не стоитъ обращать вниманія на эту женщину. Такъ поступилъ онъ, безъ сомнѣнія, по наставленію императрицы Екатерины. Извѣстно также, что Екатерина не принимала никакихъ мѣръ противу разглашеній иностранныхъ газетъ о мнимой „великой княжнѣ": иностранная печать была не опасна; въ Россіи въ то время, кромѣ двора и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, никто не выписывалъ иностранныхъ газетъ, за исключеніемъ развѣ гамбургскихъ. Екатерина казалась равнодушною, но на самомъ дѣлѣ была озабочена новою продѣлкой своихъ недоброжелателей. Приказаніе Орлову „поймать вклепавшую на себя имя во что бы то ни стало" и даже бомбардировать Рагузу служитъ тому доказательствомъ.

Графъ Орловъ, получивъ повелѣніе Екатерины, тотчасъ же отправилъ для поисковъ надежнаго офицера и еще одного славянина, венеціанскаго подданнаго. „Ничего имъ въ откровенности не сказано, — доносилъ онъ императрицѣ: — а показалъ имъ любопытство, что я желаю знать о пребываніи *давно мнѣ знакомой* женщины, а офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войти къ ней или къ князю Радзивилу волонтеромъ, чего для и абшидъ (отставка) ему данъ, чтобы можно было лучше ему прикрыться". Къ этому графъ Орловъ прибавилъ: „А случилось мнѣ разспрашивать одного майора, который посыланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы и дня два въ оныхъ останавливался, и онъ тамъ видѣлъ князя Радзивила и сказывалъ, что *она* еще въ Рагузахъ, гдѣ какъ Радзивилу, такъ и оной женщинѣ великую честь отдавали и звали его, чтобъ онъ шелъ на поклонъ, но оный, услышавъ *такое вклепанное имя,* поопасся идти къ злодѣйкѣ, сказавъ при томъ, что эта женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобы не подвергнуть себя опасности". Орловъ, исполняя приказъ государыни, хотѣлъ отправиться въ Рагузу съ эскадрой, чтобы потребовать отъ тамошняго сената, хорошо знавшаго рѣшительность дѣйствій русскаго графа, выдачи самозванки, живущей подъ покровительствомъ республики, и въ случаѣ отказа бомбардировать городъ. „Если слабое мое здоровье дозволитъ на кораблѣ ѣхать, — писалъ онъ императрицѣ: — то я не упущу самъ туда отправиться, чтобы таковую злодѣйку постараться всячески достать". Но вскорѣ онъ узналъ, что ея съ начала ноября нѣтъ болѣе въ Рагузѣ.

---

*) Такъ разсказывалъ сэръ Дикъ, слышавшій это отъ самого Орлова. Текстъ письма императрицы графу Орлову отъ 12-го ноября 1774 года неизвѣстенъ.

XX.

Между тѣмъ въ Рагузѣ были получены непріятныя извѣстія. Мобюссонъ, агентъ князя Радзивила во Франціи и Германіи, увѣдомлялъ, что какія-то письма „пане коханку“ вскрыты въ Австріи и замыслы его сдѣлались извѣстными. Пришло вѣрное извѣстіе о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Газеты возвѣстили о поимкѣ Пугачева. Напрасно принцесса продолжала настаивать, что все это неправда, что эти ложныя извѣстія съ умысломъ распускаются ея врагами: наконецъ и она должна была увѣриться: во всѣхъ европейскихъ газетахъ напечатаны были извѣстія о мирѣ и совершенномъ подавленіи пугачевскаго бунта. Ко всему этому присоединилось безденежье и совершенная невозможность отыскать новыя денежныя средства. Радзивилъ денегъ не давалъ, у него самого ихъ не было. Обѣды у принцессы прекратились. Ея венеціанскій гофмаршалъ, баронъ Кнорръ, и англичанинъ Монтегю напрасно искали денегъ у банкировъ. Кнорръ досталъ только двѣнадцать червонцевъ, съ ними отправился въ Оберштейнъ, везя письмо принцессы къ Горнштейну, отъ котораго она требовала полторы тысячи червонцевъ. Но и тамъ денегъ не нашли. „Горнштейнъ не хочетъ имѣть съ вами никакого дѣла“, — писалъ Кнорръ. Въ Оберштейнѣ между тѣмъ носятся о принцессѣ самые неблагопріятные слухи, возникшіе вслѣдствіе полученныхъ изъ Рагузы писемъ объ ея любовныхъ связяхъ. Пылкой и никогда не сдерживавшей свою страстную натуру женщинѣ въ Рагузѣ много было соблазна. Тамъ были и „Мосбахскій незнакомецъ“ Доманскій и варварійскій капитанъ Гассанъ; въ одномъ изъ писемъ князю Лимбургу сама принцесса писала, что Радзивилъ у ногъ ея. Кромѣ того, цѣлая толпа красивыхъ офицеровъ, польскихъ и французскихъ, была къ ея услугамъ. Въ разныхъ газетахъ появились извѣстія о любовныхъ похожденіяхъ въ Рагузѣ мнимой великой княжны.

Между тѣмъ князь Лимбургъ уединенно жилъ въ Оберштейнѣ, тоскуя по милой очаровательницѣ. Недостатокъ денегъ, а потомъ неблагопріятныя для успѣха его возлюбленной извѣстія о Кучукъ-Кайнарджискомъ мирѣ удержали его отъ поѣздки въ Рагузу. Долгое молчаніе прелестной Алины сокрушало бѣднаго князя. Онъ писалъ ей письмо за письмомъ, настоятельно совѣтуя ей оставить свои замыслы и возвратиться въ Оберштейнъ. Алина не отвѣчала.

Принцесса съ нетерпѣніемъ ожидала въ Рагузѣ отвѣтовъ отъ султана и отъ графа Орлова, еще довольно дружно живя съ Радзивиломъ и французскими офицерами, а также съ консулами французскимъ и неаполитанскимъ Наскучивъ ждать, она 11-го сентября написала новое письмо къ султану, стараясь отклонить его отъ утвержденія мирнаго договора, еще не ратификованнаго, и прося о немедленной присылкѣ фирмана на проѣздъ въ Константинополь.

Принцесса и это письмо вручила князю Радзивилу для препровожде-

нія по назначенію. Радзивилъ теперь прямо отказался исполнить ея желаніе, и между ними произошла открытая ссора. Неудачи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, особенно же заключеніе Кучукъ-Кайнарджискаго мира и охлажденіе новаго короля Франціи къ польскому дѣлу, сильно поколебали неутомоннаго „пане коханку" и навели уныніе на польско-французскую колонію въ Рагузѣ. Въ виду суровой дѣйствительности, приходилось покинуть обольстительныя, блестящія мечты. Недостатокъ денегъ, секвестръ литовскихъ маетностей, обнаруженные въ Австріи посредствомъ перлюстраціи политическіе замыслы Радзивила, появившіяся по этому случаю въ газетахъ статьи, все это чрезвычайно обезкуражило „пане коханку". Теперь онъ уже помышлялъ о промѣнѣ своихъ литовско-польскихъ имѣній на германскія, чтобы, покинувъ отечество, сдѣлаться княземъ Римской имперіи не по одному титулу, которымъ Радзивилы пользовались уже болѣе двухъ вѣковъ *), но и по владѣтельнымъ правамъ **). Пріѣзжавшіе въ Рагузу изъ Парижа гости также совѣтовали ему бросить несбыточные замыслы и поселиться въ Германіи. Бросая политическую интригу, онъ долженъ былъ бросить и созданную польскою интригой и въ особенности имъ наслѣдницу Всероссійскаго престола. Поэтому онъ и отказалъ ей рѣшительно въ отправкѣ новаго письма къ султану, не дѣлая еще однако совершеннаго съ ней разрыва. Принцесса была больна: ея кипучая дѣятельность, ея неумѣренность въ чувственныхъ наслажденіяхъ, огорченія, неудачи — все это разстроило до крайности небогатое здоровье. Еще въ Венеціи открылись у ней несомнѣнные признаки чахотки, морское путешествіе въ Рагузу еще болѣе разстроило ея здоровье. Она бодрилась, шутила надъ болѣзнью, но болѣзнь брала свое. Принцесса сдѣлалась раздражительна. Послѣ сцены съ Радзивиломъ по поводу отказа его отправить письмо въ Константинополь, она пришла въ отчаяніе и нѣсколько дней провела въ постели, упрекая Радзивила и жалуясь на него окружающимъ. „Пане коханку", чтобъ утѣшить больную, далъ ей слово послать письмо къ султану. Но, отправивъ его, онъ попрежнему извѣстилъ своего повѣреннаго, чтобъ онъ присланный пакетъ оставилъ у себя. Такимъ образомъ ни султанъ ни министры Порты не получили посланій, адресованныхъ къ нимъ искательницей русской короны.

*) Германскій императоръ Карлъ V еще въ 1547 году возвелъ Радзивиловъ въ княжеское Римской имперіи достоинство съ титломъ герцога Олыкскаго (herzog von Olyka) для старшаго въ родѣ, которымъ въ описываемую эпоху пользовался князь Карлъ. Радзивилы первые изъ невладѣтельныхъ фамилій получили княжеское достоинство Римской имперіи, если не считать Чарторыйскихъ (получили княжеское Римской имперіи достоинство въ 1433 г.), имѣвшихъ это достоинство по праву происхожденія отъ Гедимина.

**) Во время пребыванія князя Карла Радзивила въ Рагузѣ, младшій братъ его, князь Іеронимъ, сватался къ родственницѣ князя Лимбурга, принцессѣ Гогенлоэ-Бартенштейнъ, при чемъ предполагался промѣнъ Лимбургскихъ и Бартенштейнскихъ владѣній на маетности Радзивиловъ въ Литвѣ. Ни бракъ ни промѣнъ не состоялись.

Несогласіе Радзивила съ принцессой увеличивалось съ каждымъ днемъ. Немало содѣйствовали тому распространявшіеся слухи о любовныхъ связяхъ мнимой великой княжны. Французскіе офицеры, бывшіе въ Рагузѣ, получили о ней изъ Парижа невыгодныя извѣстія. Тамъ уже считали ее искательницей приключеній. Несмотря на то Радзивилъ и находившіеся въ его свитѣ оказывали принцессѣ глубокое почтеніе, относясь къ ней какъ къ дочери императрицы. Къ этому, по всей вѣроятности, времени относится посѣщеніе Рагузы русскимъ майоромъ, который, какъ мы уже видѣли, сообщилъ графу Алексѣю Орлову, что находившіеся тамъ французы и поляки считали самозванку за великую княжну, предлагали ему представиться ей, и что когда онъ сталъ называть ее обманщицей, то долженъ былъ поскорѣе оставить Рагузу, дабы избѣгнуть самыхъ непріятныхъ послѣдствій.

Принцесса не унывала. Въ письмѣ отъ 21-го сентября она сильно жаловалась князю Лимбургу на рѣзкое обращеніе съ ней Радзивила, но увѣряла своего возлюбленнаго, что успѣхъ предпріятія ея не подлежитъ сомнѣнію, что Порта держитъ ея сторону, что успѣхи партіи ея въ Россіи блистательны, и что она, для довершенія этого успѣха, входитъ въ сношенія съ королемъ шведскимъ. Дѣйствительно, въ началѣ октября она послала къ Горнштейну письмо къ королю Густаву, прося отправить его по назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано было ею и письмо къ русскому канцлеру, графу Панину. Принцесса, повидимому, была увѣрена, что Панинъ, какъ одинъ изъ недоброжелателей Екатерины, не замедлитъ принять ея сторону. Она начинаетъ письмо заявленіемъ увѣренности своей въ томъ, что предпріятіе ея будетъ встрѣчено графомъ съ сочувствіемъ, и что успѣхъ ея можетъ отвратить перуны, готовые поразить его. „Вы въ Петербургѣ, — писала она: — не довѣряете никому, другъ друга подозрѣваете, боитесь, сомнѣваетесь, ищете помощи, но не знаете, гдѣ ее найти: можно найти ее во мнѣ и въ моихъ правахъ. Знайте, что ни по характеру ни по чувствамъ я не способна дѣлать что-либо безъ вѣдома народа, не способна къ лукавству и коварной политикѣ, напротивъ, вся жизнь моя будетъ посвящена народу. Знайте и то, что я до послѣдней минуты жизни буду отстаивать права свои на корону“. О заключенномъ съ турками мирѣ она замѣчаетъ русскому канцлеру: „я не стану говорить о заключенномъ мирѣ, онъ самъ по себѣ весьма непроченъ; вы не знаете того, что̀ я знаю, но благоразуміе заставляетъ меня молчать“. Въ заключеніе она изъявляетъ готовность *возвратиться* въ Петербургъ, но съ условіемъ, чтобъ о пріѣздѣ ея никому не было извѣстно, и чтобъ она была безопасна. „Если я нескоро явлюсь въ Петербургѣ, это будетъ ваша ошибка, графъ“, — прибавила принцесса и просила его прислать кого-нибудь въ Кобленцъ, гдѣ посланный узнаетъ ея адресъ. Вѣроятно, она разумѣла Горнштейна, который, зная о пребываніи ея въ Рагузѣ, могъ сообщить адресъ ея агенту Панину, если бы тотъ прислалъ его.

Судьба писемъ къ королю шведскому и русскому канцлеру была одинакова съ судьбой писемъ къ султану. Осторожный Горнштейнъ не отправилъ ихъ и увѣдомилъ о томъ князя Лимбурга. Съ самою принцессой онъ еще прежде прервалъ переписку.

Въ октябрѣ курьеръ привезъ письмо къ Радзивилу изъ Константинополя: миръ ратификованъ. Радзивилъ, видя, что планы его окончательно рушились, рѣшился возвратиться въ Венецію. Съ принцессой произошелъ у него совершенный разрывъ. Созданная польскою интригой самозванка теперь была не нужна ей. Радзивилъ бросилъ завлеченную имъ въ сѣти женщину на произволъ судьбы, объявивъ на прощанье, что и второе письмо ея къ султану не дошло по назначенію. Свита Радзивила измѣнила обращеніе съ принцессой: ей болѣе не оказывали великокняжескихъ почестей, надъ ней подсмѣивались, даже въ лицо говорили ей дерзости. Въ газетахъ появились корреспонденціи изъ Рагузы, гдѣ разсказывались любовныя похожденія принцессы; корреспонденціи эти не могли принадлежать никому другому, кромѣ французскихъ и польскихъ офицеровъ, которые еще такъ недавно оказывали ей царскія почести. Французское правительство, измѣнившее, по заключеніи Кучукъ-Кайнарджискаго мира, политику относительно Россіи, послало запросы въ Оберштейнъ относительно таинственной незнакомки. Такіе же запросы приходили и отъ другихъ дворовъ. Наконецъ Версальскій кабинетъ публично отрекся отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ самозванки, и де-Риво не могъ держать ее долѣе въ домѣ французскаго консульства въ Рагузѣ. Радзивилъ уѣхалъ въ Венецію. „Великая княжна“ осталась одна и безъ всякихъ средствъ.

XXI.

Князь Лимбургъ все еще любилъ свою очаровательную Алину. Страсть его не охладѣла ни отъ безпрестанныхъ измѣнъ ея, ни отъ скандаловъ, которые случались съ ней въ Рагузѣ и были передаваемы на весь міръ посредствомъ газетъ, ни отъ непріятныхъ столкновеній съ правительствами сильныхъ державъ, требовавшихъ объясненій о загадочной женщинѣ, жившей такъ долго у него въ Оберштейнѣ. Даже распространившійся слухъ о намѣреніи ея выйти замужъ за какого-то ничтожнаго польскаго шляхтича не поколебалъ привязанности къ ней князя Лимбурга. Въ то время, когда Радзивилъ бросилъ созданную имъ „великую княжну“ въ Рагузѣ на произволъ судьбы, князь Лимбургъ, еще не зная о плачевной участи своей возлюбленной, писалъ къ ней (отъ 30-го октября) письмо, въ которомъ, напомнивъ обо всѣхъ ея продѣлкахъ, обвинялъ ее, что она совершенно разстроила его состояніе, навлекла на него презрѣніе всей Европы, такъ какъ близкія его къ ней отношенія сдѣлались всѣмъ извѣстными и заставили Версальскій кабинетъ публично отречься отъ всякаго участія въ ея дѣйствіяхъ. Далѣе князь Лимбургъ писалъ, что ему представлялись весьма выгодныя партіи, на которыя

онъ, по причинѣ связи съ нею, не могъ изъявить ни согласія ни отказа, и что до него наконецъ дошли слухи, что она находится съ кѣмъ-то въ связи и даже располагаетъ выйти замужъ. „Я нисколько не думаю мѣшать вашему счастью, — прибавлялъ князь: — если только желанія ваши согласны съ честью; впрочемъ, если вы готовы отказаться отъ своего прошлаго и никогда не будете поминать ни о Персіи, ни о Пугачевѣ, ни о прочихъ такого же рода глупостяхъ, то есть еще время вернуться ко мнѣ въ Оберштейнъ“. Но письмо это не застало уже принцессы въ Рагузѣ. Она сѣла на корабль возлюбленнаго своего Гассана черезъ четыре дня по отъѣздѣ Радзивила. Князь Лимбургъ, не получивъ отвѣта на свое посланіе, полагалъ, что возлюбленная его находится въ Рагузѣ, и написалъ къ ней въ Рагузу (20-го декабря) новое письмо, адресуя его, какъ и прежнее: „Ея высочеству принцессѣ Елизаветѣ“. Въ этомъ письмѣ онъ отказывался отъ всякихъ правъ на нее, такъ какъ она надѣялась найти счастье въ бракѣ съ другимъ, но обѣщалъ сохранить къ ней непоколебимую дружбу, вполнѣ увѣренный, что она его не опозоритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь передавалъ ей, что газеты дозволяютъ себѣ довольно унизительныя и постыдныя выраженія о сношеніяхъ ея съ „Мосбахскимъ незнакомцемъ“, о которомъ онъ узналъ отъ его же земляковъ (поляковъ), живущихъ въ Пфальцѣ. „Впрочемъ, я готовъ допустить, — поспѣшилъ оговориться князь: — что и въ низшихъ слояхъ общества можно встрѣтить людей, заслуживающихъ уваженія, и такъ какъ избранный вашимъ сердцемъ едва ли имѣетъ доказательства на дворянское происхожденіе, нужныя для пожалованія его большимъ крестомъ ордена „de l'Ancienne Noblesse“, то я намѣренъ дать ему другой орденъ, освободивъ его отъ платежа установленной пошлины въ 300 червонцевъ. Да послужитъ это вамъ доказательствомъ, что я желаю остаться вашимъ другомъ. Хотя меня со всѣхъ сторонъ уговаривали жениться, но я этимъ совѣтамъ не послѣдовалъ“. Изъ тона этого письма ясно видно, что князь Лимбургъ писалъ его подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія и досады на свою „милую Алину“, которая предпочла князю Священной Римской имперіи безвѣстнаго шляхтича Доманскаго. Онъ любилъ ее, кажется, попрежнему, и хотя намекалъ въ письмѣ, что счастье зависитъ не отъ высокаго званія (какое она приняла), а отъ непорочности (отъ которой она далека), хотя заявлялъ, что онъ равнодушно смотритъ на различныя наименованія, какія она принимала, но заключилъ свое посланіе увѣреніемъ, что до самой смерти не перестанетъ любить ни съ кѣмъ несравненную, милую Алину.

Черезъ три дня князь Лимбургъ снова писалъ къ своей возлюбленной, рѣшившись, кажется, прервать съ ней всякія сношенія, которыя его скомпрометировали, помѣшали выгодно промѣнять Стирумъ на радзивиловскія имѣнія въ Литвѣ и разстроили бракъ его родственницы съ княземъ Іеронимомъ Радзивиломъ. Вѣроятно, для того, чтобы перо не измѣнило ему при воспоминаніи о страстно любимой женщинѣ, онъ по-

ручилъ написать письмо довѣренному своему Гальо. Оно заключается въ однихъ упрекахъ ея безумію, ея чрезвычайному легкомыслію и неосторожности въ перепискѣ, которая могла быть прочтена и послужить поводомъ къ ея обвиненію какъ со стороны поляковъ, такъ и со стороны властей. Гальо именемъ князя умолялъ ее какъ можно скорѣе сыскать себѣ надежное убѣжище въ Италіи или Германіи, прибавляя, что она всегда можетъ разсчитывать на участіе князя и возвратиться къ нему, *какъ къ отцу,* но ни въ какомъ случаѣ не должна разсчитывать на его деньги.

Этимъ прекратилась переписка князя Лимбурга съ возлюбленною его Алиной.

XXII.

Видя замыслы свои разрушенными, покинутая поляками принцесса все-таки не хотѣла отказаться отъ принятой роли. Она пришлась ей по вкусу. „Всклепавшая на себя имя“ вздумала достичь русскаго престола при помощи Ватикана, обѣщая за то не только сама принять римско-католическую вѣру, но и ввести ее во всей Россіи. Она на первый разъ надѣялась получить посредствомъ этого хорошія деньги, съ которыми намѣревалась отправиться въ Константинополь и оттуда, при помощи турецкаго правительства, дѣйствовать на Россію посредствомъ воззваній. Мирныя отношенія, возникшія между Портой и Россіей, ея не смущали. Писавъ къ графу Панину, что заключенный миръ непроченъ, она писала по искреннему убѣжденію. Въ это время въ Европѣ многіе не вѣрили въ его прочность, и поляки, какъ жившіе въ Турціи, такъ и бывшіе членами генеральной конфедераціи, энергически дѣйствовали для побужденія Порты произвести новый разрывъ съ Екатериной и начать новую войну. Миръ дѣйствительно былъ непроченъ.

Изъ свиты князя Радзивила только три поляка остались при „великой княжнѣ“ въ Рагузѣ: Чарномскій *), намѣревавшійся ѣхать съ

*) Чарномскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ польской генеральной конфедераціи, еще въ 1768 году находился въ перепискѣ съ Бениславскимъ, Красинскимъ и Потоцкимъ. Въ 1769 году онъ перешелъ съ конфедератами изъ Польши черезъ австрійскую границу и былъ посылаемъ Потоцкимъ къ сераскиру турецкому и къ крымскому хану съ просьбой о помощи. Затѣмъ онъ явился въ Парижѣ и здѣсь близко сошелся съ Потоцкимъ, который съ того времени былъ постояннымъ его покровителемъ, и съ Красинскимъ. Въ февралѣ 1774 года онъ былъ въ Веронѣ у Потоцкаго, въ маѣ этого же года Потоцкій и Путкаммеръ уполномочили его вмѣстѣ съ Каленскимъ (офиціальнымъ агентомъ польской конфедераціи въ турецкомъ лагерѣ) побуждать турокъ къ поданію помощи полякамъ. При этомъ велѣно было ему посовѣтоваться съ княземъ Радзивиломъ, находившимся въ Венеціи и собиравшимся въ Константинополь. Потоцкій вручилъ ему формальныя письма конфедераціи, за подписями Красинскаго и Паца (подписаны 15-го апрѣля 1774 года), на имя султана и верховнаго визиря, и далъ отъ себя рекомендательное письмо къ послѣднему, равно какъ раз-

нею въ Константинополь, гдѣ надѣялся сдѣлаться официальнымъ агентомъ конфедерацiи; Ганецкiй, бывшiй iезуитъ, имѣвшiй обширныя знакомства въ Римѣ, намѣревавшiйся провести ее къ святѣйшему отцу и ввести въ лоно римской церкви, и наконецъ — „Мосбахскiй незнакомецъ“ Доманскiй, который не въ силахъ былъ оставить прекрасную принцессу, въ которую былъ страстно влюбленъ. Кромѣ того, у Чарномскаго и Доманскаго были и другiе расчеты оставаться при „великой княжнѣ“: они дали ей значительныя суммы денегъ, въ надеждѣ на ея агатовыя копи въ Оберштейнѣ, а еще болѣе на сокровища русской короны. Чарномскiй, котораго Потоцкiй послалъ съ официальнымъ письмомъ къ султану и верховному визирю отъ польской конфедерацiи еще въ маѣ 1774 года, получилъ для исполненiя возложенныхъ на него въ Турцiи порученiй весьма значительную сумму денегъ. Эти-то деньги, по всей вѣроятности, и выманила у него принцесса. Безъ денегъ ему нельзя было ни ѣхать въ Константинополь ни воротиться къ Потоцкому, въ Верону: волей-неволей онъ былъ прикованъ къ своей должницѣ. При слѣдствiи, произведенномъ въ Петербургѣ фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, Доманскiй далъ показанiе, что самозванка была должна ему значительную сумму, которую отчасти онъ самъ ей далъ изъ своихъ денегъ, отчасти же занялъ въ Рагузѣ, поручившись за нее.

Еще изъ Рагузы принцесса писала къ Монтегю, что намѣрена достать неаполитанскiй паспортъ и съ нимъ пробраться въ Турцiю, что заключенiе мира чистая ложь, и что приверженцы ея въ Россiи (то-есть Пугачевъ) одержали будто бы вездѣ блистательныя побѣды. „Радзивилъ одинъ виновенъ въ продолжительномъ и совершенно безполезномъ пребыванiи въ Рагузѣ, — писала она: — это замедленiе всѣхъ привело на край погибели“. Неаполитанскiй паспортъ она, дѣйствительно, успѣла достать, и съ нимъ на кораблѣ Гассана, въ сопровожденiи Ганецкаго, Чарномскаго, Доманскаго и одной только служительницы Франциски

личные манифесты и другiя бумаги. Потоцкiй проводилъ его до Венецiи. Здѣсь и самъ Потоцкiй и Чарномскiй, вмѣстѣ съ Радзивиломъ, представлялись принцессѣ, какъ было сказано. Рѣшено было: Чарномскому отправиться вмѣстѣ съ Радзивиломъ въ Константинополь; вмѣстѣ съ нимъ онъ и попалъ въ Рагузу. Въ концѣ сентября 1774 г. князь Радзивилъ посылалъ Чарномскаго къ Потоцкому въ Верону, вѣроятно, для примиренiя съ конфедерацiей, такъ какъ у Радзивила съ Потоцкимъ возникли передъ тѣмъ большiя разногласiя, и для полученiя чрезъ то денегъ, въ которыхъ Радзивилъ начиналъ нуждаться, а быть-можетъ, и для прекращенiя пронырствъ Каленскаго, воспрепятствовавшаго высылкѣ султанскаго фирмана на имя Радзивила. Составитель «Записки о самозванкѣ», напечатанной въ «Чтенiяхъ», говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнiю, что Чарномскiй просилъ Потоцкаго о назначенiи его вмѣсто Каленскаго официальнымъ агентомъ конфедерацiи въ Турцiи. Еще въ Венецiи, а еще болѣе въ Рагузѣ, онъ близко сошелся съ принцессой, пользовался ея довѣренностью и имѣлъ на нее большое влiянiе». Въ Константинополь онъ не попалъ: онъ взятъ былъ вмѣстѣ съ самозванкой; письмо къ султану и другiя бумаги были отъ него отобраны. Онѣ находятся теперь при дѣлѣ о самозванкѣ.

фонъ-Мешеде, „великая княжна Елизавета“ переплыла Адріатическое море и вышла на неаполитанскій берегъ въ Барлеттѣ. Отсюда она немедленно отправилась въ Неаполь. Въ этомъ городѣ она пробыла недолго, жила скромно, никуда почти не показывалась. Недостатокъ ли денегъ, усилившаяся ли отъ морской поѣздки болѣзнь, желаніе ли не возбуждать о себѣ толковъ были причиной такого несвойственнаго ей образа жизни, — навѣрное сказать нельзя. По всей вѣроятности, все сказанное вмѣстѣ заставило расточительную принцессу отказаться на время отъ открытой и шумной жизни. Въ Неаполѣ принцесса познакомилась съ англійскимъ посланникомъ Гамильтономъ и упросила его выхлопотать для нея съ спутниками паспорты на проѣздъ въ Римъ. Гамильтонъ обратился съ просьбой о паспортахъ къ неаполитанскому министру Таннучи и получилъ ихъ въ началѣ декабря. Получивъ ихъ, принцесса немедленно оставила Неаполь.

Въ Римѣ она называлась польскою дамой знатнаго происхожденія, но слухъ, что это русская „великая княжна“, соблюдающая строжайшее инкогнито, немедленно распространился по городу. Спутники ея почему-то сочли нужнымъ перемѣнить фамиліи: Чарномскій сталъ называться Линовскимъ, а „Мосбахскій незнакомецъ“ — Станишевскимъ. Ганецкій сдѣлался гофмейстеромъ и капелланомъ и принималъ имѣвшихъ надобность до принцессы. Сама она вела себя чрезвычайно скрытно, не бывала ни въ чьемъ домѣ, никому не показывалась, даже въ каретѣ ѣздила по городу не иначе, какъ съ закрытыми стеклами. Аббатъ Рокотани въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 3-го января 1775 года) въ Варшаву къ канонику Гиджіотти, съ которымъ переписывался разъ или два въ недѣлю о польскихъ дѣлахъ, говоритъ слѣдующее: „Иностранная дама польскаго происхожденія, живущая въ домѣ г. Жуяни, на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго эксъ-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной польской (?) служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ да 35 за карету; держитъ при себѣ одного учителя-поляка, пріѣхавшаго съ нею, и одного итальянца, нанятаго по пріѣздѣ ея въ Римъ. Она ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ на прогулку въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея эксъ-іезуитъ даетъ аудіенціи приходящимъ“. Во франкфуртскихъ газетахъ появилась корреспонденція о переѣздѣ принцессы изъ Рагузы въ Римъ.

Кромѣ спутниковъ, прибывшихъ изъ Неаполя, „принцесса Елизавета“ проводила время съ духовными только лицами: эксъ-іезуитами Воловичемъ и Вонсовичемъ. Кромѣ того, часто бывалъ у нея итальянскій докторъ Саличетти. Здоровье ея было уже такъ сильно разстроено, что необходимо было серьезное лѣченіе: она безпрестанно кашляла, и часто съ ней случались лихорадочные припадки. Чахотка развивалась въ ея организмѣ, и смерть уже грозила принцессѣ. Въ Рагузѣ не было порядочныхъ врачей. Пріѣхавъ въ Римъ, она вздумала хорошенько заняться

своимъ здоровьемъ и пригласила Саличетти, пользовавшагося въ то время большою извѣстностью. Скромная жизнь принцессы продолжалась однако недолго. Ганецкій, имѣвшій, какъ мы уже упомянули, обширное знакомство въ Римѣ, досталъ значительную сумму денегъ для овечки, которую надѣялся привести изъ мрака греческой схизмы въ ограду папской вѣры. На эти деньги принцесса повела привычную ей блестящую, роскошную жизнь. Серьезное лѣченіе оставлено до поры до времени.

XXIII.

Еще въ сентябрѣ 1774 года умеръ папа Климентъ XIV. Конклавъ все еще продолжался. Уже нѣсколько мѣсяцевъ кардиналы сидѣли взаперти въ Ватиканскомъ дворцѣ. Это представляло сильное препятствіе замысламъ принцессы: ей нужно было видѣться съ папой, а папы не было. Даже ни къ одному изъ кардиналовъ доступъ былъ невозможенъ. Джіованни-Александро Альбани, кардиналъ-протекторъ королевства Польскаго, былъ деканомъ священной коллегіи, и по Риму ходили положительные слухи, что выборъ остановится на немъ. Принцесса послала съ Доманскимъ письмо къ этому молодому кардиналу *), въ которомъ просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобъ это осталось неизвѣстнымъ для публики. Доманскій не могъ пробраться къ кардиналу. Тогда принцесса послала въ Ватиканъ Ганецкаго, надѣясь, что ему, какъ лицу духовному и притомъ имѣвшему большія связи въ папской столицѣ, будетъ несравненно удобнѣе пробраться къ запертому кардиналу, чѣмъ „Мосбахскому незнакомцу". Посылая Ганецкаго, она приказала ему во что бы ни стало добиться для нея у Альбани дозволенія видѣться съ нимъ въ конклавѣ. Напрасно увѣряли принцессу, что это невозможно, что кардиналы до избранія папы заперты, что даже къ окну конклава не могутъ приблизиться самыя знатныя дамы. „Если такъ, — отвѣчала принцесса: — сегодня же достать мужское платье; я въ немъ проберусь къ кардиналу". Едва успѣли уговорить ее оставить такое намѣреніе, представляя всю опасность, которой можетъ она подвергнуться, если узнаютъ объ этомъ переодѣваньи.

Въ день новаго 1775 года Ганецкому удалось пробраться къ одному изъ оконъ тѣхъ аппартаментовъ Ватикана, въ которыхъ заключенъ былъ кардиналъ Альбани. Онъ передалъ ему записку отъ „принцессы Елизаветы". Она извѣщала кардинала о своемъ пріѣздѣ въ Римъ. Альбани сказалъ, чтобы Ганецкій обратился къ аббату Рокотани, человѣку къ нему приближенному и занимавшемуся тайною перепиской съ Варшавой. Января 3-го Рокотани, конечно, по приказанію кардинала, получилъ отъ римской полиціи извѣщенье, что въ домѣ Жуяни, на Марсовомъ полѣ, живетъ знатная польская дама, недавно пріѣхавшая въ

*) Альбани въ это время было уже 54 года, — возрастъ довольно молодой для кандидатства въ святѣйшіе отцы. Онъ сдѣлался кардиналомъ еще въ 1747 году, то-есть будучи только двадцати семи лѣтъ отъ рожденія.

Римъ, и въ тотъ же день принесли ему приглашеніе на вечеръ къ графинѣ Пиннебергъ. Аббатъ не замедлилъ воспользоваться приглашеніемъ.

Ганецкій и Станишевскій (Доманскій) представили аббата графинѣ и немедленно удалились. Они остались вдвоемъ. „Между нами, — пишетъ Рокотани: — начался оживленный разговоръ о политикѣ, объ іезуитахъ (орденъ которыхъ былъ уничтоженъ покойнымъ папой); о нихъ графиня отозвалась не слишкомъ благосклонно, впрочемъ, говорила больше всего о польскихъ дѣлахъ".—„Долго ли вы намѣрены оставаться въ Римѣ?"— спросилъ графиню аббатъ.—„Не знаю,—отвѣчала она:—я бы желала лично познакомиться съ кардиналомъ Альбани, который, безъ сомнѣнія, будетъ папой, но боюсь, что конклавъ еще надолго замедлится, а состояніе моего здоровья не дозволяетъ мнѣ долго оставаться въ Римѣ". Аббатъ былъ обвороженъ умомъ и обращеніемъ графини. Уходя, онъ встрѣтился съ докторомъ Саличетти, сообщившимъ ему, что здоровье графини чрезвычайно разстроено.

Принцесса вручила аббату письмо къ кардиналу Альбани. Въ немъ спрашивала его, можетъ ли она во всемъ довѣриться Рокотани, сказать ему о своемъ высокомъ происхожденіи и о своихъ намѣреніяхъ. При этомъ она замѣтила, что положеніе ея требуетъ самой строгой тайны, что пріѣздъ ея въ столицу римскаго католичества можетъ имѣть весьма важное для ватиканскаго двора послѣдствіе, ибо ей предназначена Провидѣніемъ корона великой имперіи, не только для благоденствія многочисленныхъ, отдаленныхъ отъ Рима народовъ, но и для блага церкви. Кардиналъ былъ чрезвычайно заинтересованъ этимъ письмомъ и отозвался объ аббатѣ Рокотани, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ совершеннаго ея довѣрія. Записка эта была составлена самимъ Рокотани, и вечеромъ 6-го января онъ лично передалъ ее принцессѣ. Но она была больна и не могла бесѣдовать съ аббатомъ. Доманскій и докторъ сказали ему, что весь день пролежала она въ постели, изнуряемая сильнымъ кашлемъ и лихорадочными припадками. Чахотка развивалась въ ней. На другой день (7-го января), поутру, Рокотани снова явился къ принцессѣ. Она объявила ему, что оставила прежніе планы ѣхать въ Константинополь и изъ Турціи дѣйствовать посредствомъ преданной ей партіи въ Россіи; но рѣшилась отправиться въ Польшу, чтобы въ Варшавѣ, соблюдая строжайшее инкогнито, повидаться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ. „Въ Россіи, — сказала она между прочимъ аббату: — недавно умеръ мой намѣстникъ (она разумѣла, конечно, Пугачева, казненнаго черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора), но я возьму часть своего войска для конвоированія и проѣду въ Константинополь. Я очень больна, но, если Провидѣнію угодно сохранить дни мои, я достигну престола и возстановлю Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ, — возстановлю прежде, чѣмъ исполнится полгода. Екатеринѣ отдамъ прибалтійскія провинціи съ Петербургомъ, съ нея будетъ и этого довольно". Разговорившись о польской конфедераціи, принцесса не-

одобрительно высказалась о князѣ Карлѣ Радзивилѣ. „Я его уговаривала помириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, — сказала она: — но онъ меня не послушался, и я въ томъ не виновата, что онъ остается въ раздорѣ съ королемъ; графа Огинскаго успѣла же я помирить съ его величествомъ“ *). Этотъ разговоръ до такой степени обворожилъ аббата, что, какъ самъ онъ пишетъ, кардиналъ Альбани долженъ былъ обратить его вниманіе на несообразность въ нѣкоторыхъ словахъ принцессы.

Несмотря на то, что принцесса такъ сильно увлекала аббата необыкновеннымъ умомъ своимъ и любезностью, хитрый итальянецъ сначала думалъ, что она изыскиваетъ только средства для полученія денегъ и, разсказывая о русской коронѣ, о своихъ владѣніяхъ въ Германіи, объ агатовыхъ копяхъ ея въ Оберштейнѣ, думаетъ объ одномъ: какъ бы половчѣе да поскорѣе выманить у кардинала денегъ. Но патеръ Ліадей, служившій нѣкогда офицеромъ въ русскомъ войскѣ, утверждалъ положительно, что онъ знаетъ принцессу. „Я помню ее, — говорилъ онъ: — я видалъ ее въ Зимнемъ дворцѣ на выходахъ; ее прочили тогда за голштинскаго принца, двоюроднаго брата тогдашняго наслѣдника, а послѣ перемѣны правительства, въ 1762 г., всѣ говорили, что она уѣхала въ Пруссію“. Рокотани вполнѣ повѣрилъ Ліадею и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ принцессы. И она съ нимъ сблизилась: неоднократно жаловалась аббату на лицъ своего придворнаго штата. Она исключила только Станишевскаго, то-есть Доманскаго: его она очень хвалила. Вскорѣ Рокотани замѣтилъ нѣжныя отношенія искательницы русскаго престола къ этому молодому, страстному человѣку. Однажды онъ, сидя у аббата, распространялся объ умѣ, любезности и красотѣ принцессы, объ ея богатствѣ и связяхъ, и сказалъ, что далъ ей клятву сопровождать ее повсюду. При этомъ онъ далъ почувствовать, что со временемъ, если предпріятіе принцессы увѣнчается успѣхомъ, ему самому предстоитъ одно изъ самыхъ значительныхъ положеній въ свѣтѣ. Въ заключеніе онъ высказалъ аббату желаніе свое посовѣтоваться о своемъ положеніи съ кардиналомъ Альбани. Рокотани именемъ кардинала отклонилъ это, совѣтовалъ отъ себя молодому человѣку не увлекаться, указывалъ ему на бѣдствія, которымъ онъ легко можетъ подвергнуться, если свяжетъ судьбу свою съ судьбой этой женщины.

На слѣдующій день, 8-го января, Рокотани опять былъ у принцессы. Она вручила ему письмо къ кардиналу и для свѣдѣнія копію съ писемъ своихъ къ султану и графу Орлову, не говоря, что до владыки Оттоманской имперіи ея посланія не дошли. Въ письмѣ къ кардиналу, послѣ длинныхъ комплиментовъ талантамъ и мудрости его, она выразила соболѣзнованіе къ несчастному положенію Польши. „Оно давно было бы

*) Огинскій дѣйствительно въ это время, примирившись съ королемъ, уже воротился въ Польшу, но посредничество самозванки, конечно, ея выдумка.

улучшено, если бы въ Рагузѣ не разстроили моихъ плановъ. Какъ скоро я достигну цѣли, какъ скоро получу корону,—писала она:—я немедленно войду въ сношенія съ римскимъ дворомъ и приложу всѣ старанія, чтобы подчинить народъ мой святѣйшему отцу. Только вамъ одному рѣшаюсь сообщить эту завѣтную тайну. Примите въ уваженіе опасное положеніе, въ которомъ я нахожусь, и поймите, насколько я нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ и помощи. Въ настоящую минуту, когда я во что бы то ни стало должна ѣхать въ Польшу, а оттуда въ Россію, у меня, къ сожалѣнію, недостаетъ наличныхъ денежныхъ средствъ. Но я не теряю надежды и утѣшаю себя мыслью, что ваше высокопреосвященство будете избраны въ папы".

На другой день, 9-го января, принцесса черезъ аббата Рокотани получила отвѣтъ кардинала. Онъ писалъ, что его чрезвычайно занимаетъ все высказанное ею какъ о Польшѣ, такъ и о римско-католическомъ исповѣданіи. „Провидѣніе будетъ руководить вашими благими намѣреніями, и если правда на вашей сторонѣ, вы достигнете своей цѣли",— прибавилъ къ этому кардиналъ.

Кардиналу желательно было обстоятельно узнать о правахъ навязавшейся на знакомство съ нимъ русской „великой княжны". Повѣренный его аббатъ сообщилъ объ этомъ Елизаветѣ, и она обѣщала доставить копію съ духовнаго завѣщанія своей матери. При этомъ она показала Рокотани письма къ ней князя Лимбурга и министра Горнштейна. Казалось бы, сватовство князя, о которомъ говорилось въ этихъ письмахъ, не имѣло никакого отношенія до притязаній ея на императорскую корону, но у нея умыселъ другой тутъ былъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. „Непремѣннымъ условіемъ предложеннаго мнѣ брака съ княземъ Римской имперіи, — сказала при этомъ принцесса аббату Рокотани: — поставляли мнѣ переходъ въ римско-католическую вѣру, но публично отречься отъ греческаго исповѣданія въ моемъ положеніи все равно, что отречься отъ правъ на русскій престолъ. Если я буду имѣть счастье побѣдить враговъ моихъ и получу похищенную у меня корону, непремѣнно заключу конкордатъ съ римскимъ дворомъ и употреблю всѣ возможныя для меня средства, чтобы русскій народъ призналъ власть римской церкви. Но для успѣха дѣла намѣреніе мое должно быть скрыто отъ всего свѣта". То же самое писала она и кардиналу. Января 14-го принцесса послала къ нему обѣщанную копію съ извѣстнаго уже намъ духовнаго завѣщанія Елизаветы Петровны и писала: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя въ Польшѣ и ѣду въ Кіевъ. Преданныя намъ войска всего въ 50 миляхъ отъ этого города, и я отправлю ихъ на помощь королю Станиславу-Августу. Прежде я долго колебалась: мнѣ казалось удобнѣе ѣхать черезъ неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать море, высадиться въ Албаніи и оттуда сухимъ путемъ пробраться въ Константинополь, ибо теперь вся Европа обратила взоры на Турцію; но теперь я убѣдилась, что ѣхать черезъ Польшу будетъ выгоднѣе" Въ

концѣ письма принцесса, будто мимоходомъ, упомянула о надеждѣ занять у графа Ланьяско, посланника Трирскаго курфирста, до семи тысячъ червонцевъ и просила кардинала замолвить за нее словечко при свиданіи съ этимъ посланникомъ. Для этого-то, вѣроятно, искательница короны, денегъ и приключеній и показывала аббату Рокотани дружескую переписку свою съ трирскимъ конференцъ-министромъ.

XXIV.

Разорвавъ связи съ конфедератами, принцесса, повидимому, приняла намѣреніе дѣйствовать въ союзѣ съ другими поляками, съ тѣми, что держали сторону короля Понятовскаго, и во что бы ни стало хотѣла добиться свиданія съ Станиславомъ-Августомъ. Зная, что онъ крайне недоволенъ раздѣломъ Польши, она не сомнѣвалась, кажется, что король и магнаты воспользуются ею, выставятъ ее противъ остававшейся безъ надежныхъ союзниковъ Екатерины и, произведя такимъ образомъ въ Россіи замѣшательство, возстановятъ прежніе предѣлы Рѣчи Посполитой. Екатерина дѣйствительно не имѣла тогда искренно расположенныхъ къ ней союзниковъ. Вѣнскій кабинетъ сильно досадовалъ на скорое и притомъ безъ его посредства заключеніе Кучукъ-Кайнарджискаго мира; свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю и Архипелагу и независимость кубанскихъ татаръ, особенно же Крыма, установленныя этимъ миромъ, немало безпокоили Австрію, ибо она видѣла, что это ведетъ къ преобладанію Россіи на югѣ, къ явному ущербу государства Габсбурговъ. Императоръ и прусскій король ничего такъ не желали, какъ ослабленія Россіи, принимавшей грозное положеніе. Версальскій кабинетъ еще болѣе досадовалъ на Екатерину за то, что не удались его козни противъ Россіи. Султанъ, возбужденный французами къ войнѣ съ Екатериной, хотя и поспѣшилъ заключить невыгодный для себя миръ, но Порта считала этотъ миръ краткимъ перемиріемъ. Испанія послѣдовала за Франціей, а шведскій король мечталъ о балтійскомъ прибрежьѣ и желалъ отмстить за Полтаву. Одни только англичане, желавшіе усилить свою торговлю съ Россіей, изъ расчета держали нашу сторону.

Какъ ни блистательны были военныя дѣйствія екатерининскихъ орловъ, какъ ни громки были побѣды ихъ, какъ ни много надѣлали они шуму по всей Европѣ, однако всѣ хорошо понимали, что внутреннія силы Россіи крайне истощены. И дѣйствительно, безпрерывные рекрутскіе наборы изнурили народъ, весь цвѣтъ его былъ отвлеченъ отъ сохи и промысловъ. Пугачевщина и другія внутреннія волненія, безпрестанные пожары, отъ которыхъ гибли тысячи селеній и выгорали цѣлые города, несообразные съ силами податного состоянія налоги довели страну почти до нищеты, которую не трудно было замѣтить сквозь покрывало блеска, славы и роскоши, которое искусная рука Екатерины набрасывала на положеніе дѣлъ. Самое войско, столь грозное для внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, было далеко не въ блестящемъ видѣ. Дурно одѣтое, по-

луголодное, оно страдало отъ казнокрадства начальниковъ, которому не было предѣловъ. Если Петербургъ и ликовалъ при извѣстіяхъ о блистательныхъ побѣдахъ русскаго войска, то внутри Россіи, въ самой даже Москвѣ, мало тому радовались. Недовольство росло съ каждымъ днемъ. Такое положеніе дѣлъ въ Россіи было извѣстно „великой княжнѣ Елизаветѣ". Со всѣхъ сторонъ она получала о томъ свѣдѣнія, быть-можетъ, даже преувеличенныя. По свойству своего характера, она, на основаніи этихъ извѣстій, вообразила, что теперь, при помощи Польши и другихъ европейскихъ державъ, ей легко будетъ сдѣлаться Всероссійскою императрицей. Но она не знала того, что поляки, доставлявшіе ей свѣдѣнія о положеніи Россіи, скрывали положеніе своего отечества, находившагося еще болѣе въ бѣдственномъ состояніи, чѣмъ Россія. Она не знала, что, посредствомъ своихъ посланниковъ и штыковъ своихъ солдатъ, Екатерина распоряжается въ Польшѣ, какъ у себя дома. Безъ Екатерины Понятовскому никогда бы не владѣть короною Сигизмундовъ и Баторія, безъ ея помощи эта корона давно бы слетѣла съ головы его, и, конечно, если бы до императрицы дошли теперь свѣдѣнія, что онъ принимаетъ участіе въ химерическихъ замыслахъ „всклепавшей на себя имя", онъ бы ранѣе положеннаго судьбой срока лишился государства.

Но этого и въ голову не приходило принцессѣ. Она искала знакомства съ польскимъ резидентомъ въ столицѣ католичества, маркизомъ д'Античи. Сначала онъ уклонялся отъ свиданія съ нею, ссылаясь на свое офиціальное положеніе, но аббату Рокотани удалось убѣдить его познакомиться съ претенденткой. Января 16-го назначено было свиданіе въ церкви Santa Maria degli Angeli. „Великая княжна" разсказала маркизу о судьбѣ своей, о планѣ и намѣреніяхъ, и онъ пришелъ въ восхищеніе отъ необыкновеннаго ея ума и любезности. Она просила д'Античи дать ей рекомендательное письмо къ королю польскому, но резидентъ отказался; голосомъ холоднаго разсудка совѣтовалъ онъ восторженной до экзальтаціи красавицѣ оставить химерическія намѣренія. Онъ доказывалъ ей несбыточность ея плановъ и сказалъ, что, нимало не сомнѣваясь въ царственномъ ея происхожденіи, онъ полагаетъ однако, что борьба ея съ Екатериной немыслима, и что въ ея положеніи лучше всего отыскать надежное убѣжище, въ которомъ бы могла она безмятежно продолжать жизнь свою. Не понравился принцессѣ добрый совѣтъ маркиза, она написала къ нему письмо, исполненное блистательнѣйшими для Польши политическими соображеніями, и обѣщала золотой вѣкъ этой странѣ, если достигнетъ короны. Польскій резидентъ отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, какъ говорилъ въ церкви св. Маріи, и настоятельно совѣтовалъ ей скорѣе удалиться въ скромное уединеніе и тѣмъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій, которыя считалъ неизбѣжными, если она не покинетъ своихъ замысловъ. Послѣ того она написала къ маркизу письмо, въ которомъ говорила, между прочимъ, слѣдующее: „Въ послѣднее свиданіе наше я нашла въ васъ столько благородства, ума и добро-

дѣтели, что по сію пору нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленія... Но вчера ввечеру получила я множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу, и въ то же время получила извѣстіе, что миръ не будетъ ратификованъ султаномъ; невозможно вообразить, какія смятенія царствуютъ теперь въ Портѣ. Я намѣрена обратиться съ извѣстнымъ вамъ предложеніемъ къ Польшѣ и съ тою же цѣлью пошлю курьера въ Берлинъ, къ королю Фридриху. Для себя я ничего не желаю: хочу достичь одной славы — славы возстановительницы Польши. Средства съ этому у меня есть, и я не замедлю доставить его величеству, королю Станиславу-Августу. эти средства для веденія войны противъ Екатерины. Какъ скоро онъ подниметъ оружіе, русскій народъ, страдающій подъ настоящимъ правленіемъ и вполнѣ намъ преданный, соединится съ польскими войсками. Что касается до короля прусскаго, это мое дѣло: я на себя принимаю уладить съ нимъ соглашеніе. Курьеръ, котораго я отправляю въ Константинополь, поѣдетъ черезъ Европу и завезетъ письмо мое въ Берлинъ. Сама я поѣду отсюда также въ Берлинъ и повидаюсь съ королемъ прусскимъ. Во время путешествія до Берлина мнѣ будетъ достаточно времени подумать о моихъ депешахъ. которыя король Фридрихъ получитъ до прибытія моего въ его столицу. Изъ Берлина поѣду въ Польшу, оттуда въ польскую украйну, тамъ и неподалеку оттуда стоятъ преданныя намъ русскія войска. Здѣсь никто не будетъ подозрѣвать, куда я отправляюсь, всѣ будутъ думать, что я поѣхала въ Германію, въ тамошнія мои владѣнія. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла мои, я всегда найду средства воспрепятствовать злу. Небо, намъ поборающее, доставитъ успѣхъ, если будутъ помогать намъ; если же я не увижу помощи, оставлю всю и устрою для себя пріятное убѣжище". Черезъ день маркизъ д'Античи отвѣчалъ ей: „Позвольте предложить вамъ избрать то самое намѣреніе, какое вы высказали въ письмѣ вашемъ ко мнѣ: оставьте всякіе политическіе замыслы и удалитесь въ пріятное уединеніе. Всякое другое намѣреніе для людей благомыслящихъ покажется не только опаснымъ, но и противнымъ долгу и голосу совѣсти, оно можетъ показаться имъ химерическимъ или, по крайней мѣрѣ, влекущимъ за собой неизбѣжныя бѣдствія". При свиданіи маркизъ, кажется, прямо сказалъ ей, что ни король ни Рѣчь Посполитая ни въ какомъ случаѣ не согласятся принять участія въ ея замыслахъ. Принцесса долго не отвѣчала на письмо д'Античи. Слишкомъ черезъ двѣ недѣли (а въ это время, какъ увидимъ, у нея уже созрѣли иные замыслы) она отвѣчала ему (5-го февраля 1775 года), благодарила за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проницательность, извинялась, что безпокоила его, и обѣщала удалиться въ Германію. Маркизъ д'Античи вѣжливо поздравилъ ее съ этимъ рѣшеніемъ. Принцесса хитрила: она хотѣла, чтобы польскій резидентъ увѣрился самъ и передалъ въ Польшу, что она рѣшилась уединиться въ Оберштейнѣ, тогда какъ она влеклась по другому пути, приведшему ее къ гибели.

XXV.

Получивъ денежныя средства, принцесса стала вести въ Римѣ жизнь роскошную, хотя обширныхъ знакомствъ и избѣгала. Штатъ ея увеличился: у нея находилось всякаго рода служителей болѣе шестидесяти человѣкъ. О ней сильно заговорили въ Римѣ; таинственность, которою принцесса старалась до извѣстной степени окружить себя, усиливала разнообразные о ней толки. Простолюдины, которымъ она бросала деньги съ истинно-царскою щедростью, болѣе всего разглашали, что въ папской столицѣ нашла пріютъ русская великая княжна, изгнанница изъ своего отечества, имѣющая право на престолъ великой сѣверной имперіи. Въ тѣ дни, когда усиливавшаяся съ каждымъ днемъ чахотка позволяла принцессѣ выѣзжать, она обозрѣвала картинныя галлереи и памятники классической архитектуры, которыми такъ богатъ Римъ. По отзыву Рокотани, нѣсколько разъ сопутствовавшаго ей при обозрѣніи римскихъ достопримѣчательностей, она сама прекрасно рисовала и имѣла обширныя познанія въ архитектурѣ. Дома она собирала вокругъ себя небольшой кружокъ близкихъ къ ней людей, и въ это время разговоры о политикѣ перемѣшивались съ милыми, остроумными салонными разговорами, съ исполненіемъ замѣчательными артистами разныхъ музыкальныхъ пьесъ; сама принцесса прекрасно играла на арфѣ и каждый разъ доставляла гостямъ своимъ случай восхищаться ея поистинѣ артистическимъ искусствомъ.

Деньги какъ вода утекали изъ рукъ расточительной принцессы. Мы уже не разъ говорили о непомѣрномъ, не знавшемъ никакихъ предѣловъ мотовствѣ ея, мотовствѣ, о которомъ разорившійся ради ея прелестей князь Лимбургъ не безъ горькаго чувства замѣчалъ, что всѣхъ сокровищъ Персіи недостанетъ на удовлетвореніе всѣхъ прихотей его возлюбленной. Средствъ вскорѣ оказалось недостаточно. Графъ Ланьяско, трирскій посланникъ, ссудилъ ее только 50 червонцами. Приближенные набирали для нея взаймы деньги по мелочамъ. На Ганецкаго, занимавшаго деньги на короткіе сроки, поступило взысканіе, и онъ, боясь личнаго задержанія, принужденъ былъ скрываться отъ заимодавцевъ. Тогда эксъ-іезуитъ сталъ обращаться съ принцессою рѣзко и вмѣстѣ съ собратомъ своимъ по ордену Іисусову, Воловичемъ, распускать слухи объ ея любовныхъ похожденіяхъ и даже выражать сомнѣніе въ дѣйствительности царственнаго ея происхожденія. Она прогнала отъ себя обоихъ іезуитовъ, и Ганецкій отдалъ ее въ руки ростовщиковъ.

Главнымъ источникомъ доходовъ принцессы въ это время служила продажа орденовъ: даже самъ Ланьяско, судя по письму его, далъ 50 червонцевъ за орденъ. Находясь въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, принцесса обращалась съ просьбой о займѣ шести или семи тысячъ червонцевъ то къ графу Ланьяско, то къ маркизу д'Античи, то къ кардиналу Альбани, но отовсюду получала отказы, хотя и вѣжливые.

Положеніе ея сдѣлалось крайне затруднительно. И вдругъ нежданно-негаданно, въ то самое время, какъ заимодавцы начали уже принимать относительно графини Пиннебергъ полицейскія мѣры, является къ ней осторожнѣйшій изъ римскихъ банкировъ Дженкинсъ и предлагаетъ ей кредитъ безграничный.

Недѣли черезъ двѣ по прибытіи въ Римъ, тщетно отыскивая средства достать денегъ, принцесса вспомнила объ англійскомъ посланникѣ Гамильтонѣ, который съ такою любезною предупредительностью выхлопоталъ ей въ Неаполѣ паспортъ. Она вздумала попросить у него семь тысячъ червонцевъ и для подкрѣпленій своего кредита посвятила его въ свои тайны. Декабря 21-го послала она къ нему длинное письмо, изъ котораго мы сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія: „Съ перваго взгляда на васъ, вы показались мнѣ такимъ благороднымъ, такимъ образованнымъ человѣкомъ, что я невольно почувствовала къ вамъ глубокое уваженіе и теперь, нимало не сомнѣваясь въ вашей скромности, рѣшаюсь съ вами совершенно откровенно говорить. Не думайте легко о моихъ предпріятіяхъ, помните, что Небо, посылающее въ иныхъ людяхъ бичей рода человѣческаго, посылаетъ и такихъ, которые дѣлаются утѣшеніемъ людей. Я долго колебалась, начинать или не начинать мнѣ предпріятіе, наконецъ рѣшилась. Прочтите короткій очеркъ обстоятельствъ, приведшихъ меня въ здѣшніе края, и изложеніе причинъ, побуждающихъ меня дѣйствовать, и тѣхъ оснований, которыя, надѣюсь, даютъ мнѣ право обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой о паспортахъ для отъѣзда въ Турцію и рекомендательныхъ письмахъ къ вѣнскому и константинопольскому посланникамъ англійскаго двора“. Далѣе принцесса разсказываетъ Гамильтону о Пугачевѣ (тогда уже привезенномъ на казнь въ Москву), котораго однако не называетъ своимъ братомъ, но казакомъ, мальчикомъ, вывезеннымъ въ Петербургъ Разумовскимъ, сдѣлавшимся пажомъ императрицы Елизаветы, получившимъ блистательное образованіе въ Берлинѣ и теперь предводительствующимъ преданною ей партіей въ Россіи. Упомянувъ о ссылкѣ своей въ Сибирь, объ отравленіи ядомъ, о воспитаніи, полученномъ при персидскомъ дворѣ, о предложеніи, сдѣланномъ шахомъ, она говоритъ о поѣздкѣ своей въ Европу и о рѣшимости, по совѣту друзей, ѣхать въ Константинополь и тамъ искать покровительства у султана, для чего она и соединилась съ княземъ Радзивиломъ въ Венеціи. „Передъ отъѣздомъ изъ этого города въ Рагузу, — продолжала она: — я познакомилась съ милордомъ Монтегю и воспользовалась совѣтами его благоразумія и прекраснаго сердца; онъ одобрилъ мои намѣренія и сдѣлалъ мнѣ все, что̀ могъ бы сдѣлать родной братъ. Мы пріѣхали съ княземъ Радзивиломъ въ Рагузу. Въ ожиданіи султанскаго фирмана мы прожили тамъ два мѣсяца и, имѣя восемьдесятъ человѣкъ свиты, израсходовали всѣ деньги, взятыя на проѣздъ. Въ это время получено было извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Турціей и Россіей. Это извѣстіе застало насъ врасплохъ: еще за

нѣсколько недѣль передъ тѣмъ я послала два письма къ султану, копію съ которыхъ при семъ прилагаю. Я колебалась между страхомъ и надеждой, настоятельно требовала скорѣйшей поѣздки въ Константинополь; но денежныя средства были истощены, и приходилось выжидать время. Со всѣхъ сторонъ встрѣчала я препятствія: морскія непогоды, суровое время года, медленное доставленіе писемъ, которыя недѣль по шести бывали въ дорогѣ; надо было рѣшиться на что-либо другое. Князь Радзивилъ съ своею огромною свитой, собранною изъ разныхъ національностей, которая ему больше вредила, чѣмъ была полезна, отправился въ Венецію, а мнѣ разстроенное здоровье нѣсколько недѣль не дозволяло пуститься въ море. Наконецъ я рѣшилась ѣхать въ Неаполь. Декабря 7-го пріѣхала я въ Римъ. Здѣсь дошли до моего свѣдѣнія разныя политическія новости и въ томъ числѣ о ратификаціи мира, и что Пугачевъ съ каждымъ днемъ усиливается. Злые языки недоброжелателей распустили молву, перешедшую и въ газеты, будто Пугачевъ взятъ, но мы имѣемъ подлинныя письма, увѣряющія въ противномъ". Затѣмъ принцесса повѣряетъ сэру Гамильтону предположенія о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, говоритъ, что намѣревается проѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ черезъ Венгрію, но замѣчаетъ, что такое путешествіе небезопасно: венгерскій король Іосифъ II находится въ союзѣ съ Екатериной, и, проѣзжая черезъ его владѣнія, она можетъ быть открыта. „Это еще не бѣда, — замѣчаетъ принцесса: — но зачѣмъ возбуждать любопытство и подвергаться излишнимъ расходамъ?.. Я въ Римѣ попусту теряю время, но, какъ скоро достигну Константинополя, выйду изъ нерѣшительнаго положенія, въ которое поставлена благодаря коварной политикѣ. Заключенный миръ унизителенъ для Порты. Но я возбужу въ ней стремленіе къ спасенію ея чести и къ защитѣ законныхъ моихъ правъ. Полагаю, что духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы сохраняетъ свою силу. При сношеніяхъ съ Портой я не забуду интересовъ вашего двора: вѣдь англійская торговля въ Левантѣ сильно подорвана мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ великимъ визиремъ. Заклинаю васъ, милордъ, сдѣлайте для меня все, что̀ для васъ возможно, и вѣрьте, что на всю жизнь я сохраню чувства признательности ко всему англійскому народу. Здѣсь расходы большіе, а я не имѣю денежныхъ средствъ. Милордъ Монтегю ссудилъ меня, сколько ему было возможно, своими деньгами; прилагаю въ доказательство одно изъ его писемъ. Если-бъ я могла достать взаймы небольшую сумму въ 7.000 червонцевъ, я могла бы представить въ обезпеченіе графство Оберштейнъ въ Лотарингіи, которое герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнскій, князь и графъ Лимбургскій, получилъ отъ дома Линанжъ. Войдите въ мое положеніе, господинъ министръ, ваше доброе сердце не дозволитъ вамъ отказать мнѣ въ бумагахъ, съ которыми я вездѣ была бы безопасна. Вотъ что̀ вы можете сдѣлать, нисколько себя не компрометируя: снабдите меня паспортомъ на имя г-жи Вальмодъ или на имя другой ганноверской под-

данной. Я знаю по-нѣмецки и немножко по-англійски, слѣдовательно могу убѣдить всѣхъ въ тожествѣ съ названнымъ лицомъ. Напишите въ Вѣну къ находящемуся тамъ министру вашего двора, чтобъ онъ доставилъ мнѣ средства отправиться въ Константинополь. Я сама хотѣла-было отправиться для свиданія съ вами въ Неаполь; но боюсь, что это не понравится вашему превосходительству. Въ Римѣ много англичанъ, напишите къ одному изъ нихъ, которому бы можно довѣрить тайну; черезъ него я буду ожидать вашихъ добрыхъ совѣтовъ. Если-бъ я могла поскорѣе отсюда уѣхать, то еще до исхода зимы пріѣхала бы въ Константинополь, то-есть прежде чѣмъ войска могутъ выступить въ походъ. Въ настоящую минуту участь моя зависитъ отъ вашего превосходительства. Сдѣлаю все, что̀ вы мнѣ посовѣтуете, и на всю жизнь останусь съ искреннимъ чувствомъ уваженія". Гамильтонъ, получивъ это письмо, подъ которымъ было подписано: „принцесса Елизавета", тутъ только увидѣлъ, кому оказалъ онъ услугу выдачей паспорта въ Римъ. Опасаясь, чтобъ это не скомпрометировало его какъ въ глазахъ собственнаго правительства, находившагося съ императрицей Екатериной въ добрыхъ отношеніяхъ, такъ и въ глазахъ графа Алексѣя Орлова, съ которымъ онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ, англійскій резидентъ рѣшился поправить свою ошибку. Онъ отправилъ подлинное письмо принцессы въ Ливорно, къ тамошнему англійскому консулу Джону Дику, о дружбѣ котораго съ Орловымъ мы уже говорили. Сэръ Дикъ препроводилъ письмо въ Пизу. Такимъ образомъ графъ Орловъ, уже болѣе трехъ мѣсяцевъ напрасно отыскивавшій слѣды самозванки, узналъ объ ея мѣстопребываніи.

Въ первыхъ числахъ января 1775 года, по старому стилю, явился къ Орлову офицеръ, котораго въ ноябрѣ онъ посылалъ въ Рагузу. Онъ сказалъ, что „всклепавшая на себя имя" дѣйствительно немало времени жила въ Рагузѣ съ княземъ Радзивиломъ, но уѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Венецію. Не мѣшкая нимало, офицеръ поѣхалъ слѣдомъ, но въ Венеціи нашелъ одного Радзивила, принцессы съ нимъ не было. Наконецъ удалось ему отъ кого-то узнать, что она проѣхала въ Неаполь. Съ этою вѣстью онъ и прискакалъ въ Пизу. На другой день послѣ этого Орловъ получилъ отъ сэра Дика письмо самозванки на имя Гамильтона и въ тотъ же день послалъ въ Римъ своего генеральсъ-адъютанта Христенека съ тѣмъ, чтобъ онъ постарался вотереться къ принцессѣ Елизаветѣ въ довѣренность и постарался привезти ее въ Пизу. Вотъ что̀ доносилъ объ этомъ графъ Орловъ императрицѣ 5 (16) января 1775 года:

„Всемилостивѣйшая государыня! По запечатаніи всѣхъ моихъ донесеній вашему императорскому величеству, получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною офицера для развѣдыванія о самозванкѣ, что оная больше не находится въ Рагузахъ, и многія обстоятельства увѣрили его, что оная поѣхала вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ въ Венецію; и онъ, нимало не мѣшкая, поѣхалъ за ними вслѣдъ, но, по пріѣздѣ его въ Венецію, нашелъ только одного Радзивила, а она туда и не пріѣз-

жала: и объ немъ розно говорятъ: одни, будто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другіе увѣряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней оный офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя письмо отъ англійскаго министра Гамильтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него паспорта для проѣзда въ Римъ, что̀ онъ для услуги ея и сдѣлалъ, а изъ Рима получилъ отъ нея письмо, гдѣ она себя принцессой называетъ. Я-жъ всѣ оныя письма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе вашему императорскому величеству при семъ посылаю. А отъ меня нарочный того же дня посланъ въ Римъ, штата моего генеральсъ-адъютантъ Иванъ Христенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и стараться познакомиться съ нею; притомъ, чтобъ онъ обѣщалъ, что она во всемъ можетъ на меня положиться, и, буде уговоритъ, чтобы привезъ ее ко мнѣ съ собою. А министру англійскому я отвѣчалъ, что это надобно быть самой сумасбродной и безумной женщинѣ, однакожъ притомъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть ее, а притомъ просилъ его, чтобы присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ. А между тѣмъ и кавалеру Дику приказалъ писать къ вѣрнымъ людямъ, которыхъ онъ въ Римѣ знаетъ, чтобъ и они совѣтовали ей пріѣхать сюда, гдѣ она отъ меня всякой помощи надѣяться можетъ. И что̀ впредь будетъ происходить, о томъ не упущу доносить вашему императорскому величеству и всѣ силы употреблю, чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываньи. Я-жъ, повергая себя къ священнымъ вашимъ стопамъ, пребуду навсегда вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей моей государыни, всеподданнѣйшій рабъ, графъ Алексѣй Орловъ“.

Христенекъ тотчасъ же поскакалъ исполнять данное ему порученіе и, черезъ два дня по отправленіи Орловымъ донесенія, онъ былъ уже въ Римѣ.

XXVI.

На Марсовомъ полѣ въ Римѣ, около дома Жуяни, сталъ бродить таинственный незнакомецъ. Съ большимъ участіемъ разспрашивалъ онъ прислугу о принцессѣ, занимавшей этотъ домъ, и отзывался о ней съ крайнею почтительностью. Это передали принцессѣ; она встревожилась. Въ бесѣдѣ съ аббатомъ Рокотани она высказала подозрѣніе, что незнакомецъ, бродящій подъ ея окнами, долженъ быть тайный агентъ изъ Петербурга, и просила передать картиналу Альбани ея просьбу приказать римской полиціи разузнать о немъ. Аббатъ отказался передать это Альбани, говоря, что кардиналу неприлично вмѣшиваться въ такое дѣло, и посовѣтовалъ обратиться лучше къ трирскому посланнику. Но графъ Ланьяско въ это время только-что отказалъ принцессѣ въ деньгахъ, и она не хотѣла болѣе обращаться къ нему съ своими просьбами. „Я приму этого незнакомца“, — сказала она въ досадѣ аббату. И дѣйствительно приказала принять къ себѣ бродившаго подъ окнами таинственнаго человѣка. Онъ былъ допущенъ къ ней и самымъ почтительнѣйшимъ образомъ отрекомендовался лейтенантомъ русскаго флота, Иваномъ Христенекомъ.

Графиня Пиннебергъ приняла его недовѣрчиво; она не высказыва-

лась ему и тогда, какъ Христенекъ сталъ увѣрять „ея свѣтлость“ о преданности къ особѣ ея графа Алексѣя Григорьевича и о живѣйшемъ участіи, какое онъ принимаетъ въ ея положеніи. Она прекратила разговоръ, замѣтивъ, что графу надобно высказаться яснѣе. На другой или на третій день является къ принцессѣ англичанинъ, банкиръ Дженкинсъ, предлагая ей сколько угодно денегъ. Онъ только-что получилъ объ этомъ порученіе изъ Ливорно отъ сэра Дика, который, какъ изъ этого видно, не замедлилъ исполнить просьбу графа Орлова. Понятно, что принцесса несказанно обрадовалась такому предложенію, вѣроятно, думая, что Дженкинсъ явился къ ней по порученію Гамильтона. Но когда онъ сказалъ ей, что русскій генералъ графъ Орловъ поручилъ ему открыть кредитъ графинѣ Пиннебергъ, подозрѣніе блеснуло въ головѣ ея, и, несмотря на то, что она крайне нуждалась, сказала банкиру, что не имѣетъ надобности въ его помощи. Съ улыбкой откланялся ей Дженкинсъ: онъ зналъ, что графиня Пиннебергъ разыгрываетъ передъ нимъ комедію, что она вся въ рукахъ ростовщиковъ, что полиція уже начинаетъ предпринимать рѣшительныя противъ нея мѣры по просьбѣ кредиторовъ.

Было надъ чѣмъ призадуматься принцессѣ. Пославъ къ графу Орлову письмо изъ Рагузы, она такъ долго ожидала объявленія своего „манифестика“ стоявшему на Ливорнскомъ рейдѣ русскому флоту, что наконецъ, несмотря на свою легкомысленность, могла придти къ заключенію, что предложеніе ея отвергнуто Орловымъ, и что ей не только не должно надѣяться на него, но слѣдуетъ опасаться всѣмъ извѣстной его предпріимчивости. Эти опасенія, по всей вѣроятности, и были причиной какъ холоднаго пріема Христенеку, такъ и отказа Дженкинсу. Но хитрую принцессу перехитрили. Христенекъ сообщилъ графу Орлову о сдѣланномъ ему пріемѣ и получилъ отъ своего начальника новыя наставленія. До Орлова дошли вѣрныя извѣстія о характерѣ самозванки: „Свойство она имѣетъ отважное,—доносилъ онъ императрицѣ:—и своею смѣлостью много хвалится“. Этимъ-то самымъ свойствомъ характера принцессы и задумалъ графъ Орловъ увлечь ее въ разставленныя сѣти. Онъ не ошибся въ расчетѣ.

Января 27-го Христенекъ писалъ принцессѣ, что, получивъ отъ графа Орлова письмо, о которомъ нужно переговорить съ „ея свѣтлостью“, онъ проситъ назначить ему день и часъ пріема. Принцесса колебалась. Не отвѣчая Христенеку, она послала на другой день черезъ аббата Рокотани еще письмо къ кардиналу Альбани, прося у него хоть одну тысячу червонцевъ. Кардиналъ прислалъ уклончивый отвѣтъ. Полиція между тѣмъ грозила. Принцессу хотѣли завтра или послѣзавтра арестовать за долги. Денегъ не было; положеніе безвыходное: она рѣшилась принять Христенека. Кастера говоритъ, что при этомъ свиданіи Христенекъ отъ имени Орлова сказалъ ей, что графъ, признавая ее за дочь Елизаветы Петровны, предлагаетъ ей свою руку и русскій пре-

столъ, на который онъ возведетъ ее, произведя въ Россіи возмущеніе, что сдѣлать не трудно, ибо народъ недоволенъ Екатериною *). Въ удостовѣреніе своихъ словъ Христенекъ показалъ письмо Орлова; оно было написано по-нѣмецки, чтобы принцесса могла понять его. Она повѣрила обману и сдѣлала рѣшительный шагъ къ своей погибели.

Склонясь на убѣжденія Христенека, она послала съ курьеромъ письмо къ Орлову, въ которомъ извѣщала, что письмо къ лейтенанту даетъ ей смѣлость ѣхать въ Пизу и съ полною довѣренностью ввѣрить ему судьбу свою. „Желаніе блага Россіи,—прибавляла она:—во мнѣ такъ искренно, что никакое обстоятельство не въ силахъ остановить меня въ исполненіи своего долга“. Въ заключеніе она сказала, что мѣсяца черезъ полтора она ожидаетъ полученія значительныхъ суммъ, а до тѣхъ поръ проситъ снабдить ее 2000 червонцевъ на поѣздку, такъ какъ скорое свиданіе съ графомъ въ Пизѣ она считаетъ необходимымъ. Черезъ день Дженкинсъ вручилъ ей 2.000 червонцевъ. Затѣмъ онъ уплатилъ всѣ ея римскіе и венеціанскіе долги, на что, по словамъ польскаго резидента д'Античи, употреблено было одиннадцать тысячъ червонцевъ.

Января 31-го принцесса увѣдомила кардинала Альбани, что обстоятельства ея измѣнились, и она дней черезъ десять выѣзжаетъ изъ Рима съ тѣмъ, чтобъ оставить міръ и посвятить жизнь свою Богу. Испрашивая кардинальскаго благословенія на такой подвигъ, она просила о возвращеніи посланныхъ къ Альбани документовъ, но аббатъ Рокотани сказалъ ей, что бумаги, для большей безопасности, кардиналомъ сожжены. Кардиналъ и принцесса взаимно обманывали другъ друга: документы были цѣлы, а она о монастырѣ и не помышляла. Впрочемъ, 3-го февраля она сама объявила аббату, что отреченіе ея отъ свѣта окончательно еще не рѣшено, но что она на-дняхъ уѣзжаетъ изъ Рима, по совѣту графа Орлова, оставляя фамилію графини Пиннебергъ, и что вообще дѣла ея неожиданно приняли очень хорошій оборотъ. Вѣроятно, по совѣту Орлова, переданному черезъ Христенека, принцесса никому не сказывала въ Римѣ, никому не писала, что она ѣдетъ къ нему въ Пизу, и что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ея предпріятіи. Къ д'Античи она написала, что, слѣдуя его совѣту, она ѣдетъ въ Германію, другимъ говорила про монастырь. Сами домашніе ея не знали навѣрное объ ея намѣреніяхъ.

Простившись 10-го февраля съ аббатомъ Рокотани и сдѣлавъ ему дорогіе подарки, принцесса утромъ на другой день, подъ именемъ графини Селинской, въ двухъ экипажахъ поѣхала изъ Рима. Ее сопровождали Доманскій, Чарномскій, Франциска Мешеде и нѣсколько слугъ. Раздавъ щедрую милостыню нищимъ, собравшимся у церкви Санъ-Карло, она, при шумныхъ благодарныхъ крикахъ толпы, поѣхала по Корсо къ Флорентійской заставѣ и выѣхала изъ вѣчнаго города.

Слѣдомъ за ея экипажемъ ѣхалъ Христенекъ.

*) «Histoire de Catherine II». Paris, II, 82.

XXVII.

Черезъ четыре дня по отъѣздѣ изъ Рима, „принцесса Елизавета“, подъ именемъ графини Селинской, пріѣхала въ Пизу, которою владѣлъ тогда сынъ Маріи-Терезіи, братъ императора Іосифа II и самъ по смерти его императоръ Священной Римской имперіи, Леопольдъ. Угодливый и, казалось, совершенно преданный принцессѣ лейтенантъ Христенекъ подвезъ ее къ роскошному палаццо. Заблаговременно извѣщенный, что „всклепавшая на себя имя“ сама ѣдетъ въ Пизу, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ не замедлилъ пріискать ей прекрасное помѣщеніе, вполнѣ приличное принятому на себя этою женщиной званію. Принцесса расположилась въ палаццо съ сопровождавшею ее свитой. Слѣдомъ пріѣхали изъ Рима остальные служители ея двора. Весь штатъ этого двора состоялъ въ Пизѣ изъ шестидесяти человѣкъ, какъ писалъ графъ Орловъ императрицѣ *).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не замедлилъ представиться „принцессѣ Елизаветѣ“. Онъ обращался съ нею почтительно и почтеніе свое заявлялъ совершенно какъ вѣрноподданный. Съ чрезвычайною заботливостью окружалъ онъ ее всѣми возможными удобствами, являлся къ ней ежедневно не иначе, какъ въ парадной формѣ и въ лентѣ, не садился передъ ней, съ поспѣшностью предупреждалъ каждое ея желаніе; даже съ кавалерами двора принцессы, съ Доманскимъ и Чарномскимъ, обходился не только съ изысканною любезностью, но даже съ глубокимъ почтеніемъ. Принцесса не вдругъ однако повѣрила Орлову свои планы и намѣренія. Она только разсказала ему, что еще въ младенчествѣ была увезена однимъ священникомъ и какими-то женщинами изъ Россіи, что, по проискамъ ея враговъ, была отравлена, такъ что рвотными едва успѣли спасти ея жизнь. Говорила, что она воспитана въ Персіи, гдѣ до сихъ поръ имѣетъ многочисленную и сильную своимъ вліяніемъ на внутреннія и внѣшнія политическія дѣла партію, что, по достиженіи совершеннолѣтія, она уѣхала въ Европу, проѣзжала при этомъ черезъ мѣста, населенныя татарами, по Волгѣ, была тайно въ Петербургѣ, а отсюда черезъ Ригу проѣхала въ Пруссію. Принцесса разсказывала графу Орлову, что въ Потсдамѣ она видѣлась съ королемъ Фридрихомъ и объяснила ему, кто она такая, затѣмъ жила въ Парижѣ, была знакома съ тамошними министрами, но открылась имъ не вполнѣ, называя себя только „принцессой Владимірской“ и умалчивая, что покойная императрица Елизавета была ея матерью. Она разсказывала также, что въ Германіи коротко познакомилась съ нѣкоторыми имперскими князьями, особенно же съ курфирстомъ Трирскимъ и княземъ Гольштейнъ-Шлезвигъ-Лимбургскимъ, что она не надѣется на импера-

---

*) «Донесеніе графа Орлова императрицѣ» отъ 14-го (25-го) февраля 1775 года.

тора Іосифа II, но вполнѣ разсчитываетъ на помощь королей прусскаго и шведскаго, что съ членами польской конфедераціи она хорошо знакома и намѣрена изъ Италіи ѣхать въ Константинополь, чтобы представиться султану Абдулъ-Гамиду, для чего и послала туда напередъ вѣрнаго человѣка. Это, — говорила она: — одинъ преданный ей персіянинъ, знающій восемь или девять языковъ.

Такъ разсказывала принцесса графу Орлову, и такъ Орловъ о всемъ сказанномъ доносилъ императрицѣ. Онъ не упомянулъ, чтобы принцесса говорила ему что-нибудь про Пугачева, чтобъ она сказала ему что-либо о существованіи въ Россіи преданной ей партіи. Вѣроятно, въ это время принцесса Владимірская уже знала, что названный ея „братецъ" 10-го января (ст. ст.) сложилъ буйную свою голову въ Москвѣ на Болотѣ. О партіи въ Россіи она не могла распространяться въ интимныхъ бесѣдахъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ: Орловъ не полякъ, не англичанинъ, не кардиналъ, онъ лучше ея самой зналъ всѣ партіи, существовавшія тогда въ Россіи, ему надобно было назвать имена, а кого бы назвала принцесса?

Впрочемъ, вскорѣ по арестованіи ея, Орловъ писалъ императрицѣ: „Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на *одного изъ нашихъ вояжировъ*, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется". Орловъ подозрѣвалъ Ивана Ивановича Шувалова. Впослѣдствіи къ фельдмаршалу, князю Голицыну, когда онъ производилъ въ Петропавловской крѣпости слѣдствіе надъ „всклепавшею на себя имя", прислана была собственноручная записка Шувалова самаго незначительнаго содержанія для сличенія почерковъ. Оказалось, что почеркъ заподозрѣннаго былъ сходенъ съ почеркомъ князя Лимбурга. Шувалова оставили въ покоѣ, и онъ вскорѣ потомъ воротился въ Россію послѣ столь долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Орловъ такъ описывалъ императрицѣ наружность принцессы Елизаветы: „Оная женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла ни черна, глаза имѣетъ большіе, открытые, цвѣтомъ темно-каріе, косы и брови темно-русы, а на лицѣ есть и веснушки. Говоритъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-итальянски, разумѣетъ по-англійски, думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только никакъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ... Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостью много хвалится".

Отважнымъ свойствомъ этой несчастной женщины и воспользовался графъ Алексѣй Григорьевичъ, чтобы, во исполненіе воли императрицы Екатерины, захватить ее и живою или мертвою привезти въ Россію. Весьма вѣроятно, что Орловъ еще прежде получилъ отъ кого-нибудь свѣдѣнія о принцессѣ, объ ея страстной натурѣ, объ ея влюбчивомъ характерѣ и сильной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ. Графъ

рѣшился вести съ ней игру въ любовь, чтобъ обыграть легкомысленную красавицу навѣрняка и увлечь ее въ хитро-разставленныя имъ сѣти. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ большой мастеръ играть въ любовь и съ особеннымъ искусствомъ сыгралъ задуманную теперь партію.

Ему было въ то время тридцать восемь лѣтъ, онъ былъ красавецъ и настоящій богатырь. Огромнаго роста, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, силы необычайной, съ пріятнымъ, умнымъ, выразительнымъ лицомъ, Чесменскій герой былъ одинъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени и не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на страстную и все для чувственныхъ наслажденій забывавшую принцессу. Всѣ дотолѣ пользовавшіеся сердечнымъ ея расположеніемъ голландцы, нѣмцы, французы, поляки и алжирцы были пигмеи сравнительно съ этимъ русскимъ могучимъ богатыремъ. Съ перваго же свиданія она была очарована графомъ. Онъ, съ своей стороны, прикинулся страстно влюбленнымъ и даже просилъ руки прекрасной княжны. Благосклонно принявъ предложеніе Орлова, она сказала однако, что о бракѣ думать пока еще рано, но что, достигнувъ того положенія, которое принадлежитъ ей по рожденію, она непремѣнно сдѣлается его женой. Орловъ подарилъ ей свой портретъ, сталъ выѣзжать съ ней въ открытомъ экипажѣ, показывалъ ей достопримѣчательности Пизы, вмѣстѣ съ ней бывалъ въ операхъ, на гуляньяхъ и проч. Такъ продолжалось съ недѣлю. Изъ Пизы писали въ это время въ Варшаву, что графъ Орловъ, выѣзжая съ „знаменитою иностранкой“, постоянно обходится съ нею чрезвычайно почтительно: ни онъ и никто изъ русскихъ не садится въ ея присутствіи; если же кто говоритъ съ нею, то, кажется, стоитъ передъ нею на колѣняхъ. Въ Пизѣ въ это время жила одна русская красавица Давыдова, находившаяся съ Орловымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и до пріѣзда принцессы постоянно съ нимъ выѣзжавшая. Теперь она болѣе не являлась съ нимъ ни въ свѣтѣ, ни въ театрѣ, ни на прогулкахъ *). Въ Пизѣ открыто говорили, что графъ покинулъ Давыдову, вступивъ въ связь съ очаровательною графиней Селинскою.

Эта любовь была послѣднею любовью принцессы, такъ много любившей и такъ часто мѣнявшей сердечныя привязанности. Связь ея съ Орловымъ возникла быстро, едва ли не съ перваго дня личнаго знакомства, и продолжалась всего одну недѣлю. Въ письмѣ къ императрицѣ графъ Орловъ не говоритъ прямо о своей связи, но выражается такъ: „Она ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею

*) Письмо изъ Пизы отъ 15-го марта 1775 года, найденное въ бумагахъ аббата Рскотани. Г-жа Давыдова, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, была, кажется, Екатерина Львовна, жена Александра Николаевича Давыдова. Она урожденная Орлова и едва ли не родственница Чесменскому. Впрочемъ, Орловы не стѣснялись и болѣе близкими узами родства. Извѣстно, какъ поступилъ князь Григорій Григорьевичъ съ юною двоюродною сестрой своей, Екатериной Николаевной Зиновьевой. Императрица заставила его потомъ жениться на ней.

быть очень страстенъ. Наконецъ я ее увѣрилъ, что я бы съ охотой и женился на ней, и въ доказательство, хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, *лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить*, но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ *на своемъ мѣстѣ*, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ". Затѣмъ шутливымъ тономъ Орловъ прибавляетъ о какомъ-то неизвѣстномъ намъ случаѣ, когда онъ еще прежде хотѣлъ-было подобнымъ же образомъ, изъ усердія, жениться на особѣ, которую называетъ въ письмѣ: „въ оно время бывшая моя невѣста Шмитша". „Могу теперь похвастать, — прибавляетъ онъ: — что имѣлъ невѣстъ богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать" *).

XXVIII.

Принцесса была убѣждена, что ея любезный графъ измѣнилъ императрицѣ и вполнѣ сочувствуетъ ея планамъ. Такъ искусно умѣлъ герой Чесменскій притворяться. Христенекъ также сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ принцессѣ и прикинулся самымъ ревностнымъ ея приверженцемъ. Елизавета теперь не сомнѣвалась болѣе, что, какъ русская эскадра, стоявшая въ Ливорно, такъ и сухопутное войско, бывшее на ней въ видѣ десанта, по вліянію Орлова, по первому воззванію примутъ ея сторону. Чтобъ еще болѣе убѣдить принцессу въ своей преданности, графъ Алексѣй Григорьевичъ не отказывалъ ей ни въ чемъ. Стоило только пожелать ей чего-нибудь, тотчасъ же все исполнялось согласно ея волѣ. Такъ, однажды Христенекъ просилъ ее похлопотать у Орлова о награжденіи его полковничьимъ чиномъ. Хотя Орловъ и не имѣлъ полномочія производить подчиненныхъ въ штабъ-офицерскіе чины, но, въ угоду принцессѣ, превысилъ свою власть, и Христенекъ изъ рукъ принцессы получилъ полковничій патентъ.

Христенекъ, по свидѣтельству самого Орлова, отлично исполнялъ свою роль, обманывая легкомысленную и довѣрчивую женщину. „Могу вашему величеству, яко вѣрный рабъ, увѣрить, — писалъ онъ императрицѣ: — что оный Христенекъ поступаетъ со всею возможною точностью по моимъ повелѣніямъ и *умѣлъ удачно свою роль сыграть*".

Такимъ образомъ принцессу успѣли завлечь въ разставленныя сѣти. Но какъ овладѣть ею, какъ арестовать ее и отправить въ Россію, чтобъ исполнить волю императрицы? Это было не очень легко. Въ Пизѣ и вообще во владѣніяхъ тосканскихъ ходили уже слухи, что подъ именемъ

*) Г-жа Шмидтъ была въ 1756 году надзирательницей за живущими во дворцѣ фрейлинами. Можетъ-быть, въ письмѣ Орлова находится намекъ на нее или на ея дочь. Графъ Орловъ-Чесменскій былъ въ 1775 году еще холостъ. Вскорѣ онъ женился на Авдотьѣ Николаевнѣ Лопухиной (род. 1762, умерла 1786 г.).

графини Селинской скрывается дочь покойной русской императрицы, „опасная (?) соперница“ Екатерины. Употребить противъ нея какое-либо насиліе на тосканской территоріи было невозможно: флорентійскій дворъ не дозволилъ бы этого. Притомъ же у принцессы были истинные приверженцы: Доманскій, Чарномскій и нѣкоторые изъ ея прислуги; они всѣми силами воспротивились бы самому малѣйшему насилію со стороны графа Орлова. Кромѣ того, іезуиты, принимавшіе дѣятельное участіе въ созданіи самозванки, зорко слѣдили за всѣмъ, что̀ вокругъ нея дѣлается. А они были сильны и способны на все. На открытое сопротивленіе іезуиты, можетъ-быть, и не пошли бы, но защитить принцессу помощью мѣстной полиціи, а если нужно, то и употребить противъ ея враговъ ядъ или кинжалъ, почтенные члены Общества Іисусова были очень способны. Графъ Орловъ боялся ихъ даже и послѣ ареста принцессы. „Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, — писалъ онъ Екатеринѣ уже по взятіи самозванки: — что я теперь, находясь внѣ отечества, въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окормлену... я всего болѣе опасаюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ“.

Орлову много помогъ въ захватѣ „всклепавшей на себя имя“ новопожалованный аннинскій кавалеръ, сэръ Джонъ Дикъ, англійскій консулъ въ Ливорно. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи принцессы въ Пизу, Орловъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ сэръ Джонъ извѣщалъ графа о какомъ-то столкновеніи, возникшемъ будто бы въ Ливорно между англійскими и русскими чиновниками. Никакого столкновенія не было, письмо сэра Джона Дика нужно было лишь для того, чтобъ Орлову можно было показать его принцессѣ и тѣмъ оправдать въ глазахъ ея поспѣшный отъѣздъ его изъ Пизы. Когда онъ показалъ ей письмо консула и сказалъ, что личное присутствіе его въ Ливорно необходимо для устраненія столкновеній и водворенія порядка, принцесса вполнѣ ему повѣрила. Она спросила своего любезнаго, надолго ли онъ ее покидаетъ. Орловъ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, на сколько времени задержитъ его въ Ливорно это непріятное дѣло и долго ли будетъ онъ лишенъ удовольствія находиться въ обществѣ обворожительной принцессы. Грустно стало ей. Разлуку съ милымъ графомъ страстная принцесса считала несчастіемъ. Напрасно умоляла она его не покидать ея, поручить кому-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ уладить ливорнское столкновеніе: Орловъ былъ непреклоненъ. „Въ такомъ случаѣ,—рѣшительнымъ тономъ сказала принцесса: — и я поѣду съ вами“.

Орлову только этого и хотѣлось. Ливорно находилось на пути въ Геную, куда собиралась принцесса съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ѣхать изъ этого города или моремъ въ Константинополь, или сухимъ путемъ въ Оберштейнъ къ старому своему другу, князю Лимбургскому. Поэтому она хотѣла подняться изъ Пизы всѣмъ домомъ и ѣхать въ сопровожденіи всѣхъ многочисленныхъ своихъ служителей. Но

графъ Орловъ и Христенекъ стали ее отговаривать отъ такого намѣренія. „Зачѣмъ вамъ брать съ собой всѣхъ служителей? — говорили они. — Вѣдь мы пробудемъ въ Ливорно лишь нѣсколько дней, а потомъ опять сюда воротимся". Не подозрѣвая, что ей ставятъ ловушку, принцесса согласилась не отправляться изъ Ливорно въ дальнѣйшій путь, но возвратиться въ Пизу, гдѣ въ блаженствѣ взаимной любви жить съ любезнымъ графомъ, сколько поживется. Поэтому она поѣхала въ Пизу какъ на прогулку, взявъ съ собой только Доманскаго, Чарномскаго, свою камермедхенъ Франциску фонъ-Мешеде и двухъ камердинеровъ, Маркезини и Кальтфингера. Всѣ свои вещи и бумаги она оставила въ Пизѣ. Февраля 19-го графъ Орловъ, вмѣстѣ съ принцессой и ея маленькою свитой, выѣхалъ изъ Пизы налегкѣ. Христенекъ былъ съ ними.

На другой день ихъ отъѣзда, февраля 20-го, поутру, около одиннадцати часовъ, ординарецъ Орлова (вѣроятно, Францъ Вольфъ) пріѣхалъ къ сэру Джону Дику.

— Сегодня къ обѣду будетъ у васъ графъ Орловъ съ обществомъ,— сказалъ нѣмецъ англичанину: — приготовьтесь принять ихъ.

Англичанинъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ немедленно приказалъ готовить роскошный обѣдъ и послалъ къ русскому адмиралу Грейгу и къ адмиральшѣ, его женѣ, приглашеніе къ обѣду. Ординарецъ отправился къ адмиралу съ письмомъ Орлова. Немедленно послѣ того русская эскадра, состоявшая изъ пяти линейныхъ кораблей и одного фрегата, стала готовиться къ смотру.

Къ обѣду пріѣхалъ Орловъ съ принцессой и представилъ ей жену консула и адмиральшу Грейгъ, при чемъ не называлъ однако спутницу свою по имени. Хозяинъ дома и адмиралъ также были представлены ей. Сэру Джону Дику лицо принцессы показалось знакомымъ.

— Вы говорите по-англійски? — спросилъ онъ ее.

— Говорю, но мало, — отвѣчала принцесса.

Консулъ, быть-можетъ, видалъ ее гдѣ-нибудь въ Лондонѣ и, вѣроятно, вопросомъ своимъ хотѣлъ навести ее на этотъ предметъ, но ловкая женщина искусно повела рѣчь о другомъ, и разговоръ ея съ сэромъ Джономъ перешелъ къ постороннимъ предметамъ. За обѣдомъ, къ которому были приглашены Доманскій, Чарномскій и Христенекъ, какъ графъ Орловъ, такъ и англійскій консулъ обходились съ принцессой чрезвычайно почтительно. Грейгъ больше молчалъ. Принцесса была весела, разговорчива, любезна.

Она осталась въ домѣ гостепріимныхъ англичанъ. Жена консула тотчасъ же втерлась въ ея довѣренность, что̀ было не трудно, судя по свойствамъ характера легкомысленной принцессы. Безсознательно стремившаяся къ гибели несчастная женщина вполнѣ довѣрилась новой знакомой, открылась ей въ любви къ Орлову, посвятила ее въ свои тайны, разсказала о своихъ планахъ, и англичанка, по свидѣтельству Кастеры и Гельбига, помогала врагамъ принцессы, питая въ ней довѣренность

и обманчивыя надежды *). Вообще сэръ Джонъ Дикъ и супруга его играли въ этомъ дѣлѣ роль неблаговидную и совершенно несообразную съ званіемъ дипломатическаго агента посторонней державы. Графъ Орловъ и другіе, находившіеся на русской службѣ, дѣлали это дѣло, исполняя волю своей государыни, и дѣйствовали во имя блага своего отечества, гдѣ принцесса могла произвести нѣкоторыя, хотя, конечно, самыя незначительныя замѣшательства, но изъ какихъ расчетовъ дѣйствовалъ сэръ Джонъ Дикъ съ своею супругой? Конечно, изъ-за денегъ. Мы не знаемъ, много ли заплати[illegible]и англійскому консулу и чего стоили брильянты, подаренные его женѣ. Кастера въ своей книгѣ рѣзко порицалъ поведеніе сэра Джона Дика, въ газетахъ также указывали на несоотвѣтственную его званію роль, но англичанинъ промолчалъ. Онъ не могъ, ему нечѣмъ было оправдываться.

Принцесса возбудила въ ливорнскомъ населеніи общее любопытство и даже симпатію. Народъ бѣгалъ за нею по улицамъ. Вечеромъ она была въ оперѣ, взоры всѣхъ обратились на красавицу, сіявшую счастьемъ и довольствомъ **). Но это былъ канунъ тюрьмы.

Февраля 21-го у англійскаго консула былъ завтракъ, къ нему приглашено было многочисленное общество. Принцесса была царицей праздника, всѣ обращались съ ней какъ съ особой царственнаго происхожденія; жена консула и адмиральша Грейгъ всячески старались угодить ей. Орловъ не отходилъ отъ предавшейся ему беззавѣтно красавицы и, обращаясь къ ней съ утонченною вѣжливостью, съ вѣрноподданскою преданностью, бросалъ отъ времени до времени страстные взоры на свою обреченную жертву. Принцесса была необыкновенно весела, она утопала въ счастьѣ. За завтракомъ зашла рѣчь о флотѣ. Принцесса сама изъявила желаніе посмотрѣть на русскіе корабли. Графъ Орловъ отвѣчалъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено тотчасъ же, что онъ для ея удовольствія прикажетъ произвести кораблямъ маневры, чтобъ она могла составить нѣкоторое понятіе о морскихъ сраженіяхъ, словомъ, наобѣщалъ такое множество самыхъ любопытныхъ вещей, если она удостоитъ адмиральскій корабль своимъ посѣщеніемъ, что и не такая женщина, какъ принцесса, ни на минуту не задумалась бы надъ тѣмъ, принять или не принять такое любезное предложеніе. Притомъ же принцесса Елизавета считала русскую эскадру уже какъ бы ей принадлежавшею и потому съ радостью согласилась на предложеніе графа Орлова. Адмиралъ Грейгъ немедленно велѣлъ готовить шлюпки. Послѣ завтрака все веселое общество отправилось на рейдъ. Въ одной шлюпкѣ поѣхала принцесса съ дамами (женой консула и адмиральшей ***), въ другую сѣли

*) Castera „Histoire de Catherine II". Paris, an VIII, II стр. 86. Helbig. „Russische Günstlinge". Tübingen, 1809 г., стр. 250.

**) Castera, 86.

***) Такъ говорятъ Кастера, Гельбигъ и другіе. Сэръ Джонъ Дикъ впослѣдствіи разсказывалъ, будто ни жена его ни адмиральша не участвовали въ этой предательской поѣздкѣ.

Орловъ и Грейгъ, въ третью вся пріѣхавшая съ принцессой въ Ливорно ея свита. Кромѣ названныхъ лицъ, въ каждой шлюпкѣ находились еще другія, завтракавшія у консула. Христенекъ былъ въ числѣ ихъ.

Еще принцесса съ обществомъ находилась въ домѣ англійскаго консула, какъ вѣсть о предстоящемъ посѣщеніи русскою великою княжной эскадры разнеслась по городу. Корабли и фрегатъ расцвѣтились флагами, флотскіе и сухопутные офицеры надѣли парадные мундиры, принарядились и матросы, готовясь къ большому смотру. Чуть не все населеніе Ливорно высыпало на набережную или размѣстилось на шлюпкахъ въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища. Графъ Орловъ былъ хорошо извѣстенъ ливорнцамъ за великаго мастера устраивать великолѣпные и чудовищно дорогіе спектакли. Всѣ помнили, какъ года три передъ тѣмъ онъ для одного итальянскаго художника устроилъ такой спектакль, подобнаго которому не представляютъ лѣтописи всѣхъ европейскихъ флотовъ. Графъ Орловъ заказалъ картину Чесменскаго боя, и для художника, взявшагося нарисовать ее, на Ливорнскомъ рейдѣ были представлены разныя эволюціи. Была сильная пушечная пальба, ломка мачтъ и такелажа,—все это сдѣлано было для того, чтобы дать живописцу понятіе о морской битвѣ. Но на картинѣ надо было нарисовать и горѣвшіе турецкіе корабли и взрывы ихъ. Чтобъ и о нихъ дать понятіе художнику, графъ Орловъ приказалъ взорвать порохъ на одномъ изъ линейныхъ кораблей русской эскадры и потомъ сжечь остатки этого корабля, еще годнаго къ употребленію и далеко еще не выслужившаго срока. Такая потѣха обошлась русскому казначейству, можетъ-быть, не въ одну сотню тысячъ рублей, не говоря о томъ, что при взрывѣ погибло нѣсколько матросовъ. Зато графъ Орловъ былъ польщенъ итальянскими ласкателями, сравнивавшими его въ подносимыхъ ему стихотвореніяхъ съ самимъ Александромъ Македонскимъ, сожегшимъ также съ эстетическою цѣлью городъ Вавилонъ (?). И теперь жители Ливорно ожидали какого-нибудь необычайнаго, небывалаго зрѣлища. Густая толпа покрывала улицы и набережную при проѣздѣ принцессы къ рейду. Ее привѣтствовали радостными кликами. Ждали великолѣпнаго спектакля, и онъ, дѣйствительно, представленъ былъ Чесменскимъ героемъ, но совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ тотъ, за который онъ удостоился сравненія съ величайшимъ героемъ древняго міра.

На корабляхъ заиграла музыка, раздались пушечные выстрѣлы. То былъ царскій салютъ. Матросы стояли на реяхъ и громко кричали „ура“. Принцесса была въ восхищеніи: мечты ея осуществлялись. Русскіе залпы, русское „ура“ привѣтствовали внуку Петра Великаго, создателя русскаго флота! Съ адмиральскаго корабля „Трехъ Іерарховъ“ спустили покойное кресло и на немъ подняли принцессу на палубу. Это сдѣлано было для нея одной, и ей объявили, что это знакъ особенной почести. Контръ-адмиралъ Грейгъ принялъ принцессу съ изъявленіями

глубокаго почтенія. Идя подъ-руку съ графомъ Орловымъ, она привѣтствовала офицеровъ, представляемыхъ ей адмираломъ, ласково кланялась матросамъ. „Ура“ не умолкало на эскадрѣ.

Обойдя палубы корабля, принцесса введена была въ адмиральскую каюту. Здѣсь подали роскошный десертъ. Наполнились кубки, и все общество пило здоровье принцессы Елизаветы. Начались маневры, все общество вышло на палубу, подлѣ принцессы стояли въ почтительномъ отдаленіи графъ Орловъ, Грейгъ, Христенекъ и дамы. Елизавета стояла у самаго борта и съ увлеченіемъ смотрѣла на маневры. Долго смотрѣла она и молчала...

Вдругъ слышитъ, что подлѣ нея кто-то повелительнымъ тономъ требуетъ у Христенека, Доманскаго и Чарномскаго ихъ шпаги. Принцесса оглянулась: передъ ней стоялъ гвардейскій капитанъ Литвиновъ, объявлявшій ея спутникамъ арестъ. Ни Орлова, ни Грейга, ни дамъ, пріѣхавшихъ съ принцессой, на кораблѣ не было. Вмѣсто нихъ стояли вооруженные солдаты. Таковъ былъ на этотъ разъ блистательный трагическій спектакль, устроенный на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ“ усердіемъ и ревностью графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

— Что это значитъ? — строгимъ голосомъ спросила принцесса у Литвинова.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества, вы арестованы, — отвѣчалъ капитанъ.

— Гдѣ графъ Орловъ? — вскрикнула принцесса.

— Арестованъ по приказанію адмирала.

Принцесса лишилась чувствъ. Ее взяли подъ-руки и отвели въ каюту вмѣстѣ съ Францискои фонъ-Мешеде. Камердинеръ Маркезини оставленъ былъ при ней для прислуги.

Доманскій, Чарномскій, Христенекъ и другой камердинеръ, Кальтфингеръ, были арестованы и перевезены на другой корабль *).

XXIX.

Опомнившись въ каютѣ, принцесса принялась за письмо къ адмиралу Грейгу. Оно было написано рѣзко. Графиня Селинская протестовала противъ учиненнаго надъ нею насилія и требовала немедленнаго освобожденія и отчета въ поступкѣ адмирала. Грейгъ не удостоилъ ее отвѣта. Только на словахъ велѣлъ сказать ей, что, арестуя ее, онъ повиновался высочайшей волѣ.

Тогда принцесса написала письмо къ графу Орлову. Выражая удивленіе, для чего онъ, такъ часто увѣрявшій ее въ своей вѣрности и

---

*) По другимъ извѣстіямъ, принцесса въ Пизѣ рѣшилась вступить въ бракъ съ графомъ Орловымъ, но такъ какъ въ этомъ городѣ не было православнаго священника, то она и согласилась на предложеніе жениха ѣхать въ Ливорно и тамъ обвѣнчаться на адмиральскомъ кораблѣ, гдѣ была церковь.

преданности до гроба, незамѣтно удалился отъ нея въ то именно время, когда приготовлялись взять ее подъ стражу, она звала его къ себѣ, чтобъ объяснить ему все случившееся съ нею. Она прибавила, что посѣщеніе графа будетъ для нея большимъ утѣшеніемъ. „Я готова на все, что̀ ни ожидаетъ меня,—писала она:—но постоянно сохраню чувства мои къ вамъ, несмотря даже на то, отняли вы у меня навсегда свободу и счастье, или еще имѣете возможность и желаніе освободить меня отъ ужаснаго положенія“ *). Письмо было отправлено тайнымъ путемъ (то-есть принцессѣ казалось такъ, дѣйствительно же Грейгъ передалъ его Орлову).

Тѣмъ же путемъ принцесса получила и отвѣтъ, написанный Орловымъ по-нѣмецки: „Ахъ! въ какомъ мы несчастіи,—писалъ онъ: — но не надо отчаиваться, будемъ терпѣливы: Всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Я нахожусь въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ и вы, но преданность моихъ офицеровъ подаетъ мнѣ надежду на освобожденіе. Адмиралъ Грейгъ, по дружбѣ своей, давалъ-было мнѣ возможность бѣжать. Я спрашивалъ его, что̀ за причина поступка, сдѣланнаго имъ. Онъ сказалъ, что получилъ повелѣніе и меня и всѣхъ, кто при мнѣ находится, взять подъ стражу. Я сѣлъ въ шлюпку и проплылъ-было уже мимо всѣхъ кораблей. Меня не замѣтили. Но вдругъ увидѣлъ я два корабля передъ собой и два сзади, всѣ они направлялись къ моей шлюпкѣ. Видя, что дѣло плохо, я велѣлъ грести изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ кораблей; мои люди хорошо исполнили мое приказаніе; но одинъ изъ кораблей догналъ меня, къ нему подошли другіе, и моя шлюпка была окружена со всѣхъ сторонъ. Я спросилъ: „Что̀ это значитъ? Пьяны, что ли, вы?“ Но мнѣ очень учтиво отвѣчали, что они имѣютъ приказаніе просить меня на корабль со всѣми находившимися при мнѣ офицерами и солдатами. Когда я взошелъ на бортъ, командиръ корабля со слезами на глазахъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ. Я долженъ былъ покориться своей участи. Но надѣюсь на Всемогущаго Бога, Онъ не оставитъ насъ. Что касается адмирала Грейга, онъ будетъ оказывать вамъ всевозможную услужливость, но прошу васъ, хотя на первое только время, не пользоваться его преданностью къ вамъ; онъ будетъ очень остороженъ. Мнѣ остается просить васъ, чтобы вы берегли свое здоровье, а я, какъ только получу свободу, буду искать васъ по всему свѣту и отыщу, чтобы служить вамъ. Только берегите себя, объ этомъ прошу васъ отъ всего сердца. Ваше письмо я получилъ, ваши строки я читалъ со слезами, видя, что вы меня обвиняете въ своемъ несчастіи. Берегите же себя. Предоставимъ судьбу нашу Всемогущему Богу и ввѣримся Ему. Я еще не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо до васъ, но на-

*) Это письмо, равно какъ и письмо принцессы въ адмиралу Грейгу, были препровождены къ производившему слѣдствіе фельдмаршалу князю Голицыну, но, по неизвѣстной причинѣ, уничтожены. Ихъ при дѣлѣ нѣтъ, а сохранилось только извлеченіе изъ нихъ, составленное княземъ Голицынымъ.

дѣюсь, что адмиралъ будетъ настолько любезенъ и справедливъ, что передастъ его вамъ. Отъ всего сердца цѣлую ваши ручки". Подписи нѣтъ. Графъ Орловъ не счелъ нужнымъ подписывать письмо, адресованное къ обманутой имъ жертвѣ. Онъ боялся. Впрочемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ же донесъ объ этомъ письмѣ императрицѣ: „У нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ,—писалъ онъ:—безъ подписанія имени моего, что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, послѣ могу спасти ее". Несчастная женщина во всемъ повѣрила любимому человѣку. Нетерпѣливо, съ часу на часъ, съ минуты на минуту ждала она его появленія. Принцесса вѣрила въ любовь Орлова, мысль о предательствѣ, совершенномъ столь близкимъ ей человѣкомъ, не могла придти ей въ голову. Она ждала, она надѣялась, она даже повеселѣла въ своемъ заключеніи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ немногіе дни хорошо изучилъ ея характеръ. Подавая ей надежду на спасеніе, онъ больше всего въ письмѣ своемъ упрашивалъ ее, чтобъ она берегла свое здоровье. Женщина съ такимъ характеромъ, какъ была принцесса, находясь въ безвыходномъ положеніи, непремѣнно наложила бы на себя руки, если-бъ ей не была подана надежда на освобожденіе. А самоубійство ея было не въ планахъ Орлова и Грейга: они хотѣли живою доставить ее въ Кронштадтъ и отдать въ руки Екатерины, разгнѣванной дерзостью женщины, „вклепавшей на себя имя" и осмѣлившейся оспаривать у императрицы право на русскую корону.

Во время корабельныхъ маневровъ, отойдя незамѣтно отъ принцессы вмѣстѣ съ дамами и Грейгомъ, графъ Орловъ приказалъ арестовать свою любезную вмѣстѣ съ ея свитой, а для увѣренности обманутой въ истинѣ роли, которую теперь разыгрывалъ, и Христенека, остававшагося на ея глазахъ. Самъ же, возвратившись въ Ливорно, отправилъ въ Пизу надежныхъ людей, чтобъ они забрали бумаги и другое имущество графини Селинской и распустили ея свиту. Посланные, пріѣхавъ въ Пизу, объявили отъ имени графини, что имъ поручено расплатиться съ прислугой и распустить ее, а вещи ея отвезти въ Ливорно. Это было сдѣлано съ большою поспѣшностью. Еще до Пизы не успѣла достигнуть вѣсть объ арестованіи принцессы, какъ ея служители, за исключеніемъ только троихъ, съ русскими деньгами въ карманахъ, оставили палаццо, занимаемое графиней Селинской, а бумаги и вещи ея отправлены въ Ливорно и перевезены на адмиральскій корабль. Трое изъ прислуги: Рихтеръ, Лабенскій и Анчіотти объявили, что они не могутъ отдать вещи графини и ея спутниковъ (Доманскаго и Чарномскаго) иначе, какъ услышавъ личное ихъ приказаніе. Честныхъ слугъ взяли въ Ливорно, вмѣстѣ съ вещами перевезли на корабль и тамъ арестовали. Въ числѣ бумагъ захвачены были и бумаги польской генеральной конфедераціи, находившіяся у Чарномскаго.

Задержаніе принцессы произвело сильное негодованіе во всемъ населеніи Ливорно. Только-что пріѣхавшая вчера въ городъ красавица,

сдѣлавшаяся предметомъ народной симпатіи, принцесса, которой въ виду всего населенія воздавали царскія почести, вдругъ очутилась подъ стражей, захваченная предательскою измѣной. Простой народъ энергически грозилъ русскимъ, самъ Орловъ считалъ себя небезопаснымъ. Въ продолженіе двухъ дней русскіе корабли стояли на Ливорнскомъ рейдѣ, толпы любопытныхъ подъѣзжали къ нимъ на лодкахъ, но солдаты, разставленные по бортамъ, кричали, чтобъ они не приближались, угрожая въ противномъ случаѣ выстрѣлами. Нѣкоторые изъ любопытныхъ успѣли однако подъѣхать довольно близко къ кораблю „Трехъ Іерарховъ“ и въ окнѣ каюты видѣли отчаянное лицо плѣнницы. Раздраженіе народа было не менѣе сильно и въ Пизѣ и во Флоренціи. Поступокъ графа Орлова считали нарушеніемъ международнаго права. Извѣстный нѣмецкій писатель Архенгольцъ пріѣхалъ въ Ливорно черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія принцессы и отхода русской эскадры и еще засталъ весь городъ въ сильномъ волненіи по поводу захвата *знатной дамы*, которую городъ Ливорно считалъ своею гостьей. Тосканскій дворъ былъ сильно раздраженъ поступкомъ Орлова *). Говорятъ, что великій герцогъ Леопольдъ протестовалъ противъ совершеннаго на его территоріи насилія. Русское правительство не отвѣчало.

Графъ Орловъ, всего болѣе заботясь, чтобы захваченная имъ женщина была доставлена въ Россію живою, независимо отъ письма своего къ ней, въ которомъ увѣщевалъ ее беречь здоровье, приказалъ адмиралу Грейгу имѣть о плѣнницѣ всевозможное попеченіе. Здоровье несчастной было, какъ мы уже упоминали, крайне разстроено, заключеніе подъ стражу, конечно, должно было усилить чахотку, уже разрушавшую ея организмъ. Заботливый Орловъ назначилъ къ ней особаго врача, который долженъ былъ по нѣскольку разъ въ день посѣщать больную. На другой же день по арестованіи ея на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ“, графъ Орловъ былъ у сэра Джона Дика и, какъ говорилъ впослѣдствіи этотъ англичанинъ, находился въ самомъ тревожномъ состояніи. Онъ просилъ у своего пріятеля книгъ, досталъ ихъ еще гдѣ-то и порядочный запасъ для чтенія отправилъ отъ своего имени на корабль къ плѣнницѣ. Во время плаванія до англійскихъ береговъ принцесса развлекалась въ своемъ невольномъ уединеніи чтеніемъ книгъ, доставленныхъ столь заботливымъ о ней графомъ, а потомъ, понявъ свою участь и придя въ отчаяніе, не брала уже книгъ въ руки. Графъ Алексѣй Григорьевичъ распорядился также, чтобы во время остановки эскадры въ иностранныхъ портахъ строго наблюдали за плѣнницей. Онъ больше всего боялся, чтобы плѣнница не ушла, или чтобъ она или другой кто-либо изъ арестованныхъ съ нею не передалъ кому-нибудь письма. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ, Грейгъ никому не долженъ былъ сдавать плѣнницу безъ особаго именного указа за собственноручнымъ подписомъ императрицы.

---

*) Archenholz. „England und Italien“. Leipzig 1787, IV, 157—158.

Февраля 26-го (стараго стиля) 1775 г. русская эскадра вышла въ море. Самъ Орловъ впослѣдствіи отправился въ Россію сухимъ путемъ. Онъ боялся долго оставаться въ Италіи, гдѣ всѣ раздражены были его предательствомъ. Онъ боялся отравы іезуитовъ, боялся, чтобы кто-нибудь изъ приверженцевъ принцессы не застрѣлилъ его, и рѣшился оставить Италію безъ разрѣшенія императрицы, донеся, впрочемъ, ей предварительно, что оставляетъ команду для спасенія своей жизни.

Христенекъ сутки просидѣлъ подъ арестомъ. Затѣмъ графъ Орловъ отправилъ его въ Петербургъ наканунѣ отплытія кораблей изъ Ливорно. Онъ послалъ съ нимъ къ императрицѣ донесеніе, *черновое*. Орловъ опасался, чтобы Христенека не захватили гдѣ-нибудь съ бумагами. Подробности захвата приказано было ему передать государынѣ на словахъ. Сообщаемъ здѣсь вполнѣ донесеніе графа Орлова, изъ котораго выше приведены нѣкоторые отрывки:

„Угодно было вашему императорскому величеству повелѣть: доставить называемую принцессу Елизабету, которая находится въ Рагузахъ. Я со всеподданническою моею рабскою должностью, чтобъ повелѣніе вашего величества исполнить, употреблялъ всѣ возможныя мои силы и старанія, и счастливымъ себя почитаю, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею ея свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ: посчастливилось мнѣ оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она, камермедхенъ ея, два дворянина польскихъ и нѣсколько слугъ, которыхъ имена при семъ прилагаю. Для онаго дѣла и для посылки употребленъ былъ штата моего генеральсъ-адъютантъ Иванъ Христенекъ, котораго съ онымъ моимъ донесеніемъ къ императорскому величеству посылаю и осмѣлюсь его рекомендовать, и могу вашему величеству, яко вѣрный рабъ, увѣрить, что оный Христенекъ поступалъ со всею возможною точностію, по моимъ повелѣніямъ, и умѣлъ удачно свою роль сыграть. Другой же употребленъ къ оному дѣлу былъ Францъ Вольфъ. Хотя онъ и не сдѣлалъ многаго, однакожъ, по данной мнѣ власти отъ вашего императорскаго величества, я его наградилъ чиномъ капитанскимъ за показанное имъ усердіе и ревность къ высочайшей службѣ вашего императорскаго величества, а изъ другихъ, кто къ оному дѣлу употребленъ былъ, тѣхъ не оставлю деньгами наградить. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окормлену. Я-жъ ее привезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ ея кавалерами, и предпоручилъ надъ нею смотрѣніе контръ-адміралу Грейгу, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о ея здоровьѣ, и приставленъ одинъ лѣкарь; берегся бы, чтобы она, при стояніи въ портахъ, не ушла, тожъ никакого письмеца никому не передала. Равно велѣно смотрѣть и на другихъ судахъ за ея свитою. Во услуженіи же оставлена у ней ея дѣвка и камердинеръ. Всѣ-жъ письма и бумаги, которыя у ней находились, при семъ на разсмотрѣніе посылаю съ подписаніемъ нумеровъ: я надѣюсь, что найдется тутъ нѣсколько польскихъ писемъ о конфедераціи, противной вашему императорскому величеству, изъ которыхъ ясно изволите видѣть и имена ихъ, кто они таковы. Контръ-адміралу

же Грейгу приказано отъ меня, и по пріѣздѣ его въ Кронштадтъ, никому оной женщины не вручать безъ особливаго именного указа вашего императорскаго величества. Оная-жъ женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла ни черна, глаза имѣетъ большіе и открытые, цвѣтомъ темно-каріе, косы и брови темно-русыя, а на лицѣ есть и веснушки: говоритъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-итальянски, разумѣетъ по-англійски: думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только никакъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ. Я все оное отъ нея самой слышалъ; сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Персіи и тамъ очень великую партію имѣетъ; изъ Россіи же унесена она въ малолѣтствѣ однимъ попомъ и нѣсколькими бабами; въ одно время была окормлена: не скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Персіи же ѣхала чрезъ татарскія мѣста, около Волги: была и въ Петербургѣ, а тамъ, чрезъ Ригу и Кенигсбургъ, въ Потсдамѣ была и говорила съ королемъ Прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто она такова; знакома очень между имперскими князьями, а особливо съ Трирскимъ и съ княземъ Голштейнъ-Шлезвигъ или Люнебургскимъ (sic); была во Франціи, говорила съ министрами, давъ мало о себѣ знать; вѣнскій дворъ въ подозрѣніи имѣетъ; на шведскій и прусскій очень надѣется; вся конфедерація ей очень извѣстна и всѣ начальники оной; намѣрена была отсель ѣхать въ Константинополь прямо къ султану, и уже одинъ отъ нея самый вѣрный человѣкъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала. По объявленію ея въ разговорахъ, этотъ человѣкъ персіянинъ н знаетъ восемь или девять языковъ разныхъ, говоритъ оными всѣми очень чисто; я-жъ моего собственнаго о ней заключенія, потому что не могъ узнать въ точности, кто оная дѣйствительно (sic). Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: этимъ-то самымъ мнѣ и далось ее завести, куда я желалъ. Она-жъ ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ я ее увѣрилъ, что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить; но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ. Мнѣ въ оно время и бывшая моя невѣста Шмитша. Могу теперь похвастать, что имѣлъ невѣстъ богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать, я почитаю за должность все вамъ доносить такъ, какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить. Прошу и того мнѣ не причесть въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моей жизни и команду оставя, уѣхать въ Россію и упасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, препоручая мою команду одному изъ генераловъ, по мнѣ младшему, какой здѣсь налицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать: я всего больше опасаюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ. И она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней привязанности, и я принужденъ былъ ее подарить своимъ портретомъ, который она при себѣ имѣетъ, а если захотятъ и въ Россіи мнѣ недоброхотствовать, то могутъ поэтому придраться ко мнѣ, когда захотятъ. Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть ка-

жется. При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ-подъ аресту, тожъ каковое она писала и контръ-адмиралу Грейгу, на разсмотрѣніе. И она по сіе время все еще вѣритъ, что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, а послѣ могу и ее спасти. Теперь не имѣю времени обо всемъ донести за краткостью время, а можетъ о многомъ доложить генеральсъ-адъютантъ моего штаба. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на однѣ сутки на кораблѣ. Флотъ, подъ командою Грейга, состоящій въ пяти корабляхъ и одномъ фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ дано знать въ Англію къ министру, чтобъ оный, по прибытіи въ портъ англійскій, былъ всѣмъ отъ него снабженъ. Флоту-жъ велѣно, какъ возможно, поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилостивѣйшая государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое доношеніе къ вашему императорскому величеству посылаю; опасаюсь, чтобы въ точности дѣла не провѣдали и не захватили курьера и со всѣми бумагами. Я-жъ, повергая себя къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, и проч.“

XXX.

Христенекъ проѣхалъ Европу благополучно и около половины марта былъ уже въ Москвѣ, гдѣ находилась, еще съ января, императрица съ дворомъ и высшими правительственными лицами. Петербургомъ управлялъ тамошній генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ *). Получивъ извѣстіе, что „вскле-

*) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 1718, ум. 1783), сынъ Петровскаго фельдмаршала, князя Михаила Михайловича, рожденный отъ второго брака его съ княжною Куракиной. Въ молодости служилъ онъ въ войскахъ знаменитаго полководца XVIII вѣка, принца Евгенія, командовавшаго въ 1735 году на Рейнѣ австрійскою арміею, и въ 1740 году, будучи 22 лѣтъ, воротился въ Россію и, вступивъ на дипломатическое поприще, находился сначала въ Константинополѣ при русскомъ послѣ Румянцевѣ, а потомъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Хотя онъ былъ дипломатомъ, но получалъ чины военные и съ 1744 года былъ генералъ-поручикомъ. Въ 1757 году его изъ посланниковъ сдѣлали полководцемъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ не отличался замѣчательными подвигами и, командуя лѣвымъ крыломъ арміи въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, былъ вытѣсненъ Фридрихомъ II изъ окоповъ, потерялъ свои пушки и множество людей и бѣжалъ съ остатками своего отряда. Фридрихъ уже торжествовалъ и послалъ въ Берлинъ увѣдомленіе о побѣдѣ, но Петръ Ивановичъ Панинъ и знаменитый впослѣдствіи Румянцевъ рѣшили судьбу Кунерсдорфской битвы: прусская армія была разсѣяна. Разбитый Голицынъ сдалъ команду другому, но это не помѣшало ему получить чинъ генералъ-аншефа и Александровскую ленту. Въ 1768 году Екатерина послала его противъ турокъ и писала къ графу Салтыкову: «дай Богъ ему счастья отцовскаго», но князь Александръ Михайловичъ, какъ видно, не наслѣдовалъ отъ родителя ни счастья ни военныхъ талантовъ. Онъ былъ отозванъ отъ арміи и замѣненъ Румянцевымъ, но все-таки получилъ чинъ фельдмаршала. Его даже назвали «покорителемъ Хотина». Плохой полководецъ, онъ былъ человѣкъ добрый, честный, справедливый, не вдавался въ придворныя интриги и сумѣлъ пріобрѣсть общее уваженіе.

павшая на себя имя“ находится въ рукахъ Грейга, императрица 22-го марта написала два рескрипта: одинъ графу Алексѣю Орлову, другой князю Голицыну. Орлова, находившагося еще за границей, она благодарила за искусное задержаніе самозванки, а князю Голицыну писала, что женщина, выдающая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, со свитой своею задержана на русской эскадрѣ, съ которою контръ-адмиралъ Грейгъ придетъ въ Ревель или въ Кронштадтъ, какъ скоро ледъ дозволитъ кораблямъ войти въ рейдъ. Императрица на всякій случай приказала приготовить въ Ревелѣ надежное темничное помѣщеніе, если же корабли придутъ въ Кронштадтъ, то всѣхъ арестантовъ велѣла принять у адмирала князю Голицыну и тайнымъ образомъ, безъ малѣйшей огласки, посадить въ Петропавловскую крѣпость. Князю же Голицыну поручено было и производство допросовъ какъ самой плѣнницы, такъ и ея спутниковъ.

Бумаги, взятыя графомъ Орловымъ въ Пизѣ и отданныя Грейгу, адмиралъ изъ Кадикса или изъ Плимута напередъ отправилъ въ Россію. Императрица приказала князю Голицыну внимательно разсмотрѣть ихъ и донести ей, кому принадлежитъ затѣя выставить на политическую арену самозванку. При этомъ Екатерина писала, что ей достовѣрно извѣстно, что „всклепавшая на себя имя“ выдавала себя за сестру Пугачева. Государыня послала князю Голицыну и полученные ею еще прежде отъ Орлова документы. Почти за мѣсяцъ до прибытія Грейга въ Кронштадтъ, фельдмаршалъ уже разсмотрѣлъ всѣ бумаги, относившіяся до самозванки, и составилъ изъ нихъ извлеченіе (19-го апрѣля). Такимъ образомъ еще до прибытія плѣнницы въ Россію, по ея бумагамъ, князю Голицыну были уже извѣстны почти всѣ ея похожденія.

Вскорѣ по отплытіи русской эскадры отъ итальянскихъ береговъ разнесся въ Тосканѣ слухъ, распространившійся потомъ и по всей Европѣ, будто она отправилась въ Бордо, и въ то время, какъ русскіе корабли находились во французскихъ водахъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ собственноручно умертвилъ принцессу Елизавету. Это еще болѣе усилило раздраженіе итальянцевъ противъ гостившаго еще у нихъ Орлова. Но слухъ былъ несправедливъ: графа Орлова вовсе не было ни въ Бордо ни на эскадрѣ, а принцесса, хотя и сильно больная, 11-го мая была привезена въ Кронштадтъ.

Во время плаванія до англійскихъ береговъ плѣнница была спокойна. Она все еще надѣялась, что въ англійскомъ портѣ, гдѣ должны будутъ остановиться корабли, страстно любимый ею русскій богатырь, графъ Алексѣй Григорьевичъ, непремѣнно освободитъ ее. Увѣренность въ его преданности ни на минуту не покидала несчастную женщину. Въ Плимутѣ корабли дѣйствительно остановились. Еще при отплытіи ихъ изъ Ливорно графъ Орловъ писалъ въ Лондонъ къ находившемуся тамъ русскому посланнику, чтобы заблаговременно сдѣланы были имъ распоряженія къ снабженію русскаго флота всѣмъ, что̀ будетъ для него нужно

Поэтому остановка въ Плимутѣ была непродолжительна. До тѣхъ поръ принцесса не теряла надежды на освобожденіе, пока не узнала, что эскадра готова поднять якоря, чтобъ идти въ Балтійское море. По всей вѣроятности, она въ же время узнала и о томъ, какъ коварно поступилъ съ нею графъ Орловъ. Она поняла теперь, съ какимъ легкомысліемъ вдалась она въ обманъ, и мрачная будущность представилась ей во всемъ своемъ ужасѣ: Сибирь, вѣчное заточеніе въ казематѣ и, можетъ-быть, даже позорная смерть ожидала ее впереди. Сначала принцесса пришла въ бѣшенство, но ненадолго. Силы оставили ее, она лишилась чувствъ и такъ долго находилась въ обморокѣ, что врачи опасались за жизнь ея. Ее вынесли на чистый воздухъ, на палубу. Когда она пришла въ себя, обычная энергія возвратилась къ ней, она вскочила и стремительно бросилось къ борту, чтобы спрыгнуть въ стоявшую подлѣ адмиральскаго корабля англійскую шлюпку. Плѣнницу удержали, и Грейгъ учредилъ за ней самый строгій надзоръ: особо назначенные для того люди ни на шагъ не отходили отъ несчастной. Это было необходимо: принцесса нѣсколько разъ хотѣла броситься въ море и нѣсколько разъ другимъ образомъ пыталась лишить себя жизни. Грейгъ долженъ былъ оставить Плимутъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ: онъ замѣтилъ, что что-то очень много любопытныхъ стали посѣщать его корабль, и изъ разспросовъ ихъ замѣтилъ, что эти посѣтители знаютъ о заключеніи въ одной изъ каютъ корабля „Трехъ Іерарховъ“ таинственной плѣнницы. Избѣгая возможныхъ случайностей, адмиралъ поспѣшилъ отплытіемъ. Не легко было Грейгу. „Я во всю жизнь мою никогда не исполнялъ такого тяжелаго порученія“, писалъ онъ къ графу Орлову.

Апрѣля 18-го русская эскадра была въ Зундѣ. Льды задержали ее въ Балтійскомъ морѣ, и корабли не ранѣе 11-го мая могли бросить якоря на Кронштадтскомъ рейдѣ. Исполняя приказаніе графа Орлова, Грейгъ никому не выдавалъ плѣнницы. Офицерамъ и матросамъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запрещено было говорить о ней. Въ самый день прихода въ портъ адмиралъ послалъ въ Москву донесеніе императрицѣ о благополучномъ прибытіи эскадры въ Россію.

Изъ подмосковнаго села Коломенскаго, гдѣ жила тогда Екатерина, 16-го мая послано было слѣдующее собственноручное повелѣніе адмиралу:

„Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ! Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа и увѣдомилась, васъ поздравляю и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что-жъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу князю Голицыну въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ *вояжировъ* у насъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во всегдашней моей памяти, и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства. *Екатерина.* Мая 16-го 1775 года. Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы“.

Грейгъ исходатайствовалъ у императрицы дозволеніе пріѣхать въ Москву. Екатерина согласилась и удержала его при себѣ до торжества, назначеннаго на 10-е іюля для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Въ этотъ день усердный Грейгъ произведенъ былъ въ вице-адмиралы, черезъ мѣсяцъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, а черезъ годъ получилъ Александровскую ленту. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ также пріѣхалъ изъ Италіи къ празднеству и былъ принятъ Екатериной хотя чрезвычайно милостиво, но съ замѣтною холодностью. Его военныя заслуги были вознаграждены: въ день торжества онъ получилъ прозваніе *Чесменскаго*, похвальную грамоту, серебряный сервизъ и шестьдесятъ тысячъ рублей. Въ Царскомъ-Селѣ въ честь его воздвигнутъ памятникъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора, а на седьмой верстѣ отъ Петербурга, въ воспоминаніе Чесменской побѣды, церковь Іоанна Предтечи и при ней императорскій дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ, съ наименованіемъ Чесмы *). Но, несмотря на усердіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова, оказанное при захватѣ „всклепавшей на себя имя", несмотря на пожалованныя ему награды, кредитъ Орловыхъ съ этого времени упалъ окончательно. Графъ Орловъ-Чесменскій не возвратился съ дворомъ въ Петербургъ, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ жилъ до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины, ведя жизнь роскошную и разгульную, о которой до сихъ поръ сохраняются въ Москвѣ преданія. Чуть не ежедневный пиръ на весь міръ, роговая музыка, цыганы, пѣсенники, медвѣжья травля, конскія скачки, кулачные бои, дикій разгулъ — вотъ въ какихъ занятіяхъ „отдыхалъ на лаврахъ" герой Чесменскій. О судьбѣ обманутой имъ принцессы онъ, по всей вѣроятности, не зналъ ничего вѣрнаго, и когда, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ захватилъ ее въ Ливорно, въ Ивановскомъ монастырѣ помѣщена была настоящая княжна Тараканова, графъ Алексѣй Орловъ, какъ говоритъ преданіе, никогда не ѣздилъ мимо этого монастыря, полагая, что тамъ томится въ заключеніи его жертва, нѣкогда любившая его страстно, предавшаяся ему беззавѣтно и такъ ужасно обманутая его притворною любовью.

Гельбигъ, жившій въ Петербургѣ въ составѣ саксонской миссіи при нашемъ дворѣ и хорошо знавшій придворныя тайны, говоритъ, будто привезенная Грейгомъ принцесса, находясь въ Петропавловской крѣпости, родила графу Орлову сына, котораго крестили генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и жена коменданта крѣпости Андрея Григорьевича Чернышева, и который будто бы получилъ фамилію Чесменскаго. Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, побочный сынъ графа Орлова, дѣйствительно служилъ впослѣдствіи въ конной гвардіи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Что онъ былъ побочный сынъ графа Алексѣя Григорьевича, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но дѣйствительно ли

---

*) Нынѣ Чесменская богадѣльня для инвалидовъ.

мать его была не кто другая, какъ „всклепавшая на себя имя“ принцесса Владимірская — утвердительно сказать нельзя, пока не будетъ извлечено изъ архивовъ все относящееся какъ до истинной дочери императрицы Елизаветы Петровны, такъ и до самозванки, судьбу которой мы описываемъ. Сообщенныя графомъ В. Н. Потемкинымъ въ Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей извлеченія изъ дѣла о самозванкѣ далеко не полны. Кромѣ того, въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, именно въ польскихъ бумагахъ, есть, говорятъ, немало свѣдѣній о самозванкѣ *).

XXXI.

Вечеромъ, мая 24-го, фельдмаршалъ князь Голицынъ потребовалъ къ себѣ капитана Преображенскаго полка Александра Матвѣевича Толстого **). Объявивъ ему, что, по высочайшей волѣ, возлагается на него чрезвычайно важное секретное порученіе, онъ повелъ его въ другую комнату. Тамъ стоялъ налой съ крестомъ и евангеліемъ, и находился священникъ въ епитрахили. Толстой принялъ присягу въ томъ, что, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, будетъ вѣчно молчать о томъ, что̀ должно будетъ ему исполнить въ слѣдующую ночь. Приведя къ присягѣ капитана, фельдмаршалъ приказалъ ему тою же ночью ѣхать съ командой въ Кронштадтъ, принять съ корабля „Трехъ Іерарховъ“ отъ адмирала Грейга женщину съ нѣсколькими ея служителями и тайнымъ образомъ отвезти ихъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ сдать коменданту Чернышеву. Команда, посланная съ Толстымъ, состоявшая изъ самыхъ надежныхъ людей, дала въ свою очередь клятву вѣчнаго молчанія.

Въ ночь съ 24-го на 25-е мая яхта съ Толстымъ и нѣсколькими преображенцами плыла изъ Петербурга въ Кронштадтъ. На берегу и на судахъ въ устьѣ Невы всѣ спали, и тихо плывшая яхта прошла незамѣченною. Въ Кронштадтѣ она направилась прямо на военный рейдъ и тамъ причалила къ кораблю „Трехъ Іерарховъ“. Толстой съ командой явился къ Грейгу. Адмиралъ приказалъ капитану съ солдатами весь день оставаться въ каютахъ и ни съ кѣмъ не видѣться. Вечеромъ 25-го онъ сдалъ Толстому принцессу, Франциску фонъ-Мешеде, Доманскаго, Чарномскаго и четырехъ камердинеровъ. Такъ же тихо, такъ же незамѣтно, какъ и наканунѣ, яхта поплыла назадъ и въ два часа ночи причалила къ гранитнымъ стѣнамъ Петропавловской крѣпости. Комендантъ, уже ожидавшій къ себѣ въ гости „вояжировъ“, принялъ ихъ отъ Толстого и немедленно размѣстилъ по казематамъ Алексѣевскаго равелина. Въ то же утро начались допросы.

Перваго допрашивали Кальтфингера. Предъ допросомъ ему, какъ

*) Какъ сказывали намъ работавшіе въ этомъ архивѣ.
**) Впослѣдствіи бригадиръ, умеръ въ 1811 году.

потомъ и всѣмъ остальнымъ, было объявлено, что обстоятельства ихъ жизни уже извѣстны, слѣдовательно всякая ложь съ ихъ стороны будетъ совершенно безполезна, что всѣ средства будутъ употреблены для узнанія самыхъ сокровеннѣйшихъ ихъ таинъ, и поэтому лучше всего разсказать съ полною откровенностью все, что имъ извѣстно; это одно можетъ доставить снисхожденіе и даже помилованіе.

Кальтфингеръ объявилъ, что прежде находился онъ въ услуженіи у одного французскаго офицера, собравшагося въ Турцію съ княземъ Радзивиломъ, и пріѣхалъ съ нимъ въ Рагузу. Здѣсь онъ перешелъ въ услуженіе къ Доманскому и сопровождалъ его, когда тотъ поѣхалъ съ графиней Пиннебергъ въ Неаполь и Римъ. Въ Римѣ господина его посѣщало много поляковъ. Графиня была нездорова, и болѣзненные припадки бывали съ нею весьма часто; докторъ Саличетти бывалъ у нея ежедневно. Когда все общество поѣхало въ Пизу, Кальтфингеръ хотѣлъ остаться въ Римѣ съ остальною прислугой, но графиня уговорила его ѣхать съ нею. Съ нею отправился онъ и въ Ливорно и былъ арестованъ на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ".

Послѣ Кальтфингера допрашивали Чарномскаго. Онъ признался, что вмѣстѣ съ Каленскимъ въ 1782 г. былъ посланъ графомъ Потоцкимъ въ Турцію, въ лагерь тамошнихъ войскъ, сражавшихся съ русскими. „Цѣль поѣздки моей, — говорилъ Чарномскій: — состояла въ томъ, чтобы развѣдать, нельзя ли оттуда получить помощь польской генеральной конфедераціи. Изъ Константинополя я привезъ графу Потоцкому въ Верону отвѣтъ отъ великаго визиря и затѣмъ поступилъ на службу къ князю Радзивилу, бывшему маршаломъ генеральной конфедераціи". Но Чарномскій умолчалъ, что генеральная конфедерація ввѣрила ему доставленіе новыхъ писемъ къ султану и къ великому визирю, и что онъ искалъ мѣста офиціальнаго агента конфедераціи въ Турціи, которое занималъ Каленскій. Онъ умолчалъ и о томъ, что взятая въ Пизѣ переписка конфедераціи принадлежитъ ему, а не самозванкѣ, и что графъ Потоцкій писалъ къ нему 6-го января 1775 г. о возвращеніи ввѣренной ему переписки конфедераціи съ турецкими властями. Оттого въ Петербургѣ и думали, что эта переписка была ввѣрена самозванкѣ, а не ему. Вообще, въ показаніяхъ обоихъ поляковъ, Чарномскаго и Доманскаго, замѣтно стараніе выгородить не только себя, но и все польское дѣло, дать всему такой видъ, чтобы не было обнаружено участіе конфедератовъ, особенно же князя Карла Радзивила и іезуитовъ, въ замыслахъ созданной интригою ихъ претендентки на русскую корону. Замѣчательнѣе же всего то, что со стороны самихъ слѣдователей постоянно было опускаемо все касавшееся Радзивила, іезуитовъ и членовъ польской генеральной конфедераціи. Изъ всего хода слѣдственнаго дѣла видно, что князя Радзивила и другихъ поляковъ старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной „всклепавшей на себя имя". Такъ, напримѣръ, другой камердинеръ Доманскаго, Рихтеръ,

не былъ допрошенъ обстоятельно, между тѣмъ какъ изъ захваченныхъ бумагъ ясно было видно, что онъ до поступленія къ Доманскому жилъ въ Парижѣ въ услуженіи у Михаила Огинскаго, въ пору тѣснаго знакомства его съ принцессой Владимірскою, и едва ли не сопровождалъ ее, по приказанію своего господина, изъ Парижа во Франкфуртъ. Очевидно, старались не привлекать къ дѣлу людей, помирившихся съ королемъ Станиславомъ-Августомъ и не возбуждавшихъ болѣе противъ себя негодованія Екатерины. Что касается князя Радзивила, онъ вполнѣ испыталъ, что̀ значитъ не угодить россійской императрицѣ и поддерживаемой ею партіи, приверженной королю Понятовскому.

Мы уже сказали, что громадныя имѣнія знаменитаго въ своемъ родѣ ясновельможнаго „пане коханку" были конфискованы, и что, живя въ Венеціи и Рагузѣ, онъ дожилъ до чрезвычайно тѣсныхъ обстоятельствъ, такъ что даже принужденъ былъ продавать родовые брильянты. Спустивъ съ рукъ все, что̀ могъ, онъ дошелъ до неизвѣстной ему дотолѣ крайности и, покинувъ принцессу Владимірскую, уѣхалъ въ Венецію, а оттуда въ скоромъ времени отправился съ повинною головой въ Польшу къ королю Станиславу-Августу. Можно сказать, что въ Варшавѣ царствовалъ тогда не король, а русскій посланникъ, что не Понятовскій, а онъ долженъ былъ рѣшить судьбу смирившагося Радзивила. Ясновельможному князю предложили возвратить все, что̀ потерялъ онъ, подъ условіемъ, чтобъ онъ привезъ въ Россію принцессу Елизавету и выдалъ ее въ руки правительства. Какъ ни были стѣснены обстоятельства ясновельможнаго „пане коханку", онъ, всегда неразборчивый на средства и весьма легко мирившійся съ совѣстью, не рѣшился однако на предательство несчастной женщины, имъ самимъ, съ помощью іезуитовъ, вовлеченной въ обманъ. Онъ, по свидѣтельству Кастеры, наотрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Тогда ему сказали, что ему будутъ возвращены его конфискованныя маетности, если онъ никогда не будетъ помогать самозванкѣ ни словомъ ни дѣломъ. На это Радзивилъ согласился и получилъ обратно свои имѣнія. Затѣмъ онъ до самой смерти (1790 г.) пользовался милостивымъ расположеніемъ Екатерины, хотя она и считала его пустымъ человѣкомъ. Очень можетъ быть, что фельдмаршалъ князь Голицынъ имѣлъ секретное предписаніе всячески выгораживать смирившагося передъ императрицей и при всякомъ случаѣ старавшагося показать ей свою нелицемѣрную преданность князя Радзивила и щадить его партію. Какъ государыня, Екатерина была, конечно, благодарна графу Орлову за его усердіе, которое, препроводивъ обманутую имъ жертву въ Петропавловскую крѣпость, избавило императрицу отъ хлопотъ, но, какъ женщина, она не могла не оцѣнить достойно поступковъ какъ честолюбца, предавшаго полюбившую его женщину и изъ холоднаго расчета поправшаго чувство любви, такъ и безпутнаго Радзивила, который, несмотря на сильный соблазнъ сдѣланнаго ему предложенія, не рѣшился на пре-

цательство. Сравненіе было, конечно, не въ пользу знаменитаго героя Чесмы.

Чарномскій показалъ, что князь Радзивилъ, сѣвъ въ Венеціи на корабль варварійскаго капитана, чтобъ ѣхать въ Константинополь, объявилъ своимъ спутникамъ, что отправляющаяся съ ними къ султану принцесса есть дочь покойной императрицы Всероссійской Елизаветы Петровны. Всѣ повѣрили словамъ „пане коханку“ и оказывали принцессѣ подобающія царственному происхожденію почести. Во время пребыванія въ Рагузѣ консулы французскій и неаполитанскій нѣсколько разъ обѣдали у нея и обращались съ ней (въ первое время, пока у ней не произошло разрыва съ княземъ Радзивиломъ) какъ съ великою княжной. Когда Радзивилъ воротился въ Венецію, продолжалъ Чарномскій, онъ съ Доманскимъ рѣшились ѣхать въ Римъ, поэтому и приняли охотно предложеніе принцессы сопутствовать ей на ея счетъ черезъ Неаполь и Римъ въ ея германскія владѣнія. Въ Римѣ всѣ признавали спутницу ихъ русскою великою княжной и обращались съ ней съ такимъ почтеніемъ, какое оказываютъ только лицамъ царствующихъ домовъ. Резиденты — курфирста Трирскаго графъ Ланьяско и польскаго двора маркизъ Антини — нѣсколько разъ бывали у нея; послѣдній велъ съ ней переписку и на адресахъ писалъ: „Ея высочеству принцессѣ Елизаветѣ“. Денежныя средства принцессы въ Римѣ истощились, и Чарномскій съ Доманскимъ, желая отыскать графа Потоцкаго и потомъ вернуться въ Польшу, просили принцессу уволить ихъ изъ своей службы, но она въ Римѣ уговорила ихъ не покидать ея до времени и взяла съ нихъ обѣщаніе проводить ее въ Оберштейнъ. Разсказавъ потомъ о прибытіи лейтенанта Христенека и полученіи Елизаветою русскихъ денегъ, Чарномскій прибавилъ, что она ему и Доманскому сказала, что графъ Алексѣй Орловъ обѣщалъ помогать ей во всемъ, и потому она сбирается къ нему въ Пизу, гдѣ заплатитъ имъ долги и отпуститъ обоихъ.

Въ заключеніе Чарномскій разсказалъ извѣстныя уже намъ подробности о путешествіи въ Пизу и въ Ливорно, о поѣздкѣ на корабль „Трехъ Іерарховъ“ и о задержаніи на немъ принцессы и ея спутниковъ.

XXXII.

Послѣ Чарномскаго къ допросу привели Доманскаго. Онъ ни слова не сказалъ о знакомствѣ съ принцессой въ Германіи, когда бывалъ у нея въ Оберштейнѣ и былъ извѣстенъ подъ названіемъ „Мосбахскаго незнакомца“. Свое показаніе начинаетъ онъ съ пребыванія въ Венеціи. „Иностранная дама“ (такъ называетъ Доманскій принцессу), узнавъ изъ газетъ, что князь Радзивилъ намѣревается отправиться въ Константинополь, пріѣхала въ Венецію, чтобы подъ его покровительствомъ отправиться туда же. Когда собрались въ путь и корабль былъ уже готовъ къ отплытію, князь Радзивилъ поручилъ мнѣ проводить на него

„иностранную даму“, сказавъ, что это русская „великая княжна“, рожденная покойною императрицей Елизаветою Петровною отъ тайнаго, но законнаго брака. Я повѣрилъ словамъ палатина тѣмъ болѣе, что еще въ 1769 г. слышалъ отъ графа Паца, служившаго въ Россіи, что императрица Елизавета дѣйствительно находилась съ кѣмъ-то въ тайномъ бракѣ. Когда мы жили въ Рагузѣ, князь Радзивилъ, желая удостовѣриться въ личности „иностранной дамы“, которую называли великою княжной, писалъ въ Мангеймъ къ Бернатовичу, прося его доставить о ней точнѣйшія свѣдѣнія. Бернатовичъ вскорѣ увѣдомилъ, что она дѣйствительно принадлежитъ къ высокому, знатному роду. Французскіе офицеры, находившіеся при Радзивилѣ въ Рагузѣ, были ежедневными собесѣдниками „иностранной дамы“, и она имъ разсказывала о своихъ приключеніяхъ. Офицеры писали въ тѣ города, въ которыхъ, по словамъ ея, она имѣла временное пребываніе, и оттуда получены были отвѣты, что дѣйствительно въ тѣхъ городахъ нѣкоторое время жила проѣздомъ „принцесса Елизавета“.

Радзивилъ, по словамъ Доманскаго, живя въ Рагузѣ, черезъ нѣсколько времени сталъ сомнѣваться въ дѣйствительности царственнаго происхожденія графини Пиннебергъ и говорилъ ему, что вслѣдствіе этого сомнѣнія онъ утаилъ переданныя ему принцессой письма къ султану и великому визирю. „Она мнѣ отдала эти письма для отправленія въ Константинополь,—такъ сказывалъ „пане коханку“ Доманскому:—но я, не желая болѣе впутываться въ ея замыслы, оставилъ ихъ у себя, а ее обманулъ: сказалъ, что отправилъ ихъ къ Коссаковскому въ Турцію для врученія по принадлежности“. „Когда Радзивилъ уѣхалъ обратно въ Венецію, — продолжалъ Доманскій: — принцесса сдѣлала намъ съ Чарномскимъ предложеніе сопровождать ее въ Неаполь, Римъ, а оттуда въ германскія ея владѣнія. Такъ какъ путешествіе это соотвѣтствовало дальнѣйшимъ моимъ намѣреніямъ, то я охотно согласился, тѣмъ болѣе, что она задолжала мнѣ восемьсотъ червонцевъ, изъ которыхъ триста принадлежали мнѣ, а остальные были заняты мной для нея въ Рагузѣ. Я потому болѣе согласился ѣхать съ нею, что надѣялся на полученіе должныхъ ею мнѣ денегъ, если не въ Италіи, то въ принадлежащемъ ей графствѣ Оберштейнъ. Я уговаривалъ и Чарномскаго не оставлять этой дамы, но французскій консулъ въ Рагузѣ, у котораго въ домѣ она прежде жила, совѣтовалъ Чарномскому не очень довѣряться этой женщинѣ. Чарномскій сказалъ объ этомъ мнѣ и, по общему нашему совѣту, обратился къ ней, прося откровенно признаться, кто она такая дѣйствительно, и обѣщая ей слѣдовать за нею во всякомъ случаѣ, кто бы такая она ни была. Выслушавъ Чарномскаго, принцесса съ гнѣвомъ сказала ему: „какъ вы осмѣлились подозрѣвать меня въ принятіи на себя ложнаго имени?“ Чарномскій смутился и замолчалъ. Тогда я, находясь подъ вліяніемъ обворожительнаго ея обращенія и ума, уговорилъ Чарномскаго сопровождать ее хоть до Рима, гдѣ она намѣревалась провести не бо-

лѣе восьми дней. Стѣсненныя денежныя обстоятельства принцессы породили во мнѣ новыя подозрѣнія въ ея происхожденіи, и я нѣсколько разъ спрашивалъ ее, кто она такая, и каждый разъ она называла себя русскою великою княжной, дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны. Въ Римѣ она вошла въ сношенія съ русскимъ генераломъ, графомъ Орловымъ, и получила отъ него значительную сумму денегъ. Изъ нихъ она расплатилась со всѣми своими заимодавцами, въ томъ числѣ и мнѣ возвратила взятые для нея въ Рагузѣ пятьсотъ червонцевъ".

Доманскому былъ предложенъ вопросъ: зачѣмъ онъ оставался при ней, получивъ должныя ему деньги? Онъ признался, что до безумія влюбленъ въ эту очаровательную женщину. „Страстная привязанность къ ней и желаніе знать, чѣмъ кончатся запутанныя ея обстоятельства, — говорилъ онъ князю Голицыну: — заставили меня остаться при ней и уговорить Чарномскаго не покидать ея". Доманскій подтвердилъ все, что относительно него говорилъ на допросѣ Чарномскій, извиняясь, что онъ прежде не показалъ всего по слабости памяти.

Утромъ того же 26-го мая спрашивали Франциску фонъ-Мешеде, какъ извѣстно, постоянно находившуюся при Елизаветѣ въ Германіи, Рагузѣ, Италіи и на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ". Въ показаніяхъ Франциски говорится только о домашней, частной жизни принцессы. Франциска сказала, что госпожа ея держала себя съ прислугой крайне осторожно. „Она никогда не вступала со мной ни въ какіе разговоры о предметахъ, не относящихся до моей должности, — говорила камеръ-медхенъ: — и такъ таинственно держала себя относительно прислуги, что, только садясь въ карету, сказывала, куда надо ѣхать. Деньги у нея были всегда, и она исправно платила прислугѣ, но откуда получала она ихъ, я не знаю. Хотя она и часто бывала за службой въ римско-католическихъ храмахъ, но не принадлежала къ латинской церкви". О беременности принцессы осенью 1774 года (отъ князя Лимбурга) Франциска Мешеде не упомянула. Голицынъ и другіе слѣдователи ничего не могли болѣе добиться отъ Франциски. Она была признана слабоумною, и ее больше ни о чемъ не спрашивали. Почему не спрашивали Рихтера, Лабенскаго и двухъ итальянцевъ-камердинеровъ, остается неразъясненнымъ.

XXXIII.

Первый допросъ самой принцессѣ былъ произведенъ того же 26-го мая. Секретарь слѣдственной комиссіи, коллежскій асессоръ Василій Ушаковъ, еще заблаговременно составилъ вопросные пункты, сообразно со взятыми въ Пизѣ и разсмотрѣнными въ Петербургѣ бумагами. Цѣль вопросовъ состояла въ томъ, чтобъ узнать отъ плѣнницы, кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны, и съ кѣмъ по этому поводу находилась она въ сношеніяхъ. Вопросные пункты были предлагаемы ей на французскомъ языкѣ, плѣнница отвѣ-

чала по-французски, со словъ ея отвѣты писались на русскомъ языкѣ и послѣ того, передъ рукоприкладствомъ, переводились ей на французскій языкъ изустно.

Когда фельдмаршалъ князь Голицынъ въ первый разъ вошелъ въ казематъ, гдѣ заключена была „всклепавшая на себя имя", она пришла въ сильное волненіе. Не робость, а сильный гнѣвъ овладѣлъ ею. Съ достоинствомъ и повелительнымъ тономъ спросила она Голицына:

— Скажите мнѣ, какое право имѣютъ такъ жестоко обходиться со мной? По какой причинѣ меня арестовали и держатъ въ заключеніи?

Фельдмаршалъ строго замѣтилъ ей, что она должна дать прямые и неуклончивые отвѣты на все, о чемъ онъ будетъ ее спрашивать. Допросъ начался.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ князь Голицынъ.

— Елизаветой, — отвѣчала плѣнница.

— Кто были ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Какой вы вѣры?

— Я крещена по греко-восточному обряду.

— Кто васъ крестилъ, и кто были воспріемники?

— Не знаю.

— Гдѣ провели вы дѣтство?

— Въ Килѣ, у одной госпожи Перн, или Перонъ.

— Кто при васъ находился тогда?

— При мнѣ была нянька, ее звали Катериной. Она нѣмка, родомъ изъ Голштиніи.

Дальнѣйшія показанія плѣнницы состояли въ слѣдующемъ:

— Въ Килѣ меня постоянно утѣшали скорымъ пріѣздомъ родителей. Въ началѣ 1762 года, когда мнѣ было девять лѣтъ отъ роду (то-есть немедленно по кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны, которая умерла въ самый день Рождества Христова 1761 года), пріѣхали въ Киль трое незнакомцевъ. Они взяли меня у госпожи Перонъ и, вмѣстѣ съ нянькой Катериной, сухимъ путемъ повезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ сказали мнѣ, что родители мои въ Москвѣ, и что меня повезутъ туда. Меня повезли, но не въ Москву, а куда-то далеко, на персидскую границу, и тамъ помѣстили у одной образованной старушки, которая, помню я, говаривала, что она сослана туда по повелѣнію императора Петра III. Эта старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко вблизи кочевья какого-то полудикаго племени. Здѣсь, у пріютившей меня старушки, прожила я годъ и три мѣсяца и почти во все это время была больна.

— Чѣмъ вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро даннымъ противоядіемъ жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова отъ послѣдствій даннаго мнѣ яда.

— Кто еще находился при васъ въ это время?

— Кромѣ Катерины, еще новая нянька; отъ нея я узнала нѣсколько словъ, похожихъ на русскія. Потомъ начала въ томъ же домѣ у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но впослѣдствіи забыла его. На персидской границѣ я была не въ безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такіе—я не знала и до сихъ поръ не знаю, искали случая препроводить меня въ совершенно безопасное мѣсто. Въ 1763 году, съ помощью одного татарина, нянькѣ Катеринѣ удалось бѣжать вмѣстѣ со мной, десятилѣтнимъ ребенкомъ, изъ предѣловъ Россіи въ Багдадъ. Здѣсь принялъ меня богатый персіянинъ Гаметъ, къ которому нянька Катерина имѣла рекомендательныя обо мнѣ письма. Годъ спустя, въ 1764 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, другъ персіянина Гамета, князь Гали, перевезъ меня въ Испагань, гдѣ я получила блистательное образованіе подъ руководствомъ француза Жана Фурнье. Гали мнѣ часто говаривалъ, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны; то же постоянно говорили мнѣ и другіе окружавшіе меня люди.

— Кто такіе эти люди, внушавшіе вамъ такую мысль?

— Кромѣ князя Гали, теперь никого не помню. Въ Персіи пробыла я до 1769 года, пока не возникли народныя волненія и безпорядки въ этомъ государствѣ. Тогда Гали рѣшился удалиться изъ Персіи въ Европу. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда онъ повезъ меня изъ Персіи. Мы выѣхали сначала въ Астрахань, гдѣ, вмѣсто сопровождавшей насъ персидской прислуги, Гали нанялъ русскую, принялъ имя Крымова и сталъ выдавать меня за свою дочь. Изъ Астрахани, черезъ всю Россію, мы пріѣхали въ Петербургъ, но тамъ оставались недолго, только переночевали. Изъ Петербурга сухимъ путемъ поѣхали въ Кёнигсбергъ, гдѣ князь Гали немедленно отпустилъ русскую прислугу и нанялъ нѣмецкую. Въ Кёнигсбергѣ мы пробыли шесть недѣль и отправились въ Берлинъ, гдѣ жили довольно долго, а затѣмъ поѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я жила съ княземъ Гали года два; здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что ему необходимо воротиться въ Персію, и онъ принужденъ былъ оставить меня. Безъ него я прожила въ Лондонѣ пять мѣсяцевъ на деньги, оставленныя мнѣ моимъ покровителемъ. Онъ баснословно богатъ и, разставаясь со мной, вручилъ мнѣ громадную сумму и множество драгоцѣнныхъ вещей. Впослѣдствіи онъ постоянно присылалъ мнѣ очень большія суммы, на которыя я могла жить въ изобиліи и роскоши и содержать многочисленную прислугу. Князь Гали разставался со мной лишь на время; онъ очень ко мнѣ привязанъ и назначилъ меня единственною наслѣдницей несмѣтныхъ своихъ сокровищъ. Изъ Лондона я отправилась въ Парижъ. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ столицѣ Франціи я про-

должала называться дочерью князя Гали, и меня обыкновенно называли „принцессою Али“. Въ Парижѣ я постоянно находилась въ обществѣ самыхъ знатныхъ людей, и многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что я русская великая княжна, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Но я упорно отрицала это и продолжала называться „принцессой Али“ или „принцессой Алиною“. Изъ Парижа я поѣхала въ Германію съ цѣлью купить въ Голштиніи поземельную собственность на деньги, которыя я получила отъ князя Гали. Тутъ я познакомилась съ Филиппомъ-Фердинандомъ, княземъ Римской имперіи, герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, владѣтельнымъ графомъ Лимбургомъ. Князь оказывалъ мнѣ знаки своего расположенія, сталъ ухаживать за мной, и я вскорѣ замѣтила, что онъ влюбился въ меня. Я не отвергла любви его, потому что и мнѣ онъ очень нравился. Вскорѣ князь Лимбургъ сталъ формально просить руки моей, я была согласна на его предложеніе, но для заключенія брака необходимы были документы о моемъ происхожденіи, необходимо было положительно разъяснить тайну моего рожденія. Я думала-было, съ помощью моего покровителя, князя Гали, отыскать въ Россіи необходимые для моего брака документы, предполагала сама ѣхать въ Петербургъ и тамъ представиться императрицѣ Екатеринѣ. Я надѣялась снискать милостивое расположеніе государыни, представивъ ей важныя предположенія относительно торговли Россіи съ Персіей. Объ этомъ я предварительно послала записку русскому вице-канцлеру князю Голицыну. Я надѣялась, что за эту услугу императрица дастъ мнѣ фамилію и титулъ, которые бы сдѣлали меня достойною вступить въ бракъ съ владѣтельнымъ княземъ Римской имперіи. Все это дѣлала я по совѣщанію съ моимъ женихомъ, княземъ Лимбургомъ; онъ совершенно одобрилъ мои намѣренія и даже уполномочилъ меня вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ взять на себя переговоры касательно притязаній его на Шлезвигъ и Голштинію. Но въ самое то время, какъ я собиралась ѣхать въ Петербургъ, планы князя Лимбурга были разстроены полученнымъ извѣстіемъ, что великій князь Павелъ Петровичъ, какъ наслѣдный герцогъ Голштинскій, промѣнялъ Шлезвигъ-Голштинское герцогство на Ольденбургскія и Дельменгорстскія владѣнія. Это неожиданное обстоятельство заставило меня отложить на время петербургскую поѣздку и остаться въ Оберштейнѣ. Въ это время я была невѣстой князя Лимбурга, и всѣ считали меня будущею его супругой. Мой женихъ нуждался въ деньгахъ какъ на уплату старыхъ долговъ, такъ и на выкупъ у Трирскаго курфирста исключительнаго права на владѣніе графствомъ Оберштейнъ. Я надѣялась достать ему нужную сумму, разсчитывая на кредитъ моего покровителя, князя Гали. Для полученія денегъ я поѣхала въ Венецію, подъ именемъ графини Пиннебергъ; тамъ я надѣялась получить деньги отъ людей, знавшихъ князя Гали и имѣвшихъ съ нимъ денежныя дѣла. Я хотѣла послать вѣрнаго человѣка къ нему въ Персію, но, узнавъ, что князь Радзивилъ намѣревается ѣхать въ Константинополь, сама рѣши-

лась ѣхать къ князю Гали черезъ Турцію. Я просила князя Радзивила назначить мнѣ мѣсто и время для свиданія, чтобъ устроить свою поѣздку до Константинополя подъ его покровительствомъ. Радзивилъ назначилъ для свиданія со мной домъ одного сенатора. Мы свидѣлись, и въ разговорѣ со мной князь намекнулъ, что я могу быть весьма полезною для Польши, такъ какъ ему отъ сопровождавшихъ его французскихъ офицеровъ положительно извѣстно, что я, законная дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, имѣю неотъемлемое право на русскую корону, и если достигну престола, то, въ вознагражденіе за содѣйствіе, которое при этомъ случаѣ окажутъ мнѣ поляки, должна буду возвратить Польшѣ Бѣлоруссію и заставить Пруссію и Австрію возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Я настойчиво отрицала слова его и, замѣтивъ, что князь Радзивилъ, при ограниченныхъ способностяхъ своего ума, исполненъ самыхъ несбыточныхъ намѣреній, хотѣла совершенно отъ него отдѣлаться. Но сестра его, Теофила Моравская, жившая съ нимъ вмѣстѣ въ Венеціи и изучавшая Востокъ, познакомившись со мной и узнавъ, что я имѣю много свѣдѣній о восточныхъ государствахъ, упросила меня ѣхать съ нею и съ братомъ ея до Константинополя, откуда мнѣ было бы уже легко пробраться въ Испагань къ князю Гали, у котораго я желала лично испросить согласіе на бракъ съ княземъ Лимбургомъ и надѣялась получить отъ него такое приданое, съ которымъ могла бы прилично выйти замужъ за имперскаго владѣтельнаго князя. Сверхъ того, я надѣялась получить и документы о моемъ рожденіи, необходимые для заключенія брака. Такимъ образомъ мы отправились въ Константинополь, но, доплывъ до острова Корфу, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, принуждены были воротиться въ Рагузу. Отсюда Теофила Моравская съ дядей своимъ уѣхала въ Венецію. Я осталась въ обществѣ князя Карла Радзивила и собравшихся вокругъ него французскихъ и польскихъ офицеровъ. Я нуждалась въ деньгахъ и посылала Чарномскаго въ Венецію къ другу моему, лорду Монтегю, переговорить съ нимъ и достать денегъ, а сама оставалась въ Рагузѣ, ожидая султанскаго фирмана на проѣздъ въ Константинополь. Для исходатайствованія фирмановъ на свое и мое имя, князь Радзивилъ еще раньше послалъ въ Константинополь своего повѣреннаго. Въ это время, именно 8-го іюля 1774 года, получила я изъ Венеціи анонимное письмо, при которомъ были приложены два запечатанные конверта. Въ письмѣ было сказано, что я могу спасти жизнь многихъ людей и сдѣлаться посредницей при заключеніи мира Россіи съ Турціей, если, по пріѣздѣ въ Константинополь, соглашусь выдать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Изъ того же письма видно, что одинъ изъ приложенныхъ конвертовъ я должна была лично передать султану, а другой отослать въ Ливорно къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Конвертъ, назначенный въ Ливорно, я распечатала и нашла въ немъ письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы Всероссійской и проектъ воззванія къ эки-

пажу русскаго флота, находившагося подъ его командой. Я сняла съ этихъ бумагъ копіи, а конвертъ запечатала своею печатью и послала въ Ливорно къ графу. Бумаги, найденныя мною въ пакетѣ, адресованномъ на имя султана, убѣдили меня отложить поѣздку въ Константинополь. Когда же было получено въ Рагузѣ извѣстіе о заключеніи между Турціей и Россіей мира, я стала настоятельно уговаривать князя Радзивила отказаться отъ неосуществимыхъ его плановъ и совѣтовала ему, воротясь въ Польшу, примириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ. Но увѣщанія мои были напрасны, Радзивилъ не слушался, однакоже отправился назадъ въ Венецію, оставивъ при мнѣ, для сопровожденія меня въ Италію, двухъ дворянъ изъ своей свиты, Чарномскаго и Доманскаго, Съ ними я поѣхала въ Римъ. Изъ Рима я писала къ жениху своему, князю Лимбургу, что скоро намѣрена воротиться въ его владѣнія. Я предполагала ѣхать туда сухимъ путемъ черезъ Пизу и Геную, гдѣ надѣялась покончить дѣло по займу денегъ, за поручительствомъ князя Гали. Въ Римѣ русскій лейтенантъ Христенекъ искалъ моего знакомства, но я не хотѣла имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, пока не узнала, что онъ присланъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ графа Орлова. Христенекъ спросилъ меня отъ имени графа, я ли послала къ нему въ Ливорно пакетъ съ бумагами. Я отвѣчала утвердительно. Тогда Христенекъ сказалъ, что графъ желаетъ со мной лично познакомиться и зоветъ меня въ Пизу. Мнѣ не для чего было оставаться въ Римѣ; я, какъ уже сказала, намѣревалась ѣхать въ Геную, чтобы оттуда продолжать путь въ Оберштейнъ къ жениху моему, князю Лимбургу. Пиза была на дорогѣ, и я охотно согласилась остановиться на короткое время въ этомъ городѣ, чтобы познакомиться съ графомъ Орловымъ и тѣмъ исполнить его желаніе. Христенекъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, но на дорогѣ опередилъ меня, чтобы пріѣхать въ Пизу прежде и приготовить все нужное къ принятію меня. Въ Пизу я пріѣхала подъ именемъ графини Селинской; графъ Орловъ немедленно явился ко мнѣ и предложилъ свои услуги. Черезъ нѣсколько дней, при разговорѣ съ графомъ Орловымъ объ Италіи, случилось мнѣ сказать, что я никогда не бывала въ Ливорно и желала бы видѣть этотъ городъ. Графъ Орловъ предложилъ мнѣ показать Ливорно, я согласилась и поѣхала вмѣстѣ съ нимъ и съ сопровождавшими меня польскими дворянами, Доманскимъ и Чарномскимъ. Въ Ливорно графъ Орловъ привезъ меня къ англійскому консулу, сэру Джону Дику, принявшему насъ очень гостепріимно. Я просила графа Орлова доставить мнѣ случай полюбоваться на маневры кораблей, и онъ съ охотой согласился на то. Послѣ обѣда у сэра Джона Дика, въ большомъ обществѣ отправились мы на рейдъ, и я, совершенно довѣряясь графу, поѣхала въ шлюпкѣ на адмиральскій корабль. При сильной пушечной пальбѣ начались маневры, и я засмотрѣлась на нихъ; въ это время графъ Орловъ отошелъ отъ меня, а незнакомый офицеръ, подойдя ко мнѣ, объявилъ, что я арестована. Испуганная такою неожи-

данностью, я написала къ графу Орлову письмо, требуя разъясненія случившагося; онъ отвѣчалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

При этомъ плѣнница передала князю Голицыну извѣстное уже намъ письмо къ ней графа Орлова.

Фельдмаршалъ не удовольствовался данными плѣнницей отвѣтами. Онъ имѣлъ въ виду единственно разъясненіе двухъ вопросовъ: кто подалъ ей мысль „вклепать на себя имя" дочери императрицы Елизаветы Петровны, и съ кѣмъ она по сему предмету находилась въ сношеніяхъ? Эти вопросы, безъ сомнѣнія, поставлены были самою Екатериной. Императрица не могла удовольствоваться однимъ романомъ захваченной плѣнницы, ей нужно было знать имена недоброжелателей, хотѣвшихъ въ лицѣ мнимой принцессы создать одно изъ политическихъ затрудненій ея царствованія. Кто эти недоброжелатели за границей, а особенно въ самой Россіи, — вотъ что̀ желала знать Екатерина. Этого и добивался отъ плѣнницы фельдмаршалъ Голицынъ. Хотя она и сказала, что князь Радзивилъ говорилъ ей, что она, достигнувъ принадлежащаго ей по праву русскаго престола, можетъ быть полезна для Польши, но этимъ фельдмаршалъ не удовольствовался. Князя Радзивила императрица считала за пустого человѣка и притомъ не хотѣла впутывать его въ дѣло самозванки, послѣ того какъ онъ обѣщался не помогать ей, а примирился съ королемъ Станиславомъ-Августомъ и призналъ себя совершенно безсильнымъ передъ русскою императрицей. А между тѣмъ не кто другой какъ „пане коханку" и стоялъ во главѣ затѣянной поляками и іезуитами противъ Екатерины интриги, выдвинувшей на сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны. Конечно, по ограниченности ума князь Карлъ Радзивилъ могъ быть только орудіемъ въ рукахъ искусныхъ въ интригѣ людей: ихъ-то имена и хотѣлось узнать князю Голицыну, объ нихъ-то и желалъ онъ получить точныя свѣдѣнія отъ самой плѣнницы.

Замѣчательно, что хотя изъ бумагъ, захваченныхъ въ Пизѣ, и было видно, что принцесса называла Пугачева своимъ братомъ, хотя объ этомъ и писала Голицыну сама императрица, но на этотъ предметъ ни при первомъ допросѣ ни при послѣдующихъ не было обращено никакого вниманія. О Пугачевѣ не спросили плѣнницу.

Когда она кончила разсказъ о своихъ похожденіяхъ, князь Голицынъ спросилъ ее:

— Вы должны сказать, по чьему наученью выдавали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны?

— Я никогда не была намѣрена выдавать себя за дочь императрицы, — твердо отвѣчала плѣнница.

— Но вамъ говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мнѣ говорилъ это въ дѣтствѣ моемъ князь Гали, говорили и другіе, но никто не побуждалъ меня выдавать себя за русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза, не утверждала, что я дочь императрицы. Правда, иногда въ разговорахъ съ княземъ Лимбургомъ, съ

княземъ Радзивиломъ и другими знатными особами, которымъ я разсказывала о странныхъ обстоятельствахъ моего дѣтства, они говорили мнѣ, что напрасно я скрываю свое происхожденіе, что имъ навѣрное извѣстно, что я рождена русскою императрицей. Но каждый разъ, чтобъ отдѣлаться отъ подобныхъ вопросовъ, я шутливо отвѣчала: „да принимайте меня, за кого хотите: пусть я буду дочь турецкаго султана, или персидскаго шаха, или русской императрицы: я и сама ничего не знаю о своемъ рожденіи". Нѣкоторыя изъ знатныхъ особъ даже письменно спрашивали меня, дѣйствительно ли я русская великая княжна, но я всегда отвѣчала имъ, что ничего не знаю о томъ, кто были мои родители.

— Отчего же слухи о вашемъ происхожденіи отъ императрицы распространились съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Венецію, и еще болѣе усилились, когда вы поселились въ Рагузѣ? — спросилъ князь Голицынъ.

— Не знаю, — отвѣчала плѣнница: — но дѣйствительно эти слухи особенно распространились съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала къ князю Радзивилу въ Венецію. Можетъ-быть, это произошло оттого, что сопровождавшій меня изъ владѣній князя Лимбурга въ Венеціанскую республику его гофмаршалъ, баронъ Кнорръ, несмотря на неоднократныя мои запрещенія, въ разговорахъ со мной давалъ мнѣ титулъ „высочества". Въ Рагузѣ молва о томъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны, распространилась еще болѣе. Я даже просила сенатъ Рагузской республики принять съ своей стороны надлежащія мѣры противъ распространенія такой опасной для меня молвы.

Голицынъ показалъ ей взятыя у ней завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также тотъ „манифестикъ", который посылала она изъ Рагузы къ Орлову.

— Что̀ вы скажете объ этихъ бумагахъ? — спросилъ онъ.

— Это тѣ самые документы, что̀ были присланы ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи, 8-го іюля 1774 года. Я говорила вамъ о нихъ, — сказала принцесса.

— Кто писалъ эти документы?

— Не знаю.

— Кто прислалъ ихъ къ вамъ — какъ вы предполагаете, на кого имѣете въ этомъ подозрѣніе?

— Не знаю, кто мнѣ прислалъ анонимное письмо и эти бумаги. Я готова присягнуть, что почеркъ, которымъ писаны они, мнѣ совершенно неизвѣстенъ. Больше ничего о нихъ не знаю и сказать не могу.

— Послушайте меня, — сказалъ князь Голицынъ: — ради вашей же собственной пользы, скажите мнѣ все откровенно и чистосердечно. Это одно можетъ спасти васъ отъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій.

— Говорю вамъ чистосердечно и съ полною откровенностью, господинъ фельдмаршалъ, — съ живостью отвѣчала плѣнница: — и въ доказательство чистосердечія признаюсь вотъ въ чемъ. Получивъ эти бумаги и прочитавъ ихъ, стала я соображать и воспоминанія моего дѣтства, и

старанія друзей укрыть меня внѣ предѣловъ Россіи, и слышанное мною впослѣдствіи отъ князя Гали, въ Парижѣ отъ разныхъ знатныхъ особъ, въ Италіи отъ французскихъ офицеровъ и отъ князя Радзивила относительно моего происхожденія отъ русской императрицы. Соображая все это съ бумагами, присланными ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, мнѣ дѣйствительно иногда приходило на умъ: не я ли въ самомъ дѣлѣ то лицо, въ пользу котораго составлено духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимнаго письма приходило мнѣ въ голову, не послѣдствіе ли это какихъ-либо политическихъ соображеній?

— Съ какою же цѣлью писали вы къ графу Орлову и послали ему завѣщаніе и проектъ манифеста?

— Я послала къ графу Орлову пакетъ, адресованный на его имя и присланный ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи. Письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы писала не я, оно не моей руки и не подписано мной. Для себя я сняла со всѣхъ этихъ документовъ копіи, чтобы показать ихъ жениху своему, князю Лимбургу. А къ графу Орлову послала я бумаги, съ одной стороны, думая, не узнаю ли я вслѣдствіе того чего-нибудь о своихъ родителяхъ, а съ другой стороны, чтобъ обратить вниманіе графа на происки, которые, какъ мнѣ казалось, ведутся изъ Россіи.

— Что̀ вы сдѣлали съ пакетомъ, адресованнымъ къ турецкому султану?

— Я не отправила его, ожидая, не будетъ ли какого разъясненія со стороны графа Орлова относительно моего происхожденія.

— Повторяю вамъ, для собственной пользы вашей, скажите: кто, по вашему мнѣнію, прислалъ это письмо и эти духовныя завѣщанія?

— Не знаю. Я въ свое время много о томъ думала; подозрѣнія мои въ составленіи ихъ падали то на Версальскій кабинетъ, то на Диванъ, то на Россію, но положительнаго ничего не могу сказать. Эти бумаги привели меня въ такое сильное волненіе, что были причиной жестокой болѣзни, которая теперь такъ сильно развилась во мнѣ.

— Но вы изъ Рагузы писали другое письмо къ султану, въ немъ уже прямо называли себя „Всероссійскою великою княжной Елизаветой" и просили его помощи.

— Я къ султану никогда ничего не писала и Всероссійскою великой княжной ни въ какихъ письмахъ себя не называла.

Фельдмаршалъ еще разъ началъ-было уговаривать плѣнницу сказать всю правду, кто научилъ ее выдавать себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, съ кѣмъ по этому предмету находилась она въ сношеніяхъ, и въ чемъ состояли ея замыслы?

— Я вамъ сказала все, что̀ знаю, — отвѣчала она съ рѣшительностью. — Больше мнѣ нечего вамъ отвѣчать. Въ жизни своей приходилось мнѣ много терпѣть, но никогда не имѣла я недостатка ни въ

силѣ духа ни въ твердомъ упованіи на Бога. Совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ преступномъ. Надѣюсь на милость государыни; я всегда чувствовала влеченіе къ Россіи, всегда старалась дѣйствовать въ ея пользу.

Слова плѣнницы секретарь Ушаковъ записалъ. Ей прочли по-французски составленное показаніе и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: *Elisabeth.*

XXXIV.

Сряду четыре дня послѣ этого допроса ходилъ князь Голицынъ въ казематъ уговаривать плѣнницу разсказать ему всю правду. Но, несмотря на всѣ его убѣжденія, она не измѣнила ни слова въ данномъ показаніи и постоянно твердила одно:

— Сама я никогда не распространяла слуховъ о моемъ происхожденіи отъ императрицы Елизаветы Петровны. Это другіе выдумали на мое горе.

Князь Голицынъ показалъ ей допросъ Доманскаго, гдѣ тотъ признался, что, на его вопросы объ ея происхожденіи, она нѣсколько разъ отвѣчала ему, что она дочь императрицы Елизаветы.

Плѣнница не смутилась и твердо сказала:

— Повторяю, что̀ сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а другихъ.

Мая 31-го фельдмаршалъ князь Голицынъ послалъ показаніе плѣнницы къ императрицѣ и въ донесеніи своемъ упомянулъ, что она стоитъ на одномъ: „сама себя великою княжной не называла; это выдумки другихъ", и сказала это очень смѣло, даже и въ то время, когда ей указано на противорѣчащее тому показаніе Доманскаго. „Она очень больна, — писалъ фельдмаршалъ: — докторъ находитъ жизнь ея въ опасности, у нея часто поднимается сухой кашель, и она отхаркиваетъ кровь". „Такъ какъ „всклепавшая на себя имя", — прибавилъ князь Голицынъ: — не можетъ еще считаться совершенно изобличенною, то я не сдѣлалъ никакихъ ограниченій въ пищѣ, ею получаемой, и оставилъ при ней ея служанку, такъ какъ она по-русски не знаетъ и сторожей понимать не можетъ".

На Доманскаго и Чарномскаго фельдмаршалъ взглянулъ слишкомъ легко. Онъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что оба они были замѣчательными дѣятелями польской генеральной конфедераціи. Бумаги Чарномскаго, взятыя въ палаццо принцессы въ Пизѣ, князь Голицынъ считалъ принадлежащими не ему, а плѣнницѣ. „По моему мнѣнію, — писалъ онъ къ императрицѣ: — поляки, сопутствовавшіе самозванкѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ бродяги, пріютившіеся къ ней въ надеждѣ хорошаго устроенія своей будущности". Относительно прислуги князь Голицынъ говорилъ, что она вовсе непричастна къ дѣлу. При этомъ онъ прибавилъ однако, что всѣ они считали госпожу свою за принцессу.

На другой день по отправленіи донесенія къ императрицѣ, то-есть 1-го іюня, князь Голицынъ получилъ отъ плѣнницы письмо. Она писала, что нисколько не чувствуетъ себя виновною противъ Россіи и противъ государыни императрицы, иначе не поѣхала бы съ графомъ Орловымъ на русскій корабль, зная, что на палубѣ его она будетъ находиться въ совершенной власти русскихъ. При письмѣ приложено было письмо къ императрицѣ. Плѣнница просила князя Голицына немедленно отослать это письмо къ ея величеству. Она умоляла Екатерину смягчиться надъ ея печальною участью и назначить ей аудіенцію, гдѣ она лично разъяснитъ ея величеству всѣ недоумѣнія и сообщитъ очень важныя для Россіи свѣдѣнія. Оба письма (на французскомъ языкѣ) подписаны такъ: Elisabeth.

Императрица была сильно раздражена этою лаконическою подписью. По правдѣ сказать, какую же другую подпись могла употребить плѣнница? Зовутъ ее Елизаветой, это она знаетъ, но она не знаетъ ни фамиліи своей ни своего происхожденія. Она была въ положеніи „непомнящей родства"; но во времена Екатерины такого званія людей русское законодательство еще не признавало. Какъ же иначе, если не „Елизаветой", могла подписать плѣнница офиціальную бумагу? Но императрицѣ показалось другое: она думала, что, подписываясь „Елизаветой", „всклепавшая на себя имя" желаетъ указать на дѣйствительность царственнаго своего происхожденія, ибо только особы, принадлежащія къ владѣтельнымъ домамъ, имѣютъ обычай подписываться однимъ именемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Екатерина не повѣрила ни одному слову въ показаніи, данномъ плѣнницей. „Эта наглая лгунья продолжаетъ играть свою комедію!" — сказала она.

Іюня 7-го императрица писала князю Голицыну: „Передайте плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностью и также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіе которой она вторично осмѣлилась подписаться *Елизаветой*. Примите въ отношеніи къ ней надлежащія мѣры строгости, чтобы наконецъ ее образумить, потому что наглость письма ея ко мнѣ уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ".

Получивъ этотъ рескриптъ, князь Голицынъ послалъ въ Алексѣевскій равелинъ секретаря слѣдственной коммиссіи Ушакова. Ушаковъ объявилъ заключенной, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства ея во лжи, будутъ употреблены *крайніе способы* для узнанія самыхъ *тайныхъ ея мыслей*. Плѣнница клялась, что показала одну только сущую правду, и говорила съ такою твердостью, съ такою увѣренностью, что Ушаковъ, возвратясь къ фельдмаршалу, выразилъ ему личное свое убѣжденіе, что она сказала всю правду.

На другой день князь Голицынъ самъ отправился къ ней въ казематъ. Онъ увѣщевалъ плѣнницу разсказать всю правду, подавалъ ей

надежду на помилованіе, если она раскроетъ все безъ утайки и искренно раскается во всѣхъ преступныхъ противъ императрицы замыслахъ. Она не отказалась ни отъ одного изъ данныхъ прежде показаній и ни одного слова къ нимъ не прибавила. Больше всего допытывался у ней фельдмаршалъ, отъ кого получила она копіи съ духовныхъ завѣщаній Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны.

— Клянусь Всемогущимъ Богомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, клянусь вѣчною мукой, — съ чувствомъ отвѣчала ему плѣнница: — не знаю, кто прислалъ мнѣ эти несчастныя бумаги. Проступокъ мой состоитъ лишь въ томъ, что я, отправивъ къ графу Орлову часть полученныхъ бумагъ, не уничтожила остальныя. Но мнѣ въ голову придти не могло, чтобъ это упущеніе когда-нибудь могло довести меня до столь бѣдственнаго положенія. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мнѣ эту ошибку и самимъ Богомъ обѣщаюсь хранить вѣчно о всемъ этомъ дѣлѣ молчаніе, если меня отпустятъ за границу.

— Такъ вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю всемилостивѣйшей государыни?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться, кромѣ того, что̀ я прежде сказала. Что̀ я знаю, то все сказала, и сказала сущую правду. А больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господинъ фельдмаршалъ. Видитъ Богъ, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все, — сурово проговорилъ фельдмаршалъ смотрителю Алексѣевскаго равелина: — все, кромѣ постели и самаго необходимаго платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ея не допускать къ ней. Офицеръ и двое солдатъ день и ночь должны находиться въ ея комнатѣ.

Плѣнницѣ перевели на французскій языкъ распоряженіе фельдмаршала. Она залилась слезами. Твердость духа, казалось, покинула ее.

Два дня, двѣ ночи проплакала она, находясь въ одной комнатѣ съ какимъ-то гарнизоннымъ офицеромъ и двумя солдатами. Она ихъ не понимала, они не понимали ея. Принесли въ деревянной чашкѣ суровую арестантскую пищу — вѣроятно, щи да кашу. Изнѣженная, привыкшая къ довольству и роскоши, изнуренная смертельною болѣзнью, плѣнница не могла прикоснуться къ этому угощенію. Двое сутокъ она ничего не ѣла. Болѣзнь усилилась, сухой кашель одолѣвалъ ее, печенками отхаркивала она кровь. Она говорила офицеру и солдатамъ, что желаетъ написать письмо къ фельдмаршалу, но тѣ не понимали ея. Наконецъ знаками и часто произнося имя Голицына, бѣдная женщина успѣла вразумить тюремщиковъ. Ей дали бумагу, перо и чернила.

Въ письмѣ къ фельдмаршалу плѣнница горько жаловалась на обвиненія, взводимыя на нее, и на то, что слѣдственная комиссія не хочетъ обратить вниманія на обстоятельства, доказывающія ея невинность. „Не хотятъ, — писала она: — признать, что я не увлеклась присланными

ко мнѣ въ Рагузу отъ неизвѣстнаго лица документами, ибо въ противномъ случаѣ я поѣхала бы не въ Италію, а на Востокъ. Сознаюсь, — добавила она: — что ко мнѣ въ Рагузу было прислано еще много другихъ бумагъ, кромѣ взятыхъ въ Пизѣ; изъ нихъ бо̀льшую часть я сожгла, а нѣкоторыя, находящіяся теперь у васъ, переписала своей рукой". Повторяя, что въ Венецію и Рагузу поѣхала она съ единственною цѣлью достать у князя Гали денегъ, плѣнница писала Голицыну: „Если вы, князь, все еще мнѣ не вѣрите, спросите наконецъ обо мнѣ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, хорошо меня знающихъ. Я ихъ назову. Хотя меня и заточили въ крѣпость, но это еще можно поправить: объявите, что меня ошибкой приняли за другую женщину, и дайте мнѣ возможность спокойно воротиться въ Оберштейнъ къ моему жениху, имперскому князю Лимбургу". Въ заключеніе она просила князя Голицына быть милосерднымъ и не вѣрить выдумкамъ людей, корыстолюбіе которыхъ она не могла удовлетворить или которымъ осталась должна самую бездѣлицу. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть указаній на Доманскаго и Чарномскаго. „Никого такъ много не обманывали, какъ меня,—писала она:— благодаря моему легковѣрію и довѣрчивости къ людямъ. Не понимаю, какъ можно столь безусловно вѣрить злонамѣреннымъ слухамъ, бреднямъ и письмамъ безтолковыхъ людей. Въ числѣ бумагъ моихъ, быть-можетъ, вы найдете еще письмо отъ контролера финансовъ де-Марина, писавшаго мнѣ, будто шестьдесятъ тысячъ войска находится въ моемъ распоряженіи. Подобные слухи были распускаемы обо мнѣ, когда я жила въ Рагузѣ, распускали ихъ французскіе офицеры, бывшіе при князѣ Радзивилѣ. Они называли меня то дочерью турецкаго султана, то Елизаветою, принцессою Брауншвейгъ-Люнебургскою, сестрою несчастнаго Іоанна, въ младенчествѣ провозглашеннаго русскимъ императоромъ, то дочерью императрицы Елизаветы Петровны, другіе же считали меня за простую казачку. У меня есть за границей истинные друзья; если они узна̀ютъ о настоящемъ моемъ положеніи, я навсегда должна лишиться чести и добраго имени. Зачѣмъ же губить меня напрасно, когда и безъ того мое здоровье, мое имѣніе, даже, быть-можетъ, положеніе мое у князя Лимбурга навсегда утрачены? И то примите, князь, въ соображеніе, какія причины могли бы побудить меня предпринять что-нибудь противъ Россіи, которой я не знаю, съ жителями которой не имѣла никакихъ сношеній. Да если бы наконецъ весь свѣтъ былъ увѣренъ, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно мной измѣнено быть не можетъ. Еще разъ умоляю васъ, князь, сжальтесь надо мной и надъ невинными людьми, погубленными единственно потому, что находились при мнѣ".

Прочтя письмо, князь Голицынъ отправился въ казематъ плѣнницы, чтобы разъяснить два обстоятельства, о которыхъ она упомянула.

— Какія бумаги были къ вамъ присланы въ Рагузу, кромѣ завѣщаній и манифеста? — спросилъ ее фельдмаршалъ.

— Два письма къ графу Панину, — отвѣчала изнуренная до крайности развившеюся чахоткой, строгимъ заключеніемъ, голодомъ и нравственными страданіями плѣнница: — еще письмо къ вице-канцлеру князю Голицыну. Въ этихъ письмахъ неизвѣстные мнѣ люди просили этихъ вельможъ оказать „принцессѣ Елизаветѣ“ возможную по обстоятельствамъ помощь.

Она сказала неправду. Мы знаемъ уже, что письма эти писаны ею изъ Германіи, задолго до пребыванія въ Рагузѣ, и что ихъ не отправилъ по назначенію баронъ фонъ-Горнштейнъ. Князь Голицынъ долженъ былъ знать это изъ бумагъ, находившихся у него подъ руками, но почему-то не обратилъ на это вниманія и не замѣтилъ плѣнницѣ несообразности ея словъ.

— Вы писали ко мнѣ, — сказалъ онъ: — что нѣкоторыя знатныя особы знаютъ васъ и могутъ дать о васъ свѣдѣнія. Кто эти особы? Назовите ихъ.

— Князь Филиппъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, — отвѣчала она: — министръ курфирста Трирскаго, баронъ фонъ-Горнштейнъ, контролеръ финансовъ князя Лимбурга въ Оберштейнѣ де-Маринъ, литовскій маршалъ Михаилъ Огинскій, генералъ французской службы баронъ Вейдбрехтъ, министръ полиціи въ Парижѣ Сартинъ.

Князь Голицынъ записалъ имена. Но ни съ кѣмъ изъ названныхъ не было сдѣлано никакихъ сношеній, никого изъ нихъ не спросили, что̀ знаютъ они о личности плѣнницы. Екатерина отнюдь не хотѣла, чтобъ исторія о мнимой дочери императрицы Елизаветы Петровны была разглашаема. Особенно несообразно было съ ея видами, чтобы за границей могли подумать, что она, побѣдительница Оттомановъ, блистательно торжествующая теперь славный для Россіи миръ, обращаетъ серьезное вниманіе на женщину, которую сама называетъ „побродяжкой“. Въ подобныхъ случаяхъ Екатерина держалась пословицы: „изъ избы сора не выносить“. И дѣйствительно, во время производства слѣдствія надъ принцессой Владимірской, никто внѣ тайной экспедиціи и не подозрѣвалъ, чтобы „всклепавшая на себя имя“ находилась въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Фельдмаршалъ снова сталъ увѣщевать плѣнницу, чтобъ она открыла, кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и кто были пособниками ея замысламъ. Онъ напомнилъ ей о *крайнихъ мѣрахъ*. Надо полагать, что ей было извѣстно, что̀ значатъ на языкѣ тайной канцеляріи слова: „крайнія мѣры“.

— Я сказала вамъ все, что̀ знаю,—съ твердостью отвѣчала фельдмаршалу плѣнница. — Чего же вы отъ меня хотите? Знайте, господинъ фельдмаршалъ, что не только самыя страшныя мученія, но сама смерть не можетъ заставить меня отказаться въ чемъ-либо отъ перваго моего показанія.

Князь Голицынъ нѣсколько помолчалъ и потомъ сказалъ:

— При такомъ упрямствѣ вы не можете ожидать помилованія.

Но видъ почти умирающей красавицы, видъ женщины, привыкшей къ хорошему обществу и къ роскошной обстановкѣ жизни, а теперь заключенной въ одной комнатѣ съ солдатами, содержимой на грубой арестантской пищѣ, больной, совершенно разстроенной, убитой и физически и нравственно, не могъ не поразить мягкосердаго фельдмаршала. Онъ былъ однимъ изъ добрѣйшихъ людей своего времени, отличался великодушіемъ и пользовался любовью всѣхъ знавшихъ его. Забывая приказаніе императрицы принять въ отношеніи къ плѣнницѣ мѣры строгости, добрый фельдмаршалъ, выйдя изъ каземата, приказалъ опять допустить къ ней Франциску фонъ-Мешеде, улучшить содержаніе плѣнницы, стражѣ удалиться за дверь и только смотрѣть, чтобы плѣнница не наложила на себя рукъ. Голицынъ замѣтилъ въ ея характерѣ такъ много рѣшительности и энергіи — свойствъ, которыми самъ онъ вовсе не обладалъ, что не безъ основаній опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубійство. Она была способна на то, что̀ доказала на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ".

Объ этомъ свиданіи съ плѣнницей и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ князь Голицынъ подробно донесъ императрицѣ 18-го іюня. Но императрица отвѣчала ему 29-го числа: „Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполнѣ извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужіе имена и титулы. Если она будетъ продолжать упорствовать въ своей лжи, она будетъ предана самому строгому суду".

Въ запискахъ Винскаго *), черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти принцессы сидѣвшаго въ томъ самомъ отдѣленіи Алексѣевскаго равелина, гдѣ содержалась она, сохранился разсказъ очевидца (тюремщика), что къ ней одинъ разъ пріѣзжалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Соображая время возвращенія его въ Россію къ самому торжеству Кучукъ-Кайнарджискаго мира, надо полагать, что если онъ дѣйствительно навѣстилъ свою жертву, то это было въ описываемое теперь нами время, то-есть во второй половинѣ іюня 1775 года. По словамъ тюремщика, плѣнница разговаривала съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ не по-русски, громко, и, какъ видно, сильно укоряла его, кричала на своего предателя и топала ногами.

Что̀ говорили между собой графъ и женщина, столь жестоко обманутая имъ, женщина, которая готовилась быть матерью его ребенка, осталось неизвѣстнымъ. Но сцена, безъ сомнѣнія, была исполнена истиннаго трагизма. Въ другой разъ Орловъ не видался съ плѣнницей и, какъ мы уже замѣтили, по всей вѣроятности, даже не зналъ, что̀ съ нею сталось.

---

*) См. послѣднюю главу этой статьи.

Грейгъ, какъ было сказано выше, находился въ это время въ Москвѣ. Онъ подробно разсказалъ Екатеринѣ, какъ „всклепавшая на себя имя“ попалась въ разставленныя сѣти и какъ она вела себя на его кораблѣ во время плаванія.

— Судя по ея произношенію, думаю, что она полька, — сказалъ адмиралъ императрицѣ.

Екатеринѣ тотчасъ пришло въ голову, что самозванку создала польская интрига. Сообщая князю Голицыну о словахъ адмирала, она приказала ему обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Таинственная завѣса, закрывавшая дѣло плѣнницы, такимъ образомъ готова была раскрыться, ибо дѣло дѣйствительно и заведено и продолжаемо было польскою рукою. Но все-таки не взялись ни за князя Радзивила ни за Огинскаго, на которыхъ указывала сама заключенная, не разобрали какъ слѣдуетъ найденныхъ въ Пизѣ бумагъ польской генеральной конфедераціи, а обратили исключительное вниманіе на одну самозванку, настоятельно добиваясь отъ нея того, чего, по всей вѣроятности, и дѣйствительно она не знала. Можно догадываться, что императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное вниманіе на то, не принадлежитъ ли плѣнница къ польской національности, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убѣдилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь къ дѣлу и Радзивиловъ, и Огинскаго, и Сангушко, и другихъ польскихъ магнатовъ, смирившихся предъ нею и поладившихъ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ. Иначе трудно объяснить, почему, при столь явныхъ указаніяхъ въ захваченныхъ бумагахъ на близкое участіе польскихъ магнатовъ въ дѣлѣ самозванки, не обращено было на нихъ ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ какъ привлечь ихъ къ дѣлу и даже къ самой строгой отвѣтственности для Екатерины было чрезвычайно легко, ибо въ это время она властвовала въ Польшѣ почти такъ же неограниченно, какъ и въ Россіи. Какъ бы то ни было, слѣдственное дѣло нимало не разъяснило, кто такая была женщина, которую выдавали за законную наслѣдницу русскаго престола, кто внушилъ ей мысль, что она Всероссійская великая княжна, кто способствовалъ исполненію ея смѣлыхъ замысловъ. Все это осталось загадкой, которая едва ли когда-нибудь будетъ разрѣшена.

Взятымъ вмѣстѣ съ принцессой князь Голицынъ, по волѣ императрицы, объявилъ, что изъ показаній ихъ ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы самозванки, но и самыхъ зачинщиковъ ея замысловъ. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней изъ-за какихъ-то воображаемыхъ расчетовъ, тогда какъ будто бы признавали ее самозванкой, дѣлаетъ ихъ соучастниками въ ея преступленіи; одно только откровенное признаніе во всемъ, до нея и зачинщиковъ замысла касающемся, можетъ освободить ихъ отъ всей тяжести заслуженнаго ими на-

казанія. Но ни Доманскій ни Чарномскій послѣ такого сдѣланнаго имъ княземъ Голицынымъ объявленія ничего новаго не разъяснили. Прислугу не спрашивали.

На основаніи показаній принцессы и заключенныхъ вмѣстѣ съ нею ея спутниковъ, составлены были въ Москвѣ и присланы къ фельдмаршалу двадцать такъ-называемыхъ „доказательныхъ статей". Онѣ составлены искусно и, судя по господствующему въ нихъ тону и по отзывамъ о нихъ князя Голицына, повидимому, самою императрицей или кѣмъ-нибудь подъ непосредственнымъ ея руководствомъ. „Эти статьи,— писала Екатерина:—совершенно уничтожатъ всѣ ея (плѣнницы) ложныя выдумки".

При „доказательныхъ статьяхъ" приложены были, въ переводѣ на русскій языкъ, письма принцессы къ султану, къ графу Орлову, къ Трирскому министру, барону Горнштейну, и къ другимъ.

XXXV.

Іюля 6-го фельдмаршалъ съ „доказательными статьями" поѣхалъ въ крѣпость и прежде всего зашелъ въ казематъ Елизаветы. Съ большою подробностью проходилъ онъ одну статью за другою и указывалъ плѣнницѣ на большое сходство въ слогѣ и даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ между ея письмами, писанными къ нему изъ Петропавловской крѣпости, и письмами къ султану и Горнштейну, найденными у ней въ Пизѣ. Князь Голицынъ старался убѣдить ее, что одно изъ писемъ къ султану, очевидно, писано до заключенія имъ мира съ Россіей, а другое послѣ, и оттого нельзя утверждать, чтобъ оба они присланы были ей одновременно, въ одномъ конвертѣ. Затѣмъ фельдмаршалъ доказалъ ей положительно, что подробности, заключающіяся въ ея письмѣ къ неизвѣстному министру (это было письмо къ Горнштейну), были извѣстны ей одной, и потому письмо это не могло быть писано другимъ лицомъ.

Плѣнница стояла на своемъ. Ни „доказательныя статьи", на которыя такъ разсчитывала императрица, ни доводы, приводимые фельдмаршаломъ, нимало на нее не подѣйствовали; она твердила одно, что первое показаніе ея вѣрно, что она сказала въ немъ все, что̀ знаетъ, и болѣе сказаннаго ничего не знаетъ. Это наконецъ разсердило и добрѣйшаго князя Голицына. Въ донесеніи своемъ императрицѣ (отъ 13-го іюля) объ этомъ свиданіи съ плѣнницей онъ называетъ ее „наглою лгуньей".

Отъ плѣнницы фельдмаршалъ пошелъ въ казематъ, гдѣ былъ заключенъ Доманскій.

— Вы въ своемъ показаніи утверждали,—сказалъ ему князь:—что самозванка передъ вами неоднократно называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Рѣшитесь ли вы уличить ее въ этихъ словахъ на очной ставкѣ?

Доманскій смутился. Но, нѣсколько оправившись и придя въ себя, онъ съ наглостью отрекся отъ даннаго прежде показанія, утверждая,

что никогда не говорилъ при слѣдствіи приписываемыхъ ему фельдмаршаломъ словъ. Наглость поляка вывела князя Голицына изъ терпѣнія. Онъ грозилъ ему строгимъ наказаніемъ за такую ложь, но Доманскій стоялъ на своемъ, говоря, что никогда не слыхалъ, чтобы графиня Пиннебергъ называла себя дочерью русской императрицы. Не было никакихъ средствъ образумить упрямаго шляхтича.

Князь Голицынъ отправился въ казематъ Чарномскаго.

— Не передавалъ ли вамъ когда-нибудь Доманскій,—спросилъ онъ арестанта: — что эта женщина въ разговорахъ съ нимъ называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Да, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ Чарномскій.

— Скажете ли вы это прямо ему въ глаза?

— Скажу.

Тотчасъ же обоимъ полякамъ дали очную ставку. Чарномскій уличалъ своего пріятеля, что онъ говорилъ ему о словахъ графини Пиннебергъ, утверждавшей, что она дочь императрицы.

— Этого никогда не было, — сказалъ смущенный Доманскій.

— Какъ никогда не было?—возразилъ Чарномскій.—А вспомните, какъ вы это говорили мнѣ на кораблѣ во время переѣзда нашего чрезъ Адріатическое море, изъ Рагузы въ Барлетту.

Доманскій продолжалъ запираться, но сбился въ словахъ и былъ совершенно уличенъ Чарномскимъ. Наконецъ онъ даже изъявилъ готовность стать на очную ставку съ самою плѣнницей и повторить слова свои въ ея присутствіи.

— Умоляю васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ фельдмаршалу:—простите мнѣ, что я отрекся отъ перваго моего показанія и не хотѣлъ стать на очную ставку съ этою женщиной. Мнѣ жаль ее, бѣдную. Наконецъ я откроюсь вамъ совершенно: я любилъ ее и до сихъ поръ люблю безъ памяти. Я не имѣлъ силъ покинуть ее, любовь приковала меня къ ней, и вотъ — довела до заключенія. Не деньги, которыя она должна была мнѣ, но одна только страстная, пламенная любовь къ ней заставила меня оставить князя Радзивила и отправиться съ ней въ Италію.

— Какія же были у васъ надежды?—спросилъ его князь Голицынъ.

— Никакихъ, кромѣ ея любви. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться ея мужемъ. Объ ея происхожденіи я никогда ничего не думалъ и никакихъ воздушныхъ зàмковъ не строилъ. Я желалъ только любви ея и больше ничего. Если-бъ и теперь выдали ее за меня замужъ, хоть даже безъ всякаго приданаго, я бы счелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Послѣ такого признанія дана была очная ставка Доманскому съ предметомъ его нѣжной страсти. Разговоръ между ними происходилъ на итальянскомъ языкѣ.

Смущенный и совершенно растерянный Доманскій сказалъ плѣнницѣ,

что она въ разговорахъ съ нимъ дѣйствительно называла себя дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны.

Рѣзко взглянула на него плѣнница, не говоря ни слова. Доманскій смутился еще болѣе и сталъ просить у нея прощенія.

— Простите меня, что я сказалъ, но я долженъ былъ сказать это по совѣсти,—говорилъ влюбленный шляхтичъ.

Спокойнымъ и твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза Доманскому, плѣнница отвѣчала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобнаго серьезно я не говорила и никакихъ мѣръ для распространенія слуховъ, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не предпринимала.

Доманскій замолчалъ, опустя голову. Плѣнница, казалось, сжалилась надъ своимъ обожателемъ и, обратясь къ фельдмаршалу, сказала:

— Доманскій безпрестанно приставалъ ко мнѣ съ своими несносными вопросами: правда ли, что я дочь императрицы? Онъ надоѣлъ мнѣ, и, чтобъ отдѣлаться отъ него, быть-можетъ, я и сказала ему въ шутку, что̀ онъ теперь говоритъ. Теперь я хорошенько не помню.

Очная ставка тѣмъ и кончилась. Было еще одно обстоятельство, на которое указалъ въ допросѣ своемъ Доманскій и которое могло бы уличить плѣнницу въ политическихъ ея замыслахъ. Это передача ею князю Радзивилу писемъ къ султану и къ великому визирю съ тѣмъ, чтобы „пане коханку“ отослалъ ихъ въ Турцію къ агенту своему Коссаковскому. Но, на основаніи этого показанія, нельзя было сдѣлать очной ставки, ибо Доманскій показалъ, что слышалъ объ этомъ не отъ самой принцессы, а отъ князя Радзивила. Тѣмъ не менѣе князь Голицынъ, какъ скоро Доманскій, по окончаніи очной ставки, вышелъ изъ каземата плѣнницы, спросилъ ее:

— Посылали вы черезъ князя Карла Радзивила какое-нибудь письмо къ Коссаковскому въ Турцію?

Плѣнница нѣсколько смутилась, помолчала, какъ бы припоминая что-то, и затѣмъ рѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ, не посылала.

— И никакихъ писемъ въ Константинополь вы не посылали? — продолжалъ спрашивать князь Голицынъ.

Она опять стала соображать, дѣлая видъ, будто припоминаетъ что-то.

— Я писала въ Константинополь изъ Венеціи къ купцу Мелину, — сказала она: — чтобъ онъ переслалъ въ Персію письма мои къ Гамету и князю Гали. Гамета въ письмѣ своемъ я просила, чтобъ онъ пріискалъ для моего помѣщенія домъ въ Испагани, такъ какъ я предполагала туда ѣхать, а къ князю Гали обратилась за деньгами. Я просила у него сто тысячъ гульденовъ.

— Для чего вамъ нужна была такая огромная сумма?

— На расходы при вступленіи въ бракъ съ княземъ Филиппомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургскимъ.

— Но вѣдь эта сумма баснословна, — замѣтилъ князь Голицынъ.— Сто тысячъ гульденовъ!

— Что-жъ васъ удивляетъ?—съ достоинствомъ отвѣчала плѣнница.— Я единственная наслѣдница князя Гали, а богатства его такъ велики, что сумма во сто тысячъ гульденовъ для него сущая бездѣлица.

— Вы говорите, — сказалъ фельдмаршалъ: — что воспитывались въ Персіи у этого Гали: знаете вы восточные языки?

— Да, я знаю по-персидски и по-арабски.

— Не можете ли вы написать мнѣ на этихъ языкахъ нѣсколько фразъ, которыя я вамъ скажу по-французски?

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчала плѣнница и, взявъ перо, написала продиктованную фразу непонятными фельдмаршалу буквами и, подавая ему бумагу, сказала: — вотъ это по-арабски, а это по-персидски.

Князь Голицынъ на другой день показывалъ написанныя плѣнницей арабскія и персидскія фразы „свѣдущимъ людямъ“. Кто были эти свѣдущіе въ восточныхъ языкахъ люди — намъ неизвѣстно. Впрочемъ, въ Петербургѣ въ это время нетрудно было отыскать людей, основательно знающихъ эти языки. Такіе люди были въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ академіи наукъ. Свѣдущіе люди объявили фельдмаршалу, что показанное имъ письмо писано буквами, имъ неизвѣстными, но во всякомъ случаѣ не персидскими и не арабскими. Князь Голицынъ нарочно поѣхалъ въ Петропавловскую крѣпость, надѣясь смутить плѣнницу такимъ отзывомъ знатоковъ и затѣмъ, можетъ-быть, добиться отъ нея какихъ-либо сознаній. Но онъ ошибся. Когда, сказавъ ей объ отзывѣ свѣдущихъ людей, онъ строго спросилъ ее:

— Что̀ же это наконецъ значитъ?

Она преспокойно и даже насмѣшливо отвѣтила ему:

— Это значитъ, что спрошенные вами люди не умѣютъ читать ни по-арабски ни по-персидски.

XXXVI.

Іюля 13-го, на третій день послѣ того, какъ императрица, празднуя Кучукъ-Кайнарджискій миръ, пожаловала фельдмаршалу князю Голицыну брильянтовую шпагу съ надписью: „За очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ“, и богатый серебряный сервизъ, онъ написалъ государынѣ, что допросы по „доказательнымъ статьямъ“ сдѣланы, но ничто не можетъ заставить плѣнницу раскаяться, ни даже безнадежное состояніе ея здоровья. „Пользующій ее докторъ полагаетъ, — писалъ фельдмаршалъ:— что при продолжающихся постоянно сухомъ кашлѣ, лихорадочныхъ припадкахъ и кровохарканіи — ей жить остается недолго. Дѣйствовать на ея чувство чести или на стыдъ совершенно безполезно, однимъ словомъ, отъ этого „безсовѣстнаго созданія“ ничего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ

отраслямъ знаній свѣдѣніяхъ, наконецъ при привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной ея наружности, нимало не удивительно, что она возбуждала въ людяхъ, съ ней обращавшихся, чувство довѣрія и даже благоговѣнія къ себѣ. Адмиралъ Грейгъ на основаніи выговора ея думаетъ, что она полька. Нѣтъ, ее за польку принять невозможно. Она слишкомъ хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а взятые съ ней поляки утверждаютъ, что она только въ Рагузѣ заучила нѣсколько польскихъ словъ, а языка польскаго вовсе не знаетъ".

Дѣйствительно, въ бумагахъ плѣнницы найдены листки съ польскими вокабулами. Вѣроятно, принцесса училась по нимъ.

Между тѣмъ чахотка быстро развивалась у несчастной женщины, беременной уже вторую половину. Она почти не вставала съ постели. Нравственныя страданія ея были еще сильнѣе физическихъ. Лишенная свободы, она таяла въ темничномъ заключеніи, не видя ни съ чьей стороны ни малѣйшаго участія къ несчастному своему положенію. Франциска фонъ-Мешеде, женщина весьма ограниченная, считала госпожу свою виновницей и ея заключенія, а потому и обращалась съ нею безучастно. Еще менѣе показывалъ къ ней участія ежедневно посѣщавшій ее докторъ. Затѣмъ солдаты безпрестанно появлялись въ ея комнатахъ и обходились съ нею сурово. Грубое обхожденіе ихъ заставляло содрогаться ея женскую натуру. Несчастная сознала наконецъ, что дни ея изочтены, что недолго остается ей страдать въ здѣшнемъ мірѣ. Не могла она не думать и о судьбѣ того, чьею матерью готовилась быть.

Она попросила бумаги и перо, чтобы писать къ князю Голицыну. Доложили объ этомъ фельдмаршалу. Онъ полагалъ, что ожиданіе близкой смерти возбудитъ, быть-можетъ, въ плѣнницѣ раскаяніе и внушитъ мысль разсказать все, чего напрасно добиваются отъ нея почти два мѣсяца. Письменныя принадлежности были даны, и 21-го іюля Елизавета написала къ князю Голицыну письмо, исполненное самаго безотраднаго отчаянія. При немъ были приложены длинная записка и письмо къ императрицѣ.

Ничего новаго не было въ нихъ сказано. Плѣнница настоятельно подтверждала прежнее свое показаніе и попрежнему увѣряла, что рѣшительно не знаетъ, кто прислалъ ей при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи духовныя завѣщанія, проектъ манифеста и письмо къ графу Орлову. Далѣе она жаловалась на суровое обращеніе съ нею въ крѣпости и представляла себя какъ жертву неизвѣстныхъ ей интригановъ, воспользовавшихся намѣреніемъ ея отправиться въ Константинополь. Надо полагать, что она подразумѣвала тутъ не только Доманскаго съ Чарномскимъ, но и самого князя Радзивила съ его свитой, которой приписывала разглашеніе объ ея происхожденіи отъ императрицы Елизаветы. „Требуютъ теперь отъ меня свѣдѣній о моемъ происхожденіи,— писала она: — но развѣ самый фактъ рожденія можетъ считаться преступленіемъ? Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то надо

бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ и сама я ничего не знаю. Меня обвиняютъ, что я называла себя дочерью императрицы. Если я и называла себя этимъ именемъ, то не иначе, какъ въ шутку, въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, чтобъ отдѣлаться отъ вопросовъ, съ которыми неотвязно приставали ко мнѣ друзья мои. А развѣ слова, сказанныя въ минуту веселости, въ видѣ шутки, могутъ считаться обвиненіемъ въ преступленіи? Я ничего не прошу, только возвратите мнѣ свободу. Если вы меня освободите, я немедленно уѣду въ Оберштейнъ и о всемъ случившемся навѣки сохраню глубочайшую тайну. Сдѣлать это тѣмъ болѣе возможно, что на кораблѣ меня принимали за какую-то польскую даму. Вмѣсто того, чтобы предъявить мнѣ положительныя сомнѣнія въ истинѣ моихъ показаній, мнѣ твердятъ одно, и притомъ въ общихъ выраженіяхъ, что меня подозрѣваютъ, а въ чемъ подозрѣваютъ и на основаніи какихъ данныхъ, того не говорятъ. При такомъ направленіи слѣдствія, какъ же мнѣ защищаться противъ голословныхъ обвиненій? Если останутся при такой системѣ производства дѣла, мнѣ, конечно, придется умереть въ заточеніи. Теперешнее мое положеніе, при совершенно разстроенномъ здоровьѣ, невыносимо и ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, какъ только съ пыткой на медленномъ огнѣ. Ко мнѣ пристаютъ, желая узнать, какой я религіи; да развѣ вѣра, исповѣдуемая мной, касается чѣмъ-либо интересовъ Россіи? Чтобы сдѣлаться супругой князя Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбурга, я должна стать католичкой. Это для меня будетъ тѣмъ легче, что я въ жизнь мою еще никогда не исповѣдывалась“. Обращаясь къ князю Голицыну, плѣнница горячо умоляла его о ходатайствѣ предъ императрицей, просила освобожденія, обѣщая за то вѣчную признательность свою и благодарность многочисленныхъ друзей ея, принадлежавшихъ къ числу знатныхъ людей.

Князь Голицынъ 25-го іюля послалъ письмо плѣнницы въ Москву къ государынѣ. Оно встрѣтилось на дорогѣ съ повелѣніемъ, посланнымъ къ нему отъ Екатерины 24-го іюля.

Это повелѣніе препровождено было фельдмаршалу генералъ-прокуроромъ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ. Императрица писала: „Удостовѣрьтесь въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна. Въ случаѣ видимой опасности, узнайте, къ какому исповѣданію она принадлежитъ, и убѣдите ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ священника, пошлите къ ней духовника, которому дать наказъ, чтобъ онъ довелъ ее увѣщаніями до раскрытія истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ“.

Генералъ-прокуроръ, препровождая это именное повелѣніе, прибавилъ отъ себя: „священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказать хранить молчаніе о всемъ, чтò онъ услышитъ, увидитъ или узнàетъ“.

Пославъ это повелѣніе, императрица, неизвѣстно почему, на другой

день измѣнила свое рѣшеніе. Въ новомъ рескриптѣ, отъ 25-го іюля, она писала фельдмаршалу: „Не допрашивайте болѣе распутную лгунью; объявите ей, что она за свое упорство и безстыдство осуждается на вѣчное заключеніе. Потомъ передайте Доманскому, что если онъ подробно разскажетъ все, что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни арестантки, то будетъ обвѣнчанъ съ нею, и они потомъ получатъ дозволеніе возвратиться въ ихъ отечество. Если онъ согласится, слѣдуетъ стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе — обвѣнчать ихъ немедленно, *чѣмъ и положится конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ.* Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то сказать ей, что, въ случаѣ открытія своего происхожденія, она тотчасъ же получитъ возможность возстановить сношенія свои съ княземъ Лимбургскимъ“.

Князь Вяземскій въ особой запискѣ къ фельдмаршалу прибавилъ: „Послѣднее предложеніе (о князѣ Лимбургскомъ) должно быть сдѣлано собственно отъ вашего имени“. Въ другомъ письмѣ (отъ 26-го іюля) генералъ-прокуроръ сообщилъ князю Голицыну, что англійскій посланникъ увѣрялъ императрицу, что „всклепавшая на себя имя“ есть дочь пражскаго трактирщика, и потому совѣтовалъ послать къ ней протестантскаго пастора, которому, можетъ-быть, удастся вывѣдать истину. Генералъ-прокуроръ полагалъ, что Прага—городъ нѣмецкій, а потому и уроженцы его должны быть лютеране. Онъ не зналъ. какъ видно, что въ Чешской землѣ большинство жителей исповѣдуетъ римское католичество.

Получивъ новыя повелѣнія, фельдмаршалъ отправился въ Петропавловскую крѣпость. Онъ нашелъ плѣнницу въ совершенно безнадежномъ состояніи. Она лежала умирающая, страдая душевно и тѣлесно.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться къ... смерти?— сказалъ фельдмаршалъ, наклоняясь къ плѣнницѣ.

— Да.

— Какого же вамъ священника: греко-восточнаго или католическаго?

— Греко-восточнаго.

Князь Голицынъ оставилъ казематъ плѣнницы. Она не могла говорить съ нимъ.

Онъ приказалъ отыскать православнаго священника, знающаго французскій или нѣмецкій языкъ. Сыскали священника Казанскаго собора, Петра Андреева, говорившаго по-нѣмецки.

Когда священникъ былъ отысканъ, князь Голицынъ получилъ новое письмо отъ генералъ-прокурора, отъ 26-го іюля (такимъ образомъ три дня сряду писались изъ Москвы одно за другимъ повелѣнія о плѣнницѣ).

Августа 1-го, пріѣхавъ въ крѣпость, фельдмаршалъ снова уговаривалъ лежавшую на смертномъ одрѣ женщину признаться во всемъ. „Я теперь узналъ о вашемъ происхожденіи“,—говорилъ онъ, полагаясь на сообщенныя ему генералъ-прокуроромъ извѣстія, но не сказалъ на этотъ

разъ ни слова относительно происхожденія плѣнницы отъ трактирщика. „Услышавъ отъ меня сіи слова, плѣнница сначала видимо поколебалась, — пишетъ князь Голицынъ въ своемъ донесеніи: — но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что она хорошо узнала и оцѣнила меня (князя Голицына), вполнѣ надѣется на мое доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, а потому откроетъ мнѣ всю истину, если я обѣщаю сохранить ее втайнѣ. — Но я могу рѣшиться только на письменное признаніе, — сказала она: — дайте мнѣ для того два дня сроку".

Князь Голицынъ былъ сильно тронутъ словами умиравшей красавицы. Онъ думалъ, что плѣнница и въ самомъ дѣлѣ раскроетъ ему наконецъ все, чего такъ долго и напрасно добивался онъ въ силу возложенной на него обязанности. Онъ согласился на два дня отсрочки и приказалъ дать больной письменныя принадлежности.

Прошло два дня. Князю Голицыну докладываютъ, что съ плѣнницей случился такой жестокій болѣзненный припадокъ, что она не только писать, но даже и говорить не можетъ.

Августа 6-го она получила небольшое облегченіе отъ болѣзни и просила доктора сказать фельдмаршалу, что къ 8-му числу она постарается кончить свое письмо. Князь Голицынъ донесъ объ этомъ императрицѣ. Въ этомъ донесеніи онъ замѣтилъ между прочимъ, что ожидаемое отъ плѣнницы письмо покажетъ, нужно ли будетъ прибѣгать къ помощи священника, чтобы посредствомъ исповѣди получить полное сознаніе арестантки. Августа 9-го фельдмаршалъ получилъ письмо плѣнницы.

Въ этомъ письмѣ беременная плѣнница умоляла князя Голицына сжалиться надъ ужаснымъ ея положеніемъ. „Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины,—писала она: — съ ними я и объясниться не могу. Здоровье мое разстроено, положеніе невыносимо. Лучше я пойду въ монастырь, а долѣе терпѣть такое обхожденіе я не въ силахъ. Отъ меня настоятельно требуютъ свѣдѣній о моемъ происхожденіи: кромѣ сказаннаго мною прежде, я ничего не знаю. Можетъ-быть, знаютъ о томъ другіе; позвольте мнѣ написать къ своимъ друзьямъ, чтобъ они сообщили нужныя обо мнѣ свѣдѣнія".

Къ этому письму было приложено новое письмо къ императрицѣ. Плѣнница умоляла Екатерину о помилованіи и жаловалась на суровое съ нею обращеніе, особенно на присутствіе около ея постели солдатъ даже ночью. „Такое обхожденіе со мной заставляетъ содрогаться женскую натуру, — писала она. — На колѣнахъ умоляю ваше императорское величество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную мною князю Голицыну, и убѣдились въ моей невинности".

Эта записка начинается повтореніемъ прежде сказаннаго ею о причинахъ, побудившихъ ее ѣхать изъ Германіи въ Венецію и Рагузу, и о томъ, что она получила анонимное письмо съ приложеніемъ завѣщанія, манифеста, писемъ къ графу Орлову, султану и другимъ незнакомымъ и

неизвѣстнымъ ей лицамъ. „Я сначала хотѣла всѣ эти бумаги послать къ графу Орлову, — писала она: — я не знала иного пути для доставленія ихъ императрицѣ, но я побоялась отослать ихъ всѣ вдругъ, думая, что на почтѣ обратятъ вниманіе на необыкновенно большой пакетъ и, пожалуй, вскроютъ его. Потому я сначала послала одинъ только конвертъ, адресованный на имя графа Орлова. Препровождая его, я не писала отъ себя къ графу, боясь непріятностей, если бы при бумагахъ такого содержанія нашли письмо отъ меня. Изъ той же боязни таинственныхъ интригъ, которыми я была окружена, оставила я мысль о путешествіи на Востокъ и сожгла всѣ присланныя ко мнѣ подлинныя бумаги, снявъ съ важнѣйшихъ копіи. Эти копіи я списала, чтобы со временемъ переслать ихъ къ графу Орлову, съ тѣмъ, чтобъ онъ представилъ ихъ императрицѣ. Затѣмъ я поѣхала въ Римъ. Снятыя мною копіи я не считала для себя опасными, но прежде, чѣмъ успѣла переговорить о нихъ съ графомъ Орловымъ, со мной случилось неожиданное обстоятельство: меня арестовали, я больше не видалась съ графомъ и не могла сказать ему объ остальныхъ находящихся у меня копіяхъ. Точно также, по краткости времени, проведеннаго мною въ Пизѣ съ графомъ, я не успѣла ничего сказать ему и о порученіяхъ, возложенныхъ на меня изъ Персіи“.

Затѣмъ въ запискѣ плѣнницы идетъ новый разсказъ объ ея происхожденіи. Плѣнница называетъ себя черкешенкой, принадлежащею къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ горскихъ князей, къ роду Гамета (?).

„Я родилась въ горахъ Кавказа, — писала она: — а воспитывалась въ Персіи. По достиженіи совершеннолѣтія оставила я страну моего воспитанія, чтобы при помощи русскаго правительства пріобрѣсти полосу земли на Терекѣ. Здѣсь я намѣрена была посѣять первыя сѣмена цивилизаціи посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое, находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ Русскаго государства противу дикихъ горцевъ. Князь Лимбургскій явился какъ бы посланникомъ Божьимъ для осуществленія моихъ плановъ. Онъ не только одобрилъ мои предпріятія, но даже самъ, отказываясь отъ своихъ владѣній въ Европѣ въ пользу младшаго своего брата, хотѣлъ вмѣстѣ со мной устраивать новое государство на Кавказѣ. Посредствомъ графа Орлова я надѣялась получить на то согласіе императрицы, для чего и вошла съ нимъ въ сношенія. Я питала эти надежды даже и на кораблѣ, во время пути изъ Ливорно въ Петербургъ. Могла ли я думать, что меня станутъ обвинять въ преступленіи противу императрицы, меня, столь довѣрчиво послѣдовавшую на русскій военный корабль за однимъ изъ наиболѣе преданныхъ ея величеству адмираловъ? Послѣ этого можно ли думать, чтобъ я питала какіе-нибудь враждебные замыслы противъ Россіи? Знаю, что нахожусь въ полной власти императрицы: смерть моя скоро послужитъ тому дока-

зательствомъ. Если бы меня не подвергли аресту въ Ливорно, мнѣ, при многочисленныхъ моихъ связяхъ, давно бы удалось узнать, кто сочинилъ всѣ эти духовныя завѣщанія, манифесты и другія, присланныя ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, бумаги. А теперь я должна погибнуть жертвой корыстолюбія и хитрости чуждыхъ мнѣ людей, и только по смерти моей истина откроется и невинность моя обнаружится. При слѣдствіи никто не хотѣлъ обратить вниманія на то, что гораздо ранѣе распространившихся безумныхъ толковъ о русскомъ моемъ происхожденіи, я жила и была лично извѣстна многимъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Германіи. Умоляю, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, написать къ друзьямъ моимъ, поручившимъ мнѣ самыя важныя дѣла свои, а теперь даже не знающимъ, гдѣ я и что̀ со мной дѣлается. Пусть прочитаютъ мои письма передъ ихъ отправленіемъ; я не замышляю побѣга—это воспрещаетъ мнѣ честь моя“.

„Кажется, можно бы было обходиться со мной почеловѣколюбивѣе и помилостивѣе,—писала плѣнница въ заключеніе записки.—Ложное честолюбіе никогда меня не увлекало: мнѣ равно хорошо извѣстны и большой свѣтъ и простонародье, стало-быть, нечего мнѣ было гоняться за призраками. Въ жизни моей я нерѣдко страдала и всегда была убѣждена, что возможное на землѣ счастье заключается въ одномъ спокойствіи совѣсти. И этого счастья никто не въ состояніи отнять у меня. Обо мнѣ часто судили ложно, а теперь упрекаютъ въ хитрости и во лжи, но какъ же согласить это съ тѣмъ, что я такъ слѣпо отдалась графу Орлову? Онъ меня ввергнулъ въ погибель. Я не сдѣлала ему никакого зла и отъ всего сердца прощаю его. Вполнѣ предаю себя въ волю государыни императрицы. Я круглая сирота, одна, на чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій. Только на единаго Бога возлагаю упованіе, только Онъ одинъ меня не покинулъ. Тѣмъ не менѣе я все еще надѣюсь на правоту свою и на великодушное сердце государыни императрицы, если только правда до нея доходитъ“.

XXXVII.

Князь Голицынъ не того ожидалъ отъ плѣнницы. Она обѣщала ему открыть всю истину о себѣ, обязывая даже хранить втайнѣ, что̀ онъ отъ нея узна̀етъ, и вдругъ онъ получаетъ какой-то фантастическій разсказъ о томъ, что она черкешенка, хотѣвшая основать химерическое государство на Терекѣ.

Плѣнница, говоря, что намѣрена была на Терекѣ между русскими владѣніями и землями независимыхъ горцевъ устроить подъ верховною властью Екатерины новое государство изъ нѣмецкихъ колонистовъ, кажется, желала польстить императрицѣ, подать ей выгодное о своихъ намѣреніяхъ мнѣніе и чрезъ то достигнуть свободы или, по крайней мѣрѣ, облегченія своей участи. Извѣстно, что съ самаго начала своего царствованія Екатерина заботилась о привлеченіи въ Россію поселен-

цевъ изъ Западной Европы, учредила особую „канцелярію опекунства иностранныхъ", председателемъ которой назначила князя Григорія Орлова, ассигновала большія суммы на переселеніе нѣмцевъ на берега Волги, дала имъ огромные участки превосходной земли, избавила ихъ отъ платежа податей и отъ выполненія рекрутской повинности. Переселившихся на такихъ условіяхъ въ Россію нѣмецкихъ колонистовъ въ первые три года было около ста тысячъ человѣкъ. Затѣмъ число иностранцевъ, желавшихъ переселиться на привольные берега Волги, сдѣлалось такъ значительно, что канцелярія опекунства иностранныхъ, будучи не въ состояніи удовлетворять просьбамъ объ отправленіи ихъ на казенный счетъ въ отведенныя колонистамъ мѣста, ходатайствовала у императрицы о прекращеніи на время колонизаціи. Екатерина, видя, что водвореніе колонистовъ въ юго-восточной части имперіи съ началомъ турецкой войны не можетъ продолжаться по причинѣ недостатка денежныхъ средствъ, съ сожалѣніемъ согласилась на пріостановку колонизаціи. Водвореніе нѣмцевъ въ предѣлахъ Русской имперіи съ такими правами и преимуществами, какія даровала имъ Екатерина, было, какъ оказалось впослѣдствіи, политическою ошибкой государыни. Призванные ею нѣмцы во сто лѣтъ не принесли Россіи ни малѣйшей государственной пользы, но возбудили въ окрестномъ русскомъ населеніи мысль, что правительство явно покровительствуетъ чужимъ въ ущербъ интересамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Эта мысль принесла въ свое время немало вреда. Но Екатерина не предвидѣла этого и, какъ мы сказали, съ сожалѣніемъ согласилась на временное пріостановленіе колонизаціи. Плѣнница, хорошо знавшая современныя политическія дѣла, знала, конечно, и объ этомъ. И вотъ она хватается за мысль о колонизаціи французовъ и нѣмцевъ на берега Терека, безъ издержекъ русскаго казначейства, надѣясь, что это понравится Екатеринѣ и облегчитъ, быть-можетъ, ея участь. Вѣроятно, въ томъ же смыслѣ написанъ былъ и проектъ принцессы о торговлѣ Россіи съ Азіей, который она составила еще въ Оберштейнѣ и отдала Горнштейну для отправленія русскому вице-канцлеру.

Но расчеты плѣнницы не увѣнчались успѣхомъ. Голицынъ не обратилъ особаго вниманія на новое ея показаніе. Ему теперь оставалось одно: исполняя повелѣніе императрицы, обѣщать Елизаветѣ бракъ съ Доманскимъ и даже возвращеніе въ Оберштейнъ къ князю Лимбургскому. Пріѣхавъ нарочно для того въ Петропавловскую крѣпость, онъ прежде всего отправился въ комнату, занимаемую Доманскимъ, и сказалъ ему, что бракъ его съ тою женщиной, которую зналъ онъ подъ именемъ графини Пиннебергъ, возможенъ и будетъ заключенъ хоть въ тотъ же день, но съ условіемъ.

— Съ какимъ?—живо спросилъ обрадованный Доманскій. — Я все готовъ сдѣлать, чтобы достичь счастья быть ея мужемъ. За эту цѣну я готовъ хоть навсегда оставаться заключеннымъ въ крѣпости.

— Скажите, кто она такая.

— Видить Богъ, что не знаю, кто она такая. Я бы все сказалъ, если бы зналъ.

— Кто подалъ ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Не знаю. Еще прежде, чѣмъ я узналъ ее, о ней уже всѣ говорили, что она русская великая княжна.

— Кто были участники въ ея замыслахъ?

— Не знаю. Я бы все сказалъ, но не знаю. Все, что знаю, я сказалъ, больше ничего не знаю. Но обвѣнчайте насъ, и я хоть сейчасъ дамъ подписку, что добровольно обрекаю себя на вѣчное заключенiе въ этой крѣпости, если по какимъ-либо высшимъ соображенiямъ нельзя даровать ей свободу. Я готовъ все принести въ жертву для нея, только не разлучайте насъ.

Князь Голицынъ пошелъ въ казематъ, гдѣ содержалась плѣнница. Она была такъ слаба, что не могла подняться съ постели. Фельдмаршалъ началъ разговоръ съ нею строгими упреками за то, что она обманула его: обѣщалась разсказать въ письмѣ всю истину о себѣ, а написала такой же вздоръ, какъ и прежде. Совершенно изнеможенная смертнымъ недугомъ, плѣнница не возражала, но слабымъ голосомъ клялась фельдмаршалу, что все написанное ею есть истинная правда, что она не знаетъ, кто были ея родители, и больше того, что прежде говорила и писала, по совѣсти, не можетъ ничего сказать.

— Вы католическаго исповѣданiя? — спросилъ ее князь Голицынъ.

— Да, я должна держаться этого исповѣданiя.

— Почему?

— Потому что обѣщала это *моему мужу*,—отвѣчала плѣнница.

— Мужу? Вы замужемъ? Кто же вашъ мужъ?

— Князь Филиппъ Лимбургскiй. Впрочемъ, я еще не присоединена къ римской церкви и ни разу не прiобщалась по католическому обряду.

— Почему же вы прежде хотѣли имѣть духовникомъ священника греко-восточнаго исповѣданiя?

— Въ моемъ отчаянномъ положенiи я часто не имѣю полнаго сознанiя о томъ, что говорю.

Добрѣйшiй князь Александръ Михайловичъ былъ разсерженъ неудачей своихъ разспросовъ. Онъ строго сказалъ плѣнницѣ:

— Такъ я вамъ не пришлю ни греческаго ни католическаго духовника. Слышите вы это?

— Не пришлете, такъ и не нужно,—равнодушно отвѣчала больная.

Фельдмаршалъ замолчалъ и черезъ нѣсколько времени спросилъ плѣнницу:

— Зачѣмъ же вы прежде не сказали мнѣ, что вы супруга князя Лимбургскаго?

Она не отвѣчала на это ни слова. Голицынъ опять спросилъ:

— Вы съ княземъ Лимбургомъ вѣнчались по церковному обряду?

— Мы священника не призывали,—отвѣчала плѣнница:—но князь Лимбургскій далъ мнѣ торжественное обѣщаніе жениться на мнѣ и въ видѣ залога совершилъ въ мою пользу запись на пожизненное владѣніе принадлежащимъ ему графствомъ Оберштейнъ.

— Знаетъ ли князь о вашемъ происхожденіи?

— Столько же, какъ и я сама.

— Кто же знаетъ?

— Помню, что старая моя няня Катерина въ дѣтствѣ моемъ говорила, что мой учитель ариѳметики Шмидтъ да еще маршалъ, лордъ Кейтъ, знаютъ, кто мои родители.

— Какой маршалъ Кейтъ? — спросилъ Голицынъ.

— Братъ того Кейта, который служилъ въ русской арміи во время войны противъ турокъ.

— Вы знали лично генерала Кейта?

— Нѣтъ, я его не знала, но брата его, лорда Кейта, видѣла одинъ разъ, и то мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня маленькую возили изъ Киля. Отъ Кейта я получила и паспортъ на обратный путь. Помню, что у него жила турчанка, присланная ему братомъ его изъ Очакова или съ Кавказа. Она воспитала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею взятыхъ въ плѣнъ; онѣ жили при ней и послѣ. Я видѣла ее и съ дѣвочками послѣ смерти лорда Кейта, проѣздомъ черезъ Берлинъ. Турчанка жила тогда въ Берлинѣ. Хоть я и знаю, что я не изъ числа воспитывавшихся у ней дѣвочекъ, но очень можетъ быть, что я черкешенка. Навѣрное же ничего не знаю о моихъ родителяхъ, но позвольте мнѣ написать письмо къ друзьямъ моимъ: они постараются собрать свѣдѣнія о моемъ рожденіи. Они сдѣлаютъ это.

— Это совершенно безполезно, — замѣтилъ князь Голицынъ. — Лучше васъ самихъ никто не знаетъ о вашемъ происхожденіи, только вы говорить не хотите. Но я знаю, кто вы: я имѣю явныя на то доказательства.

— Кто же я? — приподнявшись и устремя испытующій взоръ на фельдмаршала, сказала плѣнница.

— Дочь пражскаго трактирщика.

Больная вскочила съ постели и съ сильнѣйшимъ негодованіемъ вскричала:

— Кто это сказалъ? Глаза выцарапаю тому, кто осмѣлился сказать, что я низкаго происхожденія!

— Признайтесь однако, что вы провели свое дѣтство въ Прагѣ?— сказалъ князь Голицынъ.

— Никогда я тамъ не бывала,—отвѣтила плѣнница.

Силы оставили ее; она упала на постель.

Когда плѣнница нѣсколько успокоилась, князь завелъ рѣчь о Доманскомъ. Она слушала равнодушно, но когда Голицынъ сказалъ, что Доманскій

неотступно проситъ руки ея, и что, если она хочетъ, можетъ выйти за него замужъ, хоть въ тотъ же самый день, плѣнница засмѣялась.

— Этотъ жалкій человѣкъ!—сказала она насмѣшливымъ тономъ.— Да вѣдь онъ совершенно необразованъ! Вѣдь онъ порядочно не знаетъ ни одного языка! Помилуйте! Возможно ли это?

Принцесса забыла „Мосбахскаго незнакомца", забыла и то, что въ Рагузѣ подавала Доманскому большія надежды на свою руку.

Попавшій въ сваты фельдмаршалъ уговаривалъ плѣнницу не пренебрегать предложеніемъ Доманскаго, которое, при настоящемъ ея положеніи, должно считаться очень выгоднымъ.

— Я бы вамъ дозволилъ видѣться съ нимъ безъ свидѣтелей и переговорить обо всемъ, что̀ считаете нужнымъ, — сказалъ онъ ей.

Плѣнница отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она не хотѣла видѣть Доманскаго и сказала, что и въ такомъ случаѣ не могла бы выйти за него замужъ, если-бъ этотъ полякъ по своему образованію и развитію болѣе подходилъ къ ней, потому что дала клятву князю Филиппу Лимбургскому и считаетъ себя уже неразрывно съ нимъ связанною.

Тогда князь Голицынъ, во исполненіе воли императрицы, обѣщалъ плѣнницѣ отъ своего лица исходатайствовать свободу и дозволеніе отправиться къ князю Лимбургу въ Оберштейнъ, но только въ такомъ случаѣ, если она откроетъ ему свое происхожденіе.

Лучъ надежды на свободу, казалось, животворно подѣйствовалъ на больную женщину. Съ неподдѣльнымъ чувствомъ благодарила она фельдмаршала, но затѣмъ сказала, что, къ сожалѣнію, ничего не можетъ прибавить къ сказанному прежде о своемъ происхожденіи. Не вѣрила ли она обѣщанію князя Голицына, не рѣшалась ли возвратиться къ друзьямъ своимъ послѣ окончательно скомпрометировавшей ее исторіи, послѣ беременности, которая не могла остаться въ тайнѣ, опасалась ли, что они отвернутся отъ сидѣвшей въ казематѣ самозванки; близость ли смерти, которую она уже чувствовала, удерживала ее воспользоваться предлагаемою свободой? Она, впрочемъ, попросила перо и при князѣ Голицынѣ написала дополненіе къ своему сознанію, но написанныя ею свѣдѣнія были совершенно ничтожны. Она написала, что на шестомъ году отъ рожденія ее посылали изъ Киля въ Сіонъ (въ Швейцаріи), потомъ снова возвратили въ Киль черезъ область, управляемую лордомъ Кейтомъ *), что о тайнѣ рожденія ея зналъ нѣкто Шмидтъ, дававшій ей уроки, и что въ дѣтствѣ помнитъ она еще какого-то барона фонъ-Штерна и его жену, и данцигскаго купца Шумана, который платилъ въ Килѣ за ея содержаніе. „Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители, — заключила она. — Впрочемъ, я тогда мало заботилась объ этомъ, не ожидая отъ того никакой пользы".

Князь Голицынъ, прочтя это признаніе и не найдя въ немъ того, что̀

*) Ганноверъ?

надѣялся видѣть, ушелъ отъ плѣнницы, объявивъ, что она, какъ нераскаявшаяся государственная преступница, осуждается на вѣчное заключеніе въ крѣпости.

Больше онъ уже не видалъ этой несчастной женщины.

Августа 12-го онъ доносилъ императрицѣ о „безстыдномъ упорствѣ арестантки во всемъ". „Это упорство,—писалъ фельдмаршалъ:—показала она въ послѣднее со мною свиданіе, когда ни Доманскій ни она не прибавили ни слова къ даннымъ прежде показаніямъ, несмотря на то, что обоимъ обѣщаны были, казалось бы, высшія изъ земныхъ благъ, какихъ они желаютъ: ему— обладаніе прекрасною женщиной, въ которую онъ влюбленъ до безумія, ей — свобода и возвращеніе въ свое графство Оберштейнъ. Всѣ старанія арестантки,— продолжалъ князь Голицынъ: — истолковать въ свою пользу о найденныхъ у нея духовныхъ завѣщаніяхъ, возмутительномъ манифестѣ и прочихъ бумагахъ вполнѣ опровергаются тѣмъ, что они писаны ею собственноручно. Изъ показаній ея ясно только одно, что она безстыдна, безсовѣстна, лжива и зла до крайности. Всѣ мои старанія узнать отъ нея истину объ ея происхожденіи и ея сообщникахъ остались совершенно напрасными. Ничто не подѣйствовало на нее: ни увѣщанія, ни строгости, ни ограниченіе въ пищѣ, одеждѣ и вообще въ потребностяхъ жизни, ни разлученіе со служанкой, ни постоянное наконецъ присутствіе караульныхъ солдатъ въ ея комнатѣ. Впрочемъ, — заключилъ фельдмаршалъ: — можетъ-быть, эти мѣры и будутъ со временемъ въ состояніи довести ее до полнаго признанія, такъ какъ совершенное лишеніе надежды на свободу, по всей вѣроятности, не останется безъ вліянія на арестантку".

XXXVIII.

Больная оставалась въ самомъ строгомъ заключеніи. Хотя ее держали въ верхнемъ этажѣ Алексѣевскаго равелина, въ помѣщеніи сухомъ, свѣтломъ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, хотя ей давали хорошую пищу, которую готовили на комендантской кухнѣ особо отъ назначенной для другихъ арестантовъ, но лишеніе свободы разрушительно на нее подѣйствовало. Она никого не видала, кромѣ караульныхъ солдатъ, прислуживавшихъ ей, и глуповатой Франциски. Докторъ продолжалъ навѣщать ее и слѣдилъ, какъ чахотка съ каждымъ днемъ усиливается и приближаетъ смертный конецъ плѣнницы. Такъ прошли августъ, сентябрь и первая половина октября. Въ октябрѣ больная совершенно ослабѣла. Она уже не вставала съ постели, болѣзненные припадки возвращались къ ней чаще и чаще. Докторъ нѣсколько разъ увѣдомлялъ князя Голицына, что смерть быстро приближается къ плѣнницѣ.

Прошелъ ноябрь. Плѣнница разрѣшилась отъ бремени. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, обольстившій изъ усердія къ службѣ несчастную женщину, сдѣлался отцомъ. Какъ обыкновенно случается съ

женщинами, которыя страдаютъ чахоткой во время беременности, болѣзнь сильнѣе овладѣла плѣнницей послѣ разрѣшенія. Смерть была близка. Что̀ чувствовала мать при взглядѣ на рожденнаго младенца? Со словъ Гельбига, мы уже упомянули о судьбѣ ея сына.

Ноября 30-го больная находилась уже въ такомъ положеніи, что каждую минуту ожидали ея послѣдняго вздоха. Она едва могла сказать доктору, что желаетъ видѣть священника и приготовиться къ смерти. Докторъ передалъ желаніе умирающей фельдмаршалу.

Руководствуясь прежнимъ повелѣніемъ государыни, онъ призвалъ къ себѣ священника Казанскаго собора Петра Андреева, умѣвшаго говорить по-нѣмецки. Подъ страхомъ смертной казни и взявъ со священника клятвенное обѣщаніе, что онъ вѣчно будетъ молчать о всемъ, что̀ увидитъ и о чемъ услышитъ, князь Голицынъ разсказалъ ему о плѣнницѣ и поручилъ постараться довести ее на исповѣди до раскаянія и полнаго признанія въ томъ, кто она такая въ дѣйствительности, кто подалъ ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны, и кто были сообщниками въ ея замыслахъ.

Больная съ радостью приняла священника. Началась исповѣдь, и плѣнница сказала духовнику:

— Я крещена по обряду греко-восточной церкви. Объ этомъ я слыхала въ Килѣ отъ воспитывавшихъ меня до девятаго года моего возраста. Съ тѣхъ поръ я жила въ разныхъ государствахъ, между прочимъ, въ Англіи и Франціи, потомъ получила въ собственность графство Оберштейнъ въ Германіи и жила тамъ. Позже провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Рагузѣ, оттуда поѣхала въ Римъ, затѣмъ въ Пизу, приглашена графомъ Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорно, посажена на русскій корабль, привезена въ Петербургъ и посажена въ крѣпость.

— Гдѣ же вы родились и кто ваши родители?—спросилъ духовникъ.

— Богъ свидѣтель—не знаю,—отвѣчала умирающая.

Затѣмъ говорила она духовнику, что хотя крещена по греко-восточному обряду и потому считаетъ себя принадлежащею къ православной церкви, но до сихъ поръ еще ни разу не исповѣдывалась и не причащалась. Греко-восточнаго катехизиса не учила и о христіанскомъ законѣ узнала только то, что̀ вычитала въ библіи и въ нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ духовнаго содержанія. Но она вѣруетъ въ Бога, во св. Троицу и нимало не сомнѣвается въ непреложныхъ истинахъ символа вѣры.

Духовникъ сталъ увѣщевать плѣнницу съ полнымъ раскаяніемъ сознаться во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ противъ государыни и въ томъ, что она выдавала себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны.

— Свидѣтельствую Богомъ, что никогда я не имѣла намѣреній, которыя мнѣ приписываютъ, никогда сама не распространяла о себѣ слуховъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

Духовникъ спросилъ о сообщникахъ, о томъ, откуда у нея появились

духовныя завѣщанія Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, возмутительный манифестъ къ русской эскадрѣ, письма къ султану и другіе документы, о которыхъ священникъ предварительно узналъ отъ князя Голицына.

— Все это получено мной отъ неизвѣстнаго лица при анонимномъ письмѣ.

— Вы стоите на краю могилы, — сказалъ священникъ: — вспомните о вѣчной жизни и скажите мнѣ всю истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда предъ самимъ Всевышнимъ Богомъ, — сказала она: — увѣряю васъ, что все, что̀ ни говорила я князю Голицыну, что̀ ни писала къ нему и къ императрицѣ, — правда. Прибавить къ сказанному мною ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у васъ соучастники?

— Никакихъ соучастниковъ... не было... потому что... и преступныхъ замысловъ... мнѣ приписываемыхъ... не было.

Она не могла больше говорить. Случился сильный припадокъ. Когда онъ миновалъ, плѣнница едва слышнымъ голосомъ сказала священнику, что она чувствуетъ себя чрезвычайно слабою для продолженія исповѣди, проситъ помолиться за нее и посѣтить на другой день.

Священникъ былъ у нея и на другой день (2-го декабря). Исповѣдь началась снова. Плѣнница глубоко раскаивалась, что огорчала Бога грѣховною своею жизнью, что съ ранней юности постоянно жила въ тѣлесной нечистотѣ, часто отдавалась то одному мужчинѣ, то другому, что чувствуетъ себя великою грѣшницей, жившей противно заповѣдямъ Господнимъ. По разрѣшеніи сихъ грѣховъ, духовникъ возобновилъ вчерашнія увѣщанія, чтобъ умирающая сказала всю истину объ ея происхожденіи и замыслахъ противъ императрицы и указала на тѣхъ, кто внушилъ ей мысль назваться русскою великою княжной и кто былъ соучастникомъ въ ея замыслахъ. Больная опять сказала, что сама не знаетъ о своемъ происхожденіи и, не имѣвъ никакихъ преступныхъ замысловъ противъ Россіи и императрицы Екатерины, не имѣла и сообщниковъ. Она говорила все слабѣе и слабѣе; священникъ наконецъ не могъ понимать словъ умирающей. Началась агонія.

Онъ оставилъ ее, не удостоивъ святого причастія.

На другой день (3-го декабря) князь Голицынъ доносилъ императрицѣ, что и посредствомъ самой исповѣди не удалось исторгнуть полнаго признанія отъ умирающей самозванки. Донесеніе священника было также отправлено къ императрицѣ. Фельдмаршалъ писалъ также государынѣ, что по отзывамъ доктора и священника смерть самозванки должна послѣдовать черезъ нѣсколько часовъ, почему онъ и отдалъ приказаніе зарыть ее въ самомъ равелинѣ, чтобы ни поляки, съ нею посаженные, ни камердинеры, ни Франциска фонъ-Мешеде не могли узнать, что̀ сталось съ нею.

Агонія продолжалась долго, болѣе двухъ сутокъ. Въ семь часовъ пополудни 4-го декабря 1775 года плѣнница испустила послѣдній вздохъ, унося въ могилу тайну своего рожденія, если только она знала ее.

На слѣдующій день солдаты, безсмѣнно стоявшіе при ней на часахъ, вырыли въ Алексѣевскомъ равелинѣ глубокую яму и тайно зарыли въ нее трупъ плѣнницы. Никакихъ погребальныхъ обрядовъ совершено не было.

Декабря 7-го князь Голицынъ донесъ императрицѣ о смерти „всклепавшей на себя имя“.

XXXIX.

Къ новому 1776 году императрица возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ. Возвратились дворъ и высшія правительственныя лица, въ числѣ ихъ и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій. Ему, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, поручено было кончить въ тайной экспедиціи дѣло о „всклепавшей на себя имя“, или, точнѣе сказать, дѣло о сопровождавшихъ ее арестантахъ.

Смертью загадочной женщины, тайну рожденія которой, несмотря на всѣ старанія князя Голицына, открыть не могли, дѣло собственно и оканчивалось. Князь Радзивилъ, въ это время уже находившійся въ ладахъ съ королемъ Понятовскимъ и тѣмъ возвратившій себѣ благоволеніе Екатерины, спокойно жилъ въ своемъ Несвижѣ *), пользуясь невозбранно громадными доходами съ своихъ литовскихъ мастностей. Онъ, по обыкновенію, окружилъ себя огромною свитой прихлебателей, хвастался и безнаказанно лгалъ передъ ними, охотился съ магнатами, а иногда и съ ксендзами, на медвѣдей, бражничалъ съ боготворившею его шляхтой, перебранивался съ виленскимъ римско-католическимъ епископомъ, отъ времени до времени дѣлалъ свойственныя ему одному эксцентрическія выходки **), задавалъ баснословно роскошные праздники и совершенно бросилъ политическіе замыслы, которые обошлись ему недешево. Конечно, новая жизнь его въ Несвижѣ была не такова, какъ до Барской конфедераціи, когда „пане коханку“ съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства говаривалъ: „Król sobie królem w Krakowie, a ja w Neswiżu“. Вооруженныя укрѣпленія его города были уничтожены русскими еще въ 1768 г., и Радзивилъ не смѣлъ возобновлять ихъ, но все же богатства его были огромны, и онъ могъ доживать свой вѣкъ

---

*) Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда.

**) Такъ, однажды, во время бала, на который съѣхалось въ Несвижъ множество гостей, князь Радзивилъ сказалъ, что завтра будетъ зима... А дѣло было въ жаркую лѣтнюю пору. Поутру гости его увидали, что дѣйствительно снѣгъ покрылъ землю. Поданы были сани, и «пане коханку» съ гостями проѣхалъ по снѣгу изъ замка до костела, несмотря на то, что солнце палило. Оказалось, что онъ за ночь приказалъ усыпать дорогу солью.

спокойно и съ полною возможностью тѣшить обычный нравъ свой *). Михаилъ Огинскій также прекратилъ тайную вражду свою съ королемъ и пользовался благоволеніемъ императрицы Екатерины: строилъ знаменитый, названный именемъ его каналъ, соединяющій Нѣманъ съ Припятью, и нерѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Польскіе магнаты, іезуиты и другіе люди, невидимо направлявшіе хитро придуманною интригою и выведшіе на политическую арену несчастную женщину, конечно, и не вспоминали болѣе о ней. Ничего не знали, что̀ случилось съ принцессой Владимірскою, ея друзья въ Парижѣ, въ Трирѣ, въ Оберштейнѣ. Дѣло о ней хранилось въ строжайшей тайнѣ, особенно отъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, напримѣръ, баронъ Сакенъ, польскій резидентъ при дворѣ Екатерины, только 8-го іюня 1775 года, то-есть почти черезъ мѣсяцъ, доносилъ въ Парижъ, что адмиралъ Грейгъ привезъ въ Кронштадтъ женщину, называвшую себя русскою великою княжной, и не ранѣе половины февраля 1776 года, то-есть черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ смерти плѣнницы, писалъ, что *сумасшедшая*, такъ-называемая принцесса Елизавета, вскорѣ послѣ того, какъ привезена въ Петербургъ, отправлена будто бы въ Шлиссельбургскую крѣпость и тамъ умерла 14-го февраля отъ болѣзни.

Долго ли тосковалъ по очаровательной Алинѣ искренно любившій ее князь Филиппъ Лимбургъ, вспоминали ли о ней другіе ея обожатели— не знаемъ. Но кредиторы денегъ не получили.

О спутникахъ принцессы, 13-го января 1776 года, въ тайной экспедиціи фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ и генералъ-прокуроромъ

---

*) По возвращеніи въ Несвижъ «пане коханку» однажды на охотѣ расхвастался не въ мѣру, по своему обыкновенію. Шляхтичъ Бродовскій, котораго князь Радзивилъ очень жаловалъ, замѣтилъ несообразность его разсказовъ и безъ церемоніи назвалъ ихъ ложью. «Пане коханку» разсердился и при многочисленныхъ участникахъ охоты далъ пріятелю своему полновѣсную пощечину. Бродовскій кинулся-было на своего патрона съ ножомъ, но его удержали. Оскорбленный подалъ жалобу въ трибуналъ, но польскіе судьи, постоянно отличавшіеся не только подкупностью, но и безкорыстною подлостью передъ магнатами, не признавали Радзивила виноватымъ. Тяжба продолжалось долго, и бѣднякъ Бродовскій дошелъ до крайности. Узнавъ, что въ Несвижскомъ за̀мкѣ назначенъ блистательный праздникъ, Бродовскій разодѣлся и явился въ залахъ Радзивила во время самаго разгара бала. Увидавъ незванаго гостя, Радзивилъ съ изумленіемъ подошелъ къ нему и спросилъ:—«Что̀ это значитъ, пане коханку? Зачѣмъ вы пожаловали ко мнѣ?» Толпа магнатовъ, шляхтичей, дамъ окружила бывшихъ друзей.—«Я пришелъ къ вашей княжеской милости, — громогласно отвѣчалъ Бродовскій: — сказать вамъ, кто самые пошлые дураки во всемъ свѣтѣ. Ихъ двое: первый дуракъ — ваша княжеская милость, а второй — я. Ясновельможный князь дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ русскою императрицей, а я дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ вашею княжескою милостью». Такое сравненіе съ Екатериной очень польстило князю Радзивилу, и онъ обнялъ стараго своего пріятеля. Дружескія отношенія ихъ возобновились.

княземъ Вяземскимъ поставленъ былъ слѣдующій приговоръ: „Принимая въ уваженіе, что нельзя доказать участія Чарномскаго и Доманскаго въ преступныхъ замыслахъ самозванки, ни въ чемъ не сознавшейся, что они оставались при ней скорѣе по легкомыслію и *не зная намѣреній* обманщицы, къ тому же Доманскій былъ увлеченъ и страстью къ ней, положено слѣдствіе объ обоихъ прекратить. Хотя они уже за то, что слѣдовали за преступницей, вполнѣ заслуживали бы быть сосланными въ вѣчное заточеніе, но имъ вмѣняется въ достаточное наказаніе долговременное заключеніе, и они отпускаются въ свое отечество съ выдачею имъ вспомоществованія *по сту рублей* каждому и подъ клятвою вѣчнаго молчанія о преступницѣ и своемъ заключеніи".

Такимъ образомъ и теперь, при рѣшеніи участи Чарномскаго, не было обращено должнаго вниманія на принадлежавшія ему бумаги польской генеральной конфедераціи. А въ числѣ ихъ были очень важныя, напримѣръ, манифесты конфедераціи противъ раздѣла Польши 1772 года, подлинныя письма конфедераціи къ султану и визирю, турецкіе паспорты ея агентамъ, многія польскія письма. И графъ Орловъ, и фельдмаршалъ князь Голицынъ, и всѣ другіе полагали, какъ видно, что онѣ принадлежатъ самой плѣнницѣ, и напрасно добивались отъ нея признанія относительно ихъ. Она не выдала Чарномскаго. А вѣроятнѣе всего то, что слѣдователи не хотѣли поднимать затухшаго, какъ казалось тогда, польскаго дѣла и тревожить покой ясновельможныхъ пановъ, въ родѣ „пане коханку". И странно кажется теперь, что тайная экспедиція, имѣя подъ руками всѣ бумаги, вполнѣ положилась на показанія Чарномскаго и Доманскаго. Ихъ показанія о причинахъ, побуждавшихъ ихъ слѣдовать за принцессой изъ Рагузы въ Италію, за исключеніемъ развѣ страстной любви Доманскаго, съ перваго же взгляда представляются не заслуживающими вѣроятія. Трудно допустить, чтобы такой замѣтный въ польской конфедераціи дѣятель, какъ Чарномскій, поѣхалъ съ принцессой въ Римъ и забылъ возложенныя на него конфедераціей порученія единственно изъ дружбы къ пріятелю и изъ желанія посмотрѣть на Римъ, гдѣ на этотъ разъ и папы нельзя было видѣть. Самъ же онъ говорилъ, что, въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Рагузѣ, французскій консулъ предостерегалъ его относительно принцессы, говоря, что ей не слѣдуетъ вѣрить. И что же? Онъ, какъ самъ говоритъ, пересталъ вѣрить, что она русская великая княжна, а между тѣмъ, имѣя при себѣ офиціальныя письма конфедераціи, имѣя на рукахъ важныя дѣла, которыя безотлагательно долженъ былъ исполнить, ни съ того ни съ сего поѣхалъ вслѣдъ за женщиной, которую считалъ искательницей приключеній, и остался при ней до самаго арестованія. Если принцесса и выманила у него черезъ Доманскаго деньги, безъ которыхъ онъ не могъ ѣхать въ Константинополь, отчего же не отправился онъ въ Верону къ графу Потоцкому съ повинною головой? Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній изъ поляковъ, проматывавшихъ обще-

ственныя деньги конфедераціи и въ болѣе значительныхъ суммахъ. Если бы Чарномскій явился къ графу Потоцкому, этотъ пожурилъ бы его, быть-можетъ, раскричался бы, быть-можетъ, досталось бы и шляхетной спинѣ Чарномскаго (примѣры тому бывали), но ни въ какомъ случаѣ не выдалъ бы агента конфедераціи на жертву случайностей, которымъ тотъ неминуемо подвергался въ обществѣ искательницы приключеній, которая вела столь опасную игру.

Столь же невѣроятно и показаніе Доманскаго, что желаніе видѣть Римъ побудило его сопровождать самозванку. Не обращено было при слѣдствіи вниманія и на противорѣчіе его: то онъ говорилъ, что поѣхалъ изъ Рагузы вслѣдъ за графиней Пиннебергъ съ цѣлью получить съ нея 800 червонцевъ, которые она заняла у него, то утверждалъ, что, получивъ ея приказаніе ѣхать въ Италію, радъ былъ воспользоваться случаемъ посѣтить на ея счетъ Римъ. Но какъ бы то ни было, и Чарномскій и Доманскій, по рѣшенію тайной экспедиціи, были отправлены въ Польшу. За всѣхъ пострадала одна „всклепавшая на себя имя“, хотя на краю гроба, на тайнѣ исповѣди, будучи уже едва въ состояніи говорить, она настоятельно, именемъ самого Бога, увѣряла, что сама никогда не разглашала о царственномъ своемъ происхожденіи.

Не знаемъ, что̀ сталось съ Чарномскимъ и Доманскимъ по ихъ освобожденіи. Въ мартѣ 1776 года они были выпровождены изъ Петербурга за границу вмѣстѣ съ камердинерами Рихтеромъ и Лабенскимъ. Болѣе года пробыли они подъ арестомъ на кораблѣ и въ Петропавловской крѣпости.

О камеръ-медхенъ принцессы тайная экспедиція того же 13-го января 1776 года постановила: „умственная слабость Франциски фонъ-Мешеде не допускаетъ никакого подозрѣнія въ ея сообщничествѣ съ умершею, посему отвезти ее за границу, и такъ какъ она не получала жалованья отъ обманщицы, находится въ бѣдности, а между тѣмъ дворянскаго происхожденія, то отдать ей старыя вещи покойницы и *полтораста рублей* на дорогу“. Тотчасъ же она была отвезена въ Ригу, откуда отправлена въ Пруссію, ея отечество.

Камердинеровъ Рихтера и Лабенскаго, находившихся при Доманскомъ и Чарномскомъ, а также служителей самой принцессы, Кальтфингера, Маркезини и Анчіотти, тайная экспедиція опредѣлила выслать за границу, давъ каждому по *пятидесяти рублей*, но съ тѣмъ, чтобъ они дали клятву до смерти своей не сказывать никому, что̀ съ ними происходило и за что они содержались въ Петропавловской крѣпости. Кальтфингеръ и оба итальянца были отправлены изъ Петербурга въ Ригу, а оттуда за границу, въ январѣ 1776 г., вмѣстѣ съ Франциской фонъ-Мешеде.

XL.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Осталась одна безвѣстная могила въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ которую солдаты тайно опустили трупъ загадочной женщины и закидали его мерзлою землей.

Въ 1826 году, когда въ Петропавловской крѣпости содержались участники происшествія 14-го декабря 1825 года, близъ Алексѣевскаго равелина, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, находилась насыпь. Старожилы крѣпости сказывали, что это могила княжны Таракановой *), то-есть, какъ теперь оказывается, самозванки Таракановой.

Съ какимъ секретомъ ни содержали захваченную графомъ Орловымъ женщину, какою таинственностью ни окружили смерть ея и погребеніе, но несмотря на то еще въ царствованіе Екатерины разнеслись по Петербургу и оттуда пошли по другимъ мѣстамъ слухи, будто въ Петропавловской крѣпости уморили „дочь императрицы Елизаветы Петровны". Правду сказалъ баронъ Сакенъ, донося польскому правительству: „мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, и я положительно знаю, что смерть сумасшедшей, такъ-называемой принцессы Елизаветы, послѣдовала совершенно естественно, но, вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію разныхъ слуховъ". Гельбигъ, жившій въ то время при саксонскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, также говоритъ, что смерть плѣнницы послѣдовала послѣ кратковременной болѣзни въ 1776 году и *возбудила разныя подозрѣнія.*

Прошло два года по смерти такъ-называемой принцессы Елизаветы. Въ 1777 году случилось сильное наводненіе въ Петербургѣ, большее, чѣмъ въ 1824 году. Казематы Петропавловской крѣпости были залиты. Послѣ этого стали разсказывать, будто заточенную „княжну Тараканову" не вывели изъ каземата, или не хотѣли вывести, и она утонула. Со временемъ этотъ слухъ вполнѣ утвердился, хотя, какъ оказывается, бѣдная плѣнница содержалась въ верхнихъ отдѣленіяхъ Алексѣевскаго равелина, куда во время наводненія вода достигнуть не могла, и хотя она умерла въ своемъ заключеніи двумя годами раньше наводненія...

Прошелъ еще годъ или два. Въ Алексѣевскій равелинъ посаженъ былъ одинъ авантюристъ, по фамиліи Винскій. Это былъ небогатый дворянинъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи, а потомъ служившій сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Вовлеченный въ одно политическое дѣло, онъ былъ арестованъ съ нѣсколькими другими гвардейскими офицерами. Сначала его содержали въ Петропавловской крѣпости, а потомъ сослали на житье въ Оренбургъ, гдѣ онъ и прожилъ больше тридцати лѣтъ и прощенъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ. Винскій велъ записки обо всемъ видѣнномъ имъ и слышанномъ. Эти любопытныя записки находились въ рукахъ покойнаго Александра Ивановича Тургенева и нѣсколько разъ читались въ небольшомъ обществѣ.

Въ своихъ запискахъ Винскій говоритъ, что, когда арестованные съ нимъ одни были легко оштрафованы, а другіе — прощены, его, какъ не имѣвшаго ни связей ни протекціи, оставили въ крѣпости и улучили

---

*) Ср. «Русскій Архивъ» 1865 г., № 1, стр. 93.

его положеніе въ томъ лишь отношеніи, что перевели снизу вверхъ, изъ душнаго, темнаго каземата въ Алексѣевскій равелинъ, въ свѣтлое помѣщеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ. Винскій отъ-нечего-дѣлать смотрѣлъ и, можно сказать, изучалъ все, что̀ находилъ въ новомъ своемъ жилищѣ. Стоя у окна, онъ замѣтилъ, что на стеклѣ нацарапаны алмазомъ слова: „*o mio Dio!*“. Винскій, конечно, заинтересовался этою надписью и, когда сторожъ, давно служившій при этомъ отдѣленіи, принесъ ему пищу, спросилъ его, кто прежде содержался въ этихъ комнатахъ и кто бы могъ написать на стеклѣ итальянскія слова?

— Некому другому написать этихъ словъ, — отвѣчалъ сторожъ:— кромѣ барыни, которая до васъ здѣсь сидѣла. Она была привезена откуда-то издалека. Была молода, собой красавица и, должно-быть, знатнаго рода, потому что ей прислуживали и за ней ухаживали не какъ за простою арестанткой. Прислуги у ней было много, кушанье ей носили хорошее, съ комендантской кухни. Вскорѣ послѣ того, какъ ее здѣсь помѣстили, пріѣзжалъ къ ней самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, долго и громко она говорила съ нимъ, такъ что изъ коридора можно было слышать все отъ слова до слова. Она очень сердилась на графа, кричала и, должно-быть, бранила его за что-то, даже топала ногами. О чемъ они говорили, понять было нельзя, потому что барыня по-русски не умѣла, и они разговаривали на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Графъ уѣхалъ и послѣ того болѣе не пріѣзжалъ. А ее привезли беременную, и она здѣсь родила. Что̀ было съ ней потомъ — не знаю. Я тогда отпросился къ роднымъ въ побывку, и когда послѣ отпуска воротился къ своему мѣсту, здѣшнее отдѣленіе было пусто. Оно оставалось пустымъ до сихъ поръ*).

---

*) «Сѣверная Пчела» 1860 г., № 53.

ПРЕДАНІЯ О СУДЬБѢ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ ТАРАКАНОВОЙ.

Въ № 6-мъ „Русской Бесѣды“ 1859 г. помѣщены любопытные матеріалы *о Елизаветѣ Алексѣевнѣ Таракановой*, а въ № 24 „Русскаго Вѣстника“ не менѣе интересная статья М. Н. Лонгинова объ этой загадочной женщинѣ и не менѣе загадочной судьбѣ ея. Въ этой статьѣ, между прочимъ, сказано: „Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Тараканова кончила дни свои въ Россіи. Но гдѣ и какъ? Есть извѣстіе, что она умерла послѣ кратковременной болѣзни въ 1776 году, и что смерть ея возбудила разныя подозрѣнія (Helbig „Russische Günstlinge“, Tübingen 1809, стр. 251). Другое преданіе говоритъ, что она потонула въ своей темницѣ, во время извѣстнаго наводненія 11-го декабря 1777 года (Castéra, „Histoire de Catherine II“. Paris, an VIII, ч. II, стр. 88). Изустныя преданія указываютъ на погребеніе ея въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ друзей, сколько помнимъ, говорилъ намъ, что нашелъ въ какой-то церкви въ Москвѣ надгробный памятникъ съ именемъ Таракановой, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ теперь навести нужныя справки“.

Для разъясненія дѣла о судьбѣ ея, разскажемъ еще преданія, имѣющія много сходнаго съ преданіями, приведенными М. Н. Лонгиновымъ, и притомъ подкрѣпляемыя отчасти надгробнымъ памятникомъ не въ Новодѣвичьемъ, а въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ этомъ родовомъ кладбищѣ бояръ Романовыхъ и ихъ родственниковъ.

Взятая въ Ливорно Орловымъ-Чесменскимъ и привезенная адмираломъ Грейгомъ въ маѣ 1775 года въ Кронштадтъ, Тараканова была признана сумасшедшею и посажена въ Петропавловскую крѣпость. Говорятъ, что императрица Екатерина видѣлась съ Таракановой и долго говорила съ ней наединѣ. Что̀ говорили онѣ—осталось для всѣхъ тайною. Между тѣмъ предпріятіе Мировича, освободить изъ Шлиссельбургской крѣпости Іоанна Антоновича (1764 г.), внушило Екатеринѣ крайнюю осторожность противъ претендентки Таракановой. Ее тайно пере-

везли въ Шлиссельбургъ, а оттуда, въ 1775 году, въ Москву. Между тѣмъ случилось въ Петербургѣ извѣстное наводненіе 11-го декабря 1777 года, во время котораго казематы Петропавловской крѣпости были совершенно затоплены. Вслѣдствіе этого былъ распущенъ слухъ, что, во время наводненія, въ суматохѣ, забыли вывести сумасшедшую Тараканову въ безопасное мѣсто, и что она потонула въ своемъ заключеніи. Такой слухъ, надо полагать, былъ распущенъ собственно для того, чтобы отвратить всякую возможность повторенія Мировичевой попытки. Враги Екатерины, и именно поляки, противные Станиславу Понятовскому, съ цѣлью представить императрицу въ невыгодномъ свѣтѣ, распустили въ Европѣ другой слухъ, проникшій и въ Россію: говорили, будто бы Тараканова замурована въ стѣнѣ царскосельскаго дворца. Но это положительно несправедливо. Привезенная въ 1785 году изъ Шлиссельбурга въ Москву, она была, по повелѣнію Екатерины, помѣщена въ Ивановскій женскій монастырь *), который, по указу императрицы Елизаветы Петровны, отъ 20-го іюня 1761 года, предназначенъ былъ для призрѣнія вдовъ и *сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей.* Здѣсь Тараканова, будучи сорока лѣтъ, была пострижена въ монашество и получила имя Досиѳеи. Она, во все время двадцатипятилѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, жила въ особыхъ обширныхъ помѣщеніяхъ, но никто у нея не бывалъ, кромѣ игуменьи и духовника. Чрезвычайно рѣдко выходила она въ самую церковь, и въ такомъ случаѣ духовникъ для нея одной совершалъ богослуженіе, во время котораго церковь оставалась запертою *снаружи*, чтобы никто не могъ, войдя въ нее, увидѣть *секретную монахиню.* На содержаніе ея отпускались особыя суммы; она никогда не бывала въ общей трапезѣ, имѣла особый столъ, обильный и изысканный. Видѣвшіе ее случайно говорили, что Досиѳея была не очень высокаго роста, но чрезвычайно стройна и, несмотря на лѣта и долговременное заключеніе, сохраняла на лицѣ остатки рѣдкой красоты. Умерла она 4-го февраля 1810 года, шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, предавшись въ послѣдніе годы жизни совершенному аскетизму. Разсказываютъ, будто бы доживавшій въ Москвѣ дни свои чесменскій герой, взявшій Тараканову въ Ливорно, никогда не ѣздилъ мимо Ивановскаго монастыря, а если нужно было ѣхать мимо, то всегда дѣлалъ крюкъ. Разсказываютъ еще, что когда умерла инокиня Досиѳея, то на богатыя и даже великолѣпныя ея похороны, въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ, явился главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской, которая, если справедливо происхожденіе Таракановой отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, приходилась ей двоюродною сестрою. Вмѣстѣ съ Гудовичемъ были на похоро-

*) Нынѣ церковь Іоанна Предтечи, Мясницкой части, между Солянкой и Ивановскимъ переулкомъ. Монастырь упраздненъ послѣ пожара 1812 г. Въ кельяхъ его помѣщены чиновники и рабочіе синодальной типографіи.

нахъ многіе московскіе вельможи того времени, особенно старики екатерининскаго времени. Отпѣвалъ Досиѳею самъ епископъ дмитровскій Августинъ, управлявшій тогда московскою епархіею по престарѣлости митрополита Платона; съ нимъ въ сослуженіи было все знатнѣйшее московское духовенство. Досиѳею похоронили въ Новоспасскомъ монастырѣ, этой древней усыпальницѣ бояръ Романовыхъ и ихъ родственниковъ по мужской и женской линіямъ. Г. Мартыновъ, передающій нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь преданій въ своей „Русской Старинѣ", говоритъ слѣдующее: „На дикомъ камнѣ, покрывающемъ ея могилу, у восточной ограды, подъ № 97, прочтете слѣдующую надпись: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монастырѣ двадцать пять лѣтъ, а скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года. Боже, всели ее въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ!" Портретъ ея хранится въ настоятельскихъ кельяхъ („Русская Старина" II, стр. 87).

По надписи на могилѣ Досиѳеи выходитъ, что она родилась въ 1745 или 1746 году. Но по приводимымъ М. Н. Лонгиновымъ извѣстіямъ выходитъ, что по Кастера Тараканова родилась въ 1755 году и была дочерью Разумовскаго, а Гельбигъ свидѣтельствуетъ, что она родилась въ 1753 году и происходила отъ Ив. Ив. Шувалова. Сличая эти показанія, М. Н. Лонгиновъ признаётъ показаніе Гельбига болѣе вѣрнымъ и считаетъ Тараканову, рожденную въ 1753 или 1755 году, дочерью Шувалова, на томъ основаніи, что ранѣе 5-го сентября 1749 года она не могла сдѣлаться его дочерью. Если же она родилась въ 1746 году, то безспорно она дочь отъ тайнаго брака Разумовскаго, какъ и называютъ ее всѣ сохранившіяся въ Россіи объ ней преданія, какъ называла себя и сама она польскому министру маркизу Античи („Русская Бесѣда" 1859 г., № 6, стр. 65). Притомъ, если Тараканова родилась въ 1755 году, то въ февралѣ 1775 года, когда была взята Орловымъ, ей было девятнадцать или двадцать лѣтъ. Приключенія же ея начались съ 1767 или 1768 года, когда извѣстный panie kochanku, князь Кароль Радзивилъ, привезъ ее въ Венецію; въ это время,—замѣчаетъ М. Н. Лонгиновъ,—*сдѣлалась она совершеннолѣтнею.* Но въ 1767 году Тараканова была несовершеннолѣтнею: по Гельбигу было ей тогда четырнадцать, а по Кастера только двѣнадцать лѣтъ. Какое же тутъ совершеннолѣтіе? Если же она родилась въ 1746 году, какъ видно изъ надгробной надписи Досиѳеи, то именно въ 1767 году ей дѣйствительно по русскимъ законамъ исполнилось совершеннолѣтіе—двадцать одинъ годъ.

По случаю заключенія Таракановой въ Ивановскомъ монастырѣ, нѣкоторые смѣшиваютъ *секретную монахиню Досиѳею* съ извѣстною личностью Дарьи Николаевны Ивановой, родившейся въ 1730 году, бывшей замужемъ за гвардіи ротмистромъ Глѣбомъ Алексѣевичемъ

Салтыковымъ и во время вдовства своего сдѣлавшейся извѣстною и до сихъ поръ памятною въ преданіяхъ народа подъ страшнымъ именемъ *Салтычихи*. Она, за невообразимыя звѣрскія преступленія, и въ томъ числѣ за людоѣдство, по указу Екатерины II, 1768 года іюня 12-го, въ которомъ императрица назвала ее мужчиною на томъ основаніи, что въ женскомъ полѣ такой извергъ невозможенъ, прислана была *въ затворъ* въ Ивановскій же монастырь. Дѣйствительно, Салтычиха содержалась пятнадцать лѣтъ въ одномъ монастырѣ съ Досиѳеей Таракановой (съ 1785 по 1800), но между этими двумя женщинами не было ничего общаго, кромѣ таинственности ихъ содержанія. Салтычиха была заложена въ застѣнокъ въ 1768 г., жила въ немъ тридцать два года, умерла въ 1800 году и похоронена не въ Новоспасскомъ, а въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ и до сихъ поръ видна могила этой страшной женщины.

О томъ, кто такой былъ Елпидифоръ Перфильевичъ и какія приготовленія дѣлались въ Черноградѣ къ его именинамъ.

(Начало повѣсти, которая, можетъ-быть, будетъ окончена, а можетъ-быть, и не будетъ).

Какая суматоха была у Елпидифора Перфильевича, исправника въ Черноградскомъ уѣздѣ, ...ской губерніи. Ужъ именно суета суетствій! Господи Твоя воля! Чистятъ, моютъ, дворъ метутъ, крыльцо скоблятъ, ну, всякая суета да и только! Да какъ и не суетиться: вѣдь Елпидифоръ Перфильевичъ сегодня именинникъ! Шутка! Самъ Елпидифоръ Перфильевичъ именинникъ, слышите ли? Самъ исправникъ, не то чтобы теща его Матрена Елистратовна. Нѣтъ, тутъ будетъ пиръ на весь міръ, да какой еще пиръ-то, вотъ увидите. Недаромъ же суета распространилась по всему Чернограду: вся уѣздная аристократія мылась, брилась, чистилась, причесывалась, а все это для чего? Для того, чтобы не зазорно было показаться къ исправнику въ гости, онъ вѣдь не свой братъ — политику знаетъ, всякія моды произошелъ и у губернатора разъ обѣдалъ. Да! Отъ этого-то въ одномъ домѣ горничныя дѣвки хлопотали вокругъ платьевъ и чепцовъ для барыни и барышень, въ другомъ устарѣлый *человѣкъ* наводилъ ворсу на полинялый фракъ своего холостяка-барина. Онъ, то-есть не баринъ, а фракъ его, былъ снова синій, сукно, знать, рублевъ десять за аршинъ плачено, коли не больше. Славное сукно было — нѣтъ, ужъ теперь такого не увидите, не дѣлаютъ, а въ старину-то что̀ это за сукна были?.. Ну, да что̀ я? Заговорился, виноватъ! О чемъ, бишь, я говорилъ? Да, о фракѣ. Фракъ, изволите видѣть, снову-то былъ синій, а теперь цвѣта, какъ бы его назвать, ну, сомнительнаго цвѣта... Нѣтъ, все не о томъ я говорилъ, — да, о суетѣ въ городѣ. Такъ! Во всѣхъ домахъ, гдѣ только были горшки съ розанелью и крашеныя подставки на окнахъ, суматоха была непомѣрная. Да какъ и не быть суматохѣ: я ужъ сказалъ, что пиръ на славу, вина привезены изъ губернскаго города, изъ трактира взятъ на вечеръ орга̀нъ;

рисовальный учитель придетъ съ гитарой. Это значитъ—будутъ танцы; но главное, главное то, что нѣсколько офицеровъ Б...скаго резервнаго батальона, стоявшаго въ уѣздѣ на зимнихъ квартирахъ, пріѣдутъ къ исправнику. Военные офицеры! Да это чудо въ уѣздномъ городѣ! Шутка! Съ эполетами! Какъ же, опять я скажу, не быть суматохѣ въ Черноградѣ, въ которомъ даже мундиръ инвалиднаго командира всѣмъ въ диковинку. Да, въ Черноградѣ вотъ еще какія оказіи бываютъ: лѣтъ пятнадцать тому назадъ приходитъ въ отпускъ гвардейскій солдатъ. Вотъ потѣха-то! Всѣ останавливаются передъ нимъ на улицахъ, мальчишки такъ и бѣгутъ, а барыни съ барышнями дальше пояса изъ окошекъ высовываются. Секретная лѣтопись Чернограда прибавляетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ даже приглашали его къ себѣ, такъ, запросто, чтобы полюбоваться на него, посмотрѣть на киверъ, на мундиръ. Впрочемъ, вѣдь вы читали, я думаю, что никакимъ лѣтописямъ нынче не вѣрятъ, а тѣмъ больше секретнымъ. Ахъ, ужъ мнѣ эти секретныя лѣтописи! Если бы я писалъ законы, я бы строжайше ихъ запретилъ. Что онѣ? Только семейныя тайны вслухъ разсказываютъ. А это развѣ хорошо? Сами вы посудите! Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: если бы въ Черноградѣ не велась секретная лѣтопись, то не было бы и этой повѣсти, а вы бы не знали, что 1829 года 2-го ноября у Елпидифора Перфильевича были именины.

Славный человѣкъ былъ этотъ Елпидифоръ Перфильевичъ! Ей-Богу, ни въ одномъ городѣ нѣтъ такого исправника! Толстый, высокій, говоритъ басомъ, богатъ, хлѣбосолъ, разъ у губернатора обѣдалъ. Ну-ка, гдѣ вы найдете еще такого исправника? Что, степановскій-то, что ли? Онъ все хвалится да кричитъ, какъ индѣйскій пѣтухъ: я, я, я! Куда ему съ нашимъ тягаться? Рябой, длинный, поджарый, правителя губернаторской канцеляріи хлѣбомъ надулъ. Нѣтъ, Елпидифоръ Перфильевичъ честно платится: сказано, чтобы правителю пятакъ съ души въ годъ, а онъ шесть копеекъ даетъ. За то его всѣ и уважаютъ. А ужъ въ Черноградѣ какое ему почтеніе! Бывало, по улицѣ идетъ, всѣ отъ мала до велика передъ нимъ шапки долой, и всегда уже скажутъ: „мое почтеніе, батюшка Елпидифоръ Перфильевичъ!“ А онъ? Вотъ тутъ-то, бывало, посмотрѣть на него. Кивнетъ себѣ головой да сквозь зубы скажетъ: „а, здравствуй, любезный“; если же это поклонилась барыня, онъ скажетъ: „здравствуйте, кумушка“, и козырекъ пальцемъ ковырнетъ. А кумушкой назоветъ не то чтобы для ради близира: нѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ у всѣхъ барынь дѣтей крестилъ, начиная отъ протопопицы до магистратской повытчицы. Да чего и говорить... славный былъ человѣкъ Елпидифоръ Перфильевичъ.

Бывали, правда, такіе люди, которые за глаза и бранили Елпидифора Перфильевича за его гордости и важности; зато при немъ помилуй Богъ и заикнуться. Боже сохрани! Да Елпидифоръ Перфильевичъ противъ такого дерзкаго вооружитъ всю уѣздную аристократію, и тогда

горе ему бѣдному. Если бы Черноградъ былъ въ Греціи, его изгнали бы остракизмомъ.

Впрочемъ, Елпидифоръ Перфильевичъ не былъ злопамятенъ; дня черезъ три онъ позвалъ бы обидѣвшаго его къ себѣ на водочку, позакусилъ бы съ нимъ вмѣстѣ и сказалъ бы: ну, братъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Вотъ какой былъ онъ, Елпидифоръ Перфильевичъ. Именно ужъ столбовой баринъ, не то что тѣ, которые нынче въ Черноградъ понаѣхали. Такая дрянь, что ни дай ни вынеси; кто изъ-подъ дубка, кто изъ-подъ сосенки.

— Да кто же былъ этотъ Елпидифоръ Перфильевичъ? — спросятъ меня: — вѣдь не былъ же онъ черноградскимъ исправникомъ съ самаго сотворенія земской полиціи? Какъ онъ попалъ въ Черноградъ? Кто у него былъ отецъ? Гдѣ онъ прежде служилъ? Какъ...

Господа, господа, да вы столько мнѣ надавали вопросовъ и историческихъ и генеалогическихъ, что вдругъ и съ мыслями не соберешься. А главное дѣло вотъ въ чемъ — отвѣчать-то на эти вопросы больно мудрено. Елпидифоръ Перфильевичъ формулярнаго списка своего мнѣ не показывалъ, говоритъ, что чернилами залитъ, что я ничего не разберу. Старожилы говорятъ, что онъ лѣтъ черезъ пять послѣ француза пріѣхалъ въ Черноградъ, а гдѣ сперва служилъ — кто его знаетъ? Городничиха говоритъ, что онъ прежде по питейной части служилъ; а правда ли это—дѣло закрытое: городничиха и совретъ—не что̀ возьметъ. Ужъ натура ея такова, прости Господи! Секретная лѣтопись повѣствуетъ, что онъ рожденіе получилъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ. Впрочемъ, это вѣдь въ лѣтописи сказано, слѣдовательно, по-нынѣшнему, это миѳъ, на это должно смотрѣть тѣмъ же взглядомъ, какъ на Ромула, Девкаліона, Кая Юмерса, Рюрика и иже съ ними, вотъ что̀ нынѣшніе историки уволили въ безсрочный отпускъ которыхъ.

Елпидифоръ Перфильевичъ былъ женатъ, но сожительница его давно померла и оставила четверыхъ дѣтей, малъ мала меньше, двухъ мальчиковъ да двухъ дѣвочекъ. Сироточки! Живетъ Елпидифоръ Перфильевичъ такъ: дома не дома, въ гостяхъ не въ гостяхъ; двѣ недѣли по округѣ ѣздитъ, потомъ денька на два домой завернетъ, потомъ опять въ округу, потомъ опять домой. А ужъ какъ домой-то пріѣдетъ—вотъ пиры-то! Господи Твоя воля! Что̀ это за угостительная душа была! Бывало, пріѣдетъ въ городъ часу въ третьемъ утра, а ужъ въ седьмомъ весь Черноградъ объ этомъ знаетъ. Вотъ и пойдутъ всѣ благородные мимо его оконекъ, будто такъ, для прогулки. Подойдутъ къ окну, у котораго сидитъ Матрена Елистратовна, теща и домоправительница Елпидифора Перфильевича. Пойдутъ, бывало, Петръ Алексѣевичъ Витушкинъ (судьей служилъ), Михайла Леонтьевичъ Постромкинъ (засѣдатель уѣзднаго суда), лѣкарь Карла Карлычъ. Сперва чинъ-чиномъ шапки скинутъ, всѣ разомъ. „Мое почтеніе“ скажутъ; потомъ Петръ Алексѣевичъ одинъ о здоровьѣ спровѣдаетъ.

— Здоровеньки ли, Матрена Елистратовна? Какъ Богъ милуетъ?

— Слава Богу, батюшка Петръ Алексѣевичъ, живу вашими святыми молитвами. Здравствуйте, Михайла Леонтьевичъ, Карла Карлычъ. Что̀ Варвара Михайловна? Какъ ее Богъ носитъ?—прибавитъ, бывало, обратясь къ Петру Алексѣевичу, а о его здоровьѣ не спроситъ — какъ это можно? Неполитично спросить мужчину о здоровьѣ. Пожалуй, чего добраго, Карла Карлычъ услышитъ, а городничиха сплетню сплететъ.

— Благодарю Бога! Что̀ ей дѣлается? Пеншитъ помаленьку!—отвѣчаетъ Петръ Алексѣевичъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Что̀, въ судъ, что ли, идете, батюшка Петръ Алексѣевичъ?

— Да, матушка, въ судъ; да голову что-то ломитъ, такъ я и думаю себѣ: похожу пока до суда-то по улицамъ, да вотъ и встрѣтился съ господами. Рано вѣдь; еще въ присутствіе-то успѣю.

— Рано, рано, батюшка, часъ восьмой еще — только!

— А что̀, не Елпидифоръ ли Перфильевичъ пріѣхалъ сегодня?

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ, Петръ Алексѣевичъ!

— То-то я сегодня на зарѣ слышу колокольчикъ. Думаю себѣ, что̀ бы это такое? Почтѣ быть не надо, должно-быть, Елпидифоръ Перфильевичъ пріѣхалъ. Что̀, здоровъ ли онъ, матушка Матрена Елистратовна?

— Слава Богу! Да зайдите къ намъ; онъ всталъ ужъ никакъ.

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, Матрена Елистратовна, некогда, ей-Богу, некогда—въ судъ пора.

— Э, полноте, еще успѣете; зайдите, господа, на минуточку.

— Ну, развѣ на минуточку.

Вотъ и пойдетъ къ Елпидифору Перфильевичу Петръ Алексѣевичъ, а за нимъ и Михайла Леонтьевичъ, и Карла Карлычъ, и еще кто у окошка есть.

И вмѣсто минуточки просидятъ, бывало, часика три-четыре.

— Знаете ли что̀, господа?—говорилъ всегда Елпидифоръ Перфильевичъ, провожая гостей:—приходите-ка ужо чай ко мнѣ пить, да и женъ-то тащите, а то вотъ Матренѣ Елистратовнѣ скучно будетъ одной въ мужской компаніи.

— Очень хорошо!—восклицали, кланяясь, гости.

И вечеромъ собирались они. Въ залѣ садились мужчины, въ гостиной барыни, пили чай со сливками, съ лимономъ, съ морсомъ, съ прибавленьицемъ, кому какъ хотѣлось; разумѣется, на прибавленьице было больше всего охотниковъ. Если это было лѣтомъ, ходили гулять, за неимѣніемъ бульвара, на мостъ, который былъ построенъ при въѣздѣ въ городъ черезъ болота, со всѣхъ сторонъ окружавшія Черноградъ. Если это было зимой, садились играть въ бостонъ, а иногда потѣхи ради Елпидифора Перфильевича — въ носки. Играли долго-долго, потомъ ужинали и всѣ расходились, говоря про себя: „славный человѣкъ Елпидифоръ Перфильевичъ!“

Но всѣ эти собранія гостей у Елпидифора Перфильевича предъ такимъ же собраніемъ у него же, Елпидифора Перфильевича, бывшимъ 2-го ноября, просто ничего не значатъ. Нѣтъ, знаете ли, что̀ такое было у него на именинахъ? Не знаете? Ну, да ужъ если вы незнакомы съ нимъ и если вы у него не пировали на этихъ именинахъ, такъ ужъ, вѣрно, не знаете. Вотъ я скажу сперва, какія приготовленія у него были въ этотъ знаменитый день.

Вотъ, изволите видѣть? Домъ у Елпидифора Перфильевича большой, деревянный (никакъ 7 окошекъ по лицу), ставни зеленые, а крыша, ну что̀ твой кумачъ, такая красная, что чудо. Если вы видѣли щеки у судейской дочери... Да нѣтъ, — это просто дрянь въ сравненіи съ исправниковой крышей. Чудесная крыша, каждый годъ ее маляръ изъ ближняго села подмалевываетъ. У другого кого-нибудь не увидите такой крыши. Выкрасить-то ее, чай, рублевъ двадцать съ залишкомъ хватитъ; а это карману счетъ, небось, и казначей подумаетъ только, а маляра не позоветъ. Двадцать рублей не баранья шкура. Да. А исправнику, извѣстно ужъ, даромъ окрасятъ: на то онъ исправникъ, чтобы земскія повинности справлять. Ему, знаете, не житье, а просто масленица. Теперь не то! Э, да что̀ теперь? И говорить не хочется. Да позвольте же, объ чемъ я говорилъ? Объ домѣ, такъ. Подлѣ дома у Елпидифора Перфильевича флигель, дворъ большой и на немъ зеленая трава муравчатая. Среди этой муравы идутъ въ различныя стороны тропинки, иная въ кухню, другая въ погребъ, третья... Ну, во всякое хозяйственное заведеніе своя тропинка. Въ сторонѣ стоятъ службы старыя, едва держатся, но зато большія, огромныя. За службами калитка въ огородъ, который именовался садомъ. Въ этомъ садѣ кромѣ березы не было другихъ деревъ; длинныя гряды съ картофелемъ и морковью шли чрезъ весь садъ, въ сторонѣ двѣ-три грядки съ горохомъ и бобами, для забавы дѣтей; рядомъ грядка съ табакомъ, состоявшая подъ особеннымъ покровительствомъ Елпидифора Перфильевича, который, любя табакъ паче вина и всякія, самъ засѣвалъ ее. Бывало, лѣтомъ послѣ обѣда Елпидифоръ Перфильевичъ надѣнетъ свой бухарскій халатъ, подпояшется полотенцемъ, съ коротенькой солдатской трубочкой въ зубахъ и съ большой тавлинкой въ рукѣ, выйдетъ на грядку. Ляжетъ, бывало — его солнышко печетъ, а онъ ничего: лежитъ, то трубочку курнетъ, то щепотку розмариннаго въ носъ пропуститъ, то оторветъ листочекъ табачный, да посмакуетъ, да скажетъ самъ про себя: „знатный табакъ будетъ, можно совѣтнику послать“, да еще оторветъ, да въ тавлинку вмѣсто лимонной корки положитъ. Вотъ ужъ разсудительный былъ человѣкъ, то-то бережливый исправникъ, сами видите: изъ тавлинки нюхаетъ, а съ дюжину серебряныхъ табакерокъ въ сундукѣ спрятано. Извѣстно дѣло, серебряную-то купи, или съ богатаго мужика сдери; а тавлинка просто даровая, не трудовая, по базару шелъ да изъ воза мимоходомъ взялъ.

Э, да все не объ томъ рѣчь—я вѣдь хотѣлъ разсказать вамъ о приго-

товленіяхъ къ именинамъ Елпидифора Перфильевича. Извольте, теперь у меня не будетъ отступленій. Въ домѣ у Елпидифора Перфильевича было все убрано, окошки протерты, пыль сметена, стулья разставлены вдоль по стѣнамъ, въ углу залы поставленъ органъ, подъ звуки котораго вечеромъ запляшетъ весь Черноградъ; синіе и желтые обои съ изображеніемъ аркадскихъ пастушковъ, Павла и Виргиніи и прочаго тому подобнаго, были подклеены и уже не висѣли какъ разстегнутый воротъ у волостного писаря. Славныя картинки были на этихъ обояхъ, чудесныя! Вы, я думаю, видали ихъ на станціяхъ. Въ прихожей у печки, какъ великанъ, стояла *штука*, на которой будутъ ужинать; въ буфетѣ все было вымыто, вычищено, поставлено въ порядокъ, въ кабинетѣ на столѣ положенъ картузъ рублеваго табака и картузъ табака-самодѣльщины; въ другой комнатѣ былъ готовъ чайный приборъ, на блюдечкахъ разложены пастилы, варенья, пряники вяземскіе и городецкіе, грецкіе орѣхи, изюмъ и финики. Въ кухнѣ съ ранняго утра все было въ движеніи; тамъ двѣ стряпухи и одна Матрена Елистратовна дѣлали чудеса изъ тѣста. Матрена Елистратовна недавно была въ губернскомъ городѣ, тамъ обѣдала на крестинахъ у повытчика уголовной палаты и имѣла такимъ образомъ случай видѣть губернскую роскошь. Такой же точно столъ она хотѣла приготовить и въ Черноградѣ. И что же? Вѣдь приготовила! Да что тутъ говорить?.. Мастерица была покойница,—теперь она уже скончалась. Дай Богъ ей царство небесное, старушка была славная. Такъ вотъ Матрена Елистратовна день-денской бѣгала то въ кухню, то въ кладовую, то въ столовую, ужъ не знаю — какъ ее ноги-то носили. И правду сказать, несмотря на 60 лѣтъ, она показала примѣръ неимовѣрной дѣятельности и особеннаго раченія. Все занимало, все безпокоило ее: тутъ надобно посмотрѣть, не перешелъ ли пирогъ, тамъ — не украла ли стряпуха масла, — она вѣдь на сторону любитъ припасы носить; здѣсь—много ли сахара положено въ пирожное, не пережарилось ли жаркое. Господи Боже мой! Да тутъ столько хлопотъ, что у всякаго изъ насъ на мѣстѣ Матрены Елистратовны пошла бы голова кругомъ; зато вѣдь недаромъ и хлопотала она: на другой день весь Черноградъ заговорилъ о прекрасномъ ужинѣ у Елпидифора Перфильевича и о высокомъ знаніи повареннаго искусства Матрены Елистратовны.

Въ углу людской избы Петръ, устарѣлый *человѣкъ* Елпидифора Перфильевича, натиралъ шандалы какимъ-то порошкомъ, который странствующіе іудеи выдаютъ чуть-чуть не за философскій камень. Всякій, кто даже и не слыхалъ о химіи, тотчасъ же догадался бы, что это ни больше ни меньше, какъ превращенная въ порошокъ аспидная доска, но зато такого догадчика въ Черноградѣ сочли бы просто волтеріанцемъ и невѣждою. Какъ не вѣрить чудесной силѣ порошка заморскаго— вѣдь по два съ полтиной за фунтъ его платили. Шутка? На дворѣ противъ окошекъ ставили транспарантъ, на которомъ было нарисовано

вензелевое имя Елпидифора Перфильевича; внизу намалеваны слова: „Ноября 2-го 1829 года“, а кругомъ всякая всячина, презатѣйливыя диковинки: и барашки съ курочками, и поросятки, и уточки, и дѣтки Елпидифора Перфильевича, и грядка съ табакомъ, и всякія и всякія тому подобныя хозяйственныя заведенія. Это работа не сельскаго маляра, что̀ крышу краситъ, а рисовальнаго учителя. Рисовальный учитель взялъ за это съ Елпидифора Перфильевича лайковый кисетъ съ изображеніями взятія Браилова и персидской войны. Славная вещь — съ иголочки. Учитель хлопоталъ около своей работы и заранѣе былъ въ восхищеніи: „Вотъ вечеромъ, — думалъ онъ: — всѣ пойдутъ смотрѣть на мою работу, и Настенька городническая пойдетъ, всѣ будутъ хвалить меня, и Настенька будетъ хвалить. Еще улыбнется, можетъ-быть, а можетъ-быть, еще и скажетъ: это вы построили, Ѳедоръ Дмитріевичъ? А я ей скажу: я-съ, Настасья Михайловна, а она — охъ, ненаглядная! Она посмотритъ на меня да и пойдетъ прочь“. Исполнились ли его ожиданія — узнаете послѣ. Теперь некогда разсказывать объ этомъ, только вотъ что̀ скажу вамъ: извѣстно вѣдь всякому изъ книгъ, что художники всегда влюбляются въ принцессъ, въ княгинь, въ графинь, въ городничихъ, въ исправницъ и тому подобное. Вотъ и черноградскій художникъ врѣзался по уши, да въ кого же? Сумасшедшій! Въ Настеньку городническую — шутка? Нѣтъ, эта барышня-то бонтонная, полированная, шляпки изъ губернскаго носитъ, платья отъ мадамовъ выписываетъ; пышная-то какая, — ну, что̀ твой пирогъ съ малиной! А онъ, пачкунъ этакій, въ нее и влюбился — благо, что городничій-то не знаетъ, онъ бы его любезнаго въ кутузку упряталъ. Нѣтъ, городничій не свой братъ, шутить не любитъ, разъ какъ-то и судью на будку хотѣлъ посадить за ночное шатанье. Да, на то онъ городничій, да еще изъ военныхъ, поручикъ, никакъ шляпу съ перомъ носитъ. Ѳедоръ Дмитріевичъ — важная штука! Да городничій-то засѣдателю послалъ отказъ какъ шестъ, когда онъ къ Настенькѣ присватался, а Ѳедоръ Дмитріевичъ — эка выскочка!

Между тѣмъ, какъ все приводилось въ домѣ Елпидифора Перфильевича въ порядокъ, заблаговѣстили къ обѣднѣ. Исправникъ пошелъ въ церковь пѣшкомъ, — недалеко вѣдь; въ одной рукѣ онъ несъ свѣчу, а въ другой на молебенъ. Послѣ обѣдни онъ принималъ поздравленіе всѣхъ черноградцевъ высшаго и низшаго разбора, которые были въ церкви. Елпидифоръ Перфильевичъ всѣхъ и каждаго звалъ *чай кушать*, потомъ пошелъ въ земскій судъ. Тамъ при входѣ вся приказная братія поздравила его съ высокоторжественнымъ днемъ его ангела. А онъ кивнулъ головой и прошелъ мимо такимъ фономъ — фу ты пропасть! Въ присутствіи секретарь, два засѣдателя и стряпчій давно уже дожидались его прихода.

— Честь имѣю поздравить васъ, Елпидифоръ Перфильевичъ... — проговорилъ, задыхаясь, одинъ засѣдатель, Петръ Петровичъ Выжимкинъ.

— Дай Богъ вамъ многія лѣта здравствовать,—прошипѣлъ другой— Васильемъ Васильевичемъ Постромкинымъ звали.

— Вамъ и дѣткамъ вашимъ...—сказалъ въ свою очередь Михаилъ Венедиктовичъ Прж... Прж... ей-Богу, теперь не помню—польская фамилія, мудреная такая, да нужды нѣтъ—и стряпчій такой же былъ, такъ что-то въ родѣ Пчихчжицкаго. Не припомню хорошенько.

— Покорно васъ благодарю, господа, — возгласилъ исправникъ.— Приходите-ка ко мнѣ вечеромъ. Фу ты пропасть! Что̀ это за гадкая дорога! Это все Митька Крашенинниковъ не чинитъ. Ужъ я его, мошенника. Вчера такъ растрясло меня, что ужасть.

— А откуда прибыть изволили? — сказалъ безгласный до сихъ поръ секретарь, въ молчаніи дивившійся росту, дородству, уму-разуму, красотѣ Елпидифора Перфильевича, величественно развалившагося въ креслахъ.

— Да изъ Кондратьихи, былъ на слѣдствіи. Да чего—лошади разбили-было. Знаете, Петръ Петровичъ, тамъ за Ивановскимъ-то околицу? Вотъ ѣхалъ я тутъ...

И свысока, басомъ, началъ онъ внимательнымъ слушателямъ разсказывать о своемъ несчастьѣ. Разговоръ перешелъ къ винамъ, потомъ къ холерѣ, о которой были уже кое-какіе слухи, потомъ о протопопѣ черноградскомъ, потомъ объ лѣкарѣ Карлѣ Карлычѣ, а тутъ объ городничихѣ, о томъ, отъ какой болѣзни лѣчилъ ее Карла Карлычъ, а тамъ—Богъ знаетъ къ чему, а въ заключеніе всего пошли всѣ на закуску къ Елпидифору Перфильевичу.

— Запишите что-нибудь въ журналѣ-то, Николай Максимычъ, — сказалъ плѣшивому секретарю Елпидифоръ Перфильевичъ.

— Слушаю-съ, — сказалъ Николай Максимычъ и задумался. Должно-быть, стихи сочинялъ, также стихотворъ былъ и писалъ слѣдующія посланія:

Ликуй, ликуй, ты наша мать!
Не знаю я, что̀ бы тебѣ сказать...

Всѣ ушли. Посидѣли у Елпидифора Перфильевича, поговорили о томъ, что губернаторъ собирается ревизовать Черноградъ и уѣздъ его, пошли толки, предположенія. Наконецъ заключили тѣмъ, что всѣ пошли домой, а Елпидифоръ Перфильевичъ хотѣлъ-было уже идти на табачную грядку, но вспомнилъ, что уже зима на дворѣ, и потому пошелъ спать.

О томъ, какія были послѣднія приготовленія у Елпидифора Перфильевича и какъ собрались къ нему гости.

На стѣнныхъ часахъ, что̀ стояли въ залѣ у Елпидифора Перфильевича, изъ-за дверцы выскочила кукушка и прокуковала пять разъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она куковала, часы въ колокольчикъ тоже пять разъ прозвонили. А какъ и кукушка откуковала, часы, отзвонивъ, заиграли репетицію. Вотъ, господа, такъ ужъ репетиція! Что̀ это, подумаешь, человѣкъ-то? На какія ужъ онъ хитрости ни поднимается въ нынѣшніе годы? Ну кому бы, позвольте васъ спросить, въ старинныя времена пришла такая блажь въ голову, чтобы часы со всякими концертами построить? Нѣтъ, что̀ ни говорите, а мудрены нынче стали люди—такія штуки выкидываютъ, что и ума не приложишь. Вонъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ хоть, что ли, чего тамъ нѣтъ? Господи Боже мой! Вотъ пишутъ, что люди, замѣсто того, чтобы на парѣ лошадей разъѣзжать, катаются себѣ на парѣ, вотъ что̀ съ кипятку бываетъ. Да еще изъ чугуна дороги дѣлаютъ. Вотъ такъ премудрости. А это еще—ухитрился же какой-то нѣмецъ, должно-быть, изъ сала воскъ дѣлать. Что̀ же? Вѣдь сдѣлалъ, да еще какъ-съ — побѣлѣе воску-то. Не вѣрите, господа? Да я самъ видѣлъ прошлаго года у прокурора, какъ въ Троеславль по старымъ дѣламъ ѣздилъ... Хитры, хитры люди стали, а нѣмцы еще хитрѣе. Да-съ, а я объ часахъ вѣдь говорилъ; такъ славные часы эти были — Елпидифоръ Перфильевичъ ихъ на ярмаркѣ досталъ. Купилъ ли онъ ихъ, такъ ли гдѣ ему Богъ послалъ — дѣло закрытое. Ужъ куда же, чай, купить ему—извѣстное дѣло, исправникъ, а у исправника, сами знаете: всякое даяніе благо и всякое имѣніе благо—пріобрѣтено полюбными сдѣлками. А ужъ такіе часы, что просто-напросто мое почтеніе. Со всего Чернограда, бывало, всѣ благородные приходили по нимъ свои повѣрять. Оно, конечно, кто ихъ знаетъ, можетъ-быть, и такъ приходили, не для того, чтобы часы поправить, а просто позакусить да исправничьей водочки пропустить. А водки славныя у Елпидифора Перфильевича водились; какихъ не было: и донная, и трифольная, и мятная, и всякая другая, ну чудо что за водки. Подойдешь къ столу, такъ глаза и разбѣгаются, изъ котораго бы графина выпить. Городничій, что̀ въ походахъ въ нѣмецкихъ земляхъ бывалъ, говоритъ, что и во Франціи и въ Парижѣ такихъ водокъ нѣтъ, а про Туречину и говорить нечего—тамъ хмельного не употребляютъ.

Ну-съ, вотъ прокуковала кукушка. Что̀ же? — изъ кабинета вышелъ самъ Елпидифоръ Перфильевичъ, красный такой, и самъ глаза бумаж-

нымъ платкомъ протираетъ. А за нимъ шелъ Петръ и подалъ ему трубку саратовки... А изъ гостиной вышла Матрена Елистратовна, да такая расфранченная, распомаженная, что точно какъ губернская барыня въ Христовъ праздникъ до обѣдни.

— Уфъ! знатно соснулъ! Петрушка, приготовь умыться. Матрена Елистратовна, все ли готово по вашей части?

— Все готово, батюшка Елпидифоръ Перфильевичъ, все приготовлено какъ ни на есть лучше.

— И закуска?

— И закуска, и все, все, что̀ называется.

— То-то, то-то, смотрите у меня, чтобы все было у меня отличительно. Сами знаете, майоръ съ офицерами пріѣдетъ. Я къ нему нарочно въ Воронцово заѣзжалъ.

— Ужъ не безпокойтесь, все будетъ въ самой модной пропорціи и въ политической полированности. Я вотъ недавно на крестинахъ въ Троеславлѣ была, ну тамъ, знаете, губернскіе люди, такъ съ нихъ я возьму примѣръ и поставлю все въ бонтонности. Я вѣдь не судейша какая-нибудь — она вотъ намедни свои именины справляла, да и справила такъ, что и курамъ на смѣхъ... Что̀ вы думаете? Вѣдь барынямъ малиновки по третьей недостало. А еще приглашаютъ тоже. Ужъ звали бы свою братью — необразованныхъ, а то зовутъ и насъ, полированныхъ. Ужъ не срамились бы лучше.

— Да что̀ судейша, да что̀ она судейша? Такъ, прости Господи, судейша такъ судейша и есть, и словъ-то она не сто̀итъ, чтобы говорить объ ней.

— А вѣдь тоже въ барыни таращится.

— Нѣтъ, вотъ этого не хочетъ ли?

При этихъ словахъ Елпидифоръ Перфильевичъ взялъ свой палецъ въ ротъ и потомъ поднесъ его къ самому носу Матрены Елистратовны, а самъ прищурилъ лѣвый глазъ и губу нижнюю надулъ, какъ купчиха за обѣдомъ. Это было прикрасою къ остротѣ его, которую онъ любилъ употреблять при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Петрушка, узнай отъ сотскаго, посланы ли лошади за майоромъ.

Петрушка пошелъ, пришелъ и сказалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ахъ, онъ, разбойникъ муромскій, отъявленный мошенникъ, да какъ же онъ смѣлъ не послать. Не я ли ему вчера говорилъ? Вотъ держи этакихъ людей въ земскомъ судѣ; такъ-то они службу исправляютъ, такъ-то они заботятся о казенномъ интересѣ... Ну, добро ужъ, сегодня для именинъ не трону его, а завтра ужъ дамъ себя знать. Поди, скажи ему, чтобы сейчасъ взялъ у ямщиковъ двѣ тройки и скакалъ бы во весь опоръ въ Воронцово — хоть и заморитъ лошадей — чортъ съ ними. У Митьки подрядчика много денегъ — новыхъ купитъ. Ступай!

Елпидифоръ Перфильевичъ крупными шагами заходилъ по залѣ, и

все, что находилось въ ней, затряслось на мѣстахъ своихъ. Насилу-то ужъ онъ уходился. А то такъ и застучалъ ногами.

— А изъ кушанья-то у васъ что есть, Матрена Елистратовна?

— Всего вдоволь, батюшка Елпидифоръ Перфильевичъ, всего вдоволь. Ужъ истинно во всякомъ довольствіи, и пирогъ изъ той муки, что съ ильинской мельницы въ середу привезли, и жаркое изъ гусей, что Митька которыми покланялся, и холодное изъ ямскихъ окороковъ...

Матрена Елистратовна долго перечисляла всѣ кушанья съ указаніемъ на источники, изъ которыхъ они заимствованы были. Какъ домоправительница, она хорошо знала всѣ источники исправничьихъ доходовъ, остававшіеся непроницаемой тайной даже для Пятачкова, вотъ что приказнымъ въ судѣ служилъ и съ Елпидифоромъ Перфильевичемъ замѣсто письмоводителя ѣздилъ. Онъ тоже имѣлъ свои доходы, но не постигалъ финансовыхъ тайнъ своего патрона. Да куда же ему, въ самомъ дѣлѣ? Елпидифоръ Перфильевичъ исправникъ, набольшій, а вы вѣдь знаете, что большому кораблю большое и плаваніе. Ну и Пятачкову нечего Бога гнѣвить, сытъ былъ, вѣдь онъ какъ курочка, такъ себѣ, по зернышку поклевывалъ да домикъ о пяти окошкахъ и наклевалъ въ три года съ половиной.

— Одѣваться! — крикнулъ Елпидифоръ Перфильевичъ. — Сѣрый фракъ, да манишку бѣлую, да галстукъ... Какой бы галстукъ надѣть, Матрена Елистратовна, для-ради такого торжественнаго случая?

— А, да пестрый, по-моему. Вотъ что съ ярмарки-то привезли — онъ вѣдь нарядный такой.

— А политично ли это будетъ?

— Во всякой модѣ и политикѣ.

— Бѣлый бы надо.

— Бѣлый? А зачѣмъ бѣлый? Какъ бы вотъ изъ Троеславля кто былъ, ну, оно такъ бѣлый бы.

— А майоръ-то будетъ?

— Эка — майоръ, ну что онъ за важная птица, прости Господи, вѣдь не генералъ же какой. Для майора и то фракъ надѣваете, для своихъ-то такъ и сюртукъ бы ничего.

— Ну, инъ пестрый... Да еще позови Гришку сотскаго, чтобы свѣчи зажигалъ. Да что это долго Кисточкинъ нейдетъ? Ужъ не нарѣзался ли опять? Бѣда, коли нарѣзался, кому на музыкѣ-то играть будетъ?

Елпидифоръ Перфильевичъ пошелъ одѣваться, Матрена Елистратовна пошла дѣтей одѣвать. Минутъ десять въ залѣ Гришка разставлялъ свѣчки по ранжиру, обернутыя въ бумажки, а ужъ какъ обернуты свѣчки-то были: бумажки и синія, и красныя, и всякія, и надрѣзаны такъ же, какъ на конфетахъ, вотъ что по восьми гривенъ фунтъ которыя продаютъ. Это смастерила Матрена Елистратовна, а у нея, нечего сказать, вкусъ полированный былъ, какъ сама она говорила.

Было глубокое безмолвіе въ залѣ. Только раздавался скрипъ и стукъ

маятника на стѣнныхъ часахъ, да еще по временамъ слышалась брань густымъ басомъ Елпидифора Перфильевича, сыпавшаяся на его камердинера. Порой звуки, похожіе на звукъ біенія по ланитамъ, аккомпанировали этой брани.

Вывела Матрена Елистратовна дѣтей Елпидифора Перфильевича. Мальчики (одного Митрошей, а другого Савинькой звали) были одѣты въ сюртуки табачнаго цвѣта съ мѣдными пуговицами. На обоихъ были превысокіе галстуки, перешедшіе къ нимъ въ наслѣдство отъ ихъ родителя. На Митрошѣ красный, а на Савинькѣ зеленый, съ желтыми цвѣточками, славный галстукъ — точно яичница съ лукомъ. Сапоги — извѣстно, какъ у баричей, со скрипомъ, деготькомъ смазаны, а головы у нихъ, то-есть не у сапоговъ, а у баричей — деревяннымъ масломъ помаслены.

Посадила Матрена Елистратовна своихъ внучковъ въ углу залы подъ образами и примолвила имъ:

— А будутъ гости приходить, вы встаньте да поклонитесь, да опять сядьте, а коли кто съ вами заговоритъ — отвѣчайте стоя, да ты, Савинька, смотри, не усни опять; а то вѣдь смотри — завтра добромъ не раздѣлаешься.

Потомъ съ подобными наставленіями посадила она Ѳеничку да Лушеньку въ гостиной. На Ѳеничкѣ было красное платье, все въ черныхъ мушкахъ, и зеленый передничекъ, и сама при гребенкѣ; ну, вѣдь ужъ двѣнадцать лѣтъ было ей, коли не больше, въ невѣсты смотритъ—нельзя безъ гребенки. А Лушенька была поменьше, такъ на той было зеленое ситцевое платье, персидскій платочекъ и бѣлый передничекъ, а волосы въ двѣ косы заплетены и спереди красной лентой связаны.

Въ исходѣ шестого часа стали и гости пріѣзжать и приходить. Самъ Елпидифоръ Перфильевичъ сталъ у печки, что̀ подлѣ прихожей двери стоитъ, и принималъ гостей, смотря по ихъ качеству и достоинству кармана. Кому кивалъ головой — значило, неважная птица, кому говорилъ: „А-а, здорово“, тотъ подавалъ хорошія надежды на будущее благосостояніе, а кому подавалъ руку и провожалъ до гостиной, тотъ былъ самъ немножко похуже Елпидифора Перфильевича.

Ѳедоръ Дмитріевичъ Кисточкинъ первый прибылъ на вечеръ. Онъ былъ одѣтъ художнически: извѣстное дѣло — самъ художникъ былъ. Фракъ у него былъ цвѣта лица казначейши, которое, какъ всякому черноградцу извѣстно, большое сходствіе имѣетъ съ печенымъ яблокомъ. На немъ, на фракѣ то-есть, были насажены металлическія пуговицы, фалды были длинныя-длинныя, ну просто „по сіе время“, какъ говорятъ семинаристы. Но такъ какъ вы, конечно, въ бурсакахъ не бывали, „вселенную“ не пѣвали и Бургія не происходили — и слѣдовательно не знаете языка „оныхъ вельми ученыхъ отраслей сего вертограда наукъ“, то я скажу вамъ, что „по сіе время“ значитъ то же самое, что̀ и „дондеже можаху“, то-есть до пятъ. Ѳедоръ Дмитріевичъ распомадился такъ,

что чудо-помада такъ и течетъ по лбу, аршина на полтора отъ него гвоздикой такъ и не дохнешь. А жилетъ на немъ былъ красный, а брюки бланжевыя, три цѣпочки, четыре печатки и луковка замѣсто часовъ въ карманѣ, а черезъ плечо лента новая, а на той лентѣ гитара, которую онъ несъ подъ мышкой. А ужъ и гитара! Что̀ твои гусли, что̀ у попа Дмитрія стоятъ, и всякіе инструменты мусикійскіе? Бывало, поведетъ игру Ѳедоръ Дмитріевичъ на своей гитарѣ — просто заслушаешься, такіе финтифанты выдѣлываетъ, что просто всѣмъ на удивленіе, а Елпидифору Перфильевичу на потѣху. Да чего? И стряпчій — ужъ на что полякъ, да и тотъ говоритъ, что ни одинъ жидъ на цимбалѣ такъ не сыграетъ, какъ Ѳедоръ Дмитріевичъ на своей гитарѣ; слыхалъ я въ Троеславлѣ барышень, какъ онѣ играютъ на фортопьянахъ, да нѣтъ, куда имъ до Кисточкина! Бренчатъ себѣ, Богъ знаетъ что̀ такое выходитъ, а Ѳедоръ Дмитріевичъ — что̀ хотите: трепака, такъ ноги сами и заходятъ, а какъ заведетъ „Усы“ съ прищелкиваньицемъ, такъ просто до смерти запляшешься. Нѣтъ, его музыка ужъ именно россійская, такъ вотъ и дергаетъ всѣ суставченки, а что̀ тѣ съ фортопьянами-то? Вотъ хоть Сомина дочь, Катерина: говорятъ, что она ужъ что ни на есть первая музыкантщица, а начнетъ играть — и не знаю, что̀ выведетъ! То зазвонитъ, какъ понамарь въ Христовъ праздникъ — громко, съ выдержкой, то начнетъ тоненькія струнки перебирать, словно какъ въ чистый понедѣльникъ на колокольнѣ понамарь съ похмелья. Нѣтъ, куда ей до Ѳедора Дмитріевича! Далека пѣсня!

Расшаркался, припрыгивая, Ѳедоръ Дмитріевичъ предъ Елпидифоромъ Перфильевичемъ, который съ надлежащею барскою знатностью кивнулъ ему головою и потомъ отвернулся, услыша въ прихожей шумъ пріѣхавшаго на одной лошади семейства казначея, которое состояло изъ шести персонъ. Ѳедоръ Дмитріевичъ положилъ гитару на органъ, а ленту нѣтъ, не снялъ съ себя: „Пускай,—думаетъ себѣ:—Настенька городническая посмотритъ“. Бѣдный учитель! У него сердце такъ и стучитъ, дожидаясь у окошка Настеньки. Господи Боже мой, какъ онъ любилъ ее — ужъ поистинѣ скажу вамъ, больше, нежели лѣсничій того мужичка, что̀ попенныя деньги сбиралъ который. Ну просто такъ любилъ, что вотъ какъ въ книгахъ романическихъ пишутъ.

Вошелъ казначей — мужчина лысый, высокій, толстый, въ коричневомъ фракѣ и въ брюкахъ цвѣта чернильныхъ орѣшковъ. Человѣкъ былъ съ брюшкомъ, какъ всякому казначею подобаетъ; ручки у него были коротенькія, но не такъ же коротки, чтобы не достать изъ казеннаго сундука копеечку на черный день. А звали его Сидоръ Михайловичъ Дудинъ. Хорошій былъ человѣкъ, но все не такой хорошій, какъ Елпидифоръ Перфильевичъ; онъ всегда слылъ человѣкомъ ученымъ — и, надо правду сказать, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ съ наукой былъ: въ гимназіи учился. Большой знатокъ въ наливкахъ; то-есть вотъ какой знатокъ, что только возьметъ въ ротъ капельку да чуть-чуть посма-

кусть — и безъ ошибки скажетъ, когда именно налита была наливка. Съ казначеемъ вошла его супруга Анна Сергѣевна — морщина на морщинѣ, да такая, какъ бы это сказать, дрожащая старушка; голова у нея такъ ходенемъ и ходитъ, словно съ морозу. А куда тебѣ! Еще на молодежь посматриваетъ... да какъ посматриваетъ-то — глаза-то хоть и слезятся ужъ со старости, а тоже какъ будто маковымъ масломъ покрыты. За нею вошли три дочери и одинъ сынъ. Одна дочь дѣвица переспѣлая, ужъ со лба-то кирпичнаго цвѣта стала, а другія двѣ еще свѣжи: можно еще этакъ, для препровожденія времени, полюбоваться на нихъ. А жениться не совѣтую — лучше и не думайте: я знаю кое-что про нихъ, романическое этакое. Знаете? Поддѣли-было онѣ городничаго письмоводителя, да благо вывернулся, а то бы пришлось ему горевать жизнь свою. Сынъ казначейскій лѣтъ двадцати изъ троеславской гимназіи былъ исключенъ, да не унялся отъ ребяческихъ шалостей, и теперь, чуть что̀ плохо лежитъ, непремѣнно стянетъ. Оно такъ и должно быть — сынъ казначея, а казначей вѣдь есть хранитель общественнаго имѣнія. Такъ Петръ Сидоровичъ тихонько бралъ все, что̀ ни попадало, подъ сохраненіе. А ловокъ же былъ молодецъ — танцоватъ какой бойкій, такъ у него ноги точно на веревкахъ кто передергиваетъ. Талантливъ на все, таки-нечего сказать.

Какъ взошелъ казначей съ фамиліею своей и съ семействомъ, Елпидифоръ Перфильевичъ чинъ-чиномъ: ему руку пожалъ, къ казначейшѣ и къ барышнямъ къ ручкѣ подошелъ, а сына, который съ ловкостью перепрыгнулъ съ ноги на ногу, по плечу ударилъ. Э, да что̀ и говорить! Ужъ Елпидифоръ Перфильевичъ знаетъ, какъ съ кѣмъ политику держать — ужъ, небось, ко всему дамскому полу къ ручкѣ подходитъ. Да вѣдь и то правда — жили-то тогда въ Черноградѣ по старинѣ, запросто, не то что нынче, нынче подойти къ ручкѣ и въ заводѣ нѣтъ, просто кивнетъ головой да и пошелъ прочь. Къ хозяйкѣ-то не подходятъ, не говорю ужъ объ гостяхъ-то. А все отчего? Съ губерніи понаѣхали — такъ они и зачали чужестранную политику держать. А что̀ же ужъ это за политика такая? Истинно скажу, что все это отъ французовъ или отъ турковъ переняли — антихристовскій обычай, прости Господи, послѣднія времена! Именно! Не смотрѣлъ бы съ горя на нынѣшній свѣтъ!

— Здравствуйте, Сидоръ Михайловичъ, какъ живете-можете?—возгласилъ Елпидифоръ Перфильевичъ.

— Живу-таки помаленьку. Спалъ послѣ обѣда.

— Со днемъ вашего тезоименитаго ангела имѣю честь поздравить!— такую рѣчь проговорила Анна Сергѣевна, возведя свои слезливо-масляные глаза на Елпидифора Перфильевича.

А этотъ съ ужимкой сказалъ ей:

— Благодарствую съ почтеніемъ—и васъ равнымъ образомъ, очень-съ одолженъ!

Пріѣхалъ тотъ, пріѣхалъ другой, кто съ фамиліей одной, кто съ се-

мействомъ со всѣмъ — набралось гостей, дожидались только майора съ офицерами. Ахъ, кстати, понимаете ли вы, господа, что̀ значитъ фамилія и что̀ значитъ семейство? Ужъ, конечно, не понимаете. Извольте, я ужъ, такъ и быть, скажу вамъ—фамилія значитъ то же самое, что жена, сожительница, супруга, а семейство — такъ и значитъ, что есть семейство. А жену называютъ у насъ фамиліею такъ, ради деликатства; знаете, сказать жена — по-мужицки будетъ, сожительница — по-купечески, а супруга — слишкомъ высоко, куда ужъ намъ, мизрюткамъ этакимъ, супругъ имѣть? Такъ вотъ и зовется фамиліею—это, знаете, по-модному.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Въ гостиной на диванѣ сидѣла Матрена Елистратовна съ городничихой. Ну ужъ эта городничиха! Самой лѣтъ подъ сорокъ, а все еще молоденькой прикидывается и на Карлу Карлыча такъ посматриваетъ, что ни на что непохоже. Такая безстыдница, а вѣдь у самой дочь, Настенька, невѣста, вотъ что̀ Ѳедоръ-то Дмитричъ влюбился въ которую. А Карла Карлычъ ужъ тутъ: охъ, ужъ этотъ нѣмецкій шмерцъ, такъ и юлитъ передъ нею, такъ и разсыпается мелкимъ бѣсомъ и что-то говоритъ по-своему, да такъ говоритъ, что и казначей и смотритель училища, ужъ на что ученые люди, и тѣ ничего не понимаютъ. А она? Что̀ же? Вѣдь отвѣчаетъ. Ну, вѣдь извѣстное дѣло — у мадамы смолоду-то училась, а мадамы эти ужъ, небось, всякому нѣмецкому художеству научатъ. Была въ гостиной и судейша: то-то трещетка-то, какъ говоритъ Елпидифоръ Перфильевичъ, какъ это у нея языкъ-то не порвется съ болтанья-то. Говоритъ-говоритъ, какъ ханжа балахонская, а сама не знаетъ объ чемъ. Была и казначейша, и стряпчиха—тоненькая, какъ спичка, а врать здоровѣе Елпидифора Перфильевича. А была тоже и Вѣра Осиповна Поддергаева, жена депутата удѣльнаго — по отцѣ-то была княжна — только изъ простыхъ княженъ, изъ бѣдныхъ, а гордая такая, что и не приведи Богъ. Тотчасъ и губу нахмуритъ, какъ ее сіятельствомъ не назовешь. Ну, всѣ тутъ дамы были, даже и Афросинья Ѳедоровна, что̀ по домамъ ходитъ сахарцу поколоть, лоскуточковъ пособрать, да еще такъ кое-чего по мелочи исправить — и та была.

И барышень было-таки довольно: двѣ Елпидифоровны, три казначейскихъ, Настенька городническая, судейскихъ съ полдюжины, двѣ одного засѣдателя, двѣ другого, одна третьяго, да тамъ еще, знаете, этакихъ секретарскихъ, повытчичьихъ, а всего-на-все было двадцать двѣ, въ томъ числѣ пять старыхъ уродовъ, а остальныя такъ просто милашечки. А какъ разряжены — хоть въ рамочки вставить. Иная такая полненькая, какъ наливное яблочко, да румяная, да пышная этакая, ну вотъ точно какъ сдобная лепешка, когда немножко въ печкѣ въ вольномъ духѣ подгоритъ. А ручки мягкія. Какъ поцѣлуешь, такъ губы-то и потонутъ въ нихъ. Премилѣйшія барышни. И все почти невѣсты. Можно бы было, такъ просто зажмуря глаза выбралъ которую-нибудь себѣ въ фамилію.

А въ залѣ сидѣли мужчины. Судья Петръ Алексѣевичъ говорилъ съ городничимъ о новомъ способѣ откармливать гусей толченымъ кирпичомъ. Петръ Алексѣевичъ сидѣлъ на стулѣ, а низенькій, тощенькій городничій такъ и прыгалъ передъ нимъ съ чашкою пунша въ рукѣ и пискливо кричалъ отъ всего усердія. И прочіе всѣ шумѣли на порядкахъ. Шумъ, гамъ такой, точно какъ на мосту въ Макарьевской ярмаркѣ. Ужъ на что Пятачковъ — и тотъ кричалъ, споря съ казначейскимъ сыномъ о томъ, что̀ пользительнѣе: ромъ или кизлярка. Безмолвствовали только Ѳедоръ Дмитричъ да Николай Максимычъ, изъ которыхъ первый стоялъ предъ дверьми гостиной, а другой въ переднемъ углу. Извѣстно, какъ влюбленный и стихотворъ. Влюбленные всегда смотрятъ на то мѣсто, на которомъ сидитъ *она*, а стихотворы тоже, извѣстное дѣло, помѣщаются въ углу — отъ толпы, знаете, подальше.

Зашумѣли въ прихожей; пріѣхалъ майоръ съ офицерами. . . .

. . . .

СТАРИНА*).

Мнѣ бы хотѣлось познакомить теперь читателя со старухой, сгорбленной тяжестью ста пятнадцати лѣтъ. Она уже никуда не выѣзжала, когда мы переселились къ бабушкѣ, но я попала случайно въ ея домъ съ одной изъ моихъ тетокъ и видѣла эту живую развалину. Врядъ ли читатель представляетъ себѣ иначе сказочныхъ колдуній. Блѣдныя ея губы были сжаты; сѣрые глаза, лишенные зрѣнія, но открытые, блуждали безъ цѣли; безчисленныя морщины покрывали пожелтѣвшее лицо, на костлявыхъ пальцахъ блестѣли драгоцѣнные перстни, и стриженые сѣдые волосы торчали изъ-подъ высокаго чепца. Она осталась вѣрна модамъ своей молодости и носила всегда широкую юбку, обшитую оборками, кофту и башмаки на каблукахъ. Я слыхала много подробныхъ разсказовъ о ней. Лишь въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни она впала въ дѣтство. Но до тѣхъ поръ она сохраняла непреклонный характеръ и самую счастливую память.

Вѣра Александровна Ш*., такъ звали мою героиню, любила говорить о крестной своей матери, императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ и о Волынскомъ, которыхъ хорошо помнила. Странно дѣйствовали на ея слушателей слова: „Я подошла къ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ“, или: „Артемій Петровичъ поцѣловалъ меня“. До сихъ поръ хранится еще въ ея семействѣ великолѣпная брошка, подаренная ей на зубокъ крестной матерью. На огромномъ изумрудѣ, окруженномъ брильянтами, изображенъ рѣзцомъ художника профиль одного изъ римскихъ цезарей.

---

*) Печатаемый разсказъ взятъ нами изъ бумагъ, принадлежащихъ покойному П. И. Мельникову. Подлинный разсказъ, писанный женской рукой, съ помарками и переправками и безъ конца, очевидно, составляетъ отрывокъ изъ цѣлаго ряда воспоминаній неизвѣстнаго автора. Самая рукопись, «Сборникъ подъ № 2348», въ листъ, скорописью разныхъ почерковъ, на 191 листѣ, состоитъ изъ пяти тетрадей различнаго беллетристическаго содержанія, большею частью безъ начала или конца, и относится къ концу пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Всѣ прочія дорогія вещи, накопившіяся въ сундукахъ Вѣры Александровны въ продолженіе столькихъ десятковъ лѣтъ, были разграблены въ послѣдніе годы ея жизни. Въ особенности помнила она Бирона и его жену и толковала часто о нихъ. Она разсказывала, между прочимъ, что къ герцогинѣ являлись обыкновенно просители, не смѣвшіе обратиться прямо къ ея мужу. Лѣтомъ она ихъ принимала въ саду, гдѣ проводила цѣлое утро у пруда съ удочкой въ рукахъ, между тѣмъ какъ ее окружали, стоя за ней цѣлою толпою, напудренные мужчины и дамы и восторгались каждой ея побѣдой надъ щукой или карасемъ. Какъ скоро явится, бывало, проситель, она прикажетъ ему подойти и нагнуться къ себѣ. Тогда она выберетъ изъ золотой лоханки, въ которую рыбъ опускали, одну изъ пойманныхъ ею рыбъ, возьметъ ее за хвостъ и изо всей силы ударитъ ею просителя по щекѣ. Если тотъ выносилъ бодро и не двигаясь съ мѣста свѣтлѣйшую шутку, „gut!“—скажетъ герцогиня, смѣясь, и приметъ прошеніе. Но иному придется не по душѣ игривость дикаго самовластія, и онъ невольнымъ движеніемъ попятится назадъ. Такое вольнодумство не нравилось герцогинѣ: она хмурила брови, прибавляя недовольнымъ тономъ: „Ah, er widersetzt sich!“—и указывала просителю краснорѣчивымъ движеніемъ руки, чтобъ онъ удалился. Мать моей героини, Анна Ивановна Ч*, была любимою фрейлиной Анны Іоанновны, жила съ ней въ Курляндіи и, по возвращеніи въ Россію, поселилась въ ея дворцѣ, гдѣ вышла за Александра Ивановича Ш. и родила единственную дочь.

Незадолго до кончины императрицы дѣвочка чуть не сдѣлалась жертвой страшнаго случая, который имѣлъ вліяніе на всю ея жизнь. Ей было тогда восемь лѣтъ. Послѣ непродолжительной болѣзни она впала въ летаргическій сонъ, и ее сочли умершей. Она чувствовала и живо помнила, какъ ее одѣли въ праздничное платье и положили на столъ. Государыня вошла въ ея комнату, чтобъ проститься съ крестницей. Вѣра Александровна чувствовала, какъ губы крестной матери коснулись ея лба, слышала, какъ она выражала свое сожалѣніе о ея смерти. Пришелъ и Биронъ и отдавалъ какія-то приказанія на ломаномъ русскомъ языкѣ. Слухъ ея былъ также пораженъ рыданіемъ отца и довольно равнодушнымъ голосомъ матери. Дѣвочка имѣла уже полное понятіе о смерти и сознавала съ ужасомъ, что̀ ее ожидаетъ. Она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобъ вскрикнуть или шевельнуться, но голосъ словно замеръ въ ея груди, и отяжелѣвшіе члены ей не повиновались. Она ожидала съ неописаннымъ страхомъ, что вотъ-вотъ ее положатъ въ тѣсный гробъ, закроютъ его тяжелой крышкой и опустятъ въ могилу, и сердце ея замирало... Наконецъ она стала чувствовать, что приходитъ немного въ себя, и приподняла съ усиліемъ вѣки. У ея ногъ стоялъ отецъ и горько плакалъ. Она пролепетала что-то невнятно... Онъ бросился къ ней и схватилъ ее на руки.

По мѣрѣ того, какъ она стала оправляться, малѣйшія подробности

страшнаго событія приходили ей на умъ, и она вспомнила скорбь отца и невозмутимое спокойствіе, съ которымъ мать переносила мысль о ея потерѣ, вспомнила, что, открывши глаза, она не видала матери, между тѣмъ какъ отецъ обливалъ слезами ея ноги, и она привязалась къ отцу и отдалилась отъ матери.

Александръ Ивановичъ занимался самъ воспитаніемъ дочери и передалъ ей многія изъ своихъ понятій и даже чувствъ. Онъ былъ другомъ Миниха и питалъ личную ненависть къ Бирону, и Вѣра Александровна говорила всегда съ глубокимъ отвращеніемъ о временщикѣ, вмѣняла ему въ одинаковое почти преступленіе его жестокость и его плебейское происхожденіе и смѣялась немилосердно надъ мѣщанскимъ чванствомъ, внушившимъ ему мысль считаться родствомъ съ знаменитымъ во Франціи семействомъ Вігоп и присвоить себѣ его гербъ. День паденія регентства былъ однимъ изъ свѣтлыхъ дней въ жизни Александра Ивановича, но скоро насталъ новый переворотъ.

Минихъ, прозванный „Соколомъ“ въ народѣ, чуть не сложилъ на плахѣ свою сѣдую голову и отправился въ Пелымъ, гдѣ поселился въ домѣ, недавно выстроенномъ, по его приказанію, для Бирона. Не былъ пощаженъ ни одинъ изъ главныхъ приверженцевъ правительницы. Александръ Ивановичъ ждалъ со страхомъ рѣшенія своей участи, но его спасло вліяніе родственниковъ-однофамильцевъ, которые уже пользовались расположеніемъ Елизаветы и помогли ей сѣсть на отцовскій престолъ.

Онъ страстно любилъ свою дочь, но держалъ ее строго. По его понятіямъ, женщина, воспитанная въ благочестивыхъ правилахъ, должна была избѣгать разсѣянной жизни и „ассамблей“, и Вѣра Александровна лишь изрѣдка и не иначе, какъ по желанію императрицы, являлась на дворцовыя пирушки. Театръ не былъ еще основанъ, но устраивались иногда домашніе спектакли, и Елизавета уговорила Александра Ивановича повезти молодую дѣвушку на представленіе „Синава и Трувора“, пьесы, которую давали, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ. По разсказамъ, доходившимъ до нея, Вѣра Александровна не могла никакъ составить себѣ яснаго понятія о театрѣ, и сердце ея сильно билось отъ любопытства и нетерпѣнія, пока она подвязывала свои фижмы и наклеивала мушки, чтобъ ѣхать съ отцомъ въ кадетскій корпусъ. Дѣйствительность превзошла всѣ ея ожиданія. „Синавъ и Труворъ“ ознакомили ее съ совершенно новымъ міромъ. До самой глубокой старости она не могла забыть впечатлѣнія, вынесеннаго ею изъ этого представленія. Она нашла такое величіе въ игрѣ актеровъ, въ ихъ костюмахъ, въ ихъ декламаціи, что долго не могла ни говорить ни думать ни о чемъ другомъ, и варяжскіе князья нерѣдко являлись ей во снѣ.

Однако отецъ, желая ее удалить отъ свѣтскихъ удовольствій, требовалъ отъ нея серьезныхъ занятій. Короткая его связь съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и знакомство съ Ломоносовымъ научили его

глубоко уважать науку. Онъ ввелъ молодую дѣвушку въ ихъ кружокъ, но, къ сожалѣнію, объ ея знакомствѣ съ ними не сохранилось въ ея семействѣ никакихъ подробныхъ воспоминаній. Разсказываютъ только, что она говорила о нихъ съ восторгомъ, и что Ломоносовъ единственный человѣкъ, которому аристократка прощала его плебейское происхожденіе. Но, несмотря на все свое уваженіе къ Шувалову, она упрекала его однако въ томъ, что онъ не принесъ Россіи всей пользы, которую могъ бы принести ей при своемъ вліяніи. „Онъ основалъ университетъ, да молится на него,—говорила она.—Основаніе университета, точно, великое дѣло, да университета не довольно. Умѣли же Долгорукіе убѣдить императрицу Анну, въ чемъ хотѣли; а Иванъ Ивановичъ чего смотрѣлъ?“

Сумарокова она не любила, несмотря на свѣтлыя минуты, которыми была обязана, какъ автору „Синава и Трувора“, и называла его обыкновенно скоморохомъ и шутомъ.

Она изучила въ молодости французскую литературу и даже древнихъ классиковъ и пристрастилась къ честной и строгой личности д'Аламбера, между тѣмъ какъ говорила съ презрѣніемъ о продажномъ перѣ Вольтера. Екатеринѣ II она не прощала ея переписки съ нимъ. Когда Дидро явился въ Петербургъ въ 1773 г., Вѣра Александровна познакомилась съ нимъ, видѣлась часто, но она никогда о немъ не говорила и прерывала разговоръ, какъ скоро его имя произносили въ ея присутствіи. Ознакомилъ ли онъ сердце сорокалѣтней женщины съ нѣжнымъ чувствомъ, которому она была до этой минуты чужда, умѣлъ ли онъ поколебать хоть мгновенно строгость ея религіозныхъ убѣжденій, это неизвѣстно; но всѣ, знавшіе ее коротко, останавливались часто на этихъ предположеніяхъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ ея оскорбленная гордость наполнила бы горечью воспоминанія ея о Дидро. Какъ бы то ни было, сношенія ея съ нимъ остались для всѣхъ непроницаемою тайной.

Она была еще очень молода, когда начала вести свои записки, и занималась ими въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Но любопытный документъ погибъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, впавши уже въ совершенное дѣтство, она собрала свои письма и манускрипты и изрѣзала ихъ на куски, говоря, что кроитъ изъ нихъ ассигнаціи, и, къ несчастью, никто изъ окружавшихъ ее не позаботился о томъ, чтобъ спасти драгоцѣнныя бумаги.

Ей было уже лѣтъ пятнадцать, когда родился у нея братъ, однако она осталась попрежнему любимицей отца. Все семейство было тогда обласкано дворомъ, и Вѣра Александровна разсказывала, что многіе изъ царедворцевъ ухаживали за ребенкомъ, въ которомъ надѣялись пріобрѣсти себѣ будущаго покровителя. Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, няньчилъ его всегда на рукахъ и называлъ своимъ „рублевикомъ“.

Но вдругъ явилось при дворѣ новое лицо, которое обратило на себя

общее вниманіе: имя графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго скоро прогремѣло по всей Россіи. Придворные разсказывали шопотомъ, что не одно только чувство уваженія заставило императрицу приблизить его къ себѣ, и наконецъ стали поговаривать о томъ, что онъ обмѣнялся вѣнчальнымъ кольцомъ съ дочерью Петра. Неизвѣстно, почему Александръ Ивановичъ не полюбился Разумовскому, но вслѣдствіе своей размолвки съ графомъ онъ рѣшился удалиться отъ двора и переѣхать въ Москву.

Недолго жилъ онъ здѣсь. Вѣрѣ Александровнѣ было двадцать три года, когда она закрыла ему глаза. Онъ былъ ея единственною горячею привязанностью: горько оплакивала она его и похоронила, кажется, въ его могилѣ всю свою способность любить. Вся жизнь ея измѣнилась съ минуты его смерти. Крутой и непреклонный ея нравъ, смягченный вліяніемъ отца, высказался, только-что его не стало, и, не встрѣчая уже никакихъ преградъ, сталъ развиваться все болѣе и болѣе.

Матери своей она не любила, видѣла въ ней существо пустое, одинаково неспособное на серьезное чувство или на какую-нибудь дѣятельность, но окружала ее однако внѣшними знаками уваженія, чтобъ не отступить отъ правила, которое предписываетъ дѣтямъ почитать родителей. Лишь только кончился ея трауръ, она приняла рѣшеніе, надъ которымъ задумалась бы и теперь не одна двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка, но сто лѣтъ тому назадъ всѣ на него смотрѣли, какъ на что-то неслыханное и чудовищное. Однако Вѣра Александровна ни передъ чѣмъ не струсила и поставила на своемъ. Она объявила Аннѣ Ивановнѣ, что желаетъ раздѣла отцовскаго имѣнія и беретъ на свою часть брянскія и владимірскія помѣстья, гдѣ думаетъ поселиться, чтобъ заняться хозяйствомъ, которое приходитъ въ совершенный упадокъ. Мать старалась ее напугать тѣмъ, что подобный поступокъ погубитъ ея честное имя; но Вѣра Александровна отвѣчала ей, не возвышая голоса, что не сдѣлаетъ ничего дурного, если будетъ жить одна и заниматься имѣніемъ, что она будетъ держать себя такъ, что никто не посмѣетъ злословить на ея счетъ, и проситъ материнскаго благословенія для начинанія благого дѣла. Старушка согласилась, потому что не было никакой возможности отказать. Вѣра Александровна пріѣхала въ Брянскъ съ однимъ полтинникомъ въ карманѣ. Вся ея прислуга состояла изъ горничной дѣвушки и человѣка. Она поселилась въ избѣ, потому что въ селѣ не было усадьбы, и принялась за дѣло, не теряя времени. Не прошло мѣсяца, какъ она уничтожила совершенно должность управляющаго, говоря, что будетъ сама управляющимъ, смѣнила старосту и принялась хозяйничать. Свое безденежье она тщательно скрывала отъ крестьянъ. Запасъ чая, который она привезла изъ Москвы, давно уже истощился, и всякій разъ, какъ она посылала въ уѣздный городъ, горничная напоминала ей, что надо бы купить чайку да бубликовъ, на что Вѣра Александровна постоянно отвѣчала, что, по ея замѣчаніямъ,

чай ей вреденъ. Она должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ и мѣсяца три перебивалась со дня на день, пока наконецъ не привела все въ порядокъ. Тутъ она выписала купцовъ изъ Брянска и, условившись съ ними въ цѣнахъ, стала имъ поставлять продукты своего хозяйства.

Дѣло пошло какъ по маслу. Она прожила нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, трудясь съ утра до ночи и не принимая никого. Въ продолженіе этого времени она поставила имѣніе въ самое цвѣтущее состояніе и пріобрѣла такую власть во всемъ околоткѣ, что не только ея крѣпостные, но даже и всѣ приказные боялись ея грознаго слова. Однако крестьянъ она не притѣсняла, и, несмотря на ея строгость, они ее любили за то, что она избавила ихъ отъ самовластія начальниковъ, бывшаго въ то время безграничнымъ. А виноватъ мужикъ, такъ она ему не дастъ потачки и прикажетъ, по праву помѣщицы, наказать розгами его, и не иначе, какъ при себѣ.

— Старостѣ я въ этомъ дѣлѣ никогда не довѣряла,—разсказывала она:—попадется ему куманекъ, такъ онъ его пощадитъ, а золъ на мужика, такъ ужъ совсѣмъ его засѣчетъ. Вѣдь надо знать, сколько за какую вину наказать.

Проживши довольно въ Брянскѣ, гдѣ она устроила хрустальные заводы, принадлежащіе теперь г-ну Мальцеву, она отправилась во владимірское имѣніе и занялась также хозяйствомъ. Отъ времени до времени она навѣщала мать, которая послѣ смерти мужа переселилась опять въ Петербургъ. Анна Ивановна привязалась къ сыну, насколько была способна привязаться; ласкала и баловала его, но не заботилась о его воспитаніи. Вѣра Александровна уговорила ее посадить за указку мальчика, давно уже записаннаго въ гвардію, и слѣдила сама за его уроками всякій разъ, какъ пріѣзжала къ семейству. Она завѣдывала тогда и хозяйствомъ, которое Анна Ивановна вручала ей съ большой радостью, и измѣняла по своему усмотрѣнію принятый порядокъ въ домѣ. Прислуга привыкла повиноваться ея взгляду. Мать признавала ея превосходство надъ собой и смотрѣла на нее съ уваженіемъ, а братъ съ почтеніемъ и страхомъ. Но эти холодныя чувства не согрѣвали ея сердца, которое черствѣло съ каждымъ днемъ, подъ вліяніемъ душевнаго одиночества и безотрадной дѣятельности, которой она себя посвятила...

Единственная горячая привязанность, которую она испытала, — любовь къ отцу внушила ей мысль навѣстить въ ссылкѣ друга его Миниха. Она ѣздила въ Пелымъ, чтобъ пожать руку отшельнику и усладить его изгнаніе нѣсколькими свѣтлыми днями. Но о свиданіи ея съ старымъ фельдмаршаломъ не осталось, къ сожалѣнію, никакихъ преданій въ семействѣ. Пока она жила въ столицѣ, то принимала къ себѣ и выѣзжала сама. Наперекоръ принятымъ тогда понятіямъ, она ненавидѣла скомороховъ и шутовъ, не подчинялась вообще обычаямъ, которые не приходились ей по душѣ, выѣзжала одна и говорила, не стѣс-

няясь, свое мнѣніе обо всемъ. Она любила щеголять экипажами, скороходами и породистыми лошадьми, которыя стали наконецъ извѣстны по всему городу. Какъ скоро показывался на улицѣ ея великолѣпный цугъ, народъ сбѣгался издали, чтобъ на него полюбоваться и встрѣчать съ криками: „Ш...ва...ва ѣдетъ!“

Анна Ивановна, возвратившись въ Петербургъ, стала опять являться ко двору, куда Вѣра Александровна отказалась ѣздить изъ уваженія къ памяти отца. Но вотъ интересный анекдотъ, переданный ей матерью. Во время послѣдней болѣзни Елизаветы, когда медики рѣшили, что она проживетъ не болѣе нѣсколькихъ дней, всѣ пришли въ неописанный страхъ, ждали опять какого-нибудь непредвидѣннаго переворота, и каждый боялся сдѣлаться его жертвой. Наканунѣ смерти императрицы великій князь Петръ Өедоровичъ призвалъ графа Шереметева и спросилъ у него, какой полкъ назначенъ въ эту ночь на дворцовый караулъ. Шереметевъ отвѣчалъ ему: „назначенъ Преображенскій, если не ошибаюсь“.

— Императрица не проживетъ, вѣроятно, этой ночи, — возразилъ великій князь. — Неизвѣстно, что̀ можетъ случиться: поставь на всякій случай на караулъ моихъ голштинцевъ: я въ нихъ увѣренъ.

— Извините меня, ваше высочество, — сказалъ графъ: — но Преображенскій полкъ былъ назначенъ государыней, и, пока она еще жива, я обязанъ исполнять лишь ея приказанія, потому что я ей клялся въ вѣрности.

Петръ Өедоровичъ вспыхнулъ.

— Не забудь, что я буду завтра императоромъ! — вскрикнулъ онъ.

— И я буду завтра въ вашей власти, — возразилъ Шереметевъ, почтительно кланяясь: — но до тѣхъ поръ я останусь вѣренъ присягѣ, которую приносилъ императрицѣ.

Елизавета скончалась дѣйствительно черезъ нѣсколько часовъ. Когда придворные сошлись присягать новому государю, Петръ III, уже очнувшись отъ своего паническаго страха и пріободрившись, подошелъ къ графу Шереметеву и протянулъ ему руку.

— Обѣщай мнѣ, — сказалъ онъ ему: — что ты будешь служить мнѣ такъ же честно и вѣрно, какъ служилъ моей покойной теткѣ.

Убѣдившись наконецъ, что хозяйство, прочно устроенное ею, можетъ идти и безъ постояннаго надзора, Вѣра Александровна переселилась опять къ матери. Многіе изъ ея родственниковъ и пріятелей потомъ навлекли на себя неудовольствіе Екатерины II-й и подверглись ссылкѣ или заточенію. Императрицѣ донесли, между прочимъ, что статсъ-дама Г...на и ея мужъ дозволили себѣ осуждать многіе изъ ея поступковъ. Екатерина заключила въ тюрьму и жену и мужа, приказавъ имъ сказать, что „желаетъ научить ихъ помолчать“. Желтухина, одна изъ горничныхъ, просила позволенія раздѣлить участь своихъ господъ, „которыми не была никогда обижена“, говорила она, и въ продолженіе цѣ-

лыхъ двадцати лѣтъ осталась вѣрна святому подвигу самоотверженія, на который пошла добровольно. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она не видѣла дневного свѣта, раздѣляла съ заключенными кружку воды и кусокъ чернаго хлѣба и своими молитвами и увѣщаніями поддерживала въ нихъ часто вѣру и надежду. Наконецъ Г...нъ умеръ, и Екатерина возвратила свободу его вдовѣ. Когда отворили передъ несчастной женщиной тяжелыя двери ея темницы, она забыла, въ безумномъ припадкѣ радости, предосторожности, которыя ей слѣдовало принять, чтобъ глаза ея, ослабѣвшіе отъ долгаго мрака, не были внезапно поражены блескомъ солнца. Она выбѣжала изъ тюрьмы, взглянула въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій и вскрикнула. Вѣчная ночь наступила опять для нея, но Желтухина принялась опять ходить за ней съ новымъ усердіемъ. Эта страдалица была двоюродная сестра Вѣрѣ Александровнѣ, которая хлопотала за нее съ самаго начала ея заточенія и видѣла съ негодованіемъ, что люди, которые считались также близкимъ родствомъ съ Г...ной и съ другими лицами, находившимися подъ опалой, не смѣли выразить своего участія къ несчастнымъ и старались наперерывъ снискать милости царедворцевъ и получить черезъ нихъ покровительство, чинъ или крестикъ. Вѣра Александровна не взлюбила блестящую столицу и духъ ея общества.

— Этотъ городъ не что̀ иное, какъ ловушка чести, — говорила она и убѣдила мать переселиться окончательно въ Москву.

Съ тѣхъ поръ лишь изрѣдка, и не иначе, какъ по дѣлу, ѣздила она въ Петербургъ.

Только-что успѣли онѣ отпраздновать свое новоселье, какъ глубокій стонъ разразился въ Москвѣ: наступила чума. Вѣра Александровна разсказывала объ этомъ времени съ невольнымъ содроганіемъ. Въ домѣ ея матери вымерла бо̀льшая часть прислуги, колокола гудѣли безъ умолку, улицы были усѣяны трупами, которые полицейскіе тащили крючьями до кладбища, чтобы не прикасаться къ нимъ руками. Плачъ и рыданіе раздавались со всѣхъ сторонъ. Новое бѣдствіе присоединилось еще ко всѣмъ этимъ ужасамъ. Разъ дикіе крики поразили слухъ Вѣры Александровны; она подошла къ окну и увидала стекающійся со всѣхъ сторонъ, вооруженный кольями, дубинами и топорами, народъ. Среди неясныхъ возгласовъ она разобрала сопровождаемое проклятіями имя Амвросія, и вбѣжавшіе къ ней блѣдные отъ страха люди кричали, что чернь взбунтовалась и ищетъ архіерея, съ тѣмъ, чтобъ его убить за то, что онъ приказалъ ограбить образъ Боголюбской Божьей Матери, которая можетъ одна отвратить бѣдствіе отъ столицы. Возстаніе росло съ каждой минутой; толпы народа сгущались на улицахъ, и раздавался вездѣ звонъ набата. Въ продолженіе всей ночи жители Москвы не гасили огней и не забывались сномъ. На другой день народъ повторялъ съ радостными криками на улицахъ, что злодѣя наконецъ не стало, и требовалъ новыхъ жертвъ. Тогда загудѣли пушки и стали оспаривать

ся добычу у чумы. Вѣра Александровна видѣла изъ своихъ оконъ, какъ везли цѣлыя груды мертвыхъ тѣлъ, оставлявшихъ кровавый слѣдъ на своемъ пути, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ Донской монастырь, гдѣ отслужила панихиду по убіенномъ архіереѣ и поклонилась тѣлу мученика.

Позволяю себѣ привести здѣсь случай, который не относится къ моему разсказу, но заинтересуетъ, безъ сомнѣнія, читателя. Когда Амвросій бѣжалъ въ Донской монастырь отъ бунтующей толпы, архимандритъ монастыря спряталъ его на церковные хоры, какъ скоро мятежники приблизились. Они обыскали всю церковь и собирались уже покинуть храмъ, съ убѣжденіемъ, что архіерей скрылся въ другое мѣсто, но ребенокъ лѣтъ семи увидѣлъ, къ несчастью, полу его ризы и указалъ на нее толпѣ.

Прошло много лѣтъ послѣ страшной драмы, совершившейся въ Донскомъ монастырѣ. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, близкій родственникъ Амвросія, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскѣ. Многимъ еще памятна его благородная дѣятельность и гуманность, которую онъ обнаружилъ въ продолженіе своей долголѣтней службы. Бывши въ Березовѣ, онъ хотѣлъ видѣть каторжниковъ и убѣдиться, что ихъ не притѣсняютъ и содержатъ прилично. Какъ скоро онъ явился между ними, сѣдой старикъ бросился съ рыданіемъ къ его ногамъ. Губернаторъ его поднялъ и спросилъ, чего онъ желаетъ.

— Одного я только прошу, — отвѣчалъ старикъ: — прошу, чтобъ ты за меня помолился и отпустилъ мнѣ тяжкій мой грѣхъ.

— Я не святой, — возразилъ Дмитрій Николаевичъ: — и не могу предлагать никому своихъ молитвъ, ни отпускать грѣховъ. Молись самъ, и Богъ тебя помилуетъ.

— Нѣтъ, ты за меня помолись, — настаивалъ старикъ. — Я давно тебя ждалъ. Мнѣ сказывали, что ты приходишься близкимъ родней архіерею Амвросію, котораго убили во время моровой язвы, а вѣдь я его видалъ; я былъ тогда еще ребенкомъ и указалъ его народу. Во многомъ былъ я грѣшенъ съ тѣхъ поръ, — вотъ и сюда попалъ, да ни одно преступленіе такъ тяжело не лежитъ на моей совѣсти, какъ смерть Амвросія. Кровь его на меня вопіетъ. Ты ему не чужой, прости меня за него, помолись за меня, и мнѣ легче будетъ.

Это случилось, кажется, въ 1825 г. Этотъ разсказъ Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго передала мнѣ незамужняя дочь его Анна Дмитріевна. Я ей обязана также самыми интересными документами, относящимися къ чумѣ 1771 г., и прилагаю ихъ отдѣльно къ этимъ запискамъ *).

Вскорѣ послѣ чумы закипѣлъ пугачевскій бунтъ. Когда онъ сталъ принимать серьезные размѣры и наполнилъ страхомъ всю Россію, Вѣра

---

*) Записокъ въ рукописи не оказалось.

Александровна рѣшилась, несмотря на увѣщаніе матери, ѣхать во Владиміръ, говоря, что ея присутствіе можетъ оказаться необходимымъ, если шайки самозванца покажутся въ ея имѣніи. Прибывъ въ свое село, она собрала крестьянъ и спросила у нихъ, слышали ли они, что донской казакъ принялъ на себя имя императора Петра III. Крестьяне переглянулись молча.

— Слушайте, ребята, — продолжала она: — я пріѣхала къ вамъ, чтобъ потолковать объ этомъ дѣлѣ. Если самозванецъ сюда придетъ, надо будетъ стоять твердо: себя подъ гнѣвъ государыни не подводить да и меня не выдавать. Вѣдь я васъ, кажется, ничѣмъ не обижала. Что-жъ вы молчите?

Они опять переглянулись. Наконецъ одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и почесалъ въ затылкѣ.

— Что-жъ, матушка Вѣра Александровна, — сказалъ онъ: — мы, точно, твоей милостью довольны, а не ровенъ часъ, и сами не рады, да, пожалуй, придется тебя выдать. Кто его знаетъ? Вонъ другой говоритъ, что онъ и вправду государь. А господъ онъ, точно, не жалуетъ.

Вѣра Александровна поняла, что дѣло плохо, и что ей не переспорить принятаго уже мнѣнія, но она въ одну минуту сообразила, что можетъ извлечь какую-нибудь для себя пользу изъ настоящаго положенія дѣлъ. Надо сказать, что въ это время она торговала доходный домъ въ Москвѣ. Но его продавали не иначе, какъ на наличныя деньги; всей суммы у нея не было, а занимать она не хотѣла, чтобъ не скомпрометировать своего кредита.

— Если такъ, оставайтесь при своемъ, — сказала она: — но знайте, что, кто бы онъ ни былъ, онъ оберетъ васъ кругомъ, какъ обобралъ уже всѣ села и города, куда являлся. Между вами есть зажиточные мужички; кто хочетъ и кто мнѣ вѣритъ, тотъ можетъ мнѣ отдать свои деньги на сохраненіе. Я вамъ въ нихъ и расписку дамъ. Подумайте и потолкуйте между собой.

Она ушла, и крестьяне, потолковавши, рѣшили, что она ихъ, точно, никогда не обижала, и что деньги будутъ цѣлѣй у нея, потому что, если самъ государь жалѣетъ народъ, то слышно, что его ребята шалятъ, и часа черезъ два принесли къ барынѣ большіе мѣшки съ мѣдными и серебряными деньгами и получили отъ нея расписку.

Вѣра Александровна, принявъ деньги, возвратилась въ Москву, гдѣ купила домъ, и изъ первыхъ полученныхъ съ него доходовъ возвратила крестьянамъ ихъ маленькій капиталъ.

Мать ея, доживши до глубокой старости, впала въ безуміе за нѣсколько лѣтъ до своей смерти. Вѣра Александровна поставила себѣ долгомъ ухаживать за ней, не жалѣя собственныхъ силъ, и проводила часто ночи, сидя у ея кровати. Случалось, что блѣдный свѣтъ лампады, горящей передъ образами, наводилъ тоску на безумную, которая начи-

нала плакать и громко требовала дневного свѣта. Тогда тревога подымалась по всему дому; Вѣра Александровна приказывала зажечь свѣчи и иллюминовала, какъ для праздника, комнату больной.

— Посмотрите, маменька, — говорила она ей: — посмотрите, какъ свѣтло, — свѣтлѣе дня.

Анна Ивановна успокаивалась и засыпала. Всѣ ея прихоти, всѣ ея капризы сдѣлались закономъ въ домѣ. Покорная дочь часто переносила отъ нея безропотно брань и оскорбительныя слова, не отступила ни минуты отъ своего дома, но приласкать ее не умѣла и не пролила горячей слезы, закрывая ей глаза.

Вскорѣ послѣ матери она похоронила брата, но и его смерть не была для нея несчастьемъ. Оставшись единственной наслѣдницей всего отцовскаго имѣнія, она стала имъ управлять, увеличила свои доходы и купила не одинъ еще домъ въ Москвѣ. Но отъ свѣта или, скорѣй, отъ составленнаго ею кружка знакомыхъ она все-таки не отставала, ѣздила въ театръ, много читала и собрала довольно значительную библіотеку. О своемъ туалетѣ она не заботилась и говорила всегда:

— Попа и въ рогожѣ узнаютъ. Я въ своемъ ситцевомъ платьѣ сяду рядомъ съ щеголихами, которыя носятъ атласъ да бархатъ, и онѣ же первыя мнѣ поклонятся, а не я имъ.

Въ большой свѣтъ она показалась послѣдній разъ по случаю коронаціи императора Павла, о которомъ отзывалась всегда съ уваженіемъ.

— Своими хорошими качествами онъ обязанъ лишь себѣ, — говорила она:—а въ его проступкахъ другіе отдадутъ отчетъ Богу.

Не знаю, по какому случаю она была съ нимъ въ перепискѣ, но его письма были истреблены вмѣстѣ съ другими ея бумагами.

Незадолго до кончины Екатерины былъ объявленъ рекрутскій наборъ, и Павелъ, по своемъ воцареніи, велѣлъ его отмѣнить. Приказъ явился въ Москву и былъ сообщенъ въ казенную палату въ ту минуту, какъ рекруты были уже сданы. Около палаты толпились въ слезахъ матери и жены, чтобъ обнять въ послѣдній разъ своихъ. По прочтеніи императорскаго указа громкое „ура“ прогремѣло въ народѣ. Принятые рекруты, съ бритыми уже лбами, бросились къ часовнѣ Иверской Божьей Матери. Площадь закипѣла народомъ. Плакали, цѣловались, передавали другъ другу радостное извѣстіе, и наконецъ благодарственный молебенъ раздался на площади. Вѣра Александровна, ѣхавши въ эту минуту въ городъ, приказала кучеру остановиться и была свидѣтельницей этой сцены, о которой часто вспоминала.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія она взяла на воспитаніе двухъ двоюродныхъ племянницъ и старалась дать имъ образованіе, которое рѣдко встрѣчалось и въ мужчинахъ того времени. Дѣвочки учились, между прочимъ, астрономіи и греческому и латинскому языкамъ. Въ подробности ихъ воспитанія я не въ правѣ входить, но могу только сказать, что всѣ знавшіе ихъ не иначе о нихъ говорятъ, какъ о святыхъ жен-

щинахъ. Одна вышла замужъ, другая осталась при теткѣ, посвятила ей всю свою жизнь, ходила за ней день и ночь, когда Вѣра Александровна впала уже въ дѣтство; однако старуха и ее пережила.

Когда наступила гроза двѣнадцатаго года и всѣ стали выбираться изъ Москвы, Вѣра Александровна въ припадкѣ патріотической гордости отказалась вѣрить въ опасность, говоря, что непріятеля не допустятъ до столицы, что его шапками закидаютъ. Она не рѣшилась, даже при звукахъ бородинскихъ пушекъ, сдѣлать какія бы то ни было распоряженія и лишь за нѣсколько часовъ до вступленія непріятеля въ Москву выѣхала изъ города съ племянницами, поручая наскоро домъ управляющему и дворнику, а всей остальной прислугѣ приказала идти въ село ея Сутиновку, до котораго считалось верстъ около тридцати, между тѣмъ какъ сама отправилась во владимірское имѣніе.

Не въ добрый часъ добрался караванъ до подмосковной. Мужички прослышали, что Наполеонъ идетъ на насъ съ тѣмъ, чтобъ уничтожить крѣпостное право, и рѣшительно отказались повиноваться управляющему. Они пришли къ нему ночью и стали стучаться въ двери; испуганный старикъ отворилъ и спросилъ, чего они хотятъ.

— Подавай ключи отъ погреба, Ефимъ Гаврилычъ,—кричали они:— все теперь наше. Слышь, Бонапартъ намъ волю принесъ. Мы господскую всю птицу и скотину къ себѣ заберемъ.

Напрасно старался Ефимъ Гаврилычъ ихъ урезонить, они настояли на своемъ, заставили его подъ угрозами выдать имъ ключи и все ограбили. Лишь только они удалились, дворовые, имѣвшіе личныя сношенія съ Вѣрой Александровной и глубоко убѣжденные, что никакой Наполеонъ ее не осилитъ, собрались съ плачемъ около управляющаго.

— Если барыня васъ потребуетъ къ отвѣту, Ефимъ Гаврилычъ, — говорили они: — ужъ вы ей доложите, что мы тутъ не при чемъ. Вишь, разбойники какіе! И такъ Господь Богъ наказаніе намъ посылаетъ, а они еще бунтовать вздумали да господской власти признавать не хотятъ! Пожалуй, и насъ-то кругомъ оберутъ: отъ кого теперь спасаться! Либо отъ своихъ, либо отъ француза!

Посовѣтовавшись, они собрали свое добро и рухлядь, принесенную московской дворней, уложили все въ сундуки и закопали ихъ въ землю до разсвѣта.

Однако крестьяне, забравъ все господское имущество, угомонились и стали ожидать спокойно, чтобъ имъ объявили волю отъ имени Наполеона. Но черезъ нѣсколько дней стали ходить слухи о томъ, что непріятели осквернили московскіе храмы и грабятъ сосѣднія села. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сутиновки поселилась цѣлая толпа французовъ и бродила по окрестностямъ, забирая все, что попадалось подъ руку. Сутиновскіе крестьяне скоро убѣдились, что они были обмануты ложными слухами, и сильно перепугались. Боясь нападенія французовъ, они увязали на телѣги все свое имущество и отвезли его въ сосѣдній лѣсъ,

куда загнали также и скотину. Тамъ они и поселились и только ночью приходили иногда за извѣстіями въ Сутиновку, гдѣ оставался только управляющій и нѣсколько стариковъ.

Но французы, бродя по большимъ дорогамъ и по сосѣднимъ селамъ, пришли въ опустѣвшую Сутиновку и, не найдя никакой себѣ добычи, отправились дальше и зашли въ лѣсъ, куда скрылись крестьяне. Голодная и страдавшая отъ холода толпа бросилась грабить возы. Вся провизія, всѣ теплыя одежды были похищены; сутиновскіе жители возвратились къ себѣ съ пустыми телѣгами и, по удаленіи непріятеля изъ столицы, стали ожидать въ неописанномъ страхѣ новой еще грозы въ лицѣ Вѣры Александровны.

Она не замедлила возвратиться и, не доѣзжая до Москвы, провела нѣсколько дней въ Сутиновкѣ. Узнавши о случившемся, она потребовала всѣхъ виновныхъ и приказала строго ихъ наказать при своихъ глазахъ, потомъ привела все въ обычный порядокъ и поѣхала дальше *). Отъ пяти домовъ, которые принадлежали ей въ Москвѣ, оставались только обгорѣлые столбы и закоптѣлыя стѣны. Она перестроила тотъ домъ, гдѣ жила сама, продала землю, на которой стояли прочіе, и пустила капиталъ въ оборотъ.

Отсутствіе всякаго нѣжнаго чувства и привычка вѣчно повелѣвать

---

*) Послѣ двѣнадцатаго года распространилась въ окрестностяхъ Москвы пѣсня неизвѣстнаго автора и, кажется, забытая теперь. Я ее записала со словъ одной изъ сутиновскихъ женщинъ и привожу ее здѣсь.

Гдѣ ты, матушка бѣлокаменная,
Москва красная, златоглавая,
Царства русскаго дочь любимая
Царя бѣлаго самопервый градъ,
Древней старости слава вѣчная?
Охъ, гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
Гдѣ глава твоя престарѣлая?
Ужъ не видимъ мы золотыхъ крестовъ.
Ужъ не слышимъ мы колокольный звонъ.
Смрадъ да пепелъ да развалины,
Вотъ что видится въ каменной Москвѣ.
А Москва-рѣка обагрилася:
Не струей течетъ, а котломъ кипитъ,
Не суда плывутъ, жертвы кровныя.
Сокрушилъ ее врагъ неистовый,
Самозванецъ злой, ада выродокъ.
Полилися слезы горькія
У старушки каменной Москвы.
Начала такъ вопіять она:
Гдѣ вы, гдѣ вы, мои милые
Соколы, орлы могучіе?
Охъ, куда вы, друзья, разлетѣлися?
Какъ звѣзда я красовалася —
Вы слеталися со всѣхъ сторонъ;
Насталъ черный день, вы покинули...

развивали съ каждымъ днемъ ея душевную сухость и деспотизмъ ея крутого нрава. Она дошла наконецъ до того, что не могла вынести самаго бездѣльнаго возраженія на свои слова и не позволяла никому выражать мнѣнія, несходнаго съ ея понятіями. Когда она говорила или разсказывала, то требовала, чтобъ ее слушали молча, и если кто-нибудь дерзалъ ее перебить вопросомъ, замѣчаніемъ или просьбой объяснить, что̀ ему казалось неяснымъ, она отвѣчала обыкновенно:

— Я разсказываю, какъ хочу и какъ умѣю. а кому мой разсказъ не нравится, тотъ воленъ не слушать.

Мало-по-малу она отдалила всѣхъ отъ себя, и родственники и знакомые стали являться къ ней уже не иначе, какъ съ поздравленіемъ въ торжественные дни; но и тутъ она принимала ихъ такъ непривѣтливо и даже сухо, что они освободились наконецъ отъ исполненія и этого долга.

— Дивятся, что я не вышла замужъ,—говорила она иногда: — а я просто отъ глупости осталась въ дѣвкахъ, хотя и слыву умной женщиной. Какъ я ни напрягала свой умишко, какъ ни старалась понять, какимъ образомъ я скажу мужу: „какъ ты хочешь“, у меня все выходитъ: „какъ я хочу“; только поэтому и не пошла замужъ.

Вѣчно покорная сухому чувству долга, она набрала къ себѣ безпріютныхъ женщинъ, говоря, что законъ Божій повелѣваетъ помогать ближнему; но добро, которое она дѣлала, не привязало къ ней никого. Бѣдные люди, пользовавшіеся ея кровомъ и ея кускомъ хлѣба, были ею ежеминутно оскорбляемы и дрожали передъ ней. Ни одна изъ ея приживалокъ не смѣла ни принять кого-нибудь къ себѣ ни даже уйти со двора безъ ея позволенія. Поутру онѣ являлись къ ней, чтобъ освѣдомиться о ея здоровьѣ и поцѣловать ея руку, и возвращались въ свои уголки, гдѣ сидѣли, пока старуха занималась хозяйственными распоряженіями; потомъ всѣ сходились къ обѣду и, сидя за столомъ, выслушивали жалобы хозяйки о томъ, какъ нынче дорого содержать лишняго человѣка. Вечеромъ большія комнаты, въ которыхъ стояла симметрически около стѣнъ старая мебель временъ первой французской имперіи и которыя наводили уныніе своимъ безжизненнымъ и сухимъ характеромъ, тускло освѣщались каждая единственной сальной свѣчой, и всѣ домашніе собирались въ спальню Вѣры Александровны. Тамъ, возлѣ ея кровати, возвышался большой шкапъ съ образа̀ми и стояло нѣсколько стульевъ, кованый сундукъ, въ которомъ хранилось домашнее серебро, деньги и ломбардные билеты. Обтянутыя кожей большія вольтеровскія кресла, въ которыхъ старуха всегда сидѣла, довершали убранство этой комнаты. Кто-нибудь читалъ вслухъ журналы или книгу, взятую изъ библіотеки, между тѣмъ какъ Вѣра Александровна слушала, опрокинувшись головой на спинку своихъ креселъ, и отъ времени до времени окидывала взоромъ прочихъ домашнихъ, которые занимались работой, не смѣя обмѣняться шопотомъ нѣсколькими словами ни даже перекинуться бѣглымъ взглядомъ.

Такъ проходили дни, мѣсяцы и годы. Тѣсная среда, въ которую она себя заключила, не удовлетворяла полныхъ еще свѣжести и силы способностей Вѣры Александровны. Она искала чего-нибудь сильнаго, стала накладывать на себя строгіе посты и требовала, разумѣется, чтобъ и всѣ домашніе соблюдали ихъ также, а по сочельникамъ она не ѣла до звѣзды. Когда передъ праздникомъ являлся приходскій причтъ отслужить у нея всенощную, большая зала наполнялась дворовыми и всѣми проживающими въ домѣ, и какъ скоро священникъ надѣвалъ ризу и кадило начинало дымиться въ рукахъ дьякона, хозяйка, устремивъ зоркій глазъ на толпу, замѣчала тотчасъ, если кого недоставало, и посылала за отсутствующимъ или дѣлала ему впослѣдствіи строгій выговоръ. Она навѣсила себѣ на грудь безчисленное множество крестовъ и ладонокъ и поставила себѣ правиломъ стоять каждый вечеръ по три часа на молитвѣ. Горничныя не смѣли, разумѣется, ложиться, пока не ляжетъ барыня, и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобъ она прекратила свои земные поклоны. Утомясь наконецъ долгимъ стояніемъ, она часто кликала то ту, то другую и посылала ихъ посмотрѣть, который часъ. Эти ночныя бдѣнія имѣли вліяніе на ея крѣпкую организацію, и она начала страдать безсонницей. Съ этой минуты двѣ горничныя стали сидѣть по ночамъ въ ея комнатѣ, и поднималась гроза, если которая изъ нихъ задремлетъ. Случалось по большей части, что старуха, не находя покоя въ постели, раздраженная потерей сна и безпрерывнымъ почти кашлемъ, проводила всю долгую ночь въ брани и выговорахъ, которые выслушивали смиренно ея сидѣлки.

Ничто не поколебало въ ней убѣжденія, что она владѣетъ своей прислугой на основаніи божественнаго права, и всѣ философскія системы, которыя она такъ твердо знала, не научили ее смотрѣть на крѣпостныхъ, какъ на людей. По ея понятіямъ, они были созданы собственно для нея, и ихъ самихъ она пріучила къ этой мысли. Браки между ними она позволяла очень рѣдко и строго наказывала за связь. Въ Москвѣ, какъ въ деревнѣ, она содержала многочисленную дворню, состоявшую преимущественно изъ дѣвушекъ, которыя работали по урокамъ, и изъ мастеровыхъ. Почти ничего не заказывали: все дѣлалось дома. Сама Вѣра Александровна никогда не занималась рукодѣліемъ; однако она умѣла съ необыкновенной смѣтливостью растолковать шорнику, въ чемъ состоитъ недостатокъ его хомута, неискусному кузнецу, какъ обтянуть шину на колесѣ, или плотнику, почему неправиленъ накатникъ или шатки сваи. Но, заставляя своихъ дворовыхъ работать цѣлый день, отрицая въ нихъ всякое право на мысль или на чувство, она однако придерживалась строго той ограниченной справедливости, которую взяла себѣ правиломъ, и признавала, въ свою очередь, нѣкоторыя за собой обязанности въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ. Она ихъ лѣчила, когда они бывали больны, и содержала ихъ прилично, когда начала хозяйничать, но съ тѣхъ поръ цѣны на все значительно возвысились,

такъ что жалованье, достаточное во второй половинѣ прошлаго столѣтія, стало совершенно ничтожнымъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; скупость, единственная страсть, которая не слабѣетъ, а, наоборотъ, усиливается со временемъ, развивалась постоянно въ старухѣ и мѣшала ей измѣнить порядокъ, учрежденный когда-то въ домѣ.

— Что разъ заведено, то свято, — говорила она и выдавала горничнымъ по рублю серебромъ, по два платья и по пятнадцати аршинъ холста къ Новому году.

Надо прибавить однако, что она даже и себѣ въ ущербъ придерживалась правила, утверждающаго, что все заведенное свято: еще въ своей молодости она рѣшила, что разъ въ годъ можно потѣшить крѣпостныхъ и на святкахъ отмѣняла работу, позволяла имъ наряжаться и плясать и посылала ихъ въ театръ, и этотъ порядокъ вещей остался неизмѣннымъ. Руководясь также правиломъ, что люди обязаны на нее работать, а она должна за то ихъ кормить и одѣвать, она не брала оброка съ дворовыхъ, ходившихъ по паспорту, говоря, что какъ скоро она ихъ не содержитъ, то теряетъ право пользоваться ихъ трудомъ. Но она строго требовала, чтобъ они помогали своимъ семействамъ. Грамотность въ прислугѣ она очень поощряла, повторяя часто, что ученье — свѣтъ, а неученье—тьма.

Въ послѣдніе годы ея жизни скупость ея дошла до неимовѣрныхъ границъ. Обѣдъ ея не отличался никогда роскошью, а былъ однако приличенъ, но, стѣсняя все болѣе и болѣе свои привычки, она стала наконецъ довольствоваться несвѣжей провизіей, которую взвѣшивали при ней. Передъ обѣдомъ ей приносили всѣ кушанья и разрѣзывали ихъ. Она разсчитывала куски по числу обѣдающихъ, и никто не смѣлъ взять лишней порціи.

Старуха сдѣлалась подозрительна и недовѣрчива. Ключъ отъ ея завѣтнаго сундука перешелъ сперва изъ столоваго ящика въ ея карманъ, и наконецъ она нацѣпила его на шнурокъ и надѣла на шею, вмѣстѣ съ своими ладонками и крестами. Она стала то и дѣло пересчитывать свои деньги и билеты, часто подслушивала разговоръ горничныхъ, изъ самыхъ невинныхъ ихъ словъ заключала иногда, что онѣ сговариваются ее обокрасть, и намеки насчетъ дорогого содержанія ея нахлѣбницъ сдѣлались еще язвительнѣе. Когда зрѣніе ея уже совершенно ослабѣло, она въ этомъ не сознавалась и сердилась, если кто-нибудь подвигалъ ей подъ руку небольшую вещь, которую она искала ощупью на столѣ. Цвѣтъ ассигнацій она могла различать, поднося ихъ близко къ глазамъ, но лишилась наконецъ и этой способности, и была принуждена обращаться къ домашнимъ, но не вѣрила показаніямъ одного лица и требовала всегда провѣрки другого. Наконецъ она потеряла память; потомъ разсудокъ ея сталъ слабѣть, и въ послѣдніе годы своей жизни она впала въ совершенное дѣтство. Въ своемъ безсмысленномъ бреду она все толковала о ворахъ и о деньгахъ и перекроила, какъ я уже

сказала, на ассигнаціи всѣ бумаги, хранившіяся у нея. Какъ скоро не стало ея племянницы, старуху окружили радостныя лица, сбѣжавшіяся со всѣхъ сторонъ, какъ слетаются около трупа голодныя стаи вороновъ. Тѣ изъ ея родственниковъ, которые могли бы заступиться за нее, были далеко; новые пришельцы устраняли даже и прислугу, привязанную къ ней по привычкѣ или изъ чувства состраданія; заставили безумную подписывать дарственныя записи и довѣренности и обогатились всѣмъ накопленнымъ ею добромъ.

Она изрѣдка приходила въ себя, сознавала смутно, что около нея совершается что-то недоброе, умоляла со слезами, чтобы ей разсказали, что дѣлалось въ домѣ, и звала умершую племянницу, говоря, что одна Лиза ее любитъ и не дастъ въ обиду.

— Я здѣсь, тетушка, — отвѣчалъ ей какой-нибудь чужой голосъ, и чья-то рука брала ея изсохшую руку.

— Отчего же твои руки такъ жестки? — спросила разъ слѣпая старуха.

— Я работала въ саду, — отвѣчалъ опять незнакомый голосъ...

(На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается разсказъ).

СЕМЕЙСТВО БОГАЧЕВЫХЪ.

I.

Семенъ Родіоновичъ Богачевъ.

Лишь только путникъ спустится съ крутого склона дороги, прорытаго между двухъ довольно большихъ холмовъ подъ самымъ губернскимъ городомъ В***, и переѣдетъ рѣку Кимжу, когда-то глубокую и многоводную, а теперь хотя и быструю, но мелкую, какъ тотчасъ же во всей окружающей обстановкѣ замѣтитъ рѣзкую перемѣну. Прежняя глинистая почва, при первомъ дождѣ превращающаяся въ какой-то липкій кисель, переходитъ въ не менѣе утомительный для пѣшехода сыпучій песокъ; вмѣсто прежнихъ гладкихъ полей и луговъ, по которымъ, какъ островки, были разбросаны тамъ и сямъ небольшія рощицы, взорамъ путника представляется громадная пойма, а за ней синѣютъ обширные сосновые лѣса, потомки тѣхъ лѣсовъ, которые въ прошломъ столѣтіи сплошной, непроходимой грядой тянулись далеко за Кимжу и наконецъ сливались съ когда-то знаменитыми лѣсами Муромскими.

Такъ ѣдете вы верстъ девяносто. Но вотъ лѣсъ мало-по-малу начинаетъ рѣдѣть, все дальше и дальше отодвигаясь отъ дороги, и наконецъ вы выѣзжаете на огромную поляну, на которой широко раскинулась зеркальная поверхность громаднаго озера, на отдаленномъ берегу котораго вы видите какія-то странныя, своеобразныя постройки, общимъ видомъ напоминающія не то крѣпость, не то какой-то средневѣковый зàмокъ. Широкая плотина охватила озеро съ южной стороны; по срединѣ этой плотины возвышается большое и красивое двухъэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго вы видите огромную арку; лѣвѣе зданія цѣлый рядъ построекъ, похожихъ на длинные каменные сараи; надъ однимъ изъ этихъ сараевъ бьетъ цѣлый рядъ огненныхъ фонтановъ, которые, по мѣрѣ того, какъ сумерки начинаютъ окутывать землю, становятся явственнѣе и явственнѣе; за сараями возвышается увѣнчанный пятью главами красивый храмъ. Вы ѣдете дальше, и до слуха

вашего начинаетъ долетать смѣсь самыхъ разнообразныхъ звуковъ; тутъ вы слышите разомъ шумъ и плескъ падающей воды, грохотъ вертящихся подъ ея напоромъ колесъ, какой-то отдаленный и глухой гулъ, и все это заглушается страшными громовыми ударами, раздающимися изъ одного изъ сараевъ, надъ которымъ высоко подымаются огненные столбы.

— Чтò это за крѣпость?—невольно спрашиваете вы ямщика.

— А это Селезневскій заводъ Богачева, — отвѣчаетъ возница. — Вонъ видишь: длинные-то сараи — это и есть самый заводъ, а гдѣ огненные-то столбы ходятъ — это молотовая.

— А это чтò за двухъэтажный домъ съ воротами?

— Это господскій домъ да разныя господскія заведенія,—поясняетъ ямщикъ.

Ѣдемъ дальше.

Миновавъ небольшую деревушку „Выселокъ", мы поѣхали вдоль какой-то каменной постройки, тянувшейся съ добрую четверть версты; далѣе началась массивная ограда во вкусѣ екатерининскихъ временъ; потомъ мы въѣхали въ довольно узкія ворота, и взорамъ нашимъ представился грандіозный дворецъ. Посрединѣ онъ двухъ этажей, а по бокамъ его идутъ два одноэтажные флигеля: правый изъ нихъ отдѣляетъ господскій дворъ отъ заводской базарной площади, посреди которой воздвигнутъ красивый храмъ, а лѣвый флигель упирается въ то длинное каменное зданіе, вдоль стѣны котораго мы только-что ѣхали. Правѣе воротъ еще двухъэтажный корпусъ; это заводская контора.

Войдемте же въ господскій домъ.

Пройдя огромный, мрачный, вымощенный чугунными плитами коридоръ нижняго этажа, мы очутимся на крыльцѣ задняго фасада дома, выходящемъ въ садъ. Видъ съ крыльца превосходный: прямо передъ вами разстилается широкая, усыпанная пескомъ эспланада, края которой съ необыкновеннымъ вкусомъ убраны безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ; лѣвѣе эспланады видны огромныя и красивыя оранжереи, а прямо передъ вами, слишкомъ на 120 саженъ, тянется грандіозная липовая аллея, огромныя деревья которой ясно свидѣтельствуютъ объ ея болѣе чѣмъ полувѣковомъ существованіи: въ концѣ аллеи видны развалины большой каменной бесѣдки, а далѣе, какъ зеркало, блеститъ огромное озеро.

Между оранжереями и восточной стѣной сада лежитъ огромный пустырь, въ которомъ, кромѣ глуши и дичи, вы не встрѣтите ровно ничего; гдѣ-то гдѣ торчитъ одиноко какое-нибудь жиденькое деревцо да кустъ можжевельника; по срединѣ пустыря глубокій оврагъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ это какъ бы забытое всѣми мѣсто сада, къ которому, кажется, никогда и не прикасалась рука человѣческая. Это такъ-называемый „Страшный" или „Пантюшкинъ" садъ, имѣющій свою таинственную исторію.

Но возвратимся къ дому.

Поднявшись по одной изъ лѣстницъ, ведущихъ изъ мрачныхъ сѣней во 2-й этажъ, и повернувъ налѣво, вы входите въ роскошную залу, убранство которой великолѣпно; такія залы нельзя встрѣтить въ частныхъ домахъ; онѣ присущи только царскимъ чертогамъ. По бокамъ залы два балкона: одинъ выходитъ на эспланаду сада, другой на господскій дворъ, озеро и заводскія постройки съ ихъ огненными фонтанами, шумомъ и грохотомъ. Видъ съ этого балкона восхитительный. Влѣво отъ залы начинается цѣлая анфилада поистинѣ царскихъ комнатъ, а за ними слѣдуютъ уже и жилые покои. Это жилая половина дома. Правѣе залы расположенъ также цѣлый рядъ комнатъ, но онѣ необитаемы и представляютъ страшное запустѣніе и развалины, незамѣтныя только снаружи. Нижній этажъ по расположенію комнатъ напоминаетъ верхній, а подъ этимъ этажомъ находятся подвалы, частью отъ времени разрушившіеся, и молва гласитъ, что изъ нѣкоторыхъ подваловъ когда-то были подземные ходы, выходившіе въ поле. Молва эта, можетъ-быть, и справедлива, если принять въ расчетъ время и обстоятельства, среди которыхъ жилъ основатель и первый владѣлецъ селезневскаго завода, Семенъ Родіоновичъ Богачевъ, имя котораго и теперь, болѣе полувѣка спустя, произносится на заводѣ съ какимъ-то паническимъ страхомъ.

— Кто же былъ этотъ грозный Семенъ Родіоновичъ? — спроситъ читатель.

Прадѣдъ Семена Родіоновича, Кириллъ Дементьевъ Богачевъ въ концѣ XVII вѣка числился въ разрядѣ „тульскихъ казенныхъ кузнецовъ и ствольныхъ заворщиковъ“; иными словами: былъ житель Тулы и принадлежалъ къ податному сословію, между тѣмъ какъ предки его въ первой половинѣ XVII вѣка числились въ разрядѣ бояръ и дѣтей боярскихъ. Какимъ образомъ утратилось потомъ дворянское достоинство Богачевыхъ, неизвѣстно; но какъ бы то ни было, Семенъ Родіонычъ и его родной братъ Иванъ принадлежали къ податному сословію и въ половинѣ прошлаго столѣтія значились „желѣзныхъ водяныхъ заводовъ содержателями“. Въ это время братья Богачевы имѣли въ Тулѣ нѣсколько фабрикъ: молотовую, гвоздевую, катальную и др., на которыхъ и работало до полутораста человѣкъ, частью вольнонаемныхъ, а частью купленныхъ Богачевыми на чужое имя. Для такой купли они имѣли даже особаго „подручнаго“ человѣка, нѣкоего чиновника Долговскаго, на имя котораго и совершали купчія крѣпости.

Семенъ Богачевъ былъ человѣкъ твердаго характера, человѣкъ въ высшей степени энергичный и, что̀ называется, широкая натура, и потому узкія рамки тульской дѣятельности оказались ему тѣсны; онъ задумалъ устроить что-либо болѣе грандіозное, и вотъ его проницательный взоръ остановился на глухой, лѣсистой и многоводной мѣстности верховьевъ Оки, богатой углероднокислымъ желѣзнякомъ.

Какъ разъ кстати меньшой братъ Иванъ женился въ то время на богатой дѣвушкѣ, и Семенъ, недолго думая, предложилъ брату употребить женинъ капиталъ въ дѣло; тотъ согласился, и вотъ въ 1755 году въ 4-хъ верстахъ отъ Оки возникъ первый заводъ Богачевыхъ — Унженскій, а черезъ три года на границѣ губерній В*** и Р*** возникъ и извѣстный уже читателю заводъ Селезневскій, а спустя 8 лѣтъ они основали превосходный заводъ Пыхсинскій, служившій любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ. Въ 1783 году братья полюбовно раздѣлились: Селезневскій заводъ, вмѣстѣ съ тремя другими, всего болѣе 10 тыс. душъ, достался Семену Родіоновичу, а въ томъ же году императрица Екатерина II возвратила Богачевымъ и ихъ прежнее дворянское достоинство.

Впрочемъ, при пріобрѣтеніи земель дѣйствовала не одна купля, а Семенъ Родіоновичъ употреблялъ для этого и иныя средства.

Въ то время по верховьямъ Оки ютились цѣлыя разбойничьи шайки, для которыхъ Богачевъ былъ истинной грозой; онъ всячески истреблялъ эти шайки, но зато первый же захватывалъ въ свои руки имѣнія мелкихъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ рѣдкій не былъ въ дружбѣ съ разбойниками; въ огражденіе-то отъ нихъ Богачевъ и построилъ свою усадьбу-крѣпость и для всякаго случая сдѣлалъ изъ нея подземные ходы въ чистое поле. Молва гласитъ, что Богачевъ нерѣдко пускалъ въ ходъ еще и слѣдующій забавный способъ пріобрѣтенія чужой собственности. Семену Родіоновичу приглянулся, положимъ, извѣстный участокъ земли, и вотъ онъ объявляетъ свою претензію на эту дачу; пріѣзжаютъ слѣдователи; собираютъ крестьянъ-понятыхъ, которыхъ по приказанію Богачева тотчасъ же ведутъ на барскій дворъ, велятъ разуться и въ ихъ лапти насыпаютъ земли съ богачевскаго двора; затѣмъ понятые обуваются и идутъ на спорную дачу.

— На чьей землѣ стоите? — спрашиваетъ слѣдователь.

— На богачевской!— отвѣчаютъ въ одинъ голосъ понятые, и дача, понятно, остается за Семеномъ Родіоновичемъ.

А вотъ для примѣра и еще случай пріобрѣнія крестьянъ и земли, доказывающій полнѣйшее всемогущество Богачева. У одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ Богачевъ оттягалъ деревню Роксаново, при чемъ прежній ея владѣлецъ исчезъ неизвѣстно куда; наслѣдники помѣщика начали дѣло; пріѣхали слѣдователи, которые осмотрѣли издали и самую деревню и, переночевавъ у Богачева, утромъ собрались ѣхать въ Роксаново; вышли на крыльцо, и что̀ же?.. Видятъ, что деревни какъ не бывало!

— Гдѣ деревня? — спрашиваютъ слѣдователи у понятыхъ.

— Знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ! — отвѣчаютъ тѣ. — Да такой деревни у насъ и не бывало!

Съ тѣмъ слѣдователи и уѣхали отъ Богачева. Послѣ сказалось, что двѣ тысячи человѣкъ работали въ ночь пребыванія на заводѣ слѣдователей; деревню разнесли по бревнышку, а землю вспахали, такъ что

и слѣда деревни не осталось, а жителей ея Богачевъ разослалъ по своимъ заводамъ.

Вообще Семенъ Богачевъ былъ человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, непреклонной волей и большой самодуръ; но, будучи въ то же время человѣкомъ умнымъ, умѣлъ ладить съ сильными міра сего, а потому всякое самодурство и сходило ему съ рукъ. Онъ былъ любимъ даже княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и находился съ нимъ въ дружеской перепискѣ. Хотя лично съ княземъ и не былъ знакомъ, но зато заочно умѣлъ заслужить своими подарками полное его расположеніе; зимою, напримѣръ, Богачевъ посылалъ князю свѣжіе фрукты изъ своихъ великолѣпныхъ оранжерей, а когда, говорятъ, Потемкинъ стоялъ подъ Очаковымъ, то Богачевъ послалъ ему туда соленыхъ рыжиковъ и другихъ любимыхъ княземъ яствъ. Однимъ словомъ, онъ какъ нельзя лучше умѣлъ угодить вельможному князю. Зато съ мѣстными властями Богачевъ обращался вполнѣ безцеремонно. Разъ по какому-то дѣлу пріѣхалъ къ нему губернаторъ, но Семену Родіоновичу почему-то не заблагоразсудилось его видѣть, и онъ велѣлъ сказать губернатору, что онъ принять его не можетъ. Дѣлать было нечего, и губернаторъ поѣхалъ въ ближайшій уѣздный городъ К***. Между тѣмъ Богачевъ вручилъ одному изъ своихъ слугъ пакетъ, велѣлъ обогнать губернатора и, дождавшись на крыльцѣ его городской квартиры, вручить пакетъ его превосходительству. Слуга исполнилъ приказаніе въ точности, а превосходительство остался такой выходкой Богачева очень доволенъ, такъ какъ въ пакетѣ было вложено 50 тысячъ рублей. Самодурство Богачева иногда доходило до того, что онъ считалъ для себя все возможнымъ; невозможнаго для него ничего не было, а время и разстояніе для него какъ бы и не существовали. Уѣздный городъ К*** городъ отчасти татарскій; татары народъ довольно честный, и потому Богачевъ велъ съ ними большую дружбу; особенно онъ любилъ нѣкоего Селима, которому потомъ составилъ большой капиталъ и выстроилъ въ К*** домъ. Разъ Селимъ пріѣхалъ къ Богачеву.

— Ну, что̀ твой домъ? — спросилъ Богачевъ.

— Да еще не отдѣланъ, — отвѣтилъ Селимъ.

— Ну такъ останься у меня на день.

Селимъ остался. Вдругъ около полуночи Богачевъ разбудилъ Селима и велѣлъ ему ѣхать домой. Пріѣхалъ Селимъ въ новый домъ и видитъ, что точно какой-то волшебной силой домъ былъ превосходно отдѣланъ. Сто человѣкъ Богачевъ отрядилъ наканунѣ въ К***, и они-то въ теченіе сутокъ вполнѣ отдѣлали домъ Селима.

Въ числѣ прочихъ заводовъ у Богачева былъ заводъ Верхнеунженскій, стоявшій въ непроходимомъ мѣстѣ. Въ 1788 году Россія объявила войну Швеціи. Богачевъ, пользуясь этимъ случаемъ, предложилъ государынѣ отлить безвозмездно для артиллеріи пушки и ядра. Государыня охотно приняла предложеніе; пушки были отлиты и кое-какъ при помощи

солдатъ были доставлены въ Селезневскій заводъ. Но тутъ случилось нѣчто непріятное для Богачева: офицеръ-пріемщикъ началъ браковать богачевскія издѣлія; Семенъ Родіоновичъ этого не стерпѣлъ, разсерженный выбѣжалъ къ офицеру, и что между ними происходило—неизвѣстно; извѣстно только, что офицеръ неожиданно куда-то исчезъ, но куда, этого никто не зналъ. Пріѣхалъ другой офицеръ, который все и принялъ, а Богачевъ за свои издѣлія получилъ чинъ, дорогіе подарки и дозволеніе имѣть почетную стражу, которая постоянно окружала его домъ и конвоировала его карету.

Несмотря однако на непреклонную волю, сильный характеръ и строгость, Семенъ Богачевъ не былъ жестокъ.

Разъ только проявилъ онъ свою жестокость. Однажды передъ нимъ провинился какой-то Пантелей, или попросту — „Пантюшка". Богачевъ велѣлъ поставить его въ деревянную рамку и подтянуть петлей за горло такъ, что тотъ могъ стоять не иначе, какъ только на пальцахъ ногъ. Долго ли стоялъ въ такомъ ужасномъ положеніи несчастный Пантюшка, неизвѣстно; только онъ былъ найденъ потомъ удавленнымъ. Богачевъ приказалъ похоронить его по-христіански, но священникъ было-заартачился. „Передайте попу, что если онъ не исполнитъ моего приказанія, — сказалъ разгнѣванный Богачевъ: — то я познакомлю его съ „домной *)!" Дѣлать было нечего: противъ рожна прать было нельзя, и Пантюшка былъ отпѣтъ по-христіански.

Таковъ-то былъ Семенъ Родіоновичъ Богачевъ.

Нѣкоторые старожилы помнили его уже семидесятилѣтнимъ старикомъ. По ихъ разсказамъ, лицо онъ имѣлъ выразительное; на немъ ясно отражались и его умъ и его желѣзная воля; лобъ у него былъ широкій; брови тонкія, сдвинутыя къ широкому носу; губы тонкія; темнорусые съ сильною просѣдью волосы онъ носилъ подъ гребенку. Онъ умеръ 19 декабря 1799 г., 73 лѣтъ, и похороненъ у престола заводской кладбищенской церкви. Надъ могилой его поставленъ двухсаженный каменный столбъ, увѣнчанный шаромъ и крестомъ.

Преданіе говоритъ, что незадолго до смерти Богачева случилось довольно странное происшествіе. По случаю какого-то праздника, у Богачева былъ балъ, а въ саду иллюминація. Когда гости толпой пошли по главной аллеѣ сада смотрѣть освѣщеніе и дошли до находившейся въ концѣ аллеи каменной бесѣдки, то вдругъ на крыльцѣ послѣдней появился огромный черный человѣкъ съ оскаленными зубами. Всѣ, конечно, въ испугѣ бросились назадъ и сообщили объ этомъ Богачеву. Говорятъ, что Богачевъ, услыхавъ это, страшно поблѣднѣлъ и сказалъ: „это смерть моя приходила за мной!" И дѣйствительно, немного времени спустя Богачевъ умеръ.

---

*) Заводская плавильная, или такъ-называемая «домовая» печь.

II.

Наслѣдники Семена Богачева.

Степанъ Родіоновичъ былъ женатъ, и отъ этого брака имѣлъ сына Сергѣя, котораго мы будемъ называть „Сергѣй старшій". Покойный Семенъ Родіоновичъ почему-то сильно недолюбливалъ его, а потому Сергѣй Семеновичъ не только не жилъ съ отцомъ, но никогда не бывалъ у него, а проживалъ на одномъ изъ его дальнихъ заводовъ. Овдовѣвъ, Богачевъ жилъ съ любовницей, какой-то Мароой Гавриловной, отъ которой также имѣлъ сыновей: Сергѣя младшаго, Александра и Григорія.

Когда Богачевъ умиралъ, то при немъ не было ни сына Сергѣя ни внука Петра, уже семнадцатилѣтняго юноши, вообще не было никого изъ родныхъ, а его окружали одни только приказчики и другіе его служащіе, которые и спросили умирающаго: кому онъ предоставляетъ свое громадное имѣніе и состояніе?

— Тому, — отвѣчалъ Богачевъ: — кто кого одолѣетъ.

Когда Семенъ Родіоновичъ умеръ, то тотчасъ же объ этомъ извѣстили его законнаго сына и наслѣдника, Сергѣя старшаго, который немедленно пріѣхалъ и похоронилъ отца.

Вскорѣ послѣ смерти грознаго и полновластнаго Богачева началось постепенное разореніе его имущества и упадокъ всѣхъ его заводовъ; начались между законными и незаконными его наслѣдниками нескончаемые дѣла и процессы, которыми въ то время буквально были завалены различныя присутственныя мѣста; начались всевозможные споры и кляузы, тайное и явное расхищеніе его громаднаго имущества и вообще всякаго рода „темныя дѣла".

Недаромъ же Богачевъ сказалъ, умирая, что его имѣніе достанется тому, кто одолѣетъ; видно, сердце его чуяло всю ту неурядицу, которая началась вслѣдъ за его смертью.

Первый наложилъ руку на все огромное имущество покойнаго его законный сынъ Сергѣй Семеновичъ, человѣкъ въ то время уже вдовый и пожилой, жившій съ любовницей, какой-то Ѳедосьей Григорьевой, отъ которой имѣлъ сына Луку и двухъ дочерей. Эти дѣти жили при отцѣ вмѣстѣ съ его законнымъ сыномъ Петромъ, но жили подъ названіемъ „воспитанниковъ", и хотя были крещены въ мѣстной заводской церкви, но, по приказанію самого Сергѣя Семеновича, въ метрики записаны не были. На ихъ воспитаніе отецъ не щадилъ никакихъ средствъ, и дѣйствительно, его „воспитанники" получили превосходное образованіе и впослѣдствіи составили себѣ блестящую карьеру: Лука добился чина полковника, а его сестры вышли за генераловъ.

Между тѣмъ любовница покойнаго старика Богачева, видя, что Сергѣй Семеновичъ сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ, объявила себя

второй законной женой Семена Родіоновича и требовала отъ Сергѣя Семеновича себѣ и своимъ дѣтямъ законной части имѣнія; однако Сергѣй не призналъ законности ея брака и послалъ объ этомъ государю всеподданнѣйшее прошеніе, въ силу котораго императоромъ Александромъ I-мъ и былъ утвержденъ единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, но съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы это имѣніе онъ не могъ ни продать ни заложить; дѣло же о законности брака Маѳы Гавриловой государь повелѣлъ передать на разсмотрѣніе св. синода.

Такимъ образомъ Сергѣй Семеновичъ былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства, а его любовница, Ѳедосья Григорьева, сдѣлалась полной въ имѣніи хозяйкой.

Здѣсь невольно является вопросъ: былъ ли въ самомъ дѣлѣ покойный Богачевъ женатъ на Маѳѣ Гавриловой? Вѣроятнѣе всего, что не былъ, потому что, если бы дѣйствительно былъ женатъ на ней, то, будучи человѣкомъ въ высшей степени аккуратнымъ, онъ навѣрное позаботился бы объ имени и званіи своихъ дѣтей и о ихъ гражданскихъ правахъ, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ, что эти вторыя дѣти послѣ его смерти будутъ имѣть сильнаго соперника въ лицѣ Сергѣя старшаго. Однако такой заботливости о дѣтяхъ покойный Богачевъ не оказалъ; да наконецъ, если бы Семенъ Родіоновичъ дѣйствительно былъ обвѣнчанъ съ Маѳой Гавриловой, то его бракъ не прошелъ бы незамѣченнымъ на заводѣ и, навѣрное, живо сохранился бы въ памяти мѣстныхъ жителей. Но ничего подобнаго мы не видимъ. Точно такъ и св. синодъ не нашелъ возможнымъ бракъ Маѳы съ Богачевымъ признать дѣйствительнымъ, вслѣдствіе чего Маѳа Гаврилова и была обязана подпиской: „впредь непринадлежащимъ ей званіемъ и достоинствомъ не именоваться“.

Однако этимъ дѣло ея не кончилось, а, какъ увидимъ дальше, съ этого оно главнымъ образомъ и началось.

Сергѣй Семеновичъ, сдѣлавшись полновластнымъ послѣ отца хозяиномъ, въ 1800 г. уѣхалъ съ любовницей, законнымъ сыномъ Петромъ и тремя „воспитанниками“ въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ до самой смерти, случившейся въ 1816 году.

Въ теченіе этого времени его любовница, ставя на видъ то обстоятельство, что у Сергѣя есть законный сынъ Петръ, неотступно убѣждала его обезпечить ея „воспитанниковъ“. Сергѣй согласился и отдалъ на ея волю выборъ средствъ обезпеченія. Тогда она прежде всего удалила изъ Петербурга законнаго сына Петра, который 10 лѣтъ почти безъ всякихъ средствъ и прожилъ на Селезневскомъ заводѣ, между тѣмъ какъ Ѳедосья неограниченно стала распоряжаться всѣмъ громаднымъ имуществомъ покойнаго Богачева. Она вывезла изъ Селезневской усадьбы всѣ драгоцѣнности, продала огромные заводскіе лѣса, пріобрѣла на свое имя богачевскіе дома и въ довершеніе всего отбирала отъ заводской конторы всю наличную выручку, не оставляя денегъ даже для расчета съ рабочими. Такими-то способами она въ непродолжительномъ времени

составила себѣ и своимъ дѣтямъ капиталъ не менѣе 10 милл. р. ассигн., захвативъ при этомъ въ свои руки капиталъ и имѣніе покойной законной жены Сергѣя, т.-е. матери Петра. Наконецъ, незадолго до смерти Сергѣя, она обвѣнчалась съ нимъ, человѣкомъ уже совершенно больнымъ, и заставила его хлопотать о признаніи „воспитанниковъ“ его законными дѣтьми. Дѣйствительно, благодаря деньгамъ и какому-то счастливому случаю, „воспитанники“ Сергѣя, т.-е. незаконный его сынъ Лука съ двумя сестрами, въ 1814 г. высочайшимъ повелѣніемъ были признаны законными. Петръ, живя вдали отъ семьи, ничего этого не зналъ, и узналъ обо всемъ уже по смерти отца, когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

Напрасно несчастный наслѣдникъ въ просьбѣ на имя государя доказывалъ свои законныя права на наслѣдство: въ просьбѣ ему отказали, а сенатъ указомъ велѣлъ предоставить управленіе имѣніями всѣмъ наслѣдникамъ Семена Богачева сообща, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе двухъ лѣтъ они полюбовно раздѣлились. Но такъ какъ раздѣла не послѣдовало, то всѣ богачевскія имѣнія и поступили въ завѣдываніе мѣстной дворянской опеки, которая длилась 31 годъ и такъ успѣшно опекала громадное имущество Семена Родіоновича, что сдѣлала заводамъ убытка слишкомъ на 3 милліона рублей, за каковыя дѣянія опекуны въ 1835 г. высочайшимъ повелѣніемъ и были преданы уголовному суду, а частямъ главныхъ наслѣдниковъ: законнаго сына Петра, Луки, Григорія младшаго, незаконнаго отъ Мароы Гавриловой сына старика Богачева, былъ учиненъ сенатомъ раздѣлъ.

— Что же сталось съ любовницей покойнаго Семена Родіоновича, Мароой Гавриловой?—спроситъ читатель.

Долго ли она жила на заводѣ по смерти старика Богачева, неизвѣстно; но въ 1806 г. она проживала уже въ Петербургѣ, гдѣ ожидала рѣшенія сената о признаніи ея законной женой Семена Богачева и гдѣ она явила на могущую достаться ей по раздѣлу часть дарственную запись на имя своего старшаго сына, Сергѣя младшаго; однако она не дождалась окончанія дѣла и умерла въ 1828 г., а черезъ два года ея дѣти: Сергѣй младшій, Александръ и Григорій, были признаны законными наслѣдниками. Почти 30 лѣтъ тянулось это дѣло, а пока оно тянулось, два старшіе ея сына, Сергѣй и Александръ, успѣли умереть, и въ живыхъ остался одинъ только Григорій.

Между тѣмъ, за годъ до признанія дѣтей Мароы законными наслѣдниками, въ петербургскую гражданскую палату было подано духовное завѣщаніе Мароы, и было подано однимъ изъ извѣстныхъ въ то время казуистовъ и человѣкомъ весьма тонкимъ, нѣкіимъ отставнымъ секретаремъ Климомъ Ивановичемъ Багрянцевымъ, извѣстнымъ болѣе подъ названіемъ „отставной чернильницы“, который самолично и писалъ завѣщаніе безграмотной Мароѣ. Это завѣщаніе по существу своему было очень замѣчательно: взглянешь съ одной стороны, Климъ Ивановичъ,

по смыслу завѣщанія, оказывался душеприказчикомъ и распорядителемъ части, могущей достаться Маѳѣ Гавриловой; съ другой стороны, тотъ же Климъ Ивановичъ оказывался не только распорядителемъ, но и полнымъ хозяиномъ этой части, могущимъ, по своему усмотрѣнію, наградить наслѣдствомъ лицъ, поименованныхъ въ особомъ расписаніи, приложенномъ къ духовному завѣщанію. Гражданская палата это завѣщаніе утвердила и выдѣлила изъ имущества старика Богачева часть Маѳы Гавриловой Багрянцеву, не увѣдомивъ однако объ этомъ завѣщаніи прямыхъ наслѣдниковъ Семена Родіоновича.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что въ 1835 г. имуществу старика Богачева былъ произведенъ сенатомъ раздѣлъ, по которому незаконный сынъ его, Григорій, получилъ себѣ Селезневскій заводъ, Лука и Петръ другіе заводы, а на долю бѣднаго Клима Ивановича досталось ни болѣе ни менѣе, какъ 4.500 душъ крестьянъ, городскіе дома, покосы и т. п., всего на сумму болѣе милліона рублей.

Такой раздѣлъ поразилъ Богачевыхъ. „Кто этотъ Климъ Ивановичъ?— спрашивали они другъ друга: — и что это за завѣщаніе, о которомъ мы и не слыхивали?“ И вотъ они за разъясненіемъ этихъ вопросовъ обратились къ сенату.

Сенатъ объявилъ имъ завѣщаніе Маѳы Гавриловой, но, пока шла по этому поводу переписка и дѣло тянулось, — а въ старину, какъ извѣстно, дѣла тянулись подолгу, — достопочтенный Климъ Ивановичъ владѣлъ да владѣлъ милліонною частью Маѳы, но вдругъ случилась для него маленькая непріятность.

Одна изъ наслѣдницъ Семена Богачева, именно вдова Сергѣя младшаго, указала петербургской гражданской палатѣ на существованіе записи, которой Маѳа Гаврилова предоставляла свою часть Сергѣю младшему, какъ своему сыну, а мѣстная в—ая палата въ то же время обратилась къ Климу Ивановичу съ такого рода запросомъ: „Въ завѣщаніи Маѳы Гавриловой упомянуто объ оставленномъ вамъ расписаніи, въ которомъ обозначено: „кого и чѣмъ изъ ея части слѣдуетъ наградить“, но расписанія этого вы не представили“ и т. д. Хотя и послѣ этого напоминанія Климъ Ивановичъ продолжалъ дѣло, но въ концѣ концовъ дѣлать было нечего, и вотъ черезъ 10 лѣтъ по смерти Маѳы онъ наконецъ представилъ палатѣ это злополучное для себя расписаніе, и вотъ послѣ всей этой оказіи тѣ лица, коимъ все сіе вѣдать надлежало, растолковали наконецъ непонятливому на этотъ разъ Климу Ивановичу, что онъ въ завѣщаніи хоть и назначенъ душеприказчикомъ и распорядителемъ части Маѳы Гавриловой, но что это-де не значитъ, что вы владѣлецъ и собственникъ этой части, а потому-де вы и должны отъ этой части отказаться въ пользу ея сыновей и законныхъ наслѣдниковъ: Сергѣя, Александра и Григорія, а такъ какъ эти лица примерли, то отдать эту часть малолѣтнимъ дѣтямъ Григорія, надъ которыми будетъ учреждена опека.

Итакъ, Климъ Ивановичъ волей-неволей долженъ былъ наконецъ разстаться съ милліонною частью Мареы Гавриловой, изъ которой въ продолженіе многолѣтняго своего управленія онъ повысосалъ порядочно-таки соку и составилъ себѣ порядочный капиталецъ, а потому и послѣ такой непріятной для него оказіи тужить ему, конечно, особенно было не о чемъ.

Какъ ни бѣдствовала при жизни Мареа, но она жила аккуратно и, въ виду полученія будущихъ благъ, не дѣлала долговъ; не то пошло послѣ ея смерти. Послѣ нея одинъ за другимъ умерли ея два сына: Сергѣй меньшой и Александръ, и остался въ живыхъ одинъ только Григорій, который, получивъ одинъ всю материнскую часть, въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлалъ до 700 тысячъ рублей долгу, и въ 1840 г. правительство нашло нужнымъ учредить надъ нимъ опеку.

Слѣдуетъ сказать при этомъ, что Григорій былъ не мотъ и не кутила, а, напротивъ того, человѣкъ очень тихій и скромный, хотя и не совсѣмъ трезвой жизни. Какимъ же образомъ произошелъ такой значительный долгъ?—спросите вы. А произошелъ онъ очень просто. До полученія своей наслѣдственной части Григорій жилъ въ Петербургѣ въ крайней нуждѣ и, постоянно имѣя надобность въ деньгахъ, дѣлалъ займы, при чемъ, занимая рубль, онъ давалъ вексель на десятки рублей, благо въ Петербургѣ нашлось немало людей, дававшихъ на такихъ условіяхъ взаймы будущему наслѣднику Богачева; такимъ-то простымъ способомъ долгъ Григорія и выросъ до громадной цифры.

Въ 1838 г. въ жизни Григорія произошла значительная перемѣна: онъ женился на красивой и образованной дѣвушкѣ Варварѣ; молодая Богачева тотчасъ же отстранила отъ мужа различнаго рода проходимцевъ и взамѣнъ того сама стала оказывать на него самое благотворное во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе, которое, впрочемъ, продолжалось недолго: въ 1845 г. Григорій умеръ, а въ началѣ 1846 г. умерла и Варвара, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына и дочь. Однако поправить дѣла Григорія, да и вообще дѣла наслѣдниковъ Богачева, было уже невозможно, такъ какъ все его громадное имѣніе въ самомъ своемъ основаніи было потрясено еще Ѳедосьей Григорьевой, а потомъ вдосталь разбито благодѣтельной опекой. Какъ будто надъ всѣмъ богачевскимъ имѣніемъ со всѣхъ сторонъ понадвинулись грозныя тучи, и невозможно было предвидѣть, разразятся ли онѣ страшною грозою или разсѣются постепенно, и нельзя было предвидѣть, когда опять прояснится горизонтъ надъ богачевскими имѣніями, да и прояснится ли онъ?.. Прежде всего заводы и прочее имѣніе старика Богачева были кругомъ въ долгу; надъ нимъ тяготѣли долги частные, долги опекунскому совѣту, подати горному правленію, правительственныя ссуды, различныя пени и, вдобавокъ ко всему этому, гибельныя для заводовъ „заторжки“.

Можетъ-быть, не всѣмъ читателямъ знакомо это злополучное слово, а потому постараемся объяснить смыслъ его простымъ и нагляднымъ примѣромъ.

Въ 1834 г. одинъ изъ опекуновъ богачевскихъ заводовъ, нѣкто Пироговъ, горный чиновникъ Васильковъ и селезневская заводская контора заключили съ купцомъ Авдюшкинымъ и К° контрактъ о запродажѣ ему имѣющихся налицо и будущихъ заводскихъ издѣлій, на сумму 1½ милл. рублей. Такого-то рода контракты на запродажу заводскихъ издѣлій на мѣстномъ заводскомъ жаргонѣ и назывались заторжкой. Эта заторжка была настолько невыгодна, что опекунъ Пироговъ не счелъ возможнымъ скрыть ея невыгоду передъ мѣстной дворянской опекой; однако опека, хорошо помня, что какъ ни невыгодна для заводовъ эта заторжка, но что въ результатѣ ея непремѣнно достанется „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ и всѣмъ старцамъ по ставцамъ“,—эту заторжку утвердила. Полнѣйшая же невыгодность этого контракта была ясна до очевидности: напр., цѣны назначены такъ низко, что приходились даже ниже своихъ заводскихъ цѣнъ, не говоря уже про цѣны базарныя; но и это еще не все. По условію, заводы, или, вѣрнѣе, опекуны заводовъ могли, по своему усмотрѣнію, дѣлать (и дѣлали) уступку по 17 к. съ пуда и съ этихъ цѣнъ, а изъ этихъ уступокъ образовались, конечно, у покупщиковъ крупныя суммы, на которыя Авдюшкинъ и К° опять-таки покупалъ заводскія издѣлія; такимъ образомъ и выходило, что Авдюшкинъ платилъ хозяину заводовъ за его же издѣлія его же собственными деньгами. Мало того, Авдюшкину дозволено было имѣть на заводѣ свой амбаръ для склада издѣлій; но что̀ всего любопытнѣе, такъ это то, что богачевскіе заводы обязаны были платить Авдюшкину за провозъ своихъ издѣлій на Селезневскій заводъ, въ его, Авдюшкина, амбаръ. Наконецъ однимъ изъ пунктовъ контракта Авдюшкинъ обязанъ былъ внести въ заводскую контору, въ видѣ задатка, 215 тыс. рублей; но при этомъ интересенъ способъ, которымъ долженъ былъ зачитаться задатокъ, а именно: на какую сумму въ продолженіе мѣсяца Авдюшкинъ наберетъ издѣлій, половина этой суммы должна быть зачтена въ уплату задатка; но такъ какъ, до времени полнаго зачета задатка, часть его неминуемо должна остаться въ кассѣ конторы, то вѣдь не лежать же этимъ деньгамъ непроизводительно для тѣхъ же покупщиковъ компаніи Авдюшкина; и вотъ положили въ виду этого на томъ, что та же несчастная, и безъ того уже разоренная заводская контора обязана платить Авдюшкину за незачтенную еще часть задатка извѣстные проценты! Однимъ словомъ, разореніе заводовъ полное и велось вполнѣ систематически. Наконецъ дѣло было доведено до того, что въ конторѣ не оказалось уже и денегъ для уплаты мастеровымъ и на другія заводскія нужды. Какъ бы вы думали, читатель, какъ поступили въ этомъ случаѣ заводскіе опекуны? Да вотъ какъ: они вступили въ сдѣлку съ Авдюшкинымъ и выкинули такую штуку: такъ какъ въ заводской конторѣ денегъ не было, то они, опекуны, просили Авдюшкина разсчитываться за взятый имъ товаръ не помѣсячно, какъ было до сихъ поръ, а понедѣльно, и притомъ чистыми деньгами, т.-е. безъ зачета задатка,

контора же обязалась эту задаточную сумму, съ причитающимся на нее процентами, обратить въ долговую статью. Авдюшкинъ, понятно, согласился, и вотъ богачевскіе знаменитые заводы затянулись въ долги, которыхъ, конечно, не платили, потому что и платить было нечѣмъ, и вотъ, по прошествіи 5-ти лѣтъ, на селезневской конторѣ оказалось долгу 104 тысячи, да кромѣ того заводы со времени этой несчастной заторжки понесли около 400 тыс. убытка.

Авдюшкинъ и К° стали требовать уплаты издѣліями, но заводы платить оказались не въ состояніи: денегъ не было, а требуемаго Авдюшкинымъ количества издѣлій выработать они не могли... Осталось одно— вступить въ новую, невыгодную для заводовъ сдѣлку съ Авдюшкинымъ; такъ и сдѣлали...

Такого рода разорительныя заторжки велись безпрерывно съ 1821 по 1838 годъ, когда наконецъ правительство приняло участіе въ судьбѣ несчастныхъ заводовъ и, прекративъ заторжки, сняло такимъ образомъ съ заводовъ эту мертвую петлю.

На заводахъ Петра и Луки дѣла шли не такъ плохо, потому что надъ ними худо ли, хорошо ли, наблюдали сами владѣльцы, но опекуны имущества Григорія были не лучше селезневскихъ опекуновъ и точно такъ же, разоряя постепенно его заводы, дошли наконецъ до того, что въ одинъ прекрасный день все уцѣлѣвшее дорогое движимое имущество селезневскаго дворца будто бы сгорѣло въ находившейся въ концѣ садовой аллеи каменной бесѣдкѣ, въ которой и печи-то никогда не было!

Вотъ какая горькая участь постигла громадное имѣніе и громадное состояніе знаменитаго въ свое время заводчика — Семена Родіоновича Богачева.

БАЛАХОНЦОВЫ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ славились купцы Балахонцовы. Богатѣйшіе были люди и вели дѣло на самую широкую ногу. Не одинъ десятокъ расшивъ ходилъ у нихъ съ пшеницей и съ рыбой въ города верховые, по пятидесяти и больше гуртовъ скота гоняли къ нимъ изъ степей на салотопенные заводы. Кто на астраханскихъ ватагахъ больше рыбы ловитъ? — Балахонцовы. Кто у Макарьева самыя большія партіи желѣза закупаетъ? — Балахонцовы. Чьего сала на петербургской биржѣ больше продается? — Балахонцовыхъ. Кто бо̀льшими партіями ставитъ въ казну солдатскій холстъ да сапожный товаръ? — Все тѣ же Балахонцовы.

Старинный былъ домъ. Такихъ на Руси разъ-два и обчелся. Пять поколѣній работали, отъ родительскаго дѣла не отшатываясь: что̀ дѣдами было коплено, внуками не размотырено, больше ста лѣтъ деньга на деньгу набѣгала. И ходила молва про Балахонцовыхъ, что въ кладовыхъ своихъ они деньги четвериками пересыпаютъ, а жемчугъ гарнцами мѣряютъ.

А зачиналось богатство ихъ съ легкой руки перваго императора Петра Алексѣевича.

Въ большой, богато, хотя и не изящно убранной гостиной большого дома Балахонцовыхъ висѣлъ на стѣнѣ „царскій рублевикъ“. Въ доску, обтянутую алымъ бархатомъ и покрытую стекломъ, вставленъ былъ серебряный петровскій рубль, а внизу золотыми буквами подпись была сдѣлана: „отъ щедротъ перваго императора Петра Великаго, отца отечества, посадскому человѣку, Кузьмѣ Васильеву Балахонцу, іюня 1722 года“.

Плавалъ Петръ Алексѣевичъ на судахъ отъ Москвы до Нижняго. Здѣсь строили тогда суда новыя для похода персидскаго. Три дня до поздней ночи самъ государь съ топоромъ въ рукѣ на верфи работалъ, хорошихъ работниковъ жаловалъ, лѣнивыхъ да неумѣлыхъ дубинкой училъ. Не было у него спуску ни генераламъ, ни воеводамъ, ни посадскимъ людямъ, ни деревенскимъ мужикамъ. Умѣлъ учить и лаской и таской. Царская милость и царская гроза всѣмъ были равны.

Видитъ царь—стоитъ на берегу Волги какой-то человѣкъ и зорко смотритъ на работу. Ему лѣтъ двадцать съ небольшимъ, лицо умное, открытое, глаза такъ и горятъ. Посмотритъ-посмотритъ онъ на судно, отвернется да и чертитъ что-то на бумагѣ.

— Поди сюда, — зычнымъ голосомъ крикнулъ ему царь, всадивъ топоръ въ недодѣланную мачту.

Тотъ подошелъ и повалился въ ноги.

— Встань. Я не Богъ. Не знаешь развѣ приказа въ землю не кланяться? — и мрачная тѣнь набѣжала на лицо Петрово.— Покажи, что̀ у тебя.

Блѣдный, дрожащею рукою подалъ онъ грозному царю бумагу. Петръ взглянулъ, и лицо его просвѣтлѣло. Это былъ чертежъ судна.

— Кто ты такой?—спросилъ онъ ласково.

— Балахонскій посадскій человѣкъ.

— Чѣмъ промышляешь?

— Да промыселъ у насъ съ тобой, великій государь, одинъ,—отвѣчалъ ободрившійся Балахонецъ.—Топоромъ кормлюсь. Суда строю.

— Доброе дѣло,—сказалъ, улыбаясь, Петръ.—А какія суда строишь?

— Для низоваго ходу, по твоему царскому указу, шмаки бешнерлеи по иноземному образцу, какъ насъ на Балахнѣ твои нѣмцы учили. Только не во гнѣвъ будь тебѣ сказано—эти шмаки недалеко противъ старыхъ насадовъ пошли. Вотъ эта посудина, что̀ ты работаешь, непримѣръ способнѣй будетъ, и въ кладп противъ шмаковъ бешнерлеевъ прибыльнѣе вдвое.

— Это рейсъ-шиффъ зовется. Зачѣмъ же ты чертежъ дѣлалъ?

— Не обезсудь, великій государь, вздумалось мнѣ такую же расшиву срубить.

— Потемкинъ,—крикнулъ Петръ интенданту, завѣдывавшему стройкой судовъ.

Потемкинъ спѣшно подошелъ къ царю.

— Слышишь, какъ Балахонецъ наши рейсъ-шиффы перекрестилъ!— Расшива. Ну, коли расшива, такъ и будь расшива. А онъ дѣло сказалъ. Рейсъ-шиффъ вдвое прибыльнѣй. Макаровъ!

Государевъ денщикъ подбѣжалъ съ записной книжкой.

— Пиши,—сказалъ Петръ:—всякаго чина людямъ, которые возятъ товары на низъ и съ низу, объявить: староманернымъ судамъ не быть, сроку имъ два года; какъ два года отойдутъ, тѣ суда изсѣчь. Дѣлать рейсъ-шиффы, чтобъ и на морѣ ходъ былъ съ полной морской оснасткой. А дѣлать не образомъ только, какъ въ Твери, а самымъ дѣломъ, чтобъ крѣпки были, и добрымъ мастерствомъ; и сіе не токмо волею, но и неволею велѣть дѣлать, ослушниковъ штрафовать деньгами, вдругорядь плетьми, а пройдутъ два года—смертная казнь. Пиши указъ въ Адмиралтейсъ-коллегію. Въ губернской канцеляріи сегодня же объявить. А Балахонцову чертежъ рейсъ-шиффа дать. А деньги есть ли у тебя?

— Теперь нѣтъ, великій государь, да на это дѣло займемъ. Авось повѣрятъ?

— Займи у меня. Дать ему двѣнадцать рублей. Разживешься—отдашь. Къ каждой Пасхѣ отписывай прямо ко мнѣ, сколько судовъ на воду спустилъ. Прощай.

И Петръ поцѣловалъ въ лобъ ретиваго Балахонца.

Одиннадцать рублевиковъ Кузьма Балахонецъ въ дѣло положилъ; съ нихъ-то и зачалось богатство. А двѣнадцатый „царскій рублевикъ" берегъ онъ, какъ зѣницу ока. И дѣтямъ, и внукамъ, и всему своему роду-племени на смертномъ одрѣ завѣщалъ онъ пуще всего хранить „Петрово подаренье". Оно пропадетъ — все пропадетъ.

Царскіе рублевики въ добрыя руки попали и впрокъ пошли. Построилъ Кузьма Васильевичъ Балахонецъ въ первую зиму двѣ расшивы и продалъ съ барышомъ, на другой годъ пятокъ срубилъ, въ третью зиму двѣнадцать расшивъ зачалъ строить. „Порадую,—думалъ онъ:—царя-государя краснымъ яичкомъ къ свѣтлому дню. Самъ въ Питеръ поѣду и долгъ ему заплачу". Не довелось Кузьмѣ съ царемъ расчета свести. Умеръ Петръ, времена настали другія. О судовомъ строеньи никто не помышлялъ. Опять черепашьимъ ходомъ потащились по Волгѣ прежніе дощаники да паузы, ладьи да насады. За нихъ хозяину смертная казнь не грозила. Но расшивы не сошли съ плесовъ Волги. Съ каждымъ годомъ ихъ являлось больше и больше, и уже только во дни наши пароходы ихъ перевели.

Кузьма строилъ да строилъ расшивы. Немало труда приложилъ, и трудъ пошелъ ему на добро. Извѣстное дѣло: трудовая копейка крѣпко лежитъ и довѣку служитъ, а какъ труда не покинешь, изъ копейки рубли вырастутъ, изъ рублей сотни да тысячи. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ „Петрова подаренья" Кузьма Васильевичъ, уже переселившійся изъ родной Балахны, гремѣлъ на всю Волгу: и ватаги астраханскія у него были, и заводы-салотопни, и кожевенные заводы, и въ Питеръ хлѣбъ ставилъ, и у Макарья торговалъ.

Кузьма Васильевичъ почти до девяноста лѣтъ жилъ и до смертнаго часа самъ дѣлами вѣдалъ. А какъ собрался помирать, всю семью вокругъ смертнаго одра собралъ: двухъ сыновей, уже сѣдыхъ, пятерыхъ внуковъ и двѣнадцать правнуковъ, опричь женскаго пола. „Вотъ вамъ, дѣтки,—сказалъ онъ:—приказъ и благословенье: при животѣ васъ не выдѣлялъ и въ смертный часъ дѣлиться не приказываю. Живите заодно, въ любви да въ совѣтѣ, капиталъ не дѣлите, распоряжайся старшой, а моложе кто служи ему какъ отцу. У кого въ рукахъ царскій рублевикъ, тотъ всему дѣлу голова. Кононъ, ты старшій по мнѣ, бери рублевикъ, умирать станешь, брату отдай, а помретъ онъ прежде тебя, сыну своему старшему, и такъ отъ роду въ родъ. А кто противъ моей воли пойдетъ—нѣтъ тому моего благословенья, нѣтъ тому части въ нажитомъ мною добрѣ".

И свято хранили Балахонцовы дѣдовъ завѣтъ. И множилось богатство ихъ, и былъ совѣтъ да любовь во всемъ роду-племени.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ главою дома былъ Аѳанасій Егоровичъ. Когда помиралъ прадѣдъ его, Кузьма Васильевичъ, было ему уже двадцать лѣтъ, въ ту пору онъ только-что женился. Народила ему первая хозяйка кучу дѣтей, да всѣхъ Богъ прибралъ. Овдовѣлъ Аѳанасій, на другой женился, и отъ нея были дѣти, да тоже Богъ не благословилъ долго жить, уцѣлѣлъ только одинъ сынокъ, Иванъ Аѳанасьевичъ.

Самъ Аѳанасій Егоровичъ въ родительскомъ домѣ жилъ, а братья и племянники по разнымъ городамъ, гдѣ дѣла были: кто въ Астрахани на ватагахъ, кто въ Саратовѣ, кто въ Петербургѣ при конторѣ, кто въ Сибири на заводахъ. Торговое дѣло шло ладно, Аѳанасій все племя въ стрункѣ держалъ.

Насталъ тридцатый годъ — тяжелый годъ, время Божьяго насланья на Русь. Еще за годъ показалась въ Оренбургѣ болѣзнь, дотолѣ невѣдомая, толковали, что изъ Хивы ее въ хлопкѣ завезли; валило народъ какъ траву подъ косой. Подоспѣли морозы—стихла болѣзнь. Потолковали объ ней и забыли. Но Балахонцовымъ она была памятна: родной братъ Аѳанасья Егоровича съ женой и двумя сыновьями къ Богу пошли. Въ тридцатомъ году болѣзнь оказалась въ Астрахани и пошла вверхъ по Волгѣ до самаго Нижняго. Лѣкаря назвали ее „холера морбусъ“, и набожные люди отыскали о ней у Іисуса, сына Сирахова: „трудъ, бдѣніе и холера съ мужемъ неопытнымъ“; „пресыщеніе приблизитъ даже до холеры“. Ужасъ объялъ все Поволжье.

ПИСЬМА О РАСКОЛѢ.

Письмо первое.

Расколъ и *раскольники* представляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторической жизни русскаго народа. Но это явленіе, хотя и существуетъ болѣе двухъ столѣтій, остается доселѣ надлежащимъ образомъ неизслѣдованнымъ. Ни администрація ни общество обстоятельно не знаютъ, что̀ такое *расколъ*. Этого мало: девять десятыхъ самихъ раскольниковъ вполнѣ не сознаютъ, что̀ такое *расколъ*.

А между тѣмъ русская литература въ двѣсти лѣтъ произвела болѣе сотни книгъ, относящихся къ расколу, не говоря о журнальныхъ статьяхъ послѣдняго времени. Но что̀ представляютъ всѣ эти книги? Много ли онѣ разъясняютъ дѣло раскола? Многочисленныя сочиненія полемическаго содержанія касались не сущности дѣла, но лишь случайныхъ, внѣшнихъ его признаковъ, которые иногда не заключали въ себѣ ровно ничего существеннаго. Еще менѣе выяснили расколъ сочиненія историческія. Во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ этого рода книгахъ, начиная отъ книги А. И. Журавлева, говорится очень много о разныхъ предметахъ, относящихся къ расколу, но очень мало о сущности раскола. Во всѣхъ совершенное отсутствіе критики; во всѣхъ односторонность... Затѣмъ, до послѣдняго времени (т.-е. до 1857 г.) русская литература не представила никакого другого матеріала для изслѣдованія раскола. Оттого-то вопросъ о расколѣ представляется до сихъ поръ столь неяснымъ, столь запутаннымъ, что для надлежащаго разъясненія его путемъ анализа потребно еще много матеріаловъ, много времени и много спеціалистовъ. Это совершенно нетронутая почва.

Да, ни наша администрація *) ни наша литература, двѣсти лѣтъ

---

*) Правительство не дальше, какъ въ 1853 году, признало необходимымъ узнать, что̀ такое расколъ. Для этого въ четырехъ губерніяхъ спеціально приготовленными людьми собраны были матеріалы и на основаніи ихъ составлены «отчеты о современномъ состояніи раскола». Эти отчеты не публикованы, но, по счастливому стеченію обстоятельствъ, ими воспользовались г. Щаповъ и редакторы «Православнаго Собесѣдника».

видя предъ собою во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное явленіе, до сихъ поръ ясно не понимаютъ, что̀ это за явленіе.

Да, надо откровенно сознаться, что въ продолженіе двухсотъ лѣтъ ни русская администрація ни русская литература ничего почти не сдѣлали для разъясненія этого предмета, предмета темнаго, не любящаго свѣта и къ тому же, по стеченію обстоятельствъ, на долгое время поставленнаго въ потемки тайны. Администрація сначала воздвигала костры, потомъ собирала подать съ бороды и рядила раскольниковъ въ кафтаны съ козыремъ и знакомъ на вороту, а впослѣдствіи облекла все дѣло раскола въ непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно разсуждала о томъ, сколькими пальцами ради спасенія души надо креститься и сколько разъ говорить „аллилуія", а потомъ стала искать въ расколѣ воображаемыхъ качествъ, основывая свои воззрѣнія не на личномъ знакомствѣ съ расколомъ и раскольниками и не на взглядѣ ихъ на религію и соціальныя отношенія.

Теперь, когда мы пережили и страшную пору костровъ, и странную пору тайны, и темную пору схоластическаго словопренія о сложеніи перстовъ и ходахъ посолонь, теперь, когда все это признано несчастными и неудачными попытками уничтожать расколъ, теперь мы знаемъ о немъ все-таки не больше того, сколько знали наши дѣды и отцы во времена страшныхъ костровъ, странной тайны и темной, раздражительной схоластической полемики. Мы даже меньше ихъ знаемъ, ибо больше, чѣмъ они, удалились отъ простого народа. Между тѣмъ нѣкоторыя сочиненія по части раскола, явившіяся въ послѣднее время (съ 1857 г.), частью въ журналахъ, частью отдѣльными книгами, доказали, что русская публика жаждетъ уясненія этого предмета, горячо желаетъ, чтобы путемъ всепросвѣщающаго анализа разъяснили ей наконецъ загадочное явленіе, отражающееся на десяткѣ милліоновъ русскихъ людей и не на одной сотнѣ тысячъ народа въ Пруссіи, Австріи, Дунайскихъ княжествахъ, Турціи, Малой-Азіи, Египтѣ и, можетъ-быть, даже Японіи *). И образованная публика и грамотные простолюдины, даже многіе, очень многіе раскольники чувствуютъ необходимость узнать, что̀ за явленіе этотъ загадочный расколъ, о существованіи котораго двѣсти лѣтъ всѣ знаютъ и котораго до сихъ поръ никто не понимаетъ. Но сочиненія о расколѣ, явившіяся въ послѣднее время, еще не вполнѣ удовлетворяютъ возникшей потребности... Впрочемъ, тѣмъ, къ сожалѣнію, немногимъ спеціалистамъ, которые знаютъ русскій народъ и, изучивъ его въ книгахъ, видали и лицомъ къ лицу раскольниковъ, можетъ-быть, еще рано подвергать расколъ анализу. Прежде анализа необходимо собрать матеріалы, *всѣ* матеріалы. Прежде чѣмъ судить о расколѣ безошибочно, надобно побольше такихъ дѣятелей, какъ гг. Щаповъ, Максимовъ, Есиповъ,

*) «Путешественникъ въ Опоньское царство», о раскольнической рукописи первыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Ламанскій, Александръ Б...; надобно побольше такихъ изданій, какими въ послѣднее время подарилъ публику г. Кожанчиковъ, надобно побольше такихъ статей, какія помѣщаются въ „Чтеніяхъ Императорскаго московскаго общества исторіи“, въ журналѣ г. Тихонравова и въ сборникѣ г. Кельсіева.

Матеріалами для научныхъ аналитическихъ изслѣдованій о расколѣ могли бы служить:

1) Сочиненія духовныхъ лицъ, писавшихъ о расколѣ.

2) Сочиненія раскольническія: историческія, полемическія и пр.

3) Архивныя дѣла разныхъ правительственныхъ учрежденій.

Сочиненія духовныхъ лицъ, несмотря на ихъ односторонность (они касаются почти исключительно обрядовъ внѣшняго богопочитанія), составляютъ довольно важный матеріалъ для изслѣдованій о расколѣ. Эти сочиненія никогда не составляли секрета; напротивъ, они печатались для того, чтобы быть распространенными въ народѣ сколь возможно въ большемъ числѣ экземпляровъ. Между тѣмъ самыя важныя изъ нихъ составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Такъ, напримѣръ: „Скрижаль“, „Увѣтъ“, „Жезлъ правленія“, „Пращица“, „Обличеніе раскольниковъ“ (Өеофилакта) теперь находятся лишь въ немногихъ библіотекахъ, хотя въ первой половинѣ прошлаго вѣка были разосланы почти во всѣ церковные приходы. Но не только сочиненія этого рода, писанныя и печатанныя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, даже нѣкоторыя изъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ книгъ, составляютъ въ высшей степени библіографическую рѣдкость, напримѣръ, книга православнаго епископа Платона Аѳанацкевича о Бѣлой-Криницѣ и о раскольничьемъ митрополитѣ Амвросіи, напечатанная въ 1848 году, „О духоборцахъ“, профессора кіевской академіи Ореста Новицкаго, и друг. *). Считаю излишнимъ говорить, какъ бы полезно было для исторической науки новое изданіе всѣхъ этого рода сочиненій. Если возразятъ указаніемъ на матеріальныя затраты и вопросомъ: могутъ ли распродажею книгъ покрыться эти затраты?—то отвѣтъ готовъ: „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ“, Димитрія Ростовскаго, имѣлъ четыре изданія и все-таки составлялъ библіографическую рѣдкость; въ 1855 году напечатали пятое, и теперь, черезъ семь лѣтъ, мы уже не встрѣчаемъ его въ книжныхъ лавкахъ, кромѣ синодальной, да и въ той, какъ слышно, осталось немного экземпляровъ. Само собою разумѣется, что болѣе нужно изданіе тѣхъ сочиненій духовныхъ лицъ, относящихся къ расколу, которыя вовсе не были напечатаны и хранятся по разнымъ библіотекамъ, преимущественно по семинарскимъ.

Не менѣе важно для успѣха историческихъ изслѣдованій о расколѣ новое изданіе нѣкоторыхъ рукописныхъ, а также и напечатанныхъ въ

---

*) Теперь эта книжка въ три печатныхъ листа стоитъ не менѣе 50 р Я знаю, что ее покупали и за 100 р.

XVII столѣтіи сочиненій, составленныхъ до патріаршества Никона. На этихъ сочиненіяхъ раскольники основываютъ свои мнѣнія, и поэтому критическій разборъ ихъ необходимъ. Въ особенности желательно было бы видѣть въ новомъ изданіи слѣдующія книги, теперь весьма рѣдкія, книги, безъ изученія которыхъ шагу нельзя сдѣлать тѣмъ, которые желаютъ разсуждать о русскомъ расколѣ не съ вѣтру, а основательно: 1) „Стоглавъ", 2) „Потребники", напечатанные въ Москвѣ въ 1625, 1633, 1636, 1647 гг., 3) „Большой катехизисъ", напечатанный въ Москвѣ при патріархѣ Филаретѣ, 4) „Соборникъ", напечатанный въ Москвѣ въ 1642 и 1647 гг., 5) „Псалтырь слѣдованная", одобренная патріархомъ Іосифомъ, 6) „Кириллова книга", напечатанная въ Москвѣ въ 1644 г., 7) „Книга о вѣрѣ", напечатанная въ Москвѣ въ 1648 г., 8) „Кормчая", напечатанная въ Москвѣ въ 1653 г., 9) „Скитское покаяніе", напечатанное въ Супраслѣ въ 1788 г., 10) „Проскинитарій" Арсенія Суханова *) и многія другія. Само собою разумѣется, что нѣкоторыя изъ этихъ книгъ надо печатать не цѣликомъ, а только частями, напримѣръ, въ іосифовской псалтыри для изученія раскола важно только предисловіе.

Что касается до печатныхъ сочиненій о расколѣ, составленныхъ свѣтскими членами православной церкви, то ихъ немного: До послѣдняго времени всего ихъ было, кажется, только двое: г. Андрей Муравьевъ, авторъ книги: „Расколъ, обличаемый своею исторіею", и г. А. Щаповъ, издавшій въ 1857 году книгу о расколѣ, напечатанную имъ, когда онъ былъ еще студентомъ казанской духовной академіи. Первое изъ этихъ сочиненій теперь рѣдко, но сомнительно, чтобы, въ видахъ научной пользы, потребно было новое изданіе сочиненій г. Муравьева. Что касается сочиненія А. П. Щапова, то, конечно, это лучшее изъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій о расколѣ, несмотря на нѣкоторые недостатки, неизбѣжные для студента, еще мало знакомаго съ дѣйствительною жизнью раскольниковъ. Сколько мнѣ извѣстно, уважаемый авторъ этого замѣчательнаго труда намѣренъ, пересмотрѣвъ и исправивъ свою книгу, издать ее вновь. Всякій, кому дорога наука, отъ души пожелаетъ, чтобы обстоятельства благопріятствовали этому прекрасному намѣренію г. Щапова.

Въ послѣднее время и за границей появлялись нѣкоторыя сочиненія о русскомъ расколѣ. Кромѣ лондонскаго „Сборника о раскольникахъ" г. Кельсіева (на русскомъ языкѣ), особенно замѣчательны: на нѣмецкомъ—барона Гакстгаузена (въ его „Путешествіи по Россіи"), на англійскомъ — графа Красинскаго (о протестантизмѣ у славянъ) и на французскомъ — неизвѣстнаго автора, но по всему видно, что русскаго чиновника, „Le Raskol"...

---

*) «Проскинитарій» напечатанъ въ I-мъ томѣ «Сказаній русскаго народа» г. Сахарова, но съ выпусками тѣхъ мѣстъ, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ расколу. «Стоглавъ» напечатанъ за границей, но по неисправному списку.

Сочиненія раскольниковъ довольно многочисленны. Они имѣютъ даже свою библіографію въ каталогѣ Павла Онуфріевича Любопытнаго, доведенномъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія *). Послѣ П. Любопытнаго являлось еще немало раскольническихъ сочиненій. До послѣдняго времени изъ раскольническихъ сочиненій были напечатаны весьма немногія. Перечисленіе ихъ не будетъ продолжительно.

1) „Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ". Начинается: *Аще убо древле творецъ Омиръ.*

2) „Соловецкая челобитная царю Алексію Михайловичу", начинающаяся слѣдующимъ обращеніемъ къ государю: *Благовѣрному и благочестивому и въ православіи свѣтло сіяющему.*

3) „Посланіе къ брату" (Фирсова), начинающееся словами: *Понеже прошеніе твое бысть.*

4) „Повѣсть о бѣломъ клобукѣ", начинающаяся: *По смерти убо нечестиваго царя Максентія.* Это сочиненіе не раскольническое въ тѣсномъ смыслѣ; оно писано не противъ православія, но было обидно для Москвы,—возвышало предъ нею Новгородъ,—а потому и осуждено на томъ же соборѣ 1667 года, на которомъ преданы отлученію и раскольники.

5) „Повѣсть дьякона Ѳеодора" (о Аввакумѣ, Лазарѣ и Епифаніи), начинающаяся: *Тайну цареву добро есть хранити.*

6) Его же „Мученіе нѣкіихъ старецъ и исповѣдникъ Петра и Евдокима", начинающееся: *Въ лѣто 7177 февраля 17.*

7) „Преніе священнодьякона Ѳеодора", начинающееся: *Митрополиту, живущу на Москвѣ.*

Всѣ эти сочиненія напечатаны въ одномъ сборникѣ славянской печатью, нѣсколько разъ перепечатаны (въ концѣ XVIII ст.) въ польскихъ типографіяхъ (въ Супрасли и друг.) и въ Россіи, именно въ Клинцахъ.

Въ послѣднее время (въ 1861 г.) стали наконецъ появляться въ печати раскольническія сочиненія **). Нельзя не пожелать, въ видахъ пользы общественной и пользы науки, чтобы *всѣ* раскольническія сочиненія были наконецъ извлечены изъ-подъ спуда и напечатаны хотя бы для одного того, чтобы передъ свѣтомъ гласности они потеряли то обаятельное вліяніе, которое, по рѣдкости и таинственности своей, они имѣютъ доселѣ на нашихъ простолюдиновъ. Было время, когда полагали, будто оглашеніе такого рода сочиненій опасно для православія и можетъ имѣть вредное вліяніе на народъ. Такое мнѣніе, признанное теперь и церковью и правительствомъ за ошибочное, было оскорбительно для церкви, которой не только какой-нибудь расколъ, но даже самыя врата адовы, по слову Іисуса Христа, одолѣть не могутъ. Вѣдь наше

---

*) Этотъ каталогъ, говорятъ, скоро будетъ напечатанъ.

**) «Исторія Выговской пустыни», «Житіе Аввакума» и друг.

православіе, какъ извѣстно, чисто и непорочно, а чистой и непорочной вѣрѣ нечего опасаться какихъ-нибудь расколовъ. Напротивъ, утаеніе возраженій противниковъ церкви даже можетъ поселить сомнѣніе въ сердцахъ вѣрныхъ. Утаеніе раскольничьихъ сочиненій придаетъ имъ важность, которой они не имѣютъ. Утаеніе ихъ отъ свѣта печатнаго слова доселѣ вредило господствующей церкви несравненно болѣе, чѣмъ все, что̀ ни написано въ этихъ книгахъ. Утаеніе этихъ книгъ придавало имъ авторитетъ, а расколу силу. Свѣдѣніе этихъ *секретныхъ* сочиненій и строгое запрещеніе не только печатать, но даже имѣть ихъ у себя въ рукописяхъ, давало расколу личину страдающей, угнетаемой правды не только въ средѣ раскольниковъ, но и въ глазахъ образованныхъ людей. Въ настоящее время, когда начали появляться въ печати раскольническія сочиненія, и люди образованные и люди только грамотные сознательно усматриваютъ, что ученіе раскола не болѣе, какъ порожденіе невѣжества. Кто же больше всего негодуетъ теперь на появленіе въ свѣтъ раскольническихъ сочиненій? Бѣлокриницкіе архіереи, бѣглые попы, раскольничьи большаки, наставники, уставщики, уставщицы, а особенно такъ-называемые народомъ „коноводы", которымъ расколъ доставляетъ болѣе или менѣе значительныя матеріальныя выгоды. Эти люди печатаніе раскольническихъ сочиненій, извлеченіе ихъ изъ-подъ спуда обаятельной тайны и прежде считали и теперь считаютъ дѣломъ несравненно опаснѣйшимъ для нихъ, чѣмъ бывшіе въ прежнія времена костры, пытки, ссылки и всякаго рода преслѣдованія. Эти преслѣдованія не только не уничтожали раскола, но, напротивъ, возвышали и укрѣпляли его, доставляя ему сонмы страдальцевъ и мучениковъ и умножая такимъ образомъ число новыхъ послѣдователей, которые, въ виду каждаго преслѣдованія, толпами обращались въ расколъ, не понимая вполнѣ сознательно, въ чемъ онъ состоитъ, но памятуя лишь старую русскую пословицу: „не та вѣра свята, которая мучитъ, а та, которую мучатъ". Напротивъ, разоблаченіе тайнъ раскола, посредствомъ печатанія раскольническихъ сочиненій, лучше всего покажетъ и уже начинаетъ показывать несостоятельность догматики раскола, что̀ совершенно роняетъ авторитетъ расколоучителей. Въ настоящее время хотя немного, но уже поднятъ край завѣсы, за которой, подъ тѣнью благотворной для раскола, и только для одного раскола, тайны, давно скрывалось и пока еще скрывается много неразгаданнаго, много темнаго. Желать напечатанія *всѣхъ* раскольническихъ сочиненій, какъ бы дерзко ни отзывались они о церкви и правительствѣ, значитъ желать блага и преуспѣянія этому самому православію и этому самому правительству. Православію ли бояться тьмы и навѣтовъ невѣжества, которые имѣютъ силу лишь до той поры, пока они не выйдутъ на свѣтъ Божій? Кто думаетъ противное, тотъ оскорбляетъ достоинство православія. *Все, все* вышедшее изъ-подъ пера расколоучителей непремѣнно слѣдуетъ напечатать, а потомъ все дѣло подвергнуть строгому анализу и выставить

на страшный, неподкупный судъ общественнаго мнѣнія. Гласность, народныя школы и совершенное отсутствіе даже мало-мальскихъ религіозныхъ преслѣдованій — вотъ единственно вѣрныя средства къ тому, чтобы расколъ палъ самъ собою. Не надо забывать, что всѣ эти средства не только допускаются, но даже проповѣдуются православіемъ.

Архивныя дѣла разныхъ правительственныхъ учрежденій заключаютъ въ себѣ громадную массу свѣдѣній о расколѣ. Но едва ли правы тѣ, которые смутность современныхъ понятій о расколѣ считаютъ прямымъ и *исключительнымъ* слѣдствіемъ недоступности архивовъ, полагая, что какъ скоро архивныя дѣла сдѣлаются общедоступными, то *сейчасъ же* мгла, покрывающая понятія о расколѣ, разсѣется. Отрицать возможность разъясненія полувѣдомаго или даже почти совсѣмъ невѣдомаго раскола посредствомъ извлеченія матеріаловъ изъ архивовъ было бы крайне нелѣпо, но и полагать, что въ этихъ архивахъ заключается *все, что нужно для дѣла*, значитъ ошибаться. Что̀ заключается во всей этой громадной массѣ старыхъ дѣлъ? Извѣстія о дѣйствіяхъ церкви и правительства противъ раскольниковъ и дѣла, возникавшія по *частнымъ* случаямъ. Все это, конечно, важно и, пожалуй, даже необходимо для научнаго изслѣдованія раскола, но все-таки далеко не составляетъ *главнаго* и, какъ иные полагаютъ, *единственнаго* источника для изученія раскола. Замѣтимъ при этомъ, что архивными дѣлами о расколѣ слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осторожностью, потому что, при формальныхъ допросахъ и показаніяхъ, раскольники (да и не одни раскольники) не бываютъ откровенны и искренни. Вообще въ архивныхъ дѣлахъ что-нибудь одно: или пристрастный, односторонній взглядъ лица, чуждаго расколу, или умышленно несправедливыя объясненія своего дѣла раскольниками. Взаимное недовѣріе тѣхъ и другихъ лицъ, недовѣріе, существующее не со вчерашняго дня, достаточно объясняетъ причину этого явленія.

До послѣдняго времени правительственные архивы, въ которыхъ хранятся дѣла о раскольникахъ, были совершенно недоступны для изслѣдователей, но теперь и съ нихъ понемножку снимается всегда и во всемъ вредная тайна. Намъ остается только желать, чтобы какъ можно болѣе являлось такихъ трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ архивныхъ дѣятелей, какъ гг. Есиповъ и Ламанскій *).

Но если наконецъ будутъ напечатаны и *всѣ* сочиненія духовныхъ лицъ, писавшихъ о расколѣ, составляющія въ настоящее время библіографическую рѣдкость, и *всѣ, безъ исключенія*, сочиненія раскольниковъ, и наконецъ извлеченія изъ *всѣхъ* архивныхъ дѣлъ, то и тогда

---

*) «Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго археологическаго общества», т. II, изданныя въ 1861 году, подъ редакціею В. И. Ламанскаго. «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи» Г. В. Есиповымъ. Спб. 1861 г.

всего этого богатаго и разнообразнаго матеріала все-таки будетъ еще недостаточно для того, чтобы основательно изучить расколъ и снять съ него ту темную завѣсу, которая мѣшаетъ мыслящимъ людямъ знать, что̀ это за явленіе, двѣсти лѣтъ существующее въ Россіи и никѣмъ изъ русскихъ еще неразгаданное.

Не въ однѣхъ книгахъ надо изучать расколъ. Кромѣ изученія его въ книгахъ и архивахъ, необходимо стать съ нимъ лицомъ къ лицу, пожить въ раскольническихъ монастыряхъ, въ скитахъ, въ колибахъ, въ заимкахъ, въ кельяхъ, въ лѣсахъ и т. п., изучить его въ живыхъ проявленіяхъ въ преданіяхъ и повѣрьяхъ, не переданныхъ бумагѣ, но свято сохраняемыхъ цѣлымъ рядомъ поколѣній; изучить обычаи раскольниковъ, въ которыхъ немало своеобразнаго и отличнаго отъ обычаевъ прочихъ русскихъ простолюдиновъ; узнать воззрѣніе раскольниковъ разныхъ то̀лковъ на міръ духовный и міръ житейскій, на внутреннее устройство ихъ общинъ и т. п.

Только при подобномъ изученіи раскола и при имѣніи подъ руками тѣхъ матеріаловъ, о которыхъ сказано выше, можно будетъ приступить къ *анализу раскола.* А до тѣхъ поръ это одна трата времени и труда.

Письмо второе.

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, знали тогдашній расколъ несравненно лучше, чѣмъ мы знаемъ расколъ современный. Знали его лучше насъ потому, что, ведя съ нимъ борьбу прямую, борьбу открытую, старались его узнавать во всѣхъ подробностяхъ, какъ полководецъ старается узнавать состояніе враждебнаго стана. Знали расколъ лучше насъ и потому, что сами раскольники, какъ ни тяготѣли надъ ними суровыя, жестокія законоположенія того времени, не вели дѣлъ своихъ такъ скрытно, какъ въ ближайшее къ намъ время, не таились ни передъ кѣмъ до той поры, пока на опытѣ не узнали, что искренность и откровенность не ведутъ ни къ чему, кромѣ усиленія преслѣдованій. Раскольники писали болѣе, чѣмъ теперь, правды о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, обрядахъ и устройствѣ своихъ общинъ. Главная причина такой откровенности въ виду костровъ, застѣнковъ, плахи, кнута и ссылокъ заключалась въ томъ, что вопросъ раскольническій поставленъ былъ при условіяхъ полной гласности. Велась гласная и поэтому честная полемика между представителями церкви и представителями раскола. Правда, въ этой полемикѣ было много неприличнаго, доходившаго съ обѣихъ сторонъ даже до ругательствъ, даже до богохульства; но это было неизбѣжно при фанатизмѣ обѣихъ сторонъ, который тогда былъ въ полномъ разгарѣ и не могъ не быть, ибо въ первую пору всякаго религіознаго разномыслія фанатизмъ неизбѣжно проявляется во всей своей силѣ, со всѣми своими темными сторонами. Притомъ же грубость и невѣжество отличали тотъ вѣкъ и отражались даже въ сочиненіяхъ самыхъ просвѣ-

щенныхъ писателей XVIII вѣка не только у насъ въ Россіи, не вышедшей еще изъ мрака невѣжества, но и въ западныхъ государствахъ, далеко опередившихъ Россію на пути цивилизаціи. Несмотря однако на фанатизмъ, несмотря на узкую односторонность, дикую раздражительность и все неприличіе (на глаза людей XIX вѣка) этой полемики, правды и искренности въ ней было несравненно больше, чѣмъ въ осторожныхъ и уклончивыхъ сочиненіяхъ послѣдующихъ поколѣній.

Петръ I, при всей широтѣ принадлежавшаго ему воззрѣнія на свободу совѣсти, для раскольниковъ, и только для однихъ ихъ, признавалъ нужною и даже необходимою строгость. Петру, при его безпокойной, лихорадочной дѣятельности, хотѣлось какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, совершить задуманную имъ, для утвержденія централизаціи и абсолютизма, реформу. Ему еще при жизни своей хотѣлось весь противный ему стариный русскій бытъ замѣнить бытомъ народовъ западныхъ, столь полюбившихся ему сперва на Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ пировалъ онъ съ Лефортомъ и дѣвицами Монсъ, а потомъ за границей, гдѣ въ то время господствовалъ полный абсолютизмъ. Русскій народъ охотно перенималъ всѣ *полезныя* нововведенія, но не могъ видѣть пользы ни въ бритьѣ бородъ, ни въ табакѣ, ни въ парикѣ, ни въ другихъ подобнаго рода нововведеніяхъ. Всего больше народъ русскій упорствовалъ тамъ, гдѣ петровская реформа касалась домашняго очага, частнаго быта, вѣковыхъ преданій. Но, не будучи въ силахъ бороться, русскій народъ противопоставлялъ желѣзной волѣ реформатора страшную силу — *силу отрицанія.* Петръ, которому хотѣлось, чтобы всѣ его подданные даже и думали не иначе, какъ онъ велитъ, постигалъ, что̀ за мощная, что̀ за непреоборимая эта сила, единственная сила, которую выработалъ русскій народъ подъ гнетомъ московской централизаціи, воеводскихъ притѣсненій и крѣпостной зависимости, сила, замѣнившая въ нашемъ народѣ энергію, заснувшую съ тѣхъ поръ, какъ сняты были вѣчевые колокола и вольное слово самоуправленія замолкло передъ лицомъ Москвы. Отрицаніе всего сильнѣе было со стороны раскольниковъ, и Петръ полагалъ, что въ нихъ, и именно въ нихъ однихъ, кроется корень противленія его преобразованіямъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ не могъ смотрѣть на раскольниковъ иначе, какъ „на лютыхъ непріятелей государю и государству, непрестанно зло мыслящихъ“, какъ выразился онъ въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ указовъ. До какой степени было справедливо такое мнѣніе Петра, можно видѣть изъ опубликованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ по дѣлу о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Можетъ-быть, старо-русская партія царевича возлагала свои надежды на раскольниковъ, можетъ-быть, и сами раскольники возлагали на Алексѣя свои надежды; можетъ-быть, они, хотя и ошибались, но смотрѣли на несчастную жертву интригъ Меньшикова и Екатерины, какъ на будущаго возстановителя попираемой и презираемой отцомъ его старины; но ни въ

розыскѣ по дѣлу царевича, ни во всѣхъ раскольническихъ сочиненіяхъ того времени, ни въ преданіяхъ раскольниковъ не видно ни самомалѣйшаго слѣда, который обличалъ бы какую-нибудь причастность раскольниковъ къ этому дѣлу. Но тѣмъ не менѣе крутыя, желѣзныя мѣры Петра противъ раскольниковъ и строгій правительственный надзоръ за ними начинаются непосредственно за процессомъ царевича Алексѣя. Явленіе, достойное серьезнаго историческаго изслѣдованія, на которое, сколько мнѣ помнится, еще не было обращено вниманія изслѣдователей. Кто знаетъ, можетъ-быть, какая-нибудь строка, какое-нибудь невольное слово полупомѣшаннаго колодника, вырванное у него на дыбѣ или на вискѣ, навлекло на раскольниковъ длинный рядъ строгихъ и несправедливыхъ преслѣдованій.

Но Петръ, объявивъ публично и торжественно государственными и своими личными непріятелями раскольниковъ, вступивъ съ ними въ борьбу не какъ съ противниками господствующей церкви, но какъ съ ревностными поборниками ненавистной ему старины, хотѣлъ смотрѣть расколу прямо въ глаза и въ концѣ своего царствованія употреблялъ всѣ возможные для него способы и средства, чтобы навѣрное и какъ можно скорѣй узнать, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣетъ онъ дѣло. Гласно, открыто, съ свойственной ему во всѣхъ, даже и въ самыхъ жестокихъ и несправедливыхъ дѣлахъ, откровенностью, съ полнымъ, никогда не покидавшимъ его убѣжденіемъ въ непогрѣшительность всѣхъ своихъ поступковъ, вступилъ Петръ въ борьбу съ расколомъ. Онъ не принялъ себѣ за образецъ испанскихъ королей, которыхъ еще съ XV вѣка православное духовенство ставило русскимъ государямъ въ образецъ, достойный подражанія *), и которымъ, какъ извѣстно изъ исторіи, иные христіанскіе монархи и послѣдовали. Онъ не подражалъ ни Филиппу II ни его преемникамъ, что̀ въ безгласномъ мракѣ инквизиціи секретно губили даже подозрѣваемыхъ только въ уклоненіи отъ господствующей церкви, тщательно отбирая повсюду и предавая то таинственному, то всенародному, торжественному сожженію книги и рукописи, которыя у нихъ отбирали. Петръ не старался о томъ, чтобы никто не смѣлъ говорить о расколѣ; да и странно было бы не говорить о томъ, что̀ существуетъ, что̀ растетъ съ каждымъ днемъ, что̀ возбуждаетъ противъ себя сильныя мѣры правительства, что̀ возвышаетъ свой голосъ, что̀ заста-

*) Такъ, въ 1490 г. Геннадій, архіепископъ новгородскій, знаменитый, впрочемъ, ревнитель просвѣщенія, писалъ къ московскому митрополиту Зосимѣ по дѣлу о новгородскихъ еретикахъ: «А толко, государь нашъ, сынъ твой князь великій, того не обыщетъ и тѣхъ не казнитъ, ино какъ ему съ своей земли та соромота свести? Ано фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ; сказывалъ мнѣ посолъ цесаревъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и язъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ, и ты-бъ, господине, о томъ великому князю пристойно говорилъ не только спасенія ради его, но и чти (чести) для государя великаго князя». «Акты археогр. экспедиціи», I, № 381.

вляетъ подчасъ задумываться самого Петра, не любившаго ни надъ чѣмъ задумываться. Хотя онъ открыто и торжественно заявилъ себя непримиримымъ врагомъ раскола, но не пряталъ дѣла въ мракъ безгласности. Въ этомъ, и только въ одномъ этомъ отношеніи онъ не подражалъ современнику своему, Людовику XIV, абсолютизмъ котораго въ глазахъ Петра былъ идеаломъ государственнаго благоустройства. Онъ не разрушалъ молитвенныхъ домовъ раскольниковъ, какъ тотъ разрушалъ молельни кальвинистовъ, не отбиралъ достоянія раскольниковъ въ пользу православныхъ церквей (единовѣрія при Петрѣ еще не было), какъ Людовикъ отбиралъ достояніе гугенотовъ въ пользу католическихъ капеллъ. Онъ не посылалъ войскъ для насильственнаго побужденія раскольниковъ возвратиться въ лоно православія, какъ Людовикъ XIV, посылавшій полки драгунъ для обращенія гугенотовъ „въ лоно святой римско-католической церкви". Нѣтъ, въ этомъ отношеніи Петръ не былъ похожъ ни на своихъ предшественниковъ, ни на своихъ современниковъ, ни даже на своихъ преемниковъ. Онъ велъ съ раскольниками борьбу гласную, борьбу открытую. Одной рукой карая ихъ, какъ противниковъ совершаемой имъ реформы, карая ихъ, какъ людей, противопоставившихъ ему страшную даже и для его желѣзной воли силу отрицанія, другой рукой онъ осыпалъ ихъ благодѣяніями, если замѣчалъ, что гражданская дѣятельность ихъ для него полезна. Такъ, по представленію Геннинга, онъ предоставилъ важныя льготы поморскимъ и выгорѣцкимъ раскольникамъ, на опытѣ доказавшимъ полезность свою для учрежденныхъ въ нынѣшней Олонецкой губерніи горныхъ заводовъ и сверхъ того отыскавшимъ неизвѣстные дотолѣ въ Россіи золотые рудники. Оттого и сами раскольники, какъ ни тяжела была для нихъ желѣзная рука Петрова, какъ ни ненавистенъ былъ имъ этотъ губитель старины, оглашенный ими за антихриста, вѣрили ему и до тѣхъ поръ не скрывали передъ нимъ своихъ дѣлъ, пока казнь Александра дьякона, въ Нижнемъ, и рядъ обмановъ и подлоговъ, допущенныхъ черезчуръ усердными слугами Петра, не заставили ихъ быть осторожнѣе и недовѣрчивѣе *).

*) Замѣчательнѣйшими памятниками этого времени были «Керженскіе отвѣты Александра дьякона Питириму» и «Поморскіе отвѣты Андрея Денисова Неофиту». Первые заключаютъ въ себѣ полный сводъ всѣхъ убѣжденій раскольниковъ поповщинской секты, вторые — такой же сводъ убѣжденій безпоповщины. Несмотря на то, что въ продолженіе послѣднихъ 140 лѣтъ и поповщина и безпоповщина во многомъ и даже очень во многомъ измѣнились, намъ доселѣ остается судить о догматствованіи того и другого толка преимущественно по «Отвѣтамъ Керженскимъ и Поморскимъ», ибо послѣ нихъ не являлось болѣе ни одного столь полнаго и столь стройнаго раскольническаго сочиненія, въ которомъ такъ подробно, такъ обстоятельно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ откровенно изложены были бы религіозныя разномыслія русскихъ раскольниковъ. «Керженскіе отвѣты» распространены въ меньшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ «Отвѣты Поморскіе». Подлинникъ ихъ принадлежитъ теперь мнѣ. Почти двадцать лѣтъ принадлежитъ мнѣ эта рукопись, но лишь недавно, по совершенно слу-

Петръ также никогда не скрывалъ и числа раскольниковъ, какъ это дѣлывалось впослѣдствіи, и тѣмъ не заставлялъ ихъ скрываться въ тайнѣ. Напротивъ, ему принадлежитъ извѣстный и впослѣдствіи долго дѣйствовавшій законъ объ офиціальной переписи раскольниковъ по всему государству, съ наложеніемъ строгихъ наказаній за избѣжаніе и укрывательство отъ записи въ заведенныя для того особыя книги. Всякій, даже вновь поступившій въ расколъ, обязанъ былъ записаться раскольникомъ въ приказѣ духовныхъ дѣлъ. За это преслѣдованія и наказанія не было, какъ впослѣдствіи. Петръ до такой степени былъ далекъ отъ римско-католической системы секретомъ прикрывать религіозныя разномыслія, что даже строго предписалъ всѣмъ раскольникамъ, подъ опасеніемъ тяжелаго штрафа, носить особое указное платье. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ раскольники были у него и у всѣхъ на виду и на счету, не теряясь въ общей массѣ. Повелѣніе объ указномъ платьѣ составляетъ правительственную мѣру, оправдываемую общимъ характеромъ петровскихъ дѣйствій и непримѣнимую къ послѣдовавшему времени, но во всякомъ случаѣ она чрезвычайно замѣчательна, какъ свидѣтельство того, что Петръ хотя и признавалъ раскольниковъ своими „лютыми непріятелями“, но никогда изъ дѣла ихъ не хотѣлъ дѣлать секрета, не хотѣлъ его прятать въ потемки, ибо зналъ, что ничто такъ не можетъ усилить и распространить раскола, какъ тайна, и ничего нѣтъ для него страшнѣе, какъ полная гласность. Казни, пытки, ссылки усилили расколъ, умножили число его послѣдователей, но далеко не настолько, насколько въ послѣднее время увеличила ихъ несчастная тайна, которою долгое время покрытъ былъ расколъ и которая доходила до того, что даже нельзя было напечатать словъ: „въ Россіи есть раскольники“.

Полная гласность въ дѣлѣ правительственныхъ противодѣйствій расколу продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Петровыхъ. Когда, по доносу разбойника Караулова, открыта была въ Москвѣ хлыстовщина, неправильно названная тогда квакерскою ересью, святѣйшій синодъ издалъ, въ 1734 году, указъ о всѣхъ тайностяхъ этой ереси, для *всенароднаго объявленія*. Этотъ указъ читали въ церквахъ, чтобы

чайному обстоятельству, нашелъ я на бывшихъ приклеенными къ переплету листкахъ собственноручную замѣтку Питирима; по сличеніи рукописи съ подписями Александра, оказалось нѣкоторое сходство въ почеркѣ. Полнаго сходства и быть не можетъ, ибо «Отвѣты» писаны уставомъ, а подписи скорописью. Г. Александръ Б. въ своемъ «Описаніи книгъ, написанныхъ въ пользу раскола» подробно говоритъ о «Керженскихъ отвѣтахъ», но, кажется, бывшій у него подъ руками списокъ не полонъ. Иначе онъ, конечно, не пропустилъ бы, напримѣръ, весьма замѣчательнаго описанія внѣшности «Дѣянія на Мартина армянина», рукописи, которая, по повелѣнію Петра I, была выложена для удостовѣренія раскольниковъ, а потомъ запечатана, положена въ синодальную московскую библіотеку и не была показана даже и Карамзину («Ист. Гос. Росс.» т. II, прим. 415).

всѣ знали о новой ереси. Такъ поступали и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

При такихъ дѣйствіяхъ правительства въ первой половинѣ XVIII вѣка, накопился большой запасъ свѣдѣній о религіозныхъ разномысліяхъ русскаго народа, изъ которыхъ можно было тогда, можно и теперь получить довольно ясное понятіе о томъ, что̀ такое былъ русскій расколъ въ то уже далекое отъ насъ время. Недостатокъ свѣдѣній оказывается лишь относительно тѣхъ религіозныхъ разномыслій, послѣдователи которыхъ, понимая лучше вліятельныхъ людей позднѣйшаго времени, что ничто такъ не укрѣпитъ ихъ вѣроученія, какъ секретъ, дѣйствовали въ тайнѣ и потому до времени не обращали на себя вниманія. Подъ покровомъ тайны, благодѣтельной для успѣховъ всякаго религіознаго разномыслія, развились въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ нелѣпыя и изувѣрныя ученія хлыстовъ, скопцовъ, шелапутовъ, фарисеевъ, что̀ едва ли случилось бы, если бы первые ихъ послѣдователи вели свое дѣло открыто и гласно.

Открытая борьба съ расколомъ предолжалась и во все время елизаветинскаго царствованія. Елизавета, благоговѣвшая предъ всякимъ дѣйствіемъ своего отца и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшая желанія православнаго духовенства, была для раскольниковъ грознѣе своихъ предшественниковъ. Но какъ ни жестоки были въ ея время дѣйствія противъ послѣдователей раскола, все же они были гласны и открыты. Петръ III, какъ скоро вступилъ на престолъ, повелѣлъ прекратить преслѣдованія раскольниковъ. Это до такой степени обрадовало преслѣдуемыхъ въ продолженіе цѣлаго вѣка раскольниковъ, что всѣ они доселѣ уважаютъ память этого государя, а нѣкоторые сектаторы (скопцы) даже признали его воплощеннымъ божествомъ. Одно это обстоятельство можетъ достаточно показать, каково было раскольникамъ до дней Петра III.

Со времени Петра III и Екатерины для русскаго раскола начинается новая эпоха. Борьба правительства съ расколомъ была прекращена. Она прекратилась не вслѣдствіе побѣды той или другой стороны, не вслѣдствіе мира или перемирія между враждующими, но вслѣдствіе сознанія, что дальнѣйшая борьба безполезна и не можетъ привести ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ.

Нельзя не замѣтить, что прекращенію преслѣдованій раскольниковъ, начавшихся передъ тѣмъ за сто лѣтъ, немало способствовали совершенно постороннія, внѣшнія условія. Безусловное подражаніе Западу при Петрѣ I, создавшемъ у насъ, по западнымъ образцамъ, централизацію, навлекло гоненіе на бородатыхъ раскольниковъ за безграничную преданность ихъ старо-русскому быту, отрицавшему, хотя и глупо, эту централизацію. То же подражаніе Западу, но ради другихъ побужденій, способствовало и прекращенію этого гоненія на раскольниковъ. Въ полное удовлетвореніе господствовавшаго тогда въ Европѣ увлеченія фи-

лантропическими теоріями французскихъ энциклопедистовъ, раскольническія вѣрованія у насъ, на ряду со всѣми другими религіозными разномысліями, поступили подъ снисходительный покровъ общихъ государственныхъ постановленій. Вслѣдствіе того прежнія петровскія мѣры исключительной къ раскольникамъ строгости были частью положительно отмѣнены, вообще же рѣшительно, систематически пріостановлены. Нравственное вліяніе Дидро и Вольтера на Екатерину немало содѣйствовало прекращенію преслѣдованій: она едва подписала указы о возвращеніи раскольникамъ утраченныхъ предками ихъ гражданскихъ правъ и естественнаго права свободной совѣсти, какъ писала уже слѣдующія строки къ фернейскому пустыннику, оратору европейскихъ дворовъ и князю философовъ XVIII вѣка: „терпимость всѣхъ вѣръ у насъ закономъ уставлена, слѣдовательно гоненіе запрещается; правда, есть у насъ такіе изступленники, кои, по неимѣнію гоненія, сами себя сожигаютъ, но если бы подобные имъ, находящіеся въ другихъ государствахъ, дѣлали то же, то бы сіе не только что большого зла не сдѣлало, но еще бы болѣе доставило свѣту спокойствія, и Коласъ не былъ бы колесованъ“ *).

Въ силу указовъ Екатерины, раскольники, получивъ полныя гражданскія права и свободу богослуженія по старымъ книгамъ, во множествѣ добровольно воротились изъ-за границы, куда толпами уходили во время преслѣдованій, вышли изъ лѣсовъ и скитовъ и явились жителями городовъ. Изъ безполезныхъ для общества и государства тунеядныхъ отшельниковъ и пустынниковъ превратились они въ домовитыхъ, оборотливыхъ и богатыхъ торговцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, придавшихъ новыя, свѣжія силы развитію государственнаго богатства. Фабричная и торговая дѣятельность, за которую принялись дотолѣ утѣсняемые за свободу совѣсти люди, стала развиваться съ очевиднымъ для всѣхъ, даже и для упорнѣйшихъ противниковъ раскола, успѣхомъ. Стародубскія слободы наполнялись суконными фабриками, и если бы всталъ изъ гроба Петръ, столь много и неусыпно заботившійся о суконной фабрикаціи въ Россіи, то онъ, безъ сомнѣнія, клинцовскимъ раскольникамъ оказалъ бы такія же милости, какъ поморскимъ и выгорѣцкимъ. Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, во Владимірской, Ярославской губерніяхъ то и дѣло появлялись фабрики, и все раскольничьи. При Екатеринѣ II возникла наша торговля, наша промышленность, наша ремесленность, но напрасно думаютъ нѣкоторые, что это было послѣдствіемъ непривившихся къ русской жизни городового положенія 1785 г, и пресловутыхъ нѣмецкихъ цеховъ, цѣликомъ пересаженныхъ на русскую почву и до сихъ поръ не пустившихъ ни одного живого отпрыска. Скорѣе прекращеніе преслѣдованій раскольниковъ имѣло важную долю

*) «Историческая и философическая переписка императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ», СПБ. 1802 г., стр. 12.

вліянія на развитіе русской торговли, фабричной и ремесленной дѣятельности, чѣмъ эти цехи, которые, можетъ-быть, хороши для Риги съ ея средневѣковыми понятіями, но отнюдь не для какой-нибудь Калуги, а тѣмъ еще менѣе Арзамаса и Кунгура.

Въ екатерининское время расколъ хотя и пересталъ считаться такимъ зломъ, противъ котораго нужны костры, пытки, кнутъ и плаха, но тѣмъ не менѣе былъ попрежнему у всѣхъ на виду. Правительственный секретъ еще не выступалъ ему на помощь. Расколъ самъ даже старался высказываться въ правдивомъ видѣ, такъ какъ ему не для чего было скрываться. Вотъ почему о положеніи раскола во времена Екатерины II, Павла и Александра I накопилось достаточное количество свѣдѣній довольно удовлетворительныхъ.

При разсмотрѣніи второго полнаго собранія законовъ Россійской имперіи, изданнаго по повелѣнію Николая I, съ перваго поверхностнаго даже взгляда замѣтно, что узаконенія о раскольникахъ составляютъ весьма незначительную часть въ этомъ собраніи законодательныхъ актовъ государства за послѣднее, ближайшее къ намъ время. Въ первомъ собраніи (1649 — 1825) законодательство о расколѣ, сравнительно съ общимъ размѣромъ всего законодательства, невпримѣръ обширнѣе. Но было бы весьма ошибочно выводить изъ этого заключеніе, что въ сказанную эпоху на раскольниковъ обращалось вниманія меньше, чѣмъ прежде. Напротивъ, правительственный надзоръ былъ въ это время значительно усиленъ, но обращенъ не на *расколъ*, а на *раскольниковъ*, преимущественно же на тѣхъ, которые своими дѣйствіями или нравственнымъ вліяніемъ на своихъ единовѣрцевъ могли способствовать укрѣпленію раскола или нарушенію формъ и правилъ городского и земскаго благоустройства. Другими словами, этотъ надзоръ состоялъ въ строгомъ и обширномъ соблюденіи закона, изложеннаго въ 60 ст. Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. т. XIV): „раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но запрещается имъ совращать и склонять кого-либо въ расколъ свой, подъ какимъ бы то ни было видомъ, чинить какія-либо дерзости противъ православной церкви или противъ ея священнослужителей, и вообще уклоняться почему-либо отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ“. Число дѣлъ о раскольникахъ въ эту эпоху значительно увеличилось, но почти всѣ эти дѣла, наполняющія теперь заповѣдные архивы, касаются отдѣльныхъ личностей и мелочныхъ большею частью случаевъ, а не сущности раскола и не движеній, бывшихъ въ раскольничьихъ общинахъ. Такимъ образомъ отъ послѣдняго, ближайшаго къ намъ времени, хотя и осталась громада дѣлъ, но они очень мало могутъ доставить матеріала для научныхъ изслѣдованій о расколѣ.

Строгое исполненіе приведеннаго выше закона и широкое толкованіе его низшими властями сдѣлало съ 1827 года раскольниковъ крайне

осторожными, и литература ихъ, прежде обширная, съ этого времени какъ бы изсякаетъ, ибо не только авторы, но и переписчики, даже владѣльцы, даже читатели рукописей, при первомъ дознаніи о такомъ „преступленіи“ привлекались къ суду. Но, говоря: *какъ бы изсякаетъ*, я не хотѣлъ сказать, чтобы она *вовсе изсякла* въ послѣднее время. Напротивъ, она продолжалась и продолжается, но произведенія ея сохранялись съ такой осторожностью, что для изслѣдователя раскола было несравненно легче попасть въ заботливо охраняемые отъ постороннихъ глазъ архивы, чѣмъ познакомиться съ этой *подпольной* *) литературой. Впечатлѣніе минувшаго времени такъ сильно, что доставать раскольническія рукописи не всякому легко даже и теперь.

Словомъ сказать, чѣмъ дальше отъ насъ протекшее время, тѣмъ больше представляетъ оно матеріаловъ для научныхъ изслѣдованій о расколѣ, а чѣмъ оно ближе къ намъ, тѣмъ меньше матеріаловъ.

Но главный матеріалъ все-таки заключается не въ книгахъ, не въ рукописяхъ, не въ пыльныхъ тетрадяхъ и столбцахъ архивныхъ дѣлъ, но въ живыхъ проявленіяхъ раскола, въ бытѣ и воззрѣніяхъ его послѣдователей на міръ житейскій и міръ духовный.

Письмо третье.

Главнѣйшую причину запутанности понятій и знаній нашихъ о расколѣ должно искать, какъ я уже замѣтилъ, въ крайней недостаточности *точныхъ* свѣдѣній и *опредѣленныхъ* понятій о настоящемъ значеніи того полувѣдомаго явленія жизни русскаго народа, которое принято у насъ называть *расколомъ*. Названіе это весьма неточно. Ему дается слишкомъ широкое значеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, не только въ общемъ, обыкновенномъ употребленіи, но и на правительственномъ языкѣ администраціи, даже самаго законодательства, именемъ раскола издавна называли и называютъ *всѣ вообще виды* уклоненія русскихъ людей отъ православія, всѣ вообще виды религіозныхъ разномыслій, которыя когда-либо были причастны русскому человѣку. Но въ настоящее время больше, чѣмъ когда-нибудь, эти виды до того оказываются между собою различными, что смѣшивать ихъ въ одномъ общемъ наименованіи сколь невѣрно логически, столь же и вредно практически. Называютъ расколъ нравственной болѣзнью русскаго народа. Не буду распространяться о томъ, вѣрно или невѣрно такое уподобленіе. Но предположимъ, что оно вѣрно. Что̀ вышло бы, напримѣръ, изъ медицины, если бы она всѣ болѣзни человѣческаго организма смѣшала подъ общимъ названіемъ, хоть, напримѣръ, *нездоровья*, всѣмъ разнообразнымъ болѣзнямъ приписала одни и тѣ же свойства и на этомъ основаніи стала врачевать ихъ однимъ безразличнымъ средствомъ? Послѣдствія, подобныя тѣмъ, какія про-

---

*) *Подпольныя* книги — выраженіе самихъ раскольниковъ.

изошли бы отъ этого между больными, обнаружились и неминуемо должны были обнаружиться въ теченіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ при попыткахъ *лѣчить* русскій народъ отъ раскола, этой *нравственной болѣзни*, какъ называли его нѣкоторые. Всѣ религіозныя разномыслія смѣшали подъ общимъ названіемъ *раскола* и лѣчили его одними лѣкарствами, большею частью такими, какія въ медицинѣ называются героическими, ибо кнута, ссылки, установленныхъ Уложеніемъ, систематическаго распредѣленія наказаній раскольникамъ въ извѣстныхъ 12 статьяхъ царевны Софіи, крутыхъ мѣръ Петра I и пр. т. п., конечно, нельзя не назвать лѣкарствами сильными, героическими. Продолжая сравненіе, мѣры Петра III, Екатерины, Александра I надо назвать лѣкарствами успокоительными и палліативными. Но *врачи* раскола, съ половины XVII вѣка, смотря на всѣ разномыслія русскаго народа съ одной точки зрѣнія, не замѣчая между ними существеннаго различія, естественно должны были впадать въ такія ошибки, которыя не могли принести пользы. Главная ошибка заключалась въ томъ, что религіозныя разномыслія въ нашемъ народѣ были слишкомъ разнообразны и происходили изъ разныхъ источниковъ, а этого не подозрѣвали даже и самыя свѣтлыя головы XVII и XVIII столѣтій.

Придерживающійся такъ-называемой поповщины, т.-е. самаго близкаго къ православію толка, и бѣгунъ сопѣлковскій, вовсе не сектаторъ, но лишь, подъ личиною религіозности, разрывающій всѣ связи общественнаго и семейнаго быта, возводящій бродяжество на степень догмата и вѣчно живущій въ иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ, хлыстъ и уродующій себя и другихъ скопецъ, — все это разумѣлось подъ однимъ именемъ: *раскольники*, и на всѣхъ столь разнородныхъ сектаторовъ смотрѣли одинаково. Знали, что расколъ разнообразенъ, но разнообразіе его полагали только въ различіи внѣшнихъ обрядовъ богопочтенія. Принимая этого рода различіе за основаніе, не избѣгли другой крайности, насчитали чуть не до сотни сектъ въ Россіи, тогда какъ ихъ и было и есть весьма немного. Сознаніе о разнородности религіозныхъ разномыслій русскаго народа, по отношенію къ ихъ ученію и взгляду на общественныя связи, а не по отношенію къ внѣшнимъ обрядамъ, возникло только въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ ближайшее къ намъ время. До тѣхъ поръ расколъ узнавали, такъ сказать, ощупью, имѣя притомъ завязанные глаза. Впрочемъ, и въ настоящее время эта повязка еще не совсѣмъ снята съ глазъ и администраторовъ и научныхъ изслѣдователей.

А между тѣмъ, при тѣхъ системахъ дѣйствій, которыя попемѣнно употребляемы были противъ раскола въ послѣднія двѣсти лѣтъ, и при томъ незнаніи раскола въ его подробностяхъ, которое у насъ господствовало, неизбѣжно должна была произойти *несправедливость*. Она была невольною, а не сознательною, и потому мы не вполнѣ въ правѣ кого-либо изъ дѣятелей прошлаго времени, сошедшихъ уже въ темныя

могилы, укорять въ умышленной жестокости или въ умышленномъ потворствѣ; но тѣмъ не менѣе *несправедливость* существовала. Она была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ *ошибки*. До 1762 года, напримѣръ, строгія мѣры и лишенія гражданскихъ правъ, наравнѣ съ изувѣрами, постигали и поповщину, которая отъ господствующей церкви отличается единственно тѣмъ, что ея послѣдователи не признаютъ авторитета за православными архіереями. Надъ поповщиной даже сильнѣе тяготѣла петровская система дѣйствій, потому что послѣдователи ея больше другихъ были на виду. Послѣ 1762 года гражданскія права и преимущества, возвращенныя раскольникамъ Петромъ III и Екатериной II, были распространены въ равной степени и на тѣхъ полезныхъ членовъ общества, которые быстро возвысили во второй половинѣ прошлаго столѣтія промышленную, торговую и ремесленную дѣятельность Россіи, и на изувѣровъ, которые неоспоримо вредны для всякаго общества и не могутъ быть терпимы ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ, напримѣръ: возводившіе убійство на степень религіознаго догмата, разрывающіе всѣ связи общественныя, скопцы и т. п.

Въ ближайшее къ намъ время обращено было вниманіе на разнородность раскола. Стали искать, въ чемъ состоитъ различіе разнообразныхъ религіозныхъ разномыслій русскаго народа. Первое различіе сектъ и раздѣленіе ихъ на *вредныя* и *менѣе вредныя* встрѣчаемъ не ранѣе 1830 года, когда, высочайше утвержденнымъ, 20 октября 1830 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта, для руководства въ дѣлахъ о духоборцахъ, иконоборцахъ, молоканахъ, іудействующихъ и послѣдователяхъ другихъ, признанныхъ особенно вредными ересей, постановлены были правила, напечатанныя въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ *). Это отличіе *раскола* вообще отъ такъ-называемыхъ *ересей особенно вредныхъ*, для которыхъ административный надзоръ усиливается и строгость юридическихъ взысканій увеличивается, вошло въ сводъ законовъ, а въ 1845 году и въ уголовный кодексъ. Но что̀ именно слѣдуетъ относить къ разряду ересей, признанныхъ особенно вредными, и что̀ къ разряду обыкновеннаго *раскола*, гдѣ граница между этими юридическими подраздѣленіями религіозныхъ разномыслій, законодательство ни тогда ни послѣ не указало. Умолчало оно и о томъ, для кого вредны секты, признанныя вредными: для церкви, или для государства, или для народа; не указало и того, въ какомъ отношеніи онѣ вредны: въ политическомъ, или въ религіозномъ, или по причинѣ нарушенія послѣдователями ихъ существующихъ уставовъ городского и земскаго благоустройства; не объяснило и того, въ чемъ именно состоитъ вредъ; не предостерегло такимъ образомъ народа отъ того, что̀ само назвало вредною язвою... Но этого мало; въ законодательствѣ **)

---

*) «Второе Полное Собраніе Законовъ», № 4010.

**) «Св. зак.» т. XIV. Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій ст. 79 и 87, «Уложенія о наказаніяхъ» ст. 217 («Св. зак.» т. XV).

послѣ поименованія подъ рубрикой вредныхъ ересей: духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и скопцовъ, присовокупляется выраженіе: *и другихъ*. Это выраженіе кратко, но значеніе его очень широко *). При незнаніи сущности религіознаго разномыслія той и другой секты низшими исполнителями закона, произволъ ихъ дѣлается на основаніи этого *и другихъ* еще шире. Въ выраженіи *и другихъ* замѣтно уклоненіе въ неопредѣленную мглу сбивчивости понятій о томъ явленіи, которое называется расколомъ. Уклоненіе неизбѣжное, котораго не быть не могло, которое, при всей добросовѣстности дѣятелей, при всей чистотѣ ихъ намѣреній, неминуемо должно было оказаться. Причина тому — невѣдѣніе сущности раскола, этого явленія, до сихъ поръ еще никѣмъ вполнѣ и ясно непонимаемаго. А можно ли опредѣлить степень вреда или пользы чего бы то ни было, не узнавъ напередъ свойствъ предмета, которому приписывается вредное или полезное вліяніе? До тѣхъ поръ, пока, при распредѣленіи вреда и преступности сектъ предъ лицомъ существующаго государственнаго порядка и благоустройства, принимается за основаніе не общій духъ и составъ секты по отношенію ихъ къ государству, но частные случаи фанатизма, отъ времени до времени обнаруживающагося въ видимыхъ, гласныхъ дѣйствіяхъ преимущественно помѣшанныхъ или полупомѣшанныхъ сектаторовъ, всѣ будутъ ходить въ отношеніи раскола ощупью **)...

Замѣчу мимоходомъ одинъ случай, который наглядно покажетъ, что̀, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, можетъ произойти отъ невѣдѣнія или непониманія сущности той или другой секты. Лѣтъ шесть-семь тому назадъ въ Костромской, помнится, губерніи одна несчастная женщина зарѣзала двухъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ и, при производствѣ формальнаго слѣдствія, объявила, что она сдѣлала это по побужденію родительской любви. Она въ самомъ дѣлѣ была самой нѣжной матерью и, какъ говорится, души не чаяла въ своихъ дѣтяхъ, что̀ единогласно показали подъ присягой всѣ ее знавшіе. Несчастная говорила, что она теперь рада за дѣтей, что они, какъ невинные младенцы, теперь наслаждаются блаженствомъ въ лонѣ Божьемъ, а если бы выросли, то еще Богъ знаетъ, какую жизнь стали бы вести и сподо-

---

*) Это *и другихъ* внесено на основаніи слѣдующихъ словъ закона 8 октября 1835 года: «Кромѣ духоборцевъ, иконоборцевъ, молокановъ, іудействующихъ, должно считать особенно вредными скопцовъ и немолящихся за царя, и сверхъ того и тѣхъ раскольниковъ, *кои, по мѣстнымъ соображеніямъ, будутъ въ равной степени признаваться вредными для общества;* о сихъ послѣднихъ испрашивать каждый разъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, описывая обряды, мнѣнія и правила, и означать степень вреда, отъ нихъ происходящаго».

**) Для избранія правильной и твердой системы дѣйствій въ отношеніи къ расколу, правительствомъ собираются необходимыя, полныя и вѣрныя свѣдѣнія о существующихъ сектахъ, догматическихъ ихъ ученіяхъ и внутреннемъ составѣ ихъ общинъ.

бились ли бы райскаго блаженства, которое теперь для нихъ несомнѣнно. Несчастная мать была раскольница, но, къ счастью, она принадлежала къ тому огромному большинству раскольниковъ, которые, по книгамъ и записямъ, значатся принадлежащими къ господствующей церкви. Будь она *записной* (въ книгѣ) раскольницей, ея взглядъ на дѣтоубійство, совпадающій со взглядомъ, напримѣръ, секты *дѣтоубивателей*, о которой еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія упоминаетъ преосвященный Θеофилактъ Лопатинскій въ своемъ „Обличеніи неправды раскольнической" *), секты, которой, какъ отдѣльнаго толка, никогда не было,—навлекъ бы на бѣдную мать страшное наказаніе по дѣйствующему уголовному кодексу; но, къ счастью, она хотя и была раскольница, но значилась православною. Одержимая душевною болѣзнью mania religiosa, несчастная женщина помѣщена была въ домѣ умалишенныхъ.

Никакъ нельзя судить о степени вреда той или другой секты по отдѣльнымъ, частнымъ случаямъ проявленія фанатизма, для этого необходимо добросовѣстное изслѣдованіе духа и сущности каждой секты. Вѣдь если расколъ — болѣзнь народная, какъ думали нѣкоторые, то ужъ и къ нему надо было бы отнести извѣстную медицинскую истину, что злые припадки нерѣдко обнаруживаются при самыхъ безопасныхъ болѣзняхъ. А сколько бывало и у насъ и у другихъ народовъ случаевъ фанатизма совершенно случайныхъ, на основаніи которыхъ невѣдающіе сущности дѣла созидали небывалыя, никогда не существовавшія секты! У насъ это часто бывало, особенно въ прошломъ столѣтіи. Таковы: морельщики, дѣтоубиватели, самосожигатели, иконоборцы, пасховѣрцы, іудействующіе, мессаліане, монтане и много-много другихъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы не отвлекаться далеко отъ предмета настоящаго письма.

Распредѣленіе религіозныхъ разномыслій русскаго народа на два широкіе отдѣла: *раскола* и *особенно вредныхъ ересей*, безъ опредѣленной граничной черты между тѣми и другими, не могло не обнаружить предъ лицомъ законодательства своего несовершенства, столь вреднаго въ случаяхъ практическаго примѣненія закона къ дѣйствительной жизни. Поэтому послѣдовало другое раздѣленіе раскола. Вотъ оно:

1) *Старообрядцы*, пріемлющіе священство. —

2) *Раскольники* разныхъ согласій, не пріемлющіе священства, но поклоняющіеся иконамъ.

3) *Духоборцы, молокане* и *иконоборцы* (?), не пріемлющіе священства и не поклоняющіеся иконамъ.

4) *Субботники* или *жиды*, пріемлющіе вмѣсто св. крещенія обрѣзаніе (?).

5) *Скопцы*.

---

*) Въ прибавленіи къ изданію 1745 года, подъ № 23-мъ.

Въ этомъ распредѣленіи замѣтно уже небольшое знакомство съ нѣкоторыми сектами. Въ немъ видно и нѣкоторое каноническое основаніе. *Подцерковники* *), напримѣръ, вѣрно отдѣлены отъ *раскольниковъ*, а эти отъ *еретиковъ*. Но въ раздѣленіи еретиковъ на три отдѣла (3, 4 и 5) опять замѣтно невѣдѣніе, неизбѣжное, естественное, ибо во время составленія этого распредѣленія еще не были и приблизительно изслѣдованы ереси. Такъ, отведенъ особый отдѣлъ жидамъ (такой секты собственно нѣтъ), но забыты божьи люди (христовщина или хлыстовщина), самое древнее русское религіозное разномысліе, занесенное на русскую почву еще при св. Владимірѣ, одновременно съ православіемъ, происходящее отъ болгарскихъ богомиловъ, какъ эти происходятъ отъ азіатскихъ манихеевъ, и т. д. до гностиковъ и Филона Александрійскаго.

Впослѣдствіи въ обозначеніи отдѣловъ русскихъ религіозныхъ разномыслій были допущены измѣненія, которыя, надо сказать, уклонились отъ вѣрности нѣсколько далѣе, чѣмъ сейчасъ приведенное раздѣленіе. Вотъ какъ раздѣлили сектаторовъ:

1) *Пріемлющіе священство.*

2) *Безпоповщина.*

а) Признающіе браки и молящіеся за царя.

б) Не признающіе браковъ и не молящіеся за царя.

3) *Молоканы, духоборцы* и *иконоборцы, субботники* или *іудействующіе.*

4) *Скопцы*, *хлысты*, *шелапуты* и *другіе*, придерживающіеся скопчества **).

---

*) Такъ «Кормчая» называетъ третій чинъ ересей.

**) Въ декабрѣ 1842 года послѣдовало отъ св. синода слѣдующее распредѣленіе раскольниковъ на три степени:

«А. *Секты вреднѣйшія:* 1) *Іудействующіе*, ибо это хуже, нежели ересь: это совершенное отпаденіе отъ христіанства и существенная вражда противъ христіанства. 2) *Молоканы.* Хотя, повидимому, держатся священнаго писанія, но берутъ изъ него только то, что̀ имъ нравится. Не признаютъ никакихъ таинствъ, никакой іерархіи. Не принимая присяги, не уважаютъ вѣрности и никакой власти, не признаютъ ее богопоставленною, повинуются только поколику нельзя противиться. Секта разрушительная. 3) *Духоборцы,* сколько извѣстно, одинаковаго духа съ молоканами. 4) *Хлыстовщина.* Ересь богохульная, потому что, не отвергая наружнаго общенія съ христіанскою церковью, вводитъ человѣкообожаніе. 5) *Скопцы.* Также богохульная ересь, потому что начальника секты почитаетъ Христомъ. Вредитъ обществу, осуждая бракъ, искажая людей и истребляя потомство. 6) Тѣ *безпоповщинскія* секты, которыя отвергаютъ бракъ и молитву за царя. Онѣ пишутъ и произносятъ жестокія хулы на церковь и таинства, и всякую власть нынѣшняго времени почитаютъ антихристовою. Отвергая бракъ, вводятъ безнравственность.

«Б. *Секта вредная.* Тѣ изъ *безпоповщины*, которые не отвергаютъ брака (новожены) и не отрекаются отъ молитвы за царя. По симъ чертамъ могли бы почесться менѣе вредными, но рѣшительно вредны, потому

Здѣсь главнѣйшій недостатокъ въ раздѣленіи безпоповщины. Бракъ признаётся *всѣми* разномыслящими, кромѣ скопцовъ и хлыстовъ. У безпоповщины есть бракъ гражданскій *(сводные браки, браки по родительскому благословенію)*, временной *(посестріе)*. Есть у нѣкоторыхъ (даже и въ поповщинѣ) бѣглый бракъ *(свадьба уходомъ)*. Не признаётъ брака ѳедосѣевщина, но вѣдь истые ѳедосѣевцы въ своемъ родѣ безбрачные монахи, въ молодости всѣ они *«мірщатся»*, то-есть живутъ брачно (не вѣнчаясь, стало-быть, это временной гражданскій бракъ), а потомъ, достигнувъ извѣстнаго возраста, прерываютъ супружескія отношенія и до смерти остаются въ безбрачіи и цѣломудріи. Вообще говоря, приведенное подраздѣленіе раскола, повидимому, довольно подробное и обстоятельное, имѣетъ тотъ коренной недостатокъ, что въ немъ, при отсутствіи ясныхъ и точныхъ понятій о существѣ дѣла, разныя наименованія религіозныхъ разномыслій разбросаны по рубрикамъ произвольно, безъ надлежащаго соображенія съ дѣйствительностью. Причина этого неизбѣжнаго недостатка заключается опять-таки въ той же недостаточности свѣдѣній и неясности понятій нашихъ объ общемъ духѣ каждой секты, свѣдѣній, которыя можно получить лишь прямо изъ наблюденій надъ расколомъ въ живыхъ его проявленіяхъ. Принятыя же для приведеннаго распредѣленія основанія опираются на мертвыя буквы офиціальныхъ бумагъ и на отдѣльные случаи проявленій фанатизма. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было то, что здѣсь допущены такія секты, *какихъ въ дѣйствительности нѣтъ*, и, съ другой стороны, виды сектаторства, которые на дѣлѣ существуютъ, пропущены или смѣшаны между собою. Поясню это тремя-четырьмя примѣрами.

1) Въ приведенномъ правительственномъ подраздѣленіи религіозныхъ разномыслій русскаго народа на разряды, а равно въ уголовномъ кодексѣ и въ Уставахъ благочинія, упоминается секта *иконоборцевъ*.

Чтò это за секта? Ужъ не остатки иконокластовъ, чтò торжествовали въ Византіи при императорахъ Исаврійской династіи? Совсѣмъ нѣтъ! *Особой* секты иконоборцевъ въ русскомъ народѣ *нѣтъ и никогда не бывало*.

Раскольники, называющіе себя „старообрядцами“ или „старовѣрами“, т.-е. всѣ тѣ, которые отдѣлились отъ церковнаго единенія по поводу исправленія обрядовъ, произведеннаго патріархомъ Никономъ, иначе всѣ отдѣлы поповщины и безпоповщины, не принимаютъ иконъ живописныхъ и новаго письма, но старымъ, а нѣкоторые толки даже и новымъ, но иконописнымъ, поклоняются. Правда, бывали отдѣльные

что отвергаютъ священство и таинство евхаристіи и, кромѣ сказаннаго, все заимствуютъ отъ худшихъ отраслей безпоповщины и, между прочимъ‘ духъ демократическій.

«В. *Секта менѣе вредная. Поповщина*. Это не ересь, а расколъ. Болѣе церковнаго сохраняетъ и болѣе представляетъ надежды къ обращенію».

случаи, не имѣющіе, впрочемъ, ничего общаго съ духомъ секты, что такъ-называемые старовѣры, въ пылу фанатизма, совершали иконоборныя ругательства надъ новыми живописными иконами, но ихъ на этомъ основаніи еще нельзя назвать иконоборцами, такъ какъ они покланяются своимъ старымъ иконамъ. У хлыстовъ, скопцовъ и т. п. есть иконы, и хотя имъ не отдается такого чествованія, какъ въ православной церкви, но все же ихъ почитаютъ и употребляютъ при совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, напримѣръ, при пріемѣ въ свое общество новыхъ членовъ и пр. Мало того, у нихъ, кромѣ нашихъ иконъ, есть еще свои, какъ, напримѣръ: у хлыстовъ—ихъ верховнаго гостя саваоѳа Данилы Филипповича, ихъ христовъ Ивана Тимоѳеевича и Прокопія Лупкина, ихъ богородицы Акулины Ивановны и проч.; у скопцовъ—ихъ христа Кондратія Селиванова, ихъ предтечи Александра Ивановича Шилова, ихъ богородицъ Акулины Ивановны и Анны Родіоновны, и пр. Стало-быть, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать иконоборцами. Духоборцы и молоканы, отвергающіе всякую внѣшность, всякій обрядъ, отвергаютъ иконы, какъ старыя, такъ и новыя, какъ живописныя, такъ и иконописныя, но ихъ все-таки нельзя назвать *только* иконоборцами, ибо сущность ихъ вѣрованій состоитъ не просто въ раскольническомъ разрывѣ съ господствующею церковью изъ-за внѣшнихъ обрядовъ и обычаевъ, какъ, напримѣръ, почитаніе иконъ, но въ совершенномъ отрицаніи никейскаго символа, этого краеугольнаго основанія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, и сверхъ того въ отверженіи таинствъ, церковнаго устройства и всякихъ обрядовъ внѣшняго богопочитанія. Но если духоборцы и молоканы и дѣйствительно могутъ считаться иконоборцами, то вѣдь каждый изъ этихъ толковъ значится въ разбираемомъ распредѣленіи раскола на секты особо, подъ своимъ именемъ. Кого же, спрашивается, должно, *сверхъ нихъ,* разумѣть подъ иконоборцами? Правда, о иконоборцахъ упоминаютъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія св. Дмитрій Ростовскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Извѣстія перваго относятся къ 1708 году. Въ этомъ году къ ростовскому митрополиту пришелъ изъ нижегородскаго Заволжья (гдѣ Керженецъ и Чернораменье, столь извѣстные въ исторіи раскола) іеромонахъ Іоасафъ и принесъ „малыя тетрадицы", въ которыхъ были исчислены всѣ тогдашніе *скиты* (секты *), существовавшіе въ Брынскихъ лѣсахъ, т.-е. въ нижегородскомъ и костромскомъ Заволжьѣ. Въ этомъ спискѣ встрѣчаемъ *иконоборщину*, и потомъ такое ея объясненіе: „Иже вся святыя иконы и старыя и новыя отметаютъ" **). Въ томъ же 1708 г. отыскалъ митрополитъ Дмитрій въ самомъ Ростовѣ одного иконоборца, посадскаго человѣка, по имени Трофима, бесѣдовалъ съ нимъ и нашелъ, что онъ „глагола *еретическимъ лютеранскимъ и калвинскимъ, купно и*

*) Дмитрій Ростовскій слово *скиты* употребляетъ всегда въ смыслѣ *толкъ, секты.*

**) «Розыскъ», 65 и 66.

жидовскимъ духомъ отъ писанія святого" *). Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ религіозными разномысліями нашего народа, ясно, что этотъ Трофимъ былъ послѣдоватемъ ереси Дмитрія Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина), которая шла не отъ русскаго раскола, а отъ новгородскихъ еретиковъ временъ Ивана III и особенно развилась въ началѣ XVIII столѣтія по вліянію любимцевъ Петровыхъ, нѣмцевъ-иновѣрцевъ, жившихъ въ Москвѣ **). Это то, что впослѣдствіи стали называть *молоканствомъ*. Изъ объясненій св. Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго видно, что послѣдователи Тверитинова и ростовецъ Трофимъ на почтеніе иконъ смотрѣли, какъ на идолопоклонство, т.-е. какъ и нынѣшніе молоканы и духоборцы. Совсѣмъ не такою представляетъ иконоборскую ересь, лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ кончины Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофилактъ Лопатинскій. Онъ говоритъ: „Ересь иконоборская за то была въ расколѣ: отъ старыхъ иконъ благодать Божія отлетѣ, а вновь писаннымъ такожде (sic!); только на востокъ поклоняются" ***). Это уже не молоканы, но все-таки и не особая ересь, все-таки не иконоборческая ересь, ибо послѣдователи той секты, о которой имѣлъ неясное понятіе Ѳеофилактъ, отвергали иконы только *по факту*, а *по принципу* ихъ признавали. И до сихъ поръ можно встрѣтить такихъ раскольниковъ, особенно престарѣлыхъ, не только въ безпоповщинѣ, но даже, хотя и рѣдко, въ поповщинѣ. Изъ ревности не по разуму, они почитаютъ святою только *свою* икону, зная, что она стара или благочестивымъ человѣкомъ написана. Не почитая чужихъ иконъ, они возятъ свою по дорогамъ, и, будучи въ своемъ ли домѣ, въ чужомъ ли, только этой иконѣ молятся, не позволяя ей молиться другимъ, даже самымъ близкимъ людямъ. У раскольниковъ безпоповщинскихъ толковъ по деревнямъ нерѣдко можно встрѣтить по двѣ, по три иконы въ каждомъ углу тѣсной избы, задернутыя пеленой: старикъ-хозяинъ молится одной, старуха жена его — другой иконѣ, а въ переднемъ углу общая еще икона: она назначена для молодыхъ, еще во грѣхахъ и суетахъ міра живущихъ членовъ семейства и для приходящихъ. Что касается молитвы на востокъ, о которой говоритъ Лопатинскій, то мнѣ самому пришлось однажды въ Княгининскомъ уѣздѣ видѣть точно такое моленіе. Случился ночью въ деревнѣ пожаръ; сгорѣло нѣсколько раскольничьихъ домовъ; изъ дома, въ которомъ загорѣлось, не успѣли и иконъ вынести, хотя, какъ извѣстно, русскій крестьянинъ, православный онъ или раскольникъ, все равно, въ случаѣ пожара, прежде всего спасаетъ отъ огня „божье милосердіе", т.-е. иконы. Утромъ, на восходѣ солнца, когда дома еще догорали, погорѣлый старикъ и съ нимъ двѣ старухи *молились на востокъ*, потому что ихъ иконы сгорѣли, а другимъ, по ихъ словамъ, они поклоняться не привыкли. Вѣдь

*) «Розыскъ», 173 и 174.

**) «Камень вѣры», Стефана Яворскаго, т. 1—9 и слѣд.

***) «Обличеніе». Въ прибавленіи къ изданію 1745 г., № 34.

это не иконоборцы, конечно? А такіе же точно старики и старухи, въ томъ же самомъ Княгининскомъ уѣздѣ, до 1848 года, когда разобрали ихъ дѣло, значились въ книгахъ земскаго суда иконоборцами и такимъ образомъ были причислены къ *вреднѣйшимъ* сектаторамъ. А они были нѣтовцы. *Особой* секты иконоборцевъ у насъ рѣшительно нѣтъ, кромѣ развѣ подобныхъ княгининскимъ.

2) Въ административномъ распредѣленіи раскольниковъ по сектамъ, особая рубрика отведена для *субботниковъ*, или іудействующихъ, которыхъ прежде называли даже просто „жидами". пріемлющими, вмѣсто крещенія, обрѣзаніе *). Въ „Уложеніи о наказаніяхъ" эта секта отнесена къ самымъ вреднымъ, и не только распространителямъ ея полагается тяжкое наказаніе, но даже если бы при отправленіи принадлежащими къ этой ереси обрядовъ въ той комнатѣ находился малолѣтній крестьянинъ (какого именно возраста, не опредѣлено, слѣдовательно и полугодовой ребенокъ), то и онъ отдается въ кантонисты, а если неспособенъ, то на казенныя фабрики; при чемъ не упомянуто даже и объ ограниченіи такого наказанія относительно дѣтей, по рожденію принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, права̀ которыхъ разрушаются *частью* при отдачѣ въ кантонисты и *совершенно* при отдачѣ на казенныя фабрики **). По закону, „мѣстныя власти, сколь возможно, преграждаютъ жидовствующимъ сообщеніе съ правовѣрными жителями и для того не выдаютъ паспортовъ никому изъ принадлежащихъ къ жидовской ереси для отлучки въ другія мѣста. Изъ уѣздовъ, въ коихъ находится жидовская ересь, высылать всѣхъ евреевъ безъ исключенія и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребыванія. Съ евреями, являющимися въ уѣздахъ, въ коихъ находится жидовская ересь, поступать, какъ съ безпаспортными, подвергая взысканію и лица, давшія имъ пристанище" ***).

Гдѣ же эти уѣзды, въ которые не должны являться евреи, казалось бы, ужъ совершенно чуждые русскому расколу? Подозрѣваемыхъ въ

---

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что эти *субботники*, по высочайшему повелѣнію 3 февраля 1825 года, переименованные въ жидовъ, существовали и въ царствованіе Петра I. Вотъ что̀ говоритъ о нихъ Ѳеофилактъ Лопатинскій («Обличеніе», въ прибавленіи № 32): «*Субботовщина*, когда христіане постятся, тогда они не постятся: также и въ праздникахъ противность, и то равняютъ какъ у насъ разрѣшеніе противу поста арменска: также ино-де православнымъ кое общеніе съ никоніаны. Оле! злоба не вѣсть предпочитати полезное». Ясно, какъ день, что это секта Тверитинова, которую послѣ стали называть молоканами также потому, что они въ православные посты не постились, а ѣли *молоко* — самое употребительное изъ скоромныхъ кушаній въ обыденной жизни русскаго крестьянина, который, по бѣдности своей, ѣстъ мясо только въ самые большіе праздники.

**) «Уложеніе о наказаніяхъ», ст. 219 («Св. Зак.», т. XV).

***) «Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», ст. 84, 85 и 86 («Св. Зак.», т. XIV).

небываломъ жидовствѣ, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, селили въ бывшемъ Александровскомъ уѣздѣ бывшей Кавказской губерніи и въ нынѣшней губерніи Бакинской. Но жиды ли они были?

Многократными опытами доказано, что подъ именемъ іудействующихъ въ дѣйствительности были не послѣдователи Моисеева закона, но либо мистики, начитавшіеся Юнга, Штиллинга, Эккартсгаузена (имѣвшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія большое вліяніе на грамотныхъ простолюдиновъ), либо хлысты, либо молоканы. Если являлось какое-нибудь общество мистиковъ, не соблюдавшихъ постовъ и другихъ внѣшнихъ обрядовъ господствующей церкви, ихъ сейчасъ заподозрѣвали въ жидовствѣ. Старинная, почти пятисотлѣтняя форма воззрѣній русскихъ людей на всякаго рода мистическія и отвергающія внѣшніе обряды согласія! Даже въ ближайшее къ намъ время такъ-называемыхъ „десныхъ христіанъ“ на Уралѣ признали-было жидами и подозрѣвали ихъ въ совершеніи еврейскихъ обрядовъ и даже въ обрѣзаніи. Мистическое братство „сіонской церкви“ въ томъ же подозрѣвалось... Хлысты имѣютъ обычай тайно собираться для совершенія своихъ обрядовъ не въ самые праздники, а наканунѣ ихъ, стало-быть, не по воскресеньямъ, а по *субботамъ*. Отсюда имъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ, дали имя *субботниковъ*. Молоканы, при своихъ собраніяхъ, поютъ одни только псалмы Давидовы, читаютъ преимущественно Ветхій Завѣтъ, особенно мѣста, обличающія идолопоклонство, къ которому примѣняютъ почитаніе иконъ и мощей православными. Отсюда тоже подозрѣніе въ содержаніи жидовства. Наконецъ между молоканами есть такъ-называемые *молоканы-субботники*, которые не признаютъ Іисуса Христа сыномъ Божьимъ. Это нѣчто въ родѣ западныхъ социніанъ и унитаровъ. Отсюда также подозрѣніе въ жидовствѣ. Но ни мистики, ни хлысты, ни молоканы не ожидаютъ пришествія Мессіи, не совершаютъ еврейскихъ обрядовъ и праздниковъ, талмуда совершенно не знаютъ. Теперь скажемъ объ обрѣзаніи, замѣняющемъ будто бы у русскихъ жидовъ крещеніе. Правда, есть молоканскія секты, утверждающія, что крещеніе есть обученіе дѣтей грамотѣ, а причащеніе—пріобщеніе глаголу Божью, т.-е. чтеніе св. писанія; но чтобы они употребляли, вмѣсто крещенія, обрѣзаніе, совершенныхъ юридическихъ доказательствъ тому нѣтъ. Не оспариваю, чтобы не случалось между русскими людьми когда-нибудь обращенія въ еврейскую вѣру съ обрѣзаніемъ; могли быть отдѣльные случаи, но никогда не было цѣлаго общества такихъ жидовъ, особой секты жидовствующихъ и притомъ съ пропагандой *). Названіе же жи-

*) Въ единоплеменномъ и единовѣрномъ съ нами царствѣ Болгарскомъ являлись тоже такъ-называемые *жидовствующіе*. Одинъ проповѣдникъ этой ереси явился нѣкогда въ самомъ Терновѣ... О болгарскихъ жидахъ ничего не могу сказать положительно, потому что не довольно основательно знакомъ съ старой болгарской литературой. Глубокоуважаемый С. Н. Палаузовъ, какъ единственный у насъ знатокъ болгарской церкви, исторіи и литературы, объяснитъ намъ это явленіе въ жизни болгарскаго народа.

довъ, по всей вѣроятности, присвоено частью мистикамъ, частью хлыстамъ, а больше всего молоканамъ, которыхъ зовутъ субботниками и которые отъ времени до времени попадались подъ судъ, составленный изъ людей, ровно ничего не смыслившихъ въ религіозныхъ разномысліяхъ какъ русскаго, такъ и другихъ народовъ. А названы послѣдователи всѣхъ этихъ разномыслій, въ особенности же русскіе социніане и унитары (молоканы-субботники), жидами на слѣдующемъ основаніи.

Подъ № 30.436 въ опубликованномъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи напечатано: „Какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращать его ищутъ, и что именно средство сіе употребляютъ какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и субботники въ отношеніи православной вѣры, то *именовать субботниковъ жидами и оглашать, что они подлинно суть жиды*, ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ, или придерживающихся Моисееву закону, не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“. Это было постановлено 3-го февраля 1825 года. Но еще задолго до этого исторія наша представила поразительно сходный примѣръ такого же правительственнаго распоряженія, примѣръ, относящійся ко времени Ивана Васильевича III. Такъ-называемыхъ „новгородскихъ еретиковъ“, которые были то же самое, что впослѣдствіи секты Башкина, Висковатова, Тверитинова, а въ настоящее время молоканы, огласили *«жидовствующими», ради отвращенія народа отъ ихъ ученія*, этого отпрыска реформаціонныхъ идей, волновавшихъ тогда умы въ Западной Европѣ, ученія, которое въ самое короткое время было такъ распространено въ Россіи, что многія лица, стоявшія на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественной іерархіи, открыто его приняли. Неужели и они были жиды? Кто же они были? А вотъ кто: когда впослѣдствіи одинъ монахъ Троицко-Сергіева монастыря, принадлежавшій къ этой ереси, бѣжалъ изъ Россіи за литовскій рубежъ, то, какъ скоро прибылъ онъ въ Витебскъ, тамошніе реформаторы сдѣлали его своимъ пасторомъ. Да и въ нашемъ вѣкѣ англичанинъ Мельвиль, протестантскій миссіонеръ *) и нѣкоторые социніане изъ иностранцевъ вступили-было за Кавказомъ въ тѣсныя связи и полное общеніе съ „общими“ и съ такъназываемыми „жидовствующими“. Какіе же это жиды? Повторяю: *особой секты жидовъ въ русскомъ народѣ нѣтъ и не бывало.*

3) О хлыстахъ въ первомъ распредѣленіи сектъ, а также въ „Уло-

*) Уѣхалъ изъ Россіи, именно изъ Одессы, съ послѣднимъ кораблемъ, передъ наложеніемъ амбарго въ 1853 году. Онъ далъ правильную организацію общинамъ акинфьевщины или секты «общихъ» около Шемахи, что̀ принято и въ Самарѣ, и въ Енисейской губерніи, и въ Минусинскомъ округѣ.

женіи о наказаніяхъ“ и въ „Уставахъ благочинія“ не упомянуто; во второмъ, хотя они и поименованы, однако смѣшаны съ скопцами, шелапутами и другими *придерживающимися*, какъ сказано тамъ, *скопчества*. Между тѣмъ хлысты въ дѣйствительности составляютъ весьма обширную и притомъ совершенно самостоятельную секту, распространенную въ народѣ подъ разными, крайне многочисленными и далеко еще не приведенными въ точную извѣстность названіями, и хотя скопцы дѣйствительно происходятъ отъ хлыстовъ, хотя скопчество есть не что̀ иное, какъ хлыстовская ересь, подвергнутая измѣненіямъ Кондратья Селиванова, однакоже о самихъ хлыстахъ было бы несправедливо сказать, что они *придерживаются* скопчества. Напротивъ, они питаютъ къ скопцамъ самую непримиримую религіозную антипатію и даже ненависть, и, наоборотъ, скопцы имъ платятъ тѣмъ же. Достаточно взглянуть въ скопческую книгу „Страды Искупителя“, чтобы видѣть это. Что и хлысты и скопцы употребляютъ при своихъ „радѣніяхъ“ одни и тѣ же пѣсни и обряды, это еще ничего не доказываетъ, ибо скопчество образовалось изъ хлыстовщины, удержавъ обряды этой древнѣйшей въ Россіи ереси. Правда, еще въ прошломъ столѣтіи, а также и въ нынѣшнемъ, были попытки хлыстовъ и скопцовъ соединиться „во единъ корабль“, но каждая изъ такихъ попытокъ оканчивалась не больше, какъ дракою, а однажды и смертоубійствомъ.

4) Безпоповщина раздѣляется въ приведенномъ мною правительственномъ распредѣленіи раскола на секты и въ самомъ нашемъ законодательствѣ на двѣ отрасли: а) признающіе браки и молящіеся за царя, и б) не признающіе браковъ и не молящіеся за царя. А куда отнести признающихъ браки, но не молящихся за царя, и наоборотъ, не признающихъ браковъ, но молящихся за царя? А куда отнести тѣ общины поповщины, у которыхъ нѣтъ моленья за царя? А между тѣмъ и тѣ, и другія, и третьи въ дѣйствительной жизни существуютъ.

Можно было бы привести еще немало подобныхъ примѣровъ, но едва ли не достаточно и этихъ для убѣжденія, что вопросъ о расколѣ доселѣ представляется въ хаотической мглѣ. А только это я и хотѣлъ доказать на сей разъ. Повторю, что̀ сказалъ прежде: надо откровенно сознаться, что теперь мы знаемъ расколъ несравненно хуже, чѣмъ знали его наши дѣды и прадѣды. Нерѣдко въ немъ отыскиваютъ то, чего въ немъ нѣтъ и не бывало, что̀ совершенно ему несвойственно; зато, наоборотъ, что̀ въ немъ дѣйствительно есть, то упускается изъ виду, просматривается, или же представляется не такъ, какъ оно есть.

Письмо четвертое.

При той неопредѣленности понятій и неполнотѣ свѣдѣній о расколѣ и раскольникахъ, о которой я, кажется, вдался ужъ во многоглаголаніе, — точнаго, вѣрнаго раздѣленія его на отрасли ни въ русской администраціи ни въ русской литературѣ не бывало.

Въ XVII столѣтіи, когда образовался собственно такъ-называемый *расколъ*, какъ послѣдствіе реформъ патріарха Никона, кажется, никому не приходило въ голову, что въ русскомъ народѣ кроются *разнообразныя* религіозныя разногласія. А между тѣмъ это было такъ... Хлыстовщина, напримѣръ, въ это время уже была, и притомъ давно, и притомъ не только у насъ, но и у западныхъ славянъ, со времени крещенія славянскихъ народовъ. Такъ, изъ Густынской лѣтописи видно, что въ 1507 году христовщина и хлыстовщина существовала въ Польшѣ и Силезіи *). Во время Донскаго былъ у нихъ христосъ Аверьянъ, убитый татарами, во времена Ивана Грознаго были въ Москвѣ, въ Киржачѣ и на рѣкѣ Андомѣ христосъ Иванъ Емельяновъ и богородица Марья Якимовна, при Никонѣ странствовалъ по нынѣшнимъ Костромской и Владимірской губерніямъ господь саваоѳъ Данила Филипповичъ, который около Костромы побросалъ въ Волгу и старыя и новыя книги, говоря, что не въ грамотѣ и не въ книгахъ, а въ словѣ и духѣ спасеніе... Раціоналисты, со временъ „новгородскихъ еретиковъ", на Руси не переводились, особенно въ заволочскихъ монастыряхъ **) по сказанію князя Курбскаго. Безпоповщина существовала задолго до Никона; начало ея въ стригольничествѣ, появившемся во Псковѣ еще въ XVII столѣтіи. Но разница безпоповщины XIV и послѣдующихъ столѣтій отъ современной, образовавшейся въ исходѣ XVII столѣтія, весьма важна: та отвергала іерархію *и по принципу и по факту*, нынѣшняя же, признавая принципъ, отвергаетъ іерархію *лишь по факту*. Но объ этомъ замѣчательномъ явленіи въ русской жизни, имѣвшемъ важное вліяніе и на развитіе молоканскихъ или раціоналистскихъ ересей, когда-нибудь послѣ.

До XVIII столѣтія вовсе не раздѣляли раскольниковъ на разряды, толки, согласія; всѣхъ русскихъ людей, разномыслящихъ съ господствующею церковью, называли общимъ именемъ: «*раскольщики*». Кажется,

---

*) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. II, стр. 365. «Въ то-жъ лѣто (1507), за Краковомъ, собрася лестцовъ нѣкоихъ тринадесять, иже повѣдахуся быти апостолами и единаго межи собою нарекоша Христомъ и ходиша по селомъ, безумныхъ лестяще и многи чудеса хитростію твориша; въ безводныхъ озерахъ предъ людьми рыбы ловиша, прежде ихъ тамо наметавши; наемше кого да ся мертвымъ сотворить, донели же его воскресять, тако мертвыхъ воскрешаху и проч. На Шлiонску же (Силезіи) гостиша у единыя жены, и понеже не хотѣ имъ дати, еже у ней прошаху, тай вложиша губку зажжену во убрусъ, отъидоша, грозяще ей помстою отъ Бога: она же не смотрѣвши, вложи убрусъ со огнемъ въ скрыню, и по малѣ возгорѣся ей скрыня и потомъ весь домъ изгорѣ. Егда же прійде мужъ ея и глагола: «что се есть?» она же рече: «яко Христосъ ми покара, ему же не дахъ, еже мя прошаше». Какое разительное сходство съ христомъ Васильемъ Радаевымъ, котораго я лично зналъ въ 1850 г. и о которомъ поговорю въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

**) Заволочскій край — въ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерніяхъ.

въ то время еще и не подозрѣвали распаденія раскола на секты, хотя уже въ концѣ XVII вѣка и знали о его разногласіяхъ. Въ посланіяхъ Игнатія, митрополита сибирскаго, писанныхъ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка, уже видны указанія на эти разномыслія *). Но первое распредѣленіе раскольниковъ по сектамъ появилось въ первый разъ въ „Розыскѣ" св. Дмитрія Ростовскаго.

Помѣщенное въ „Розыскѣ" раздѣленіе раскольниковъ на секты не принадлежитъ самому святителю. Онъ говоритъ, что въ 1708 году доставленъ былъ ему списокъ сектъ Іоасафомъ, строителемъ Спасораевской пустыни, находившейся среди Чернораменскихъ лѣсовъ, называемыхъ св. Дмитріемъ, не знаю почему, Брынскими **). Въ слѣдующемъ 1709 году, въ мартѣ, то-есть мѣсяцевъ за семь до кончины св. Дмитрія, ярославецъ Петръ Ермиловъ, старецъ Переяславскаго Борисоглѣбскаго монастыря Андроникъ и еще старецъ Пахомій, давно жившій въ Черной-Рамени и на Керженцѣ, сообщили ему дополнительныя свѣдѣнія по этому предмету. Когда они были у св. Дмитрія, онъ показалъ имъ „малыя тетрадицы" Іоасафа и спросилъ, дѣйствительно ли такія секты (скиты) находятся у раскольниковъ? Они отвѣчали: „Теперь не всѣ такими именами скиты прозываются, развѣ что прежде такъ назывались, ибо иные скитоначальники перемерли, другіе въ иныя страны переселились, въ Польшу многіе ушли и тамъ поселились". И затѣмъ доставили Дмитрію свѣдѣнія о существовавшихъ тогда, т.-е. въ 1709 году, сектахъ. По списку Іоасафа ихъ было двадцать: изъ нихъ девять не упоминаются уже во второмъ спискѣ, но зато вмѣсто нихъ прибавлено четыре новыхъ, такъ что во второмъ спискѣ является лишь пятнадцать толковъ. Вотъ эти толки:

---

*) Онъ говоритъ: «Тогда воздвижися презѣльная буря на церковь Божію, и начаша *мнози ереси* быти и кійждо бяше отъ нихъ (расколоучителей) своея нововымышленныя ереси начальникъ». Посланіе третье. «Православный Собесѣдникъ» 1855 года, книга 2, стр. 101.

**) Спасораевскій монастырь, упраздненный при учрежденіи монастырскихъ штатовъ, въ 1764 г., нынѣ село Спасъ, на Кезѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ такъ-называемой Черной-Рамени, по сосѣдству съ Керженцемъ. Что св. Дмитрій Ростовскій разумѣлъ подъ именемъ Брынскихъ лѣсовъ нижегородское Заволжье, въ которомъ было тогда главнѣйшее сборище раскольниковъ, это видно изъ многихъ мѣстъ его «Розыска»; напримѣръ: «Воевода ростовскій Пашковъ повѣда намъ: былъ посланъ... въ Балахонскій уѣздъ, въ Заузольскую волость. Тамъ содѣяна вещь сицевая: есть село Боръ отъ Николы, въ томъ селѣ у попа Сысоя два раскольника подговорили жену его съ деньгами и повели въ брынскія раскольническія мѣста, аки бы на спасеніе, и не дошедъ рѣки Керженца, тѣ раскольники привели ту попадью въ нѣкую храмину пусту. А прежде ихъ пришествія два бортника Толоконцовской дворцовской волости тамо пришедши...» Всѣ эти мѣста, т.-е. Заузольская и Толоконцовская волости, р. Керженецъ, село Боръ, находятся въ Семеновскомъ уѣздѣ.

По списку Іоасафа.

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Безпоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфріевщина.
8. Аввакумовщина.
9. Ефросиновщина.
10. Іосифовщина.
11. Калиновщина.
12. Кипріяновщина.
13. Иларіоновщина.
14. Серапіоновщина.
15. Козминщина.
16. Волосатовщина.
17. Исаковщина.
18. Стефановщина.
19. Сожигатели.
20. Морельщики.

По списку Петра Ермилова и др.

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Безпоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфріевщина, или аввакумовщина.
8. Іосифовщина.
9. Иларіоновщина.
10. Серапіоновщина, или морельщики.
11. Волосатовщина, или сожигатели.
12. Өедосеевщина.
13. Ефремовщина.
14. Іаковщина.
15. Субботники.

Сверхъ того, въ третьей части „Розыска“ упоминаются:

1. Подрѣшетники, или капитоны.
2. Андреевщина.
3. Рогожники, или рубищники.
4. Павлиновщина.
5. Андреяновщина.

Такимъ образомъ св. Дмитрію Ростовскому было извѣстно о двадцати девяти раскольническихъ сектахъ. Ученый святитель не успѣлъ подвергнуть доставленные ему списки надлежащей критикѣ, ибо въ октябрѣ того же 1709 года скончался *).

*) Самый «Розыскъ» далеко не былъ окончательно обработанъ Дмитріемъ, но святитель, при жизни своей, раздавалъ отрывки его духовнымъ лицамъ своей епархіи. Эти отрывки были впослѣдствіи собраны и напечатаны въ первый разъ черезъ 36 лѣтъ по кончинѣ св. Дмитрія, въ 1745 году. Вообще до сихъ поръ исторія составленія «Розыска» не подвергнута еще надлежащей критикѣ, не объяснено, что̀ въ этомъ сочиненіи принадлежитъ самому св. Дмитрію и что̀ другимъ лицамъ. Извѣстно только то, что св. Дмитрій не успѣлъ его совершенно обработать. Припомнимъ однако, что всѣ свѣдѣнія о раскольникахъ, о ихъ сектахъ и дѣйствіяхъ

Въ этихъ спискахъ съ раскольниками помѣщены и еретики (христовщина, т.-е. хлысты, иконоборцы (?), субботники, то-есть молоканы), помѣщены и *«кривотолки»*, какъ особая секта, съ такимъ объясненіемъ: „Всѣ скиты ихъ раскольническіе того суть именованія, понеже всѣ *криво* толкуютъ божественное писаніе“ *). Изъ второго списка видно, что въ первомъ Іоасафъ одну и ту же секту, называвшуюся двумя именами, представлялъ за двѣ отдѣльныя (онуфріевщина и аввакумовщина, морельщики и серапіоновщина), и наконецъ ни въ томъ ни въ

св. Дмитрій прямо называетъ *не своими*, а полученными отъ другихъ. Онъ говоритъ: «Дѣла раскольническая злая, явѣ въ противность церкви святой творимая, якоже о тѣхъ *доносится намъ* суть неизчетна, о нихъ же подробну писати и глаголати невозможно развѣ знатнѣйшая здѣ предложимъ. *Не отъ себѣ же предложимъ, азъ бо смиренный не въ сихъ странахъ рожденъ и воспитанъ, ниже слышахъ тогда о расколахъ въ странѣ сей* (Великой Россіи) *обрѣтающихся, ни о лѣсахъ Брынскихъ, ни о скитахъ, ни о разнствіи вѣръ ихъ, ни о дѣлахъ ихъ*, но уже здѣ по Божію изволенію и по указу государеву жити начень, *увѣдахъ слухомъ отъ многихъ доношеній...* Предложимъ убо то, яже подлинно извѣстно: ово отъ самовидцовъ повѣствователей увѣдохомъ, ово отъ самовидцовъ слышахомъ, овая же на письмѣ пріяхомъ» («Розыскъ», стр. 566). Слова весьма важныя. Въ «Розыскѣ» есть мѣста, описывающія раскольниковъ въ неправильномъ, искаженномъ видѣ, и это раскольниками ставится въ упрекъ св. Дмитрію. Они говорятъ, будто бы онъ вымышлялъ много. Но онъ не вымышлялъ, а записывалъ все, что̀ слышалъ, и потому неточность разсказа падаетъ не на св. Дмитрія, а на сообщавшихъ ему невѣрные слухи. Имена этихъ лицъ онъ почти всегда называетъ. Знаменитая резолюція Петра I (черезъ 7 лѣтъ по кончинѣ Дмитрія): «*Написать нѣчто противъ раскола и сказать на Дмитрія съ братьею*», вслѣдствіе которой Стефанъ Яворскій *тайно* написалъ, а Питиримъ нижегородскій *явно* напечаталъ подложное дѣяніе на Мартина армянина, набросила сильную тѣнь на святителя Дмитрія, неповиннаго въ этомъ нехорошемъ дѣлѣ, сдѣланномъ послѣ его кончины. Память о святомъ Дмитріи Ростовскомъ, *просвѣщенномъ* дѣятелѣ конца XVII и первыхъ годовъ XVIII столѣтій, дорога для насъ не потому, что онъ причисленъ къ лику святыхъ, но по его *честной* гражданской дѣятельности; онъ еще ждетъ своего біографа, который когда-либо представитъ его въ надлежащемъ свѣтѣ. Пора, пора снять съ святителя Дмитрія взведенную на него клевету. Если бы Дмитрій дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ подложное дѣяніе на Мартина армянина, неужели бы онъ не упомянулъ о немъ въ своемъ «Розыскѣ»? Онъ вносилъ въ него все не только видѣнное, но и слышанное, съ указаніемъ источника, безъ своего, впрочемъ, рѣшительнаго мнѣнія. «Розыскъ» онъ писалъ до самой кончины своей и не успѣлъ его обработать такъ критически, какъ обработалъ другія свои сочиненія, напримѣръ, «Четьи-Минеи» (читаемыя и раскольниками). Пора, пора честному историку снять незаслуженное пятно съ памяти честнаго и истинно просвѣщеннаго дѣятеля нашей страны. Болѣе ста лѣтъ протекло съ той поры, какъ св. Дмитрій канонизованъ церковью, пора канонизовать и граждански этого честнаго гражданскаго дѣятеля Русской земли.

*) «Розыскъ», стр. 67.

другомъ спискѣ нѣтъ раздѣленія на главныя отрасли раскола: *поповщину* и *безпоповщину*.

Питиримъ, прежде расколоучитель, а впослѣдствіи архіепископъ нижегородскій, въ изданной имъ, по повелѣнію Петра I (въ 1721 г.), „Пращицѣ“ первый дѣлитъ раскольниковъ на разряды болѣе точнымъ образомъ. Вотъ это раздѣленіе:

А. *Безпоповщина.*

1. Перекрещеванцы.
2. Нѣтовщина.
3. Андреевщина.
4. Θедосеевщина.

Б. *Поповщина.*

1. Аввакумовщина, или онуфріевщина.
2. Софонтіевщина, или стариковщина.
3. Дьяконовщина, или лысеновщина *).

Питиримъ, и въ бытность свою бродячимъ раскольникомъ по скитамъ и лѣсамъ, и въ бытность свою любимцемъ Петра I и нижегородскимъ архіереемъ, зналъ расколъ только въ нижегородской и сопредѣльныхъ съ ней епархіяхъ. Потому весьма многія отрасли раскола, образовавшіяся въ Поморьѣ, въ польскихъ владѣніяхъ, въ Стародубскихъ лѣсахъ, въ Сибири, онъ, по незнанію, не внесъ въ свой списокъ. О хлыстахъ и молоканахъ, которыхъ св. Дмитрій называлъ именами „христовщины“ и „иконоборцевъ“, Питиримъ вовсе не упоминаетъ, хотя они и были въ Брынскихъ лѣсахъ (т.-е. въ нижегородскомъ Заволжьѣ), а въ Березопольѣ (нынѣшнемъ Горбатовскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ къ епархіи Питирима) былъ въ его время одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ хлыстовщины. Еще больше было хлыстовъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ жилъ самъ Питиримъ; тамъ люди „именитыхъ людей“ Строгановыхъ были въ хлыстовщинѣ, за что, въ присутствіи Питирима, Петръ I запечаталъ великолѣпную, доселѣ составляющую украшеніе Нижняго, Строгановскую церковь, въ нижнемъ ярусѣ которой, подъ носомъ Питирима, хлысты совершали свои радѣнія. Таковъ былъ «*равноапостольный*», по выраженію Петра I, Питиримъ, къ которому абсолютный императоръ охладѣлъ со времени обыска Строгановской церкви (во время предсмертнаго его персидскаго похода). Но Θеофанъ Прокоповичъ Питириму руку держалъ, и онъ не погибъ, но, изъ раскольника сдѣлавшись русскимъ архіереемъ, потомъ, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, чуть ли не сдѣлался лютераниномъ.

Полнѣе списокъ раскольническихъ сектъ у Θеофилакта Лопатинскаго,

---

*) «Пращица», изд. 1721 г., листъ 11, на оборотѣ.

архіепископа тверского, многими страданіями заплатившаго за ревность къ православію и нелюбовь къ Ѳеофану Прокоповичу и его клевретамъ. Этотъ списокъ находится въ Ѳеофилактовомъ „Обличеніи неправды раскольнической“, написанномъ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія, но напечатанномъ не раньше 1745 года. Вотъ списокъ Лопатинскаго:

1. Аввакумовщина.
2. Никитовщина.
3. Авраамiевщина.
4. Капитоновщина.
5. Анофрiевщина.
6. Іевлевщина.
7. Досиѳеевщина.
8. Степановщина.
9. Софонтiевщина.
10. Богомилы.
11. Асафовщина.
12. Потемковщина.
13. Разинковщина.
14. Акулиновщина.
15. Титловщина.
16. Староиконовщина.
17. Осиповщина.
18. Филипповцы.
19. Разстриговщина.
20. Самокрещенцы.
21. Нѣтовщина.
22. Безпоповщина.
23. Дьяконовщина.
24. Нифонтовщина.
25. Морельщики.
26. Сожигатели.
27. Гробополагатели.
28. Христовщина.
29. Перекрещеванцы.
    а) андреевщина.
    б) ѳеодосiевщина.
    в) даниловщина.
30. Кадильники.
31. Субботовщина.
32. Дѣтоубиватели.
33. Иконоборская.
34. Самостригольницы.
35. Пасховѣрцы.
36. Меселiане.

Точно такъ же, какъ и въ спискахъ, доставленныхъ св. Дмитрiю, въ спискѣ Ѳеофилакта нѣтъ систематическаго раздѣленiя на секты, и здѣсь вмѣстѣ съ раскольниками помѣщены еретики: *молоканы* подъ именами субботовщины и иконоборской ереси, *хлысты* съ другими богомильскими ересями—подъ названiями богомиловъ, акулиновщины, христовщины и меселiанъ. Не раздѣлены секты поповщинскiя отъ безпоповщинскихъ, и тогда какъ перечислены всѣ виды безпоповщины, означена еще секта, подъ именемъ „безпоповщины“, и пр. Одна и та же секта, извѣстная подъ разными названiями, означена подъ видомъ двухъ особыхъ сектъ (дьяконовщина и кадильники).

Съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтiя не являлось ни одного какъ печатнаго, такъ и рукописнаго сочиненiя, въ которомъ находилось бы распредѣленiе раскольниковъ по сектамъ, или толкамъ. Послѣ Ѳеофилакта Лопатинскаго первый составилъ такое распредѣленiе охтинскiй (что̀ въ С.-Петербургѣ) протоiерей Андрей Ивановичъ Журавлевъ, который въ молодости самъ былъ въ безпоповщинскомъ расколѣ, а послѣ, по порученiю князя Потемкина-Таврическаго, много трудился въ увѣщанiи и

обращеніи стародубскихъ раскольниковъ къ церкви. Сочиненіе свое о раскольникахъ *) писалъ онъ въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія.

Вотъ какъ онъ распредѣляетъ раскольниковъ по ихъ толкамъ:

А. *Безпоповщина.*

1. Поморское согласіе.
2. Ѳедосеевщина.
3. Филипповщина.
4. Нѣтовщина.
5. Пастухово или Адамантово согласіе.
6. Новожены.
7. Самокрещенцы.
8. Чувственники.
9. Молоканы.
10. Щельники.
11. Селезневщина, или жиды.
12. Титловщина.
13. Суетные.
14. Познающіе, или сомнящіеся.

Б. *Поповщина.*

1. Онуфріевщина.
2. Вѣтковское согласіе.
3. Епифановщина.
4. Дьяконовщина.
5. Перемазовщина.
6. Чернобольцы.
7. Суслово мнѣніе.

Въ этомъ спискѣ также есть свои недостатки. Такъ, напримѣръ, ереси молоканскія, подъ названіями молоканъ, щельниковъ и селезневщины, отнесены къ безпоповщинѣ. Не говорю о другихъ недостаткахъ, менѣе важныхъ, оставляя это до другого времени.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія въ рязанской семинаріи, по распоряженію мѣстнаго епископа Симона, составлена была книга подъ названіемъ: „Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками", въ которой также перечислены разныя раскольническія секты, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ сочиненій Ѳеофилакта Лопатинскаго и протоіерея Журавлева. Новаго и самостоятельнаго въ этой книгѣ нѣтъ ничего. Распредѣленія по сектамъ, сдѣланнаго Журавлевымъ, держались и прочіе авторы, печатавшіе свои сочиненія по этому предмету въ XIX столѣтіи. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаются и новые, т.-е. узнанные въ послѣднее время толки, напримѣръ,

*) «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ».

скопцы *), хлысты **), духоборцы ***), общіе °), странники °°), бѣлокриницкіе °°°) и пр.

Сверхъ того есть еще нѣсколько толковъ, о которыхъ ни въ одной печатной книгѣ, доселѣ изданной, не упоминается, но говорится лишь въ разныхъ рукописныхъ сочиненіяхъ °°°°). Сюда принадлежатъ:

А. *Поповщина.*

1. Лужковское согласіе, или тайная церковь.

Б. *Безпоповщина.*

1. Аристово согласіе.
2. Монинское согласіе.
3. Губинское согласіе.
4. Рябиновщина.
5. Кондратьевщина.
6. Глухая нѣтовщина.
7. Петрова Крещенія.

---

*) Въ 1819 г. напечатана особая книга о скопцахъ, не дающая, впрочемъ, надлежащаго понятія объ этой сектѣ. Въ 1849 г. въ книгѣ іеромонаха Іоанна: «Доказательства непоколебимости и важности св. церкви», нѣсколько яснѣе говорится о скопцахъ. Лучшее сочиненіе объ этой сектѣ составлено покойнымъ Н. И. Надеждинымъ («Изслѣдованіе о скопческой ереси», СПБ., 1845 г.); оно составляетъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость. Еще рѣже книги Надеждина печатное сочиненіе о томъ же предметѣ В. И. Даля, составленное въ 1844 г. Я знаю только одинъ экземпляръ этой книги и то корректурный. Впрочемъ, въ послѣднія 17 лѣтъ открыто немало новыхъ свѣдѣній о скопцахъ, не вошедшихъ въ сочиненія гг. Надеждина и Даля.

**) О хлыстахъ, называющихъ себя «людьми божьими», въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1858 г., №№ 3 и 7.

***) О духоборцахъ весьма замѣчательно сочиненіе профессора кіевской академіи О. Новицкаго. Также въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859 г., № 3.

°) Объ «общихъ» немногія свѣдѣнія напечатаны въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859 г., № 4.

°°) О странникахъ, или бѣгунахъ, иначе сопѣлковское согласіе, упоминаетъ преосвященный Макарій въ своей «Исторіи русскаго раскола». Лучшее о нихъ изслѣдованіе (рукописи) графа Стенбока.

°°°) О бѣлокриницкой раскольнической каѳедрѣ говорятъ: Григорій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, въ своемъ сочиненіи: «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь», изд. 2, т. I, стр. 287 и слѣд., и инокъ Парѳеній въ своей «Книгѣ о Промыслѣ Божіемъ». За границей, именно въ Будѣ, въ 1849 году, подъ именемъ епископа (Платона Аѳанàцкевича) одной православной епархіи, находящейся въ предѣлахъ Австрійской имперіи, напечатаны на славянскомъ языкѣ весьма любопытныя свѣдѣнія о Бѣлой-Криницѣ. Любопытно также сочиненіе Н. И. Надеждина «О заграничныхъ раскольникахъ», напечатанное въ «Сборникѣ» г. Кельсіева. Въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1859 и 1860 гг. напечатаны статьи о бѣлокриницкихъ раскольникахъ и ихъ митрополитѣ.

°°°°) О немногихъ упоминается въ «Сборникѣ» г. Кельсіева и новомъ «Энциклопедическомъ словарѣ», изданномъ въ Петербургѣ въ 1861 г.

8. Дрождники.
9. Бондаревское согласіе.
10. Самосправщики.
11. Перекупыванцы.
12. Церковщики.
13. Кокоревщина.
14. Арсеніевщина.

В. *Молоканскія.*

1. Молоканы-субботники (социніане, унитары).
2. Молоканы-воскресники.
3. Немоляки.

Г. *Мистики.*

1. Сіонская церковь.
2. Лабзинцы.
3. Десные христіане.

Д. *Богомильскія.*

1. Фарисеи.
2. Богомилы.
3. Ляды.
4. Купидоны.
5. Лазаревщина.
6. Монтане.
7. Милютинская ересь, она же алатырская.
8. Адамиты (Татаринова).
9. Наполеоновы.
10. Искатели Христа (ползуны, холстовщина).
11. Шелапуты.
12. Духовные скопцы.

Смотря на приведенные здѣсь списки религіозныхъ разномыслій русскаго народа за полтораста послѣднихъ лѣтъ, можно было бы вывести заключеніе, что со времени составленія „Розыска" одни толки исчезли, другіе возникли вновь. Но такое заключеніе было бы крайне ошибочно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ молоканскихъ и богомильскихъ ересей, дѣйствительно образовавшихся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, всѣ остальныя русскія религіозныя разномыслія и въ настоящее время тѣ же (если не таковы же), какъ и полтора вѣка назадъ. Притомъ сектъ раскольническихъ никогда не было такъ много, какъ представляютъ ихъ приведенные списки.

Въ концѣ XVII столѣтія русскій расколъ, обнаруживавшійся во время церковныхъ реформъ, совершенныхъ патріархомъ Никономъ, раздѣлился только на двѣ части: *поповщину* и *безпоповщину*. Когда, съ теченіемъ времени, у раскольниковъ перемерли попы *стараго*

ставленья (т.-е. посвященные въ санъ до исправленія церковныхъ книгъ Никономъ), тогда одна часть противниковъ Никоновой реформы, признавая необходимость священниковъ для совершенія таинствъ, стала принимать къ себѣ поповъ *новаго ставленья*, т.-е. рукоположенныхъ послѣ Никона; другая же часть раскольниковъ отвергла совершенно священство, объявивъ, что священный чинъ повсюду упраздненъ, и потому таинствъ болѣе нѣтъ, кромѣ крещенія и исповѣди, которыя, на основаніи каноническихъ правилъ, въ случаѣ крайней нужды, разрѣшено совершать и мірянамъ. Первые, жившіе преимущественно во внутренней Россіи и на южной Украйнѣ, составили секту *поповщины;* вторые, жившіе преимущественно въ пустыняхъ сѣвернаго Поморья и въ Сибири, образовали *безпоповщину*. Эта безпоповщина отвергала и отвергаетъ поповъ и всю іерархію, но не по принципу, а лишь по факту, т.-е. признавая необходимость священства и таинствъ, она утверждаетъ, что въ нынѣшнее время правильныхъ поповъ нѣтъ, возстановленіе ихъ навсегда невозможно, а потому и совершеніе пяти таинствъ (кромѣ крещенія и покаянія) навсегда невозможно. Благодати на землѣ нѣтъ; она взята на небо,—говорятъ они.

Ни въ поповщинѣ ни въ безпоповщинѣ, при самомъ ихъ образованіи, не явилось такого человѣка, который бы, пользуясь авторитетомъ у всѣхъ своихъ единомысленниковъ, разсѣянныхъ на огромныхъ пространствахъ широкомасштабной Россіи, далъ одни неизмѣнные уставы секты и правильно бы организовалъ ее. Оттого въ раскольническихъ общинахъ время отъ времени возникали разныя воззрѣнія на тотъ или другой предметъ церковнаго устройства. Отсюда произошли раздѣленія, не весьма, впрочемъ, важныя. Въ концѣ XVII вѣка, когда преслѣдуемые раскольники, спасаясь отъ огня, меча и „оземствованія“ (ссылокъ), удалялись въ лѣса̀ и пустыни, тамъ, вдали отъ строгаго правительственнаго надзора, съ каждымъ годомъ являлось множество скитовъ, т.-е. общинъ пустынножителей, общинъ, устроенныхъ по образцу монастырскому и большею частью по студійскому. И едва ли не каждый основатель скита, придерживаясь раскола въ главныхъ чертахъ, имѣлъ лично принадлежавшее ему воззрѣніе на ту или другую частность раскольническаго устава. Это было до такой степени обыкновенно въ раскольническихъ скитахъ, что вскорѣ слово «*скитъ*» (обитель, монастырь) и слово «*секта*» (толкъ, согласіе) сдѣлались синонимами не только въ разговорномъ и офиціальномъ языкѣ законодательства XVII и XVIII ст., но даже и въ сочиненіяхъ пастырей православной церкви. Такъ, напр., св. Дмитрій Ростовскій, въ „Розыскѣ“, какъ я уже замѣтилъ, слово *скитъ* постоянно употребляетъ вмѣсто словъ: „толкъ, секта“*).

---

*) Напр.: «Есть у нихъ *скитъ*, глаголемый морельщики, тіи якоже и сожигатели, простыхъ людей мужей и женъ прельщаютъ...» («Розыскъ», стр. 591). «И иныя многія по лѣсамъ тѣмъ сказуютъ быти *скиты* великіе и малые, мужскіе и женскіе, и вѣры тѣхъ различны...» («Розыскъ»,

Различіе между разными толками одного разряда, т.-е. поповщины или безпоповщины, не было важно. Разнствовали одни отъ другихъ то числомъ поклоновъ на епитиміи за одинъ и тотъ же грѣхъ, то пріемами при кажденіи кадиломъ, то употребленіемъ кожаной или холщевой лѣстовки (четокъ), то употребленіемъ той или другой надписи на крестѣ и пр. Каждая отрасль раскола, каждый толкъ, каждый скитъ, или секта, назывался по имени главнаго дѣятеля: создателя обители, учителя, настоятеля и т. п. Онъ умиралъ, мѣсто его заступалъ другой, и скитъ, управляемый имъ, принималъ новое имя, по имени новаго настоятеля. Это новое имя являлось у нашихъ писателей какъ бы новою сектой, новой отраслью раскола. Возьмемъ, для нагляднаго объясненія, поповщину. До 1681 года главою ея былъ извѣстный протопопъ Аввакумъ, и вотъ поповщина зовется *аввакумовщиной*. Казнили Аввакума, главой поповщины дѣлается Никита, протопопъ суздальскій, и поповщина зовется *никитовщиной*. Казнили Никиту, на Керженцѣ является ученикъ Аввакума Онуфрій, и поповщина называется *онуфріевщиной*. Въ то же время въ другихъ керженскихъ скитахъ является Софонтій, и поповщина его паствы называется *софонтіевщиной*. По смерти Онуфрія и Софонтія, тамъ же на Керженцѣ, является Александръ дьяконъ, и поповщина зовется *дьяконовщиной*. Послѣ казни Александра центръ поповщины является на Вѣткѣ, и поповщина зовется *вѣтковскимъ согласіемъ;* добыли поповщинскіе раскольники давно искомаго ими епископа—его звали Епифаніемъ—поповщина зовется *епифановщиной;* послѣ него явился лже-епископъ Ѳеиногенъ—послѣдователи его зовутся *ѳеиногеновщиной;* за нимъ явился Анфимъ—явилась и *анфимовщина;* усилилось московское общество поповщины, взяло верхъ надъ Стародубьемъ—и по Рогожскому кладбищу, центру московской поповщины, вся поповщина зовется *рогожскимъ согласіемъ,* и т. д., и т. д. А между тѣмъ все это одна и та же *поповщина*.

Расколъ имѣлъ свое движеніе, свое развитіе, что однакожъ не мѣшало ему быть неподвижнымъ относительно обряда и воззрѣнія на гражданское устройство общества. Какъ Гуссъ далеко не во всемъ сходенъ съ Лютеромъ, этотъ съ Меланхтономъ, а послѣдній съ Мюнстеромъ и пр., точно такъ же и Аввакумъ несходенъ съ Александромъ дьякономъ, Мануилъ Петровъ съ Ильей Алексѣевичемъ Ковылинымъ и т. д. Это движеніе раскола до сихъ поръ не было еще никѣмъ подвергнуто над-

---

стр. 68). «Жилища раскольническая въ лѣсахъ Брынскихъ *сугубо именуются скиты и толки...*» («Розыскъ», стр. 598). «Въ томъ *скитѣ* или толку обрѣтается нѣкій мужикъ...» («Розыскъ», стр. 598). «Ануфріевщина, или поповщина—той *скитъ или толкъ* боліи всѣхъ, вѣра бо злочестивая ануфріева по многихъ градѣхъ расширяется...» («Розыскъ», стр. 600). «*Скиты или толки*, кои поповъ нынѣшнихъ пріемлютъ, сіи суть: павлиновщина, андреяновщина, іосифовщина...» («Розыскъ», стр. 601). «Суть же въ нихъ и такіе *скиты или толки*, иже ни къ поповщинѣ, ни къ безпоповщинѣ не пристаютъ» («Розыскъ», стр. 609).

лежащимъ изслѣдованіямъ. Къ нему обратились слегка, ощупью и надѣлали сотню сектъ. А между тѣмъ всѣхъ русскихъ религіозныхъ разномыслій далеко не сто.

Собственно говоря, въ расколѣ, въ томъ, который произошелъ вслѣдствіе исправленій книгъ и обрядовъ патріархомъ Никономъ, въ томъ, который содержитъ никейскій символъ и обрядъ православной вѣры по книгамъ, печатаннымъ въ Москвѣ до Никона, существенныхъ раздѣленій только два: *поповщина* и *безпоповщина*. Первая признаётъ іерархію и, пока не имѣла своихъ архіеревъ (до 1846 года), брала поповъ изъ православной церкви. Вторая отвергаетъ всякую духовную іерархію и, подобно протестантскимъ церквамъ, имѣетъ у себя учителей не рукоположенныхъ, избранныхъ общиной, но тѣмъ разнствуетъ отъ протестантовъ, что эти отвергаютъ іерархію по принципу, а безпоповщина лишь по факту. Существенное отличіе безпоповщины отъ православія и поповщины состоитъ еще въ томъ, что она признаётъ бракъ только гражданскій. Въ той и другой, особенно въ безпоповщинѣ, есть свои подраздѣленія, но они несущественны, временны, скоропреходящи и не имѣютъ никакого догматическаго значенія.

Письмо пятое.

Чтобы правильнѣе распредѣлить религіозныя разномыслія русскаго народа на разряды, надо принять за основаніе *каноническое право*.

По каноническимъ правиламъ господствующей въ Россійской имперіи церкви, всѣ несогласные съ ея ученіемъ раздѣляются на *три чина*:

1) *Еретиковъ*.

2) *Раскольниковъ* или *схизматиковъ*.

3) *Подцерковниковъ* или *самочинныя сборища*.

Къ первому чину, т.-е. къ еретикамъ, принадлежатъ тѣ, „иже Божія вѣры отнюдь учуждавшіеся“, какъ сказано въ „Кормчей“ книгѣ русскаго стариннаго, еще дониконовскаго перевода *). По православному кано-

*) «Кормчая», старопечатное московское изданіе въ листъ, изданная въ Москвѣ въ 1653 году. Она набрана и отпечатана еще при патріархѣ Іосифѣ, но вышла въ свѣтъ въ первый годъ патріаршества Никона («Кормчая» была издана еще въ 1650 г. въ Москвѣ—не полна и теперь весьма рѣдка; въ 1787 г., въ Москвѣ же, въ 2 частяхъ; въ 1842 году, въ Петербургѣ, въ весьма сокращенномъ видѣ, подъ названіемъ: «Книга правилъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ»). Привожу здѣсь текстъ петербургскаго изданія «Кормчей» о раздѣленіи разномыслящихъ на три чина («Правила св. Василія Великаго: первое каноническое посланіе его къ Амфилохію, епископу иконійскому», стр. 288): «Древніе положили пріимати крещеніе, ни въ чемъ не отступающее отъ вѣры: посему иное нарекли они «ересію», иное «расколомъ», а иное «самочиннымъ сборищемъ». Еретиками назвали они совершенно отторгшихся и въ самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками — раздѣлившихся въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе; а самочинными сборищами — собранія, составляемыя непокорными пресвитерами или епископами и ненаученнымъ на-

ническому праву, изъ разномыслящихъ съ господствующею церковью русскихъ людей сюда относятся не принимающіе во всей полнотѣ никейскаго символа и отвергающіе, или, по своему мудрованію, измѣняющіе которые-либо изъ существенныхъ догматовъ христіанской вѣры, какъ, напримѣръ, догматы о Троицѣ, воплощеніи, таинствахъ и т. п.

Сюда изъ русскихъ людей, разномыслящихъ съ господствующимъ исповѣданіемъ, относятся: духоборцы, молоканы-воскресники, общіе (акинфіевщина), какъ отвергающіе св. таинства; молоканы-субботники, какъ отвергающіе сверхъ того и воплощеніе Сына Божія; хлысты, скопцы, шелапуты и проч. отъ богомиловъ происшедшія ереси, признающія вторичное воплощеніе и, подобно богомиламъ, сотвореніе видимаго міра дьяволомъ.

При стройномъ взглядѣ на религіозныя разномыслія русскаго народа, всѣ названныя сейчасъ ереси не должно и ставить подъ одно имя съ тѣмъ, что̀ у насъ собственно и исключительно должно разумѣть подъ словами *расколъ* и *раскольники.* Всѣ названные сейчасъ сектаторы—не раскольники и не имѣютъ ничего общаго съ раскольниками. Только одно невѣжество наше ставитъ ихъ въ одну группу съ раскольниками. Въ простомъ народѣ, который собственныя дѣла если не постигаетъ ясно, то всегда чуетъ вѣрно, ни духоборцы, ни молоканы, ни хлысты, ни скопцы и имъ подобные не считаются и не называются „раскольниками“. Эти *темныя,* по выраженію самого народа, секты, о которыхъ многое еще не разъяснено, существуютъ у насъ совершенными особняками: не только православные, но и самые раскольники дичатся послѣдователей этихъ сектъ, питаютъ къ нимъ какое-то отвращеніе и даже суевѣрный страхъ, весьма близкій къ страху чорта или вѣдьмы, считаютъ ихъ какими-то загадочными кудесниками, плюютъ и крестятся при одномъ упоминаніи объ нихъ. По понятіямъ простого народа, и православнаго и раскольниковъ, эти сектаторы — такое явленіе, которое ни на что не похоже въ обычномъ ходѣ и развитіи русской народной жизни. И всѣ послѣдователи этихъ сектъ отрѣшаются отъ интересовъ

родомъ; напримѣръ, аще кто, бывъ обличенъ въ грѣхѣ, удаленъ отъ священнослуженія, не покорился правиламъ, а самъ удержалъ за собою предстояніе и священнослуженіе, и съ нимъ отступили нѣкоторые другіе, оставивъ каѳолическую церковь; сіе есть самочинное сборище. О покаяніи мыслити инако, нежели какъ сущіе въ церкви, есть расколъ. Ереси же суть напримѣръ: манихейская, валентиніанская, маркіонитская, Пепузіанъ; ибо здѣсь есть явная разность въ самой вѣрѣ въ Бога. Почему отъ начала бывшимъ отцамъ, угодно было крещеніе еретиковъ совсѣмъ отметати; крещеніе раскольниковъ, это еще не чуждыхъ церкви, пріимати; а находящихся въ самочинныхъ сборищахъ исправляти приличнымъ покаяніемъ и обращеніемъ, и паки присоединяти въ церковь. Такимъ образомъ даже и находящіеся въ церковныхъ ступеняхъ, отступивъ купно съ непокорными, когда покаются нерѣдко пріемлются паки въ тотъ же чинъ». Въ текстѣ «Писемъ о расколѣ» я цитирую «Кормчую» по московскому изданію 1652 года.

современной гражданской жизни простого русскаго народа, они совершенно равнодушны къ успѣхамъ развитія этой жизни, еще менѣе имѣютъ они сочувствія къ преданію, ко временамъ прошлымъ. Для нихъ все въ ихъ баснословномъ будущемъ: молоканъ ждетъ Араратскаго царства, паденія Ассура *) и тысячелѣтняго всемірнаго покоя; хлысты и скопцы ожидаютъ торжественнаго возвращенія „изъ невѣданной иркутской стороны“ ихъ „искупителя—оскопителя, царя Петра III-го Ѳедорыча“. И тѣ и другіе думаютъ, что, когда осуществится ихъ чаяніе, наступитъ золотой вѣкъ. Этотъ золотой вѣкъ, который, по ихъ понятіямъ, наступитъ въ отдаленной будущности, они считаютъ идеаломъ земной жизни, презирая все прошедшее, все настоящее, все близкое будущее. Всѣ эти еретики, говоря каноническимъ языкомъ,—всѣ эти секты—не наши, не русскія; онѣ возникли и развились не на русской народной почвѣ, а занесены къ намъ въ разныя эпохи изъ чужихъ краевъ и привились къ русскому народу, какъ нѣчто чуждое и доселѣ. У нихъ нѣтъ никакихъ преданій, ни историческихъ, ни догматическихъ, ни обрядовыхъ, между тѣмъ какъ преданіе всегда нераздѣльно со всякимъ вѣрованіемъ русскаго человѣка. У нихъ нѣтъ преданій, связанныхъ съ историческими преданіями русскаго народа **). Въ самомъ бытѣ послѣдователей еретическихъ сектъ утратились или извратились многія отличительныя стороны русскаго народнаго быта. Все это нашему народу чуждо.

Секты духоборческія или молоканскія занесены на Русь съ протестантскаго Запада; онѣ проникли къ намъ еще въ то отдаленное отъ насъ время, когда въ Западной Европѣ происходило сильное движеніе умовъ по случаю реформаціи ***); усилились же въ XVIII столѣтіи, сначала подъ вліяніемъ лютеранства, которому покровительствовалъ Биронъ, а потомъ, по отзыву самихъ молокановъ, вслѣдствіе пропаганды крестьянъ, отданныхъ въ военную службу и долго находившихся въ плѣну между протестантами за границей, во время войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней. Что касается хлыстовщины и подобныхъ ей сектъ, то онѣ, какъ я уже сказалъ, занесены въ Россію изъ Византіи, или, вѣрнѣе сказать, изъ Болгаріи, занесены очень давно, современно съ принятіемъ христіанства св. Владиміромъ ****); но и въ теченіе столькихъ вѣковъ эти секты не успѣли сродниться съ русскимъ народомъ, доселѣ представляются онѣ большинству его чуждымъ, несообразнымъ съ обычной русской жизнью явленіемъ.

---

*) Читайте наоборотъ: выйдетъ *русса*. Толкованіе молоканъ.

**) Преданія хлыстовъ объ ихъ старыхъ христахъ, богородицахъ и пророкахъ, заключающіяся въ пѣсняхъ, употребляемыхъ ими во время радѣній, не имѣютъ никакой связи вообще съ преданіями русскаго народа.

***) Еретики новгородскіе: Бакшинъ, Висковатовъ, Артемій и т. д.

****) Черезъ шестнадцать лѣтъ по крещеніи кіевлянъ въ Кіевѣ, былъ уже обличенъ богомилъ-скопецъ Андріанъ (Руднева «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ», 29—38). Хлыстовщина имѣетъ много общаго съ богомилами. Оставляя до другого письма болѣе подробное разъясненіе хлыстовщины съ

Ко второму чину, т.-е. къ *раскольникамъ*, или схизматикамъ, относятся тѣ разномыслящіе, которые, по выраженію „Кормчей книги", „отъ церкви себѣ оставльше" *). Сюда относится весь безпоповщинскій отдѣлъ русскаго раскола, отвергающій священство и церковь, хотя и не по принципу, а по факту. Въ смыслѣ каноническомъ, они находятся въ такомъ же отношеніи къ православію, какъ лютеране и другіе протестанты, отвергающіе духовную іерархію, преемственную отъ временъ апостольскихъ.

Къ третьему чину, т.-е. къ „*подцерковникамъ*" относится поповщинскій отдѣлъ русскаго раскола. Въ „Кормчей книгѣ" значеніе подцерковниковъ опредѣляется слѣдующими словами: „иже осуждены бывше отъ службы и неповинувшіеся правиломъ, но себѣ господски отметивши и епископы нарицаются и служатъ и церковь создавше другую и въ своей воли быти пѣнія указаша и соборную оставиша церковь" **). Эти раскольники каноническому смыслу относятся къ православію гораздо ближе, чѣмъ другія, даже правильно организованныя церкви, какъ, напримѣръ, римско-католическая, армяно-грегоріанская, армяно-католическая, греко-унитская.

И безпоповщинская и поповщинская секты возникли на русской землѣ. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей примѣси чего-либо чужеземнаго. Онѣ сложились изъ народныхъ элементовъ. Это въ полномъ смыслѣ *русскій расколъ*.

приличными указаніями на лѣтописи, акты и факты дѣйствительной жизни, замѣчу здѣсь, что успѣху богомильства, во времена св. Владиміра и его преемниковъ, много способствовала готовая къ воспріятію этого ученія почва: вѣроученіе финскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ первоначальной Руси. Финскіе кудесники и волхвы, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ («Несторова лѣтопись. Полн. собраніе русскихъ лѣтописей», I. стр. 75—78), поразительно сходны, съ одной стороны, съ современными мордовскими возатями, окруженными тремя парандіатами, тремя туросторами, тремя янбедами и тремя кошангородами (итого 12), а съ другой стороны, съ христами и пророками разныхъ эпохъ—богомильскими, хлыстовскими и даже скопческими. Вездѣ учитель, находящійся въ непосредственномъ соотношеніи съ божествомъ, и почти всегда при немъ 12 апостоловъ, какъ и у истиннаго Христа. И у силезскаго лже-Христа 1507 года, по лѣтописи Густынской, и у Ивана Тимоѳеевича, лже-Христа, упоминаемаго въ Розыскѣ» Дмитрія Ростовскаго, и у Лупкина, и у Радаева, и у мордовскаго бога Кузьки, сосланнаго въ 1808 году, и пр. и пр., всегда 12 учениковъ, или апостоловъ. Лѣтописное сказаніе о волхвѣ, говорившемъ, что человѣкъ созданъ дьяволомъ, отражается и въ религіи, напримѣръ, чувашъ, и въ вѣрованіи богомиловъ, и въ мнѣніи хлыстовъ. Рѣзаніе волхвами плечъ у женщинъ и выниманіе оттуда меду, жита и скоры, упоминаемое у Нестора, какъ двѣ капли воды похожи на обрядъ, совершаемый и понынѣ у мордвы кошангородомъ и янбедомъ предъ общественнымъ моляномъ, и сходенъ съ нѣкоторыми пріемами при хлыстовскихъ радѣніяхъ. Впослѣдствіи надѣюсь разъяснить все это въ надлежащей подробности.

*) «Кормчая книга». Московское изданіе 1652 г., при патріархѣ Никонѣ, л. 225.

**) Тамъ же.

Въ самомъ началѣ, т.-е. во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ расколъ былъ голосомъ консерватизма, протестомъ русскаго народа противъ иноземнаго вліянія, противъ наплыва нововведеній въ русскую гражданскую жизнь, а главное, противъ самоуправства Никона. Церковное разномысліе на первыхъ порахъ было только личиной консерваторовъ, которыхъ было немало при самомъ дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Этотъ расколъ зародился въ кремлевскомъ дворцѣ, на половинѣ царицы Марьи Ильиничны. Оттуда онъ пошелъ по Москвѣ и по областямъ, преимущественно поволжскимъ и заонежскимъ, и сначала имѣлъ чисто-религіозный характеръ. Впослѣдствіи, когда расколъ уже развился, существенными, характеристическими чертами его сдѣлались: безграничное, возведенное на степень догмата, уваженіе къ старинѣ, къ преданію, а особенно къ внѣшнимъ религіознымъ обрядамъ, стремленіе подчинить этому преданію всѣ условія гражданскаго, общественнаго и семейнаго быта, неподвижность жизни общественной, отверженіе всякаго прогресса, холодность ко всѣмъ успѣхамъ развитія народной жизни, нелюбовь ко всему новому, а въ особенности къ иноземному, и наконецъ глубокая, ничѣмъ непоколебимая вѣра въ святость и непогрѣшимость всякаго внѣшняго обряда, всякаго преданія, которые носятъ на себѣ печать дониконовской старины и старой народности.

Идеалъ гражданской жизни, по понятіямъ раскольниковъ, состоитъ въ той жизни, какая была на Руси въ первой половинѣ XVII и въ XVI столѣтіи. Благочестивый царь съ бородой, молящійся, какъ Ѳедоръ Ивановичъ, безпрестанно въ церквахъ и келейно, одѣтый въ парчу и жемчугъ, медленно водимый подъ руки боярами, тоже бородатыми, непьющими треклятаго зелья—табаку и т. п. По приказамъ—брадатые бояре, по городамъ — благочестивые и бородатые же воеводы, и тѣ, и другіе, и третьи строго соблюдаютъ посты, по субботамъ ходятъ въ баню, по воскресеньямъ—за крестными ходами, часто ѣздятъ по святымъ обителямъ на богомолья, отнюдь не дозволяютъ народу бѣсовскихъ игръ и ристалищъ „яже отъ Бога отводятъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ“, истребляютъ театры, запрещаютъ танцы, музыку, маскарады, воздвигаютъ гоненія на общечеловѣческое, истинное просвѣщеніе, какъ на богохульное, святыми отцами не заповѣданное и притомъ еще заморское, и пр. и пр. Судъ и расправу они совершаютъ по „Кормчей книгѣ“, то-есть по градскому закону *). Всѣ люди строго исполняютъ уставы о постахъ и поклонахъ, строго соблюдаютъ старые обычаи и вполнѣ подчиняютъ всю жизнь неподвижному обряду и клерикальному вліянію. Вотъ идеалъ политической и общественной жизни по понятіямъ раскольниковъ.

Для доказательства, что это показаніе не голословно, я могъ бы исписать нѣсколько листовъ фактами изъ дѣйствительной современной

---

*) Градскимъ закономъ называются нѣкоторыя гражданскія законоположенія византійскихъ императоровъ, вошедшія въ «Кормчую» и «Номоканонъ».

жизни раскольниковъ и множество выписокъ изъ ихъ сочиненій. Но это слишкомъ далеко отвлекло бы меня. Ограничусь одною выпискою изъ „Барнаульскихъ отвѣтовъ“ *). Это сочиненіе безпоповщинское, составленное въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Нарочно выбираю сочиненіе новое, какъ выражающее взглядъ на предметъ современныхъ раскольниковъ, безпоповщинское, потому что безпоповщина, какъ многіе говорятъ (хотя и не совсѣмъ основательно), гораздо развитѣе поповщины. Вотъ что̀ говорятъ „Барнаульскіе отвѣты“, напримѣръ, о гражданскомъ судѣ существующемъ и такомъ, какого *хотѣлось бы вмѣсто него* раскольникамъ:

„Иносказательный, духоборный судъ! Сидятъ судіи духоборные, бритые жиды, губы жареныя (отъ сигаръ), и табакомъ носы набитые, и табакерки лежатъ передъ ними, и на стѣнѣ у нихъ поставленъ крыжъ латинскій, или Димитрій Ростовскій, сущій табачникъ, Иннокентій Иркутскій, сущій бритоусъ, или Митрофаній Воронежскій—только у нихъ мощей своихъ. А на престолѣ промежду ихъ (судей) стоитъ богоотчужденное нѣкое зерцало и прочія Богомъ ненавидимыя иносказательныя духоборныя книги... И въ нихъ („Сводъ законовъ“) и въ зерцалѣ написанъ богопротивный человѣкъ, сирѣчь Петръ Первый, ихъ законодавецъ, и пастырь, и новый Христосъ, сирѣчь антихристъ. Такъ иные судятъ и распоряжаютъ по своей похоти, сирѣчь по злату, и по сребру, и по мѣшкамъ, и по штофамъ, и промежду ихъ пребываетъ и распоряжаетъ противникъ божій, отецъ ихъ діаволъ, т.-е. смущенное жидовское собраніе ихъ церковь. Зрите опасно!.. При семъ поступаю показати отъ святаго писанія, каковы прежде были благочестивые суды и присутственныя мѣста *и какимъ порядкомъ и по закону судить и распоряжать должно.* Какъ пріидешь въ присутственное мѣсто, во-первыхъ узриши на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или святую икону. А судіи сидятъ въ порядкѣ, и по образу и по подобію Божію **), хотя и князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ и промежду ихъ законъ божій, сирѣчь вѣчное Евангеліе и седмью вселенскими соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сирѣчь книга Кормчая и прочія Богомъ вдохновенныя: св. Кирилла, Іоанна Златоустаго или преподобнаго Ефрема ***) и прочія. Такъ судили по закону, сирѣчь по небесному, т.-е. по писанію, *и такъ право судили и такъ подобаетъ быти суду праву.* И аще кои попротивятся сему праведному суду, яко самому Христу и святымъ его противятся, и повиненъ будетъ вѣчному суду“.

---

*) Иначе «Сибирскіе отвѣты», иначе «Тюменскій странникъ».

**) Въ другомъ раскольническомъ сочиненіи, «Оглашеніе Бондарева», писанномъ около 1830 года, сказано: «образъ Божій въ бородѣ, а подобіе въ усахъ». Это мнѣніе весьма распространено у раскольниковъ всѣхъ толковъ.

***) Здѣсь упоминаются тѣ книги, которыя, будучи напечатаны при патріархѣ Іосифѣ, особенно уважаются раскольниками: «Кириллова книга», составленная Стефаномъ Зизаніемъ, «Маргаритъ» Іоанна Златоустаго и

Вотъ еще мѣсто изъ тѣхъ же „Барнаульскихъ отвѣтовъ“, характеризующее взглядъ раскольниковъ на гражданскія отношенія:

„Аще у колеса спица повредится, или укрѣпа спицы, сирѣчь закрѣпа, въ опасеніи или въ сумнѣніи пребываетъ; или дорого цѣнные часы повредятся, тако же ненадежны пребываютъ... Зрите опасно! Хотя единъ щурупъ или зубчикъ у колеса повредится и то все вредно; тако есть писано... солнце на земли благочестивый царь и патріархъ... аще благочестивый царь согрѣшитъ, то весь міръ не умолитъ, потому что ему дана отъ Бога власть устрояти и управляти отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, кои богопротивны. Какъ царь, такъ и патріархъ, — оба лица сильны и пишутся *христовы намѣстницы*,—во-первыхъ какъ отъ піанства и отъ бѣсовскихъ пѣсенъ и въ воскресенье торговать запрещаютъ и прочія Богу неугодныя дѣла. Такожде и звѣзды на лицѣ земли были: сирѣчь митрополиты, архіепископы и епископы, и священницы, и благіе учители, какъ наричутъ ихъ и облаки, что они апостольское благовѣстіе истинно учили и толковали и изливали яко дождь на изсохшую землю, сирѣчь на сердца человѣческія“.

Таковъ взглядъ раскольниковъ по „Барнаульскимъ отвѣтамъ“, написаннымъ въ такомъ толкѣ, который, хотя несправедливо и безъ всякаго основанія, но считается не признающимъ властей. Замѣтимъ при этомъ, что въ идеалѣ государства, представляемомъ „Барнаульскими отвѣтами“, рядомъ съ царемъ находится патріархъ; оба они солнце, оба они *намѣстники христовы*. Здѣсь раскольники зашли черезчуръ далеко и уклонились въ чисто-латинское воззрѣніе, противное догматамъ православія, по которымъ Христосъ не имѣетъ на землѣ никакого намѣстника, ни свѣтскаго ни духовнаго, и нѣтъ видимой главы церкви, ибо самъ Христосъ есть глава церкви.

Таковы раскольники вообще. Само собою разумѣется, что въ разныхъ толкахъ поповщины и безпоповщины есть свои оттѣнки, но разницу между ними нельзя назвать слишкомъ рѣзкою. Идеалъ гражданскаго устройства, существующій для нихъ въ отдаленномъ, невозвратимомъ прошедшемъ, не существуетъ въ будущемъ. Впереди — антихристъ, который долженъ пасть, *но не отъ руки людей,* а отъ десницы самого Іисуса Христа, какъ сказано въ апокалипсисѣ, а за паденіемъ антихриста немедленно настаетъ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, райскія утѣхи для вѣрныхъ и вѣчный огонь, вѣчный скрежетъ зубовъ для невѣрныхъ.

Торжества своихъ общинъ ни раскольники ни подцерковники не ожидаютъ; такое торжество было бы противно ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Такимъ образомъ *у нихъ нѣтъ никакого политическаго будущаго*... Поэтому разсчитывать въ будущемъ на какую-либо поли-

---

«Книга Ефрема Сирина». «Кириллова книга» и «Ефремъ Сиринъ» были перепечатаны, сходно съ московскими старопечатными изданіями, въ польскихъ типографіяхъ, въ концѣ XVIII столѣтія (книги *перводныя*). «Маргаритъ», сколько мнѣ помнится, перепечатанъ не былъ.

тическую дѣятельность раскольниковъ, какъ гражданской партіи, какъ status in statu, значитъ не понимать ни бывшаго ни тѣмъ еще менѣе современнаго духа раскола... Что бы ни предстояло Россіи въ будущемъ, раскольники, по духу своихъ вѣрованій, не только неспособны быть политическими дѣятелями, но даже и орудіемъ такихъ дѣятелей... Они слѣпо и не размышляя благоговѣютъ только передъ внѣшностью, передъ обрядомъ давно умершей старины. Симпатіи ихъ только въ ней одной, и оттого на современное состояніе общества они смотрятъ какъ на состояніе упадка, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на отверженіе русской народности, а на будущее, какъ на еще большій упадокъ. Это Лотова жена, обернувшаяся назадъ и оставшаяся неподвижною.

Уже по одному воззрѣнію на современную гражданскую жизнь тѣ и другіе сектаторы, свои и чужіе, еретики и раскольники съ подцерковниками, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Для послѣдователей ересей, занесенныхъ на русскую землю изъ чужихъ краевъ, все совершенство—въ будущемъ; для послѣдователей же сектъ, образовавшихся на Руси самобытно, все — въ прошедшемъ. Воображеніе однихъ видитъ впереди счастливое, золотое время и торжество своей секты; воображенію другихъ представляется въ будущемъ грозный призракъ антихриста съ казнями, съ гоненіями и кровопролитіемъ. Побороть его, восторжествовать надъ врагомъ Божьимъ нѣтъ возможности, ибо торжество его предопредѣлено самимъ Богомъ и предсказано словомъ Божьимъ. Онъ падетъ, но не отъ людей, а отъ Бога, и затѣмъ немедленно наступитъ кончина вѣка, разрушеніе міра. Будущаго такимъ образомъ нѣтъ.

Еретики, живя надеждой, раскольники — воспоминаніями, равно не сочувствуютъ настоящему. И тѣ и другіе на современную русскую жизнь прежде смотрѣли даже враждебно; теперь, вслѣдствіе ослабленія фанатизма и прекращенія преслѣдованій, смотрятъ на все съ самымъ холоднымъ равнодушіемъ. Индифферентизмъ въ дѣлахъ чужой и даже своей вѣры, вообще столь свойственный природѣ русскаго человѣка *), въ послѣднее время въ раскольникахъ чрезвычайно усилился... по отношенію къ православію...

Но, смотря столь одинаково на современное развитіе русской гражданской жизни, еретики и раскольники съ подцерковниками на господствующую церковь смотрятъ совершенно различно. Раскольники и подцерковники взираютъ на нее болѣе или менѣе непріязненно, а еретики совершенно равнодушно. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ, напримѣръ, хлысты, фарисеи, скопцы, лазаревщина, безъ всякаго принужденія ходятъ въ православную церковь и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности еще гораздо усерднѣе православныхъ, считая это, впрочемъ, ничего не значащимъ обрядомъ и поступая такъ единственно съ цѣлью

*) Индифферентизмъ въ дѣлахъ вѣры преимущественно свойственъ великоруссамъ: въ малоруссахъ и бѣлоруссахъ его гораздо менѣе. Но и расколъ свойственъ только великоруссамъ: между малоруссами раскольниковъ нѣтъ.

отвлечь отъ себя подозрѣніе въ сектаторствѣ. Было много примѣровъ, что опытные и по дѣйствіямъ своимъ вполнѣ достойные полнаго уваженія священники чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ такъ искусно были обманываемы наружнымъ благочестіемъ этихъ еретиковъ, что считали ихъ самыми усерднѣйшими сынами православной церкви.

Разница въ воззрѣніи еретиковъ и раскольниковъ на православіе объясняется тѣмъ, что послѣдніе, какъ отдѣлившіеся отъ церкви, смотрятъ на нее съ горькимъ, враждебнымъ чувствомъ, какъ на измѣнившую, по ихъ мнѣнію, древнимъ своимъ уставамъ, какъ на бывшую когда-то съ ними въ единеніи, а потомъ разорвавшую связи общенія. Между тѣмъ еретики видятъ въ ученіи господствующей церкви совершенно чуждое для нихъ ученіе, столь же чуждое, какъ римско-католичество, протестантство и пр. Нѣкоторые еретики (скопцы, а по инымъ мѣстамъ и хлысты) смотрятъ на нашу церковь даже совершенно одинаково, какъ на іудейство, магометанство и идолопоклонство.

Чтобы сколько-нибудь уяснить темную область раскола, постараюсь набросать историческіе очерки развитія каждаго религіознаго разномыслія, его догматику и обрядность. Очерки эти будутъ кратки, бѣглы, безъ строгой систематики, которая потребовала бы много времени и труда. У меня накопилось довольно значительное количество матеріаловъ по части раскола. Богъ знаетъ, успѣю ли когда-либо составить систематическое описаніе раскола, и потому, чтобы не совсѣмъ пропали собираемые долгое время факты изъ дѣйствительной жизни и письменные матеріалы, буду печатать ихъ въ полуобработанномъ видѣ. Постараюсь, чтобы въ дальнѣйшихъ „Письмахъ“ моихъ было меньше разсужденій, но какъ можно больше фактовъ. Анализировать расколъ, какъ я уже замѣтилъ, теперь еще преждевременно. Прежде всего нужны: факты, факты и факты. Пускаться же въ пышныя разглагольствованія о расколѣ по отношенію его къ земству и пр. и пр., искажая на каждомъ шагу историческіе факты, пускаясь въ неудержимыя фантазіи и для краснаго словца жертвуя чуть не на каждой страницѣ истиной и уваженіемъ къ наукѣ, считаю дѣломъ нечистымъ и недобросовѣстнымъ, для какой бы цѣли это ни было дѣлано. Правило—„цѣль оправдываетъ средства“—дурное правило, правило іезуитизма. Тѣмъ болѣе недобросовѣстно умышленное искаженіе фактовъ по такому мало изслѣдованному и вовсе почти неизвѣстному публикѣ предмету, какъ расколъ... Въ дальнѣйшихъ моихъ письмахъ вы не найдете, читатель, блестокъ игривой фантазіи и остроумія, но факты, факты и факты. Конечно, въ этихъ письмахъ будетъ много недостатковъ и всякаго рода несовершенствъ, но... *господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги вѣтшаны, а умъ молодъ, не дошелъ,*— скажу я съ древнимъ нашимъ лѣтописцемъ, мнихомъ Лаврентіемъ.

ТАЙНЫЯ СЕКТЫ.

I.

Кромѣ раскольниковъ - старообрядцевъ, отдѣлившихся отъ господствующей церкви изъ-за буквы и обряда, есть немало русскихъ людей, уклоняющихся отъ православія несравненно далѣе, чѣмъ разнообразные толки старообрядства. Разумѣемъ здѣсь принадлежащихъ къ такъ-называемымъ *тайнымъ сектамъ*.

„Тайными“ зовутся онѣ потому, что какъ ученіе ихъ, такъ и внутреннее устройство общины по возможности сохраняются сектаторами въ строгой тайнѣ. При вступленіи въ нѣкоторыя изъ тайныхъ сектъ принимаемый, приводя самого Бога во свидѣтели, съ извѣстными обрядами, клянется строго и нерушимо хранить всѣ тайны, которыя ему будутъ открыты. Торжественно передъ всею общиной онъ обѣщается: „не сказать про тайну отцу, матери; не сказать про святое дѣло попу на духу, судьѣ на судѣ; кнутомъ будутъ бить, огнемъ станутъ жечь: все претерпѣть, тѣло отдать на раздробленіе, безъ разсужденія, только святого дѣла не выдавать“. Новаго члена не вдругъ посвящаютъ во всѣ таинства, но постепенно, переводя его со степени на степень званія, какъ это дѣлалось въ масонскихъ ложахъ и другихъ религіозно-политическихъ тайныхъ обществахъ, состоявшихъ изъ людей, получившихъ болѣе или менѣе достаточное образованіе и принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ общественнаго строя.

Впрочемъ, и къ „тайнымъ сектамъ“, о которыхъ мы намѣрены говорить, принадлежали не одни простолюдины. Представляя ихъ историческій очеркъ, странное ученіе и еще болѣе странные обряды, мы встрѣтимся не съ одними крестьянами и солдатами, но и съ лицами высшаго православнаго духовенства, съ генералами, съ министрами, съ членами государственнаго совѣта, съ великосвѣтскими дамами и дѣвицами, съ литераторами и журналистами. Мы увидимъ, что, какъ въ старые годы, такъ и въ позднѣйшее время, къ „тайнымъ сектамъ“ принадлежали

богатые помѣщики изъ знатныхъ фамилій, къ которымъ для совершенія таинственныхъ обрядовъ собирались ихъ односектаторы, а въ числѣ ихъ и собственные крѣпостные ихъ люди. Мы встрѣтимся съ поэтами, правда, незамѣтными въ исторіи русской литературы, которые сочиняли для тайныхъ сектаторскихъ собраній пѣсни. Чтобъ ознакомиться съ тайными обрядами этихъ сектъ, мы поведемъ читателя не въ однѣ мужичьи избы да келейные ряды, что ставятся на задворицахъ большихъ селеній, но и въ дома значительныхъ помѣщиковъ, въ монастыри, даже въ одинъ изъ петербургскихъ дворцовъ.

Къ „тайнымъ сектамъ" относится такъ-называемая *хлыстовщина,* со всѣми ея видоизмѣненіями и отраслями. Слово *хлыстовщина* есть искаженное *христовщина,* — названіе, встрѣчаемое въ сочиненіяхъ первой четверти прошлаго столѣтія у св. Дмитрія Ростовскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго, архіепископа тверского *). Такъ названа эта секта потому, что въ средѣ ея постоянно являлись люди, слывшіе за одаренныхъ высшими дарами благодати, которыхъ они считали христами. Въ концѣ прошлаго или въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія эту секту, вмѣсто христовщины, стали называть *хлыстовщиной.* Нѣкоторые думаютъ, что это наименованіе произошло отъ слова „хлыстать" и дано сектѣ потому, что послѣдователи ея, во время совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ, бичуются, „хлыщутъ" другъ друга подъ слова пѣсни, начинающейся словами:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу, —

но это едва ли можетъ считаться основательнымъ. Бичеванье или хлыстанье — обрядъ нововводный и усвоенъ не всѣми „кораблями" (общинами). Въ тѣхъ, напримѣръ, корабляхъ, гдѣ участвовали люди образованные, кромѣ „корабля" князя Мещерскаго, существовавшаго въ концѣ царствованія Петра I, кажется, никогда не было обычая хлыстать себя или другихъ. Сколько намъ извѣстно, слова „хлыстовщина", „хлысты" изобрѣтены уже въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣкоторыми духовными лицами, считавшими неприличнымъ при названіи секты употреблять священное имя Спасителя.

Святой Дмитрій упоминаетъ еще о двухъ сектахъ, составляющихъ отрасли христовщины: о *подрѣшетникахъ,* или *капитонахъ,* и о другой, которой не даетъ особаго названія **). Ѳеофилактъ Лопатинскій, кромѣ христовщины, упоминаетъ о *богомилахъ, меселіанахъ* и *акулиновщинѣ:* это та же христовщина. Первыя два названія даны сектѣ

---

*) «Розыскъ» святого Дмитрія Ростовскаго. «Обличеніе неправды раскольнической», Ѳеофилакта Лопатинскаго. Послѣднее сочиненіе написано въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда авторъ былъ членомъ новоучрежденнаго тогда святѣйшаго синода.

**) «Розыскъ», часть III, глава 12.

духовенствомъ, можетъ-быть, самимъ Ѳеофилактомъ, по сходству ихъ ученій, впрочемъ, весьма мало ему извѣстныхъ, съ ученіемъ ересей богомиловъ и меселіанъ, бывшихъ въ Византійской имперіи. Изъ христовщины въ прошломъ столѣтіи образовалась секта *скопцовъ*. Это тѣ же самые хлысты, съ ихъ ученіемъ и обрядами, но ради умерщвленія плоти введшіе у себя оскопленіе. Кромѣ того, къ тайнымъ сектамъ относятся *фарисеи, богомолы, ляды, купидоны* (искаженіе слова „капитоны", о которыхъ упоминаетъ Дмитрій Ростовскій), *лазаревщина, монтане, милютинскіе* или *алатырскіе, адамиты, общество Татариновой, ползуны* или *холстовщина, шелапуты, духовные скопцы, наполеоновцы* *), *сусленники, свѣтосновцы, Дробышевская* или *Сѣдовичева секта, маранскіе* **), *скакуны, прыгуны, трясуны, божьи, духовники, духовные христіане* и пр. ***). Все это одна и та же хлыстовщина, съ нѣкоторыми, часто самыми незначительными отличіями въ обрядахъ. Только скопцы, совершающіе надъ собой извѣстныя операціи, да наполеоновцы (секта очень мало изслѣдованная), признающіе за пришедшаго во второй разъ сына Божія императора французовъ Наполеона I, рѣзко отличаются отъ прочихъ.

Независимо отъ хлыстовщины, хотя и въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ нею, существуютъ тайныя секты „мистическія", какъ, напримѣръ, *сіонская церковь, десные христіане, лабзинцы* и секты раціоналистовъ или „молоканскія", имѣющія начало совсѣмъ не тамъ, гдѣ кроется источникъ сектъ хлыстовскихъ, но нерѣдко сливающіяся съ ними. Такъ, во времена Петра I открытыя около 1715 года секты иконоборцевъ (что нынѣ молокане) и Настасьи Зимихи находились въ близкихъ сношеніяхъ съ хлыстовщиной, тогда уже значительно распространенною въ Москвѣ и другихъ городахъ. Такъ въ наше время, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, въ Таврической губерніи и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи произошло взаимное соглашеніе и отчасти даже сліяніе тайной секты хлыстовской съ молоканствомъ и духоборчествомъ.

Въ ряду уклоненій отъ православія, свойственныхъ русскому народу,

---

*) Эти секты перечислены нами въ «Письмахъ о расколѣ», изданныхъ въ 1862 году.

**) Это скопцы, сосланные въ Закавказье и въ 1825 году поселенные генераломъ Ермоловымъ въ селеніи Марань, Кутаисской губерніи, по берегу рѣчки Цхенисъ-Цхали, впадающей тутъ въ Ріонъ. Ермоловъ образовалъ изъ скопцовъ 96-ю инвалидную роту, извѣстную болѣе подъ именемъ Мараньской или скопческой роты.

***) Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что хлыстовщину сверхъ того называли несвойственными ей именами: *субботниковъ* (въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ Мценскомъ, Кромскомъ и Дмитровскомъ, Орловской, въ Бѣлгородскомъ, Фатежскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ, Курской губерніи), *иконоборцевъ* (въ Якутской области), *молокановъ* (въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи) и *квакеровъ* (въ прошломъ столѣтіи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ Москвѣ и въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи).

хлыстовскія секты представляютъ видъ совершенно особый, существенно отличающійся отъ прочихъ не только по своему содержанію, но еще болѣе по отношенію къ церкви. Всякій расколъ, всякая ересь потому собственно и называются расколомъ или ересью, что они *отрываютъ* себя не только отъ внутренняго единомыслія, но и отъ внѣшняго общенія съ церковью. Считая только себя единственно и исключительно правыми по вѣрѣ, раскольники и еретики поставляютъ долгомъ совѣсти выказывать это расторженіемъ всѣхъ связей съ пребывающими вѣрными церкви: не покорствуютъ и не воздаютъ чести установленнымъ духовнымъ властямъ, не ходятъ на общественное богослуженіе, не сообщаются съ вѣрными въ церковныхъ таинствахъ и другихъ религіозныхъ обрядахъ, не сообщаются даже въ частной, домашней молитвѣ. Въ самыхъ житейскихъ сношеніяхъ они стараются держать себя какъ можно дальше отъ нихъ: даже не пьютъ и не ѣдятъ вмѣстѣ съ ними. Таковы болѣе или менѣе послѣдователи всѣхъ толковъ такъ-называемаго старообрядства. Совершенно иначе поступаютъ принадлежащіе къ тайнымъ сектамъ хлыстовщины. Хотя по внутренней сущности своего ученія они и удаляются отъ церкви несравненно далѣе, чѣмъ какой бы то ни было толкъ раскольничій, хотя они отрываютъ себя не только отъ православія, но и вообще отъ христіанской вѣры, отрицая или измѣняя существеннѣйшіе ея догматы, но въ наружныхъ дѣйствіяхъ не показываютъ себя чуждающимися православія. Они строго исполняютъ всѣ обряды и христіанскія обязанности церкви, даже строже, чѣмъ многіе настоящіе православные. И это дѣлаютъ не по принужденной стачкѣ съ своею совѣстью (какъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ, когда боятся отвѣтственности и взысканія), но потому, что по самому ихъ ученію не только не воспрещается, но, напротивъ, предписывается всячески вездѣ и всегда скрывать себя и для того съ самою строгою точностью исполнять всѣ внѣшнія постановленія и обычаи господствующей церкви. Оттого послѣдователей тайныхъ сектъ хлыстовщины узнать очень трудно; по наружности они совершенно православные, часто даже болѣе благочестивые, болѣе набожные, чѣмъ настоящіе.

Судя по литературѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтій, какъ печатной, такъ и извѣстной намъ рукописной, духовные писатели весьма мало знали о тайныхъ сектахъ и всегда говорили о нихъ съ крайнею неопредѣлительностью. Въ недавнее лишь время въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ стали появляться о нихъ статьи *) или, лучше сказать, извлеченія изъ отчетовъ о состояніи раскола, составленныхъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ статистическими экспедиціями и отдѣльно производившими изслѣдованія о расколѣ чиновниками министерства внутрен-

*) «Православный Собесѣдникъ», 1858 г., № 7: «Общество людей Божьихъ, составъ его и богослужебныя собранія». Тотъ же журналъ 1860 г., № 12: «Ученіе секты людей Божіихъ о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи».

нихъ дѣлъ *). До сороковыхъ годовъ не болѣе знало о нихъ и правительство. При отсутствіи свѣдѣній о существѣ предмета въ его общности оно смотрѣло на частныя, по временамъ возникавшія дѣла о тайныхъ сектахъ, какъ на странные случаи раскольничьяго фанатизма, обсуживало и рѣшало ихъ исключительно съ полицейской точки зрѣнія, по мѣрѣ обнаруженныхъ уклоненій отъ общественнаго порядка и благочинія, и затѣмъ, по заведенному порядку, сдавало дѣла въ архивъ. Утвержденію такого взгляда на этотъ родъ дѣлъ, по словамъ покойнаго Надеждина **), много способствовало и то, что въ тридцатыхъ, особенно же въ сороковыхъ годахъ хлыстовщина преимущественно стала подпадать вниманію правительства въ связи съ скопчествомъ, которое есть только ея выродокъ. Тутъ матеріальное преступленіе, оскопленіе, до того заслоняло внутреннее начало хлыстовщины, открываемое обыкновенно и у скопцовъ, что когда тѣ же самыя или близкія къ нимъ черты встрѣчались гдѣ-нибудь не сопровождаемыя оскопленіемъ, на нихъ смотрѣли какъ на признаки заблужденія, жалкаго, но безвиннаго и не заслуживающаго вниманія. Такимъ образомъ изученіе настоящей хлыстовщины, которая есть корень и самого скопчества (какъ секты, а не какъ матеріальнаго уродованія тѣла), оставалось въ небреженіи. Нерѣдко при официальномъ производствѣ дѣлъ хлыстовщину смѣшивали съ тайными сектами другого порядка, напримѣръ, съ молоканами, съ духоборцами и даже съ жидовствующими.

Народъ всегда зналъ и знаетъ о тайныхъ сектахъ. Не проникая ихъ тайны, онъ всегда предполагаетъ въ нихъ что-то недоброе. Какъ православные, такъ и старообрядцы дичатся этихъ сектъ, называютъ ихъ „темными“, питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь. Объ нихъ ходятъ въ народѣ страшные разсказы, съ примѣсью чудеснаго, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ и тому подобныхъ пугалахъ робкаго воображенія непросвѣщенныхъ простолюдиновъ. Во многихъ мѣстахъ послѣдователей тайныхъ сектъ зовутъ фармазонами ***), считая это названіе синонимомъ волшебника, отрекшагося отъ Бога и отъ всего святого. Чудесные разсказы о нихъ простонародья не могли не казаться нелѣпостью въ глазахъ людей образованныхъ, и это послужило поводомъ къ тому, что всю народную молву о дѣйствіяхъ и сокровенныхъ обрядахъ тайныхъ сектаторовъ безъ всякаго разбора и разъясненія стали считать басней. Такое мнѣніе не измѣнилось и тогда, какъ нѣкоторые изъ людей просвѣщенныхъ и высокопоставленныхъ сами вступали въ тайныя секты и въ своихъ собраніяхъ соединялись съ

---

*) Объ этихъ изслѣдованіяхъ см. нашу статью: «Счисленіе раскольниковъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1868 г., № 2.

**) Корректурные листы трактата о хлыстахъ.

***) Испорченное слово франкъ-масонъ. Народъ, всегда зоркій и чуткій, подмѣтилъ таинственныя сношенія нѣкоторыхъ масоновъ съ послѣдователями тайныхъ сектъ хлыстовщины и назвалъ ихъ этимъ именемъ.

хлыстами-простолюдинами. Не хотѣли вѣрить, чтобы собранія, бывшія, напримѣръ, вскорѣ послѣ 1812 года въ Михайловскомъ дворцѣ *), были точно такія же, какъ и сборища, открытыя въ то же время полиціей въ домѣ рядового Юхновской инвалидной команды и между крестьянами Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. А между тѣмъ и обряды, въ которыхъ участвовалъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, директоръ его департамента и подобныя лица, самыя пѣсни (конечно, не всѣ), распѣваемыя ими во время собраній, оказались тѣми же самыми, какія употреблялись и въ Юхновѣ и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Извѣстнаго рода религіозныя увлеченія присущи людямъ разныхъ положеній въ обществѣ, разнаго уровня образованія, разныхъ даже странъ и народностей. Положительно извѣстно, что послѣдователи „восторженныхъ“ сектъ, которыхъ такъ много въ Англіи, а еще болѣе въ Америкѣ, бывая въ Россіи, входили въ непосредственныя сношенія съ русскими простолюдинами, принадлежащими къ тайнымъ сектамъ, и участвовали въ ихъ собраніяхъ. Нѣкоторые даже предполагали, будто тайныя секты занесены въ Россію сектаторами Запада. Само правительство нѣкогда раздѣляло эту мысль. Такимъ образомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны хлыстовщина была названа квакерскою ересью.

II.

Мы начнемъ съ историческаго очерка существовавшихъ у насъ тайныхъ сектъ изъ разряда хлыстовщины. Мы постараемся представить въ нѣкоторой связи ихъ проявленія, насколько это возможно при крайней неполнотѣ и отрывочности сохранившихся о нихъ свѣдѣній. Но прежде считаемъ не лишнимъ указать на общія главныя основанія этихъ сектъ, оставляя подробности до описанія ученія и обрядовъ, которое послѣдуетъ вслѣдъ за историческимъ очеркомъ.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Душа есть твореніе Божье, но тѣло, по понятіямъ однихъ сектаторовъ, искажено при грѣхопаденіи первыхъ людей, по понятіямъ другихъ, создано дьяволомъ. Какъ чистый духъ, заключенный въ нечистую плоть, душа борется съ нею чрезъ всю жизнь человѣка и, если будетъ побѣждена, — по смерти поступаетъ во власть духа злобы. Если же въ этой борьбѣ душа восторжествуетъ, то не только по смерти, но еще здѣсь, въ земной жизни, она достигнетъ такого блаженнаго состоянія, что придетъ въ непосредственное соотношеніе съ самимъ божествомъ. Для этого необходимы: строгій постъ, воздержаніе отъ мяса, отъ вина и табаку, отъ наслажденій любви, отъ всякихъ увеселеній, соблазновъ, нужна самая строгая аскетическая жизнь, сопровождаемая такъ-называемою „умною молитвою“, самоуглубленіемъ, словомъ, жизнь вполнѣ созерцательная. Но и этого еще недостаточно: нужно лишить себя воли, подчинивъ ее уже достигшему

*) Нынѣшній Инженерный замокъ въ Петербургѣ.

духовнаго совершенства и вмѣстившему въ себя Бога. Затѣмъ, при утомленіи тѣла разными усиленными тѣлодвиженіями, „радѣньемъ“ *), какъ говорятъ они, то-есть скачками, плясками, верченьемъ и круженьемъ съ распростертыми руками, дрожаньемъ всѣмъ тѣломъ, спираньемъ въ груди дыханія, аскетъ доводитъ себя до состоянія изступленія, онъ приходитъ въ состояніе галлюцинаціи, ему представляются видѣнія, онъ не помнитъ самого себя и говоритъ безсвязныя, безсмысленныя слова, принимаемыя другими за пророчество. Подъ словомъ „пророчество“ сектаторы не разумѣютъ однако исключительно предсказаній будущаго; все, что говорится въ состояніи восторженнаго изступленія, называется у нихъ пророчествомъ. Достигшіе такого состоянія называются у нихъ „пророками“ и „пророчицами“. Но это еще не высшая степень совершенства. Высшая степень для мужчины — степень христа, для женщины — богородицы. Истинный Спаситель и истинная Дѣва Марія, по мнѣнію тайныхъ сектаторовъ, не суть единственны. Такой же высокой степени, какой достигли они, можетъ достигнуть всякій человѣкъ. Такіе люди есть, они постоянно пребываютъ среди послѣдователей тайныхъ сектъ. Это „христы изобрѣтенные“ **), какъ они выражаются. Самъ Богъ, уничтоживъ въ нихъ душу человѣческую и замѣнивъ ее Собою, вселился въ нихъ, и они стали „живыми богами“. Изобрѣтенныхъ христовъ и богородицъ въ одно и то же время можетъ быть нѣсколько. Ближайшіе къ изобрѣтенному христу пророки, обыкновенно въ числѣ двѣнадцати, называются апостолами.

Но побороть плоть не легко, особенно при сближеніи обоихъ половъ во время радѣній, когда мужчины и женщины бываютъ въ однѣхъ рубашкахъ, а въ иныхъ корабляхъ и нагишомъ. Отсюда скопчество, встрѣчающееся въ созерцательныхъ толкахъ еще въ Византіи. Впрочемъ, ревностнѣйшіе послѣдователи хлыстовщины съ омерзѣніемъ относятся къ этому самоискаженію, называя его малодушіемъ. По понятіямъ ихъ, надо побороть плоть духовно, не прибѣгая къ хирургическимъ операціямъ. „Что за побѣда надъ врагомъ, когда врагъ умерщвленъ? — говорятъ они: — тутъ нѣтъ Божьяго дѣла, одно только малодушіе“. Но въ иныхъ корабляхъ скопчество считается тѣмъ, чѣмъ у насъ монаше-

*) Это слово употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ старанія, усердія, заботы, но въ смыслѣ радѣнія къ Богу, то-есть усердія соединиться съ Нимъ посредствомъ особыхъ тѣлодвиженій. Въ «Толковомъ словарѣ» В. И. Даля это объяснено такъ: «радѣть» у скопцовъ, хлыстовъ и прочихъ — отправлять свое богослуженіе съ верченьемъ; «радѣніе» — молитва въ сборѣ радѣющихъ (созерцательныхъ) толковъ; «радѣтель, радѣльникъ, радѣльщикъ» — радѣющій хлыстъ, скопецъ («Словарь живого великорусскаго языка», III, 4).

**) Слово «изобрѣтенный» употребляется у нихъ при этомъ не въ обычномъ его смыслѣ: измышленный, выдуманный, а въ смыслѣ обрѣтенный, то-есть найденный, отысканный. Мы еще не разъ встрѣтимся съ хлыстовскими словами, имѣющими не тотъ смыслъ, какой придается имъ общимъ употребленіемъ.

ство. Вообще же у хлыстовъ особой заслуги за скопцами не признаётся, и если нѣкоторые скопцы уважаются ими, то не за оскопленіе, а въ такомъ лишь случаѣ, если въ нихъ „ходитъ духъ“, то-есть если они способны скоро приходить въ восторженное состояніе и получать способность пророчества и видѣній.

Тайные сектаторы истиннаго Христа Спасителя почитаютъ Богочеловѣкомъ, но такимъ же, какъ и ихъ „христы изобрѣтенные“. Чудеса, Имъ сотворенныя, самая крестная смерть и воскресеніе суть, по мнѣнію нѣкоторыхъ кораблей, одно лишь иносказаніе. Они не поклоняются иконамъ и кресту, хотя и употребляютъ ихъ даже при нѣкоторыхъ своихъ обрядахъ. Литургію и другія церковныя службы отвергаютъ, говоря, что одно и то же читать и пѣть во вѣки вѣковъ безъ малѣйшей перемѣны есть дѣло мертвое, а Богу всегда надо пѣть „пѣснь нову“. Поэтому они и поютъ свои пѣсни, большею частью отличающіяся безсмыслицей, но не лишенныя печати какого-то дикаго, фанатическаго вдохновенія. Поютъ ихъ на голоса простонародныхъ пѣсенъ. Говорятъ, что молиться надо одною только молитвою Господней, какъ повелѣлъ Іисусъ Христосъ, и кромѣ того пѣть духовныя пѣсни и псалмы. Но, какъ сказано было прежде, всѣ они исполняютъ церковныя обязанности усерднѣе настоящихъ православныхъ, бываютъ въ церкви за каждою службой, исповѣдуются и причащаются по четыре раза въ годъ, и потому считаются людьми самыми усердными и благочестивыми. Къ этому надо еще присовокупить, что они, основываясь на словахъ евангелія: „не пецитесь о завтрешнемъ днѣ“, уклоняются отъ работъ и представляютъ изъ себя общество тунеядцевъ.

Тайныя секты держатся на Руси съ древнѣйшихъ временъ. Онѣ несравненно старѣе раскола-старообрядства, отдѣлившагося отъ единенія церковнаго только два столѣтія тому назадъ. Слѣды этихъ сектъ, правда, не совсѣмъ ясные, замѣчаются еще во времена святого князя Владиміра. При немъ пришельцы изъ-за Дуная принесли на Русь не одну чистую пшеницу вселенскаго ученія, но и плевелы, которыми издавна была обильна почва Византіи. Съ теченіемъ времени, въ продолженіе девяти почти вѣковъ, ученіе тайныхъ сектъ, занесенныхъ въ Россію одновременно съ христіанствомъ, видоизмѣнялось, подвергалось разностороннимъ вліяніямъ. Дохристіанскія понятія нашихъ предковъ, языческія воззрѣнія русѣвшихъ и сливавшихся съ славянскимъ племенемъ народовъ финскаго племени, религіозныя идеи, заносимыя отъ времени до времени съ Запада, наконецъ собственныя измышленія пытливыхъ русскихъ людей, все, въ свою очередь, отражалось на духѣ и развитіи этихъ сектъ. Конечно, изслѣдователи русскихъ тайныхъ ученій никогда не отыщутъ непрерывной струи отъ богомиловъ, пришедшихъ на Русь при Владимірѣ, до подполковницы Татариновой, скакавшей въ Михайловскомъ дворцѣ, или до прыгуна Максима Рудометкина (онъ же и Комаръ), короновавшагося въ деревнѣ Никитиной, Александропольскаго

уѣзда, Эриванской губерніи, 19-го декабря 1857 года. Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать связи между этими явленіями, отстоящими другъ отъ друга на цѣлыя восемь столѣтій. Письменные памятники старины не представляютъ намъ почти никакихъ данныхъ для точнаго и подробнаго опредѣленія, какимъ образомъ развивались въ русскомъ народѣ тайныя секты, но отрывочныя указанія лѣтописей, нѣкоторыя мѣста другихъ произведеній старинной нашей письменности, наконецъ сказанія и преданія современныхъ сектаторовъ могутъ намъ дать хотя нѣкоторыя указанія на то, что секты, о которыхъ идетъ рѣчь, столь же древни въ Россіи, какъ и само христіанство.

Ересь богомиловъ, названная такъ по имени своего основателя, попа Богумила, появилась въ IX или X столѣтіи въ единоплеменной намъ Болгаріи, тогда еще самостоятельной, имѣвшей своего царя и свою автокефальную церковь. Произошла она изъ смѣшенія понятій павликіанскихъ съ манихейскими. Павликіане, отвергавшіе церковную іерархію, установленный разъ навсегда порядокъ богослуженія, не признававшіе таинствъ и вѣрившіе въ два самостоятельныя начала: доброе и злое, были очень сильны въ Азіи, откуда императоръ Іоаннъ Цимисхій рѣшился вооруженною рукой выселить ихъ въ Европу, гдѣ, по мнѣнію его, они не могли быть такъ опасны для Византійской имперіи, какъ вдали отъ столицы, на далекихъ окраинахъ государства. Цимисхій поселилъ павликіанъ во Ѳракіи, на границѣ Болгаріи; съ ними же переселены были и многіе изъ послѣдователей Манеса, извѣстные подъ именемъ еретиковъ-манихеянъ, которые также признавали дуализмъ, заимствовавъ его изъ религіи Зердушта. Ученія тѣхъ и другихъ проникли въ юную еще тогда церковь болгарскую, и тамъ образовалась ересь богомильская. Она соединила въ себѣ дуализмъ, общій павликіанамъ и манихейцамъ, съ строгимъ аскетизмомъ манихеевъ, и до того существовавшимъ уже въ болгарскихъ монастыряхъ *). У аскетовъ-манихеянъ нерѣдко бывали примѣры оскопленія. Были они и у богомиловъ. Во времена святого Владиміра, въ Россію пришло много православнаго духовенства, но такъ какъ богослуженіе должно было производиться на языкѣ славянскомъ, котораго греки не разумѣли, то, конечно, пришедшіе къ предкамъ нашимъ попы въ большинствѣ были болгаре. Между ними весьма легко могли попасть на Русскую землю и послѣдователи возраставшей тогда секты богомиловъ. Они-то, конечно, и были первыми насадителями на русской почвѣ ученія тайныхъ сектъ. Черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ крещенія Руси, еще при жизни Владиміра, одинъ изъ такихъ насадителей былъ осужденъ въ Кіевѣ. Это былъ монахъ, скопецъ Адріанъ, который, по извѣстію „Никоновской лѣтописи“, въ

---

*) Schmidt, «Histoire et doctrine de la secte de Cathares ou Albigeois», 1 — 8. Альбигойцы и вальденсы были одного происхожденія съ богомилами. Въ ученіи тѣхъ и другихъ есть черты сходства съ ученіемъ нашихъ тайныхъ сектъ.

1004 году хулилъ церковь, ея уставы и обряды и духовенство. Митрополитъ Леонтій, отлучивъ Адріана отъ церкви, посадилъ его въ тюрьму, гдѣ скопецъ раскаялся *). Въ XII вѣкѣ, по указанію той же „Никоновской лѣтописи", явился въ Кіевѣ другой еретикъ, Дмитръ. Татищевъ говоритъ, что онъ въ 1123 году отвергалъ уставъ церковный, за что кіевскимъ митрополитомъ Никитой и былъ сосланъ въ городъ Сиколецъ **).

Въ первыя времена христіанства въ Россіи распространено было обличительное „слово на богомиловъ", сочиненное Козьмою, пресвитеромъ болгарскимъ. Было оно распространено, конечно, съ цѣлью противодѣйствовать этому ученію. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого слова, чтобы показать главнѣйшія черты богомильскаго ученія и сличить его съ ученіями русскихъ тайныхъ сектъ: „Діавола нарицаютъ творца человѣкомъ. Христа не исповѣдуютъ сотворивша чудеси, глаголюще: нѣсть Христосъ слѣпа просвѣтилъ, ни хрома исцѣлилъ, ни мертва воскресилъ, но притчи то суть точію... грѣхи бо рѣша цѣленые; народомъ же напитаннымъ въ пустыни пятью хлѣбы не вѣруютъ, глаголюще: не суть то хлѣбы были, но четыре евангелисты, пятое опраксъ***) Апостолъ... Святое крещеніе отмещутъ, гнушающеся крестимыхъ младенцевъ... Нѣсть Божіимъ повелѣніемъ творимо комканіе ****), ни есть тѣло суще Христово, но аки все и простое брашно, не бо есть Христосъ творилъ литургію, тѣмъ же мы не имамы въ честь того. Нѣсть речено о святѣмъ хлѣбѣ и о чашѣ, о Тетроевангеліи то есть речено и опракси Апостоли, а не о святѣмъ комканіи. Тѣло наричуть Тетроевангеліе, а кровь опраксъ Апостолъ. Еретицы сами себѣ исповѣди творятъ и рѣшатъ, сами суще связаны діаволими узами, не точію мужи то творятъ, но и жены. Діавола мнятъ повелѣвша человѣкомъ жены понимати, а женящася человѣка и живущая въ міру мамонины слуги зовутъ... Не многоглаголютъ въ молитвахъ, но „Отче нашъ"... Церкви распутія мнятъ суща, многоглаголанныя же литургіи мнятъ и ины молитвы, бывающая въ церквахъ. Чины святые хулятъ, литургію мню и прочія молитвы. Не суть апостолы литургію предали ни комканію. О крестѣ Господни сице блазнящеся глаголютъ: како ся ему есть кланяти? Сына бо Божія жидове на немъ распяша, да вражда есть паче Богу крестъ, тѣмъ же исповѣдаши его своя си учатъ, а не кланятися сице глаголюще: аще бо кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ ли древо то любо быти царю? тако же крестъ Богу. Не по своей воли

---

*) «Никоновская лѣтопись», I, 112.

**) «Никоновская лѣтопись», II, 56. Татищева «Исторія Россійская», II, 223.

***) Слѣдуетъ «апракосъ».

****) «Комканіе» — святое причастіе, отъ латинскаго «communicatio»; слово это часто встрѣчается въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, вмѣсто словъ евхаристія или пріобщеніе.

распята мнятъ Господа, ни за спасеніе человѣческо, но по нуждѣ. Не кланяются иконамъ, но кумиры наричутъ я. Слышавше апостола Павла о кумирахъ рекши: „не подобаетъ намъ повинутися злату или сребру сотворену хитростію человѣческою“, еретицы мнятъ то о иконѣхъ речено, да отъ того словесе обрѣтшу си вину, не кланяются единѣ иконамъ, но страха дѣля человѣча и въ церковь ходятъ, и крестъ и икону цѣлуютъ, якоже намъ повѣдаютъ иже отъ нихъ обратишася на нашу истинную вѣру, глаголюще: яко вся си творимъ человѣкъ дѣля, а не по сердцу, въ тайнѣ же скрываемъ свою вѣру. Въ день воскресенія Господня постятся и ручно дѣло творятъ, вся господскіе праздники и память святыхъ мученикъ и отецъ не чтутъ. Вся преданныя законы святыя Божія церкве похуляютъ, своя си ученія честно творяще, бающе нѣкаки басни. Хулятъ іереи и вся саны церковные, фарисеи слѣпые зовуще правовѣрные попы и много на ня лающе, яко псп на конника. Не подобаетъ тружатися дѣлающе земная (говорятъ они). Господу рекше: „не пецытеся“; праздно ходятъ, не хотяще ничего же пріяти своими руками, но преходящу отъ дому въ домъ, чужая снѣдая имѣнья прельщаемыхъ ими человѣкъ. Суть еретицы извону *) аки овца образомъ, кротци и смирени, и молчаливи, бледи **) же суть видѣти отъ лицемѣрнаго поста, словесе сіи не рекутъ, не смѣются грохотомъ, не облазуютъ, хранятся отъ взора и вся творятъ извону, яко же не раззнати ихъ съ правовѣрными христіаны, изнутрь же суть волцы и хищницы, яко же рече Господь. Видяще бо человѣцы толико и таковое ихъ смиреніе и мняще я правовѣрны суща и мощны направити на спасеніе приближаются къ нимъ и вопрошаютъ о спасеніи души; они же подобны волку, хотящу агня взяти, сперва поглумляются воздыхающе и со смиреніемъ отвѣщаваютъ и проповѣдущеся творятъ сущая на небесѣхъ, и гдѣ узрятъ человѣка проста суща и груба, ту же сѣютъ плевелы ученія своего, хуляще преданные уставы святымъ церквамъ. Мы паче васъ, глаголютъ еретицы, Бога молимъ и бдимъ и молимся, а не живемъ въ лѣности яко же вы. По плоти живутъ попове явѣ, а не по духу яко же мы“ ***).

Совершенные хлысты нашего времени! Несмотря на промежутокъ времени въ восемь слишкомъ столѣтій, отдѣляющихъ болгарскихъ богомиловъ отъ русскихъ тайныхъ сектаторовъ, сходство между ними поразительное. Читая сказаніе Козьмы, пресвитера болгарскаго, такъ и кажется, что не дѣла, совершавшіяся въ Болгаріи при тамошнемъ царѣ Петрѣ, онъ описываетъ, а говоритъ про современныя намъ дѣла въ

---

*) Извнѣ, снаружи.

**) Блѣдны, худощавы, худы.

***) Приводимые отрывки изъ слова Козьмы, пресвитера болгарскаго, мы заимствовали изъ сочиненія г. Руднева: «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ въ русской церкви со времени Владиміра Великаго до Іоанна Грознаго». Москва, 1838 г., примѣчаніе, стр. 7 — 10. Г. Рудневъ печаталъ по рукописи, находящейся въ библіотекѣ московской духовной академіи.

какой-нибудь Самарской губерніи, побывавъ въ келейныхъ рядахъ „духовницъ“.

Въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ корабляхъ, сколько намъ извѣстно, а можетъ-быть, и во всѣхъ (чего однако положительно утверждать не можемъ), сохраняется обычай чтить пятницу вмѣсто воскресенья. Что пятницу чтили богомилы, пресвитеръ Козьма не говоритъ, но упоминаетъ о томъ, что воскресные дни ими не чествовались. Откуда произошло чествованіе пятницы въ тайныхъ сектахъ, рѣшить не беремся, полагаемъ однако, что едва ли оно могло быть заимствовано отъ мусульманъ-ордынцевъ, когда-то владѣвшихъ нашимъ отечествомъ, какъ однимъ изъ своихъ улусовъ. Трудно, даже невозможно предположить, чтобы „басурманскій“ обычай могъ быть усвоенъ русскимъ народомъ, всегда приверженнымъ къ наружнымъ видамъ богопочтенія, въ особенности же къ чествованіямъ установленныхъ церковью праздниковъ. Тѣмъ не менѣе однако чествованіе пятницы (конечно, не въ ущербъ воскресенью) и до сихъ поръ сильно распространено въ великорусскомъ простонародьѣ, особенно между женщинами. Преимущественно чтутся десять пятницъ послѣ Пасхи, особенно девятая. Къ этимъ пятницамъ пріурочены особыя богомоленія, большею частью внѣ селеній, на ключахъ, на колодцахъ, крестные ходы къ полевымъ часовнямъ, народныя сходбища, торжки, ярмарки. Пятницу отожествляютъ съ мученицей Параскевой и называютъ ее Прасковьей-Пятницей *), но въ молитвахъ при этомъ обращаются не къ ней, а къ Богородицѣ. Имя Пятницы въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ корабляхъ придается ихъ богородицамъ, что̀, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ словъ хлыстовской пѣсни:

Благослови, Пятница,
Сударыня-матушка,
Свѣтъ-богородица,
Святымъ дѣломъ порадѣть,
Трудовъ своихъ не жалѣть, и пр.

Изъ дѣла, производившагося въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія о сектаторахъ села Краснопрудовки (Орловскаго уѣзда), видно, что одна изъ дѣвокъ тамошняго корабля (въ которомъ были и скопцы) называлисъ „Богородицей, а другая Пятницей“. Кромѣ Пятницы въ хлыстовскихъ корабляхъ почитаютъ еще Настасью-Воскресенье **), но менѣе, чѣмъ Пятницу. О ней поется въ радѣльныхъ пѣсняхъ:

Ты Настасья, свѣтъ Настасья,
Отверзай царски врата,
Встрѣчай батюшку христа
Съ милосердьемъ, со прощеньемъ
И со свѣтлымъ *воскресеньемъ*.

---

*) Παρασκευή — значитъ пятница.

**) Ἀναστασή — значитъ воскресеніе. Нѣсколько святыхъ угодницъ носили это имя.

Покойный Надеждинъ полагалъ *), что въ этой пѣснѣ воспоминается богородица Настасья Карповна, казненная въ 1734 году. Но не относится ли это скорѣй къ Настасьѣ-Воскресенью, издавна чествуемой тайными сектаторами? О чествованіи Настасьи (Воскресенья) и (Прасковіи) Пятницы находимъ упоминаніе въ „Стоглавѣ". Царь Иванъ Васильевичъ, въ 1551 г., предлагаетъ собору слѣдующій вопросъ: „Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки (пророки у хлыстовъ неразлучны съ богородицей Пятницей: они ей „поютъ въ духѣ"), мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, нагія и босыя, волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и сказываютъ, что имъ является святыя Пятница и Настасіи, и велятъ имъ, чтобы онѣ заповѣдали христіанамъ каноны завѣчати. онѣ же заповѣдаютъ въ среду и пятокъ ручного дѣла не дѣлать, и женамъ не прясти и платья не мыти и каменія не разжигати, а иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественныхъ писаній. Что тѣмъ нагимъ, и босымъ, и лживымъ пророкамъ путь, чтобы не соблазняли?" **). Полагаемъ, что царскій вопросъ разумѣлъ послѣдователей секты, теперь называемой „хлыстовщиной". Триста лѣтъ тому назадъ она не скрывалась, или по крайней мѣрѣ скрывалась несравненно менѣе, чѣмъ теперь, если не въ центрахъ правительственной дѣятельности — въ Москвѣ и главныхъ городахъ, то по погостамъ и селамъ. „Лживые *пророки*, мужики, женки и дѣвки, нагія и босыя, волосы отраствивъ и распустя, *трясутся и убиваются* и т. д.", какъ увидимъ, чрезвычайно похожи на хлыстовъ нашего времени. Полагаемъ, что „Стоглавъ" говоритъ объ ихъ предшественникахъ.

Въ „Духовномъ регламентѣ", написанномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и утвержденномъ въ февралѣ 1720 года, опять встрѣчаемся со святою Пятницей: „Могутъ обрѣстися, сказано тамъ, пѣнія и церемоніи непотребныя, или вредныя. Слышится въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ женку простовласую подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы" ***).

Всенародныя оказательства тайныхъ сектъ въ видѣ чествованія Пятницы прекратились не тотчасъ послѣ изданія „Духовнаго регламента". Срубленныя въ 1734 году головы богородицы Настасьи Карповны, пророка Филарета, инока Петровскаго монастыря, сожженіе костей прежнихъ христовъ людей божьихъ, разсылка по дальнимъ монастырямъ ихъ послѣдователей, заставили сектаторовъ притаиться. Въ нынѣшнемъ столѣтіи мы уже не встрѣчаемъ публичнаго оказательства хлыстовской

---

*) Въ личныхъ съ нами бесѣдахъ.

**) «Стоглавъ», глава 41, вопросъ 21. По изданію Кожанчикова. Спб. 1863 г., стр. 138.

***) «Духовный регламентъ», Москва, 1856 г., стр. 19.

секты. Но вѣра въ святую Пятницу-богородицу во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ сохраняется между простолюдинами, потерявъ однако всякія соотношенія и связь съ сектами, откуда, какъ мы убѣждены, произошла она.

Изъ христовъ, являвшихся въ Россіи между послѣдователями тайныхъ сектъ, дошли до насъ преданія объ Аверьянѣ, жившемъ во времена Дмитрія Донского, и объ Иванѣ Емельяновичѣ, бывшемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Объ Аверьянѣ-христѣ говорится, будто онъ жилъ во времена Дмитрія Донского и убитъ на Куликовомъ полѣ Мамаевыми татарами, стало-быть участвовалъ въ походѣ Донского вмѣстѣ со своими приверженцами.

Объ Емельяновѣ у хлыстовъ сохранилось преданіе, что былъ онъ московскій житель, Кадашевской слободы, и было у него двѣнадцать апостоловъ, съ которыми онъ расхаживалъ по Москвѣ и ея окрестностямъ. Царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ, что Емельяновъ умѣетъ предсказывать будущее, велѣлъ будто бы привести его къ себѣ и спросилъ:—„Правду ли про тебя, Ванька, идетъ людская молва, что ты пророчишь?“ На это Емельяновъ отвѣчалъ:—„Ванька-то ты, безпутный царишка, а не я. Я сынъ Божій Іоаннъ. Ты царь земной, а я небесный“. Царь разгнѣвался, бросился на Емельянова, хотѣлъ его пронзить своимъ желѣзнымъ костылемъ, но Емельяновъ погрозилъ ему пальцемъ, и царь упалъ ницъ. Показалось ему, что предъ нимъ стоитъ истинный Іисусъ Христосъ, какъ Онъ изображенъ на иконѣ въ Успенскомъ соборѣ съ угрожающимъ перстомъ. Тогда царь Иванъ Васильевичъ съ честью отпустилъ Ивана Емельянова и будто позволилъ ему идти на всѣ четыре стороны со своими двѣнадцатью апостолами и съ разными силами небесными. То и другое преданіе сохранилось въ хлыстовскихъ пѣсняхъ. Вотъ первая изъ нихъ, употреблявшаяся хлыстами Воронежской губерніи при ихъ радѣніяхъ:

Благослови, Господь, воспѣть,
Намъ „Христосъ воскресъ“ пропѣть!
Полно, дѣтушки, терпѣть,
Разорви грѣховну сѣть,
Отъ темницы каменной
Выходилъ самъ Богъ живой,
Выходилъ сударикъ нашъ,
Яко вѣковѣчный стражъ,
Говорилъ дѣткамъ Своимъ:
„Собирайтесь въ Русалимъ *),
Мои милые дружки,
Сотворите-ка кружки **),

---

*) То-есть Іерусалимъ. Хлысты и скопцы главнѣйшія мѣста своихъ собраній называютъ «домомъ Божьимъ», «Іерусалимомъ» и т. п.

**) Во время своихъ радѣній хлысты и скопцы становятся другъ подлѣ друга, образуя кругъ. Этотъ кругъ называется «святымъ кругомъ», «святымъ кружкомъ».

На томъ мѣстѣ на святомъ
Гдѣ татариномъ клятомъ
Снята главушка съ христа,
Ровно серпикомъ съ листа".
Какъ ходили на Мамая,
Люди Божьи *) не хромая,
Христа Бога поминая,
Христа, сударь, Аверьяна,
Аверьяна, не буяна,
Распинали же его,
Христа Бога моего,
Какъ на полѣ Куликовскомъ,
Во наѣздіи Ростовскомъ (?)...
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объ Иванѣ Емельяновѣ у хлыстовъ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, Московской — Серпуховскаго и въ другихъ мѣстахъ употреблялась лѣтъ тридцать тому назадъ слѣдующая пѣсня, по всей вѣроятности, и теперь распѣваемая на радѣніяхъ:

Грозенъ, грозенъ царь Иванушка,
Грозенъ, грозенъ сынъ Васильевскій!
Ужъ поролъ же онъ, поролъ бояръ,
Ужъ травилъ же ихъ медвѣдями,
А не стало и въ немъ храбрости
Супротивъ царя небеснаго,
Свѣтъ Ивана Емельяныча.
Соходились люди Божіи
На святомъ кругу, въ Кадашевѣ,
Сокаталъ на нихъ сударь духъ святой,
Возрадѣлъ съ ними отецъ родной,
Самъ отецъ нашъ, Иванъ Емельяновичъ,
Самъ батюшка христосъ истинный,
Со двѣнадцатью апостолы,
Съ херувимами, съ серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною.
Спознавали людей божіихъ
И христа царя небеснаго
Архереи іюдейскіе,
Съ патріархомъ волкомъ Никономъ (?)
Іюдейскіе — московскіе,
Предавали христа батюшку
На святую страсть, смерть вольную
Самому царю Иванушкѣ
Свѣтъ Васильевичу Грозному.
Возговорилъ царь Иванушка
Самому царю небесному:
„Вправду-ль, Ванька, молва идетъ,
Что гораздъ ты пророчить сталъ?"
Отвѣщаетъ ему сударь батюшка
Своими устами пречистыми:

---

*) Такъ называютъ себя хлысты.

„Ужъ ты Ванька, ты Ванька, безпутный царь,
Самъ ты, Ванька, людскую кровь пьешь,
А мясомъ человѣчьимъ закусываешь.
Я не Ванька, — Иванъ, да не Предтеча,
А самъ спасъ, христосъ сынъ Божій“.
Тутъ у царя Иванушки сердце разгорѣлось,
Хочетъ царишка спаса жезломъ прободать,
Хочетъ Иванушка пречистую плоть растерзать,
Да не стало у Иванушки силушки,
Не стало у Васильича храбрости:
Передъ нимъ самъ спасъ стоитъ,
Перстомъ правыя руки грозитъ,
Какъ на той ли на иконѣ Мануиловой.
Упадалъ тутъ земной царь передъ небеснымъ:
„Ступай, спасе, на всѣ на четыре стороны
Со всѣми своими двѣнадцатью апостолы,
Съ херувимами, съ серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною“.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Изъ преданій хлыстовскихъ, вошедшихъ частью въ ихъ пѣсни, частью въ сказанія, видно, что во времена Ивана Емельянова была богородица Марья Якимовна, и что хлыстовщина содержалась кромѣ Москвы въ Киржачѣ (нынѣ заштатный городъ Владимірской губерніи) и на рѣкѣ Андомѣ *).

Появленіе христовъ съ двѣнадцатью апостолами, столь обыкновенное нынѣ въ тайныхъ сектахъ, вѣроятно, бывало (какъ видно изъ приведеннаго объ Иванѣ Емельяновѣ) и въ XVI столѣтіи. Въ первыхъ годахъ того же столѣтія такой же христосъ и также съ двѣнадцатью апостолами явился между русскими въ нынѣшней Галиціи и прошелъ въ Силезію. Вотъ разсказъ о томъ густынскаго лѣтописца: „Въ то же лѣто (1507) за Краковомъ собрася лестцовъ нѣкоихъ тринадесять, иже повѣдаху ся быти апостолами и единаго межи собою нарекоша христомъ, и ходиша по селамъ, безумныхъ лестяше, и многа чудеса хитростью твориша: въ безводныхъ озерахъ предъ людьми рыбы ловиша, прежде ихъ тамо наметавши; наемши кого да ся мертвымъ сотворитъ, донели же его воскресятъ, тако мертвыхъ воскрешаху и пр. На Шліонску же гостиша у единыя жены, и понеже не хотѣ имъ дати, еже у нея прошаху, тай вложиша губку зажженну во убрусъ, отыдоша, грозяще ей помстою отъ Бога, она же не смотрѣвши, вложи убрусъ со огнемъ въ скрыню, и помалу возгорѣся ей скрыня и потомъ весь домъ изгорѣ, егда же пріиде мужъ ея и глагола: „Что се есть?“ она же рече: „Яко христосъ мя покара, ему же не дахъ, еже мя прошаше“. Мужъ же, яко смысленнѣйшій, позна, яко лестцы бяху сіи и собравъ сосѣды и гнаше по нихъ, идѣже крѣпко ихъ биша, яко оттолѣ преста тоя лести“.

---

*) «Письма о расколѣ», 1862 г., стр. 58.

Изъ этого должно заключить, что христовщина не ограничивалась въ старые годы однимъ Московскимъ государствомъ, но что лжехристы появлялись и между русскимъ населеніемъ, отдѣленнымъ отъ насъ политически. И однимъ ли русскимъ? Въ Силезіи жили хотя и славяне, но не русскіе.

III.

Строгій аскетизмъ манихеевъ, существовавшій въ болгарскихъ монастыряхъ, далъ аскетическое направленіе богомиламъ. Аскетизмъ, сильно развившійся въ Россіи, особенно во времена татарскаго владычества, имѣлъ такое же вліяніе на русскія тайныя секты, отъ богомильства происшедшія. Послѣдователи ихъ, и прежніе и современные, всегда изнуряли тѣло постомъ, веригами, сильными тѣлодвиженіями, и не одними земными поклонами, которыхъ для нихъ казалось недостаточно, но прыжками, скаканьемъ, верченьемъ въ продолженіе долгаго времени, при чемъ спирали дыханіе и такимъ образомъ доходили до состоянія восторженнаго изступленія. Замѣчательно, что эти своего рода дервиши, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, нерѣдко открываемы были въ православныхъ монастыряхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Хлыстовщина постоянно имѣла немало послѣдователей между людьми набожными, богомольными, какъ, напримѣръ, въ женскихъ общинахъ и въ такъ-называемыхъ „келейныхъ рядахъ" большихъ селеній, гдѣ обыкновенно живутъ старыя дѣвки и вдовы, оставившія хозяйство для богомолья и чтенія духовныхъ книгъ. Это такъ-называемыя „духовницы", сманивающія къ себѣ молодыхъ дѣвокъ, представляя имъ брачное состояніе грѣховнымъ и ведущимъ къ неизбѣжной душевной погибели. Такъ-называемые „блаженные" или „юродивые" — явленіе также самое обыкновенное въ „корабляхъ" тайныхъ сектъ.

Въ Костромской губерніи, на правомъ берегу Волги, въ Кинешемскомъ уѣздѣ, около Плеса и Рѣшмы, принадлежащихъ къ „тайнымъ сектамъ" зовутъ *купидонами*. Это испорченное слово *капитоны*. Извѣстны они и подъ именемъ *подрѣшетниковъ*. О тѣхъ и другихъ упоминаетъ еще св. Дмитрій Ростовскій. Названіе капитоновъ было очень извѣстно въ концѣ XVII столѣтія. Нѣкоторые писатели того времени, напримѣръ, Матвѣевъ въ своихъ запискахъ о жизни своего отца и о стрѣлецкихъ бунтахъ, даже всѣхъ вообще раскольниковъ называютъ капитонами *).

Купидоны считаютъ основателемъ своей секты пустынника Капитона, жившаго въ XVII столѣтіи въ Колесниковой пустыни, что была въ Костромскомъ уѣздѣ. О немъ мы находимъ свѣдѣнія и у церковныхъ писателей (митрополита тобольскаго Игнатія Римскаго-Корсакова и св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго), и у извѣстнаго раскольничьяго

---

*) «Записки русскихъ людей», изданіе Сахарова, Спб. 1841, 39.

писателя князя Семена Денисовича Мышецкаго. Капитонъ училъ еще до совершившагося въ церкви раскола старообрядства, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, которому, по увѣренію Семена Денисовича, былъ лично извѣстенъ. Капитонъ былъ такой строгій постникъ, что даже въ Свѣтлое Воскресенье не дозволялъ ни себѣ ни ученикамъ своимъ употребленія какой-либо пищи, кромѣ хлѣба, сѣмянъ и ягодъ, и вмѣсто красныхъ пасхальныхъ яицъ христосовался луковицами. Семенъ Денисовичъ, почитавшій Капитона своимъ (то-есть безпоповцемъ), упоминаетъ, что онъ *былъ пророкомъ*: „пророческихъ дарованій преизобильно богатство почерпе, предняя яко задняя, дальная яко ближняя непогрѣшительно возвѣщаше“ *). Въ состояніи самообольщенія своей святости, Капитонъ въ самомъ дѣлѣ почиталъ себя необыкновеннымъ угодникомъ и вслѣдствіе того, по словамъ Дмитрія Ростовскаго, „начатъ презирати чинъ духовный и не хотяше принимати благословенія отъ лицъ духовныхъ: тоже начатъ новое изобрѣтати ученіе и вѣру по своему зломудрію и творити расколы и раздоры въ церкви Христовой, веля чуждатися соединенія церковнаго и благословенія іерейскаго“ **). Все это было еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, задолго до никоновскаго исправленія богослужебныхъ книгъ, послужившаго поводомъ къ открытому отпаденію такъ-называемыхъ старообрядцевъ отъ единенія съ православною церковью.

Когда началась церковная смута по поводу этого исправленія, Капитонъ объявилъ новыя книги еретическими и Богу неугодными. Правительство, узнавъ о томъ, сочло Капитона за обыкновеннаго раскольника-старообрядца, подобнаго Аввакуму, Никитѣ и ихъ единомышленникамъ, и потребовало его къ суду. Узнавъ о томъ заблаговременно, Капитонъ бѣжалъ изъ Колесниковой пустыни въ лѣса Вязниковскіе и тамъ, не открытый правительствомъ, жилъ долго, распространяя свою аскетическую, близкую къ хлыстовщинѣ секту, и умеръ не отысканный. Онъ не дошелъ до того, чтобъ объявить себя христомъ, но проложилъ къ этому путь ученикамъ своимъ. Замѣтимъ при этомъ, что „купидоны“ (равно и подрѣшетники) тѣмъ отличаются отъ прочихъ отраслей хлыстовщины, что уважаютъ только старыя дониконовскія книги, какъ и старообрядцы, хотя, подобно принадлежащимъ къ другимъ хлыстовскимъ кораблямъ, и говорятъ, что все писаніе есть только „ученіе внѣшнее“, еще недостаточное для спасенія и приближенія къ Богу, котораго-де можно достичь лишь посредствомъ чтенія „книги животной“, находящейся въ сердцѣ человѣческомъ, и посредствомъ пребыванія во „внутренней церкви“, которая „не въ бревнахъ, а въ ребрахъ“. Предпочтеніе дониконовскихъ книгъ новымъ, отличающее секты „купидоновъ“ и „подрѣшетниковъ“ отъ другихъ подобныхъ имъ, можно

*) Семена Денисова «Россійскій виноградъ», рукопись.
**) Св. Дмитрія Ростовскаго «Розыскъ», Москва, изданіе 1855 г., стр. 571.

объяснить тѣмъ, что основатель ихъ ученія вступился за старыя книги во время замѣны ихъ новоисправленными.

У Капитона было нѣсколько учениковъ, пребывавшихъ съ нимъ въ пустыни. Въ числѣ ихъ былъ Ефимъ *) Подрѣшетниковъ. О немъ также упоминаетъ св. Дмитрій Ростовскій. „Въ тѣ же времена,—говоритъ онъ въ своемъ „Розыскѣ":—въ уѣздахъ Кинешемскихъ и Рѣшемскихъ и на Плесѣ, явишася нніи раскольники, глаголемые *подрѣшетники*, нареченные тако отъ учителя своего, его же имѣяху нѣкоего поселянина, прозываемаго Подрѣшетниковъ, иже преслѣдуя ересіарху Капитону, учаше людей не ходити въ церковь Божію, ни отцовъ духовныхъ имѣти, ни къ благословенію іерейскому приходити, и всѣхъ таинствъ церковныхъ чуждатися. Тіи сами въ домѣхъ своихъ творяху нѣкія церковныя службы по чину іерейскому, не освященни бывше, и младенцы крещаху (?), причастіе же у нихъ бяше нѣкое волшебное, не хлѣбъ, но ягоды, изюмъ глаголемыя, чарованіемъ напоенныя (мы встрѣтимся съ этимъ волшебнымъ причастіемъ и въ другихъ тайныхъ сектахъ), ихъ же причащахуся чиномъ таковымъ: изберутъ отъ между себя едину дѣвку (это мать-сыра-земля, какъ увидимъ впослѣдствіи), и въ подполье избы введше ю, въ цвѣтное платье нарядятъ, та по часѣ выходитъ изъ подполья, носяще на главѣ своей рѣшето, покрытое чистымъ платомъ, въ рѣшетѣ же ягоды изюмъ; а въ избѣ множество собравшихся мужей, и женъ, и дѣтей. Вышедши убо изъ подполья дѣвка съ рѣшетомъ, на главѣ ея носимомъ, глаголетъ по подобію іерейскому: „всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ (вѣкомъ?)". Они же поклонившись, отвѣщаютъ: „аминь". Сіе же дѣвка оная глаголетъ трижды, и они трижды „аминь" отвѣщеваютъ. И потомъ дѣвка та дастъ имъ то богохульное приношеніе, вмѣсто причащенія Святыхъ Таинъ; вкусившіе же отъ тѣхъ ягодъ абіе желаютъ себѣ смерти, аки бы за Христа, сожещися или удавитися, или въ водѣ утопитися, аки изступльшіе отъ ума; и многіе тако сами себя погубили" **). О волшебномъ причастіи въ видѣ изюма или клюквы, въ видѣ особыхъ шариковъ, упоминаетъ не разъ св. Дмитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ", говоря, что вслѣдствіе этого очарованнаго яства люди впадали въ самоизступленіе. Такъ, въ его епархіи, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, около 1700 года, сожглись 1920 человѣкъ въ Бѣлосельской волости, прихода Пятницкаго, не считая множества людей, сожженныхъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Во время этихъ самосожигательствъ пріѣхалъ въ свою вотчину, Бѣлосельскую волость, князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ уговаривать своихъ крестьянъ,

---

*) Или Ефремъ. Въ находящейся у насъ рукописи о куппдонахъ (новѣйшаго письма и состава — сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія) написано неразборчиво. Въ ней прозваніе его не Подрѣшетниковъ, а Подрѣшетникъ.

**) «Розыскъ», изданіе 1855 г., стр. 571, 572.

чтобы перестали сожигаться. А жглись тѣ люди, говоритъ святой Дмитрій, со словъ мѣстнаго священника Игнатія, по наущенію крестьянина деревни Холма, Ивана Десятины. Когда онъ былъ приведенъ къ князю Голицыну, у него выпали изъ платья „три ягоды, дѣланныя отъ нѣкія муки, величествомъ подобны клюквѣ“. Десятина сталъ-было ногою растирать эти ягоды, но крестовый (домашній) попъ князя Голицына, съ ними бывшій, успѣлъ поднять одну ягоду, растеръ ее пальцами на хлѣбѣ и бросилъ собакѣ. Собака взбѣсилась и бросилась въ огонь, разведенный на дворѣ. Крестовый попъ вздумалъ попробовать ягоду, „хотя вкусъ ея увѣдати, и абіе сотворися внѣ ума“. Его свели въ поварню, гдѣ готовили князю обѣдъ, попъ бросился въ печь, сжегъ себѣ волосы и бороду, но былъ вытащенъ изъ огня. Пробывъ безъ ума цѣлыя сутки, онъ потомъ разсказывалъ: „егда меня въ подклѣтъ введоша, показася мнѣ пещь, яко рай, а устіе пещи яко дверь райская. Въ пещи же, во огнѣ видѣхъ пресвѣтлыя юноши, иже призываху мя къ себѣ, глаголюще: „пойди къ намъ“, азъ же абіе къ нимъ вергохся“ *).

Все это очень похоже на извѣстнаго рода сказки о волшебствахъ, колдунахъ и вообще о неестественномъ. Но нельзя рѣшительно отвергать, чтобы во всѣхъ этихъ разсказахъ не было чего-нибудь и правдоподобнаго. Если у послѣдователей тайныхъ сектъ ближайшаго къ намъ времени находили какія-то одуряющія снадобья, въ родѣ опія или гашиша, почему же не допустить, что какой-нибудь дурманъ былъ въ употребленіи у подрѣшетниковъ XVII столѣтія? Самый гашишъ и опій, тогда уже распространенные на мусульманскомъ Востокѣ, могли привозиться въ Россію армянами, которыхъ со времени царя Алексѣя Михайловича было уже немало, не только въ Астрахани и Казани, но и въ самой Москвѣ, и которые, какъ извѣстно изъ современныхъ документовъ, постоянно торговали всякими запретными товарами.

Крестьянинъ Юрьевскаго уѣзда Данила Филипповъ также былъ въ числѣ учениковъ Капитона, но въ которой пустыни, въ Колесниковой или въ Вязниковской, преданія хлыстовъ не упоминаютъ. Во время сильныхъ споровъ о томъ, по старымъ или по новымъ книгамъ можно спастись, Данила Филипповичъ, уже имѣвшій собственныхъ учениковъ, рѣшилъ, что ни тѣ ни другія никуда не годятся, и что для спасенія души необходима одна:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная:
Самъ сударь Духъ Святой.

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разсказываютъ, что ихъ учитель, въ доказательство ненужности и старыхъ и новыхъ

*) „Розыскъ“, изданіе 1855 г., стр. 586 и 587.

книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ куль, положилъ въ него для груза камней и бросилъ въ Волгу.

Черезъ нѣсколько времени Данила Филипповичъ является въ окрестностяхъ Стародуба *), находившагося въ тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ. Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину **), среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во славѣ Своей самъ Господь Саваоѳъ. Силы небесныя вознеслись назадъ, на небо, а Саваоѳъ остался на землѣ въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ этого времени Данила Филипповичъ пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался „живымъ богомъ", и сталъ называться *верховнымъ гостемъ, пресвышнимъ богомъ, богатымъ гостемъ*. Признавшіе его „живымъ богомъ" стали именоваться *людьми божьими*. Такъ хлысты и до сихъ поръ называютъ себя.

Лжесаваоѳъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ „люди божьи". Домъ, въ которомъ онъ жилъ, названъ былъ *домомъ божіимъ*. Городъ Кострома, неподалеку отъ которой поселился „верховный гость", получилъ отъ его послѣдователей названіе *Горняго Іерусалима*, а также *городъ Кострома верховная сторона*. Черезъ нѣсколько времени лжесаваоѳъ, какъ разсказываютъ хлысты, перенесъ „божій домъ" изъ деревни Старой въ Кострому.

Потопленіе Данилой Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ послѣдователей хлыстовщины, было уже послѣ чуда, совершившагося на горѣ Городинѣ. Не имѣя земного начала, разсказываютъ они, „верховный гость Данила Филипповичъ" отъ Духа Святого получилъ наставленія, что̀ надо проповѣдывать земнороднымъ, и творилъ чудеса. По наставленію Святого Духа, говорятъ они, Данила Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ имѣть книжное ученіе, и заповѣдалъ во всемъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что̀ скажутъ на радѣніяхъ пророки, пребывая въ „духѣ" ***).

Вотъ двѣнадцать заповѣдей, данныхъ, по словамъ хлыстовъ, Данилой Филипповичемъ ученикамъ своимъ:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣсть другого бога, кромѣ меня.

---

*) На рѣкѣ Клязьмѣ, въ нынѣшнемъ Ковровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Теперь онъ извѣстенъ подъ названіемъ Клязьмскаго городка.

**) Село Егорій на рѣкѣ Вязьмѣ и деревня Городина на р. Уводи, въ Ковровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, близъ Ивановской желѣзной дороги.

***) То-есть въ состояніи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ они на радѣніяхъ.

2. Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмельного не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и сквернословія *) не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдетъ, тому копейку положатъ на томъ свѣтѣ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молите.

12. Святому духу вѣрьте **).

Продолжаемъ преданія хлыстовъ объ ихъ „живыхъ богахъ“, преданія, отличающіяся дикостью разгоряченнаго воображенія, нелѣпостями, превосходящими одна другую своею чудовищностью, но тѣмъ не менѣе составляющими предметъ несомнѣнной вѣры послѣдователей тайныхъ сектъ. Не думаемъ, чтобъ эти сказанія были принимаемы на вѣру образованными людьми, которые въ нынѣшнемъ уже столѣтіи вошли въ тайныя секты, но что они считали христовъ и богородицъ за людей, святою жизнью своею пріобрѣвшихъ особенную благодать,—это сомнѣнію не подлежитъ.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія на гору Городину „господа саваоѳа“, разсказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ. Родился онъ въ Муромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Максаковѣ, принадлежавшемъ тогда Нарышкинымъ, отъ богородицы Арины Нестеровны. Ей было сто лѣтъ, когда она родила Ивана Тимоѳеевича. Такое чудо указало будто бы людямъ на то, что родился въ міръ не простъ человѣкъ, а самъ христосъ, сынъ бога вышняго. Когда Ивану Тимоѳеевичу исполнилось тридцать лѣтъ, былъ онъ позванъ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ въ Кострому. Въ деревнѣ Старой „богатый верховный гость“ сдѣлалъ его „живымъ богомъ“ и

---

*) Подъ скверными словами хлысты разумѣютъ извѣстныя русскія ругательства, подъ сквернословіемъ—упоминаніе словъ: дьяволъ, чортъ, бѣсъ и т. п.

**) Сказаніе о Данилѣ Филипповичѣ и заповѣди его заимствованы изъ формальнаго дѣла, производившагося въ 1845 и 1846 годахъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ корабля пророка Евграфова.

„далъ ему божество". Для этого три дня сряду, при свидѣтеляхъ, онъ возносилъ его съ собою на небеса. Послѣ того Иванъ Тимоѳеевичъ, по велѣнію отца своего, вышняго бога Данилы Филипповича, возвратился въ свои мѣста на берега Оки. Здѣсь однимъ изъ главнѣйшихъ его притоновъ было село Павловъ-Перевозъ *). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, Иванъ Тимоѳеевичъ распространялъ ученіе верховнаго гостя, заключающееся въ приведенныхъ заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась „дочерью живого бога" и „богородицею". По свидѣтельству св. Дмитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландиха, посадскаго человѣка дочь **). Кромѣ богородицы, по тому же свидѣтельству, были у Ивана Тимоѳеевича и двѣнадцать апостоловъ. Какъ и апостолы закраковскаго христа 1507 года, они ходили по селамъ и деревнямъ и „проповѣдывали христа, аки бы истиннаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельстятъ, приводили къ нему на поклоненіе, а кланялись ему безъ крестнаго знаменія" ***). Монахъ Пахомій разсказывалъ св. Дмитрію Ростовскому, что слышалъ онъ отъ очевидца, приведеннаго однимъ изъ учениковъ лжехриста къ нему на поклоненіе, слѣдующее: „Бѣ тогда той христосъ на рѣкѣ Волгѣ, въ селѣ Работки, глаголемомъ ****) за Нижнимъ-Новгородомъ, верстъ сорокъ по Волгѣ внизъ. Есть же въ томъ селѣ на брезѣ рѣки церковь ветха и пуста, и собрашася тогда къ нему людіе, вѣрующіе въ онь, на мольбу къ церкви оной. Изыде же христосъ оный изъ алтаря къ людямъ въ церковь и въ трапезу, и зряшеся на главѣ его нѣчто велико обверчено по подобію вѣнца на иконахъ пишемаго, и нѣкія малыя лица красныя, по подобію птицъ, летаху около

*) Нынѣ село Павлово, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на правомъ берегу Оки, принадлежащее графу Шереметеву и извѣстное обширнымъ производствомъ стальныхъ издѣлій, которыя по имени села называются въ торговлѣ «павловскими издѣліями».

**) «Розыскъ», изд. 1855 г., т. III. стр. 599. Большія торговыя села Верхній-Ландихъ и Нижній-Ландихъ, нынѣ въ Гороховецкомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Это бывшая вотчина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, куда пріѣзжали къ нему нижегородскіе послы звать въ ополченіе. Стародубская волость, гдѣ появился лжесаваоѳъ, также была вотчиной князей Пожарскихъ. Въ «Розыскѣ» о богородицѣ изъ Ландиха св. Дмитрій Ростовскій говоритъ слѣдующее: «а водитъ съ собою (лжехристосъ) дѣвицу краснолицу и зоветъ ю матерію себѣ. а вѣрующіе въ него зовутъ ю богородицею, а дѣвица та родомъ русская изъ Нижегородскаго уѣзда села Ландюха посадскаго человѣка дочь».

***) «Розыскъ», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Впослѣдствіи въ большей части хлыстовскихъ кораблей, а также и въ происшедшихъ отъ нихъ скопческихъ, стали креститься, по обѣими руками вдругъ. Они объясняютъ причину этого обряда слѣдующимъ образомъ: «Молитва есть возношеніе на небо, яко мысленныя птицы, пареніе руки же со крестомъ крылья той птицы. А какая птица однимъ правымъ крыломъ летаетъ? Надо летать обоими крыльями, то-есть креститься обѣими руками».

****) Село Работки, на Волгѣ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, по-нынѣшнему 60 верстъ отъ Нижняго.

главы его, ихъ же глаголютъ быти херувимами (намъ же мнится, яко или бѣси въ подобіяхъ таковыхъ мечтательно людямъ зряхуся, или красками писаны были херувимы на пищей бумагѣ и окрестъ вѣнца прицѣплены). Сѣдшу же ему вси люди тамо собравшіеся поклонишася тому до земли, аки истинному Христу, и кланяхуся непрестанно молящеся на многъ часъ, дондеже изнемощи имъ до молитвы. Въ молитвѣ же взываху къ нему овіи: „господи, помилуй мя!“ глаголюще овіи же: „о, создателю нашъ, помилуй насъ“. Онъ же къ нимъ пророческая нѣкая словеса глаголаше, сказующи, что̀ будетъ, каковое воздуха премѣненіе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онь несумнѣнно“ *). Это первое по времени прямое и положительное указаніе на существовавшую у насъ издавна хлыстовщину, которую св. Дмитрій называетъ „христовщиной“. Книга, изъ которой мы заимствовали сейчасъ приведенный разсказъ, писана была между 1702 годомъ, когда авторъ ея назначенъ на ростовскую митрополію, и 1709, когда онъ скончался. „Выходитъ, съ самыхъ первыхъ годовъ прошлаго XVIII столѣтія, — говоритъ покойный Надеждинъ **):—описанная здѣсь секта слыла уже существующею и притомъ въ такомъ видѣ, который предполагаетъ нѣкоторую продолжительность ея существованія; ибо даже и въ такомъ случаѣ, если-бъ упоминаемый здѣсь лжехристосъ былъ первый въ своемъ родѣ зачинщикъ дѣла дотолѣ небывалаго, ему все-таки надо было время и время, чтобы пріобрѣсть вліяніе, какое онъ представляется уже имѣвшимъ, внушить къ себѣ столь чудовищное довѣріе, завестись лжебогородицею и лжеапостолами. Такимъ образомъ уже то одно, что такой разсказъ могъ состояться и дойти до свѣдѣнія святого Дмитрія, указываетъ на присутствіе у насъ секты христовщины, по меньшей мѣрѣ, съ конца XVII столѣтія. Что святой Дмитрій записалъ этотъ разсказъ вѣрно, какъ принялъ его, хотя уже и изъ вторыхъ рукъ, но со словъ очевидца, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія даже и для той разборчивости, которая въ святости сана и жизни писателя видѣла бы больше поводовъ подозрѣвать, чѣмъ довѣрять безусловно. Собственное свое примѣчаніе „о херувимахъ, летавшихъ будто бы вокругъ головы лжехриста, при явленіи его поклонникамъ“, святой писатель помѣстилъ отдѣльно отъ того ***), что̀ передавалъ со слуха. Но до какой степени самый этотъ слухъ могъ быть истиннымъ? Конечно, крайняя осторожность потребна при оцѣнкѣ вѣроятія народной молвы, особенно, когда молва эта касается предметовъ вѣры, наиболѣе раздражающихъ народное воображеніе: извѣстны нелѣпыя сказки и клеветы, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ пропускались вслѣдствіе религіозныхъ пристрастій. Но вотъ новое, весьма любопытное свидѣтельство, въ которомъ нельзя не признать болѣе или...“ На этомъ корректурный листъ

*) «Розыскъ». Изданіе 1855 г., III, 599—600.
**) Корректурный листъ, о которомъ выше сказано.
***) Въ скобкахъ.

покойнаго Надеждина прекращается, но, судя по оглавленію первой главы, здѣсь непосредственно долженъ былъ слѣдовать разсказъ изъ „Густынской лѣтописи“ о закраковскомъ лжехристѣ и, конечно, тотъ выводъ, что христовщина существовала въ русскомъ народѣ гораздо ранѣе конца XVII вѣка.

Возвращаемся къ сказаніямъ хлыстовъ. Когда „истинная вѣра людей божьихъ“ отъ проповѣди Ивана Тимоѳеевича Суслова, съ его богородицей и двѣнадцатью апостолами, стала распространяться, дошл[а] будто бы о томъ до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его велѣнію, Ивана Тимоѳеевича схватили съ сорока учениками и привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному ему было дано столько кнутовъ, сколько всѣмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ, но судьи ничего ни отъ него ни отъ учениковъ не узнали, никто изъ нихъ ни слова не сказалъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патріарху Никону, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, не открыли ему своей вѣры Иванъ Тимоѳеевичъ и ученики его. Передалъ ихъ царь Морозову, самому ближнему своему боярину. Морозовъ будто бы понялъ святость Ивана Тимоѳеевича и уклонился отъ дальнѣйшаго производства дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?), который въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѳеевича. Жегъ его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный прутъ, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь его не касался, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѳеевичъ вышелъ ничѣмъ невредимъ. Послѣ того пытали его на Красной площади, у Лобнаго мѣста, наконецъ распяли на кремлевской стѣнѣ, подлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того была поставлена часовня. Когда Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ стрѣльцовъ сняла его со креста въ четвергъ, а въ пятницу похоронили его на Лобномъ мѣстѣ въ могилѣ со сводами. Съ субботы же на воскресенье онъ воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ своимъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь онъ попрежнему училъ людей божьихъ. Опять свѣдалъ про него царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять въ Москву на муки. Снова былъ преданъ Иванъ Тимоѳеевичъ страшнымъ пыткамъ и снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ съ него содрали кожу, но одна изъ учениць его покрыла тѣло чистою простыней, и произошло чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и Иванъ Тимоѳеевичъ опять остался ничѣмъ невредимъ. Однако умеръ во второй разъ на крестѣ, но во второй разъ и воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ пріобрѣлъ еще больше послѣдователей. Они звали его „стародубскимъ христомъ“. Молва усилилась, и Сусловъ въ третій разъ былъ взятъ по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича и въ третій

разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время, какъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало-быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если освободятъ отъ мукъ Ивана Тимоѳеевича. Царь велѣлъ его освободить.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Тимоѳеевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ прожилъ въ Москвѣ спокойно, распространяя тайное ученіе людей божьихъ (стало-быть, до 1702 г.). Московскій „домъ божій", устроенный имъ по подобію костромского горняго Іерусалима Данилы Филипповича, находился за Сухаревою башней, на мѣстѣ, принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и названъ былъ Новымъ-Іерусалимомъ. Сюда въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ „возлюбленному сыну своему" Ивану Тимоѳеевичу господь саваоѳъ, верховный гость Данила Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1845 г., какъ святыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ *). По разсказамъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Данила Филипповичъ, послѣ долгаго радѣнія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый-Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данилы Филипповича, Иванъ Тимоѳеевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы.

Таковы разсказы хлыстовъ про ихъ старыхъ „живыхъ боговъ". Несмотря на ихъ сказочность, можно однако заключить изъ нихъ, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій производились объ ихъ сектѣ розыски. Сохранились ли они въ архивахъ—не знаемъ. Было бы весьма любопытно сопоставить заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія съ приведенными сказаніями тайныхъ сектаторовъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ изъ Москвы ходилъ по разнымъ мѣстамъ, въ томъ числѣ и въ Воскресенскій монастырь, именуемый Новымъ-Іерусалимомъ. Здѣсь успѣлъ онъ совратить въ хлыстовщину нѣсколько монаховъ изъ самыхъ набожныхъ и благочестивыхъ. Чрезъ нихъ, можетъ-быть, познакомился онъ съ сосѣднимъ помѣщикомъ села Козьмодемьянскаго, княземъ Ефимомъ Васильевичемъ Мещерскимъ. Этотъ князь Мещерскій, по Головинымъ **) родственникъ княгини Трое-

---

*) Онъ поступилъ въ кабинетъ раскольничьихъ вещей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На одной доскѣ стола написаны были портреты Данилы Филипповича и Ивана Тимоѳеевича въ видѣ образовъ. Тамъ же взяты вериги Ивана Тимоѳеевича и другіе предметы почитанія хлыстовъ,

**) Родная сестра князя Ефима Васильевича Мещерскаго, княжна Марья Васильевна была за Васильемъ Петровичемъ Головинымъ, двоюроднымъ братомъ Авдотьи Матвѣевны Головиной, бывшей за Александромъ Петровичемъ Лопухинымъ. Сестра царицы Авдотьи Ѳедоровны, княгиня На-

куровой и Лопухиныхъ и заключенной въ Суздалѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны, принадлежалъ къ противникамъ Петровыхъ преобразованій. Онъ находился въ военной службѣ во время несчастнаго похода подъ Нарву, счастливымъ случаемъ избѣжалъ во время всеобщаго пораженія смерти и, возвратясь въ Москву, сталъ вести жизнь уединенную и созерцательную. Приписывая избавленіе свое отъ смерти висѣвшей у него на шеѣ во время битвы иконѣ Смоленской Богородицы, князь Мещерскій въ своемъ селѣ Козьмодемьянскомъ построилъ моленную съ крестообразными окнами, подвѣсилъ къ ней стеклянный колоколъ съ такимъ же языкомъ и поставилъ туда икону, передъ которою самъ отправлялъ службы, и кромѣ того, какъ носилась молва, занимался изгнаніемъ духовъ изъ бѣсноватыхъ посредствомъ хлыстанья ихъ деревянными четками и кропленія водой. Къ нему цѣлыми сборищами ходили хлысты. Князь былъ женатъ, жену его звали княгиней Авдотьей; изъ какого она рода, не знаемъ.

Пятнадцать лѣтъ Иванъ Тимоѳеевичъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ. Наконецъ, удостовѣрясь, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый-Іерусалимъ, за Сухареву башню, и, можетъ-быть, для того, чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ „божьимъ домомъ". Живя здѣсь, Сусловъ распространилъ свое ученіе въ монастыряхъ московскихъ — женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ, и въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ, что обнаружилось чрезъ нѣсколько лѣтъ произведенными о хлыстахъ формальными слѣдствіями. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, Иванъ Тимоѳеевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взялъ на небо своего тѣла, какъ отецъ его Данила Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что, будучи воплощеннымъ сыномъ божьимъ, хотѣлъ показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на землѣ. Тѣло его недолго оставалось подлѣ Никольской церкви. Приверженцы его вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ среди иночествовавшихъ было уже немало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новою могилой лжехриста поставленъ былъ памятникъ, на которомъ надпись гласила, что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій.

стасья Ѳедоровна Троекурова была во главѣ московской женской оппозиціи противъ нововведеній Петра, не надѣвала нѣмецкаго платья и т. п. Въ домѣ ея часто бывали юродивые и кликуши, въ числѣ которыхъ легко могли быть и хлысты.

Около двадцати лѣтъ былъ цѣлъ этотъ памятникъ съ надписью о святости лжехриста. Съ бренными останками Ивана Тимоѳеевича Суслова, какъ увидимъ, случилось еще немало происшествій и послѣ перенесенія ихъ въ обитель ивановскихъ монахинь-хлыстовокъ.

IV.

По смерти Ивана Тимоѳеевича, у московскихъ хлыстовъ мѣсто его заступилъ нижегородскій стрѣлецъ Прокопій Даниловичъ Лупкинъ. Говорятъ, онъ былъ роднымъ сыномъ Данилы Филипповича *). Вотъ что извѣстно объ этомъ человѣкѣ изъ дѣлъ офиціальныхъ **). Онъ былъ лжехристомъ съ 1713 года до смерти своей, послѣдовавшей въ 1732 г. Сначала служилъ онъ въ стрѣлецкомъ полку Венедикта Андреевича или Мироновича Батурина и участвовалъ въ двухъ азовскихъ походахъ. Послѣ того полкъ Батурина перешелъ изъ Азова въ Москву, откуда, по прошествіи года, снова отправленъ въ Азовъ на смѣну четырехъ полковъ, отправлявшихся въ Великіе-Луки. По пріѣздѣ въ Азовъ царя Петра Алексѣевича въ 1695 году, стрѣльцовъ Батурина полка велѣно было распустить по городамъ въ посады, въ какой кто пожелаетъ. Лупкинъ записался въ Нижній-Новгородъ и жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Въ походъ подъ Нарву въ началѣ шведской войны велѣно было всѣхъ стрѣльцовъ Батурина полка, годныхъ къ службѣ, выслать въ полки. Въ это время Лупкинъ, по разбору нижегородскаго воеводы Нелидова, оставленъ былъ „якобы за скорбію“ на мѣстѣ жительства въ Нижнемъ. Въ 1710 году всѣмъ стрѣльцамъ, проживавшимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, велѣно было явиться въ Москву, въ приказъ земскихъ дѣлъ, куда явился и Лупкинъ 17-го августа 1710 г. По осмотру Кирилла Лаврентьевича Чичерина, отставленъ вовсе отъ службы „за падучею болѣзнію“ и отпущенъ обратно въ Нижній съ паспортомъ, но неизвѣстно, остался ли онъ съ тѣхъ поръ въ Москвѣ или жилъ еще нѣкоторое время въ Нижнемъ, а потомъ явился въ Москвѣ. Изъ дѣлъ видно, что въ 1714 году онъ былъ уже въ Москвѣ, но и въ 1717 году еще не имѣлъ въ ней собственнаго дома, а жилъ въ Нижнихъ-Садовникахъ, на постояломъ дворѣ оброчнаго крестьянина графа Бориса Петровича Шереметева, Ивана Ѳедорова большого Соколова, содержавшаго секту людей божіихъ. Этотъ Соколовъ доводился Лупкину племянникомъ. Въ 1723 году Лупкинъ имѣлъ уже въ Москвѣ свой домъ за Яузой въ Таганкѣ. Онъ умеръ 9-го ноября 1732 года, а 12-го того же мѣсяца похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Сусловымъ.

---

*) У хлыстовъ есть родословная потомства Данилы Филипповича. Всѣ потомки его были христами, пророками, богородицами и пророчицами. Послѣдняя въ родѣ богородица Устинья Васильевна была взята въ 1848 году въ Костромской губерніи и заключена въ Уфимскій женскій монастырь, гдѣ и умерла.

**) Дѣло о московскихъ хлыстахъ, произведенное въ 1745 году.

Въ первые годы XVIII столѣтія въ Нижнемъ строилась Рождественская церковь, составляющая теперь одно изъ лучшихъ украшеній этого города. Строилъ ее знаменитый богачъ своего времени Гурьевъ, тотъ самый, что строилъ въ Москвѣ церковь Успенія на Покровкѣ, имѣющую много сходства съ нижегородскою. Гурьевъ не успѣлъ кончить строенія: Рождественскую церковь достроили именитые люди Строгановы, отчего она и называется „строгановскою“. Она находится на скатѣ горы и поддерживается огромнымъ контрфорсомъ, на которомъ передъ церковью устроена обширная терраса. Церковь въ два яруса, нижній никогда не былъ освященъ, а освященіе верхняго замедлилось по слѣдующей причинѣ. Весной 1722 года она была совершенно готова къ освященію. Въ это время пріѣхалъ въ Нижній Петръ I и остановился въ домѣ Строгановыхъ, стоявшемъ рядомъ съ Рождественскою церковью. Осмотрѣвъ церковь, Петръ велѣлъ ее запечатать впредь до особаго его повелѣнія. Это объясняли тѣмъ, будто Строгановы за большія деньги купили иконы Спасителя и Богородицы, что подлѣ царскихъ дверей, у итальянскаго живописца Каравака, которому Петръ заказалъ эти иконы для Петропавловскаго собора въ Петербургѣ. Но причина внезапнаго запечатанія церкви оказалась другая. До свѣдѣнія Петра дошло о радѣніяхъ хлыстовъ въ нижнемъ ярусѣ долго строившейся церкви. Онъ не узналъ, конечно, что среди нихъ находился самъ христосъ людей божьихъ, Прокопій Даниловичъ Лупкинъ. Ему сказали, что тутъ собирались разнаго званія люди, особенно такъ-называемыя кликуши, что на этихъ собраніяхъ пророчатъ, видятъ видѣнія. А извѣстно, какъ строго преслѣдовалъ Петръ и кликушъ, и пророковъ, и разглашающихъ видѣнія, послѣ суздальскаго розыска надъ первою женою своею Авдотьею Ѳедоровной. Церковь была распечатана и освящена уже при Екатеринѣ I.

Изъ дѣла о хлыстовской сектѣ, открытой въ Москвѣ въ 1733 году, видно, что до 1714 года, когда Лупкинъ еще жилъ въ Нижнемъ, она была распространена тамъ между дворовыми людьми Строгановыхъ. Въ кораблѣ Лупкина между прочими находились: дворникъ *) дома Строгановыхъ Иванъ Евдокимовъ Платоновъ и жена его Прасковья Ива-

*) Слово *дворникъ* слѣдуетъ здѣсь принимать не въ нынѣшнемъ его смыслѣ (содержатель постоялаго двора или сторожъ при городскомъ домѣ), но въ старинномъ: *смотритель надъ торговымъ дворомъ* (см. В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусскаго языка», I, 376). Торговый домъ Строгановыхъ на Нижнемъ Базарѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, близъ Рождественской церкви, былъ складочнымъ мѣстомъ огромнаго количества соли, которую Строгановы выварявали въ Камскомъ Усольѣ и въ Ленвѣ (нынѣ Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи) и привозили на ладьяхъ водою въ Нижній для развоза отсюда по разнымъ городамъ. Этотъ дворъ существовалъ съ XVI столѣтія и донынѣ существуетъ въ видѣ конторы и соляныхъ амбаровъ. Дворникъ Платоновъ въ началѣ XVIII столѣтія былъ, говоря по-нынѣшнему, «управляющій нижегородскою конторой графовъ Строгановыхъ».

нова, повидимому, пророчествовавшіе, служитель Семенъ Дмитріевъ Солнцевъ и другіе.

Жена Прокопія Лупкина, Акулина Ивановна, стрѣлецкая дочь, нижегородская уроженка, была богородицей еще въ Нижнемъ, а потомъ и въ Москвѣ. Все семейство ея принадлежало къ сектѣ хлыстовъ: сестра ея, тоже Акулина, и братья: отставной стрѣлецъ Василій Ивановъ и Ѳедосей Ивановъ — люди самые приближенные къ Прокопію Лупкину и проживавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Москвѣ съ 1717 года. Оба они умерли до открытія хлыстовщины въ Москвѣ, сдѣланнаго въ 1733 году. У Прокопія Даниловича и Акулины Ивановны былъ сынъ Спиридонъ Прокофьичъ, также весьма извѣстный въ хлыстовщинѣ человѣкъ. Въ 1713 году онъ постригся въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ и принялъ имя Серафима. Въ Симоновѣ сталъ онъ распространять ученіе людей божьихъ между тамошними монахами и велъ себя такъ ловко, что, несмотря на сектаторство, пользовался особымъ расположеніемъ тогдашняго симоновскаго архимандрита Петра Смилянича, родомъ серба, который удостоилъ Серафима полной довѣренности, не подозрѣвая, конечно, что любимецъ его принадлежитъ къ тайной сектѣ и распространяетъ ее въ обители. Въ 1721 году архимандритъ сдѣлалъ Серафима Лупкина экономомъ, что̀ доставляло ему значительное вліяніе на братію, а еще болѣе на крестьянъ монастырскихъ вотчинъ. Вскорѣ послѣ назначенія Серафима въ экономы, архимандритъ Петръ былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ новоучрежденный святѣйшій синодъ и потому долженъ былъ отправиться въ Петербургъ *). Во время его отсутствія Серафимъ Лупкинъ (остававшійся экономомъ до 1731 года) успѣлъ сильно распространить хлыстовщину между симоновскими монахами. Изъ нихъ двое: іеромонахи Филаретъ (въ мірѣ Ѳедоръ Муратинъ) и Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей Струковъ), оба дворяне, перейдя въ монастырь Высокопетровскій, распространили и тамъ свою секту. О другихъ московскихъ мужскихъ монастыряхъ, была ли тамъ хлыстовщина, не знаемъ, но о женскихъ положительно извѣстно, что она была распространена во многихъ, почти во всѣхъ. Вообще женщины гораздо воспріимчивѣе мужчинъ къ принятію этого изступленнаго ученія. Это видно изъ многочисленныхъ дѣлъ, производившихся въ послѣднія полтора столѣтія о тайныхъ сектахъ.

Съ 1714 и 1715 года замѣчается въ Москвѣ умноженіе такъ-называемыхъ христа-ради-юродивыхъ и блаженныхъ, а съ ними вмѣстѣ кликушъ и бѣсноватыхъ. Эти люди, въ раздранныхъ рубищахъ, босые, со всклоченными волосами, ходили по Гостиному двору, по домамъ, являлись въ церквахъ и при духовныхъ процессіяхъ, и были чтимы невѣжественными москвичами, видѣвшими въ этихъ шатунахъ людей,

---

*) Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ Александро-Невской лавры, а въ 1736 году посвященъ въ епископы курскіе.

будто бы одаренныхъ особенною небесною благодатью и даромъ пророчества. Каждый хозяинъ лавки или дома, куда забредалъ кто-либо изъ этихъ людей, считалъ такое посѣщеніе за знакъ благословенія Божія на его домъ, семейство, дѣла. Остатки этого суевѣрнаго почитанія юродивыхъ и подобныхъ имъ побродягъ остались и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ Великой Россіи до сихъ поръ. Юродивые бывали и въ архіерейскихъ палатахъ, они жили даже во дворцахъ не самого, конечно, Петра, не терпѣвшаго этихъ тунеядцевъ, а, напримѣръ, у царицы Прасковьи Өедоровны. Жившій у нея Тимоша блаженный былъ съ особенными почестями погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Умноженіе этихъ людей обратило на себя вниманіе Петрова правительства, за ними велѣно было смотрѣть строже. Тогда они немного притаились, скрывшись большею частью въ монастыряхъ и въ домахъ знатныхъ людей.

Не утверждаемъ, чтобы всѣ эти юродивые, блаженные, кликуши и бѣсноватые, разсыпавшіеся по Москвѣ и по ея монастырямъ, исключительно принадлежали къ хлыстовской сектѣ, но что многіе изъ нихъ къ ней принадлежали, и что нѣкоторые христы, богородицы и пророки людей божьихъ считались юродивыми и кликушами, — это несомнѣнно. Въ самомъ кликушествѣ, составляющемъ особаго рода нервную болѣзнь, въ родѣ падучей, есть много чертъ, сходныхъ съ изступленіемъ послѣдователей тайныхъ сектъ, — изступленіемъ, которое, въ свою очередь, происходитъ также отъ раздраженія нервной системы, возбужденной плясками, скачками, верченіемъ, пѣснями и т. п. Хлыстовки, которыхъ считали то кликушами, то обыкновенными раскольницами, распространили свою секту по московскимъ женскимъ монастырямъ.

Прежде всего, сколько извѣстно намъ, хлыстовщина появилась въ монастырѣ Ивановскомъ. Здѣсь жили еще послѣдовательницы христа людей божьихъ Ивана Тимоөеевича. Мы видѣли, что, когда онъ умеръ, его останки перенесли въ этотъ монастырь. Ивановскія монахини чествовали могилу лжехриста, какъ гробницу святого. Въ этомъ монастырѣ, съ именемъ Анны, приняла постриженіе жена Прокопія Лупкина, богородица людей божьихъ Акулина Ивановна, по имени которой нѣкоторые впослѣдствіи называли секту хлыстовъ акулиновщиной *). Сюда же поступила въ монахини и родная сестра ея, тоже Акулина Ивановна, принявшая при постриженіи имя Александры. Въ Ивановскомъ монастырѣ образовался цѣлый хлыстовскій корабль, въ которомъ были и инокини и бѣлицы, но обѣ Акулины Ивановны первенства здѣсь не имѣли; онѣ должны были уступить его инокинѣ Анастасіи (въ мірѣ Агаөья Карпова). Она была богородицей не только корабля, образовавшагося въ Ивановскомъ монастырѣ, но признавалась такою отъ всѣхъ

*) Өеофилактъ Лопатинскій въ своемъ «Обличеніи неправды раскольнической».

хлыстовъ, какъ жившихъ въ Москвѣ, такъ и находившихся по другимъ мѣстамъ.

Въ монастырѣ Новодѣвичьемъ хлыстовщина появилась нѣсколько позже. Тамъ образовалось общество людей божьихъ изъ монахинь Татьяны, Стефаниды, двухъ Аннъ, Ѳевроніи, Матрены и многихъ бѣлицъ.

Въ Варсонофьевскомъ монастырѣ *) хлыстовщина появилась одновременно съ Ивановскимъ. Распространительницей секты въ этомъ монастырѣ была бѣлица Анна Михайлова, у которой года два жила въ работницахъ дѣвка Марья Ивановна Шигина, крестьянка изъ села Павлова-Перевоза, гдѣ все ея семейство и родственники уклонились въ хлыстовщину еще тогда, какъ въ томъ селѣ находился христосъ людей божьихъ Иванъ Тимоѳеевичъ. Два брата ея, Семенъ и Игнатій Шигины, съ дѣтьми, переѣхавшіе изъ Павлова въ Москву, жили при Прокопіи Лупкинѣ въ такъ-называемомъ Новомъ-Іерусалимѣ, что за Сухаревою башней. Марья Шигина сдѣлалась такимъ образомъ посредницей монастыря Варсонофьевскаго, сосѣдняго съ нимъ Рождественскаго, а также Ивановскаго и другихъ съ обитателями божьихъ домовъ, находившихся въ Москвѣ теперь уже въ числѣ четырехъ.

Въ Вознесенскомъ монастырѣ, что въ московскомъ Кремлѣ, хлыстовщина появилась съ 1718 года. Она занесена была сюда бѣглою изъ вологодскаго Горицкаго монастыря дѣвкой, Марьей Кузьминичной Босой. Босая была юродивая и кликуша, ходила въ рубищѣ, босикомъ, отчего, конечно, и получила свое прозваніе. Заподозрѣнная въ сектаторствѣ, она попалась на розыскъ Преображенскаго приказа и была сослана въ вологодскій Горицкій монастырь подъ началъ. Оттуда бѣжала, пришла въ Москву и была принята игуменьей Вознесенскаго монастыря, быть-можетъ, знавшею ее еще до высылки изъ Москвы. Марья Босая увлекала монахинь разсказами о своихъ чудесныхъ видѣніяхъ, и онѣ мало-по-малу впадали въ секту людей божьихъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе розысковъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и царицей Авдотьею Ѳедоровной, пророковъ и разглашающихъ сонныя видѣнія стали жестоко преслѣдовать. Марья Босая убралась изъ Кремля въ монастырь болѣе скромный, гдѣ можно было жить съ большею безопасностью — въ Рождественскій.

Въ монастырѣ Рождественскомъ хлыстовщина была первоначально водворена духовникомъ тамошнихъ монахинь, іеромонахомъ Провомъ (мы не знаемъ, изъ какого онъ былъ монастыря). Судя по тому, что хлыстъ отецъ Провъ въ то же время придерживался старыхъ книгъ и двуперстнаго сложенія, удалялся въ лѣса, полагаемъ, что онъ былъ изъ

---

*) Находился между Рождественской и Срѣтенкой въ Бѣломъ городѣ. Здѣсь первоначально находился убогій домъ. Въ этомъ монастырѣ, по повелѣнію Лжедмитрія, были похоронены царь Борисъ Ѳеодоровичъ съ женою и сыномъ. Въ 1764 году упраздненъ. Осталась на его мѣстѣ приходская церковь Вознесенія.

подрѣшетниковъ. Его сослали за ересь въ Соловки подъ началъ. Но этою ссылкой хлыстовщина не была выведена изъ обители его духовныхъ дщерей. Сама игуменья придерживалась ея ученія. Наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 1718 года, во время всенощной, среди церкви Рождественскаго монастыря явилась пришедшая изъ Вознесенскаго Марья Босая, чуть не нагишомъ, въ какихъ-то лохмотьяхъ, босикомъ и съ растрепанными волосами. Передъ выносомъ евангелія она завизжала, стала ломать себѣ руки, закинула назадъ голову и, трясясь всѣмъ тѣломъ, начала вертѣться (обыкновенный пріемъ хлыстовскихъ радѣній). Народъ разступился. Марья Босая вертѣлась-вертѣлась и упала на полъ въ судорогахъ. Сторожа вынесли ее изъ церкви. Одна сердобольная монахиня Досиѳея сжалилась надъ кликушей, —такою почитали Босую, — и велѣла сторожамъ отнести ее къ себѣ въ келью. Марья осталась у Досиѳеи, а чрезъ нѣсколько времени игуменья, быть-можетъ, узнавъ, что Босая одного духа съ отцомъ Провомъ, дала ей особую келью. Какъ всѣ принадлежавшіе къ тайнымъ сектамъ хлыстовщины, Марья была набожна, неупустительно ходила въ церковь во время богослуженій, строго исполняла всѣ монастырскія правила и продолжала разсказывать про являвшіяся ей видѣнія. Такъ разсказывала она, что являлся ей святой Филиппъ митрополитъ, велѣлъ креститься не двуперстно, но такъ, какъ крестятся въ церквахъ православныхъ. Въ 1719 году въ кельѣ Марьи Босой образовался уже цѣлый хлыстовскій корабль. Къ ней сходились шатавшіеся по Москвѣ юродивые, кликуши и послѣдовательницы Прокопія Лупкина. Сами жительницы Рождественскаго монастыря въ извѣстные дни большихъ собраній въ Новомъ-Іерусалимѣ, что̀ за Сухаревой башней, ходили туда на поклоненіе христу Прокопію Даниловичу, его пророкамъ и апостоламъ. Ходили туда на поклоненіе и изъ другихъ женскихъ монастырей. Между тѣмъ въ Рождественскомъ монастырѣ явилась новая хлыстовка изъ секты подрѣшетниковъ—инокиня Евпраксія. Она была солдатка и научена сектѣ какимъ-то приходившимъ изъ лѣсу мужикомъ, затѣмъ постриглась въ монахини въ Ростовѣ, въ тамошнемъ Спасскомъ монастырѣ, и отправилась безъ спросу монастырскаго начальства въ Соловки Богу молиться. Здѣсь она познакомилась съ сосланнымъ туда іеромонахомъ Провомъ, который далъ ей рекомендательное письмо къ игуменьѣ московскаго Рождественскаго монастыря. Игуменья приняла Евпраксію съ радостью и помѣстила ее въ своей кельѣ. Евпраксія стала ходить по Москвѣ, была принята въ домахъ не только низшаго класса, но и у знатныхъ людей, не говоря уже о богатыхъ купцахъ и посадскихъ. Вслѣдъ за Евпраксіей, въ Рождественскомъ монастырѣ водворилось цѣлое общество хлыстовокъ и кликушъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны были Пелагея Ефимова и родная сестра ея Алёна, жена одного изъ иконоборцевъ того времени, денежнаго мастера Максима Еремѣева.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы по возмож-

ности объяснить связь тайной секты иконоборцевъ съ тайными сектами хлыстовскими. Секты иконоборческія, извѣстныя теперь подъ названіями молокановъ, духоборцевъ, общихъ, немолякъ и пр., возникли въ Россіи давно, хотя и не такъ давно, какъ секты хлыстовскія, происшедшія отъ богомильства. Въ XV столѣтіи, во время религіозныхъ движеній на Западѣ, занесены были оттуда идеи раціонализма въ Новгородъ, на почву уже предъ тѣмъ подготовленную стригольниками. Тамъ явилась такъ названная (Іосифомъ Волоцкимъ) ересь „жидовствующихъ", въ которой однако жидовскаго ровно ничего не было. Вскорѣ эта ересь проникла въ Москву, гдѣ въ числѣ послѣдователей ея оказались духовенство кремлевскихъ соборовъ, самъ митрополитъ, жена старшаго сына великаго князя Ивана Васильевича, дьякъ Курицынъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, и другіе знатные люди. Ересь эта, отвергавшая обряды внѣшняго богопочитанія, иконы, мощи, посты, службы по уставу и т. д., была подвергнута гоненію, но не искорененію. Въ XVI столѣтіи она по временамъ обнаруживалась (Башкинъ, Косой и пр.). По свидѣтельству князя Курбскаго, эта „ляфизма на церковные догматы", образовавшаяся какъ отродіе лютеранства въ половинѣ XVI столѣтія, возникла и держалась преимущественно въ монастыряхъ заволжскихъ *). Водвореніе въ Москвѣ иноземцевъ, преимущественно протестантовъ, во времена Годунова значительно усилило эту секту, но она держалась въ тайнѣ, преимущественно между русскими, находившимися въ услуженіи у иноземцевъ. Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, число которыхъ особенно увеличилось во времена Петра I, поддерживали по возможности иконоборческое ученіе между русскими. Въ апрѣлѣ 1713 г. секта иконоборцевъ формально была открыта въ Москвѣ. Послѣдователями ея оказались лѣкарь Дмитрій Тверитиновъ, или Дерюшкинъ, двоюродный братъ его, цырюльникъ Ѳома Ивановъ, ученикъ славяно-латинской школы Иванъ Максимовъ, торговые люди Никита Мартыновъ да Михайла Мининъ. Въ ихъ ученіи обнаружено было направленіе протестантское, но съ примѣсью и самостоятельнаго направленія, именно хлыстовскаго. Это еще болѣе оказалось замѣтнымъ въ ученіи тайной секты, открытой въ маѣ 1717 года, въ которой главную роль играла женщина (быть-можетъ, богородица), жена ходока приказа земскихъ дѣлъ Ивана Зимы, Настасья Зимиха, дочь бѣглаго дьячка. Она при розыскѣ показала, что съ 1713 года въ церковь не ходитъ, не исповѣдуется и не причащается, что къ ней въ домъ сходятся разнаго рода люди, которымъ она читаетъ книгу, купленную на печатномъ дворѣ (евангеліе), и учитъ иконамъ не поклоняться, вино съ хлѣбомъ за таинство не признавать, креста на себѣ не носить, иконъ не почитать, ибо онѣ человѣческое рукодѣлье, крестнаго знаменія не творить, а молиться духомъ и истиною, церковь и преданіе ея отвергать. Все это потому,

*) «Сказанія князя Курбскаго.» Спб. 1842 г., стр. 133 и 134.

что въ евангеліи о поклоненіи духомъ и истиной сказано, а объ иконахъ, крестномъ знаменіи и прочихъ обрядахъ ни слова не упомянуто. Въ числѣ довольно многочисленныхъ послѣдователей Настасьи Зимихи былъ ея мужъ и портной Алексѣй, который, между прочимъ, сказалъ, что кланяться духомъ и истиной, а не тѣломъ, ему первоначально велѣлъ встрѣтившійся съ нимъ на дворѣ неизвѣстный попъ, сказавшійся, что онъ изъ Устюжны (не Провъ ли это?). Повидимому, и здѣсь направленіе протестантское, то направленіе, которое сохранилось и позже, а во второй половинѣ XVIII столѣтія обнаружилось въ сектахъ молоканской и духоборческой. Но мы сейчасъ увидимъ, что какъ послѣдователи Тверитинова, такъ и послѣдователи Настасьи Зимихи находились въ связяхъ съ московскими хлыстами. То же явленіе, связь молоканства, а особенно духоборства, съ тайными сектами хлыстовщины, мы не разъ еще замѣтимъ и впослѣдствіи; проявившееся въ шестидесятыхъ уже годахъ нынѣшняго столѣтія сліяніе молоканъ и духоборцевъ съ хлыстами въ южной Россіи окончательно подтверждаетъ существованіе связи между тѣми и другими тайными сектами. Источникъ тѣхъ и другихъ заключается въ одномъ и томъ же исканіи лучшаго образа богослуженія. Исканіе это происходитъ вслѣдствіе усердія къ Богу, усердія, положимъ, не просвѣщеннаго, заблуждающагося, но все-таки усердія. Неусердный, равнодушный къ дѣлу религіи никогда не попадетъ ни въ какую секту, развѣ только по какому-нибудь житейскому расчету. Думая, что поклоненіе божеству заключается не во внѣшнихъ знакахъ богопочитанія, но въ поклоненіи Ему духомъ и истиной, искатели лучшаго богослуженія отвергаютъ все внѣшнее и даже презираютъ его. Но одни, впадая въ заблужденія, подобныя лютеранскимъ и другимъ протестантскимъ, ограничиваются отверженіемъ церковныхъ преданій и обрядовъ, другіе, вслѣдствіе усердія къ Богу, не ограничиваясь лютеранскимъ головѣріемъ, къ которому русскій человѣкъ по самой природѣ своей сочувствія питать не можетъ, стремятся къ жизни духовной, къ созерцанію небеснаго, къ соединенію съ божествомъ духомъ. Отсюда секты мистическія (сіонская церковь, десные христіане и пр.), отсюда цѣлый рядъ сектъ хлыстовщины, отсюда духоборцы, столь близкіе уже съ молоканами. Провести между тою, другою и третьею сектой рѣзкую раздѣльную черту едва ли, кажется, возможно, особенно при настоящемъ маломъ еще знакомствѣ съ ними. Мы имѣли нѣкоторые случаи лицомъ къ лицу познакомиться съ разными тайными сектами, имѣли нѣкоторые случаи пользоваться полною довѣренностью сектаторовъ и узнавать отъ нихъ много такого, чего никогда не узнаешь ни посредствомъ чтенія ихъ книгъ, ни посредствомъ формальныхъ слѣдствій; мы наконецъ имѣемъ такое количество письменныхъ матеріаловъ о тайныхъ русскихъ сектахъ, какое, смѣемъ думать, едва ли у кого другого до сихъ поръ было подъ руками, но при всемъ томъ отказываемся рѣшить, гдѣ кончается одна секта и гдѣ начинается другая.

Въ 1721 году, въ тайной канцеляріи началось дѣло о хлыстахъ, показавшее связь этой секты съ послѣдователями Тверитинова и Настасьи Зимихи. Коломенскаго уѣзда, села Борисова, крестьянинъ Данила Васильевъ, какъ видится, хлыстъ, пошелъ къ попу на исповѣдь, и когда попъ спросилъ его, какъ онъ крестится, Васильевъ показалъ ему двуперстіе. При тогдашнемъ фанатическомъ преслѣдованіи двуперстія и другихъ знаковъ старообрядства, попу Никитѣ было этого весьма достаточно для подачи доношенія въ церковный приказъ о „новоявившемся раскольникѣ“. Крестьянинъ Васильевъ въ приказѣ высказалъ болѣе чѣмъ приверженность къ внѣшнимъ обрядамъ старообрядства, но незнакомые съ тайными сектами судьи, искавшіе только „раскольниковъ-двуперстниковъ“, не могли понять Данилу Васильева. Онъ сказалъ, что двуперстнаго сложенія онъ не покинетъ до смерти, потому что онъ удостоивается видѣній Святого Духа, если же отринетъ двуперстіе, Духъ Святой ему являться болѣе не будетъ. Отъ Данилы Васильева требовали, чтобъ онъ объяснилъ подробно свое ученіе; онъ этого не могъ сдѣлать, но для состязанія о вѣрѣ указалъ на „человѣка богомудреннаго, зарайскаго подьячаго Ѳедора Григорьева“, который наставилъ его самого въ своемъ ученіи. Этотъ подьячій оказался принадлежавшимъ къ „сектѣ христовщины“, а введенъ былъ въ нее денежнымъ мастеромъ Максимомъ Еремѣевымъ, мужемъ хлыстовки Алёны Ефимовой, что жила въ Рождественскомъ монастырѣ. Денежный мастеръ Максимъ Еремѣевъ *наединѣ* иконамъ не поклонялся, а при людяхъ поклонялся, чтобы скрыть принадлежность къ тайной сектѣ. Онъ былъ хлыстъ, но близокъ былъ и къ ученію Тверитинова и къ ученію Настасьи Зимихи. Когда цырюльника Ѳому Иванова жгли на кострѣ *), Максимъ съ гордостью говорилъ: „Вотъ какъ *наши* страждутъ! Не жалѣютъ себя, — и сожгли, не перекрестился!“ Настасья Зимиха была коротко знакома съ Максимомъ, и когда ее взяли, онъ испугался, бѣжалъ на Волгу и пропалъ... Ясное указаніе на связь, существовавшую и въ началѣ XVIII столѣтія между хлыстами и иконоборцами, которыхъ впослѣдствіи стали называть молоканами.

При изслѣдованіи этого дѣла **) тайная канцелярія открыла существованіе хлыстовщины въ Рождественскомъ минастырѣ, гдѣ хлыстовки, подъ именемъ кликушъ, собирались у Марьи Босой и ходили цѣлымъ обществомъ въ Сергіевъ посадъ, въ Коломну, въ Зарайскъ къ подьячему Ѳедору Григорьевичу и въ село Козьмодемьянское къ князю

---

*) Онъ, несмотря на увѣщанія, упорно держался иконоборства и былъ посаженъ въ Чудовъ монастырь. Тамъ косаремъ изрубилъ рѣзной образъ Алексѣя митрополита. За это и сожженъ. Тверитиновъ и другіе его соучастники повинились, принесли покаяніе и были избавлены отъ смертной казни.

**) Извлеченіе изъ него напечатано Г. В. Есиповымъ во II томѣ «Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія», подъ заглавіемъ: «Кликуши».

Ефиму Васильевичу Мещерскому. О посѣщеніи сборищемъ Марьи Кузьминичны Босой, вмѣстѣ съ зарайскимъ подьячимъ Григорьевымъ, князя Мещерскаго, въ дѣлѣ тайной канцеляріи находятся любопытныя подробности. Про князя ходила молва, что онъ очень богатъ и подаетъ много милостыни, принимаетъ странниковъ, больныхъ, бѣсноватыхъ, читаетъ въ своей часовнѣ надъ ними молитвы. Въ часовнѣ у него и мощи *), и святая вода, и чудотворный образъ Смоленской Богородицы, и съ диковиннымъ звономъ какой-то таинственный колоколъ **). Ходили по народу толки, что князь Мещерскій изгоняетъ бѣсовъ молитвами, которыя читаетъ по книгѣ, и деревянными четками, которыми хлещетъ бѣсноватаго, что вѣрующихъ (то-есть принадлежащихъ къ содержимой имъ тайной сектѣ) онъ причащаетъ какимъ-то особымъ, святымъ хлѣбомъ. Когда общество Марьи Босой, взявъ съ собой какую-то бѣсноватую Арину, которую звали вериженицей, такъ какъ она носила вериги, и побывавъ въ Новомъ-Іерусалимѣ, пришло въ село Козьмодемьянское, князь Ефимъ Васильевичъ радушно встрѣтилъ странствующій хлыстовскій корабль и прямо повелъ его къ себѣ въ моленную. Три раза ударилъ онъ тамъ въ диковинный колоколъ. Пришедшіе изумились, услыша необычайный, таинственный звонъ. Князь сталъ читать утреню, но вскорѣ началось совсѣмъ иное служеніе въ княжеской моленной. Арина вериженица застонала, стоны ея превратились въ дикіе крики, ее корчило, она вспрыгивала кверху, потомъ падала наземь, произнося безсмысленныя рѣчи, прерываемыя собачьимъ лаемъ и свинымъ хрюканьемъ. Прочіе хлысты стали охать, бить себя руками въ грудь и учащенно кланяться въ землю. Очень обыкновенный пріемъ, употребляемый и теперь при радѣніяхъ. Князь подошелъ къ Аринѣ вериженицѣ, сталъ хлыстать ее четками по головѣ, по плечамъ и по груди, приговаривая: „изыди, нечистый душе“. Арина стихла, а князь пришелъ въ восторженное состояніе. Тогда вышелъ на середину зарайскій подьячій Ѳедоръ Григорьевъ и началъ „радѣть“. Радѣніе его, какъ оно описано въ дѣлѣ 1721 года, совершенно такое же, какое и донынѣ употребляется въ хлыстовскихъ и скопческихъ корабляхъ: онъ началъ кружиться, потомъ съ распростертыми руками понесся по всей часовнѣ. Онъ кружился-кружился и, какъ мертвый, упалъ на землю. Восторженный князь Мещерскій и его хлысталъ четками. Въ заключеніе князь роздалъ всѣмъ кусочки хлѣба, какъ бы причастіе (тоже хлыстовскій обрядъ ***).

*) Мощи дѣйствительно были найдены у князя Мещерскаго въ его часовнѣ. Онъ сказалъ, что онѣ даны ему вкладомъ сестрой царицы Авдотьи Ѳедоровны, княгиней Настасьей Ѳедоровной Троекуровой и Варварой Головиной.

**) О стеклянномъ колоколѣ со стекляннымъ же языкомъ князь Мещерскій сказалъ, что онъ данъ въ его часовню вкладомъ стекляннаго завода мастеромъ Сидоромъ Бѣлильниковымъ, разслабленнымъ.

***) При производствѣ слѣдствія тайной канцеляріи, взяты у князя Ме-

Открытые такимъ образомъ хлысты были разосланы по монастырямъ. Князь Мещерскій отправленъ въ Соловки, но по вступленіи на престолъ Анны Ивановны его жена княгиня Авдотья упросила государыню освободить мужа ея изъ заточенія *).

Въ дѣлѣ тайной канцеляріи 1721 года сохранились двѣ молитвы, по характеру своему совершенно похожія на молитвы и пророчества хлыстовъ позднѣйшаго времени и даже современныхъ. Мѣстами даже слово въ слово. Намъ кажется, что молитва Алёны Ефимовны, видоизмѣняясь постепенно, превратилась въ нынѣшнюю хлыстовскую пѣсню: „Церковь моя, церковь золотая!“, которую мы приводимъ ниже. Знакомый сколько-нибудь съ тайными сектами по однимъ этимъ молитвамъ могъ бы заключить, что̀ за люди были принадлежавшіе къ обществу Марьи Босой. Одна изъ нихъ, молитва Алёны Ефимовой, писана четырнадцатилѣтнимъ ея племянникомъ, сыномъ Пелагеи Ефимовой, Иваномъ Михайловымъ, подъ диктовку тетки. Вотъ она:

„Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ! И сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ! Всѣ вспомяните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образа̀ми! Со всѣми апостольскими книгами и съ паникадилами, съ мѣстными свѣчами, со святыми пеленами и съ честными ризами, съ каменными стѣнами, съ желѣзными плитами и со всѣми плодоносными древами. О, молю и красное солнце, возмолись Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море съ рѣками и съ мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмолитесь Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! И рыбы морскія, и скоты польскіе, и звѣри дубровные, и поля, и всѣ земнородные! Возмолитесь къ Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!“

И здѣсь уже является риѳма, непремѣнная принадлежность новѣй-

---

щерскаго въ часовнѣ два большіе бѣлые хлѣба и нѣсколько сухарей. Князь сказалъ, что это артосы съ Новаго-Іерусалима, а въ сухари сушены всенощные хлѣбы, которые онъ раздавалъ богомольцамъ.

*) Марья Босая была отправлена во Владиміръ въ тамошній Успенскій монастырь; Евпраксія—въ Горицкій-Воскресенскій, находящійся въ Новгородской губерніи, въ шести верстахъ отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; Пелагея Ефимова—въ Суздальскій-Покровскій; сестра ея Алена Ефимова—въ Горній-Успенскій, что̀ въ Вологдѣ; братъ ихъ родной, денежнаго двора сторожъ Григорій Ефимовъ, тоже хлыстъ—въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, а Данила Васильевъ—въ Спасо-Каменный Духовъ монастырь, находящійся въ Вологдѣ. Четырнадцатилѣтній сынъ Пелагеи Ефимовой Иванъ Михайловъ, писавшій подъ диктовку тетки хлыстовскую молитву, за малолѣтствомъ битъ батогами, а потомъ отданъ въ матросы. Что̀ сталось съ подьячимъ Ѳедоромъ Григорьевымъ, который также взятъ къ розыску — не знаемъ.

нихъ пѣсенъ или „распѣвцевъ“ тайныхъ сектаторовъ. Частое повтореніе *о!*—также признакъ хлыстовской пѣсни. У нихъ *о!* или *охъ!* или *ой!* вставляются въ распѣвцы пророковъ и пророчицъ, когда на нихъ „накатило“, какъ выражаются хлысты, то-есть когда пророки и пророчицы приходятъ въ то изступленное состояніе, которое ими признаётся за сошествіе Святого Духа. Они въ это время задыхаются, дрожатъ и часто съ тяжелымъ вздохомъ произносятъ приведенныя восклицанія. Молитва Алёны Ефимовой, какъ увидитъ читатель, во многомъ сходна съ слѣдующею хлыстовскою пѣсней, употребляемою при радѣніяхъ и скопцами:

Церковь моя, церковь золотая,
Соборная матушка моя трисвятая!
Ужъ и кто-жъ это церковь мою красилъ?
Ужъ и кто-жъ ее голубушку изукрасилъ?
Херувимскимъ престоломъ, евангеліемъ,
И всякимъ архангельскимъ ставленьемъ:
Царскими дверями,
Мѣстными свѣчами,
Коностасомъ, книгами
Да паникадилами,
Шелковыми пеленами,
Воску яраго свѣчами,
Каменны стѣнами,
Чугунны плитами,
Бѣлокаменной оградой —
Духу нашему отрадой.
Я на церкву погляжу,
Вокругъ нея похожу,
Духа свята поищу,
Къ апостоламъ поспѣшу.
Кругомъ церкви дерева,
Не руби ихъ на дрова:
Перво древо кипарисъ,
Друго дерево анисъ,
Третье древо барбарисъ;
Ты древамъ тѣмъ поклонись
Да на церкву помолись.
Я въ той церкви порадѣю,
Трудовъ своихъ не жалѣю,
Накатила благодать,
Стала духомъ обладать!
Накати-ка, накати,
Мою душу обнови,
Духъ святъ, духъ!
Кати, кати. Ухъ!

Что касается до обращеній къ небеснымъ свѣтиламъ и къ землѣ, со всѣмъ на ней находящимся, мы увидимъ эти обращенія въ пѣсняхъ, употребляемыхъ тайными сектаторами при радѣніяхъ и особенно при обрядахъ, совершаемыхъ во время пріема въ секту новаго члена *).

*) Замѣчательно, что Алёна Ефимовна сшила пелену подъ образъ въ

У брата Анны и Пелагеи, сторожа денежнаго двора Григорія Ефимова, нашли „заговорное письмо“, какъ назвали его въ тайной канцеляріи. Оно носитъ на себѣ также хлыстовскій характеръ. Пророчества хлыстовъ и скопцовъ, бывающія послѣ радѣнія, всѣ въ этомъ же безсмысленномъ родѣ, кромѣ развѣ того, что позднѣйшіе хлысты ни въ какомъ случаѣ не употребляютъ имени дьявола. Вотъ заговорное письмо денежнаго мастера:

„Отъ вѣры, отъ великія кузни, отъ льстиваго измѣненія, отъ великаго паденія! О, како прельстихомся! О, како приведохомся! Како слышавше писанія не вразумихомся, како слышавше проповѣдника ругахомся! Тѣ бо и тогда связанны вещми житейскими, желаючи вѣка сего, и тѣ бо удобь преступятъ къ діаволу, знаменуется пріемшее начертаніе сквернаго. Бога богоборца, мѣсто животворящаго креста Спасова и тѣ бо удобь вложены будутъ со діаволомъ въ тьму кромѣшну“ *).

Мы видѣли, что хлыстовщина, кромѣ Москвы, распространена была въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій въ нынѣшнихъ Костромской, Владимірской и Нижегородской губерніяхъ. Кромѣ того, около 1720 года хлысты встрѣчаются въ Зарайскѣ, въ Серпуховѣ, въ Коломнѣ и въ Сергіевомъ посадѣ, куда ходила и Марья Босая съ своимъ обществомъ. Наконецъ мы встрѣчаемъ хлыстовъ на Дону и около Углича.

Изъ дѣлъ святѣйшаго синода видно, что въ 1725 году воронежскій архіерей доносилъ синоду о появленіи лжехриста въ Яминской станицѣ войска Донского. Это былъ казакъ Агаѳонъ, именовавшій себя „атаманомъ-христомъ“, при немъ было двѣнадцать рядовыхъ казаковъ, называвшихся „атаманами, высшими пророками и апостолами“, а казачья дочь дѣвка называлась „богородицей“. Къ сожалѣнію, это дѣло намъ вполнѣ неизвѣстно; оно считалось (не знаемъ, какъ теперь) въ числѣ совершенно секретныхъ и было запечатано. Что̀ сейчасъ приведено нами, то заимствовано изъ описи дѣлъ.

Въ окрестности Углича хлыстовщина была принесена Прокопіемъ Лупкинымъ. Водворившись въ Москвѣ за Сухаревою башней, этотъ христосъ людей божьихъ бывалъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, именуемомъ Новымъ-Іерусалимомъ, куда хлыстовщина занесена была еще предшественникомъ его Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Здѣсь познакомился Лупкинъ съ нѣкоторыми крестьянами угличской вотчины Новаго-Іерусалима, пріѣзжавшими въ монастырь, отправился къ нимъ на родину и совратилъ въ свою секту. Это было прежде 1715 года.

Въ 1715 году стали ходить по народу слухи о появившейся тайной сектѣ въ вотчинѣ Новаго-Іерусалима, что̀ близъ Углича, преимуще-

---

Большой Успенскій соборъ, зашила между ся верхомъ и подкладкой переписанную ся племянникомъ молитву и отдала одному изъ соборныхъ священниковъ, прося его шесть недѣль читать акаѳистъ за здравіе царя Петра. За это она дала священнику ефимокъ и шесть алтынъ.

*) Есипова «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія». Т. II, стр. 202.

ственно же въ селеніяхъ, расположенныхъ по теченію Волги и рѣки Улеймы. Слухи эти дошли до мѣстнаго духовенства. Священникъ Дмитріевской церкви въ городѣ Угличѣ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія судіи духовныхъ дѣлъ Покровскаго Углицкаго монастыря архимандрита Андроника. Архимандритъ принялъ свои мѣры, и 13-го іюня 1716 г., ночью, въ деревнѣ Харитоновой, въ домѣ крестьянина Еремея Бурдаева поймалъ хлыстовъ на радѣніи и успѣлъ захватить одиннадцать мужчинъ и десять женщинъ. Въ числѣ захваченныхъ былъ и самъ христосъ людей божьихъ, Прокопій Лупкинъ. Всѣхъ ихъ привезли въ Угличъ, и въ тамошнемъ духовномъ правленіи было производимо слѣдствіе. Вотъ что̀ извѣстно объ открытіяхъ, сдѣланныхъ при этомъ архимандритомъ Андроникомъ:

„Оный Лупкинъ производилъ въ богомерзкихъ своихъ сонмищахъ злое свое ученіе, а именно: называлъ себя яко христа, а учениковъ своихъ яко апостолы. И во время-де бывшаго у нихъ съ тѣми учениками пѣнія молитвъ, якобы на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ Духъ Святой, овогда на двухъ, овогда же на трехъ человѣкъ, и подымало-де ихъ съ лавки, и ходили-де они скачучи въ кругъ, по получасу и больше, а въ то-де время клали на столъ колачъ ломтиками и, отпѣвъ молитвы, тѣмъ причащались, и прочихъ-де приходящихъ къ нему (Лупкину) всѣхъ училъ той же богомерзкой противности, которые-де ему въ томъ и последовали, и притомъ-же-де говорилъ имъ, якобы тогда уже послѣднее время, и есть-де антихристъ на земли отъ монашескаго чина. Да о послѣднемъ-же-де времени послѣдовавшіе ему (Лупкину) ученики слышали еще и отъ *другого такого же еретика*, котораго по сыску не явилось, что-де антихристъ народился отъ монашескаго чина, и какъ-де онъ будетъ на морѣ и возьметъ Царьградъ и тогда-де наречется Богомъ“.

При производствѣ слѣдствія архимандритомъ Андроникомъ открылось еще новое указаніе на мѣстопребываніе хлыстовъ. Крестьянинъ Еремей Бурдаевъ, хозяинъ дома, гдѣ захваченъ былъ корабль христа Прокопія Даниловича, сказалъ, что тому же ученію слѣдуютъ крестьяне вотчины Симонова монастыря, Ярославскаго уѣзда, Череможской волости, деревни Данильцевой *), Никита Сахарниковъ да Иванъ Васильевъ. Словомъ, изъ произведенныхъ архимандритомъ допросовъ открылось, „что тѣ, чинившіе вышеписанныя богомерзкія противности, люди явились жителіе не одного Углицкаго, но и другихъ разныхъ мѣстъ, и иные злое свое плевелосѣяніе разсѣевали не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ“ **).

*) Теперь въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Череможская волость называется по рѣкѣ Черемхѣ, впадающей въ Волгу съ правой стороны подъ самымъ Рыбинскомъ. Данильцево—теперь деревня въ 40 верстахъ отъ Рыбинска. Въ ней девять дворовъ, 30 мужского и 36 женскаго населенія. «Списки населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи», часть L, стр. 292.

**) «Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи», т. IX, № 6.613.

Архимандритъ Андроникъ, производя слѣдствіе, 16-го іюня 1716 г. донесъ своему епархіальному начальнику Досиѳею, епископу ростовскому и ярославскому. Досиѳей пренебрегъ открытіями Андроника. Онъ не далъ хода дѣлу. Этотъ Досиѳей, впослѣдствіи лишенный сана и казненный по участію въ дѣлѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны, самъ пророчествовалъ, самъ видалъ видѣнія. Въ немъ можно подозрѣвать потворство къ хлыстамъ. Но какъ бы то ни было, по его приказанію всѣ арестованные въ деревнѣ Харитоновой и самъ христосъ людей Божьихъ были отпущены. Прокопій Лупкинъ воротился въ Москву.

Онъ, по сказаньямъ хлыстовъ, умеръ въ 1733 году въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ-Іерусалимѣ. Хлысты говорятъ, что въ этотъ день у христа Прокопья Даниловича находились въ собраніи всѣ его послѣдователи, и что во время радѣнія въ ихъ „святые круги" съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. Попросту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, „древнее молчаніе", прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близъ Ивана Тимоѳеевича Суслова. На могилѣ его соорудили каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на гробницѣ написали похвалу святости погребеннаго *). Но недолго оставались въ покоѣ кости Прокопья Даниловича. Предъ самою смертью его разразилась гроза надъ его послѣдователями, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына, свояченицы и — сожженьемъ его тѣла чрезъ палача.

Въ 1732 году къ начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову добровольно явился нѣкто Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главное пребываніе подъ Каменнымъ мостомъ черезъ Москву-рѣку. Повинившись передъ графомъ въ производимыхъ имъ съ товарищами разбояхъ, Карауловъ сказалъ, что есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются и цѣлуютъ у нихъ руки, и, собирая деньги, имъ отдаютъ, а другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ.

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени смерти казненнаго ростовскаго епископа Досиѳея, пророчество-

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», 1, 315.

вавшаго заточенной въ Суздалѣ царицѣ Авдотьѣ Өедоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и, по указаніямъ Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ захвачено было семьдесятъ восемь человѣкъ; въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агаөья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали и вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ подавали рѣзаный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, а иногда воду.

Христа людей божьихъ, Прокопья Даниловича, въ то время не было уже въ живыхъ. Его мѣсто заступилъ родной сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Салтыковъ объ открытіи „богомерзкой ереси" донесъ сенату, а сенатъ 15-го января 1733 года сообщилъ о томъ святѣйшему синоду. Синодъ для изслѣдованія дѣла назначилъ особенную слѣдственную комиссію изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Эта комиссія, кромѣ захваченныхъ по распоряженію Салтыкова семидесяти восьми человѣкъ, сыскала еще множество разнаго званія людей, принадлежавшихъ къ хлыстовщинѣ. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ нихъ сами добровольно являлись въ комиссію и объявляли себя принадлежавшими къ сектѣ. Но многіе бѣжали изъ Москвы, убоясь розысковъ, какъ, напримѣръ, семейство Шигиныхъ, жившихъ при Прокопьѣ Лупкинѣ, пророкъ Иванъ Ивановичъ Бѣлый или Чечеткинъ; они убѣжали въ нынѣшній Горбатовскій уѣздъ, Нижегородской губерніи, въ села Павлово и Ворему. Кончивъ розыски, слѣдственная комиссія представила дѣло въ синодъ, вмѣстѣ со всѣми арестованными, которыхъ подъ крѣпкою стражей отвезли въ Петербургъ. Тамъ учреждена была высшая комиссія для изслѣдованія о „богомерзкой ереси". Членами ея были архіепископы: новгородскій Өеофанъ Прокоповичъ, сарскій и подонскій Леонидъ *), завѣдывавшій московскою церковью, и нижегородскій Питиримъ; кромѣ этихъ духовныхъ особъ, въ комиссіи находились: графъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и извѣстный Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи.

Изъ подсудимыхъ замѣчательнѣе другихъ были:

Инокиня московскаго Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агаөья Карпова), хлыстовская богородица. Собранія хлыстовъ бывали въ ея кельѣ, а надъ кельей стояли кровати, которыя и были найдены московскою слѣдственною комиссіей. Здѣсь совершался развратъ, который хлысты богохульно называютъ „христовою любовью". У Анастасіи найдено было денегъ 191 руб. 20 коп.—сумма значительная для того времени, и девять образовъ, украшенныхъ драгоцѣнными окладами.

*) Леонидъ до 1722 года былъ архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря, куда въ то время уже проникла хлыстовщина, но онъ, вѣроятно, не зналъ о томъ.

Инокиня Анна, вдова Прокопія Лупкина, Акулина Ивановна, нижегородская богородица, съ сестрой Акулиной же Ивановною, въ иночествѣ Александрой.

Сынъ ея, бывшій симоновскій экономъ, іеромонахъ Серафимъ. Онъ былъ христомъ, преемникомъ своего отца, какъ сохранилось у хлыстовъ преданіе, но слѣдственная комиссія этого не открыла.

Высокопетровскаго монастыря іеромонахи: Филаретъ (Ѳедоръ Муратинъ) и Тихонъ (Тимоѳей Струковъ), оказавшіеся пророками людей Божьихъ.

Изъ другихъ болѣе значительны, какъ пророчествовавшіе, были: Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, до открытія монахинями Ивановскаго монастыря.

Вотъ что̀ открыла московская комиссія: „1) Собирались мужскій и женскій полъ съ прилежнымъ укрывательствомъ въ одно нѣкое мѣсто и, обѣдавъ въ обществѣ, садились по лавкамъ, по одну сторону мужскій, а по другую женскій полъ, а въ начальномъ мѣстѣ засѣдалъ оной прелести предводитель, мужъ или жена, яко бы по чину пастырскому. 2) Потомъ, взявъ благословеніе у оной предводительной особы съ низкимъ наклоненіемъ и цѣлованіемъ руки, по двѣ и по три пары, или и большимъ числомъ, иный мужъ съ мужемъ, а иный мужъ съ женой, плясали кругомъ по избѣ какъ кто могъ, высоко подскакивая, и сказывали, что на такое плясаніе или паче шатаніе поднималъ ихъ Духъ Святой, приводя на то пребезумнымъ развратомъ оное у пророка слово Божіе: „вселюся въ нихъ и похожду", что̀ глаголалъ Богъ, обѣщая вѣрнымъ Своимъ Свое неотступное присутствіе, ведуще ихъ на путь спасенія, а не къ такъ шаленому движенію. 3) Между тѣмъ нѣкія изъ нихъ палками и цѣпами бивали себя. 4) А по таковомъ бѣшеномъ бѣганіи, нѣкіи же изъ нихъ иногда мужеска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духомъ Божіимъ движимыя, нѣчто и прорицали, или паче буесловные и смѣха достойные враки и разсказы произносили. 5) Хулили бракъ законный, установленный и благословенный отъ самого Бога, вмѣняя ложе брачное, несквернымъ отъ апостола, или паче отъ Святого Духа нареченное, въ скверну и въ великій грѣхъ. И того ради приходящимъ въ собраніе ихъ приказывали не женатымъ никогда впредь не жениться, а кто женатъ разводиться съ женами. 6) Создали же себѣ весьма богомерзкою продерзостію и нѣкое проклятое таинство; а именно, принимали и ѣли изъ рукъ предводительныхъ, мужика или женщины, куски хлѣба и пили квасъ, иногда же и воду, вмѣняя то, окаянные, за святое причастіе, съ явственнымъ святыхъ Христовыхъ въ евхаристіи таинъ ругательствомъ и отверженіемъ. 7) Они же твердили между собой, яко бы такія ихъ собранія и дѣйствія есть крещеніе, бываемое духомъ, а христіанское наше крещеніе водою, во имя Святой Троицы совершаемое, которое въ себѣ и духъ заключаетъ, раздирая едино таинство надвое, нарицая простымъ воднымъ и къ спасенію не довольнымъ

крещеніемъ, хулительнѣ б.....словя, якобы никто крещенный преданнымъ въ Спасителя нашего крещеніемъ, если не воспріиметъ и вымышленнаго отъ нихъ, безумныхъ мужиковъ, крещенія, отнюдь спасенія не получитъ. 8) Во утвержденіе же столь злосоставнаго своего и душевреднаго суевѣрія врали прельщаемымъ отъ себя человѣкомъ, будто бы и всѣ древніе святые отцы не инымъ только отъ нихъ употребляемымъ спасалися образомъ, шкаредную свою новость древнимъ спасенія путемъ нарицая. 9) А когда въ таковыя собранія сходились, мало когда въ тотъ же день, и съ мѣста того расходъ имъ бывалъ, но всегда, почитай, вси тамъ же и ночевали въ одной избѣ мужескій и женскій полъ, только, сказываютъ, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что̀ немалое подозрѣніе подало блуднаго ихъ смѣшенія, наипаче, когда и одну съ числа ихъ старицу обличено, и сама въ великоучрежденной комиссіи винилась, что она съ мужчиною той же ереси отъ беззаконнаго совокупленія и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкіе оные соборы созывала, многія кровати во время слѣдованія надъ келіею ея подъ кровлею найдены, и тако же они, окаянные, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая, а беззаконнаго смѣшенія не отстая. 10) Таковое же по всему скверное свое ученіе и дѣйствіе не устрашились злочестивіи и призываніемъ имени Божія клятвенно утверждать, ибо всякаго къ нимъ приходящаго, выставивъ икону, приводили къ присягѣ, дабы клялся, что онъ преданіе ихъ яко благочестивое и богоугодное пріемлетъ и никогда отъ того не отступитъ, такожъ что онъ тайнаго ихъ сего злодѣянія никому отнюдь не откроетъ, ниже духовному отцу. 11) Исповѣдываться у духовныхъ отцовъ и внѣ ихъ сословія сущихъ, только бы никто тайны ихъ не изъявлялъ, такожъ и святого причастія не запрещали, каковъ обычай былъ и у древнихъ манихеевъ для вящшаго ереси своей укрывательства. 12) Всего же того столь богопротивнаго ихъ вымысла не иное у начальниковъ и начальницъ намѣреніе было, только, какъ сами винилися, хитрый воровскихъ прибылей промыслъ, которые они отъ прельщаемыхъ грубыхъ человѣкъ и получали" *).

Октября 11-го 1733 года состоялся приговоръ о послѣдователяхъ хлыстовщины. Онъ подписанъ графомъ Остерманомъ, княземъ Черкасскимъ и Ушаковымъ. Архіереи, какъ обычно при смертныхъ приговорахъ, уклонились отъ подписанія. Императрица Анна Ивановна утвердила, что̀ постановили три „свѣтскія персоны высокоучрежденной комиссіи". Инокиню Анастасію разстригли и подъ именемъ Агаѳьи Карповой возвели на эшафотъ на Сытномъ рынкѣ въ Петербургѣ, гдѣ и отрубили ей голову. Той же участи подверглись іеромонахи Высокопетровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ, предварительно въ синодѣ

---

*) «Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи», т. IX. № 6.613.

лишенные сана и монашества. Симоновскаго эконома, іеромонаха Серафима, разстригли и подъ именемъ растриги Спиридона Лупкина наказали публично кнутомъ и назначили въ вѣчную ссылку въ Охотскій острогъ. Онъ послѣ приговора содержался въ синодѣ и лишь черезъ четыре года, то-есть въ 1737 году, отправленъ въ Сибирь. По привозѣ его въ Екатеринбургъ, канцелярія главнаго управленія екатеринбургскихъ заводовъ, вмѣсто отсылки въ Охотскъ, опредѣлила его въ бобыли на поселеніе въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ и оставался до 1744 года. Въ январѣ этого года онъ поѣхалъ съ даннымъ ему паспортомъ въ Москву, для испрошенія себѣ помилованія, на основаніи милостиваго манифеста императрицы Елизаветы Петровны. Апрѣля 4-го того же года онъ явился въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода. Вскорѣ послѣ того въ Москвѣ снова была открыта хлыстовщина, и начались новые розыски. Спиридонъ Лупкинъ испугался и бѣжалъ неизвѣстно куда. По дѣламъ о немъ болѣе ничего неизвѣстно. Но преданія хлыстовскія говорятъ о дѣйствіяхъ его послѣ 1744 года, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Мать его, вдова христа людей божьихъ, нижегородская богородица, которую въ Москвѣ, когда она уступила первенство Анастасіи, звали „мироносицей", инокиня Ивановскаго монастыря Анна была разстрижена и подъ именемъ Акулины Ивановой Лупкиной наказана въ Петербургѣ кнутомъ и сослана вѣчно на неисходное житіе Тобольской епархіи во Введенскій дѣвичій Далматовъ монастырь *). Въ 1740 году она еще была жива. Ее, равно какъ и Анастасію, хлысты причли въ святыя мученицы. Мироносицѣ Аннѣ они совершаютъ память 26-го іюня **).

Другая Акулина Ивановна, въ иночествѣ Александра, наказана кнутомъ и сослана на вѣчную работу въ Сибирь, въ Ильинскій дѣвичій монастырь. Мы не знаемъ, гдѣ онъ находился.

Во Введенскій Далматовъ монастырь сосланы были разстриги Ивановскаго монастыря Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, послѣ наказанія кнутомъ, „для опредѣленія въ томъ монастырѣ въ тяжелую работу вѣчно, по разсмотрѣніи онаго монастыря игумении, и изъ того монастыря никуда, никогда не выпускать ихъ и писемъ ни къ кому писать не давать и съ ними никого, такожъ и ихъ между собою видѣться отнюдь не допускать" ***).

Святѣйшій синодъ „въ предостерегательство, по довольномъ разсужденіи, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того вѣдатели, ни

*) Нынѣ въ Пермской губерніи. Онъ находился въ 25 саженяхъ отъ Далматовскаго Успенскаго мужского монастыря, при рѣчкѣ Течѣ, въ заштатномъ нынѣ городѣ Далматовѣ, на урочищѣ, называемомъ Теченское Поселье. Упраздненъ въ 1764 году при учрежденіи штатовъ.

**) Есть рукописныя святцы (у меня есть одинъ экземпляръ) нынѣшняго и прошлаго столѣтій, гдѣ подъ 26-го іюня записано: «святыя мироносицы Анны, иже въ Нижнемъ-Новѣградѣ».

***) «Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи», т. IX, № 6.613.

едина персона внѣ вѣдѣнія не осталась, и отъ того оная ересь не возрасла бы въ великое, ибо не нечаятельно есть, что и еще оная останки своя имѣетъ (какъ о томъ и по обстоятельству самого дѣла онаго видно есть), что оное злодѣяніе начало произрастать уже изъ давнихъ лѣтъ, и не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ плеведоразсѣяніе свое имѣло, докладывалъ императрицѣ о необходимости выдать во всенародное свѣдѣніе особые указы синода, въ которыхъ бы было объявлено объ открытой ереси съ тѣмъ, чтобы принадлежащіе къ ней, но правительству неизвѣстные, безъ всякаго опасенія являлись въ синодъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ дальнихъ мѣстахъ къ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ. Срокомъ для явки назначено было 1-е января 1735 года съ тѣмъ, что открытые послѣ этого срока будутъ наказываемы" *). Являлись ли хлысты въ синодъ и къ архіереямъ послѣ всенародно объявленнаго синодскаго указа, не знаемъ.

Дѣло было уже кончено, какъ до свѣдѣнія Ѳеофана Прокоповича дошло о могилахъ христовъ людей божьихъ, Суслова и Лупкина, въ Ивановскомъ монастырѣ. Онъ написалъ въ Москву письмо къ совѣтнику Ивану Топильскому, который до того былъ судьею при слѣдствіи розыскныхъ раскольничьихъ дѣлъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ надгробные памятники и сообщилъ ему о нихъ подробныя свѣдѣнія. Топильскій нашелъ надъ могилой Лупкина новопостроенный памятникъ (честное гробовое зданіе) съ надписью объ его святости, близъ котораго нашелъ и могилу Суслова. Надъ нею камень былъ уже сравненъ съ землею и около него посажены были яблони и другія деревья. Этотъ надмогильный садикъ огороженъ былъ рѣшеткой съ дверцами. Прежде, сказывали Топильскому, была тутъ „гробница съ немалымъ украшеніемъ", но когда послѣдовало распоряженіе, чтобы въ монастырѣ и у приходскихъ церквей гробницы и надгробные камни были снесены, тогда и съ могилы Суслова снесенъ былъ воздвигнутый ему памятникъ и на мѣстѣ его разведенъ садикъ. Надпись же съ того памятника, свидѣтельствовавшая о святости Ивана Тимоѳеевича, была стесана и вдѣлана въ стѣну церковной трапезы, неподалеку отъ могилы.

Ѳеофанъ Прокоповичъ заявилъ въ присутствіи синода о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ посредствомъ Топильскаго въ Москвѣ. Члены синода полагали, что похороненіе тѣлъ ересеначальниковъ при церквахъ сдѣлано послѣдователями ихъ не иначе, какъ съ цѣлью распространить убѣжденіе, что они были не только не суевѣры, но и „святости нѣкоей общники". Затѣмъ, приведя въ основаніе первую статью уложенія царя Алексѣя Михайловича, по которой богохульникамъ назначается смертная казнь сожженіемъ, рѣшили передать дѣло въ правительствующій сенатъ для исполненія, съ тѣмъ, чтобы въ Ивановскомъ монастырѣ надгробный памятникъ надъ Лупкинымъ, садикъ надъ Сусловымъ и над-

*) Тамъ же.

пись на стѣнѣ церковной трапезы были уничтожены. Рѣшеніе это въ синодѣ состоялось 31-го мая 1736 года *). Сенатъ рѣшилъ (не ранѣе однако 1739 г.) „закопанные въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ трупы богопротивныхъ ересеучителей и еретиковъ Прокопія Лупкина и Ивана Суслова, выкопавъ черезъ палачей и вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ“, то-есть сжечь **).

Трупы сожгли. Но чьи? Впослѣдствіи увидимъ, что въ маленькой церкви, построенной хлыстами въ Новомъ-Іерусалимѣ, за Сухаревою башней, были *мощи* Ивана Тимоѳеевича. Если трупъ Лупкина и былъ сожженъ, то останки Ивана Тимоѳеевича были подмѣнены останками другого покойника. Можетъ-быть, хлысты сумѣли сдѣлать то же и съ трупомъ Лупкина, такъ что палачи выкопали и сожгли на кострахъ за городомъ трупы какихъ-нибудь людей, вовсе не причастныхъ хлыстовскому ученію.

Тѣмъ „дѣло о богомерзкой ереси“ и кончилось. Хлысты до сихъ поръ помнятъ этотъ розыскъ и о страданіяхъ „святой мученицы Настасьи Карповны“ грустнымъ голосомъ поютъ пѣсни на радѣніяхъ. При открытіи хлыстовскихъ сборищъ въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Басманской части, іюня 12-го 1846 года, частному приставу Лисицыну, московская мѣщанка Гостиной слободы, Арина Максимова, содержавшая хлыстовскую секту, сказала эту пѣсню. Она записана вмѣстѣ съ другими въ снятомъ съ нея допросѣ ***). Вотъ пѣсня о Настасьѣ Карповнѣ:

Въ конюшенкѣ государевой
Тутъ стояли да всеконички.
Ужъ одинъ конь не пьетъ не ѣстъ,
Онъ почуялъ дорожку дальнюю.
Отъ Москвы было до Питера
Пролегала путь-дороженька.
Ужъ по той ли по дороженькѣ
Тутъ ведутъ красную дѣвицу,
Свѣтъ Настасьюшку Карповну ****),
У ней ноженьки были скованы,
Бѣлы рученьки назадъ связаны,
Очи ясныя платкомъ завязаны.
Ужъ ведутъ ее два полка солдатъ
Ко тому дворцу государеву,
Къ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ.
„Государыня Анна Ивановна,
Возьмите эту невольницу во палатушки“.

---

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», т. I, стр. 312—316.

**) Тамъ же, т. I, стр. 360.

***) «Дѣло объ открытыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Василья Евграфова хлыстахъ 1844—46 года».

****) Въ подлинномъ дѣлѣ написано Поликарповну. Но Настасья была по отцѣ Карпова, а не Поликарпова.

Ужъ стала у ней страшивать:
„Ты которую вѣру вѣруешь,
Ужъ которому Богу молишься?“
„Изволь выслать своихъ вѣрныхъ слугъ,
Я тебѣ скажу правду-истину“.
Государыня Анна Ивановна испугалася
И вскричала громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы слуги мои вѣрные,
Возьмите эту невольницу,
Посадите въ темну темницу
Подъ красное окошечко,
Которое на Неву рѣку“.
Взглянула Настасьюшка Карповна
Въ то красное окошечко:
„Ужъ ты матушка Нева-рѣка,
Ты теки въ каменну Москву,
Ты скажи поклонъ вѣрнымъ-праведнымъ
И отцу съ матерью,
Что хотятъ меня казнить, мучить,
Топоромъ острымъ, еще плахою,
Еще площадью, красною рубахою.
Ты прости-прощай вѣрны-праведны,
Ты прости-прощай отецъ съ матерью,
Ты прости-прощай весь міръ-народъ,
Ты прости-прощай два полка солдатъ,
Ты прости-прощай младъ грозенъ палачъ,
Не прощаю одну государыню Анну Ивановну“.

Не простила Настасья Карповна государыню, говорятъ хлысты, и Анна Ивановна умерла чрезъ три дня послѣ казни „вѣрныхъ-праведныхъ“. Хлысты и тутъ, какъ и въ большей части своихъ сказаній, путаются въ хронологіи. Императрица Анна Ивановна скончалась не чрезъ три дня, а чрезъ семь лѣтъ послѣ казни хлыстовъ.

БѢЛЫЕ ГОЛУБИ.

„Бѣлыми голубями“ называютъ себя сектаторы, о которыхъ, по случаю плотицынскаго дѣла, такъ много говорятъ теперь. О таинственномъ ученіи хлыстовъ и скопцовъ до сихъ поръ напечатано было очень немного *). Мы сочли благовременнымъ напечатать о скопцахъ кое-что намъ извѣстное, не вдаваясь въ большія подробности, которыя со временемъ надѣемся представить въ большомъ трактатѣ „Тайныя секты“. Начало этого трактата было помѣщено въ пятой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1868 годъ.

Источниками для представляемаго изслѣдованія служили: 1) Выписки изъ дѣлъ о квакерской ереси, производившихся въ Москвѣ въ 1734 и 1745 — 1752 годахъ. 2) Выписки изъ 180 дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ, производившихся въ разныхъ мѣстахъ въ 1774 — 1861 годахъ. Онѣ сдѣланы въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, генералъ-аудиторіата, московскаго старыхъ дѣлъ, канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородскаго губернскаго правленія, канцеляріи тамбовскаго губернатора, канцеляріи кавказскаго намѣстника и др. 3) Напечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ покойнаго Надеждина „Изслѣдованіе о скопческой ереси“, Спб. 1845 г., и „Изслѣдованіе о скопцахъ“ В. И. Даля (единственный экземпляръ этого сочиненія въ Чертковской библіотекѣ).

---

*) Въ 1819 году была напечатана въ Петербургѣ книжка: «О скопцахъ». Едва ли она не писана кѣмъ-нибудь изъ сочувствовавшихъ этой сектѣ. Авторъ, представивъ скопцовъ людьми совершенно невинными, не указываетъ на тайное ихъ ученіе. Въ 1845 году, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, напечатано было «Изслѣдованіе о скопческой ереси» покойнаго Надеждина, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Оно перепечатано г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ. Предъ тѣмъ приготовлялось къ печати, по распоряженію того же министра, «Изслѣдованіе о скопцахъ» В. И. Даля, вошедшее въ книгу Надеждина. Отъ изслѣдованія г. Даля сохранилась одна только корректура, пожертвованная авторомъ въ Чертковскую библіотеку въ Москвѣ. Любопытныя свѣдѣнія о скопцахъ находятся въ «Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» г. Варадинова, томъ VIII, въ статьяхъ г. Кельсіева, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 года, подъ заглавіемъ: «Великорусскіе двоевѣры», и въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (статьи В. С. Толстого и И. П. Липранди).

4) Корректурные листы „Изслѣдованія о хлыстовской ереси“ покойнаго Надеждина. 5) „Свѣдѣнія о разныхъ раскольническихъ сектахъ и ихъ заблужденіяхъ“, собранныя въ Соловецкомъ монастырѣ. Рукопись. 6) „Два донесенія императору Александру Павловичу, поданныя въ февралѣ 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи Иваномъ Андреяновымъ“. Рукопись. 7) Архимандрита Досиѳея „О тайностяхъ скопческой ереси“. Рукопись. 8) „Объясненіе Ивана Кудимова“. Рукопись. 9) „Объясненіе скопца штабсъ-капитана Созоновича“. Рукопись. 10) „Объясненіе скопца Овчинникова“. Рукопись. 11) Полковника князя Голицына „О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1835 году“. Рукопись. 12) Преосвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго, „О хлыстахъ въ Саратовской губерніи“. Рукопись. 13) Священника Алексѣя Зайцева „Описаніе скопческой секты, ея обряды и проч.“. Рукопись. 14) „О скопцахъ Бобровскаго уѣзда“. Рукопись. 15) „О раскольникахъ и въ особенности о скопцахъ“ (записка, представленная графомъ Л. А. Перовскимъ императору Николаю Павловичу въ августѣ 1844 года). 16) „О скопцахъ и скопческой ереси“ (двѣ записки, представленныя императору Николаю Павловичу въ 1845 году). 17) „О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ по доносу крестьянина Матусова“. Рукопись. 18) „Военно-судное дѣло о скопцахъ при Кронштадтскомъ портѣ“. Рукопись. 19) „О движеніи скопцовъ на Кавказѣ въ 1842 году“. Рукопись. 20) „Маранскіе скопцы“. Рукопись. 21) „Хлысты Мышкинскаго и Углицкаго уѣздовъ, открытые въ 1851 году“. Рукопись. 22) „Рижскіе скопцы“. Рукопись. 23) „О прыгункахъ въ Таврической губерніи“. Рукопись. 24) „О московскихъ хлыстахъ“. Рукопись. 25) „О богородицѣ Устиньѣ, послѣдней въ родѣ Данилы Филипповича“. Рукопись. 26) „Монтане въ Самарской губерніи“. Рукопись. 27) „Письма пророка Василья Радаева къ священнику села Мотовилова, Арзамасскаго уѣзда, въ 1850 году“. Рукопись. 28) „О сектѣ фарисеевъ“. Рукопись. 29) „Арина Лазаревна, ея ученіе и послѣдователи“. Рукопись. 30) „Свѣдѣнія о богомолахъ въ Тамбовской губерніи“. Рукопись. 31) „Извѣстія о хлыстахъ Тульской губерніи“. Рукопись. 32) Священника города Калуги Ивана Сергѣева „Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина, представленное имъ святѣйшему синоду въ 1809 году“. Рукопись. 33) „Страды, или Посланіе отца искупителя“ (Кондратья Селиванова). Рукопись. Напечатана въ 4-й книжкѣ „Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ на 1864 годъ. 34) „Сто шестьдесятъ четыре пѣсни хлыстовъ и скопцовъ“. Въ разныхъ рукописяхъ и отдѣльно. 35) „Скопчество между лютеранъ С.-Петербургской губерніи“. Рукопись. 36) „Двѣ пѣсни скопческія на чухонскомъ языкѣ“. Рукопись.

I.

Русскіе скопцы, равно какъ и совершенно одинаковые съ ними, какъ по вѣрованіямъ, такъ и по обрядамъ, хлысты, или „божьи люди“ *), — не раскольники. Согласно каноническому распредѣленію всѣхъ разномыслящихъ со вселенскою церковью, они должны быть отнесены къ такъ-называемому „первому чину“, то-есть къ еретикамъ. Несмотря на то, что скопцы постоянно представляются самыми усерд-

*) Такъ хлысты называютъ сами себя; нерѣдко «божьими людьми» называютъ себя и скопцы.

ными православными, часто бываютъ въ церкви и благоговѣйно тамъ молятся, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ, дѣлаютъ значительныя приношенія въ пользу церквей и духовенства, строятъ храмы, золотятъ на нихъ куполы, льютъ большіе колокола,—ихъ нельзя признавать не только православными, но и христіанами. Вполнѣ ошибались нѣкоторыя лица изъ православнаго духовенства (даже изъ высшаго), считая скопцовъ и хлыстовъ усердными православными. Впрочемъ, исторія хлыстовской и скопческой ересей представляетъ немало примѣровъ не только тайнаго, но даже и явнаго уклоненія въ эти ереси самихъ лицъ духовнаго сана. Колыбель скопчества — въ одномъ изъ православныхъ монастырей Москвы.

Не говоря уже объ изувѣрномъ уродованіи, подрывающемъ самыя основы человѣческаго общежитія, секта „бѣлыхъ голубей" и по вѣрованіямъ своимъ отличается дикою уродливостью извращенныхъ понятій о Богѣ и Спасителѣ міра. Истинный Сынъ Божій, называемый у нихъ „старымъ Христомъ", далеко не такъ уважается, какъ новые христы, отъ времени до времени являющіеся въ ихъ „корабляхъ" (общинахъ). Какъ и хлысты, бѣлые голуби вѣруютъ въ „живыхъ боговъ" и „богинь" и воздаютъ имъ божескія почести.

Оскопленіе не составляетъ непремѣннаго условія принадлежности къ сектамъ „бѣлыхъ голубей" и „людей божьихъ" (хлыстовъ). Въ сектѣ бѣлыхъ голубей не только иные „братцы", но даже самые „кормщики корабля", то-есть начальники общины, не подвергаются иногда оскопленію, хотя и считаются даже пророками и христами. Это такъ-называемые „духовные скопцы". Съ другой стороны, несмотря на то, что иные хлысты съ презрѣніемъ относятся о бѣлыхъ голубяхъ, говоря: „невеликое дѣло бороться съ врагомъ зарѣзаннымъ, а ты поборись съ живымъ", сами нерѣдко имѣютъ въ своей средѣ скопцовъ, а еще чаще скопчихъ. О томъ, почему и для чего они имѣютъ въ своихъ корабляхъ скопчихъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Начало скопчества относится къ глубокой древности. Еще въ книгахъ Ветхаго Завѣта говорится о скопцахъ, напримѣръ, у пророка Исаіи въ 56 главѣ. При дворѣ израильскихъ царей, по обычаю древняго Востока, бывали евнухи. Въ „Дѣяніяхъ апостольскихъ" упоминается о скопцѣ, казначеѣ эѳіопской царицы Кандакіи, котораго окрестилъ апостолъ Филиппъ. Русскіе бѣлые голуби увѣрены, что самъ Іисусъ Христосъ и апостолы были оскоплены, и что ученіе Спасителя міра, нынѣ будто сохранившееся только въ ихъ корабляхъ, состояло въ ученіи „огненнаго крещенія", то-есть оскопленія, въ противоположность „водному крещенію", проповѣданному Іоанномъ Крестителемъ.

Въ первыя времена христіанства скопцы дѣйствительно бывали въ средѣ вѣрныхъ, но апостолы строго относились къ нимъ. Въ „Правилахъ апостольскихъ" сказано: „кто сдѣлался скопцомъ отъ человѣческаго насилія, или во время гоненій отъ варваровъ, или отъ врачей по

болѣзни, или такъ родился, тотъ можетъ быть въ клирѣ и, ежели достоинъ, даже епископомъ, но кто скопилъ самого себя, тотъ, ежели клирикъ, извергается, самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія", а если міряпинъ — отлучается отъ св. таинъ, „ибо навѣтникъ есть своея жизни" *). Впослѣдствіи Константинопольскій соборъ, именуемый двукратнымъ, тѣхъ, которые скопятъ собственноручно, или отдаютъ приказаніе произвести надъ кѣмъ-либо оскопленіе, сравнялъ съ убійцами **).

Говорятъ, что обычай оскопленія первоначально возникъ въ Вавилонѣ. Семирамида, по извѣстію церковныхъ писателей, влюбившись въ родного своего сына, склоняла его вступить съ нею въ связь, но когда юноша отказался, царица въ наказаніе велѣла его оскопить ***). Евнухи находились при дворахъ восточныхъ деспотовъ, а потомъ при дворѣ православныхъ византійскихъ императоровъ. Но это скопчество не было, какъ теперь, слѣдствіемъ религіознаго фанатизма. Оскопленіе у древнихъ не представлялось добровольной жертвой, приносимою въ убѣжденіи, что она угодна Богу. Варварскій обычай древнихъ былъ послѣдствіемъ многоженства. Никто лучше евнуха не можетъ оберегать гарема, не возбуждая ревности въ душѣ своего повелителя. При дворахъ мусульманскихъ государей и донынѣ держатъ евнуховъ °).

Ложное толкованіе словъ Спасителя: „Суть же скопцы, иже исказиша сами себѣ царствія ради небеснаго: могій вмѣстити да вмѣститъ" °°). породило скопчество въ христіанствѣ. Принявъ иносказаніе Спасителя въ смыслѣ буквальномъ, иные стали скопить себя, но мы уже замѣтили, какъ отнеслись къ такимъ людямъ апостолы и ихъ преемники.

Въ православной Византіи, при дворѣ императорскомъ, находились евнухи — обычай, заимствованный у восточныхъ государей Сиріи и Ирана. Кубикуларіи (постельничьи) византійскаго двора обыкновенно бывали изъ евнуховъ. Будучи чужды другихъ страстей, кромѣ честолюбія и алчности къ богатствамъ, они были чрезвычайно искусны въ при-

*) «Правила апостольскія» 21, 22, 23 и 24. То же постановлено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (правило 1).

**) «Двукратнаго собора» правило 8.

***) Объ этомъ говоритъ и св. Дмитрій Ростовскій въ своемъ «Лѣтописцѣ».

°) Впрочемъ, св. Василій Великій, опровергая въ своихъ твореніяхъ скопчество, какъ ересь, опирающуюся на неправильно толкуемый ею текстъ св. евангелія, между прочимъ, говоритъ о скопцахъ: «Въ возмужаломъ возрастѣ въ нихъ тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе дѣйствуетъ страсть... Сдѣлавъ оскопленіе хитрою приманкой для обольщенія, скопцы тѣмъ неумѣреннѣе. Одинъ почтенный старецъ сказывалъ, какъ признавалась ему одна женщина, что скопецъ, которому она была ввѣрена отъ мужа или господина, сообщался съ нею» («Творенія св. Василія Великаго», т. IV, стр. 845). Отзывы врачей, находящіеся при дѣлахъ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ то же.

°°) Евангеліе отъ Матѳея, XIX, 12.

дворныхъ интригахъ и нерѣдко достигали званія людей государственныхъ. Это была сущая язва константинопольскаго двора; высокомѣріе евнуховъ, достигавшихъ высшихъ степеней, не знало предѣловъ. Такъ, евнухъ Антоній, воспитатель императора Ѳеодосія младшаго, оскорблялъ своимъ высокомѣріемъ даже самого государя, который до того наконецъ разгнѣвался на бывшаго своего учителя, что, лишивъ его званія патриція, узаконилъ, чтобы впредь никто изъ евнуховъ не былъ возводимъ въ это достоинство. Но постановленіе Ѳеодосія вскорѣ было забыто, и при дворѣ императрицы Ирины являются евнухи Ставрикій и Левъ Клокъ, пользовавшіеся огромнымъ значеніемъ въ государствѣ.

Въ восточныхъ государствахъ, какъ языческихъ (персидскіе Арсакиды и Сассаниды), такъ и христіанскихъ (армянское), видимъ нѣсколько случаевъ оскопленія царскихъ родственниковъ или сильныхъ вельможъ, которыхъ царствующій государь считалъ для себя опасными. То же было и въ Византіи: императоръ Левъ Армянинъ, овладѣвъ престоломъ, оскопилъ Ѳеофилакта, сына своего предшественника; Михаилъ, отнявъ корону у Льва Армянина, оскопилъ четырехъ его сыновей. Изъ оскопленныхъ насильственно, въ силу этого обычая, были даже цареградскіе патріархи, напримѣръ, Германъ, сынъ патриція Юстина, Игнатій, сынъ императора Михаила.

Скопчество, какъ религіозная секта, появилось въ VI столѣтіи. Извѣстный церковный писатель Оригенъ былъ скопецъ, самовольно оскопившійся. Хотя по „Правиламъ апостольскимъ“ онъ не могъ быть рукоположенъ, но, во вниманіе къ его учености, къ его трудамъ на пользу церкви и ревности къ вѣрѣ, сдѣлано было исключеніе, и Оригенъ поставленъ во священника. Впослѣдствіи ученіе его было осуждено на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Сто шестьдесятъ пять святыхъ отцовъ, бывшихъ на семъ соборѣ, постановили: Оригена и другихъ „возобновившихъ еллинскія басни, прехожденія и превращеніе нѣкоторыхъ тѣлъ и душъ паки намъ представившихъ на позоръ, въ сонныхъ мечтаніяхъ блуждающаго ума, и противу воскресенія мертвыхъ нечестиво и нездравомысленно возстававшихъ“ — отринуть и соборно предать проклятію.

Ученикъ Оригена, философъ Валезій образовалъ общество скопцовъ и постепенно его увеличивалъ, то привлекая въ свою секту убѣжденіями, то прибѣгая къ обманамъ или къ насилію, преимущественно же секта его полнилась оскопленными рабами, которые, получивъ отъ господъ свободу, не могли жить въ обществѣ по неспособности къ жизни общественной и по всеобщему къ нимъ презрѣнію. Секта Валезія обратила на себя вниманіе императора Юстиніана Великаго, онъ издалъ строгій декретъ, по которому скопителей велѣно казнить смертью, а имѣніе ихъ предавать разграбленію. Но и такая строгость не уничтожила секты. Валезіане впали потомъ въ другія ереси. Такимъ образомъ

и въ сектѣ павликіанъ и въ сектѣ богомиловъ встрѣчаются скопцы, которые, конечно, произошли отъ Валезія.

Богомилъ-скопецъ, монахъ Адріанъ, явился въ Кіевѣ чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ крещенія Русской земли (1004). Онъ хулилъ православную церковь, былъ обличенъ митрополитомъ Леонтіемъ, отлученъ и посаженъ въ темницу *).

Съ тѣхъ поръ до XVIII столѣтія ничего не знаемъ о скопческой ереси въ Россіи. Но тожественная съ нею ересь хлыстовская существовала почти постоянно, какъ мы показали въ началѣ своего трактата „Тайныя секты“ **).

II.

По связи хлыстовской ереси со скопческою, выдѣлившеюся изъ нея и отличающеюся отъ своей родоначальницы единственно уродованіемъ тѣла, нелишнимъ считаемъ предварительно упомянуть о главнѣйшихъ догматахъ и обрядахъ „людей божьихъ“ (хлыстовъ). Для этого припомнимъ кое-что изъ сказаннаго нами въ пятой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1868 годъ.

Хлысты разсказываютъ, что крестьянинъ нынѣшняго Юрьевецкаго уѣзда Данила Филипповичъ (бывшій прежде въ числѣ учениковъ расколоучителя Капитона), во время споровъ о томъ, по старымъ или по новымъ книгамъ можно спастись, рѣшилъ, что ни тѣ ни другія книги никуда не годятся, и что для спасенія необходима одна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная —
Самъ сударь Духъ Святой ***).

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разсказываютъ, что учитель ихъ, въ доказательство ненужности и старыхъ и новыхъ книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ куль, положилъ въ него для груза камней и бросилъ въ Волгу. Чрезъ нѣсколько времени послѣ потопленія книгъ Данила Филипповичъ явился въ окрестностяхъ Стародуба Кляземскаго °). Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину °°), среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во всей славѣ своей самъ „Го-

---

*) «Никоновская лѣтопись», I — 112.
**) «Русскій Вѣстникъ» № 5, 1868 г.
***) Изъ пѣсни, употребляемой хлыстами и скопцами при радѣніяхъ.
°) Кляземскій Городокъ — село Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи.
°°) Село Егорій на рѣкѣ Клязьмѣ и деревня Городина на рѣкѣ Уводи находятся въ Ковровскомъ уѣздѣ, близъ Ивановской желѣзной дороги.

сподь Саваоѳъ". Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а „Саваоѳъ" остался на землѣ, въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ того времени Данила Филипповичъ пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался „живымъ богомъ". Онъ сталъ называться „верховнымъ гостемъ", „превышнимъ богомъ", „богатымъ гостемъ". Признававшіе его живымъ богомъ стали именоваться „людьми божьими". Такъ называютъ себя хлысты; такъ называютъ себя нерѣдко и бѣлые голуби.

„Господь Саваоѳъ" Данила Филипповичъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ люди божьи. Домъ, гдѣ жилъ онъ, названъ „домомъ божьимъ". Городъ Кострома, близъ которой поселился „верховный гость", получилъ отъ его послѣдователей названіе „Горняго Іерусалима", а также „городъ Кострома — верховная сторона". Чрезъ нѣсколько времени „Саваоѳъ" Данила Филипповичъ перенесъ свой домъ, то-есть домъ божій, изъ деревни Старой въ городъ Кострому.

Потопленіе Даниломъ Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ хлыстовъ, было послѣ чуда, совершившагося на горѣ Городинѣ *). Не имѣя земного начала, разсказываютъ они, „верховный гость Данила Филипповичъ" отъ Святого Духа получалъ наставленія о томъ, что̀ надо проповѣдывать земнороднымъ, и творилъ чудеса. По наставленію Святого Духа, говорятъ они, Данила Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ брать книги въ руки **) и заповѣдавъ всѣмъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что̀ будутъ „выпѣвать" пророки, „пребывая

---

*) «Слѣдственное дѣло о хлыстахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1846 году».

**) Города Калуги Преображенской церкви, что̀ въ Забѣльнѣ, священникъ Иванъ Сергѣевъ, самолично участвовавшій въ хлыстовскихъ сборищахъ и переписывавшійся съ жившимъ въ Петербургѣ скопческимъ «христомъ, царемъ израильскимъ и императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ» (Кондратій Селивановъ), въ поданномъ въ 1809 году въ святѣйшій синодъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина» (небольшія извлеченія изъ него можно видѣть въ Румянцевскомъ музеѣ), говоритъ, между прочимъ, что по ученію хлыстовъ и скопцовъ «всякое книжное писаніе есть порча, то-есть все вредно, все соблазнительно, все служитъ къ претыканію, все склоняетъ къ развращенію; учители хлыстовскіе запрещаютъ читать книги, потому что они затмеваютъ умъ, вводятъ человѣка въ неистовство, развлекаютъ мысли, отводятъ отъ истины и удаляютъ отъ пути Божія». «Четьи-Минеи» и «Прологи», говорятъ хлысты, по свидѣтельству священника Сергѣева, облыгаютъ святыхъ угодниковъ. Изъ разныхъ дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ видно, что эти сектаторы зовутъ библію — «хлопотницей», и говорятъ, читать ее—значитъ подвергать себя опасности сумасшествія. Не оттуда ли идетъ народное, повсемѣстное почти повѣрье о томъ, что кто библію читаетъ, тотъ съ ума сойдетъ, «библіи зачитается»?

въ духѣ“, то-есть въ состояніи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ послѣ круженія и скачекъ на „радѣніяхъ“ *).

„Господь Саваоѳъ“ Данила Филипповичъ далъ людямъ божьимъ двѣнадцать заповѣдей:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣсть другого бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмельного не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и сквернословія **) не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдетъ, тому копейку положатъ на томъ свѣтѣ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь — терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молите.

12. Святому Духу вѣрьте ***).

Эти заповѣди „Саваоѳа“ Данилы Филипповича послужили, какъ увидимъ, основаніемъ и скопческаго ученія. „Отецъ искупитель, царь израильскій, христосъ Петръ Ѳедоровичъ“ (такъ зовутъ бѣлые голуби основателя секты своей, крестьянина Кондратья Селиванова) говорилъ, что пришелъ онъ не старые законы разорять, но забытые возстановить и восполнить ихъ ученіемъ „огненнаго крещенія“, то-есть оскопленія.

---

*) Слово «радѣніе» у хлыстовъ и скопцовъ употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ старанія, усердія, заботы, но въ смыслѣ радѣнія къ Богу, то-есть усердія соединиться съ Нимъ посредствомъ особыхъ тѣлодвиженій, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Въ «Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка» В. И. Даля (III — 4) это слово объяснено такъ: «радѣть» у скопцовъ, хлыстовъ и прочихъ — отправлять свое богослуженіе съ верченьемъ; «радѣніе» — молитва въ сборѣ радѣющихъ (созерцательныхъ) толковъ; «радѣтель», «радѣльникъ», «радѣльщикъ» — радѣющій хлыстъ, скопецъ».

**) Подъ «скверными словами» хлысты разумѣютъ извѣстныя русскія ругательства, подъ «сквернословіемъ» — упоминаніе словъ: дьяволъ, чортъ, бѣсъ и т. п.

***) Сказаніе о Данилѣ Филипповичѣ и заповѣди его заимствованы изъ формальнаго дѣла, производившагося въ 1845 и 1846 годахъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ корабля пророка Василія Евграфова.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія „Господа Саваоѳа“ на гору Городину, разсказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ *). Родился онъ въ тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Максаковѣ, отъ богородицы Арины Нестеровны („родился духовно“, то-есть обращенъ ею въ секту людей божьихъ). Ей было уже сто лѣтъ, какъ она родила, то-есть обратила въ секту, христа Ивана Тимоѳеевича. Ему же было тогда тридцать лѣтъ. Онъ былъ позванъ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ въ Кострому. Въ деревнѣ Старой верховный гость „далъ ему божество“, сдѣлалъ Суслова „живымъ богомъ“. Для того онъ три дня сряду, при свидѣтеляхъ, возносилъ Ивана Тимоѳеевича съ собою на небеса. Послѣ того, по велѣнію отца своего, превышняго бога Данилы Филипповича, сынъ божій христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ возвратился въ свои мѣста на берега Оки. Однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ его было село Павловъ-Перевозъ (нынѣ извѣстное своею слесарною и ножевою промышленностью село Павлово, Горбатовскаго уѣзда). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ распространялъ ученіе отца своего верховнаго гостя, заключающееся въ двѣнадцати заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась „богинею“, дочерью „живого бога“ и „богородицей“. По свидѣтельству святого Дмитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландеха, посадскаго человѣка дочь **). Кромѣ богородицы, по свидѣтельству того же святителя, были у Ивана Тимоѳеевича и двѣнадцать апостоловъ.

Когда „истинная вѣра людей божьихъ“ отъ проповѣди христа Ивана Тимоѳеевича съ его богородицей и апостолами стала распространяться, дошло о томъ, по сказаніямъ хлыстовъ, до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его велѣнію, Ивана Тимоѳеевича схватили и съ сорока учениками привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному-де ему было дано столько ударовъ кнутомъ, сколько всѣмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ. Но судьи ни отъ него ни отъ учениковъ ничего не узнали. Никто изъ нихъ слова не проронилъ о томъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патріарху Никону, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, и ему не открыли тайны ни христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ ни ученики его. Передалъ ихъ царь Мо-

*) Когда хлыстамъ или скопцамъ говорятъ, что Христосъ былъ и есть одинъ, они отвѣчаютъ, что вѣчный Богъ постоянно воплощается между людьми, и христы часто рождаются. И волхвы спрашивали, говорятъ они, не гдѣ Христосъ родился, а гдѣ Онъ *рождается* («Евангеліе Матѳея», II — 4), и въ церкви поется, продолжаютъ они, «Христосъ *рождается* — славите», а не «Христосъ родился». Значитъ, говорятъ хлысты и скопцы, Христосъ всегда рождается, а не однажды родился.

**) «Розыскъ», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Села Верхній и Нижній Ландехи въ Гороховскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

розову, самому ближнему своему боярину. Морозовъ будто бы понялъ святость Ивана Тимоѳеевича и уклонился отъ производства надъ нимъ розыскного дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?). Онъ въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѳеевича. Жегъ-де его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный прутъ, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь не касался христа, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѳеевичъ вышелъ ничѣмъ невредимъ. Послѣ того стали будто бы его пытать на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и распяли на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того поставлена была часовня. Когда Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ стрѣльцовъ сняла его со креста. Это было въ четвергъ, а въ пятницу схоронили его на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами. Съ субботы на воскресенье онъ воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь попрежнему онъ училъ людей божьихъ. Опять свѣдалъ-де про то царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять Ивана Тимоѳеевича въ Москву на муки. Снова былъ преданъ христосъ страшнымъ пыткамъ, снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ содрали съ него кожу, но одна изъ учениц покрыла его тѣло чистой простыней, и произошло-де чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и сынъ божій Иванъ Тимоѳеевичъ остался ничѣмъ невредимъ. Однако умеръ и во второй разъ на крестѣ, и во второй разъ воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ пріобрѣлъ еще болѣе послѣдователей. Они звали его „стародубскимъ христомъ“. Молва усиливалась, и Сусловъ въ третій разъ былъ взятъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и въ третій разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время, какъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало-быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если царь освободитъ отъ мукъ Ивана Тимоѳеевича. Царь велѣлъ освободить его.

Съ тѣхъ поръ сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ спокойно проживалъ въ Москвѣ, тайно распространяя ученіе людей божьихъ (стало-быть, до 1702 года). Московскій „домъ божій“, устроенный имъ по подобію костромского „Горняго Іерусалима“, находился за Сухаревой башней, на мѣстѣ, принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и былъ названъ „Новымъ-Іерусалимомъ“. Сюда-то въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ „возлюбленному сыну своему“ Ивану Тимоѳеевичу господь саваоѳъ, верховный гость Данила Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1846 года, какъ святыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ. По разска-

замъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Данила Филипповичъ, послѣ долгаго радѣнія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый-Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данилы Филипповича, Иванъ Тимоѳеевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, ибо на хлыстовъ обратило вниманіе правительство.

Пятнадцать лѣтъ Сусловъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ. Удостовѣрясь наконецъ, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый-Іерусалимъ, за Сухареву башню, и, можетъ-быть, для того, чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ „божьимъ домомъ“. Живя здѣсь, Сусловъ распространилъ свое ученіе въ московскихъ монастыряхъ, женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ; въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взялъ на небо тѣла своего, какъ отецъ его, саваоѳъ Данила Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что, будучи воплощеннымъ сыномъ божьимъ, хотѣлъ показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на землѣ. Тѣло его недолго оставалось на погостѣ Никольской церкви. Приверженцы Суслова вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ въ средѣ инокинь было уже немало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новою могилой Суслова поставленъ былъ памятникъ, надпись на немъ гласила, что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій. Около двадцати лѣтъ былъ цѣлъ этотъ памятникъ.

По смерти Ивана Тимоѳеевича мѣсто христа, сына божья, заступилъ нижегородскій стрѣлецъ Прокофій Даниловичъ Лупкинъ. Нѣкоторые хлысты утверждаютъ, что онъ былъ роднымъ сыномъ саваоѳа Данилы Филипповича. Лупкинъ былъ христомъ людей божьихъ съ 1713 года до своей смерти, случившейся въ 1732 году, похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ, рядомъ съ христомъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Жена Прокофья Лупкина, нижегородская стрѣлецкая дочь Акулина Ивановна была хлыстовскою богородицей. Сынъ ихъ Спиридонъ Прокофьевичъ, во иночествѣ (постриженъ въ Симоновомъ монастырѣ) Серафимъ, равно какъ монахи Петровскаго монастыря Филаретъ Муратинъ и Тихонъ Струковъ (оба изъ дворянскихъ фамилій), были пророками. Въ женскихъ монастыряхъ города Москвы: Рождественскомъ, Новодѣвичьемъ, Вознесенскомъ, а особенно въ Иванов-

скомъ, было много приверженницъ христовъ Суслова и Лупкина. Божій домъ былъ на прежнемъ мѣстѣ, неподалеку отъ Сухаревой башни. Въ числѣ хлыстовъ былъ одинъ изъ князей Мещерскихъ.

По сказаньямъ хлыстовъ, христосъ Прокофій Лупкинъ умеръ въ 1733 году, въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ-Іерусалимѣ. Они говорятъ. что въ день смерти Прокофья Даниловича находились у него въ собраніи всѣ его послѣдователи, что во время „корабельнаго" (общаго) ихъ радѣнія въ ихъ „святый кругъ" съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и что они вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. Попросту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, „древнее молчаніе", прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близъ Ивана Тимоѳеевича Суслова. На могилѣ его соорудили каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на немъ написали похвалу святости погребеннаго. Недолго однако оставались въ покоѣ кости Прокофья Даниловича. Предъ самою смертью его разразилась надъ его послѣдователями буря, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына и свояченицы, и сожженьемъ его уже полуистлѣвшаго тѣла чрезъ палачей.

Дѣло было такъ. Въ 1732 году къ начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, явился добровольно нѣкто Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главный притонъ подъ Каменнымъ мостомъ чрезъ Москву-рѣку. Повинившись предъ графомъ въ разбояхъ, Карауловъ объявилъ, что „есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются, цѣлуютъ у нихъ руки и, собирая деньги, имъ отдаютъ, и другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ".

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени казни ростовскаго епископа Досиѳея, пророчествовавшаго заточенной въ Суздалѣ царицѣ Авдотьѣ Ѳеодоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и, по указаніямъ разбойника Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ было захвачено семьдесятъ восемь человѣкъ. Въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агаѳья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали и, вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ, подавали рѣзаный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, иногда воду.

Впослѣдствіи открылось (собственныя признанія скопцовъ), что сія благочестивая московская инокиня была первоначальною основательницей секты „бѣлыхъ голубей“. Русское скопчество вышло изъ келій не совсѣмъ цѣломудренныхъ черницъ одного изъ знаменитѣйшихъ монастырей Москвы. „Убѣленіе“, то-есть оскопленіе, было сочувственно принято духовными особами мужескаго пола: іеромонахи Филаретъ и Тихонъ сдѣлались пособниками честныя старицы Анастасіи, а симоновскій архимандритъ, впослѣдствіи курскій архіерей Петръ, имѣлъ своимъ наперсникомъ инока — хлыста Серафима, кандидата въ христы и родного сына христа Прокофья и богородицы Акулины Лупкиныхъ. Странное явленіе представляетъ наше духовенство того времени: гоняясь за двуперстіемъ, какъ за страшною, отъ Бога отводящею ересью, оно держало подъ своимъ крылышкомъ секты изувѣрныя. Мало того, сами духовныя лица увлекались въ эти секты, за что иногда и расплачивались головами, какъ, напримѣръ, іеромонахи Высокопетровскаго московскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ.

Христа людей божьихъ, Прокофья Даниловича, во время розысковъ по доносу Караулова уже не было въ живыхъ. Мѣсто его заступилъ сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Богородица Настасья Карпова была казнена въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ въ октябрѣ 1733 года. Той же участи подверглись иноки Петровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ. Остальные публично наказаны кнутомъ и разосланы на вѣчное житье въ Сибирь и по монастырямъ. Трупы христовъ Суслова и Лупкина, по распоряженію святѣйшаго синода, были выкопаны изъ могилъ, находившихся въ Ивановскомъ монастырѣ, и сожжены за городомъ рукой палача. Но хлысты успѣли подмѣнить останки перваго христа Ивана Тимоѳеевича.

III.

Хлысты и скопцы все вышеизложенное объясняютъ третьею книгой Эздры. Господь Саваоѳъ, говорятъ они, обѣщался самъ воплотиться „и рече: се дніе грядутъ внегда приближатися начну, да посѣщу обитающихъ на землѣ“ *). И исполнилось это, продолжаютъ они, пришелъ Богъ Саваоѳъ на землю въ лицѣ верховнаго гостя Данилы Филипповича и далъ людямъ правое ученіе. Хотя оно и было дано при старомъ Христѣ (т.-е. во время воплощенія истиннаго Сына Божья), но въ теченіе времени забылось и исказилось. Затѣмъ, говорятъ хлысты, сбылось пророчество: „явится невѣста и являющися покажется, иже нынѣ крыется отъ земли“ **): явилась богородица Арина Нестеровна и чудесно родила Іисуса Христа Ивана Тимоѳеевича, по писанію: „Открыетбося сынъ мой Іисусъ“ ***). Въ первый разъ, продолжаютъ хлысты, Іисусъ

*) III Эздры, IV, 18.
**) III Эздры, VII, 26.
***) III Эздры, VII, 28.

Христосъ *родился* отъ Дѣвы Маріи, во второй разъ онъ *открылся* отъ дѣвы Арины Нестеровны *). Слова Эздры: „открыетбося сынъ мой Іисусъ съ тѣми иже съ нимъ суть и насладятся въ лѣтѣхъ четырехъ стѣхъ“ **) означаютъ, по толкованію ихъ, что „люди божьи“ наслаждались ученіемъ Іисуса на 200 радѣніяхъ, бывшихъ съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Сусловымъ, и на 200 бывшихъ съ Прокофьемъ Данилычемъ Лупкинымъ. О тѣлесной смерти послѣдняго по понятіямъ сектаторовъ предсказано Эздрою такъ: „и будетъ по лѣтѣхъ сихъ (то-есть послѣ 400 радѣній), и умретъ сынъ мой Христосъ, и вси иже дыханіе имутъ человѣцы, и обратится вѣкъ въ древнее молчаніе дній седмь, якоже въ прежнихъ судѣхъ, тако яко да никто останется“ ***). Это означаетъ, что по смерти Прокофья Лупкина „всѣ иже дыханіе имутъ“, то-есть всѣ таинственно воскресшіе, имѣющіе въ себѣ Духъ Святой и пророчествующіе, будутъ изгнаны: замолкнетъ пророчество, и настанетъ *древнее молчаніе*, какое было до пришествія на землю саваоѳа Данилы Филипповича. Согласно съ пророчествами Эздры, сіе „древнее молчаніе“ продолжалось только семь лѣтъ, по прошествіи которыхъ „разрѣшилъ уста“ третій христосъ, безъ таинственной смерти таинственно воскресшій, а за нимъ стали пророчествовать и послѣ таинственной смерти воскресшіе пророки °).

Этотъ разрѣшившій уста, во всемъ подобный Суслову и Лупкину, воскресшій безъ таинственной смерти христосъ былъ притворявшійся юродивымъ помѣщичій крестьянинъ Сѣвскаго уѣзда, села Брасова, Андрей Петровъ, жившій въ Москвѣ и принадлежавшій къ хлыстовскому кораблю, что̀ былъ въ Ивановскомъ монастырѣ °°). Онъ, по понятіямъ

---

*) Это имѣетъ таинственный смыслъ, говорятъ хлысты, и означаетъ, что Сусловъ не родился отъ дѣвы, но въ томъ „кораблѣ“ (обществѣ хлыстовъ, божьемъ домѣ), гдѣ была Арина Нестеровна богородицей, не умирая таинственною смертью, прямо родился духовно и открылся людямъ божьимъ.

**) III Эздры, VII, 28.

***) III Эздры, VII.

°) Казнь и ссылка хлыстовъ были въ 1734 году, а черезъ семь лѣтъ, по словамъ хлыстовъ и скопцовъ, въ Москвѣ *разрѣшилъ уста* новый христосъ. Значитъ, въ 1742 году снова начались въ Москвѣ сборища „людей божьихъ“ и ихъ радѣнія. Такъ оказывается и по слѣдственному дѣлу о квакерской ереси (хлыстовъ), открытой въ 1745 году въ Москвѣ, по доносу сыщика Ваньки Каина.

°°) О немъ упоминается въ пѣснѣ, сочиненной въ XVIII ст. основателемъ русскаго театра Ѳ. Г. Волковымъ для маскарада, устроеннаго на московскихъ улицахъ императрицей Екатериной II. Она начинается словами: „Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ“. Въ ней поется:

Ванька Каинъ и лжехристъ Андрюшка!
Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть.

Ванька Каинъ, подражая разбойнику Семену Караулову, предалъ хлыстовъ въ руки правосудія. Въ обществѣ того времени много было говора о Ванькѣ Каинѣ и объ открытомъ имъ лжехристѣ Андрюшкѣ. Волковъ воспользовался этимъ.

хлыстовъ, былъ христосъ сынъ божій, рожденный отъ богородицы Настасьи Карповны, то-есть принятый ею въ секту. Онъ имѣлъ домъ (все тотъ же „божій домъ", что̀ былъ при Сусловѣ и Лупкинѣ) за Сухаревой башней, о шести свѣтлицахъ (то-есть, комнатахъ), на дворѣ его была церковь, гдѣ лежали останки Ивана Тимоѳеевича, вырытые изъ могилы Ивановскаго монастыря прежде, чѣмъ палачи коснулись ея. Съ христомъ Андреемъ жили хлысты: Иванъ Ивановичъ Чечеткинъ или Бѣлый изъ крестьянъ села Ворсмы, Семенъ и Игнатій Ивановичи Шигины изъ села Павлова (оба села Горбатовскаго уѣзда), да сынъ старшаго Шигина, Василій Семеновъ. Домъ юрода былъ богато отдѣланъ; такъ, напримѣръ, въ одной комнатѣ, что̀ предъ спальней, стѣны были обиты обоями фабрики Затрапезнаго. Конечно, христосъ Андрей, бывшій всегда нищимъ, не могъ купить этого дома, и онъ достался ему другимъ какимъ-либо образомъ. Изъ слѣдственнаго дѣла 1745—1752 годовъ о квакерской ереси, открытой въ Москвѣ, видно, что этотъ христосъ былъ принимаемъ въ качествѣ „святого" и „блаженнаго" въ нѣкоторыхъ домахъ тогдашняго высшаго московскаго общества, и что нѣкоторыя знатныя барыни *), по избытку благочестивой набожности, ни въ чемъ не отказывали „блаженному юроду". Можно полагать, что поклонницы юрода Андрея, изъ благодарности за его душеспасительныя проречения, доставляли ему средства къ безбѣдной жизни и даже къ роскошному по тому времени убранству комнатъ „божья дома" у Сухаревой башни.

Когда хлысты были открыты (въ 1745 г.), въ приворотной свѣтелкѣ, гдѣ жили Чечеткинъ и Шигины, по указанію Ваньки Каина, найденъ былъ трупъ, незадолго предъ тѣмъ зарытый въ землю возлѣ печки. При осмотрѣ трупа нельзя было заключить, къ какому полу онъ принадлежитъ, но по обстоятельствамъ стало ясно, что это былъ трупъ Ивана Тимоѳеевича Суслова, похищенный хлыстами изъ могилы въ Ивановскомъ монастырѣ, когда, вслѣдствіе синодальнаго распоряженія, трупы обоихъ христовъ велѣно было вырыть и сжечь чрезъ палача. При домѣ христа Андрея Петрова, какъ мы сказали, была построена деревянная церковь; утварь, иконы и книги ея были конфискованы въ 1745 году при арестованіи христа Андрея и переданы въ московскую контору святѣйшаго синода. Въ домѣ юрода Андрея вмѣстѣ съ нимъ жилъ капитанъ Смурыгинъ, тоже хлыстъ, который въ 1745 году ѣздилъ вмѣстѣ съ Андреемъ въ Петербургъ и тамъ заказалъ семь парчевыхъ покрововъ на мощи святыхъ. Онъ показалъ, будто заказывалъ эти покровы на мощи новгородскихъ угодниковъ, почивающихъ въ Софійскомъ соборѣ и въ монастыряхъ Хутынскомъ и Антоньевѣ, но на самомъ дѣлѣ эти покровы были дѣланы для тѣла Ивана Тимоѳеевича, стоявшаго въ

---

*) Большею частью старушки; но были и молодыя, которымъ пришлась по вкусу любовь юрода. Обходимъ молчаніемъ ихъ родословныя имена. Любопытные найдутъ ихъ въ подлинномъ дѣлѣ о квакерской ереси.

церкви, построенной на дворѣ христа Андрея. Покровы у капитана Смурыгина были отобраны въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при его арестѣ *).

Дѣло продолжалось долго: не ранѣе 1752 года Шигины и другіе хлысты, по наказаніи кнутомъ, сосланы были въ Сибирь, въ Рогервикъ и иныя мѣста. Что касается христа Андрея, о немъ разнеслась молва, будто онъ умеръ еще во время производства слѣдствія о „квакерской ереси". Но впослѣдствіи это оказалось несправедливымъ. Вѣроятно, знатныя и сильныя своимъ богатствомъ, родственными связями и положеніемъ въ обществѣ почитательницы Андрея Петровича похлопотали о сохраненіи драгоцѣнной для нихъ жизни. Не знали онѣ, какимъ ремесломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ займется ихъ милый дружокъ „святой-блаженный юродъ".

Черезъ нѣсколько лѣтъ между хлыстами явился начальникъ и отецъ секты скопцовъ. Стали его называть императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты и особенно скопцы, „открылся Вышній на престолѣ суда" **), т.-е. безъ таинственной смерти, подобно Суслову, Лупкину и Андрею Петрову, таинственно воскресъ „сѣдящій на престолѣ царскаго суда", государь Петръ Ѳедоровичъ. Онъ не родился, говорятъ скопцы, но, подобно Ивану Тимоѳеевичу, открылся духовно отъ пренепорочныя дѣвы императрицы Елизаветы Петровны, оставившей престолъ и жившей въ Орловской губерніи подъ именемъ Акулины Ивановны. Петръ III, по мнѣнію скопцовъ и нѣкоторыхъ хлыстовъ, живетъ и понынѣ въ Иркутской странѣ, на морѣ, гдѣ солнце восходитъ. Они иногда зовутъ его *иркутскимъ искупителемъ* (оскопителемъ ***). Теперь никто не можетъ его видѣть, говорятъ они, до грознаго дня страшнаго суда, для совершенія котораго онъ вскорѣ явится. О невозможности теперь его видѣть сказано было, говорятъ скопцы, и въ св. писаніи: „не можетъ кійждо видѣти на земли сына моего или тѣхъ, иже съ нимъ суть, токмо во время дне" °), то-есть когда придетъ

Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ, со прощеньемъ,
Со небесными дарами °°),

когда взойдетъ въ Москву и зазвонитъ въ царь-колоколъ, что на колокольнѣ Ивана Великаго... Тогда пойдутъ за нимъ люди полки полками, и придетъ онъ въ Петербургъ и, возсѣвъ на царскомъ престолѣ, сотво-

*) «Дѣло о квакерской ереси, открытой въ 1745 году. Дѣла канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ».

**) III книга Эздры.

***) Нѣкоторые хлысты говорятъ, что онъ находится въ Турціи.

°) III книга Эздры.

°°) Пѣсня хлыстовъ и скопцовъ, начинающаяся словами: «Благослови, Вышній Творецъ».

ритъ страшный судъ надъ всѣми земными племенами *). Тогда-то наступитъ нескончаемое царство Христа по духу, „тогда пройдутъ бѣды и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не возобладаютъ“ **).

IV.

Чѣмъ болѣе было собираемо свѣдѣній о вѣрованіяхъ и обрядахъ хлыстовъ, тѣмъ болѣе было находимо въ нихъ до того рѣзкихъ противорѣчій, что нельзя было не придти къ убѣжденію, что ересь людей божьихъ съ теченіемъ времени распалась на многіе разнообразные толки. Иначе и быть не могло въ сектѣ фанатической, гдѣ все зависитъ отъ повелѣнія людей, пользующихся безусловною покорностью приверженцевъ и находящихся въ восторженномъ состояніи, весьма недалекомъ отъ сумасшествія. Если квакерское ученіе, систематически изложенное и содержимое людьми болѣе или менѣе образованными, распалось на секты, какъ же было не распасться нашей доморощенной хлыстовщинѣ, содержимой преимущественно безграмотными мужиками и не имѣющей не только систематическаго изложенія, но даже ничего почти писаннаго? Пророкъ людей божьихъ Василій Радаевъ (лично мнѣ извѣстный), послѣ родоначальника скопцовъ Кондратья Селиванова, былъ едва ли не первымъ и не единственнымъ хлыстовскимъ писателемъ.

Никакой раскольничій толкъ не узнаётся съ такими затрудненіями, какъ ересь людей божьихъ и происшедшія изъ нея скопческая и лазаревщинская. Содержащіе которое-либо изъ этихъ ученій, вступая въ ересь, даютъ страшныя клятвы никогда никому не открывать ея таинствъ и скорѣе тѣло свое отдать на раздробленіе, чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-либо изъ слышаннаго или видѣннаго въ „кораблѣ“, собирающемся гдѣ-нибудь въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, въ часъ полуночный. Притомъ не всякій сектаторъ и допускается на всѣ таинственныя собранія, не всякому извѣстно все относящееся до обрядовъ и вѣрованій его общины. Долго испытываютъ новобранца, пока наконецъ, увѣрившись, не начнутъ мало-по-малу раскрывать предъ нимъ таинственную завѣсу, подъ которою старшины общества тщательно стараются скрыть внутреннее устройство своего „корабля“.

Представляю обозрѣніе хлыстовской ереси безъ различія сектъ. Обозрѣніе мое не стройно, въ немъ встрѣтятся, можетъ-быть, и противорѣ-

---

*) Пророкъ людей божьихъ Никифоръ Михайловъ Майданскій, при допросѣ въ маѣ 1850 года, показалъ: «Искупитель грядетъ отъ страны Иркутской, ударитъ въ большой московскій успенскій колоколъ, и пойдутъ за нимъ люди полки полками, и придетъ въ Петербургъ сдѣлать тамъ страшный судъ» («Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ» 1850 г.). О страшномъ судѣ, какъ понимаютъ его «бѣлые голуби», подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

**) III Эздры, VII, 33, 34 и 35.

чія, но, представляя, что̀ стало мнѣ извѣстно, не смѣю дозволить себѣ, для большей стройности изложенія или ради избѣжанія противорѣчій, что-либо переиначивать.

Говоря о тайныхъ сектахъ, надо указать источники, на которыхъ основываются представляемыя публикѣ свѣдѣнія. Письменные источники перечислены въ предисловіи къ этой статьѣ, но мнѣ приводилось изучать хлыстовскую и скопческую ереси не по однѣмъ бумагамъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ сектаторами лицомъ къ лицу и притомъ въ двоякомъ положеніи: и въ качествѣ лица официальнаго и частнымъ человѣкомъ, пріобрѣтшимъ до нѣкоторой степени довѣріе нѣкоторыхъ изъ людей божьихъ. Первый разъ я узналъ хлыстовъ въ 1850 году. Тогда были открыты они въ селахъ Мотовиловѣ и Волчихѣ, Арзамасскаго уѣзда. Я былъ тогда въ Арзамасѣ, ревизуя городское хозяйство Нижегородской губерніи по порученію министра внутреннихъ дѣлъ. Желая поближе ознакомиться съ хлыстами, испросилъ я у тогдашняго губернатора, князя М. А. Урусова, дозволеніе находиться при допросахъ, производимыхъ въ особой слѣдственной коммиссіи. Тутъ я имѣлъ возможность познакомиться съ сочиненіями *таинственно воскресшаго* Василія Радаева, съ его письмами къ священнику села Мотовилова Минервину, имѣлъ случай говорить съ самимъ Радаевымъ, тридцатипятилѣтнимъ, красивой наружности крестьяниномъ, выдававшимъ себя за вмѣстилище Святого Духа, а также и съ другими хлыстами. Радаевъ былъ въ то время до того самообольщенъ, что писалъ къ священнику Минервину: „Не можешь ты понимать премудрости Св. Духа, во мнѣ находящагося, такъ призови меня къ себѣ, давай бесѣдовати сутки, мало—двое, трое“ *). Глядя на Радаева, и покорные волѣ его ученики говорили, не скрываясь. Но острогъ, это училище правовѣдѣнія для простонародья, гдѣ на первыхъ же порахъ объяснятъ туда попавшемуся, за какое преступленіе какое полагается наказаніе, и всякаго научатъ, что самое вѣрное средство (при старомъ судопроизводствѣ) для избѣжанія наказанія состоитъ въ словахъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, — острогъ въ короткое время научилъ Радаева и учениковъ его обратиться, говоря хлыстовскимъ языкомъ, *въ древнее молчаніе*. Я успѣлъ однако поговорить съ ними, пока еще они „разрѣшали уста“, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ велъ подробныя записки. Незадолго предъ тѣмъ, именно въ декабрѣ 1849 года, была открыта хлы-

*) Письма находились при слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Въ 1854 году я довелъ о нихъ до свѣдѣнія бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова, при которомъ состоялъ по службѣ, и они были вытребованы въ Петербургъ. Вскорѣ министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило ихъ къ оберъ-прокурору св. синода, а онъ покойному митрополиту Григорію, бывшему тогда казанскимъ архіепископомъ. Преосвященный Григорій отдалъ ихъ въ казанскую духовную академію, гдѣ, по всей вѣроятности, они и донынѣ хранятся. У меня есть снятая съ нихъ копія.

стовская ересь въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Преосвященный нижегородскій Іаковъ, получивъ объ этомъ донесеніе предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, послалъ для собранія свѣдѣній объ этихъ сектаторахъ одно довѣренное лицо, меня же просилъ составить изъ его показаній записку и прислать ее въ Петербургъ. Но посланный воротился въ Нижній, когда преосвященнаго уже не было на свѣтѣ. Составленная записка осталась у меня. Впослѣдствіи имѣлъ я случаи покороче узнать нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ ересямъ хлыстовской и скопческой. Скопцы скрытны, но хлыстъ, если увѣрится, что бесѣдующій съ нимъ „въ понятіи состоитъ", какъ онъ выражается, бываетъ довольно откровененъ. Вотъ какимъ образомъ удалось мнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ проникнуть въ нѣкоторыя „тайности" ересей хлыстовской и скопческой. Архивныя бумаги и разныя записки дополнили мой запасъ свѣдѣній *).

V.

Такъ-называемыя „пророчествующія" или „созерцательныя" ереси (хлысты, скопцы и другія) основаны на ученіи о *таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи* **). Подъ именемъ таинственной смерти они разумѣютъ состояніе полнаго безстрастія и святости. Хлысты, составляющіе первоначальный толкъ пророчествующихъ ересей, такъ излагаютъ свое ученіе:

Назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и есть мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе грѣха прародительскаго, исполненіе божескаго приговора надъ первымъ преступникомъ: „Земля еси

---

*) Въ то время, когда я занимался изслѣдованіями о хлыстахъ и скопцахъ въ Россіи, не имѣя никакого понятія о хлыстахъ и скопцахъ заграничныхъ, съ сими послѣдними находился въ близкихъ сношеніяхъ В. И. Кельсіевъ, когда, оставивъ Герцена, жилъ онъ въ Молдавіи. Въ прошломъ 1868 году г. Кельсіевъ былъ въ Москвѣ, и у насъ съ нимъ было немало разговоровъ о раскольникахъ, хлыстахъ и скопцахъ. Оказалось, что, не зная другъ друга и изслѣдуя хлыстовщину и скопчество въ разныхъ мѣстностяхъ, мы пришли совершенно къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

**) Священникъ Минервинъ, долго убѣждавшій Радаева оставить свое самообольщеніе и получавшій отъ него письма, словомъ, хорошо вникшій въ его ученіе, такъ пишетъ: «Ученіе Радаева состоитъ въ чистотѣ, самоотверженіи, преданности и уничиженіи, что̀ называетъ онъ «таинственною смертью», а самъ себя назвалъ или представилъ «таинственно воскресшимъ», такъ какъ онъ уже прошелъ всѣ степени самоотверженія, преданности и уничиженія. Законъ и церковь его обязать уже ничѣмъ не могутъ, хотя они и ведутъ къ Богу, но онъ уже достигъ въ мѣру духовнаго совершенства и пришелъ къ нему» («Сообщеніе священника Минервина» чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотяинцеву, 30-го мая 1850 года).

и въ землю отыдеши". Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи своей воли, себялюбія и гордости, въ умерщвленіи плоти, въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За сею смертію слѣдуетъ „погребеніе о Христѣ", то-есть отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя какъ въ могилу. Въ тайникѣ всякой души есть „начатокъ Духа Божія", говорятъ хлысты, и если кто таинственно умретъ и „спогребется Христу крещеніемъ въ смерть", то-есть по предуготовительномъ умерщвленіи воли и плоти низойдетъ въ самого себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутреннее слово Духа Божія, говорящее въ немъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое „внутрь насъ есть". Кто услышитъ въ себѣ этотъ голосъ „внутренняго евангелія", тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается „храмомъ Божьимъ, и Духъ Божій живетъ въ немъ", съ той минуты онъ „умершій (таинственно) оправдится отъ грѣха", сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему какъ „праведнику законъ не лежитъ", тогда онъ „нѣсть во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ немъ" *).

*) Такъ учила принадлежавшая къ хлыстовщинѣ и считающаяся основательницей секты «лазаревщина», Арина Лазаревна, настоятельница Зеленогорской общины (въ Нижегородскомъ уѣздѣ), умершая въ 1841 году (на самомъ дѣлѣ первымъ проповѣдникомъ этой секты, называемой также «фарисейскою» и «богомолами», былъ крестьянинъ деревни Черетева, Муромскаго уѣзда, Дмитрій Бодростинъ, умершій лѣтъ сорокъ тому назадъ). Арина Лазаревна была изъ Мордвы, ее считали святою. Слушать ея пророчества и за совѣтами пріѣзжали къ ней многіе православные, и она успѣвала увлекать за собой не только крестьянъ, но даже нѣкоторыхъ лицъ изъ дворянства и духовенства. Совѣтникъ нижегородскаго губернскаго правленія Ларіоновъ, помощникъ управляющаго удѣльной конторы Виноградовъ, благочинный села Ревезени священникъ Аѳанасій и архіерейскій духовникъ инокъ Дамаскинъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлались послѣдователями ученія Арины Лазаревны. Изъ нихъ благочинный до такой степени увѣровалъ въ святость ея воли, что когда она, умирая, завѣщала гробъ съ своимъ тѣломъ вынести изъ кельи не въ дверь, а въ окошко, онъ въ ризахъ полѣзъ предъ гробомъ въ окно, но, будучи тученъ, завязъ. Въ 1842 году, уже по смерти Арины Лазаревны, секта была открыта. Ученіе ея изложено въ особой рукописи. Послѣдователи этой секты не вѣрятъ въ христовъ и въ иркутскаго искупителя. Они не признаютъ и того, что въ таинственно воскресшаго вселяется самъ Богъ, но говорятъ, что такой человѣкъ озаряется особенною благодатью Божьей, которая даруетъ ему силу творить чудеса и пророчествовать, но что эта благодать тотчасъ же оставляетъ человѣка, какъ скоро онъ подвергнется грѣху, особенно же если онъ нарушитъ цѣломудріе. Вѣрованія ихъ о безплотныхъ духахъ такія же, какъ и у хлыстовъ: они говорятъ, что ангелы не были сотворены безплотными, но суть души отжившихъ людей (то же говоритъ и шведскій мистикъ и духовидецъ Сведенборгъ). Ангелы — души людей праведныхъ, дьяволы — души людей грѣшныхъ, и тѣ и другіе имѣютъ сношенія съ здѣшнимъ міромъ. Какъ на землѣ люди двухъ половъ, такъ и ангелы и дьяволы двухъ половъ. Ангелъ женскаго пола есть тайная милостыня, дьяволы женскаго пола приносятъ людямъ болѣзни, старшая изъ нихъ, Иродіада, падчерица царя Ирода, наноситъ самыя мучительныя ли-

Вотъ основныя начала ученія „людей Божьихъ", сходныя съ началами ученія квакерскаго. Это-то ученіе, свободное отъ безобразной примѣси изувѣрства, до котораго дошли нѣкоторые хлыстовскіе „корабли" (общины), и увлекаетъ отъ времени до времени въ хлыстовщину людей набожныхъ и благочестивыхъ, но недальнихъ разумомъ, увлекаетъ даже людей образованныхъ, склонныхъ къ мистицизму, какъ, напримѣръ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ увлекло оно министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора синода князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника В. М. Попова, Тургенева, генерала-отъ-инфантеріи Головина съ его женою, статскаго совѣтника Пилецкаго, князя Енгалычева, инженеръ-капитана Буксгевдена, коллежскаго асессора Родіонова, камергера Елянскаго, баронессу Буксгевденъ, статскую совѣтницу Татаринову, помѣщика Дубовицкаго и многихъ другихъ лицъ петербургскаго образованнаго общества. Но мистическое ученіе о таинственной смерти, перешедшее въ толпу людей необразованныхъ, большею частью даже неграмотныхъ, поддерживаемое юродивыми и блаженными, содержимое изувѣрами и суевѣрами, не могло не усвоить дикихъ формъ бѣшенаго фанатизма, противныхъ истинной религіи, здравому смыслу и доброй нравственности.

Для объясненія чудовищности ереси „людей божьихъ" достаточно изобразить *таинственно-воскресшаго пророка*, этой степени, къ достиженію которой стремится все принадлежащее къ такъ-называемымъ пророчествующимъ ересямъ.

Таинственно-воскресшій, взамѣнъ умерщвленной имъ воли, получаетъ волю божественную. Въ него вселяется Святой Духъ, и съ этой

хорадки. Православную церковь послѣдователи лазаревщины, такъ же, какъ скопцы и хлысты, признаютъ *внѣшнею*, а свою — *внутреннею* или *апостольскою*. Для спасенія нужно пребывать и въ той и въ другой, говорятъ послѣдователи Арины Лазаревны. Милостыни должны быть непремѣнно тайныя. Позволительно украсть у богатаго, чтобы помочь бѣдняку. На бесѣдахъ *внутренней* церкви послѣдователи Арины Лазаревны читаютъ и толкуютъ книги духовнаго содержанія, поютъ псалмы, читаютъ поученія и, приходя въ изступленное состояніе (безъ плясокъ или радѣній), пророчествуютъ и разсказываютъ про разныя видѣнія. О таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи думаютъ одинаково съ хлыстами. Изъ дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ видна связь съ ними Арины Лазаревны. Пророкъ Никифоръ Майданскій показалъ: «Благочинный села Ревезени отецъ Аѳанасій и Арина Лазаревна еще прежде Радаева дѣлали мнѣ такія же наставленія. Ученье Арины Лазаревны состояло въ ученіи о тайной милостыни, она говорила, что это ангелъ женскаго пола. Она (Арина Лазаревна) показывала мнѣ семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня черезъ трубочку. Арина Лазаревна учила и тому, что явная милостыня до Бога не доходитъ, и что въ случаѣ неимѣнія чего подать, должно украсть у богатаго и подать. Вслѣдствіе сихъ ученій сдѣлалось доступно и мнѣ видѣть эти небеса и трубочку, черезъ которую доходитъ тайная милостыня». Никифоръ Майданскій былъ на похоронахъ Арины Лазаревны и тоже лѣзъ за нею въ окошко.

минуты, что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ, не онъ дѣлаетъ, не онъ говоритъ, но самъ живущій въ немъ Богъ. Поэтому всѣ велѣнія такого человѣка исполняются прочими съ безусловною покорностью, со слѣпою вѣрой, какъ велѣнія самого Бога. Если онъ, какъ это часто бываетъ у хлыстовъ, дурачится, прикидывается юродивымъ, во всѣхъ его дурачествахъ, во всѣхъ его соблазнахъ видятъ какую-то особенную премудрость Божію, которая хотя не умершимъ еще о Христѣ и непонятна, но во всякомъ случаѣ требуетъ благоговѣйнаго подражанія и исполненія, „зане буее Божье — премудрѣе человѣкъ есть“ *). Дѣлаетъ таинственно воскресшій пророкъ самый безнравственный поступокъ, противный правиламъ самой ереси, и въ такомъ случаѣ смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, и въ такомъ случаѣ въ поступкѣ его видятъ особыя, невѣдомыя простому смертному тайны божественнаго смотрѣнія. „Хотя Радаевъ и прелюбодѣй,—говорили арзамасскіе хлысты при допросахъ:—но отъ того соблазна другимъ не бывало, ибо онъ въ этотъ грѣхъ впадалъ не по своей волѣ, а по волѣ Святого Духа“ **). Велитъ онъ сдѣлать преступленіе, какого бы рода оно ни было, безъ размышленія оно совершается, какъ повелѣніе самого Бога. И никто не смѣетъ подумать, что совершено преступленіе, ибо не пророкъ повелѣлъ совершить его, а самъ Богъ, не преступленіе совершено, но исполнена святая воля Божья.

Состояніе таинственно-воскресшаго, по понятіямъ хлыстовъ, исполнено высочайшей степени блаженства, такъ что ни на землѣ ни на небесахъ нѣтъ ничего ему подобнаго. Онъ, какъ вмѣстившій въ себя Духа Святого и сдѣлавшійся богочеловѣкомъ, наслаждается тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждается само божество: сила его равна силѣ самого Бога. „Если бы послали меня во адъ,—писалъ Радаевъ:—и тамъ никакая сила не можетъ меня коснуться, хотя бы и въ рай, и тамъ больше радости не встрѣчу“ ***). Эта сила всемогущества, которую получаетъ таинственно-воскресшій, не знаетъ никакихъ преградъ и препонъ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. „Душа моя поставлена въ состояніе апостольское,—говорилъ Радаевъ въ письмѣ своемъ къ священнику Минервину:—замѣняетъ мѣсто Христово; сія-то душа надѣ-

---

*) Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина», говоритъ: «Учители (хлыстовъ) не только не стыдятся своего невѣжества, но и за честь себѣ поставляютъ называть себя «некнижными рыбарями, безграмотными архіереями, Духомъ Святымъ просвѣщенными и самимъ Богомъ умудренными», а пророки и пророчицы—«безграмотными попами». Про нихъ сказано, говорятъ они, въ самомъ евангеліи: «исповѣдуюся Тебѣ, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси сія вся отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси младенцамъ. Ей, отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою».

**) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Ивана Жигалева и другихъ.

***) «Посланіе Радаева къ священнику Минервину».

ляется властію столь великою, что и повѣрить вамъ даже сомнительно, потому что она творитъ то же, что̀ и Христосъ. Я могу свидѣтельствовать о себѣ, и свидѣтельство мое истинно есть“ *). Онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее посредствомъ живущаго въ немъ Духа **). Онъ проникаетъ своимъ взоромъ въ седьмое небо ***). Онъ влечетъ къ себѣ людей не только словомъ, но и таинственною силой, ему данной °). На людей онъ низводитъ Духъ Святой °°) и по своему усмотрѣнію одному даетъ златые вѣнцы, другого вселяетъ въ небесный горній Іерусалимъ, третьяго дѣлаетъ серафимомъ и даетъ ему шесть огненныхъ крылъ °°°). Онъ властенъ возводить души изъ ада

*) «Посланіе Радаева къ священнику Минервину».

**) О чудесахъ своихъ Радаевъ говорилъ слѣдующее: «У Ивана Васильева Мухи была сестра, которая, собираясь въ путь, пришла ко мнѣ проститься; я ей сказалъ: «потише, пупокъ лопнетъ!», она пошла и на дорогѣ умерла. Я пришелъ къ Мухѣ и сталъ перебирать лучины въ рукахъ, одну воткнулъ въ полъ и сказалъ: «Иванъ Васильевъ одинъ останется», и черезъ четыре дня жена его умерла. На Ваду (село Арзамасскаго уѣзда, гдѣ много хлыстовъ) хворала женщина, ее зовутъ Настасья Пашкова, я пришелъ къ ней, къ хворой, попросилъ у ней квасу, и когда она сказала, что сама не можетъ идти, я велѣлъ ей хоть ползти, да самой принести, когда же она принесла квасъ, я взялъ его, перекрестилъ и далъ ей выпить; на другой день она стала здорова» («Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ»).

***) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Никифора Майданскаго: «Арина Лазарева (основательница ереси лазаревщины) показывала семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня черезъ трубочку... а потомъ и мнѣ стало доступно видѣть эти небеса и трубочку». Радаевъ сказалъ, что такія же видѣнія случались и съ нимъ. По этой трубѣ, которая идетъ отъ земли до седьмого неба, сойдетъ, по мнѣнію хлыстовъ, на землю предъ Страшнымъ судомъ господь саваоѳъ Данила Филипповичъ. Они ссылаются при этомъ на «Посланіе къ Солунянамъ» IV, 16: «Самъ Господь... въ трубѣ Божіи снидетъ съ небеси». И у хлыстовъ, и у скопцовъ, и у лазаревщины одно понятіе, что небесъ семь (хотя апостолъ Павелъ говоритъ только о трехъ: II Посл. къ Коринѳ., XII, 2). У хлыстовъ есть пѣсня, которая начинается такъ:

Сокатала матушка, пречистая Богородица,
Сокатала царица Акулина Ивановна,
Сокатала на землю со седьмого неба.

°) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Василія Радаева, мая 29-го 1850 года: «Духъ, во мнѣ находящійся, имѣетъ влеченіе ко мнѣ привязывать и притягивать людей, и въ доказательство могу привести то, что однажды шелъ я по дорогѣ изъ Волчихи въ Кріушу, вдругъ Духъ Божій остановилъ меня, и я стоялъ долго, какъ вкопаный. Сестра жены брата моего жала въ то время хлѣбъ и была такъ далеко, что видѣть меня не могла, но вдругъ оттолѣ привлекло ее ко мнѣ, и она заревѣла и говорила, что при всемъ усиліи противиться Духу она не смогла. Я ее успокоилъ и отпустилъ».

°°) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе пророка Никифора Майданскаго: «на нашемъ золотомъ кораблѣ кормчій Василій Радаевъ; онъ низвелъ на меня Духъ Святой».

°°°) Радаевъ писалъ къ хлысту Лобанову: «Рабъ Божій Іоаннъ, пекись

въ рай, и когда придетъ изъ Иркутска искупитель со страшнымъ судомъ *), таинственно-воскресшій раздвинетъ всѣхъ близкихъ къ нему, сядетъ подлѣ христа и станетъ судить свой „корабль", кого куда **). Земной власти надъ нимъ не существуетъ. „Духъ Святой,— писалъ Радаевъ:—поставилъ меня выше всякаго начала и власти" ***). Какъ будто истинный богочеловѣкъ, онъ, входя въ православную церковь, изгоняетъ оттуда тѣхъ, которые, по его мнѣнію, недостойны стоять предъ Богомъ °). Всѣ правители, всѣ цари земные — рабы его. Не онъ подлежитъ ихъ суду, но они его, ибо онъ Богъ, а они его созданія. Этого мало, даже на небѣ нѣтъ надъ нимъ власти. „Богъ на меня не гнѣвается,—писалъ Радаевъ:—я все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, уже исполнившій волю отца и за то имѣющій во всемъ свою волю. На мнѣ отецъ уже взыскать ничего не хочетъ, да и не можетъ" °°).

Таково состояніе таинственно-воскресшаго °°°). Непогрѣшимость папы, божественность далай-ламы, хутухтъ и хубильхановъ ничто въ сравненіи съ непогрѣшимостью и божественностью хлыстовскаго или скопческаго христа или пророка! Это нѣчто въ родѣ „старца горы",

---

о умноженіи и о распространеніи братства нашего, особенно влеки молодыхъ дѣвушекъ: любитъ ихъ Богъ, и если онѣ отъ чистаго сердца послѣдуютъ мнѣ, то я имъ приготовлю славные вѣнцы, тебѣ же великій горній Іерусалимъ. Евгеніи (дѣвушка шестнадцати лѣтъ) шесть серафимскихъ крыльевъ, и лицо ея просвѣтится яко солнце». Дѣвка Евгенья Круглова показала при допросѣ, что Радаевъ велѣлъ ей уступить его желаньямъ, говоря, что это должно сдѣлать по волѣ Божьей, а не по его, ибо онъ своей воли не имѣетъ, «за что обѣщалъ мнѣ огненныя крылья, чему я вѣрю».. «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ».

*) Что подъ именемъ христа арзамасскіе хлысты, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, разумѣли иркутскаго искупителя, видно изъ показанія пророка Никифора Майданскаго.

**) Радаевъ говорилъ своимъ односельцамъ: «Я имѣю власть вязать и рѣшать, возводить грѣшныя души изъ ада и давать имъ царство небесное, и если вы попросите меня придти на кладбище и поклонитесь всѣмъ селомъ, то всѣхъ покойниковъ, во адѣ находящихся, введу въ царство небесное, а когда настанетъ страшный судъ, то я раздвину всѣхъ близкихъ ко Христу, сяду около него и стану судить васъ (то-есть собранныхъ на радѣніи), кого куда». Показанія хлыста Лобанова и другихъ въ Слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ».

***) «Посланіе Василія Радаева». Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотяинцеву, 30-го мая 1850 г.

°) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Василія Радаева 29-го мая 1850 г.: «Одинъ разъ въ церкви, противъ дѣвушки Устиньи стояла вдова, къ которой она, Устинья, имѣла вражду, почему и чувствовала въ сердцѣ своемъ сильную на нее злобу. Вдругъ все это мнѣ открылъ Духъ Святой, и я вывелъ ее изъ церкви па паперть и сказалъ: «Устинья, такъ въ церкви стоять не подобаетъ».

°°) «Посланіе Василія Радаева». Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотяинцеву отъ 30-го мая 1850 года.

°°°) Значеніе таинственно-воскресшаго пророка изображено въ одной

начальника секты ассасиновъ, бывшихъ въ Сиріи во времена крестовыхъ походовъ. Если бы кормчій какого-нибудь „корабля“, въ припадкѣ бѣшенаго самообольщенія, вздумалъ отринуть всѣ доселѣ содержимыя хлыстами правила и самыя пророчества, сейчасъ на радѣніяхъ сказанныя, самую такъ-называемую „Книгу животную“, сказавъ, что все это больше не спасительно, ученики его въ ту же минуту признали бы это за „волю Божью“.

Такова власть, находящаяся въ рукахъ „кормщиковъ“ хлыстовскихъ и скопческихъ кораблей. Такъ безпредѣльна покорность предъ ними вѣрующихъ въ божественность ихъ духа. Было бы излишне доказывать, что такіе сектаторы не могутъ быть терпимы въ государствѣ благоустроенномъ.

Вся цѣль людей, принадлежащихъ къ пророчествующимъ сектамъ, состоитъ въ достиженіи апотеозы таинственно-воскресшаго: каждый хлыстъ, каждый скопецъ стремится къ тому, чтобы еще въ здѣшнемъ мірѣ сподобиться таинственнаго воскресенья, но если кто изъ нихъ не

хлыстовской пѣсни, употребляемой ими при радѣніяхъ. Она поется отъ имени Бога, протяжнымъ напѣвомъ:

Я родитель сокровенный
Для живущихъ въ мірѣ чадъ,
Для своихъ же откровеній
Имъ я далъ мой свѣтлый взглядъ.
Дѣти вѣры, дѣти свѣта
Зрятъ меня въ своихъ дѣлахъ;
Не постигнутъ — ждутъ отвѣта
Въ гласѣ духа, не въ словахъ.
Между мной и человѣкомъ
Есть посредникъ — мой пророкъ!
Даръ пророка пренебесенъ
Для ума непостижимъ,
Душамъ сладокъ, прелюбезенъ,
И онъ вѣрою движимъ.
Среди вѣрныхъ воздвигаю
Я пророка своего,
Имъ я церковь созидаю,
Снизойдя къ ней чрезъ него,
Моимъ духомъ наполняю
Я пророка, какъ сосудъ.
И въ бесѣду съ нимъ вступаю,
Свой даю душамъ я судъ.
Мой пророкъ есть исполнитель
Моей воли на кругу.
Съ трубой ангелъ слетаетъ,
Подаваяй голоса,
А пророкъ лишь прорекаетъ,
Говоря слова тѣ вслухъ, и т. д.

Эта пѣсня сочинена помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Дубовицкій былъ пророкомъ людей божьихъ и сосланъ за то въ Саровскую пустынь на покаяніе. «Тульскія Епархіальныя Вѣдомости» 1867 года, № 23.

достигаетъ на землѣ такого состоянія, тотъ умираетъ въ полной надеждѣ на будущее блаженство. Скопецъ и хлыстъ вѣрятъ, что тѣлесная смерть есть освобожденіе „духовнаго тѣла изъ тѣла душевнаго, этихъ ризъ кожаныхъ“, въ которыя облекъ Богъ Адама, въ наказаніе за его гордость, и которыя въ сей жизни надобно поэтому умерщвлять смиреніемъ, постомъ, цѣломудріемъ, оскопленіемъ. Какъ скоро человѣкъ освободится отъ этихъ оковъ, онъ въ душевномъ тѣлѣ, еще не воскресшій, является уже „въ сонмѣ людей Божьихъ“, которыхъ собираетъ иркутскій христосъ отецъ-искупитель на Востокѣ. Такимъ образомъ по смерти онъ переходитъ въ состояніе „умершихъ о Христѣ“, которые, такъ же, какъ и здѣсь, составляютъ на небѣ „круги“ или „корабли“ и совершаютъ такія же, какъ и здѣсь, радѣнія. Эти круги называются „восточнымъ сонмомъ“ или „дольними небесами“. Воскресшіе таинственно здѣсь, послѣ тѣлесной смерти, не идутъ съ умершими о Христѣ въ „дольнія небеса“, но тѣла ихъ духовныя переносятся прямо въ высшія селенія блаженства, на седьмое небо, гдѣ они составляютъ свои „круги“, въ которыхъ также производятся радѣнія. Это тѣ самые „небесные круги“, говорятъ хлысты, съ которыхъ для благовѣщенія Дѣвѣ Маріи слетѣлъ архангелъ Гавріилъ *). Эти круги населены ангелами, то-есть хлыстами, въ земной жизни своей таинственно воскресшими послѣ таинственной смерти **).

---

*) Они говорятъ здѣсь про небесные круги, о которыхъ поется церковью въ стихерѣ Благовѣщенія: «Съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ въ Назаретъ».

**) Понятія арзамасскихъ хлыстовъ объ ангелахъ заимствованы изъ лжеученія лазаревщины, утверждающей, будто ангелы суть души отжившихъ людей, сподобившихся на землѣ таинственнаго воскресенья. Радаевъ, при разговорахъ со мной въ 1850 году, говорилъ, что ангелы на небесахъ совершаютъ радѣнія, но безъ тѣлодвиженій, ибо дрожь и корчи происходятъ отъ совершающейся внутри пророка борьбы Св. Духа съ темными силами, которымъ на небеса доступу нѣтъ, оттого тамъ и радѣютъ безъ дрожи и безъ корчи, но сидятъ или лежатъ. Въ здѣшнемъ свѣтѣ на кругахъ учатъ простыхъ людей таинственно-воскресшіе, а на небесахъ таинственно-воскресшихъ, то-есть ангеловъ, поучаетъ самъ Христосъ. На вопросъ: сколько же тамъ круговъ, Радаевъ сказалъ: «счету нѣтъ», а когда, желая навести его на разговоръ объ Иванѣ Тимоѳеевичѣ, о Лупкинѣ и другихъ христахъ, я спросилъ:—«Какъ же Христосъ успѣваетъ на всѣхъ кругахъ бывать»,—Радаевъ отвѣчалъ:—«Много тамъ христовъ-то». Не зналъ ли о Сусловѣ и другихъ хлыстовскихъ христахъ Радаевъ, не хотѣлъ ли говорить о нихъ, но всегда уклонялся онъ отъ разговоровъ, если они касались этого предмета. Только одинъ разъ проговорился онъ объ иркутскомъ искупителѣ, и то уже въ 1852 г. Въ августѣ этого года былъ я у него въ тюрьмѣ и на вопросъ: «что, скучно въ острогѣ?»—Радаевъ отвѣчалъ:—«Что дѣлать? Держутъ вотъ третій годъ», и потомъ сквозь зубы, тономъ угрозы, примолвилъ:—«когда Петръ придетъ, что скажутъ».—«Про какого Петра говоришь ты?»—спросилъ я его.—«Нѣтъ, это я про пріятеля одного вспоминаю,—сказалъ Радаевъ:—про Петра, изъ Крутого Майдана (село Арзамасскаго уѣзда): ушелъ на золотые пріиски, такъ не знаю, воротился или нѣтъ». И затѣмъ ни слова не отвѣчалъ на мои вопросы.

Скоро, думаютъ хлысты и скопцы, наступитъ время торжества людей божьихъ. Раздастся гласъ архангела, воскликнетъ къ людямъ божьимъ христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ *). Вслѣдъ за гласомъ его раздастся „труба божья". Величиной та труба отъ земли до седьмого неба, затрубитъ въ нее самъ господь саваоѳъ, Данила Филипповичъ. И снидетъ съ круговъ небесныхъ на дольнія небеса — въ восточный сонмъ людей божьихъ—отецъ-искупитель иркутскій Петръ Ѳедоровичъ **). И всѣ жители дольнихъ небесъ, то-есть „мертвіи о Христѣ" (хлысты и скопцы), еще не достигшіе на землѣ таинственнаго воскресенья, въ это время воскреснутъ. Тогда дольнія небеса, теперь нами видимыя и собственно для жилища „мертвыхъ о Христѣ" созданныя, какъ болѣе ненужныя, распадутся, надъ землею же явится „небо ново", и сама земля обновится, и пойдетъ отецъ-искупитель съ умершими о Христѣ и теперь воскресшими отъ востокъ солнца до запада, и навстрѣчу ему, по воздуху, на облакахъ полетятъ всѣ хлысты и скопцы, еще въ живыхъ на землѣ оставшіеся ***). И придетъ отецъ-искупитель въ Москву и зазвонитъ въ царь-колоколъ. По этому „третьему гласу" °) пойдутъ съ отцомъ-искупителемъ въ Петербургъ люди полки полками, а съ небесъ слетитъ вся сила небесная, то-есть всѣ въ земной жизни таинственно-воскресшіе. И сядетъ сила небесная кругомъ отца-искупителя, и каждый ангелъ начнетъ судить корабль, въ которомъ, живши на землѣ, былъ кормщикомъ. Затѣмъ начнется общій страшный судъ надъ всѣми мертвыми о Адамѣ, то-есть не хлыстами и не скопцами, послѣ чего настанетъ блаженное царство людей божьихъ „пройдутъ бѣды, и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не возобладаютъ" °°).

Таковы вѣрованія хлыстовъ и происшедшихъ отъ нихъ скопцовъ относительно будущей жизни, таковы надежды ихъ на жизнь загробную. Конечно, ни одно человѣческое вѣрованіе не представляетъ своимъ по-

*) То-есть Сусловъ, первый христосъ людей божьихъ, а теперь «пророкъ надъ пророками въ кругахъ небесныхъ», какъ говорятъ хлысты.

**) Изъ арзамасскихъ хлыстовъ одинъ только пророкъ Никифоръ Майданскій говорилъ объ иркутскомъ искупителѣ (не называя, впрочемъ, его по имени), который придетъ въ Москву, зазвонитъ въ царь-колоколъ, поведетъ за собой полки полками въ Петербургъ, гдѣ сотворитъ страшный судъ («Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ», показаніе Никифора Майданскаго).

***) Арина Лазаревна, а также хлысты и скопцы въ доказательство всего этого приводятъ слово апостола: «Яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе. Потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ». Посланіе къ Солунянамъ. IV. 16, 17.

°) Первый гласъ —гласъ архангела, второй—труба Божья, третій—звонъ царь-колокола.

°°) III книги Эздры, VII, 33, 34, 35.

слѣдователямъ столь обольстительныхъ надеждъ, столь полнаго торжества въ будущемъ. Не одни таинственно-воскресшіе, всякій вошедшій въ общество „людей божьихъ", всякій наконецъ оскопившійся имѣетъ полную увѣренность въ неотъемлемомъ блаженствѣ, его ожидающемъ. Ничто не ограничиваетъ его въ здѣшней жизни, онъ не боится осужденія въ будущей, не страшится правосудія небеснаго. Въ фанатическомъ ослѣпленіи, хлыстъ или скопецъ принимаетъ слова изступленныхъ изувѣровъ за волю Божью, и нѣтъ закона, нѣтъ правила, которые бы удержали житейскую нравственность его въ постоянныхъ и непреложныхъ границахъ *).

VI.

Условія, при которыхъ, по ученію хлыстовъ, человѣкъ можетъ достигнуть таинственнаго воскресенья, состоятъ: а) въ самоотверженіи, преданности и уничиженіи, б) въ погребеніи самого себя и в) въ умерщвленіи плоти.

Самоотверженіе, преданность и уничиженіе составляютъ главнѣйшее правило людей божьихъ. Радаевъ, указывая на себя, говорилъ ученикамъ своимъ: „и вы того достигнуть можете, и будете то же, что и я, пройдите лишь всѣ степени самоотверженія, преданности и уничиженія" **). Поэтому хлысты безусловно подчиняютъ волю свою волѣ таинственно-воскресшихъ, думая, что подчиняются самому Богу, пребывающему съ ними въ лицѣ тѣхъ людей. Они до такой степени послушны своимъ „кормщикамъ", что невозможно представить подчиненіе другому лицу, которое бы превосходило подчиненіе имъ людей божьихъ или скопцовъ. „Иди за мной,—говоритъ Радаевъ:—и куда я пошлю, и велю что дѣлать, дѣлай безъ размышленій, что требую отъ твоей собственности — безъ жалѣнія подавай, и отнюдь своей воли не смѣй имѣть, ты не долженъ ничего дѣлать безъ моей воли и безъ моего благословенія" ***). Если таинственно-воскресшій велитъ ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишить жизни, хлыстъ или скопецъ исполнитъ это безъ думы, безъ сожалѣнія, и никогда не придетъ ему въ голову, что онъ совершилъ преступленіе: онъ останется въ полной увѣренности, что исполнилъ святую волю самого Господа. Что хлыстовскіе и скопческіе старшины отдаютъ такія повелѣнія, можетъ служить доказательствомъ показаніе пророка Никифора Майданскаго, который при допросѣ говорилъ, что онъ свято исполняетъ повелѣніе Арины Лазаревны, объявившей ему, что явная милостыня до Бога не доходитъ, а только одна тайная, и что если для сотворенія тайной милостыни нѣтъ у него ничего, то долженъ онъ украсть у богатаго и подать нищему

---

*) «Посланіе Василія Радаева». Сообщеніе священника Миперьвина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора Хотяинцеву въ «Дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ».

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

тайно *). Чистота и безбрачіе составляютъ, по понятіямъ хлыстовъ, самую высокую добродѣтель, безъ которой нельзя достигнуть таинственнаго воскресенья. Чистота и безбрачіе заповѣданы самимъ саваоѳомъ Данилой Филипповичемъ, но если пророкъ велитъ нарушить чистоту, это исполнится, какъ велѣніе Бога. Такъ, Радаевъ въ посланіяхъ своихъ хотя и завѣщалъ „хранить чистоту яко зѣницу ока", хотя на бесѣдахъ безпрестанно твердилъ: „пребудьте въ чистотѣ, такъ велитъ Богъ", но иногда съ послѣднимъ звукомъ подобныхъ рѣчей обращался къ шестнадцатилѣтней ученицѣ, говоря: „не я, но Духъ Святой велитъ тебѣ идти со мною", и дѣвушка, безъ стыда, безъ размышленія, спѣшила повиноваться, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что она исполняетъ волю Божью, что она обязана исполнить ее. По произведенному слѣдствію оказалось, что Радаевъ былъ въ связи съ тринадцатью женщинами и дѣвушками. Всѣ эти женщины единогласно показали при допросахъ: „сказалъ онъ мнѣ, что это надо сдѣлать по волѣ Божьей, а не по его, ибо въ немъ своей воли нѣтъ, чему вѣруя, я согласилась". Радаевъ не отрекся въ этомъ предъ судомъ. „Я дѣлалъ это, — сказалъ онъ предъ слѣдственною коммиссіей: — не по своей волѣ, а по волѣ Святого Духа, во мнѣ дѣйствующаго". По ученію хлыстовъ и скопцовъ, самый тяжкій грѣхъ — гордость, уничиженіе же себя тѣломъ и духомъ составляетъ первѣйшее условіе для достиженія таинственнаго воскресенья **). На этомъ основаніи Радаевъ училъ, что самое цѣломудріе дѣвицы или чистая жизнь вдовы не что иное, какъ смертный грѣхъ гордыни, что дѣвушка не должна хранить дѣвства, дабы не было ей чѣмъ гордиться предъ потерявшими себя подругами.

Другое условіе для достиженія таинственнаго воскресенья состоитъ въ отвлеченіи мыслей отъ всего внѣшняго. Въ каждомъ человѣкѣ, говорятъ хлысты и скопцы, есть царствіе Божье, то-есть откровеніе Бога, „внутреннее евангеліе", по выраженію Радаева. Нисходи въ самого себя, опускайся въ самого себя какъ въ могилу, то-есть „спогребайся Христу крещеніемъ въ смерть", и ты услышишь говорящій въ тебѣ Духъ Божій, говорятъ люди божьи. Когда заговоритъ внутри тебя этотъ голосъ Духа Божья, ты таинственно воскресъ.

Третье условіе, необходимое, по ученію ереси людей божьихъ и скопческой, для достиженія таинственнаго воскресенья, состоитъ въ умерщвленіи плоти. Въ доказательство тому они приводятъ слова апостола: „да упразднится тѣло грѣховное ***), да не царствуетъ убо грѣхъ

*) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Никифора Майданскаго.

**) Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина», говоритъ, что учители хлыстовскіе на бесѣдахъ даютъ иногда другъ другу оплеухи. Получившій ее подставляетъ другую щеку, и кто терпѣливѣе сноситъ заушенія, тому приписывается больше святости.

***) Посланіе къ Римлянамъ, VI, 6.

въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ во еже послушати его въ похотѣхъ его *), аще ли духомъ дѣянія плотскія умерщвляете — живы будете" **), то-есть таинственно воскреснете,—прибавляютъ они. Образъ умерщвленія плоти у хлыстовъ различенъ: одни держатъ строгіе посты во дни опредѣленные православною церковью и даже прибавляютъ къ нимъ еженедѣльный постъ по понедѣльникамъ, другіе, говоря, что „брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ", совершенно отвергаютъ постничество въ опредѣленные дни, нѣкоторые хлысты ѣдятъ всякую пищу, кромѣ мясной, безъ разбора, но въ маломъ лишь количествѣ, другіе питаются только хлѣбомъ, рыбой и медомъ, какъ яствами, объ употребленіи которыхъ Іисусомъ Христомъ говорится въ евангеліи. Вообще собранныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія объ умерщвленіи хлыстами плоти, особенно же о постахъ, до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить, каждый ли „корабль", каждый ли даже сектаторъ держится особенныхъ правилъ, или же постепенно переходитъ отъ одной степени воздержанія къ другой, подобно тому, какъ они, по словамъ Радаева, должны переходить различныя степени самоотверженія, преданности и уничиженія. Вѣроятнѣе всего, что правила послѣдователей ереси людей божьихъ, до умерщвленія плоти относящіяся, зависятъ отъ повелѣнія таинственно-воскресшихъ, которые въ одномъ кораблѣ повелѣваютъ одно, въ другомъ — другое. Въ большей части кораблей хлыстовскихъ и у всѣхъ бѣлыхъ голубей возбранено употребленіе мяса, вина, пива и табаку.

Безбрачіе и чистота составляютъ непремѣнное условіе нравственности хлыстовъ. Вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія съ женой. Гласнаго расторженія брака при этомъ не бываетъ: живя въ одномъ домѣ и однимъ хозяйствомъ, супруги должны жить въ братскомъ согласіи, но не болѣе. Вообще собранныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія о безбрачіи и чистотѣ хлыстовъ оказываются до крайности противорѣчивыми. Хлысты представляются то достигшими высшей степени безстрастія, то предающимися иногда грубому развращенію: то поставляющими себѣ въ главную заслугу сохраняемое цѣломудріе, то признающими, что сохраненіе дѣвства есть смертный грѣхъ, равный гордости. Всѣ эти противорѣчія можно объяснить лишь тѣмъ, что каждый корабль людей божьихъ держится правилъ, предписываемыхъ кормщикомъ, и что повелѣнія сихъ изступленныхъ людей не подлежатъ никакимъ обязательнымъ для нихъ правиламъ или уставамъ.

Какимъ образомъ происходитъ таинственное воскресеніе, Радаевъ, въ показаніи, данномъ слѣдственной коммиссіи, разсказываетъ такъ: „Сначала я сомнѣвался, не ошибочно ли я думаю, что во мнѣ Духъ Божій, полно, не вражій ли, но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ:

---

*) Посланіе къ Римлянамъ. VI, 12.
**) Посланіе къ Римлянамъ. VIII, 13.

„молись Божьей Матери". и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святой сталъ мною „водить", и когда случалось, что противился я Духу, за это страдалъ недѣль по шести... Я сталъ жить въ кельѣ — въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои,—вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастію меня не допустилъ. Я сдѣлался боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божья, говорящаго: „вставай, иди причащаться". Я всталъ и былъ весь здравъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился, начало меня „гонять" и „водить" Духомъ Божьимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Святой Духъ" *).

Достигшій таинственнаго воскресенія дѣлается учителемъ своей общины и получаетъ званіе „кормщика корабля" **). Власть его безгра-

---

*) Показаніе Василія Радаева въ «слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ»: «Женщина одна хворала и пришла просить меня помазать ее елеемъ. Я сталъ брать изъ лампадки масло, но Святой Духъ остановилъ меня и велѣлъ ей дать только свѣчей да ладану. Когда же она ушла, Духъ Божій послалъ меня къ ней: она говоритъ, что поправилась отъ болѣзни, хочетъ жить жизнью лучшею, но Святой Духъ сказалъ мнѣ, что она жить больше не будетъ, и она на утро умерла. Имя же ей было Евгенія, села Волчихи крестьянка... Я всегда приказывалъ молиться съ зажженною лампадой, но нѣкоторыя дѣвки по скупости этого не исполняли; когда я ходилъ къ дѣвкамъ, то по Святому Духу это узнавалъ, и каждый разъ у нихъ за то масло выпивалъ... Во Вторусскомъ (деревня Арзамасскаго уѣзда) сноха Кузьмы Петрова была приведена ко мнѣ одной дѣвушкой и говоритъ, что третій годъ у нихъ нездорова женщина; на это Святой Духъ приказалъ мнѣ дать ей воды. Перекрестившись, я исполнилъ это, и отъ того часа она стала здорова. Кто же приходилъ ко мнѣ съ невѣріемъ въ меня, съ желаніемъ лишь испытать меня, съ тѣми ничего я не дѣлалъ и выгонялъ ихъ вонъ, но всѣмъ этимъ дѣйствовалъ не я, а Духъ Святой, *всюду водя меня и повертывая*. Когда же я вдохновлялся, то чувствовалъ въ себѣ радость несказанную, слезы, умиленіе и смиреніе... Духъ Божій открывалъ мнѣ и то, кто какой жизни: кто дурной, а кто хорошей. Такъ, однажды сидѣлъ я въ кельѣ, и пришла ко мнѣ женщина, которая по духу была мнѣ непріятна, тогда я, по волѣ Духа Святого, выслалъ ее. Меня отъ нѣкоторыхъ людей отвращало. Я прихожу иногда въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголанныя, и вообще со мной случаевъ видимой благодати Духа Святого было много, но всѣхъ не припомнишь. Подобныя видѣнія случались и съ Никифоромъ (Майданскимъ). Вообще благодать Святого Духа и надъ нимъ большая, и все у насъ одно, разница лишь въ томъ, что я въ поступкахъ поблистательнѣе его буду. Духъ Божій кладетъ меня иногда навзничь крестомъ, иногда приводитъ меня въ восторженныя тѣлодвиженія, во время которыхъ я себя не помню. Здѣсь (въ Арзамасѣ, въ острогѣ) хотя все это я и чую, но не проявляю потому, что окружающіе меня люди не поймутъ меня».

**) Пророкъ Никифоръ Майданскій въ показаніи своемъ сказалъ: «каждое общество (хлыстовское) имѣетъ значеніе корабля, а на нашемъ золотомъ кораблѣ кормщикомъ Василій (Радаевъ), который и на меня низвелъ Святой Духъ».

ничиа, самые безнравственные поступки его объясняются, какъ сказано выше, не иначе, какъ таинственною волей самого Бога. Сомнѣваться въ святости кормщика все равно, что сомнѣваться въ святости и всемогуществѣ Бога *). Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нерѣдко въ самомъ дѣлѣ оказываются страдающими черною немочью или падучею болѣзнью **). Подъ такою личиною они почти всегда остаются незамѣтными какъ для полиціи, такъ и для духовенства: народъ же обыкновенно считаетъ ихъ такъ-называемыми блаженными.

VII.

До сихъ поръ мы представляли на первомъ планѣ арзамасскаго учителя хлыстовъ, Василія Максимовича Радаева, замѣчательнаго особенно тѣмъ, что послѣ него осталось письменное изложеніе его вѣрованій. Обратимся теперь къ современникамъ его, христамъ Тамбовской губерніи: отцу и сыну Копыловымъ, Нѣмцову и другимъ.

Хлыстовщина въ Тамбовской губерніи была извѣстна еще въ прошломъ XVIII столѣтіи: тогда она особенно была распространена въ нынѣшнихъ уѣздахъ Моршанскомъ, Кирсановскомъ, Борисоглѣбскомъ, Усманскомъ и Тамбовскомъ. Вообще ни въ одной изъ русскихъ губерній нѣтъ столько хлыстовъ, какъ въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ. Въ этихъ же губерніяхъ была и колыбель секты бѣлыхъ голубей.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ селѣ Перевозѣ, Кирсановскаго уѣзда, явился христосъ людей божьихъ Аввакумъ Ивановичъ Копыловъ.

---

*) Такъ, хлыстъ Ѳедоръ Матрешкинъ о Радаевѣ показалъ: «та женщина, которая, повидимому, съ нимъ (Радаевымъ) поступаетъ хуже, лучше поступаетъ для души своей». Самъ Радаевъ пишетъ въ своемъ посланіи: «Съ которой я, повидимому, хуже поступаю, та лучше устоитъ, потому что я самъ за нее молиться стану: которая же опасается и бережется — не устоитъ. О, сколь велико безуміе дѣлаютъ тѣ, которыя себя берегутъ! Развѣ онѣ умнѣе Бога? Коль себѣ великій убытокъ дѣлаютъ и душамъ: вѣдь это онѣ Бога безразсуднымъ почитаютъ: не вѣрятъ Богу. Человѣкъ бренный учитъ Бога, какъ его спасати! О, слѣпости! О, безуміе! Ты ли умнѣе Бога? Его разсуждаеши и Его уставляеши, какъ тебя спасати? Его поступокъ самый скверный лучше твоей чистоты въ милліонъ разъ. Богъ-то во едины сутки устроитъ въ такую степень святости, что ты своими добрыми дѣлами въ двадцать лѣтъ до того не достигнешь. О, маловѣры!»

**) Василій Радаевъ, въ своемъ показаніи, говоритъ: «съ Никифоромъ Майданскимъ случается то же самое, что и со мною, только онъ прикидывается больше меня дурящимъ». Изъ сообщенія священника Минервина г. Хотяинцову видно, что арзамасскіе хлысты по взятіи Радаева подъ стражу стали юродствовать. «И столько сильны дѣйствія его (Радаева) обольщенія, — говоритъ священникъ Минервинъ: — что оными пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ они съ нимъ переносить разлуки, въ особенности же женскій полъ. Если онѣ удерживаются страхомъ наказанія или какой бы то ни было строгостью воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать».

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже старикомъ. Былъ онъ вдовецъ и жилъ въ особой кельѣ на усадьбѣ сыновей своихъ. Церковную печать читалъ Аввакумъ Копыловъ хорошо и все свое время посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и молитвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безпрерывно постился. Однажды, еще въ молодости его, разсказывали тамбовскіе хлысты на слѣдствіи *), послѣ сорокадневнаго поста, въ теченіе котораго Копыловъ не ѣлъ ни крошки хлѣба и даже не пилъ воды, поддерживая себя одною молитвой, онъ былъ взятъ на седьмое небо двумя ангелами, оставившими плоть его на землѣ, а душу представившими къ Богу. Такимъ образомъ былъ онъ взятъ на седьмое небо живымъ. На седьмомъ небѣ Аввакумъ говорилъ съ Богомъ изъ устъ въ уста, и былъ о немъ гласъ отъ Бога: „сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволите“. Въ бесѣдѣ этой Богъ повелѣлъ Аввакуму доходить по книгамъ (то-есть священнымъ) о томъ, какъ избавиться грѣха и какъ спасать душу, а потомъ научить сему и ближнихъ своихъ. Возвратясь съ седьмого неба на землю, Аввакумъ отправлялся будто бы къ тогдашнему тамбовскому преосвященному Аѳанасію, которому разсказалъ про свою жизнь и про бывшее ему видѣніе. Преосвященный Аѳанасій, выслушавъ Аввакума, сказалъ будто бы, что это очень хорошо, и что ему самому было подобное видѣніе, что и онъ получилъ частицу благодати Божьей; но впослѣдствіи не соблюлъ по жизни, и та благодать отъ него отпала. Для облегченія же Аввакуму пути къ собственному и ближнихъ его спасенію, епископъ Аѳанасій подарилъ будто бы ему двѣ книги, одну: „О истинныхъ каждаго христіанина должностяхъ“, соч. св. Тихона Задонскаго, а другую „Чиновникъ“, по которому архіереи служатъ обѣдню. Въ послѣдователяхъ Аввакумъ Ивановичъ недостатка не имѣлъ, ученіе его въ теченіе двадцати лѣтъ распространилось по уѣздамъ: Кирсановскому, Тамбовскому и Борисоглѣбскому, Тамбовской, Аткарскому — Саратовской, Ростовскому — Екатеринославской и Бузулуцкому — Самарской губерній. Первою послѣдовательницей его была подвизавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ постахъ и молитвахъ крестьянка того же села Перевоза, Татьяна Макарова Черносвитова, по народному прозванію Ремизова. Она, по разсказамъ тамбовскихъ хлыстовъ, хотя и не удостоилась быть взятою на небо, но послѣ сорокадневнаго поста получила благодать Святого Духа: не зная до того грамотѣ, вдругъ начала пророчествовать, читать священное писаніе и обличать людей въ скрытыхъ грѣхахъ и тайныхъ помышленіяхъ. Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ видѣнія, бывшаго Копылову, слухъ объ его разсказахъ и о пророчествахъ Ремизовой дошелъ до свѣдѣнія начальства; ихъ призвали къ слѣдствію, и они объявили себя на судѣ посланниками Бога и разсказали, что̀ съ ними было. Въ кирсановскомъ тюремномъ

*) Слѣдствіе это было произведено въ 1851 году г. Набоковымъ (нынѣ статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества), бывшимъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при тамбовскомъ губернаторѣ г. Булгаковѣ.

замкѣ Аввакумъ Копыловъ умеръ, а Ремизова отправлена была на поселеніе.

Послѣ смерти Аввакума, случившейся въ самое Свѣтлое Воскресенье, и ссылки Татьяны, послѣдователи ихъ, видя въ нихъ мучениковъ за истинную вѣру, еще сильнѣе привязались къ проповѣданному ими хлыстовскому ученію. Они стали всѣхъ увѣрять, что преосвященный Аѳанасій будто бы далъ Копылову охранную грамоту къ земскимъ властямъ и духовенству, которою приказывалъ Аввакума и послѣдователей его не тревожить и въ постнической жизни не стѣснять; но что когда начались гоненія отъ земскихъ и духовныхъ властей, то Аввакумъ будто бы изорвалъ эту грамоту, говоря: „всѣ святые за вѣру терпѣли, и мнѣ, святому, надо пострадать съ ними наравнѣ".

Незадолго до арестованія Аввакума, родной сынъ его Филиппъ Копыловъ (который, какъ показывали сами хлысты, велъ дотолѣ жизнь разгульную, предаваясь пьянству), вмѣстѣ съ такимъ же гулякой, крестьяниномъ села Перевоза, Перфиломъ Петровичемъ Кутасоновымъ, послѣдовалъ ученію отца своего. Невзирая на прежнюю жизнь Филиппа и Перфила, и они вскорѣ удостоились будто бы особой благодати Святого Духа, а Филиппъ, по преемству отъ отца, по смерти его сдѣлался главою собраннаго имъ корабля. И Филиппъ Копыловъ и Кутасоновъ знали грамотѣ: первый изъ нихъ выучился самоучкой. Кутасоновъ, бывшій въ работникахъ у Копыловыхъ, захотѣлъ по примѣру ихъ сдѣлаться главою корабля и завелъ съ Филиппомъ споры о какихъ-то правилахъ своей вѣры. Слѣдствіемъ этихъ споровъ было раздѣленіе хлыстовъ села Перевоза на два корабля. При Филиппѣ мѣсто богородицы Татьяны замѣнила теща его, крестьянка села Перевоза, Меланья Захаровна Хованская: она пророчествовала, обличала людей въ грѣхахъ и сокровенныхъ мысляхъ, и на нее смотрѣли какъ на мученицу, потому что ея мужъ билъ и истязалъ ее всячески. Но богородица Меланья вскорѣ привлекла къ своей сектѣ мужа и старшаго своего сына Ѳому. Отецъ и сынъ Хованскіе переселились въ Бузулуцкій уѣздъ, Самарской губерніи (въ деревню Андреевку), оставивъ богородицу Меланью въ Перевозѣ. Въ Самарской губерніи они распространили хлыстовское ученіе, извѣстное тамъ болѣе подъ названіемъ „монтанской секты".

Въ кораблѣ Перфила богородицей и пророчицей явилась крестьянка Тамбовскаго уѣзда, села Туголукова, Лукерья Астаховна Камбарова, а пророкомъ — крестьянинъ Тамбовскаго уѣзда, деревни Аѳанасьевки, Ефимъ Кузьминъ. Имъ обоимъ, какъ и Аввакуму, были посланы, по сказанію хлыстовъ, отъ Бога разныя видѣнія. Лукерьѣ, какъ сама она показала на допросѣ, было видѣніе во время припадка, нерѣдко случающагося съ женщинами, извѣстными въ народѣ подъ именемъ „кликушъ", къ какимъ и она принадлежала. По разсказамъ хлыстовъ, она въ это время тоже была взята къ Богу на седьмое небо, а потомъ не-

извѣстныя ей существа показывали ей муки грѣшниковъ въ аду и водили ее по раскаленнымъ плитамъ. Тутъ Богъ обѣщалъ ей за святую и чистую жизнь вѣчное блаженство въ будущей жизни. Пастухъ Ефимъ Кузьминъ не былъ взятъ на небо, но, пася овецъ, видалъ неоднократно небо отверстымъ и слыхалъ ангеловъ, поющихъ что-то въ родѣ псалмовъ. И Лукерьѣ и Ефиму было дано отъ Бога творить все, что творили богородицы Татьяна Ремизова и Меланья Хованская.

Такими же главами особыхъ кораблей, отдѣлившихся отъ единаго Аввакумова корабля, и христами были: въ деревнѣ Березовкѣ *) Василій Лукьяновичъ Манаенковъ, а въ селѣ Уваровѣ Софронъ Ивановичъ Нѣмцовъ. При Манаенковѣ были три пророка: Ѳедоръ Наумовичъ Нехорошевъ, Карпъ Григорьевичъ Милосердовъ и Алексѣй Алексѣевичъ Осиповъ. У Софрона Нѣмцова пророкомъ былъ сынъ его Меркулъ. По смерти христа Филиппа Копылова и богородицы Меланьи, корабль ихъ, вмѣстѣ съ кораблями Манаенкова и Нѣмцова, поступилъ подъ начало жены Филипповой, богородицы Анисьи Ивановой Копыловой, при которой пророчицей состояла крестьянка села Ржаксы, Кирсановскаго уѣзда, Мавра Галактіоновна Нѣмцова.

Ученіе Аввакума Копылова состояло въ слѣдующемъ: всѣ обыкновенные православные христіане живутъ по вѣрѣ ветхаго Адама и суть дѣти ветхаго рожденія; человѣкъ во грѣхѣ зачинается и во грѣхѣ рождается; для избавленія отъ грѣха надо отрѣшиться отъ міра, что достигается постомъ, молитвою и удаленіемъ отъ женщинъ. Сообщеніе съ женщинами, по ученію Аввакума Копылова и по мнѣнію всѣхъ хлыстовъ, самый тяжкій изъ всѣхъ грѣховъ. Запрещается ѣсть мясо, рыбу, лукъ, чеснокъ, картофель и пить вино, „въ немъ же есть блудъ“ по словамъ апостола Павла. Запрещается ходить на игрища, ругаться скверными словами, а женщинамъ не позволяется носить нарядовъ и украшеній, для скромности же повелѣвается имъ повязывать платки на головѣ какъ можно ниже на глаза. Кто все это соблюдетъ во всей строгости, тотъ не только достигнетъ въ будущей жизни вѣчнаго блаженства, но и здѣсь на землѣ сподобится благодати Святого Духа и даже удостоится сдѣлаться сыномъ или дщерью Божьею, равными Іисусу Христу и Пречистой Дѣвѣ Маріи. Сказано (?), говорятъ тамбовскіе хлысты, въ писаніи: „кто отъ кого рожденъ, тотъ того именемъ и называется“; мы же всѣ родились черезъ отреченіе отъ грѣха къ новой жизни, обновились духомъ, а потому и стали обновленными и первенствующими христіанами, рожденными отъ Бога-Слова, отъ Христа, который самъ есть воплощенное Слово Божіе. Сказано также въ писаніи, говорятъ они: „кто заповѣди мои соблюдаетъ и пути моя сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ“. Оттого, продолжаютъ они, всѣ строго исполняющіе заповѣди нашей вѣры удостоиваются вселенія

*) Выселокъ села Уварова, Борисоглѣбскаго уѣзда.

въ нихъ Бога-Слова и Святого Духа. Мужчины, удостоившіеся сего, суть христы, женщины — богородицы. Въ Тамбовской губерніи удостоивались отъ хлыстовъ божескаго почитанія и поклоненія: самъ Аввакумъ и сынъ его Филиппъ Копыловы, Софронъ Нѣмцовъ, Василій Манаенковъ и Перфилъ Кутасоновъ. Богородицами и пророчицами были: Татьяна Ремизова, Меланья Хованская, ея дочь (жена Филиппа Копылова) Анисья Иванова и Лукерья Камбарова.

Власть хлыстовъ и богородицъ только духовная: они отпускаютъ грѣхи, разрѣшаютъ принятіе въ общину новыхъ лицъ и совершаютъ разные обряды. Всѣ сектанты составляютъ одинъ союзъ братьевъ и сестеръ, въ которомъ заповѣдуется почитать себя другъ другу равными, жить въ тѣсной братской любви и помогать другъ другу во всѣхъ нуждахъ. На основаніи ученія Аввакума Копылова, сказавшаго, что можно спастись только по образу жизни, имъ заповѣданному, тамбовскіе хлысты утверждаютъ, что всѣ находящіеся внѣ ихъ союза, то-есть всѣ не-хлысты, погибнутъ въ вѣчныхъ мукахъ. На томъ же основаніи они не признаютъ ни православнаго духовенства ни святости таинствъ, ими совершаемыхъ. „Мы почитаемъ священниковъ, какъ богослововъ, — говорятъ они: — но примѣру жизни ихъ слѣдовать не можемъ, потому что они имѣютъ женъ и рождаютъ дѣтей. Ежели бы священники жили какъ должно, они были бы столпами церкви и солью земли, чего на дѣлѣ нѣтъ. Священники пьютъ вино, а въ винѣ блудъ, священники ѣдятъ мясо, а оно рождаетъ похоти. Поэтому священникъ и не можетъ отпустить грѣховъ и въ благословеніи своемъ передать Духа Святого, ибо самъ его лишенъ". Хлысты своими обрядами замѣнили церковныя таинства, не гнушаясь, впрочемъ, ими и видя въ нихъ напоминанія божественнаго ученія, только пользы отъ нихъ для души не предполагаютъ. Ходятъ они постоянно въ церковь и священниковъ ко всѣмъ требамъ православной вѣры призываютъ, такъ повелѣлъ христосъ Аввакумъ Копыловъ, дабы строго сохранить свою вѣру въ тайнѣ, ибо еще не пришли времена торжества ея, говорятъ хлысты, но со временемъ она восторжествуетъ. Для сохраненія этой вѣры Аввакумъ завѣщалъ ученикамъ своимъ терпѣливо сносить гоненія и муки, такъ какъ истинная вѣра ихъ должна быть гонима до скончанія вѣка. Замѣняются таинства православной церкви въ сектѣ Аввакума Копылова слѣдующимъ образомъ: крещеніе совершается не при рожденіи, а въ совершенные года, когда человѣкъ чрезъ постъ и молитву достигнетъ благодати Святого Духа и такимъ образомъ крестится духомъ. Другое же крещеніе, совершаемое надъ нимъ въ то же время, есть тѣлесное или плотское. Совершается оно посредствомъ поставленія образа на голову и поливанія водою безъ всякихъ особыхъ молитвъ *). Таинство евхаристіи изображается у нихъ раздачей хлѣба

*) Въ другихъ корабляхъ, сколько намъ извѣстно, воднаго крещенія у хлыстовъ вовсе не бываетъ.

и воды; хлѣбъ изображаетъ слово Божье, вода—слезы кающихся грѣшниковъ. Покаяніе совершаютъ они предъ своими христами, богородицами и пророками по нѣскольку разъ въ годъ, на основаніи повелѣнія христа Аввакума, сказавшаго: „первенствующему христіанину надлежитъ приносить покаяніе еженедѣльно, а внѣшнему міряннну (то-есть не-хлысту) только одинъ разъ въ году“. Такъ какъ они считаютъ себя первенствующими христіанами, то и каются какъ можно чаще. Всѣ эти таинства совершаются на собраніяхъ христами, богородицами или пророками. На тѣхъ же собраніяхъ бываютъ у нихъ: плачъ о грѣхахъ, поклоненіе въ ноги христу и богородицѣ, а равно и другъ другу, смиренія ради *). Грѣховъ на собраніи утаить нельзя, ибо пророки изобличаютъ ихъ. Эти же пророки на собраніяхъ предсказываютъ будущее, читаютъ писаніе, не зная грамотѣ, „по гласу“, какъ они выражаются, творятъ и другія чудеса, напримѣръ, кладутъ образа, кому въ ноги, кому на голову, кому къ сердцу, означая тѣмъ, кто какъ почитаетъ Бога; одѣваютъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ въ особую одежду, иныхъ въ свѣтлую и новую, другихъ въ дрянную и ветхую, означая тѣмъ, какъ кто одѣтъ, такъ у того и душа украшена добродѣтелями или помрачена пороками. Надѣваютъ также нѣкоторымъ изъ присутствующихъ на голову вѣнки изъ соломы или изъ вѣтвей, означая тѣмъ избранныхъ и вѣнчанныхъ постниковъ. Всѣ эти обряды совершаются, какъ сказано, христами, богородицами и пророками; особыхъ молитвъ при этомъ не читается. Писаннаго устава или закона у хлыстовъ нѣтъ. Пляски и круженія, или, какъ называютъ ихъ тамбовскіе хлысты, „хожденія“, ввелъ христосъ Филиппъ Копыловъ, при отцѣ его не кружились. Хлысты увѣряютъ, что эти хожденія дѣлаются невольно, отъ какой-то неизъяснимой радости, бывающей послѣ усиленныхъ постовъ. Пляска эта продолжается нерѣдко

---

*) Въ другихъ хлыстовскихъ корабляхъ земное поклоненіе другъ другу означаетъ поклоненіе образу Божію, ибо, говорятъ хлысты, а также и скопцы, не доска, расписанная красками, а человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, есть истинный образъ Господа, достойный поклоненія. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной», говоритъ о калужскихъ хлыстахъ: «При народѣ кажутся они набожны и богомольны, а въ домахъ своихъ никогда почти (на иконы) не молятся, креста и иконъ не почитаютъ, но вмѣсто того молятся сами на себя; лучше-де поклоняться живымъ иконамъ, чѣмъ доскамъ неодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творятъ... Молятся на портретъ (своего христа) съ крестнымъ знаменіемъ въ землю, какъ и на себя. На себя молятся при всякомъ свиданіи. Когда придутъ къ своимъ, по обычаю, помолятся святымъ иконамъ, а потомъ спрашиваютъ: «чистъ ли полъ?». Если изъ постороннихъ нѣтъ въ домѣ никого, хозяева отвѣчаютъ, что полъ чистъ, и тогда начинается взаимное человѣкопоклоненіе, если же есть кто-нибудь изъ непринадлежащихъ къ хлыстовской сектѣ, то отвѣчаютъ, что полъ нечистъ, и тогда говорятъ о житейскихъ предметахъ». О поклоненіи другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ разсказываетъ и Иванъ Андреяновъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи, поданномъ имъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу.

до тѣхъ поръ, пока отъ усталости не взмокнутъ рубахи, которыя тогда скидаютъ, и пляшутъ нагими до упада. Сектанты называютъ себя „богомолами“, „постниками“, „обновленными“ и „первенствующими христіанами“ *).

VIII.

Хлысты и скопцы, какъ было уже сказано, наружно исполняютъ всѣ обряды православной церкви, ходятъ часто въ церковь, исповѣдуются, причащаются и слывутъ за самыхъ благочестивыхъ людей. Привлекаемыхъ въ свою ересь они сначала въ продолженіе нѣкотораго времени

*) Мы не представляемъ ученія и обрядовъ хлыстовъ, открытыхъ въ другихъ губерніяхъ. Мы привели свѣдѣнія о тамбовскихъ «богомолахъ» только потому, что они были не безъ вліянія на моршанскихъ бѣлыхъ голубей, и что отъ нихъ произошелъ петербургскій скопческій корабль въ Кабинетской улицѣ. Упомянемъ еще только о хлыстовщинѣ внѣ великорусскихъ губерній. Нѣкоторые утверждаютъ, что между малороссами нѣтъ хлыстовщины. Это несправедливо; мы имѣемъ подъ руками нѣсколько дѣлъ, доказывающихъ противное. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ. Въ 1828 году въ Подольской губерніи производилось дѣло о христѣ штабсъ-капитанѣ Савицкомъ и о царицѣ небесной Домнѣ, дочери одного православнаго священника. Савицкій, оставивъ военную службу, поступилъ послушникомъ въ Бершадскій монастырь (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ), но тамъ подрался съ монахами и былъ исключенъ изъ духовнаго вѣдомства въ 1824 году. По выходѣ изъ монастыря Савицкій шатался по разнымъ мѣстамъ, особенно же по Немирову и въ селеніяхъ Кривомъ-Озерѣ и Любомировкѣ, гдѣ были у него ученики. Но главное гнѣздо секты христа Савицкаго осталось въ Бершадскомъ монастырѣ; жившіе тамъ послушники: Алексѣй и Тимоѳей Пашуты, Моисей Лемцовъ и Павелъ Кушниръ, были ревностнѣйшими его послѣдователями. Въ Немировѣ, Кривомъ-Озерѣ и Любомировкѣ Савицкій совершалъ свои вечерни и заутрени. Кушниръ открыто проповѣдывалъ, что христосъ вновь явился въ лицѣ Ѳедора Савицкаго. Было разглашаемо и между евреями, что пришелъ Мессія подъ видомъ штабсъ-капитана. Кушниръ распространялъ въ народѣ, что Іисусъ Христосъ послалъ на землю вмѣсто себя Савицкаго, какъ обѣщаннаго въ евангеліи утѣшителя, что онъ есть царь, будетъ обладать всею вселенною и имѣть войско; кто не будетъ вѣровать въ христа Савицкаго и ему поклоняться, тотъ погибнетъ навѣки во адѣ. Кушниръ говорилъ, что скоро будетъ война, и христосъ Савицкій всѣхъ побѣдитъ, сдѣлается царемъ всей вселенной, а женой у него будетъ царица небесная Домна, окруженная избранными дѣвицами. У христа-царя-штабсъ-капитана были свои апостолы, изъ нихъ Кушниръ былъ старѣйшимъ, другіе же: два Пашуты, Лемцовъ и Калашникъ. Самъ Савицкій говорилъ, что онъ сынъ божій и антихристъ, но что антихристъ не есть какое зло, но означаетъ «агнецъ-крестъ». Дочь священника, царица небесная Домна говорила, что, видя великіе молитвенные подвиги Савицкаго, она вѣритъ, что онъ «святой антихристъ». Крестьянка Александра, дочь одного жителя мѣстечка Чечельника, была у нихъ пророчицей и находилась въ столь же близкихъ отношеніяхъ къ Кушниру, какъ поповская дочка царица небесная къ христу-штабсъ-капитану («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1828 года, № 120). Не только между малороссами, но даже между крещеными остяками въ Сибири, между чухонцами подъ Петербургомъ были открываемы послѣдователи хлыстовской ереси.

держатъ въ полной увѣренности, что они истинные православные христіане. „Попы насъ не поучаютъ, такъ надо самимъ книги читать",— говорятъ они соблазняемымъ и сначала учатъ ихъ: непрестанно творить молитву Іисусову *), ходить какъ можно чаще въ церковь, чтить православныхъ священниковъ и проч. Послѣ того хлысты внушаютъ имъ, что „есть на свѣтѣ праведные люди, въ которыхъ пребываетъ благодать Святого Духа, а въ иныхъ и самъ Богъ живетъ; такой человѣкъ, говорятъ они, можетъ вязать и рѣшать, выводить грѣшныя души изъ ада въ царство небесное" **), но кто именно эти люди и гдѣ они находятся — пока умалчиваютъ. Затѣмъ хлысты поучаютъ, что должно „терпѣть всѣ бѣды, всѣ напасти и скорби" ***), вести жизнь воздержную, всячески уничижать себя, служить всѣмъ и у всѣхъ быть въ повиновеніи, не ѣсть мяса, не пить вина и пива °), не употреблять табаку, не поминать имени дьявола, въ случаѣ же крайности называть его „врагомъ", или „нехорошимъ", не пѣть мірскихъ пѣсенъ, не плясать, не сказывать и не слушать сказокъ и всегда пребывать въ цѣломудріи. Завлекая постепенно въ свои сѣти незнающаго ихъ настоящаго ученія, хлысты приглашаютъ наконецъ его на свои бесѣды, но въ это время ничего противнаго православію не дѣлаютъ и не говорятъ °°), а только читаютъ церковныя книги, толкуютъ ихъ, и поютъ иногда псалмы Давидовы. Доведя завлекаемаго до того, что онъ станетъ во всемъ имъ вѣрить, начинаютъ ему открывать, что люди, въ которыхъ пребываетъ Духъ Святой, находятся между ними, что истинная Христова вѣра погибла на землѣ и сохранилась только въ ихъ обществѣ, что никакихъ книгъ не нужно, кромѣ единой „Книги Голубиной", „Книги Животной", то-есть живущаго внутри человѣка и поучающаго его Духа. Наконецъ они объявляютъ совращаемому, что Богъ всегда пребываетъ съ ними, и

---

*) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Первое показаніе крестьянина Ѳедора Павлова: «Ученіе его (Радаева) состояло въ томъ, чтобы непрестанно творить молитву Іисусову... Отъ церкви учениковъ своихъ онъ нисколько не отвращалъ, а толковалъ, что непрестанно надобно въ ней пребывать». То же самое показали и другіе арзамасскіе хлысты, а крестьянинъ Иванъ Васильевъ прибавилъ: «поученіемъ своимъ заставлялъ Радаевъ ходить въ церковь и почитать священниковъ великими людьми».

**) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Второе показаніе Ѳедора Павлова.

***) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Аграфены Зюзиной.

°) «Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ».

°°) На сходбищахъ хлыстовъ Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ 1849 году бывали священники селъ Татинца и Красной-Луки, и они при производствѣ формальнаго слѣдствія показали: «на этихъ сходбищахъ они сами читали книги святого писанія и толковали его, но ничего противнаго ученію православной церкви не говорилось». «Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго по дѣламъ раскола комитета», 23-го мая 1852 года.

если кто поступитъ въ ихъ общество, на того снидетъ Святой Духъ, такъ точно, какъ древле сошелъ Онъ на апостоловъ.

Когда совращенный изъявитъ согласіе на вступленіе въ секту, ему велятъ нѣсколько дней поститься и пребывать въ уединеніи. Въ назначенное время приходитъ за нимъ старшина общины, или же самъ кормщикъ корабля. Въ одной рукѣ держитъ онъ икону (обыкновенно Нерукотвореннаго образа, или же другую какую-либо), а въ другой зажженную свѣчу. Онъ вводитъ совращеннаго въ собраніе („бесѣда“, „святой кругъ“, „соборъ“, „корабль“), гдѣ сидятъ на лавкахъ съ одной стороны мужчины, съ другой женщины, всѣ босые, или въ однихъ чулкахъ, одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи особаго покроя, а въ переднемъ углу подъ образами отдѣльно сидитъ женщина (богородица или пророчица), также вся одѣтая въ бѣломъ *). Комната ярко освѣщена восковыми свѣчами и лампадами.

— Зачѣмъ пришелъ ты? — спрашиваетъ приведеннаго богородица.

— Душу спасать, — отвѣчаетъ наученный заранѣе неофитъ.

— Хорошо душу спасать, — замѣчаетъ ему богородица. — А кого даешь за себя порукой?

— Самого Христа, Царя Небеснаго, — отвѣчаетъ тотъ.

— Смотри же, чтобъ Христосъ отъ тебя поруганъ не былъ, — говоритъ богородица.

Затѣмъ обращаемаго приводятъ къ присягѣ предъ иконой, которую несъ передъ нимъ кормщикъ. Присяга состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Святую вѣру принявъ, отъ нея никогда не отступать.

2. Чаще въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться въ церкви, но священнику на исповѣди про свою вѣру ни слова не говорить.

3. Если случится за святую вѣру пострадать, не бояться ни тюрьмы, ни ссылки въ Сибирь, ни самой смерти, тѣло свое отдать на раздробленіе, а про вѣру свою никому ничего никогда не открывать **). „Никому не сказать, какое Божье дѣло будетъ открыто: ни отцу, ни матери, ни роду, ни подродку, ни попу отцу духовному, ни другу своему мірскому, хотя бы огонь принять, хотя бы кнутъ принять, хотя бы топоръ принять, а если Божія дѣла не сохраню, на пути Божьемъ не устою, то да побѣдитъ меня Господь въ семъ свѣтѣ и въ будущемъ вѣкѣ“.

— Въ сіе время ангелъ Божій сходитъ съ неба,—говоритъ богоро-

---

*) Въ нѣкоторыхъ корабляхъ хлысты, пророки, богородицы подпоясываются золотымъ поясомъ, въ другихъ всѣ подпоясываются красными поясами, въ иныхъ корабляхъ, напримѣръ, въ саратовскомъ, черными. Иванъ Андреяновъ въ донесеніи, поданномъ въ 1825 году императору Александру Павловичу, говоритъ: «Сойдясь на бесѣду, учитель одѣвается въ бѣлую, длинную, коленкоровую одежду и опоясывается золотымъ поясомъ, если его имѣетъ; прочіе одѣваются въ бѣлыя, длинныя нижнія одежды, а женщины, какъ имъ прилично...»

**) Такая же присяга была у хлыстовъ и въ 1734 году («Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. IX, № 6.613).

дица неофиту:—и пишетъ твою душу въ томъ, что она обѣщала служить Богу до конца жизни вѣрно *).

Послѣ того кормщикъ велитъ приходящему просить весь корабль молиться за него. Тогда всѣ садятся въ „кругъ“ и напѣвомъ простонародной пѣсни начинаютъ пѣть такъ-называемую ими „молитву Господню“, которою начинаются всѣ хлыстовскія и скопческія моленія. Во время пѣнія ея всѣ правою рукой бьютъ тактъ по колѣнкамъ, на которыхъ разостланъ платокъ или бѣлое полотенце („знамя“).

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и помилуй, сударь, насъ.
Сошли къ намъ Духа Святого утѣшителя!
Пресвятая Богородица, попроси, мой свѣтъ, за насъ
Свѣта сына своего Іисуса Христа!..
Свѣтъ тобой спасенъ, государыня,
Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой на землѣ, свѣтъ, на матушкѣ,
На матушкѣ, на кормилицѣ **).

---

*) Донесеніе, поданное императору Александру Павловичу въ 1825 году крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ.

**) Хлыстовской «молитвы Господней» есть нѣсколько редакцій. Это варіанты одной и той же пѣсни. Вотъ, напримѣръ, какъ пѣли ее петербургскіе хлысты высшаго общества (въ Михайловскомъ дворцѣ и на сборищахъ у Татариновой за Московскою заставой, въ домѣ Ѳедорова):

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа!
Дай намъ Сына Твоего, Бога нашего, творца!
Съ нами Духъ Твой Святой объемлетъ радостью сердца,
Пресвятая Богородица, упроси за слабыхъ насъ,
Свѣтъ, у Сына Твоего, Бога нашего творца!
Отъ престола Твоей просьбы
Сокатитъ къ намъ Духъ Святой.
Ты Христосъ и Богъ помощникъ,
Иного Бога нѣтъ у насъ,
Наряди изъ насъ пророка, чтобы слабыхъ подкрѣпить!
Мы здѣсь съ вѣрою, съ любовью принесли свои сердца,
Со слезами Тебя просимъ милосерднаго отца:
Ты наставь насъ, Утѣшитель, на Свой истинный на путь,
Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать,
Не изволь грѣшныхъ до гроба Ты сей радости лишать.

Или:

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа!
Дай намъ Сына Твоего!
Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
Изъ Твоея полноты
Дай, Создатель, теплоты —
Наряди изъ насъ пророка, чтобы силы подкрѣпить,
Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать;
Ниспосли живое слово здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ.
Ты Христосъ, Ты нашъ Спаситель,
Иного Бога нѣтъ у насъ,
Твоей силой укрѣпимся, за Тобою вслѣдъ идемъ,
Прими слезы Твоей твари и поставь всѣхъ на пути.

Послѣ того трое или четверо мужчинъ или женщинъ входятъ въ кругъ, спускаютъ съ плечъ рубахи по поясъ и, взявъ длинныя холщевыя или полотняныя бѣлыя полотенца („знамена“), развѣшиваютъ ихъ себѣ на плеча, затыкаютъ концы за поясъ и начинаютъ, припрыгивая, кружиться посолонь. Это называется *радѣніемъ*. Во время радѣнія поютъ пѣсни. Такихъ пѣсенъ у насъ подъ руками сто шестьдесятъ четыре. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Наша матушка родная
Въ полку пребывала.
Въ полку она пребывала,
Чудеса творила.
Чудеса она творила,
Съ нами говорила:
„Ужъ вы дѣвушки, дѣвицы.
Духовны сестрицы,
И вы Богу назвалися,
Служить Ему отдалися,
Вы служите, не робѣйте,
Живу воду пейте,
Внутренняго змѣя
Вы въ себѣ убейте,
На васъ платьицо-то бѣло
Сама матушка надѣла,
Она о васъ порадѣла,
Вами завладѣла“.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь *).

II.

Ай у насъ на Дону **)
Самъ Спаситель во дому
Со ангелами, со архангелами,
Съ херувимами, государь, съ серафимами
И со всею силою съ небесною.
Ай, Духъ, Святой Духъ!
Эка милость благодать
Стала духомъ овладать!
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь ***).

III.

Богъ, Богъ съ нами,
Самъ Богъ надъ богами,
Духъ Святой съ нами,

---

*) Это пѣсня пророчицъ поется женщинами, обращаясь къ женщинамъ же.

**) Рѣкою Дономъ хлысты, по удостовѣренію священника Ивана Сергѣева, называютъ иногда своего христа (Сергѣева «Изъясненіе раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной»).

***) Эта пѣсня поется во время радѣній, совершаемыхъ женщинами.

Самъ духъ надъ духами,
Агнецъ нашъ Спаситель,
Вземляй грѣхи міра!
Твоя, Сыне Божій,
Власть надъ нами, воля
Надъ нашими сердцами,
Душами, тѣлами...
Гусли вы, гусли
Пророка Давыда!
Самъ лился слезами,
Остальными силами,
Славилъ Саваоѳа:
„Помилуй мя, Боже,
Излей на мя милость“ и т. д.

IV.

Прочь лесть, прочь ложь, хитросплетенность,
Порочность, сладость красныхъ словъ,
Утѣха сердцу, развращенность —
Пою небесную любовь,
Пою источникъ благодати,
Святую истину пою... и т. д.

V.

Въ ясляхъ—колыбель Іисуса,
Дѣва—мать, отецъ—тектонъ!
Жизнь его—позоръ и иго
Отъ рожденья до конца!
Не имѣлъ себѣ покрова,
Гдѣ главу бы преклонить,
Какъ злодѣй и богохульникъ,
Ядца, винопійца, льстецъ,
Межъ разбойниковъ повѣшенъ
И къ злодѣямъ сопричтенъ,
Испущаетъ духъ въ мученьи;
„Совершилося“, — онъ рекъ,
Дѣло важное спасенья
Совершилъ презрѣнный крестъ *).

Послѣднія двѣ пѣсни по складу и по пріемамъ своимъ непохожи на другія хлыстовскія и скопческія пѣсни. Онѣ сочинены помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ, бывшимъ кормщикомъ корабля, находившагося въ его весьма значительномъ имѣніи Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда. Въ этомъ кораблѣ находились и крѣпостные его люди, въ томъ числѣ ближайшій помощникъ его и наперсникъ, пророкъ Ермилушка. Были въ кораблѣ Дубовицкаго и нѣкоторые дворяне. У хлыстовъ не много пѣсенъ, составленныхъ по правиламъ версификаціи, въ родѣ приведенныхъ пѣсенъ Дубовицкаго (писали ихъ, сколько намъ извѣстно, петербургскіе хлысты: Лабзинъ, редакторъ журнала „Сіонскій Вѣстникъ“,

*) Первая и послѣднія три пѣсни напечатаны въ № 23 «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1867 года.

тайный совѣтникъ В. М. Поповъ и князь Енгалычевъ). Простонародныя хлыстовскія пѣсни—большею частью импровизація, всегда почти безсмысленная, нелѣпая. Вотъ нѣсколько пѣсенъ, вылившихся изъ устъ простолюдиновъ на хлыстовскихъ радѣніяхъ:

VI.

Ай кто пиво варилъ *)?
Ай кто затиралъ?
Варилъ пивушко самъ Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала,
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили, (bis)
Серафимы подносили.
Скажи, батюшка родной **),
Скажи, гость дорогой,
Отчего пиво не пьяно,
Али я гостямъ не рада?
Рада, батюшка родной,
Рада, гость дорогой,
На святомъ кругу гулять,
Бога свѣта прославлять,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласну возносить ***).
Богу слава и держава
Во̀ вѣки вѣковъ. Аминь.

VII.

Саваоѳъ чудо творилъ,
Съ Сыномъ Божьимъ говорилъ:
„Ужъ ты сынъ ли мой, сынокъ,
Ты мой ясный соколокъ,
Ты Сіонская гора,
Съ неба на землю пора—
Живописный ты Спаситель,
Живой агнецъ искупитель,
Духъ—вселенной утѣшитель,
Изволь вселенну утѣшать,
На Алгофъ гору поспѣшать;
На Алгофъ тебя пошлю,
Ризы бѣлыя сошью—
Изволь ризы надѣвать,

*) «Пивомъ» хлысты называютъ круженіе, производимое ими на радѣніяхъ. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной», говоритъ: Оное круженіе свое именуютъ они по дѣйствію «пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ» и, похваляя сіе, говорятъ: «То-то пивушко! Человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ». Пѣсня «Ай кто пиво варилъ» находится при его «Изъясненіи».

**) «Батюшка родной, гость дорогой»—христосъ людей божьихъ.

***) «Живогласная, золотая труба»—пророчество.

Пречисту кровь проливать“.
На крестѣ солнышко свѣтитъ,
За всѣхъ вѣрныихъ отвѣтитъ.
Со̀колъ ясный нашъ летитъ —
Искупитель не стерпѣлъ,
Зо̀лотъ орелъ полетѣлъ,
Всю вселенну исходилъ,
Темну стѣну побѣдилъ,
Жало — лѣпость умертвилъ,
А страданіемъ своимъ
Вереи вѣчны сломилъ,
Очищаетъ грѣхи міръ,
Агнецъ божій наречеся...
Агнецъ ты животворящій
И женихъ происходящій!
На всѣхъ вѣрныхъ оглянулся,
На крестѣ Богъ встрепенулся,
Страшный громъ загремѣлъ,
Земля, небо ужаснулись,
Море кровью зачерпнулось,
Въ лучахъ солнце померкаетъ,
Мѣсяцъ свѣту не даваетъ,
Темной тучей закрываетъ,
Зо̀ри свѣтомъ засвѣтились,
Звѣзды съ неба сокатились,
Всѣ престолы подвигну̀лись,
Архангелы ужаснулись,
А архангелъ Михаилъ
Въ золотыхъ крылахъ предсталъ,
Страху трепету достоинъ,
И въ сенатѣ онъ сенаторъ
И на небѣ губернаторъ,
Много разуму имѣетъ, —
Доложить Христу не смѣетъ;
Судьбу Божью исполняетъ;
Архангеловъ собираетъ,
Христа на̀ крестъ убираетъ,
И сосуды подставляетъ,
Пречисту кровь проливаетъ.
А Илья пророкъ пророчитъ,
Что воскреснуть Христосъ хочетъ;
Давидъ въ гусли заигралъ,
Заскакалъ онъ, заплясалъ,
Ковчегъ Божій предъ нимъ скачетъ;
Петръ апостолъ горько плачетъ,
Много ревности имѣетъ, —
Доложить Христу не смѣетъ,
Востру саблю свою точитъ,
Распинаться съ Христомъ хочетъ, —
Духъ Святой накатилъ,
Петру ревность прекратилъ.
А Кузьма, сударь, Демьянъ
Съ Христомъ въ страстяхъ ликовалъ,
Кандалы всѣмъ расковалъ,
У Христа въ гостяхъ гостилъ,

Съ темницъ вѣрныхъ отпустилъ.
А и Флоръ, сударь, Лавёръ
И коней своихъ подвелъ,
Колесницы закладаетъ,
Христа на̀ крестъ убираетъ.
А Егорій-то святой
Темну ночь не усыпаетъ,
Горьки слезы проливаетъ,
Христа на̀ крестъ убираетъ;
Огонь-пламя утушилъ,
Змѣя люта побѣдилъ.
Николай-то чудотворецъ,
Чудеса онъ тутъ творилъ,
Седьмо небо отворилъ,
Ко Христу часто ходилъ,
Христа на̀ крестъ снарядилъ.
Сама матушка царица
Прилетѣла райска птица.
Христа на̀ крестъ убирала,
Сама смертью умирала,
Саваоѳа упросила,
Сына Божья воскресила.
Богу слава и держава
Во̀ вѣки вѣковъ. Аминь.

Таково въ большей части хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсенъ дикое смѣшеніе священныхъ именъ и предметовъ съ чудовищными представленіями пришедшихъ въ изступленіе „людей божьихъ“.

Приведенныя пѣсни поются напѣвомъ совершенно отличнымъ отъ церковнаго, онѣ скорѣй приближаются къ народнымъ пѣснямъ: однѣ поются протяжно, другія скоро, на подобіе плясовыхъ. Но нельзя сказать, чтобъ онѣ по напѣву своему были совершенно сходны съ пѣснями народными.

Когда поютъ эти „радѣльныя пѣсни“,—а поютъ ихъ на каждомъ собраніи по нѣскольку десятковъ,—сидящіе хлысты или скопцы бьютъ въ тактъ правою рукой по колѣнкѣ, а радѣющіе хлысты хлопаютъ въ ладоши и самый топотъ ногами приноравливаютъ въ тактъ пѣсни. Объ этихъ пѣсняхъ хлысты и скопцы говорятъ, что онѣ тѣ самыя, о которыхъ сказано въ Апокалипсисѣ: „и слышахъ поющихъ *пѣснь нову* предъ престоломъ, и никто же можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи“ *).

Послѣ „радѣльныхъ“ пѣсенъ выводятъ приходящаго на средину круга, опоясываютъ его „знаменами“ и водятъ кругомъ подъ пѣсню:

Благодатный Богъ,
Попусти намъ, Богъ.
Съ нами пребудь, Богъ,
До скончанія вѣка. Аминь.

Елицы отъ Христа (sic) во Христа креститеся, во Христа облекостеся. Аллилуія.

---

*) Апокалипсисъ, XIV, 3.

Послѣ того даютъ принятому въ корабль приложиться къ образу (иногда къ мѣдному кресту), надѣваютъ на него *радѣльную рубаху* и подпоясываютъ ее „знаменемъ". Затѣмъ всѣ цѣлуютъ новаго хлыста и поздравляютъ другъ друга съ новорожденною духомъ душою. У дѣвки же, сидящей въ углу (богородицы), какъ обращенный, такъ и прочіе цѣлуютъ колѣнку или другую часть ея „святого и животворящаго тѣла". Въ то время, когда цѣлуетъ ея тѣло обращенный, въ иныхъ корабляхъ богородица три раза осѣняетъ его крестообразно зажженною свѣчой. Хлысты говорятъ, что на пляску ихъ сходитъ Святой Духъ, и приходящій, введенный во „святой кругъ", крестится духомъ, когда же богородица креститъ его свѣчкой, онъ крестится огнемъ. Тогда-то, говорятъ хлысты, принимаетъ онъ истинное крещеніе „Духомъ Святымъ и огнемъ".

IX.

Обыкновенныя моленія хлыстовъ („радѣнія") совершаются слѣдующимъ образомъ. Часовъ въ шесть вечера они собираются въ одинъ домъ *), гдѣ въ особой комнатѣ **), въ углу, сидитъ богородица, а по лавкамъ съ одной стороны мужчины, а съ другой женщины, всѣ въ особаго покроя длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ ***). Въ иныхъ, немногихъ, впрочемъ, корабляхъ, моленіе начинается чтеніемъ священныхъ книгъ: Толковаго Евангелія, Новаго Завѣта, Писаній отцовъ, особенно аскетическихъ житій святыхъ и пр., а потомъ поется всенощная или однѣ стихеры праздниковъ ****). Послѣ того встаютъ, становятся въ кругъ и начинаютъ свои радѣнія. Это бываетъ обыкновенно въ самую полночь.

---

*) Изъ слѣдственнаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ видно, что они собирались по 30 и по 40 человѣкъ обоего пола. По свидѣтельству священника Ивана Сергѣева, въ Калугѣ собирались по сту и болѣе человѣкъ. Въ Петербургѣ у Кондратья Селиванова бывало на радѣніяхъ по шестисотъ человѣкъ хлыстовъ и скопцовъ. У хлыстовъ, а также и у скопцовъ, иногда, какъ видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ, устраивались особыя укромныя помѣщенія для радѣній. Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: «для безопасности достаточные люди, особенно въ городахъ, роютъ подземные, потаенные ходы, а иные на чердакахъ устраиваютъ внутреннія горницы, чтобы топанья не слышно было». Почти вездѣ на время радѣнія ставятся снаружи караульные, которые при малѣйшей опасности даютъ знать радѣющимъ, чтобъ ихъ не застали врасплохъ.

**) Домъ, гдѣ бываютъ радѣнія, зовется «монастыремъ», «Іерусалимомъ», «домомъ божьимъ». Комната, гдѣ совершаются радѣнія и другіе обряды — «Сіонскою горницей».

***) Въ иныхъ корабляхъ и мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ.

****) Это бываетъ особенно у фарисеевъ или лазаревщины. Въ чисто-хлыстовскихъ корабляхъ всякое книжное ученіе признаётся вреднымъ, противнымъ Богу, отводящимъ отъ истины и удаляющимъ отъ непосредственнаго сообщенія съ божествомъ. Потому въ нихъ не читаютъ св. писанія и церковныхъ книгъ и не поютъ пѣсней, употребляемыхъ при богослуженіи православной церкви, но прямо приступаютъ къ радѣніямъ.

Мужчины становятся хороводомъ, вокругъ ихъ хоровода составляется другой, изъ женщинъ *). Въ этихъ хороводахъ *(святыхъ кругахъ)* хлысты, а также и скопцы, ходятъ, или, лучше сказать, бѣгаютъ посолонь съ припрыжкой, подъ пѣсню: „Дай намъ, Господи, Іисуса Христа!" **). По окончаніи радѣнія каждый подходитъ къ богородицѣ и цѣлуетъ у ней голую колѣнку.

Калужскій священникъ Иванъ Сергѣевъ, бывавшій на хлыстовскихъ радѣніяхъ, говоритъ о нихъ слѣдующее. У хлыстовъ бываютъ праздники большіе и малые. Большіе бываютъ въ опредѣленные дни, и на нихъ собирается человѣкъ по пятидесяти, по сту и болѣе; малые же бываютъ случайно, напримѣръ, по случаю пріѣзда гостей, на нихъ собирается отъ трехъ до десяти человѣкъ. Большіе праздники продолжаются нерѣдко по недѣлѣ, и все это время хлысты проводятъ въ безпрестанномъ круженіи по солнцу; перестаютъ только на время обѣда, каждый день радѣютъ. Когда поютъ начальную молитву („Дай намъ, Господи, Іисуса Христа"), бываютъ вмѣстѣ мужчины и женщины, а потомъ въ иныхъ корабляхъ кружатся и слушаютъ пророчества мужчины въ однѣхъ комнатахъ, а женщины въ другихъ ***). „А когда „ходятъ въ словѣ" пророки (то-есть пророчествуютъ),—продолжаетъ священникъ Иванъ Сергѣевъ:—то нѣкоторые изъ нихъ вертятся по одному на одномъ мѣстѣ, какъ жерновъ, такъ быстро, что и глазъ ихъ не видно. Отъ таковаго быстраго стремленія волосы на головѣ поднимаются кверху. На мужчинахъ рубахи, а на женщинахъ платы раздуваются какъ трубы, и происходитъ отъ нихъ чувствительный вихрь. Иногда всѣ вообще кружатся, по ихъ выраженію, въ „стѣнку", составляютъ большой кругъ, и если

---

*) Очень во многихъ корабляхъ кругъ составляется изъ мужчинъ и женщинъ общій. Вообще у хлыстовъ и скопцовъ оба пола почитаются равными и безразличными. Они говорятъ: «и Павелъ, апостолъ «стараго Христа» (то-есть истиннаго Спасителя міра), говоритъ: «нѣсть мужескъ полъ, нѣсть женскій: всѣ бо едино во Христѣ», а у насъ и подавно такъ».

**) «Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго комитета», 23 мая 1852 года, о хлыстахъ Макарьевскаго уѣзда: «По праздничнымъ днямъ собираются въ домахъ, поютъ, читаютъ, потомъ начинаютъ пѣть стихи голосомъ мірскихъ пѣсенъ, и подъ это пѣніе настоятель или настоятельница по срединѣ комнаты прыгаютъ, а потомъ и соучастники ихъ одинъ за другимъ, по испрошеніи у нихъ благословенія. Чрезъ это они приходятъ въ чрезвычайное изступленіе, которое почитаютъ сошествіемъ Св. Духа и милостію Божіею».

***) Въ петербургскомъ «Новомъ-Іерусалимѣ» Кондратья Селиванова, что въ Литейной части близъ Лиговки, была устроена зала, гдѣ могло радѣть болѣе шестисотъ человѣкъ. Она была устроена въ два свѣта и раздѣлена на двѣ части глухою перегородкой въ одинъ этажъ. Надъ этою перегородкой была устроена ложа (въ родѣ каѳедры въ протестантскихъ молитвенныхъ домахъ) подъ балдахиномъ, гдѣ сидѣлъ христосъ Петръ Ѳедоровичъ, царь израильскій (то-есть Кондратій Селивановъ). Въ одной половинѣ залы радѣли мужчины, въ другой—женщины. И тѣ и другіе въ это время видѣли своего «живого бога».

посмотрѣть на сію ихъ живую сцену, когда хорошо сладятъ, то представится совершенно, какъ бы и подлинно плавающій по воздуху или водѣ кругъ, колеблющійся и изъ-тиха поднимающійся какъ бы единой машиной. Оный кругъ знаменуетъ у нихъ чанъ или „купель духовную“, какъ и молва въ народѣ гласитъ, будто бы они въ чанѣ купаются. Но сей чанъ у нихъ не изъ чувственныхъ досокъ, но изъ плотей человѣческихъ состоитъ. Въ семъ-то чанѣ, или, по ихъ выраженію, „духовной купели“, то-есть въ кровавомъ своемъ поту они крестятся, будучи увѣрены, что тутъ на нихъ сходитъ, или, по ихъ выраженію, „скатаетъ“ Духъ Святой, и кружатся (радѣютъ, по ихъ выраженію) дотолѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ случится собраніе весьма многонародно, принуждены бываютъ даже полъ отъ поту ихъ подтирать ветошками, и рубахи на нихъ сдѣлаются какъ въ водѣ обмоченныя. И до такого изнеможенія они искружатся и измучатся, что уже будутъ безсильны какъ мухи и, обезсилѣвъ, падаютъ, а въ лицѣ бѣлы какъ полотно, почему легко можно узнать ихъ по лицу, когда идутъ съ богомолья домой. Оное круженіе свое именуютъ они „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“ и, похваляя сіе, говорятъ: „То-то пивушко! Человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ“. Въ продолженіе круженія и скаканія поютъ сочиненныя ими пѣсни со всхлипываніемъ и перерывистыми духа трелями, производятъ гоготаніе и какой-то необыкновенный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: „ой духъ, ой духъ, ой Богъ, ой Богъ, царь Богъ, царь Богъ, царь духъ, царь духъ“, а иные: „о Ега, о Ега, о Ега!“, чѣмъ наводятъ на слушающихъ даже нѣкоторый ужасъ. И если подслушать ихъ гоготанье изъ-за стѣны, то представится совершенно, якобы чѣмъ сѣкутся или хлещутся. Можетъ-быть, не отъ того ли и молва въ народѣ носится, будто бы они, ходя вокругъ чана, хлыщутся, приговаривая:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу,
Выйди къ намъ наружу,
Дай денегъ на нужу.

„Не удалось ли кому-нибудь изъ постороннихъ подслушать ихъ дѣйствіе и заключить, что, вѣрно, они чѣмъ-нибудь сѣкутся, и прочимъ въ народѣ такъ разгласили. При круженіи они всячески дурачатся и бѣсятся, иные изъ нихъ трясутся, кривляются, ломаются, какъ бѣсноватые, другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ и вдругъ какъ неистовые вскрикиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто пересказываютъ, и говорятъ иными языки. А какими? Татарскими ли, тарабарскими ли? Думаю, и сами не понимаютъ, кольми паче другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего“ *).

Дѣйствительно, на радѣнія вокругъ чана съ водой и на бичеванія или хлыстанія во всѣхъ ста восьмидесяти извѣстныхъ намъ слѣдствен-

*) Священника Ивана Сергѣева «Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина».

ныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного указанія кого-либо изъ хлыстовъ или скопцовъ, хотя иные весьма подробно и съ полною откровенностью разсказывали про свои тайны. Нѣкоторые изъ нихъ показывали при допросахъ такъ: „носится слухъ въ народѣ, что хлысты кружатся вокругъ чана и хлыщутся, но при мнѣ этого никогда не случалось, развѣ что бываетъ это въ другихъ корабляхъ“ *).

О хлысганьи вокругъ чана письменное извѣстіе находится только у покойнаго нижегородскаго преосвященнаго Іакова въ его статьѣ „О хлыстахъ въ Саратовской губерніи“. Тамъ сказано, что въ 1828 г. въ тюремномъ замкѣ города Вольска содержалась дѣвка Анна Ѳедоровна Скачкова изъ села Давыдовки (Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи), бывшая у хлыстовъ богородицей. Она, говоритъ преосвященный Іаковъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ ввѣрившись одному изъ содержавшихся съ ней въ тюрьмѣ, за глубочайшій секретъ открыла ему тайны своей ереси, при чемъ сказала, что обряды ихъ моленія будто бы писаны въ книгахъ „грамотою никому неизвѣстною, печатною“, что грамотѣ той учатся лишь тѣ, которые продолжительнымъ временемъ утвердятся неизмѣнно въ сектѣ. Эта Анна Ѳедорова разсказывала и о чанѣ, а о бичеваньи весьма подробно. Въ моей запискѣ, составленной со словъ посланнаго въ 1849 году покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ развѣдать о хлыстахъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, также говорится о бичеваньи. Тамъ сказано, что богородица или пророчица, когда другіе радѣютъ, сидитъ въ углу на возвышеніи подъ образами и изъ тесемокъ или нарѣзаннаго полосками холста вьетъ такъ-называемые „святые жгутики“, или же свиваетъ по три прута вербы въ одинъ. Когда прикладываются къ ея колѣнкѣ, она ударяетъ тѣмъ жгутикомъ или вербой и даетъ то или другое подходящему. Составляется новый кругъ: бѣгаютъ другъ за другомъ, бьютъ себя и другихъ жгутиками и вербами по голымъ плечамъ и поютъ:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу.
Сниди къ намъ, Христе,
Со седьмого небесе,
Походи съ нами, Христе,
Во святомъ кругу,
Сокати съ небеси
Сударь Духъ Святой.

Но довѣренный покойнаго архіепископа Іакова хотя и вступилъ въ хлыстовскій корабль, но самъ тоже никогда не видалъ радѣній вокругъ

*) Такъ, напримѣръ, при производствѣ слѣдственнаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ, крестьянинъ Ѳедоръ Павловъ сказалъ: «Народный слухъ, что Василій (Радаевъ) и его послѣдователи молятся около чана съ водой и хлыщутся съ произнесеніемъ словъ: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!», если и справедливъ, то мнѣ видѣть не случалось». То же показали и всѣ другіе.

чана и видѣній „золотого христа“. Онъ только слышалъ о томъ и другомъ отъ посторонних. Я внесъ однако его разсказъ въ трактатъ мой „О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“ (въ тринадцати большихъ тетрадяхъ), писанный въ 1854 году по высочайшему повелѣнію. Онъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковымъ былъ переданъ на разсмотрѣніе покойному петербургскому митрополиту Григорію, который, будучи тогда казанскимъ архіепископомъ, передалъ списокъ съ моего трактата въ казанскую духовную академію. Тамъ изъ него взяли цѣликомъ немало статей для „Православнаго Собесѣдника“, не ссылаясь на источникъ. Такимъ образомъ и сказаніе о радѣніяхъ хлыстовъ вокругъ чана съ водой вошло (слово въ слово) въ трактатъ „О людяхъ божьихъ“ г. Добротворскаго, напечатанный въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. По дальнѣйшимъ моимъ изслѣдованіямъ, все написанное мною о чанѣ и о бичеваньи хлыстовъ и затѣмъ перешедшее цѣликомъ на страницы „Православнаго Собесѣдника“ оказалось невѣрнымъ.

Радѣнія у хлыстовъ и скопцовъ совершаются тремя способами. Первый называется *круговымъ*. Составя кругъ въ родѣ хоровода, они ходятъ другъ за другомъ, повертываясь направо, то-есть по солнцу *), подъ тактъ радѣльныхъ пѣсенъ. Подъ это пѣніе они вертятся сильнѣй и сильнѣй, пока не дойдутъ до изступленія. Пѣсня поется съ болѣе и болѣе учащеннымъ тактомъ; рубашки отъ верченія раздуваются, а пророкъ или богородица приговариваетъ радѣющимъ:

Радѣйте, радѣйте,
Плотей не жалѣйте,
Марѳу не щадите,
Богу поскачите.
Царь Давидъ съ ковчегомъ
Скакаше, играя.
Людіе божьи, святые,
Богу порадѣйте,
Трудовъ не жалѣйте... и т. д.

Или:

Ей вы, нуте-ка, други, порадѣйте-ка,
Меня, христа бога, поутѣшьте-ка,
Мою матерь, богородицу, порадуйте, и пр.

Продолжается это до тѣхъ поръ, пока рубашки взмокнутъ отъ пота. Это у хлыстовъ называется *банею пакибытія, духовною купелію.*

Отдохнувши, они начинаютъ радѣть *корабельнымъ радѣніемъ.* Становятся въ кругъ другъ къ другу лицомъ, молятся другъ на друга (на образъ и подобіе Божье), а потомъ прыгаютъ вверхъ, подскакивая какъ можно выше, хлопая въ ладоши, бія себя въ грудь и голову и безпрестанно приговаривая: „Ой Духъ! Святой Духъ! Накати, накати!“

---

*) Даже не при радѣніяхъ ни хлыстъ ни скопецъ никогда не повернется налѣво.

Третье радѣніе *крестное* (радѣть на крестикъ) дѣлается такъ: по угламъ комнаты становятся по одному, по два или по нѣскольку человѣкъ и перебѣгаютъ изъ угла въ уголъ какъ можно скорѣе. Во время этого перебѣганья притопываютъ ногами и кричатъ подъ тактъ пѣсни: „Ой Духъ! Святой Духъ! Накати, накати!“

Крестьянинъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, Иванъ Андреяновъ, въ своемъ донесеніи, поданномъ въ февралѣ 1825 году императору Александру Павловичу, разсказываетъ о радѣніяхъ слѣдующее: „По отпѣтіи молитвъ ихъ собственнаго сочиненія, учитель садится впереди, а прочіе по достоинствамъ ихъ, поютъ разныя духовныя пѣсни, сложенныя ими же самими, иногда бьютъ сильно руками по колѣнямъ въ одинъ махъ всѣ. При началѣ пѣнія крестятся и просятъ благословенія: „благослови, государь-батюшка“. Потомъ учитель приказываетъ „радѣть“ или вертѣться по солнцу. Иногда радѣніе начинаетъ самъ учитель, за нимъ слѣдуютъ другіе, и такимъ образомъ составляется большой кругъ: скоро ходятъ кругомъ по солнцу, приподымаясь понемногу, сильно топаютъ ногами въ одинъ шагъ, машутъ руками, дышатъ сильно и отрывисто въ разъ съ топаніемъ ногъ, а когда почувствуютъ въ себѣ духъ, то начинаютъ бѣгать все скорѣй и скорѣй, какъ скорость коней, бѣгущихъ рысью. Это радѣніе называютъ они „радѣніе кораблемъ“. Потомъ поворачиваются бокомъ, ходятъ скоро кругомъ, скачутъ притомъ вдругъ обѣими ногами, весь кругъ разомъ, и машутъ руками. Это радѣніе называется „стѣнкою“. Послѣ чего становятся на четыре угла по одному и по два, одни противъ другихъ, и бѣгаютъ парами на крестъ. Это „радѣніе на крестикъ“. Затѣмъ становятся въ рядъ отъ передней къ задней стѣнѣ, бѣгаютъ скоро, топая ногами и помахивая руками, у стѣны оборачиваются по солнцу всѣ вдругъ и начинаютъ „радѣніе на кругу“, которое заключается въ томъ, что они вертятся по солнцу на одномъ мѣстѣ весьма проворно, сильно топаютъ ногами и отрывисто и тяжело дышатъ. Въ этомъ радѣніи отъ скорости оборотовъ едва бываетъ видно лицо человѣка вертящагося, и скорость оборотовъ подобна вихрю. Другіе при этомъ поютъ въ тактъ: „Сей духъ, сей духъ, царь духъ, царь духъ, благодать, благодать!“. При этомъ они крестятся, наблюдаютъ за вертящимися, и когда замѣтятъ „сильное и удивительно скорое дѣйствіе радѣнія ихъ“, то говорятъ: „На него благодать накатила“. Во время такихъ дѣйствій ихъ вселяется въ человѣка духъ, и выходятъ пророки. Женщины дѣлаютъ то же, что̀ и мужчины, и изъ нихъ выходятъ пророчицы. Тѣ и другія имѣютъ къ радѣнію большую охоту и чувствуютъ въ сердцѣ радость. Учитель мой говорилъ, что при радѣніи надо молчать и ни о чемъ не помышлять, иначе духъ не можетъ вселиться въ радѣющаго. Онъ уговаривалъ меня непремѣнно радѣть на кругу, объясняя, что иначе благодать въ меня не вселится... Они радѣютъ больше „кораблемъ“ и „на кругу“, но если есть время, то и на всѣ манеры. По окончаніи радѣнія всѣ садятся, поютъ разныя пѣсни и

хлопаютъ въ тактъ руками по колѣнямъ; потомъ становятся предъ учителемъ на колѣни, крестятся, кланяются ему въ землю и просятъ сотворить милость, чтобы Духъ Святой просвѣтилъ ихъ чрезъ уста пророка. Учитель выбираетъ пророчицу для женщинъ, а самъ пророчествуетъ мужчинамъ. Избранные становятся лицомъ къ народу, съ платками въ рукахъ, разомъ пророчествуютъ съ небольшимъ движеніемъ тѣла и громко выговариваютъ рѣчи стихами. И сперва бываетъ „слово" (то-есть пророчество) всему собранію, и тогда все собраніе стоитъ на колѣняхъ предъ пророками, всѣ крестятся и кланяются въ землю... Потомъ бываетъ слово каждому порознь. Этотъ, стоя на колѣняхъ, молится и кланяется пророку, кланяется въ землю, иногда со слезами, ибо тогда они каются предъ пророками въ грѣхахъ, и пророки обличаютъ ихъ. Прочіе изъ собранія при этомъ встаютъ... Пророчество всему собранію продолжается иногда безпрестанно до четырехъ часовъ. По окончаніи пророчествъ учитель и всѣ остальные поютъ „Христосъ воскресе", потомъ учитель кладетъ на лавку, подъ святые образа, крестъ Господень и покровы (платки) отца искупителя. Присутствующіе покорно поклоняются въ землю и прикладываются ко кресту и къ покрову, и кладутъ деньги по усердію, крестятся, попарно кланяются учителю въ землю. Послѣ толкуютъ иногда пророчество, кому что̀ вышло въ словѣ".

Изъ другихъ источниковъ, имѣющихся у насъ подъ руками, видно, что если во время радѣнія кто-нибудь изъ хлыстовъ начнетъ приходить въ изступленный восторгъ, почувствуетъ, что ему захватываетъ духъ (это называется: „заблажилъ въ немъ Духъ Святъ"), онъ тяжело дышитъ и начинаетъ вскрикивать: „Вотъ катитъ! Вотъ катитъ!.. Духъ Святъ!.. Духъ Святъ!.. Накатилъ!.. Накатилъ!.." И начинаетъ снова кружиться, кружится, какъ дервиши, до безпамятства и послѣ того, не помня себя, произноситъ скороговоркой или нараспѣвъ несвязныя рѣчи. Эти рѣчи и считаются *пророчествами* *).

У хлыстовъ и у скопцовъ нѣтъ установленныхъ пѣсенъ, которыя бы

*) О томъ, что̀ чувствуютъ въ это время пророки, Василій Радаевъ такъ показывалъ на допросѣ: «Я прихожу тогда въ восторги многіе и воздыханія неизглаголанныя» («Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ». Показаніе Василія Радаева). Никифоръ Майданскій въ своемъ показаніи (въ томъ же дѣлѣ) говорилъ: «Передъ тѣмъ, когда нисходитъ Святой Духъ, чувствую затменіе въ умѣ и стѣсненіе въ груди». Ѳедоръ Павловъ, скрывавшій о самыхъ дѣйствіяхъ радѣнія, говоритъ о пророчествахъ Радаева слѣдующими словами: «На бесѣдахъ, гдѣ толковалъ Радаевъ свое ученіе, постепенно входилъ онъ въ какую-то горячность разговора, такъ что наконецъ приходилъ въ какое-то затменіе ума и чувствовалъ, какъ онъ про то самъ утверждалъ, особенное стѣсненіе въ груди, которое, по утвержденію его, происходитъ отъ дѣйствія Св. Духа и послѣ котораго онъ впадалъ въ какое-то безпамятство». Хлыстъ Иванъ Ивановъ, изъ деревни Вторусской, показалъ о Радаевѣ такъ: «При поученіи Василій приходилъ въ какое-то затменіе ума и въ безпамятствѣ падалъ на полъ; таковые же припадки случались и съ Никифоромъ Михайловымъ Майданскимъ». Одинъ хлыстъ,

пѣлись при извѣстномъ случаѣ. Одинъ запоетъ какую-либо извѣстную всѣмъ пѣсню, другіе тотчасъ же ее подхватываютъ и начинаютъ пѣть хоромъ. Иногда изъ одной пѣсни переходятъ въ другую, иногда кто-нибудь поетъ пѣсню импровизованную. Поэтому и нельзя опредѣлительно указать на то, какія именно пѣсни поютъ они, приходя въ изступленное состояніе. Вотъ, напримѣръ, одна пѣсня. Начинаютъ ее хоромъ, протяжно, заунывно и, постепенно возвышая голоса̀. поютъ скорѣй и скорѣй. Пѣсня изъ largo и pianissimo мало-по-малу переходитъ въ vivace allegro и fortissimo. Подъ конецъ поющіе задыхаются, всхлипываютъ, гогочутъ и взвизгиваютъ:

Какъ не золотая трубушка жалобненько вострубила,
Ой да жалобненько, жалобненько,
Возставали, возставали духи бурные,
Заходили, заходили тучи грозныя...

Соберемтесь-ка мы, братцы, во единъ во соборъ,
Мы посудимте, порядимте таку радость:

Ужъ вы вѣрные, вы изобра̀нные,
Вы не знаете про то, вы не вѣдаете,
Что̀ у насъ нынѣ на сырой землѣ понадѣлалось:

Катаетъ у насъ въ раю̀ птица,
Она летитъ,
Во ту сторону глядитъ,
Да гдѣ трубушка трубитъ,
Гдѣ самъ Богъ говоритъ:
Ой Богъ! Ой Богъ! Ой Богъ!
Ой духъ! Ой духъ! Ой духъ!
Накати, накати, накати!
Ой Ега̀, ой Ега̀, ой Ега̀!

Накатилъ, накатилъ,
Духъ святъ, Духъ святъ!
Царь духъ, Царь духъ!
Разблажился,
Разблажился
Духъ святъ, Духъ святъ!

Ой горю̀, ой горю̀,
Духъ горитъ, Богъ горитъ,
Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
Святъ духъ, Святъ духъ,

разсказывая о томъ, что̀ чувствуетъ онъ во время радѣнія, говоритъ: «Чувствую, что во мнѣ во всемъ, внутри меня небесный свѣтъ, а кромѣ меня во всей вселенной нѣтъ ничего; значитъ, Богъ тогда во мнѣ, а безъ Бога ничто же бысть, еже бысть. Вся вселенная, значитъ, вселилась съ Богомъ въ мою утробу, и кромѣ меня нѣтъ нигдѣ ничего». Сравните съ этимъ слова протопопа Аввакума, извѣстнаго расколоучителя временъ царя Алексѣя Михайловича. Аввакумъ писалъ, что однажды онъ «былъ въ духѣ», и въ утробу его вселилась вся вселенная.

Ой горю̀, горю̀, горю̀,
Духъ! Ой Ега̀!
Ой Ега̀, ой Ега̀, ой Ега̀,
Евое!
Духъ Евой, духъ Евой, духъ Евой...

Пророки и богородицы людей божьихъ пророчествуютъ или отъ своего лица, или въ видѣ словъ, идущихъ отъ Бога, иногда же въ видѣ разговоровъ съ Іисусомъ Христомъ, съ Духомъ Святымъ, съ Божіею Матерью и пр. *).

Если кто, придя въ изступленное состояніе (это называется „быть въ духѣ“), начнетъ пророчествовать („ходить въ словѣ“), все умолкаетъ. Всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ пророка или пророчицу, принимая ихъ слова за слова самого Бога. Пророчества говорятся въ риѳму и нерѣдко бываютъ совершенно безсмысленны. Вотъ для примѣра одно общее ко всѣмъ, ко всему собору или кораблю, а другое къ одному лицу:

„Ужъ вы, батюшки, братцы и духовныя сестрицы, вы не извольте на землѣ жить и унывать, а извольте твердо на Бога уповать, а я буду вамъ драгоцѣннаго товару раздавать, а вы извольте на землѣ имъ торговать, царство и блаженный рай въ седьмомъ небѣ доставать“.

„Слушай, братъ, Саваоѳъ тебѣ радъ. Я тебя не оставлю, сорокъ ангеловъ къ тебѣ приставлю; будутъ тебя стеречь, отъ всякаго зла беречь. Я, Богъ, тебя награжу — хлѣба вволю урожу, будешь ѣсть, пить, меня Бога хвалить; станешь хлѣбецъ кушать, евангелье слушать. Вотъ тебѣ отъ Бога сказъ, отъ Святого Духа указъ. Оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою“ **).

---

*) Изъ дѣла, произведеннаго въ 1851 году о хлыстовской богородицѣ Нижегородскаго уѣзда, села Елховки, Авдотьѣ Щанниковой, видно, что когда слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій нижегородскаго губернатора Хотяинцовъ, арестовалъ ее, то «она пришла въ изступленіе, потомъ билась какъ въ припадкѣ (падучей болѣзни) съ полчаса, послѣ припадка пришла въ разслабленіе и скороговоркой начала говорить двумя голосами: отъ себя къ Богородицѣ и отъ Богородицы къ себѣ».

**) Иванъ Андреяновъ, въ донесеніи, поданномъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу, о пророчествахъ говоритъ: «Иному выпѣваютъ, что искупитель-отецъ его любитъ, своего духа посылаетъ, на золотой кругъ посылаетъ, въ золоту трубу трубить заставляетъ (то-есть даръ пророчества даетъ), на бѣлаго коня сажаетъ (удостоитъ его оскопленія), на Голгофъ гору снаряжаетъ (пошлетъ ему страданія). Если кто въ чемъ сомнѣвается въ вѣрѣ, то такому въ словѣ напѣваютъ: «истинно, истинно, истинно, я богъ, я отецъ, тебѣ пророкаю: повѣрь, любезный сирота, что это истинное дѣло божье творится, а міръ-народъ тому дивится; истинно, истинно, я, отецъ, тебя не покину, тебѣ милость покажу и со грѣхомъ тебя развяжу, и ты будешь у меня отца не пустъ, посажу я тебя въ виноградный кустъ, къ тебѣ Духъ Святой будетъ прилетать, а ты изволь его узнавать; и я, отецъ, не дамъ тебя въ іудейскія руки и избавлю тебя отъ вѣчныя муки; не дамъ напасть на тебя чернымъ вранамъ; ходитъ за тобой змѣя, и хочется ей тебя ужалить и твою душу погубить, но я, отецъ, тебя сохраню». За невѣріе же угрожаютъ разными изреченіями, разными случаями наказанія и болѣзни. Иногда пророки выпѣваютъ давно

Послѣ пророчествъ всѣ садятся по мѣстамъ, и начинается общая трапеза: ѣдятъ молочную кашу, блины, молоко, калачи, у богатыхъ пьютъ чай. Это дѣлается на складчину *). Главное, годовое радѣніе бываетъ въ должайшіе іюньскіе дни, около Троицына дня. Въ то время въ иныхъ, весьма, впрочемъ, немногихъ корабляхъ, хлысты, радѣя, поютъ пѣсни, обращенныя къ „матушкѣ сырой землѣ", которую отожествляютъ съ Богородицей. Чрезъ нѣсколько времени богородица, одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья, вынося на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами. Это сама „мать сыра земля" со своими дарами. Она причащаетъ хлыстовъ изюмомъ, приговаривая: „даромъ земнымъ питайтесь, Духомъ Святымъ услаждайтесь, въ вѣрѣ не колебайтесь" **), потомъ помазываетъ ихъ водою, приговаривая: „даромъ Божьимъ помазайтесь, Духомъ Святымъ наслаждайтесь и въ вѣрѣ не колебайтесь". Говорятъ, будто во время радѣнія, бывающаго въ этотъ день, хлысты радѣютъ болѣе, чѣмъ въ другіе дни, и что въ это время изступленнымъ представляется какой-то дымъ, и въ немъ будто видятъ они младенца, сіяющаго золотымъ блескомъ. Это называютъ они явленіемъ „золотого христа". Какъ скоро покажется это видѣніе, хлысты падаютъ ницъ ***).

умершихъ изъ своихъ собратій: Александра Ивановича (Шилова, скопческаго Іоанна Предтечу) и духовную матушку искупителя Акулину Ивановну, что они въ царствѣ небесномъ великіе люди, что они за нихъ Богу молятся и во всемъ имъ помогаютъ. Пророчества ихъ всегда происходятъ отъ лица искупителя ихъ. Въ концѣ слова иногда выпѣваютъ: «оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою, ангелъ Божій со трубою всегда ходитъ за тобою». Прежде выпѣвали въ словѣ: «возлюбленный ты мой», а теперь поютъ: «любезный сирота». Изъ пророковъ многіе не учены грамотѣ.

*) Священникъ Иванъ Сергѣевъ, въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго хлыстовщиной», говоритъ: «Учители строго запрещаютъ ходить въ другіе корабли къ другимъ учителямъ и праздновать на чужихъ праздникахъ, развѣ въ превеликой нуждѣ, дабы не развлекались сердцами и не раздѣлялись любовію ко инымъ учителямъ и братіи иныхъ скопищей... Между учителями и нянькими (пророчицы, ухаживающія за больными, особенно за вновь оскопленными) бываютъ между собой ссоры. Ссорятся промежъ себя изъ-за того, которую больше любятъ, у кого чаще сборища бываютъ, и при этомъ случаѣ, *кому болѣе гостинцевъ приносятъ*, у кого больше народу бываетъ». У людей достаточныхъ угощеніе бываетъ на ихъ счетъ, а не на складчину.

**) О причащеніи изюмомъ говоритъ и св. Димитрій Ростовскій въ своемъ «Розыскѣ» (часть III, стр. 572). У послѣдователей скопческой ереси, происшедшей изъ хлыстовщины, есть портреты искупителя, на которыхъ онъ всегда изображается сидящимъ у стола, на которомъ лежатъ плоды и виноградъ.

***) О причащеніи изюмомъ «матерью сырою землею» не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ слѣдственныхъ дѣлъ, хотя люди божьи изъ этого обряда не дѣлаютъ большого секрета. О явленіи «золотого христа» хлыстовская богородица Анна Ѳедоровна въ Вольскомъ тюремномъ замкѣ разсказывала слѣдующее: «Хлысты до тѣхъ поръ себя хлыщутъ, пока

Во время тѣхъ радѣній, на которыхъ совершается причащеніе хлыстовъ, они послѣ пророчества, по обыкновенію, садятся за столъ, христосъ, пророкъ или богородица рѣжетъ бѣлый хлѣбъ и, раздавая куски людямъ божьимъ, произноситъ слова: „пріимите, ядите“ и пр. Вмѣсто вина, котораго хлысты ни въ какомъ случаѣ не пьютъ, христосъ, богородица или пророкъ причащаютъ ихъ водою, иногда квасомъ.

X.

Кромѣ изложенныхъ обрядовъ, совершаемыхъ послѣдователями хлыстовщины во время ихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ радѣній, ихъ большихъ и малыхъ праздниковъ, въ нѣкоторыхъ „корабляхъ“, но далеко не во всѣхъ, изрѣдка (можетъ-быть, лѣтъ черезъ десять и болѣе) совершаются отвратительные обряды „христовой любви“ и „причащенія тѣла и крови“. Повторяемъ, совершается это далеко не во всѣхъ корабляхъ и чрезвычайно рѣдко.

„Христовою любовью“ называется общій развратъ корабля, происходящій послѣ радѣнія, когда и мужчины и женщины находятся въ изсту-

не всколышется въ чанѣ вода. Колыханіе въ чанѣ воды бываетъ не по каждому моленію, а послѣ двухъ, трехъ, четырехъ разъ. Сверхъ сихъ моленій бываетъ еще годовое моленіе середи лѣта, во весь самый большой день и ночью, тѣмъ же порядкомъ, а когда всколеблется вода, то всѣ, ставъ на колѣни, видятъ надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенца, сіяющаго свѣтомъ. Въ сію минуту они приходятъ въ ужасный трепетъ, дѣлаются безъ движенія, потомъ, опамятовавшись и пришедъ въ себя, кланяясь другъ другу, говорятъ: «поздравляю тебя съ видѣніемъ христа». Послѣ того воду изъ чана берутъ въ посудѣ по домамъ, какъ святыню» (преосвященнаго Іакова, архіепископа Нижегородскаго, «О хлыстахъ въ Саратовской губерніи»). О явленіи «золотого христа» упоминается и въ слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Пророкъ Никифоръ Майданскій въ своемъ показаніи говорилъ: «я не видалъ золотого христа въ видѣніяхъ, *какъ это всегда бываетъ* у другихъ хлыстовъ». Прочіе хлысты почему-то объ этомъ не были спрошены. Такъ-называемый «золотой христосъ» изображается у хлыстовъ и скопцовъ на картинахъ. На одной картинѣ нарисована гора, на ней бѣлый барашекъ, подлѣ него мальчикъ въ бѣлой сорочкѣ, подолъ которой выше колѣнъ. Бѣлокурый мальчикъ, съ длинными волнистыми волосами, голыя ноги его красиво обвиты красными лентами крестъ-накрестъ. Стоитъ онъ, изогнувши нога на ногу, одной рукой держитъ переднюю ножку агнца, а другою обнимаетъ его шею, голову же преклонилъ къ головѣ барашка. Тутъ же прислоненный къ горѣ жезлъ съ четырехконечнымъ крестомъ наверху; перевязанъ тотъ жезлъ бѣлымъ полотенцемъ (знаменемъ хлыстовскимъ). На другой картинѣ изображенъ на облакѣ мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ, наверху его бѣлый голубь. Отъ голубя (Святой Духъ) лучи падаютъ на голову мальчика, вокругъ херувимы. Копіи съ этихъ картинъ приложены къ книгѣ покойнаго Надеждина: «Изслѣдованіе о скопческой ереси». Но эти и другія картины не самими хлыстами или скопцами сочинены. Онѣ взяты ими съ виньетокъ, которыми украшались русскіе переводы нѣмецкихъ мистиковъ Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена и др. Совершенно несправедливо сообщаютъ нѣкоторыя газеты извѣстіе, будто такія картины находятся во всякомъ скопческомъ домѣ. Напротивъ, онѣ очень рѣдки.

пленномъ состояніи. Этотъ развратъ, не разбирающій ни возраста ни узъ родства, объясняется двояко. Одни хлысты говорятъ, что они, поступая такъ, *грѣхомъ грѣхъ истребляютъ* *). Но есть, кромѣ того, свѣдѣнія, что хлысты отъ времени до времени дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобъ имѣть дѣтей, рожденныхъ, какъ они говорятъ, отъ Духа Свята (такъ-называемыхъ „христосиковъ"). Если какая женщина сдѣлается беременною, она принимаетъ санъ богородицы, и рожденный ею считается „не отъ крове, не отъ похоти плотскія, не отъ похоти мужескія, но отъ Бога родившимся".

Дикій обрядъ „христовой любви" въ иныхъ, немногихъ, конечно, хлыстовскихъ корабляхъ соединяется съ другими, еще болѣе отвратительными, еще болѣе ужасными обрядами: пріобщенія тѣлу и крови.

Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ началѣ сороковыхъ годовъ, которому нашимъ правительствомъ предоставлены были всѣ способы, какъ вещественные, такъ и невещественные, къ собранію всевозможныхъ свѣдѣній, такъ передаетъ откровенный разсказъ одного хлыста Ярославской губерніи: „Во время моленія, въ чанъ, наполненный теплою водой, сажаютъ пятнадцатилѣтнюю или шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которую успѣли склонить къ оскопленію. Когда она усядется въ чанѣ, къ ней подходятъ старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ, лѣвый, и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченіе крови. Во время этой операціи дѣвушкѣ даютъ въ руки икону Святого Духа, чтобъ она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную боль. Потомъ отрѣзываютъ часть тѣла, кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ, которые и ѣдятъ ихъ. Когда кончится это людоѣдство, ту дѣвушку сажаютъ на возвышенное мѣсто, особо для нея устроенное, и все собраніе начинаетъ вокругъ нея плясать, припѣвая:

Поплясахомъ, погорахомъ
На Сіонскую гору" **).

Баронъ Гакстгаузенъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ легковѣрныхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые, говоря о Россіи, допускаютъ въ разсказахъ своихъ всевозможныя нелѣпости. Его свидѣтельство достовѣрно. Мнѣ самому случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ хлыстовскіе корабли, разсказъ о гнусномъ людоѣдствѣ, равно

---

*) Радаевъ говорилъ: «Христосъ принялъ плоть отъ Адама, чтобы грѣхомъ грѣхъ потребить, а я принялъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить». Показаніе хлыста Лобанова въ «Слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ».

**) «Études sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie». T. I, стр. 308; примѣчаніе. Это приведено и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (1858, № 7, стр. 404 и 405), но безъ означенія, откуда заимствовано.

какъ и о закланіи младенцевъ мужескаго пола, рождаемыхъ богородицей. То же самое слышалъ г. Кельсіевъ за Дунаемъ отъ одной богородицы Авдотьи Ивановны, бѣжавшей изъ Курской губерніи, у которой хлысты съѣли лѣвую грудь и выпили кровь ея восьмидневнаго ребенка.

Вотъ разсказъ, записанный мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ со словъ одного крестьянина, бывшаго въ хлыстовской ереси.

Въ христы, въ богородицы, въ пророки, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, поступаютъ не по выбору, а, такъ сказать, по вдохновенію *). Привлекается въ корабль молодая дѣвушка чистой жизни. Если замѣчаютъ, что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемыя при радѣніяхъ, а еще лучше и безъ радѣній случаются съ нею припадки, въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе („кликуша", по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на избранный сосудъ. То же самое и относительно мужчинъ. Черезъ нѣсколько времени, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ „бесѣдѣ", подходитъ къ ней пророчица и начинаетъ выпѣвать въ родѣ слѣдующаго:

Молодая ты юница,
Богу милая пѣвица,
Чистая отроковица,
Красная дѣвица,
Полюбилъ тебя Богъ,
Самъ Господь Саваоѳъ.
Благословенна ты въ женахъ,
Родишь Спаса въ пеленахъ,
Во святыхъ во знаменахъ,
Въ золотыхъ во теремахъ.
Люди божьи тебѣ помолятся,
Всѣ цари, короли поклонятся;
Будешь ты святая юродица,
Матушка пресвятая богородица,
Отъ тебя христосъ народится,
Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься.

Дѣвушка сначала и сама не знаетъ, что̀ это означаетъ, но чрезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать, что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлыстовъ, въ санъ богородицы **).

Старыя пророчицы снимаютъ съ нея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа̀. Начинается обожаніе. Новой богоро-

*) Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: «въ санъ пророка, христа, богородицы поступаютъ не по благословенію учителей, и никакого видимаго постановленія не бываетъ, все дѣлается по прореченію на кругу».

**) Въ скопческихъ «Страдахъ» или «Посланіи отъ истиннаго отца искупителя всѣмъ возлюбленнымъ дѣтушкамъ» (оно напечатано въ четвертой книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1864 года) сказано, что скопческая богородица Акулина Ивановна говорила: «всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится; я этому и сама дивлюсь».

дицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди и пр. Называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. Молятся ей и просятъ сподобить причаститься пречистаго тѣла ея, а когда отъ Духа Свята отъ нея „христоспкъ“ родится, причаститься и его животворящей кровью...

Новая богородица на этой же „бесѣдѣ“, или черезъ нѣсколько времени, на другой, радѣетъ (въ бѣлой полотняной рубашкѣ), припѣвая:

Я люблю, люблю дружка,
Саваоѳа въ небесахъ.
Ей-ей, люблю!
Ей-ей, люблю!

Радѣнія продолжаются... Быстрѣй и быстрѣй всѣ вертятся... Все оканчивается „христовой любовью“...

Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, „похвалу богородицы“:

Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ, стояла свѣтлица,
Эта свѣтлая свѣтлица—дѣвственное тѣло:
Краснѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй она снѣгу, и пр. *).

Ее дарятъ разными вещами, а когда прислуживающія ей „пророчицы“ и „праведныя“ замѣтятъ, что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы, о которомъ упоминаетъ баронъ Гакстгаузенъ.

Для этого ставятъ среди горницы чанъ съ теплою водой. Богородица сначала радѣетъ, какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подъ иконы. Послѣ обожанія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда и даютъ въ руки икону Нерукотвореннаго Спаса **), которую она держитъ надъ головой. Вокругъ чана весь корабль радѣетъ при громкихъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаютъ богородицу и просятъ ее сподобить людей божьихъ причаститься ея пречистаго тѣла. Наконецъ одна изъ старыхъ богородицъ или пророчица отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ въ кусочки и причащаются ими.

Дѣлаютъ это въ иныхъ случаяхъ съ дѣвушками непорочными, но такія не называются богородицами, а только пророчицами или же богинями. Богинями зовутъ, впрочемъ, и богородицъ.

---

*) Обѣ послѣднія пѣсни заимствованы изъ архива департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онѣ присланы изъ Тульской губерніи.

**) Баронъ Гакстгаузенъ говоритъ, что даютъ икону Святого Духа. Но такой иконы у насъ, сколько извѣстно мнѣ, нѣтъ. Я слышалъ, что при этомъ употребляется образъ Нерукотвореннаго Спаса. То же сказывали и В. И. Кельсіеву за Дунаемъ.

Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвушки родится дочь, ее отдаютъ матери, и эта дѣвочка впослѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родился мальчикъ, онъ считается сыномъ божьимъ и называется „христосикомъ". На восьмой день его закалаютъ въ лѣвый бокъ такимъ же копіемъ, какое употребляется въ церквахъ, пронзаютъ ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою.

Объ этомъ ужасномъ изувѣрствѣ разсказываетъ св. Дмитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ". Онъ пишетъ, что между Вологдой и Каргополемъ жилъ въ его время изувѣръ, считавшійся святымъ и преподобнымъ, и съ нимъ жило много учениковъ и учницъ, „ученіемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ влекомы бяху къ нему, аки къ великому угоднику Божью. Учаше же той славимый мнимый святецъ тайно, еже всѣмъ жити блудно безо всякаго зазора, глаголя яко нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію, но любовь есть". Однажды къ нему пришли два человѣка и сказали, что такая-то дѣвица родила мальчика: „Той же окаянный мнимый святый пустынникъ рече имъ: „Не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родитъ отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножомъ, поднявъ груди, измете сердце и да принесете на блюдѣ ко мнѣ? Идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ". Они же абіе отшедше, по маломъ часцѣ принесоша на блюдѣ древяномъ онаго новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и вдадоша ему. Онъ же веземъ ножъ, своима рукама разрѣза е на четыре части и рѣче имъ: „пріимите сіе, и въ печи изсушивъ, истолките". Скверные же тіи слуги окаяннаго онаго пустынника, шедше сотвориша повелѣнное имъ и паки принесоша къ нему истолченное въ муку младенческое сердце. Пустынникъ же веземъ листъ писчія бумаги и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки, и призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: „возьмите бумажки сіи со святынею" и пр. *).

О такихъ дѣтоубійцахъ въ прошломъ столѣтіи говорилъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій въ своемъ „Обличеніи неправды раскольнической". Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ составленномъ, по приказанію рязанскаго епископа Симона, „Наставленіи состязаться съ раскольниками", тоже о нихъ упоминается.

Бумажки съ порошкомъ, въ которомъ подозрѣвался тотъ порошокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, находимы были при обыскахъ у хлыстовъ и скопцовъ, но не было случая, чтобъ изувѣрное преступленіе было вполнѣ обнаружено и юридически доказано.

Изувѣры, извращенно толкуя святое евангеліе, полагаютъ, что Дѣва Марія также отдала на восьмой день обрѣзать Іисуса Христа, то-есть

---

*) «Розыскъ», III, 534 и слѣд.

заклать его для причащенія вѣрныхъ его тѣломъ и кровью. Обрѣзаніе (то-есть закланіе) совершено было, говорятъ они, пророкомъ Симеономъ и пророчицею Анною. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, продолжаютъ они, Дѣва Марія родила *духовно*, то-есть обратила въ вѣру людей божьихъ Іисуса, сына плотника Іосифа, который и сдѣлался Христомъ. Точно такъ же, говорятъ они, столѣтняя богородица Арина Нестеровна, въ молодости отдавшая рожденнаго ею христосика въ „снѣдь вѣрнымъ", духовно родила христа Ивана Тимоѳеевича; богородица Акулина Ивановна — христа Петра Ѳедоровича, основателя скопчества, и т. д.

XI.

Секта бѣлыхъ голубей выдѣлилась изъ хлыстовщины, какъ выдѣлились изъ нея, съ одной стороны — монтане, духовники, а съ другой— секты Татариновой и адамистовъ, существовавшія въ образованномъ обществѣ Петербурга. Въ сущности же всѣ эти секты какъ по вѣрованіямъ, такъ и по обрядамъ, одно и то же. *Скопцы отличаются отъ хлыстовъ единственно физическимъ изуродованіемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту.*

Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что скопчество началось въ хлыстовскихъ корабляхъ еще при богородицѣ Настасьѣ Карповнѣ, казненной въ 1733 году *). Сыномъ богородицы Настасьи Карповны, то-есть родившимся или открывшимся отъ нея духовно, былъ христосъ Андрей Петровичъ, юродивый, въ домѣ котораго, какъ сказано выше, въ 1745 году были открыты хлыстовскія сборища, по указанію сыщика Ваньки Каина. Куда дѣвался Андрей юродивый по окончаніи дѣла въ 1752 г., неизвѣстно. Но вотъ его слѣды, отысканные въ дѣлахъ позднѣйшаго времени.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тульской провинціи появилось двое бродягъ: скопцы Андрей и Кондратій, называвшіе себя монахами и кіевскими затворниками. Первый изъ нихъ, старшій годами, былъ, почти безспорно можно сказать, тотъ самый христосъ Андрей юродивый, что успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій правительства

*) См. «Дѣло въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1817 г., № 20. Въ немъ есть записка министра полиціи, внесенная въ комитетъ министровъ. Въ этой запискѣ сказано: «петербургскіе скопцы разсказываютъ, что секта ихъ началась прежде 1770 г. (какъ они были въ первый разъ открыты), потому что въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Іоанновны дѣвка Настасья Карпова и три другія дѣвки, *производившія оскопленія въ Москвѣ*, были схвачены, привезены въ Петербургъ и по именному повелѣнію казнены на Сытномъ рынкѣ». Въ донесеніи, поданномъ въ февралѣ 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, Иваномъ Андреяновымъ императору Александру Павловичу, сказано, что у скопцовъ сохраняется преданіе о Настасьѣ Карповнѣ, *которая скопила* («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1826 года, № 15).

въ 1752 году, вѣроятно, при содѣйствіи своихъ покровительницъ изъ высшаго московскаго общества. Другой, помоложе его, Кондратій Ивановичъ Селивановъ, былъ лицомъ не менѣе загадочнымъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ крестьянинъ Орловской губерніи, села Столбова. Затворники Андрей и Кондратій пришли въ нынѣшній Алексинскій уѣздъ. Въ домѣ фабриканта купца Лугинина нашли они крестьянина Емельяна Ретивова, принадлежавшаго къ хлыстовской сектѣ, уговорили его „убѣлиться“ (принять оскопленіе), доказывая, что онъ долженъ это сдѣлать, если желаетъ чисто и свято соблюсти истинную вѣру „людей божьихъ“. Кромѣ Ретивова они „убѣлили“ еще нѣсколько другихъ фабричныхъ крестьянъ.

Ретивовъ поѣхалъ въ Тамбовъ для покупки кожъ и проѣздомъ, въ селѣ Сосновкѣ, что̀ близъ Моршанска, вовлекъ въ свою секту дворцоваго крестьянина этого села, хлыста Софона Авдеева Попова. Этотъ Поповъ, согласясь съ сыномъ своимъ Ульяномъ, съ крестьянами Иваномъ Прокудинымъ, Пименомъ Плотицынымъ *) и съ приходскимъ своего села дьякономъ Семеномъ Алексѣевымъ, поѣхали въ Алексинскій уѣздъ къ Ретивову, гдѣ бродяга Андрей и убѣлилъ ихъ всѣхъ. Послѣ того еще нѣсколько крестьянъ изъ Сосновки ѣздило съ тою же цѣлью къ Ретивову. Въ его домѣ бродяги Андрей и Кондратій и ихъ убѣлили. Наконецъ, въ началѣ 1774 года, Андрей и Кондратій съ какимъ-то мальчикомъ сами ѣздили въ Сосновку, прожили у Софона Попова двѣ недѣли, масленую и первую Великаго поста, убѣлили еще многихъ сосновскихъ крестьянъ и въ домѣ Софона Попова завели *домъ божій*, куда всѣ сосновскіе „бѣлые голуби“ собирались на радѣнья, отдѣльно отъ хлыстовъ, которыхъ было тогда довольно много въ селѣ Сосновкѣ. Всего Андреемъ и Кондратьемъ въ двѣ недѣли убѣлено въ Сосновкѣ до шестидесяти человѣкъ.

Священники села Сосновки, Герасимъ Лазаревъ и Иванъ Емельяновъ, узнавъ о сборищахъ въ домѣ Софона Попова и о томъ, что въ общество новоявившихся бѣлыхъ голубей вступили церкви ихъ дьяконъ Семенъ Алексѣевъ и дьячокъ Алексѣй Савельевъ, 16-го марта того же 1774 года донесли о томъ тамбовскому епископу Ѳеодосію. Архіерей о сосновскихъ крестьянахъ сообщилъ тамбовской провинціальной канце-

---

*) Едва ли не прадѣдъ нынѣшняго моршанскаго купца, Максима Плотицына. Въ дѣлѣ, производившемся о моршанскихъ скопцахъ съ 1840 по 1841 г., видны имена Поповыхъ, *Плотицыныхъ*, Селивановыхъ, происходящихъ отъ основателей секты. Замѣчательно, что и тогда, какъ теперь, къ дѣлу привлечено было много женщинъ. Моршанскъ и Сосновка — колыбель скопчества и мѣсто рожденія знаменитой богородицы Анны Софоновны Поповой, воспѣваемой въ пѣсняхъ бѣлыхъ голубей. Она была дочерью Софона Авдеевича, отличалась въ молодости рѣдкою красотой и была жива еще въ пятидесятыхъ годахъ. Мы еще встрѣтимся съ нею въ этомъ трактатѣ. Младшая сестра ея, Афросинья Софоновна, была пророчицей въ Петербургѣ и тоже отличалась красотой.

ляріи, а принадлежавшихъ къ духовному сословію самъ допросилъ въ консисторіи и 25-го мая 1774 года представилъ о нихъ въ святѣйшій синодъ.

Тамбовская провинціальная канцелярія и духовная консисторія еще не кончили слѣдственныхъ дѣлъ о сосновскихъ скопцахъ, какъ въ Моршанскъ пріѣхалъ статскій совѣтникъ Александръ Волковъ для производства слѣдствія.

Это было первое дѣло о скопцахъ. Волкову императрица предоставила право не только произвести слѣдствіе, но и положить рѣшеніе надъ виновными. Августа 16-го онъ объявилъ приговоръ: бродяга Андрей былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу *), Кондратій Селивановъ приговоренъ къ такому же наказанію, но такъ какъ во время слѣдствія онъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, то на нѣкоторое время и избавился отъ наказанія. Вскорѣ однако онъ былъ отысканъ и чрезъ мѣсяцъ послѣ наказанія Андрея, 15-го сентября 1774 года, высѣченъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ Иркутскую губернію въ вѣчную ссылку. Первые вступившие въ секту бѣлыхъ голубей и склонявшіе въ нее другихъ были на торгу биты батогами и сосланы въ крѣпостную работу въ Динаминдъ. Этой участи подверглись: Софонъ Поповъ, Пименъ Плотицынъ, Иванъ Прокудинъ, Кузьма, неизвѣстный по прозванію, дьяконъ Семенъ Алексѣевъ и дьячокъ Алексѣй Савельевъ. Остальные безъ наказанія оставлены на мѣстѣ жительства. Имъ только подтвердили, чтобъ они не уклонялись отъ православной церкви и не склоняли въ скопчество другихъ **).

Слѣдствіе производилось не въ одной Сосновкѣ. Надъ бѣлыми голубями, обнаруженными въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской и Тульской, производили слѣдствія особыя коммиссіи, дѣйствовавшія подъ руководствомъ того же Волкова. Такъ, въ Тулѣ былъ публично наказанъ и по-

---

*) Андрей до того времени распространялъ скопчество въ Орловскомъ уѣздѣ. Въ «Московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ», въ дѣлѣ 16-го января 1801 г., № 53 (181.300), есть донесеніе орловскаго вице-губернатора Протасова, отъ 15-го декабря 1800 года, московскому военному губернатору, фельдмаршалу графу Салтыкову, въ которомъ сказано: «Изъ найденныхъ въ Орловскомъ округѣ скопцовъ, крестьянинъ Ѳедоръ Еремеевъ Лопатинъ показалъ: «Лѣтъ двадцать или болѣе (стало-быть, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія), пришедшій въ нашу деревню Богдановку, Сѣвскаго округа, села Брасова, помѣщика Апраксина крестьянинъ Андрей Ивановъ (?), обольстивъ искусствомъ своимъ въ скопленіи къ избѣжанію грѣховъ, произвелъ оное въ деревнѣ ихъ тридцати человѣкамъ. По узнаніи о семъ ихъ помѣщикомъ, полковникомъ Александромъ Турчаниновымъ, всѣ они представлены были тогда въ бывшую орловскую провинціальную канцелярію, по присужденіи которой начинщикъ Андрей Ивановъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ ссылку, а онъ и товарищи его освобождены на прежнее жилище безъ наказанія».

**) „Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1817 г., № 20.

томъ сосланъ въ Динаминдскую крѣпость ближайшій ученикъ Селиванова и главнѣйшій его помощникъ, крестьянинъ деревни Масловой, Алексинскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Шиловъ, признаваемый скопцами за Іоанна Предтечу.

Таковы свѣдѣнія, извлеченныя изъ официальныхъ дѣлъ. Обратимся теперь къ скопческимъ сказаніямъ.

Изъ „Срадъ", или „Посланія отца-искупителя", и изъ показаній, данныхъ скопцами при производствѣ разныхъ слѣдствій, о Кондратьѣ Селивановѣ извѣстно слѣдующее:

Онъ былъ родомъ изъ села Столбова, Орловской провинціи, принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ и находился въ кораблѣ богородицы Акулины Ивановны. По словамъ Селиванова, въ этомъ кораблѣ было тысяча человѣкъ, и между ними первою и главною пророчицей была Анна Родіоновна. „Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, — разсказываетъ Селивановъ: — когда будетъ рыбѣ ловъ, а въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославлялась. Знавши объ ономъ, многіе изъ міру (то-есть не-хлысты) приходили къ ней и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? А также о рыбѣ, ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она велитъ кому сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ, а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ" *).

Въ тотъ день, когда Селивановъ вступалъ въ корабль Акулины Ивановны, „ходила въ словѣ", то-есть прорицала, Анна Родіоновна. На радѣніи было восемьдесятъ человѣкъ. Когда онъ пришелъ въ собраніе, Анна Родіоновна стала радѣть и, пророчествуя, сказала, обращаясь къ новому члену корабля:

— Самъ богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ **)!

Взявъ крестъ, стала она подходить по порядку къ каждому бывшему на собраніи, давая его въ руки. Къ Селиванову подошла она къ послѣднему. Тотъ, будучи человѣкомъ смиреннымъ, и теперь, какъ и послѣ всегда, сидѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ, у самаго порога. Онъ никогда ничего не говорилъ на собраніяхъ, оттого и прозвали его „молчанкой". Подойдя къ Селиванову, Анна Родіоновна отдала ему крестъ и, обращаясь къ пророкамъ, заговорила въ „духѣ":

— Ступайте на округу, угадайте, у кого богъ живетъ?

Пророки пошли по кругу и стали промежъ себя искать бога, искали у всѣхъ богатыхъ, у всѣхъ первыхъ людей, но ни у кого не нашли присутствія божества. Анна Родіоновна, въ изступленномъ восторгѣ, сказала имъ отъ имени бога:

— Для чего-жъ вы меня, бога, не нашли? Гдѣ я пребываю? — И, указавъ на Кондратья, прибавила:—Вотъ гдѣ богъ живетъ!

*) «Страды искупителя» въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей», 1861 г., № 4, смѣсь.

**) Бѣлый конь—символъ скопчества, какъ и бѣлый голубь.

Приказавъ выдвинуть на средину горницы сундукъ, она сѣла на немъ и, посадивъ возлѣ себя Кондратья, стала ему вышѣвать такое пророчество:

„Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя ихъ спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А теперь тебя хотятъ всѣ предать, но хоть ты и будешь сосланъ далеко, хоть и наложатъ тебѣ оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься ты въ Россію и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ налицо, и станешь ты судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полкѝ полкàми!..“

Такъ былъ встрѣченъ Кондратій при вступленіи въ хлыстовскій корабль. Онъ оставался смиреннымъ, занималъ всегда послѣднее мѣсто и, притворяясь нѣмымъ и глухимъ, никогда не пророчествовалъ. Никто не слыхалъ его голоса, иные думали, что онъ и въ самомъ дѣлѣ глухонѣмой. Но „сила была въ немъ“, какъ выражаются хлысты и скопцы. Разъ зазвала его пророчица Анна Родіоновна въ особую горницу, съ цѣлью привести его въ восторженное изступленіе, чтобъ онъ заговорилъ.

— Я давно хочу съ тобой побесѣдовать, — сказала она: — садись возлѣ меня.

И, посадя Селиванова, схватила крестъ. Желая привести его въ изступленіе, она сказала:

— Приложись ко кресту!

Но Кондратій самъ взялъ у нея крестъ и проговорилъ:

— Дай-ка я приведу тебя самоё.

— Ахъ, да и ты говоришь!—сказала она.—Что-жъ это мы никогда не слыхали, чтобы ты съ кѣмъ говорилъ?

„И тутъ накатилъ на нее духъ мой,—разсказываетъ Селивановъ:— и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я было-испугался того, какъ это богъ мой ничего не знаетъ. Взялъ, дунулъ на нее своимъ духомъ, и она какъ отъ сна пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: „О, Господи! Что̀ такое со мной случилось? О, куда твой богъ великъ! Прости меня!“ Взялась и приложилась ко кресту, и говорила: „Ахъ! Что̀ я про тебя видѣла!“ Я сказалъ: „Что̀ такое видѣла? — Скажи, такъ и я тебѣ скажу“. И тогда она стала мнѣ сказывать пророчество“.

Вотъ оно, второе пророчество Анны Родіоновны Кондратью Селиванову:

— Полетѣла отъ тебя птица по всей вселенной всѣмъ возвѣстить, что ты богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками.

— Это правда, —спокойно отвѣчалъ ей Селивановъ. —Смотри же, никому про то не сказывай.

Но и послѣ того Кондратій Селивановъ попрежнему молчалъ на радѣньяхъ. Въ то время поступилъ въ корабль Акулины Ивановны новый

хлыстъ, Александръ Ивановичъ Шиловъ. „Это былъ,—говоритъ Селивановъ: — мнѣ другъ и наперсникъ, родился онъ съ благодатью. Еще въ мірѣ (то-есть до поступленія въ хлысты) Бога узналъ, произошелъ всѣ мѣры, былъ перекрещенецъ и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: „не истинна наша вѣра, и постоять не за что. О, если бы нашелъ я истинную вѣру Христову, не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за нее сложить, отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить“.

„И Господь, услыхавши сіе его обѣщаніе, — продолжаетъ Селивановъ:—избралъ его мнѣ въ помощники. Потому и говорилъ я чрезъ искупительскія уста свои (одному изъ хлыстовъ):

„— Романушка! Поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истины придти“.

Романовъ пошелъ къ Шилову и сказалъ ему:

— Александрушка! Не можно ли какъ получше жить?

— Нѣтъ, если бы ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, я бы съ нимъ поговорилъ, а съ тобой говорить мнѣ нечего. Знаю, что нѣтъ его больше на свѣтѣ, и что только онъ одинъ можетъ грѣховный нашъ узелъ развязать.

Селивановъ самъ пошелъ къ Шилову. И только-что подошелъ къ его дому, какъ тотъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ кого надо. Кого сорокъ лѣтъ я ждалъ, тотъ идетъ. Ты нашъ истинный свѣтъ, ты просвѣтишь всю тьму, ты освѣтишь всю вселенную, тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся. И тебѣ я съ крестомъ поклонюсь (то-есть перекрестившись, и даже обѣими руками). Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочетъ, а я *почитаю тебя за сына божья*. И ты живи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ еще много дѣлъ надо на землѣ сдѣлать, чистоту свою утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить.

Такъ исповѣдывалъ сына божья Кондратья Ивановича Селиванова Александръ Ивановичъ Шиловъ. За это исповѣданіе онъ признаётся бѣлыми голубями за Іоанна Предтечу.

Кондратій благословилъ его, далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ (то-есть ножъ, который потомъ употреблялся при операціяхъ), и сказалъ:

— Вотъ тебѣ мой мечъ, будешь у многихъ деревьевъ сучья сѣчь.

И много съ нимъ бесѣдовалъ „молчанка“ Кондратій, какъ ни съ кѣмъ еще не бесѣдовалъ, и послалъ онъ его къ богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, чтобъ она приняла его въ корабль свой, и велѣлъ онъ Шилову поклониться ей со крестомъ. А до тѣхъ поръ съ крестнымъ знаменьемъ у хлыстовъ не кланялись.

Когда Шиловъ вошелъ въ соборъ и, крестясь, три раза поклонился

Акулинѣ Ивановнѣ, а потомъ на всѣ четыре стороны, всѣ удивились. Стали говорить: „никакъ онъ ужъ давно приведенъ (обращенъ въ хлыстовскую секту)? Да кто его научилъ съ крестомъ кланяться?“ И сказалъ Шиловъ про Селиванова, что онъ научилъ его. Тутъ вышелъ на середину пророкъ, сталъ радѣть и такое пророчество выпѣвать Александру Ивановичу:

„Подь-ка, братъ, молодецъ! Давно тебя дожидалъ, ты мнѣ, богу и духу святому, надобенъ. Благословляю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ христомъ; вотъ тебѣ отъ самого божьяго сына мечъ, имъ много будешь грѣховъ сѣчь, и дастся тебѣ „Книга Голубина“ отъ божьяго сына. Ты самъ о томъ знаешь, съ кѣмъ бесѣдовалъ, и отъ васъ много народу народится; знать, опять старинка хочетъ явиться“.

Богородица Акулина Ивановна позвала Александра Ивановича къ себѣ и стала разспрашивать:

— Кто тебя сюда прислалъ? Никакъ ты приведенъ?

— Вы, матушка, сами изволите знать,—отвѣчалъ предтеча богородицѣ:—что мы всѣ отъ одного приведены, отъ сына божья да отъ владычицы.

— Знаю, знаю,—отвѣчала Акулина Ивановна: — поди же теперь, поклонись ему отъ меня.

До сихъ поръ сношенія съ начальницей корабля Акулиной Ивановной молчавшаго при всѣхъ Кондратья Селиванова бывали лишь тайныя. Тайно обратили они Шилова въ хлыстовщину, тайно и утверждали его въ вѣрѣ. Когда Александръ Ивановичъ пришелъ отъ богородицы къ Селиванову, то разсказалъ ему про всю свою бесѣду съ ней.

— О, государь батюшка! — сказалъ онъ: — что̀ вы изволили говорить, то и пророки пѣли *), а матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мной, что „это-де мой сыночекъ, что всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится, а я этому и сама дивлюсь“.

— Ну, любезный мой сыночекъ, — отвѣчалъ своему предтечѣ христосъ Селивановъ, говоря въ „духѣ“, нараспѣвъ:—

Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ,
Святой Духъ и я, отецъ-искупитель, много силъ,
И порубишь ты много осинъ...
Коли ты сына божьяго просилъ,
Жалуетъ тебя Богъ Ригой да тюрьмою **),
И благодаритъ тебя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ
За вѣрное обѣщанье головушку за меня сложить.
Хочешь животъ и сердце надсадить,
Да и сады мнѣ насадить,
Такъ благословляю я тебя идти въ ночь,

---

*) Скопцы считаютъ великимъ чудомъ, что пророкъ на бесѣдѣ отъ имени Бога пропѣлъ Шилову то самое, что̀ предъ тѣмъ говорилъ ему Селивановъ.

**) Намекъ на то, что Шиловъ послѣ былъ сосланъ въ городъ Ригу.

А господь пойдетъ на востокъ *).
И будетъ у насъ межъ собой истекать одинъ истокъ,
Духъ мой будетъ въ тебѣ вовѣкъ пребывать
И обо мнѣ возвѣщать,
И мы съ тобой будемъ хоть плотями и врозь,
Но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ.
Кому будетъ ночь, а тебѣ день,
И не возьметъ тебя никакая лѣнь, и т. д. **).

Сильно негодовалъ Селивановъ на хлыстовъ за то, что не соблюдаютъ они заповѣданной имъ чистоты и вмѣсто того, чтобы проводить жизнь не только въ безбрачіи, но и въ цѣломудріи, какъ требовалось правилами секты и самими заповѣдями саваоѳа Данилы Филипповича, предаются разврату. Ходя изъ одного хлыстовскаго корабля въ другой, напрасно Селивановъ искалъ въ нихъ чистоты и цѣломудрія. „Исходилъ я по всѣмъ кораблямъ,—говоритъ онъ въ своемъ „Посланіи":—но всѣ лѣпостью перевязаны, только того и глядятъ, гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть". И вздумалъ Селивановъ истребить развратъ у людей божьихъ. Въ самообольщеніи полагалъ онъ, что свыше предназначено ему „освятить всю вселенную, истребить въ божьихъ людяхъ всю лѣпость и побѣдить змѣя лютаго, поѣдающаго всѣхъ на пути идущихъ".

Сначала Селивановъ сталъ обличать людей божьихъ. „Лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ,—говорилъ онъ:—и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ Богу не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпости учители учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царства небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на пагубное житіе. Единые дѣвственники предстоятъ у престола Господня... Храните дѣвство и чистоту. Не заглядывайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ... и празднословія не чините, отъ сего рождается злая лѣпость, которую не безъ труда искоренить можно... Удаляйтесь злой лѣпости и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣпость, ибо оная какъ магнитъ, камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, каждаго близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поѣдаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божью" ***).

Хлысты не могли равнодушно слушать обличеній Селиванова. Они возненавидѣли обличителя и нѣсколько разъ покушались даже на жизнь

---

*) Намекъ на то, что Шиловъ былъ посланъ *на сѣверъ* отъ Орловской губерніи, въ Ригу, а самъ Селивановъ *на востокъ*, въ Сибирь.

**) Всѣ приведенные разговоры и пророчества дословно взяты изъ «Страдъ».

***) «Страды», или «Посланіе отца-искупителя».

его. Во всѣхъ корабляхъ пророки возстановили противъ него людей божьихъ, говоря, что онъ хочетъ законъ измѣнить, но Селивановъ отвѣчалъ на то: „Я пришелъ къ вамъ не разорять вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить" *). И дѣйствительно, онъ не коснулся ни единаго изъ хлыстовскихъ вѣрованій; ввелъ одно лишь обыкновеніе кланяться на радѣніяхъ другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ. Пророки поносили Селиванова. Особенно одинъ пророкъ, Филимонъ, ненавидѣлъ его, но въ „Страдахъ" упоминается, что самъ онъ, когда „ходилъ въ словѣ", выпѣвалъ „про чистоту Селиванова".

Неуспѣшна была устная проповѣдь Селиванова. Обратился онъ къ другому средству.

Въ одной бесѣдѣ съ наперсникомъ своимъ Шиловымъ Селивановъ сказалъ ему: „Всѣ лѣпостью перевязаны, то и норовятъ себѣ, гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть. *Ужъ бить змѣю, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула да не укусила*".

И сталъ онъ учить людей божьихъ: сказано въ писаніи: „аще рука твоя или нога твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю и верзи отъ себя, и аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себя". По сему и въ прочемъ слѣдуетъ поступать. Что̀ соблазняетъ, то и отсѣки.

Шиловъ первый исполнилъ оскопленіе надъ собой, потомъ надъ Селивановымъ. Присталъ къ нимъ третій, христосъ Андрей юродивый, затѣмъ другіе... Но никто не былъ такъ ревностенъ къ дѣлу „убѣленія", никто такъ много не выпустилъ на свѣтъ „бѣлыхъ голубей", какъ предтеча и креститель Александръ Ивановичъ Шиловъ.

Божьи люди, не любившіе Селиванова, еще больше не возлюбили его за проповѣдь „убѣленія". Однажды на хлыстовской бесѣдѣ особенно за что-то ненавидѣвшая его пророчица стала у дверей съ камнемъ, чтобъ убить его, когда онъ станетъ вонъ выходить, но поднятая рука ея, по словамъ „Страдъ", окаменѣла. Селивановъ пошелъ изъ бесѣды, легъ въ ясли и пролежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ, не ѣлъ, плакалъ и молился **). Пророчица между тѣмъ увидала во снѣ, что ангелы наказываютъ ее жезлами и велятъ просить у Селиванова прощенья. Она испросила прощеніе, но братъ ея хотѣлъ застрѣлить Кондратья, когда тотъ ходилъ на праздникъ въ Тулу. Каждый праздникъ выходилъ онъ на дорогу и шесть разъ стрѣлялъ, но каждый разъ не попадалъ въ отца-искупителя.

Божьи люди жаловались на Селиванова своему учителю, пророку

---

*) Тамъ же.

**) Это все сдѣлано въ подражаніе словамъ святого евангелія. Какъ истинный Спаситель міра по рождествѣ былъ положенъ въ ясли, такъ и Кондратій легъ въ нихъ. Гоненія, бывшія на него въ ту пору, бѣлые голуби называютъ гоненіемъ отъ царя Ирода.

Филимону. Призвалъ тотъ къ себѣ Кондратья Ивановича и говоритъ:

— На тебя всѣ жалуются, ты людей отъ меня отвращаешь.

Селивановъ ни слова ему не отвѣтилъ.

— Вишь ты какой, — сказалъ пророкъ: — даромъ что молчишь. Смотри, берегись.

Въ то время Селиванову нигдѣ не было пристанища. Всѣ божьи люди прогнали его отъ себя. Пришелъ онъ къ одному хлысту Аверьяну, говоритъ ему:

— Любезный Аверьянушка! Не оставь ты меня сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестріи твоей *), чтобы никто не зналъ, пусти ты меня къ себѣ въ житницу, за то Богъ тебя не оставитъ.

„И онъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ потихоньку отъ своихъ. И объявилъ я ему о „чистотѣ“,—говоритъ въ своемъ „Посланіи“ Селивановъ (то-есть предложилъ оскопленіе).

— Боюсь, чтобы не умереть, — отвѣчалъ Аверьянъ.

— Не бойся, не умрешь, а паче душу свою воскресишь, — сказалъ ему на это отецъ-искупитель Кондратій Ивановичъ: — и будетъ тебѣ легко и радостно, станешь ты какъ на крыльяхъ летать, духъ въ тебя преселится, душа твоя обновится. Поди къ учителю твоему, пророку Филимону, онъ самъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ домѣ твоемъ самъ Богъ втайнѣ живетъ, и никто о томъ не знаетъ, кромѣ тебя.

Пророкъ Филимонъ дѣйствительно выпѣлъ Аверьяну все, что ни сказывалъ ему Селивановъ. Аверьянъ повѣрилъ, пришелъ домой, поклонился отцу-искупителю и — *принялъ чистоту*...

Когда Кондратій Селивановъ попался подъ судъ, враждебные ему хлысты Филимонова корабля не переставали его преслѣдовать. Ходилъ онъ въ нищенскомъ образѣ (вмѣстѣ съ Андреемъ) и прошелъ въ Тулу, а оттуда отправился въ Тпфинъ **). Преданный ему скопецъ Мартынъ уговаривалъ отца-искупителя не ходить, но тотъ не послушался и пошелъ. Судя по словамъ „Страдъ“, въ это время Селивановъ продолжалъ свою проповѣдь и многихъ хлыстовъ превращалъ въ „бѣлыхъ голубей“. „У меня было три сумки, — говоритъ онъ своимъ иносказательнымъ языкомъ: — двѣ я набралъ да хотѣлъ набрать и третью, и пошелъ къ солдатамъ просить милостыню ***), но они меня схватили и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали, и крѣпко караулили“. Какъ арестанту, обрили ему голову. Но Селивановъ ночью бѣжалъ изъ-подъ караула и пришелъ къ своему ученику Мартыну.

„На крестъ (т.-е. подъ кнутъ) отдали меня божьи люди (хлысты),“—

---

*) Посестрія — жена, съ которою прекращены супружескія отношенія.

**) Мѣсто намъ неизвѣстное. Во всякомъ случаѣ не городъ Тихвинъ: это мѣсто гдѣ-нибудь поближе къ Тулѣ.

***) То-есть и ихъ уговаривать къ принятію «чистоты».

говоритъ Селивановъ. Скрывался онъ у одной женщины, не принадлежавшей ни къ хлыстовщинѣ ни къ кораблю „бѣлыхъ голубей“; звали ее Ѳедосьей Іевлевой. Враждебные Селиванову хлысты указали полиціи, гдѣ скрывается отыскиваемый колодникъ. Два раза приходили солдаты съ обыскомъ къ Ѳедосьѣ, но не могли найти спрятаннаго въ подпольѣ Кондратья. Пошли въ третій разъ вмѣстѣ съ солдатами сами доказчики изъ божьихъ людей, разломали полъ въ избѣ Ѳедосьиной, вытащили оттуда за волосы Селиванова, избили его и отдали солдатамъ. „И тутъ меня били всѣ чѣмъ попало безо всякой пощады,—разсказываетъ Селивановъ въ своемъ „Посланіи“: — поясокъ и крестъ съ меня сняли, а руки назадъ связали и назади гирю привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, одинъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи. И привели меня въ Тулу и посадили на стулѣ *), подпоясали поясомъ желѣзнымъ фунтовъ въ пятнадцать и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить: на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали и которыхъ поутру хотѣли бить плетьми“. Послѣ допросовъ, снятыхъ въ Тулѣ (по дѣлу въ имѣніи Лугинина), повезли Селиванова въ Тамбовъ. Въ тамошней тюрьмѣ содержался онъ два мѣсяца. Когда вышло рѣшеніе наказать Селиванова, повезли его за конвоемъ на мѣсто преступленія, въ Сосновку. „И тогда за мною шли полкй полкàми,—разсказываетъ Селивановъ въ своемъ „Посланіи“: — у солдатъ были шпаги наголо, а у деревенскихъ мужиковъ палки въ рукахъ. И тутъ меня сосновскіе дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: „ведутъ нашего родного батюшку!“. И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ такой шумъ, что за тридцать саженей никого не было видно и никого не можно было разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтъ, и было мнѣ весьма тошно...“

Въ то время, при наказаніи кнутомъ, иногда взваливали преступника на плечи первому попавшемуся дюжему мужику. Иванъ Прокудинъ держалъ Селиванова („былъ замѣсто крестнаго древа“), а Ульянъ, сынъ Софона Попова, держалъ его за голову **). Послѣ наказанія сняли съ Селиванова окровавленную рубашку и надѣли новую.

*) Тяжелый стулъ съ цѣпью, къ которому приковывали въ старину важныхъ арестантовъ или же бѣгавшихъ изъ тюрьмы.

**) Въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.» 1864 г., № 4, напечатано: «Іонушка былъ замѣсто древа». Это опечатка. Въ трехъ спискахъ «Страдъ» или «Посланія отца-искупителя», у меня находящихся, вездѣ стоитъ Иванушка. Въ экземплярѣ, взятомъ въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ у скопца Горбачова, съ котораго пошли всѣ списки «Посланія отца-искупителя», также стоитъ Иванушка. Вообще списокъ, напечатанный г. Толстымъ въ «Чтеніяхъ», довольно невѣренъ.

Окровавленная рубашка впослѣдствіи сохранялась въ кораблѣ рижскихъ скопцовъ, какъ святыня, и была извѣстна подъ названіемъ „крестной ризы“.

Селиванова сѣкли кнутомъ 15 сентября 1774 года. Бѣлые голуби постятся въ этотъ день страданій своего искупителя. На томъ мѣстѣ, гдѣ его наказывали, по словамъ бѣлыхъ голубей, была построена ими церковь, но это, по справкамъ, дѣланнымъ въ сороковыхъ годахъ, оказалось несправедливымъ. Въ иныхъ корабляхъ скопцы говорятъ и поютъ въ „страстныхъ пѣсняхъ“ о томъ, что Селивановъ былъ наказанъ не въ Сосновкѣ, а въ Моршанскѣ. Выстроенный скопцами Плотицыными и другими въ этомъ городѣ великолѣпный соборъ находится, говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наказывали основателя ихъ секты.

Когда Селиванова погнали въ Сибирь, на дорогѣ онъ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго везли тогда въ Москву на казнь *). Не тутъ ли пришла ему мысль назваться императоромъ Петромъ III?

XII.

Ссылка Селиванова и его ближайшихъ помощниковъ зла не уничтожила. Тамъ, гдѣ были до того времени хлысты, теперь стали появляться и бѣлые голуби. Такъ было въ Орловской губерніи, на родинѣ скопчества, такъ было въ Моршанскѣ и Сосновкѣ, его колыбели, такъ было въ губерніяхъ Курской, Тульской, Калужской, Смоленской, Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тверской и Новгородской. Бѣлые голуби появились и въ обѣихъ столицахъ.

Въ это время кѣмъ-то распущенъ былъ слухъ, что подъ именемъ сосланнаго въ Иркутскую губернію Кондратья Селиванова скрывается императоръ Петръ III. Въ царствованіе Екатерины не одинъ Пугачевъ принималъ имя этого государя. Самозванцевъ было много, и мысль, что бывшій императоръ скрывается, сильно была тогда распространена въ простомъ народѣ.

Въ „Посланіи“ своемъ, по всей вѣроятности, писанномъ уже по возвращеніи Селиванова изъ ссылки, онъ, именуясь царемъ израильскимъ, нигдѣ не называетъ себя императоромъ Петромъ III; называетъ богородицу Акулину Ивановну „матушкою-государынею“, но никогда Елизаветою Петровною. Тѣмъ не менѣе по всѣмъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дѣлахъ о скопцахъ, видно, что мысль назваться императоромъ Петромъ III принадлежитъ самому Селиванову, и что онъ сталъ называться этимъ именемъ въ Сибири.

Бѣлые голуби разсказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее: Отецъ-искупитель воплотился отъ Святого Духа и родился отъ пре-

---

*) «Посланіе искупителя» или «Страды».

непорочныя дѣвы Елизаветы Петровны, по благовѣствованію ей Іоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ къ святому житію, императрица Елизавета Петровна царствовала всего только два года *). Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень похожей на нее лицомъ, она будто бы „отложила царскія одежды, надѣла нищенское платье и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье". На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны **).

Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына Петра Θедоровича и отправила его въ Голштинію на воспитаніе, гдѣ, достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ „бѣлымъ голубемъ". Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился. Супруга Петра, продолжаютъ скопцы, возненавидѣла его за то, что онъ былъ „убѣленъ", и, когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, перемѣнился платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также бѣлымъ голубемъ, и скрылся. Трое сутокъ, скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потомъ будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался у колонистовъ, жившихъ подъ Петербургомъ, и наконецъ успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь „чистоты", затѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановнѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства, „проповѣдуя чистоту", были наконецъ взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнутомъ и сосланы: отецъ-искупитель Петръ Θедоровичъ на востокъ, въ землю Иркутскую, предтеча его Шиловъ на сѣверъ, въ Ригу (то-есть въ Динаминдскую крѣпость ***).

---

*) По другимъ, вовсе не царствовала. Архимандрита Досиθея «Открытіе тайностей скопческой ереси». Рукопись.

**) Можетъ-быть, это была одна изъ двухъ сестеръ, называвшихся Акулинами Ивановнами, которыя были сосланы по дѣлу о московскихъ хлыстахъ 1834 года. Одна была женой христа Прокофья Лупкина и нижегородскою богородицей, а потомъ московскаго Ивановскаго монастыря старицей Анной, другая, ея родная сестра, была въ томъ же монастырѣ въ монахиняхъ подъ именемъ Александры. Въ 1774 году старшей могло быть лѣтъ 85, а младшей не болѣе 60.

***) Командиръ 1-й бригады грузинскихъ линейныхъ батальоновъ, генералъ-майоръ Сѣтковъ, 27-го декабря 1845 года, за № 2.809, донесъ кавказскому намѣстнику графу Воронцову, что отправленіе въ Сибирь на поселеніе въ 1843 году скопцовъ подвижной инвалидной № 96 роты (марапскіе скопцы) Степана Крюкова, Θедора Аксенова и Пантелеймона Харьковскаго не прекратило зла, но, напротивъ, возродило въ оставшихся скопцахъ желаніе быть сосланными въ Сибирь для соединенія съ находивши-

Эта сказка ходила по простонародью и достигла до свѣдѣнія правительства въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Жилъ тогда въ Москвѣ купецъ Ѳедоръ Евсеевичъ Колесниковъ изъ бѣлыхъ голубей, и былъ онъ извѣстенъ государынѣ, называвшей его

мися тамъ ихъ единомышленниками, почему скопцы и подавали въ 1843 году полковнику Бреверну прошеніе, представленное генералъ-адъютанту Нейгардту (17-го іюня 1843 года, № 6). Скопцы, видя, что попытки ихъ къ достиженію желаемаго не удались, подали состоявшему при графѣ Воронцовѣ полковнику артиллеріи князю Голицыну, въ видѣ прошенія, слѣдующее «благовѣстіе», въ которомъ излагается взглядъ ихъ на своего искупителя, почитаемаго ими за императора Петра III: «О пришествіи Господа нашего Іисуса Христа страшнымъ, грознымъ судомъ его, какъ свидѣтельствуетъ священное писаніе. Въ скорое время подобаетъ Спасителю придти и совершить судъ на земли и поставить престолъ среди міра... Въ то время спроситъ у всѣхъ отвѣта, для чего Превышній Свѣтъ такія страсти претерпѣлъ, царской крови не жалѣлъ, пошелъ волею на страды, оставилъ въ Питерѣ градѣ свой престолъ и не восхотѣлъ быть земнымъ царемъ, и оставилъ правленіе государствомъ, поѣхалъ съ приближенными своими друзьями въ «Ранбоумъ» для обозрѣнія любимыхъ своихъ голштинскихъ войскъ. Едва успѣлъ отправиться, такъ и дѣла приняли ту же нощь и присягали за Екатерину. Петръ III услышалъ о семъ, тогда приближенные друзья совѣтовали ему удалиться въ свое отечество, въ Голштинію, и тамъ принять всѣ нужныя мѣры къ поправленію своихъ обстоятельствъ, искать вспоможенія отъ постороннихъ державъ. Онъ садится на корабль и хочетъ переправиться въ кронштадтскій цѣпъ, но тамъ было предупреждено, и его не пустили. Возвратившись назадъ въ Ранбоумъ, Петръ III посылаетъ два письма, одно за другимъ вскорѣ, къ воцарившейся императрицѣ Екатеринѣ, на обоихъ письмахъ отрицаяся самъ добровольно отъ короны, не желая царствовать въ Россійскомъ государствѣ, полагая то за великое бремя. Екатерина, наоборотъ, посылаетъ ему записку съ тѣмъ, чтобы онъ для всеобщаго спокойствія россійскаго народа добровольное отрицаніе написалъ своеручно въ надлежащей формѣ. Когда Петръ III получилъ записку отъ Екатерины, тогда торжественно написалъ своей рукой отрицаніе отъ россійскаго престола, написалъ въ слѣдующемъ содержаніи: «Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ на самомъ дѣлѣ узналъ я тягость и бремя. Сила моя несогласна, чтобы мнѣ не токмо самодержавнымъ, но и какимъ бы то ни было образомъ правительствомъ владѣть въ Россійскомъ государствѣ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю перемѣну, наклоняющую ко опаденію его цѣлости и ко обрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради помыслилъ я самъ безпристрастно и непринужденно чрезъ сіе объявить не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ ниже инымъ какимъ образомъ правительствомъ владѣть во всю жизнь мою. Отрицаюсь въ Россійскомъ государствѣ владѣть ниже ино гдѣ-либо или черезъ какую помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную приношу предъ Богомъ и всѣмъ цѣлымъ свѣтомъ, приношу нелицемѣрную. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою іюня 19-го дня 1762 г.». Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житьемъ, а лучше согласился съ народомъ божьимъ страдать, считалъ сіе больше для себя богатствомъ, нежели питерское сокровище, ибо онъ взиралъ на возмездіе небесное, оставилъ онъ Питеръ...» и т. д.

въ шутку „масономъ". Ему, какъ разсказываютъ скопцы, поручено было съѣздить въ Сибирь и развѣдать про ссыльнаго Селиванова. Колесниковъ воротился въ Петербургъ уже по кончинѣ государыни и будто бы объявилъ новому государю, что Петръ дѣйствительно живъ. Императоръ Павелъ велѣлъ привезти Селиванова въ Петербургъ *). Вѣроятнѣе всего, что скопческій отецъ-искупитель, при содѣйствіи и помощи

---

*) Въ царствованіе императора Павла являлось нѣсколько лже-Петровъ. Такъ, напримѣръ, мѣсяца черезъ три по вступленіи Павла Петровича на престолъ, присланъ былъ Архаровымъ изъ Москвы одинъ трудникъ, молчальникъ, въ веригахъ, называвшій себя Петромъ III, и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Объявившій о немъ и также посаженный въ Петропавловскую крѣпость крестьянинъ бывшаго Никитскаго уѣзда Московской губерніи, деревни Дурнова (нынѣ Бронницкаго уѣзда), Иванъ Гавриловъ, 16 февраля 1797 года въ собственноручномъ показаніи писалъ: «Близъ нашего селенія, въ вотчинѣ г. Измайлова, въ селѣ Быковѣ, подъ колокольнею жилъ человѣкъ трудникъ, какъ безъязыченъ, болѣе двухъ годовъ, который имѣлъ на себѣ желѣзныя вериги на животѣ и на ногахъ. Видя его къ Богу великіе труды и подвиги, имѣлъ и я съ прочими приверженность къ нему, нѣсколько разъ ходилъ и почиталъ его трудъ за свято, и просилъ его, чтобъ онъ сказалъ про себя, какого онъ званія человѣкъ, и проговорилъ бы языкомъ, и происходило этого времени съ годъ, однако онъ мнѣ не открылся, а сталъ меня просить письмомъ, чтобъ я для него нанялъ подводу отвезти его въ Стародубъ, въ старообрядскій монастырь для постриженія въ монахи. Я на его просьбу сначала долго не склонялся, а потомъ согласился. Потомъ стали мы его просить усердно, и въ ноги ему кланялись, и слезно плакали, чтобы онъ намъ объявилъ, кто онъ такой. Но онъ мнѣніемъ, а не языкомъ разсуждая, все пальцами: «потерпите немного, скажуся». Проживъ недѣли двѣ у меня, сталъ онъ на себѣ воображать пальцемъ на груди какъ кресты или звѣзды и дѣлалъ будто артикулъ руками и вынималъ будто шпагу. Мы по этому примѣру не поняли, стали еще больше просить его, приговаривая при томъ: «по твоему труду, неужели ты у Господа Бога не упросишь языкомъ съ нами проглаголати?» И такъ онъ при отъѣздѣ въ Стародубъ у меня въ домѣ объявилъ себя государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и тутъ завѣщалъ намъ съ клятвою, чтобы мы, до того времени, когда государь приметъ коронацію, никому этого не сказывали. Отпустя его въ Стародубъ на наемныхъ подводахъ, я усомнился, какъ бы чрезъ сіе не послѣдовало въ Россіи какого неустройства, для совѣта сказалъ московскому жителю Ильѣ Алексѣевичу (извѣстный основатель Преображенскаго кладбища, Ковылинъ), а онъ сказалъ намъ, что непремѣнно онаго человѣка надобно искать, и объявили бы мы о семъ Ивану Петровичу Архарову. И по поводу онаго мы, обще съ братомъ моимъ Николаемъ Алексѣевымъ и съ опредѣленнымъ отъ Архарова офицеромъ, поѣхали въ Стародубскіе монастыри секретно его искать, но тамъ не отыскали, а пріѣхавши въ Москву обратно, отыскали его въ Москвѣ уже въ съѣзжемъ домѣ. И тотъ трудникъ Архаровымъ представленъ вмѣстѣ со мною въ Петербургъ» («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1827 г., № 3). Крестьянинъ Гавриловъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, подавалъ въ 1826 году всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ подтверждалъ написанное имъ въ февралѣ 1797 года (то же «Дѣло»). Не былъ ли этотъ трудникъ и молчальникъ бѣжавшій изъ Сибири Селивановъ?

разбогатѣвшихъ во время его ссылки скопцовъ, бѣжалъ изъ Сибири и, отысканный, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость *).

„Бѣлые голуби“ въ одной изъ своихъ „воскресныхъ пѣсенъ“ поютъ, что купецъ Ѳедоръ Колесниковъ

Святымъ Духомъ разблажилъ,
Отца царю доложилъ:
„Онъ не умеръ вѣдь, а живъ,
Во Иркутскѣ все блажилъ,
Сорокъ лѣтъ въ страдахъ онъ жилъ“.
Тутъ царь сердцемъ встрепенулся,
На отца онъ ужаснулся,
И заплакалъ, затужилъ,
Все собранье нарушилъ,
Послалъ скораго гонца
Отыскать своего отца,
Чтобъ представилъ бы въ столицу
Со Иркутской со границы.
Скоро это сотворилъ,
Отцу двери растворилъ.
Онъ вошелъ со бурнымъ духомъ,
А самъ гордо говорилъ:
„Сотвори мою ты волю,
Я имѣю власть теперь,
Отдамъ скипетръ и вѣнецъ,
Коль ты мнѣ родной отецъ“.
Нашъ батюшка-искупитель
Проглаголалъ съ высоты:
„Ты послушай, молодецъ,
Что грѣху я не отецъ.
Я за тѣмъ сошелъ съ небесъ,
Разорить грѣхи въ конецъ,
Чистоту буду любить,
Хочу грѣхъ весь погубить,
А и въ праведной семьѣ
Буду въ трубушку трубить,
Всѣхъ поставить, утвердить“.
Тутъ царь крѣпко осерчалъ,
Забылъ первый свой началъ,
Пошелъ, очень закричалъ.
Затворилъ онъ крѣпко двери:
„Не хочу въ твоей быть вѣрѣ,
А за этотъ за смѣшокъ
Пошлю въ каменный мѣшокъ“.
Нашъ батюшка-искупитель

*) Указанія на побѣгъ Селиванова изъ Сибири, а не на возвращеніе его по распоряженію высшей власти, находимъ и въ свидѣтельствахъ самихъ скопцовъ. Такимъ образомъ Костромской губерніи крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ поданномъ императору Александру Павловичу донесеніи, говоритъ: «Учитель мой, отставной солдатъ, скопецъ Алексѣй Ивановъ разсказывалъ, что искупитель «изъ царскаго рода, царь», бѣжавши съ какимъ-то молодымъ генераломъ изъ Иркутска, проживалъ гдѣ-то въ деревнѣ, у одной женки, подъ поломъ, скрываясь отъ ищущихъ».

Кроткимъ гласомъ провѣстилъ:
„Я бы Павлушку простилъ,
Воротись ко мнѣ ты, Павелъ,
Я бы жизнь твою исправилъ“.
А царь гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ,
Не сталъ слушать и ушелъ.
Нашъ батюшка-искупитель
Своимъ сердцемъ воздохнулъ,
Правой рученькой махнулъ:
„О, земная клеветина!
Вечеромъ твоя кончина;
Изберу себѣ слугу,
Царя Бога на кругу,
А земную царску справу
Отдамъ кроткому царю:
Я всѣмъ трономъ и дворцами
Александра благословлю,
Будетъ вѣрно управлять,
Властямъ воли не давать;
Я вамъ истинный Христосъ,
Учители, не слабѣйте,
А пророки не робѣйте...“ и т. д.

Представляемъ еще два разсказа скопцовъ о возвращеніи Селиванова въ Петербургъ: унтеръ-офицера Архипова, которому самъ Селивановъ разсказывалъ про свиданіе свое съ императоромъ Павломъ, и штабсъ-капитана Созоновича, знавшаго всѣ тайны скопческаго общества.

Изъ записки полковника князя Голицына „О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1835 году“ и изъ слѣдственнаго дѣла о нихъ, тогда производившагося, видно, что скопецъ отставной унтеръ-офицеръ Денисъ Архиповъ, служа въ Нотебургскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ 1789 году въ Ригѣ, стоя на часахъ въ Динаминдской крѣпости, былъ совращенъ въ скопческую ересь содержавшимся тамъ крестьяниномъ Александромъ Ивановымъ Шиловымъ и тутъ же „убѣленъ“ инженернымъ унтеръ-офицеромъ Казуткинымъ. Въ Ригѣ бѣлые голуби собирались на радѣнія въ домѣ мѣщанина Дегтярева, куда приходилъ и кормщикъ рижскаго корабля Іоаннъ Предтеча Шиловъ, отпускаемый для того каждый разъ изъ-подъ караула изъ Динаминдской крѣпости, благодаря слабости надзора за арестантами и тому, что многіе изъ караулившихъ его сами принадлежали къ обществу бѣлыхъ голубей. „Когда воцарился императоръ Павелъ Петровичъ,—разсказывалъ Архиповъ:—то возникли въ народѣ разные толки про императора Петра III. Узнали мы, что учитель нашъ Александръ Ивановичъ Шиловъ и сосланные съ нимъ въ крѣпостныя работы скопцы Софонъ Авдеевичъ Поповъ, дьяконъ Семенъ Алексѣевъ, Иванъ Прокудинъ, Емельянъ Ретивовъ, Иванъ Семикинъ и еще Кузьма, присланные изъ Моршанска, разсказываютъ, будто старѣйшій скопческій нашъ учитель есть импера-

торъ Петръ Ѳедоровичъ, что онъ живъ и находится въ Сибири въ ссылкѣ". Вслѣдствіе такихъ ихъ разговоровъ, всѣ они были отправлены по Высочайшему повелѣнію изъ Риги въ Шлиссельбургскую крѣпость, и тогда же, по словамъ ихъ, вытребованъ былъ изъ Сибири отецъ-искупитель Петръ Ѳедоровичъ. „Я, бывши въ 1805 году въ Петербургѣ, во время уже своей отставки, по надобностямъ,—говорилъ Архиповъ:—видалъ его въ домѣ скопца тамошняго купца Сидора Яковлевича Ненастьева, бесѣдовалъ съ нимъ и изустно отъ него слышалъ, что по возвращеніи его изъ Сибири представляли его императору Павлу Петровичу, который спросилъ его: „почему ты именуешься по народной молвѣ отцомъ моимъ?" На сіи слова батюшка отецъ-искупитель, — продолжалъ Архиповъ:—отозвался, что „когда ты (то-есть государь Павелъ Петровичъ) согласишься „принять чистоту" и поступить въ нашу истинную вѣру, то и будешь моимъ сыномъ". Разгнѣвавшись за такой отвѣтъ, государь отправилъ отца-искупителя въ какую-то богадѣльню подъ надзоръ, откуда онъ былъ освобожденъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ".

Въ такомъ же родѣ разсказываетъ другой скопецъ, штабсъ-капитанъ 34 егерскаго полка (изъ дворянъ Смоленской губерніи, воспитанникъ С.-Петербургскаго дворянскаго корпуса) Борисъ Петровичъ Созоновичъ, убѣлившійся на 24 году отъ рожденія. „По вступленіи на престолъ императора Павла Петровича (говоритъ онъ въ „Объясненіи", которое, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, писалъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ), по доносу нѣкотораго московскаго купца Масонова (то-есть Колесникова), освобожденнаго онымъ государемъ изъ заточенія, что якобы отецъ его, бывшій императоръ Петръ Ѳедоровичъ, находится въ живыхъ, тотъ самозванецъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ Петербургъ. Когда государь спросилъ его, точно ли онъ его отецъ, то онъ якобы отвѣтствовалъ, что когда-де примешь мое дѣло, то-есть оскопленіе, то я почту тебя за сына. А равно и помянутый предтеча того лжехриста (Шиловъ) въ оное же время изъ заключенія освобожденъ. Но какъ государь Павелъ Петровичъ не почелъ ихъ тѣми особами, коими они отъ купца Масонова были названы, то якобы государь самозванца Петра изъ секретнаго заключенія опредѣлилъ въ нѣкую богадѣльню съ пенсіей, а означенный лжепредтеча сосланъ въ Шлиссельбургскую крѣпость" *).

Въ дѣйствительности императоръ Павелъ, не зная тайнъ скопческой ереси и считая уродующихъ себя сумасшедшими, облегчилъ наказанія, которымъ подверглись они въ царствованіе Екатерины по суду статскаго совѣтника Волкова. Привезенный въ Петербургъ Кондратій Селивановъ былъ по высочайшему повелѣнію помѣщенъ въ смирительный домъ, находившійся при Обуховской больницѣ, подъ именемъ „секрет-

*) «Объясненіе штабсъ-капитана Созоновича». Рукопись.

наго арестанта". Шиловъ изъ крѣпостныхъ работъ въ Динаминдѣ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получалъ хорошее содержаніе съ разными удобствами въ жизни, а Софонъ Авдеевичъ Поповъ помѣщенъ въ Зеленецкій монастырь, Петербургской епархіи, гдѣ постригся и нареченъ въ монашествѣ Савватіемъ. Другіе скопцы также получили облегченіе. Многіе изъ моршанскихъ и орловскихъ бѣлыхъ голубей переселились уже въ это время въ Петербургъ, приписались въ тамошнее городское общество и завели большія торговыя дѣла.

Императоръ Александръ Павловичъ черезъ годъ по вступленіи на престолъ (6-го марта 1802 года), въ сопровожденіи молодого своего совѣтника графа Строгонова, посѣтивъ Обуховскую больницу и находившіяся при ней заведенія, разговаривалъ съ Селивановымъ и приказалъ освободить его и помѣстить въ богадѣльню.

Въ тотъ же день петербургскій камеральный департаментъ писалъ надзирателю богадѣльни, находившейся при Смольномъ монастырѣ, коллежскому совѣтнику Бѣлкину, слѣдующее: „во исполненіе высочайшаго именного его императорскаго величества повелѣнія, здѣшній военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ сему департаменту предложилъ: содержащагося въ смирительномъ домѣ подъ именемъ секретнаго арестанта, крестьянина Орловской губерніи, села Столбова, Кондратія Селиванова освободивъ, опредѣлить въ богадѣльню" *).

Въ тотъ же день надзиратель городской больницы Солодовниковъ увѣдомилъ Бѣлкина о высочайшей волѣ и, препровождая Селиванова, предписалъ принять его въ богадѣльню *въ первый сортъ* **).

Въ богадѣльнѣ Смольнаго монастыря Селивановъ ходилъ по церкви съ кружкою для сбора въ пользу бѣдныхъ. Черезъ три съ половиной мѣсяца онъ, по прошенію жившаго въ Александро-Невской лаврѣ поляка, статскаго совѣтника Еленскаго, былъ уволенъ, уже безъ высочайшаго повелѣнія ***).

---

*) «Предписаніе петербургскаго камеральнаго департамента коллежскому совѣтнику Бѣлкину» 6-го марта 1802 года, № 189. Смирительный домъ, называвшійся болѣе «цухтгаузомъ», находился тогда въ вѣдѣніи петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія и помѣщался въ зданіяхъ у Обуховскаго моста. Богадѣльня при Смольномъ монастырѣ — нынѣшній вдовій домъ.

**) «Отношеніе надзирателя городской больницы Солодовникова надзирателю богадѣльни при Смольномъ монастырѣ коллежскому совѣтнику Бѣлкину» 6-го марта 1802 года, № 176.

***) Предписаніе петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія (въ вѣдѣніи котораго находилась богадѣльня при Смольномъ монастырѣ) коллежскому совѣтнику Бѣлкину, 23-го іюля 1802 г., № 312: «находящагося въ богадѣльнѣ, Орловской губерніи, села Столбова, крестьянина Кондратья Селиванова уволить просителю, статскому совѣтнику Еленскому». Этотъ далъ слѣдующую странную расписку: «Бывши польскаго двора камергеромъ, въ 1793 году переименованъ россійскаго двора статскимъ совѣтни-

Бѣлые голуби, называя наказаніе кнутомъ Кондратья Селиванова „крестною смертью" и „распятіемъ", а ссылку его въ Сибирь „погребеніемъ", считаютъ возвращеніе его въ Петербургъ и полученіе имъ свободы „воскресеніемъ". Со времени этого „воскресенія" на радѣніяхъ бѣлыхъ голубей, какъ въ Петербургѣ, въ присутствіи самого обоготворяемаго Селиванова, такъ и по другимъ мѣстамъ, скопцы стали пѣть пасхальную пѣснь православной церкви „Христосъ воскресе". Этими же словами начинаетъ Селивановъ и свое „Посланіе" къ дѣтушкамъ, которое писалъ онъ, безспорно, въ Петербургѣ. У скопцовъ есть слѣдующая „воскресная пѣснь" о возвращеніи свободы ихъ отцу-искупителю:

Со восточной со сторонушки
На западную, на западную
Провезли древо кипарисовое,
На томъ древѣ пятьсотъ золотыхъ вѣтвей,
Эти вѣтви
Израильски дѣти *),
А везли то древо на пятистахъ коняхъ,
А на всякомъ конѣ по пятисотъ ковровъ,
А на всякомъ коврѣ по пятисотъ ангеловъ,
Еще ангеловъ, да архангеловъ.
Привезли то древо-кипарисъ во Питеръ градъ,
Становили древо отъ земли до неба:
Будутъ строить градъ Іерусалимъ,
Съ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ съ самимъ,
И со Троицей, съ Богородицей,
И великіе дома строятся **),
Кладъ великій откроется,
Источникъ протечетъ,
Сынъ Божій на всю землю проречетъ:
„Кто хочетъ живой воды напиться,
Изволь въ Питеръ прикатиться,
То душамъ вѣчно годится,
Чтобы тѣлу не потакать,
А живому Богу работать,

комъ, По случаю пріобрѣтенія мною смиренной жизни, сложилъ я добровольно патенты, отрекся гражданской службы, получаю по указу всемилостивѣйшаго монарха пенсію въ годъ 500 рублей изъ кабинета, а самъ, имѣя квартиру въ Невской лаврѣ, именуюсь: польскій дворянинъ Алексѣй Еленскій». Эта расписка хранится въ дѣлахъ богадѣльни. Она 1-го апрѣля 1814 года, за № 588, въ засвидѣтельствованной копіи, была препровождена къ дѣйствительному статскому совѣтнику И. П. Липранди, который, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, занимался тогда разысканіями о скопцахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. (Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ бумагъ, переданныхъ мнѣ В. И. Далемъ).

*) Израильскія дѣти—скопцы.

**) Это относится до построенія скопцами Солодовниковыми дома Кондратью Селиванову, который назывался «Новымъ-Іерусалимомъ»; о немъ подробно будетъ разсказано далѣе.

Души въ царство привлекать,
На плеча бѣлы ризы надѣвать,
Будетъ весь Израиль доставать
И этому дѣлу не миновать" *).

По выходѣ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря, отецъ-искупитель бѣлыхъ голубей поселился въ домѣ купца Сидора Ненастьева, гдѣ собирался тогда петербургскій хлыстовско-скопческій корабль, въ то время уже многочисленный и поддерживаемый лицами, принадлежавшими къ высшему, образованному обществу. Живалъ Селивановъ и въ другихъ домахъ скопческихъ, у Красниковыхъ, у Добрецова, Артамонова, Васильева и у купчихи Афросиньи Софоновны Поповой **), дочери сосновскаго скопца Софона Авдеевича, теперь инока Савватія, бывшей, для виду, замужемъ за купцомъ Андреемъ Костровымъ, тоже скопцомъ. Эта Афросинья, очень красивая собой, хотя уже немолодая женщина, была въ петербургскомъ кораблѣ пророчицей. Наконецъ купецъ Солодовниковъ, въ 1816 году, построилъ въ Литейной части, близъ Лиговки, „Новый-Іерусалимъ", гдѣ водворился отецъ-искупитель и жилъ до 1820 года, то-есть до ссылки его въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь.

Заключимъ эту главу сохранившимися извѣстіями о скопческомъ Іоаннѣ Предтечѣ, Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ, котораго называли то графомъ Чернышевымъ, то княземъ Дашковымъ, заключеннымъ будто бы въ темницу по повелѣнію императрицы Екатерины. Въ рѣдкой рукописи „Рижскіе скопцы" ***), экземпляръ которой находится у насъ, говорится о немъ слѣдующее:

Скопцы съ какою-то таинственностью и благоговѣніемъ разсказываютъ, будто бы императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще великимъ княземъ, въ 1776 году два раза одинъ-на-одинъ разговаривалъ съ Шиловымъ въ Динаминдской крѣпости. Овдовѣвшій въ этомъ году (15-го апрѣля) великій князь черезъ восемь недѣль по кончинѣ супруги своей Наталіи Алексѣевны (13-го іюня) поѣхалъ въ Берлинъ свататься къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ Вюртембергъ-Штутгартской (императрица Марія Ѳеодоровна) и воротился въ Петербургъ 14-го августа. Находясь въ Ригѣ въ концѣ іюня и въ первыхъ числахъ августа 1776 года, онъ дѣйствительно обозрѣвалъ казематы Динаминдской крѣпости и, конечно, видѣлъ Шилова и другихъ скопцовъ, незадолго предъ тѣмъ присланныхъ изъ Сосновки и Моршанска. Вступивъ на престолъ, онъ от-

*) Эта пѣсня находится въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1822 г., № 16.

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1814 г., № 8. Въ домахъ Поповой (Кострова) и у Ненастьева до построенія «Новаго-Іерусалима» были скопческія моленныя.

***) Доставлена В. И. Далемъ. Эта рукопись составлена И. П. Липранди, который своими изслѣдованіями первый пролилъ свѣтъ на темную секту бѣлыхъ голубей, до него совершенно почти неизвѣстную.

далъ повелѣніе президенту города Риги Егору Егоровичу Гене прислать Шилова въ Петербургъ, а остальныхъ скопцовъ разослать по монастырямъ. Шилова привезли въ Петербургъ и въ продолженіе полутора мѣсяца содержали у Обольянинова, въ угловомъ домѣ, выходившемъ на набережную Невы изъ Мошкова переулка. Въ то же время взяли шестерыхъ скопцовъ, жившихъ въ Петербургѣ, и въ концѣ 1796 года всѣхъ ихъ отправили въ Шлиссельбургъ *). Вскорѣ послѣ того, именно 6-го января 1799 года, рано утромъ пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ (камергеръ, ибо имѣлъ на заднемъ карманѣ ключъ), съ повелѣніемъ привезти въ Петербургъ для освобожденія Шилова съ другими скопцами. Но посланный не засталъ Шилова въ живыхъ: онъ умеръ въ то самое утро, какъ тотъ пріѣхалъ. Это поставило камергера въ недоумѣніе: онъ недоумѣвалъ, везти ли ему другихъ скопцовъ, которыхъ предписано было ему представить вмѣстѣ съ умершимъ. По совѣщаніи съ комендантомъ крѣпости, генераломъ-майоромъ Плуталовымъ, онъ рѣшился пока оставить ихъ въ крѣпости, а Шилова не предавать землѣ до разрѣшенія государева. Черезъ двѣнадцать дней послѣдовало повелѣніе Павла Петровича предать тѣло Шилова землѣ, со всѣми христіанскими обрядами **), а заключенныхъ одновременно съ нимъ скопцовъ допустить проститься съ его тѣломъ. Они нашли при гробѣ коменданта и священника. Изъ нихъ Савельевъ и Агѣевъ чрезъ сорокъ

*) Изъ числа этихъ скопцовъ, лично знавшихъ Шилова, въ сороковыхъ годахъ были еще живы въ Петербургѣ: купецъ Агѣевъ и бывшій купецъ, а потомъ мѣщанинъ, Савельевъ. Послѣдній былъ одаренъ большимъ умомъ и удивительною по его лѣтамъ памятью. Онъ разсказывалъ, между прочимъ, о смерти императора Ивана Антоновича, содержавшагося въ томъ самомъ казематѣ, въ которомъ впослѣдствіи сидѣлъ Савельевъ, и слышалъ объ обстоятельствахъ его смерти отъ сторожей. Савельевъ, Агѣевъ и другіе разсказывали, что въ числѣ посаженныхъ съ ними въ Шлиссельбургскую крѣпость былъ и московскій купецъ Ѳедоръ Евсеевичъ Колесниковъ. Они говорили, что этотъ Колесниковъ пользовался милостью императрицы Екатерины II, что она употребляла его по разнымъ дѣламъ и прозвала въ шутку «масономъ», названіе, которое, изъ подражанія государынѣ, и всѣ давали въ то время скопцамъ. Будучи посланъ Екатериною по какимъ-то дѣламъ въ Сибирь, Колесниковъ, возвратясь, нашелъ на престолѣ уже Павла Петровича, также знавшаго его и осыпавшаго милостями, когда былъ великимъ княземъ. Принявъ бумаги отъ Колесникова и полный отчетъ по порученію, данному Екатериной, императоръ Павелъ будто бы разсердился на него за то, что тотъ явился къ нему въ сибирской одеждѣ, и какъ въ то самое время отправляли Шилова и шестерыхъ петербургскихъ скопцовъ въ Шлиссельбургъ, то онъ велѣлъ отправить съ ними и его, но черезъ два года возвратилъ, и тогда какъ самъ, такъ и императрица Марія Ѳедоровна снова осыпали будто бы Колесникова своими милостями.

**) Савельевъ утверждалъ, что Александръ Ивановичъ былъ первый, котораго разрѣшено было вывезти для погребенія изъ крѣпости, но что обыкновенно умиравшихъ до него шлиссельбургскихъ арестантовъ хоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ они содержались, что даже императоръ Иванъ Антоновичъ такъ же былъ похороненъ. Къ этому Савельевъ присовокуплялъ,

пять лѣтъ послѣ того утверждали, что тѣло Шилова не только не было испорчено, но и не имѣло дурного запаха. Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, удивительнаго: дѣло было зимою. Шилова похоронили при подошвѣ Преображенской горы, близъ берега Невы, куда будто бы сопровождали гробъ его: комендантъ генералъ-майоръ Плуталовъ, плацъ-майоръ Юхаревъ, множество чиновниковъ, народъ и все духовенство. По восшествіи на престолъ императора Александра Павловича, бывшіе въ заточеніи спутники Шилова освобождены и возвращены въ экипажахъ въ Петербургъ. Въ 1802 году, при комендантѣ Плуталовѣ, плацъ-майорѣ Юхаревѣ, разныхъ чиновникахъ, священствѣ и множествѣ народа, стекшагося какъ изъ Шлиссельбурга, такъ и изъ Петербурга, гробъ Шилова былъ вырытъ, и тѣло будто бы найдено неповрежденнымъ, и, по словамъ плацъ-майора Юхарева, передававшаго это скопцу унтеръ-офицеру Трусову, оказался одинъ только ноготь на пальцѣ ноги почернѣвшимъ, но и то Юхаревъ относилъ къ тѣснотѣ гроба. Мертваго Шилова причесали, потомъ, закрывъ, положили въ тотъ же гробъ и, въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ Шлиссельбурга и постороннихъ лицъ, перенесли выше на той же горѣ, туда, гдѣ оно и теперь находится. Здѣсь сначала была построена надъ могилой обширная деревянная часовня (будто бы иждивеніемъ коменданта, который былъ съ покойнымъ въ дружбѣ). Могила скопческаго предтечи сдѣлалась предметомъ обожанія съ того времени, какъ Кондратій Селивановъ сталъ свободно проповѣдывать ученіе свое въ Петербургѣ. Бѣлые голуби со всѣхъ сторонъ стали стекаться на поклоненіе этой могилѣ. Петербургскіе скопцы купцы Борисовъ *) и Шеметовъ сдѣлали надъ нею прочный сводъ, а въ 1829 году поставили существующій донынѣ памятникъ **).

XIII.

Еще въ Сибири Кондратій Селивановъ сказалъ своимъ дѣтушкамъ, пришедшимъ къ нему на поклоненіе изъ Сосновки: „когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда Отецъ мой небесный меня къ вамъ отпуститъ: теперь еще не время, я долженъ исполнить приказъ Отца моего небеснаго“. Это было не ранѣе восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія ***).

что императоръ Александръ Павловичъ, по вступленіи на престолъ, два раза пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ и приказывалъ отыскать тѣло Ивана Антоновича. Поэтому перерыли все подъ мусоромъ и другимъ хламомъ, но ничего не нашли.

*) Впослѣдствіи почетный гражданинъ, выстроившій на Преображенской горѣ въ 1818 году церковь и домъ. Онъ былъ старостою двухъ церквей въ Шлиссельбургѣ: Благовѣщенской, въ городѣ, и Преображенской, на кладбищѣ, въ которой въ началѣ 1814 года и похороненъ.

**) Сравн. «Изслѣдованіе о скопческой ереси» Н. И. Надеждина. При этой книгѣ приложено и изображеніе надгробнаго памятника Шилова.

***) Посланіе отца-искупителя . Въ немъ сказано, что скопцы пять лѣтъ не имѣли никакого слуха о своемъ отцѣ-искупителѣ. Слѣдовательно первое свиданіе ихъ было не ранѣе 1780 года.

Чанъ слезъ не былъ наплаканъ, какъ Селивановъ другимъ ученикамъ, приходившимъ къ нему въ Иркутскъ, по словамъ одной скопческой пѣсни, сказалъ:

Буду, буду я въ Москву,
Разгоню вашу тоску;
Буду въ Питерѣ во градѣ,
Утвержу васъ во оградѣ.
Мнѣ въ столицахъ поселиться,
Чтобы съ вами веселиться
На святыхъ божьихъ кругахъ,
Во столичныхъ во трудахъ.

Вѣруя въ непреложность обѣщаній отца-искупителя, стаями поднялись бѣлые голуби изъ селъ, изъ деревень и провинціальныхъ городовъ во срѣтеніе грядущему

Изъ восточныя страны
Изъ Иркутскія.

Они селились въ Москвѣ, а еще больше въ Петербургѣ, стали заниматься торговлей, преимущественно золотыми и серебряными вещами, и размѣномъ денегъ. При строгой бережливости, при скромномъ образѣ жизни, скопцы скоро разбогатѣли, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались значительными столичными капиталистами.

Въ Москву бѣлые голуби переселились преимущественно изъ Тульской и Орловской губерній *), а въ Петербургъ изъ Сосновки, Моршанска и другихъ мѣстъ Тамбовской губерніи **).

---

*) Въ Тульской губерніи скопцы были въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ городахъ: Тулѣ. Бѣлевѣ, Веневѣ, Ефремовѣ, Каширѣ (въ сельской подгородной слободѣ) и Новосилѣ; Тульскаго уѣзда, въ деревнѣ Рожественкѣ; Алексинскаго, въ селахъ: Алешнѣ, Подмокломъ, Яковлевскомъ, Новояковлевскомъ, сельцахъ: Костинѣ, Романовѣ, Азаровкѣ, Карпищевѣ, деревняхъ: Вишенкахъ и Новоселкахъ; Бѣлевскаго уѣзда, въ деревняхъ: Величкой, Кожуровѣ, Черногрязкѣ, Горбуновой, Писковатой, Бѣляевой и Семьеновой; Веневскаго уѣзда, въ селахъ: Урусовѣ, Брежневѣ, Настасинѣ, Баршинѣ, Городенцѣ, Петровѣ, Подлипкахъ, Крытовѣ, Тепломъ и деревняхъ: Салковѣ, Княжовѣ, Бундуковѣ, Прудахъ, Хлоповѣ и Артемовкѣ; Ефремовскаго уѣзда, въ селѣ Кличинѣ; Каширскаго уѣзда, въ селахъ: Масловѣ (родина Александра Ивановича Шилова), Вослинкѣ, Мартемьяновѣ, сельцахъ: Даниловскомъ и Хлоповѣ; Новосильскаго уѣзда, въ селѣ Нижней-Залегощѣ и слободѣ Зарѣцкой. Хлысты не оскоплявшіеся: Алексинскаго уѣзда, въ селѣ Талежѣ, Веневскаго, въ селѣ Манылѣ и сельцѣ Крытомъ, Каширскаго, въ селѣ Зайцовѣ и деревнѣ Хлоповой.—Въ Орловской губерніи скопцы находились въ городахъ: Ельцѣ, Болховѣ и Кромахъ; Орловскаго уѣзда, въ селахъ: Краснопрудовкѣ, Сергіевскомъ, Архангельскомъ, Очкахъ, Дурновѣ, Никулинѣ и деревняхъ: Квасовѣ и Щучьей; Болховскаго уѣзда, въ селахъ: Парамоновѣ, Бунинѣ, Селеховѣ, Смородиномъ, въ сельцѣ Кокоревѣ и деревняхъ Чашинѣ и Улановѣ; Дмитровскаго уѣзда, въ селахъ: Дубровкѣ, Сумовѣ, Бородинѣ, Волковѣ, Мощанцахъ, сельцѣ Березовкѣ, въ деревнѣ Шарикиной; Елецкаго уѣзда, въ селѣ Чернолѣскѣ; Карачевскаго, въ деревнѣ Богородицкой; Кромскаго, въ селѣ Кутафинѣ, сельцахъ: Жирятинѣ,

Въ Москвѣ бѣлые голуби нашли готовые корабли. Обнаруженная въ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны хлыстовщина (квакерская ересь) не была искоренена. У Сухаревой башни продолжалъ существовать домъ божій, основанный христомъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ; въ Ивановскомъ и другихъ монастыряхъ оставались послѣдовательницы ученія людей божьихъ.

Сначала купецъ, потомъ капитанъ, Иванъ Максимовичъ Лугининъ (на Тульскомъ заводѣ котораго скопили Кондратій Селивановъ вмѣстѣ съ Андреемъ юродивымъ) изъ своего московскаго дома сдѣлалъ скопческую „сіонскую горницу“. Здѣсь бѣлые голуби собирались для совершенія радѣній, здѣсь производились и оскопленія. Приказчикъ Лугинина считался главою московскихъ бѣлыхъ голубей. Самъ Лугининъ подозрѣвался въ принадлежности къ скопческой сектѣ, и не безъ основанія. Дѣйствительно, онъ былъ „скопецъ неоскопленный“, то-есть хлыстъ. Весь домъ его былъ наполненъ хлыстами и скопцами. Чтобъ избавиться отъ подозрѣнія, капитанъ Лугининъ открыто содержалъ любовницу, которую знала вся Москва. Хитрость удалась: она избавила его отъ преслѣдованій главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала князя Прозоровскаго.

Способъ, употребленный коноводомъ московскихъ скопцовъ капитаномъ Лугининымъ съ цѣлью отвести глаза фельдмаршала, зорко смотрѣвшаго за мартинистами и другими тайными обществами въ Москвѣ, послужилъ урокомъ „неоскопленнымъ скопцамъ“ позднѣйшаго времени. Главными распорядителями скопческаго братства нерѣдко бывали и

Пузневѣ и Верхнемъ-Ѳедотовѣ и въ деревняхъ: Шаховѣ, Шаракиной, Гнилушкѣ, Ѳедотовой, Новой-Ѳедотовой, Череповой, Бильдожкѣ, Нижней-Ѳедотовой, Волковой и Красовнѣ; Ливенскаго уѣзда, въ селахъ: Валовѣ, Васильевскомъ, въ селѣ намъ неизвѣстномъ, находящемся въ Должанской волости, въ сельцѣ Петровскомъ, въ деревняхъ: Дубровкѣ, Кургинкѣ, Николаевкѣ; Малоархангельскаго уѣзда, въ селахъ: Гнилыхъ-Плотахъ, Большихъ-Плотахъ, Нетрубежѣ, Лескахъ, Легостевѣ, Бублинѣ, Луковцахъ, въ деревняхъ: Гриневкѣ, Тросткахъ, Тельникской, Малыхъ-Плотахъ, Игнатьевой, Чашинѣ, Густой, Долженковѣ и Подкопаевой; Мценскаго уѣзда, въ селахъ: Золотаревѣ, Арнаутовѣ, Староженомъ, Зміевскомъ, Новодмитріевскомъ и сельцѣ Новой-Слободкѣ; Сѣвскаго уѣзда, въ селахъ: Чемлижѣ, Залипаевѣ и Новоямской слободѣ, въ деревнѣ Фащевкѣ и на Безугловомъ хуторѣ, что̀ близъ деревни Юшиной. Хлысты не оскоплявшіеся, кромѣ названныхъ селеній, были въ деревняхъ Малоархангельскаго уѣзда, Непочатой и Саламатовкѣ; скопцовъ здѣсь замѣчено не было.

*) Въ Тамбовской губерніи скопцы были въ городахъ: Тамбовѣ, Моршанскѣ, Козловѣ и Усмани; Тамбовскаго уѣзда, въ селѣ Солдатской-Вихляйкѣ и слободѣ Полковѣ; Моршанскаго уѣзда, въ селахъ: Сосновкѣ, Верятинѣ, Атмановомъ-Углу, Русскомъ, Аглеевѣ, Крюковѣ, Правыхъ-Ламкахъ, Лѣвыхъ-Ламкахъ, Рослаѣ, Дальней-Дубровкѣ и въ подгородной слободѣ города Моршанска; Козловскаго уѣзда, въ селахъ: Дегтянкѣ, Стежкахъ, Малыхъ-Пупкахъ, Устьѣ и Новомъ-Клекскомъ; Усманскаго уѣзда, въ селѣ Верхней-Байгорѣ и деревнѣ Березнеговкѣ; Борисоглѣбскаго уѣзда, въ селахъ: Уваровѣ и Шибраѣ.

теперь бываютъ не подвергнувшіеся уродованію. Ихъ иногда называли „духовными скопцами". Въ случаѣ открытія скопческаго корабля, эти люди, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, ссылались на то, что имѣли любовницъ; являлись женщины, и не по одной, а по двѣ и по три, признававшіяся въ связи съ руководителемъ скопческаго корабля; являлись даже дѣти, рожденныя будто бы отъ незаконной ихъ связи. Другіе вѣнчались въ церквахъ и „для видимости" жили въ одномъ домѣ со своими женами, да кромѣ того держали по квартирамъ на своемъ содержаніи женщинъ единственно ради отвлеченія отъ себя подозрѣній правительства. Это самая обыкновенная уловка неоскопленныхъ скопцовъ.

Разыскивая въ 1792 году въ Москвѣ мартинистовъ, князь Прозоровскій узналъ о скопческомъ кораблѣ Лугинина. Собравъ свѣдѣнія, впрочемъ, весьма поверхностныя, онъ написалъ ко всесильному тогда Платону Александровичу Зубову, прося его доложить императрицѣ и просить ея разрѣшенія, какъ поступить: „приказать ли слѣдствіе произвесть, или въ тайной экспедиціи, и что̀ съ виновными въ томъ дѣлать, такъ какъ въ законахъ о семъ точнаго нѣтъ положенія" *). Зубовъ не отвѣчалъ. По крайней мѣрѣ отвѣта его князю Прозоровскому въ дѣлѣ не сохранилось.

---

*) «Дѣло московскаго архива старыхъ дѣлъ», 22-го іюля 1792 года, по описи № 1. Вотъ письмо князя Прозоровскаго къ Зубову: «Милостивый государь мой Платонъ Александровичъ! Въ Москвѣ, по достовѣрному освѣдомленію, есть люди, наполненные весьма страннаго фанатизма и вреднаго общественнымъ правиламъ, которые дѣлаютъ себя скопцами и странную сію операцію производятъ раскаленнымъ ножомъ. Сколько здѣсь таковыхъ глупцовъ замѣчено, прилагаю записку, а главный сему заводчикъ есть приказчикъ Лугинина, и сія операція производится въ московскомъ домѣ Лугинина. Они же имѣютъ связь съ С.-Петербургомъ и Тамбовомъ. Зло сіе довольно распространяется и въ Калужской губерніи: нашелъ я въ моихъ деревняхъ двухъ крестьянъ, которыхъ и отдалъ на рѣшеніе судебныхъ мѣстъ, и въ тамошнихъ шурина моего (князя Волконскаго) деревняхъ примѣчается ихъ нѣсколько. А какъ распространеніе сего зла весьма безполезныя влечетъ за собою для государства послѣдствія, то весьма нужно оное пресѣчь, а наипаче источникъ онаго истребить. Но я, не начиная слѣдствія, за лучшее разсудилъ увѣдомить ваше превосходительство и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, чтобъ изволили доложить ея императорскому величеству, какъ повелѣно будетъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить: приказать ли слѣдствіе произвести, или въ тайной экспедиціи, и что̀ съ виновными въ томъ сдѣлать, такъ какъ въ законахъ о семъ точнаго нѣтъ положенія. Ожидать буду на сіе рѣшенія вашего превосходительства, а между тѣмъ и при семъ случаѣ упомяну о истинномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности, съ коими я есмь, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга князь Александръ Прозоровскій. Іюля 22-го 1792 года. Петровскій дворецъ». Далѣе въ «Дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ» 1792 г., № 1, читаемъ: «О начальникахъ оной секты, кто ея сектаторы, достовѣрно знать нельзя, потому что въ домѣ онаго Лугинина, кромѣ двухъ скопцовъ, никого нѣтъ, а самъ на заводѣ». Потомъ: «Скопцы дому отставного капитана Ивана Максимова Лугинина, который прежде былъ тульскій купецъ: Марко Екушовъ контор-

Кромѣ дома Лугинина, московскіе скопцы въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій собирались въ слѣдующихъ домахъ:

1. Купца Ѳедора Евсеевича Колесникова, жившаго съ братомъ своимъ, тоже скопцомъ, въ собственномъ домѣ, въ Мѣщанской части, въ приходѣ Троицы, что̀ въ Троицкомъ.

2. Купца Василья Жигарева, жившаго въ Рогожской части на Таганской улицѣ, у котораго всѣ находившіеся въ услуженіи были оскоплены.

3. Купца Андрея Тимоѳеева, жившаго за Серпуховскими воротами.

4. Отставного солдата Александра Иванова, жившаго въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ.

Во всѣхъ этихъ домахъ производились оскопленія, почему названные домохозяева и назывались въ средѣ бѣлыхъ голубей „мастерами“. У Колесникова была главная моленная. Она была устроена подъ поломъ, и дневного свѣта въ ней никогда не бывало. Надъ этою моленной устроенъ былъ горнъ, или большая печь, въ которой раскаляли скопческій ножъ, называемый „булатнымъ мечомъ“; въ ней же сожигали тѣла тѣхъ, которые, не перенеся оскопленія, умирали *). Колесниковъ былъ очень богатый купецъ, онъ торговалъ преимущественно пушнымъ товаромъ. Его знали наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, знала и сама императрица. Находился ли онъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ мартинистами, не знаемъ, но князь Прозоровскій въ 1792 году доносилъ, что онъ изъ числа масоновъ и придерживается правиламъ, близкимъ къ масонству. Екатерина поэтому и называла Колесникова масономъ. Названіе это такъ и осталось за нимъ. Впослѣдствіи его даже въ офиціальныхъ бумагахъ называли Масоновымъ. Выше было сказано, что этотъ Колесниковъ ѣздилъ въ Сибирь и, возвратясь оттуда, сказалъ Павлу Петровичу, уже императору, о Селивановѣ, котораго называютъ Петромъ III. Сказано было и о томъ, какъ Колесниковъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. По освобожденіи онъ поселился въ Москвѣ и жилъ въ ней безвыѣздно, съ каждымъ годомъ наполняя свой корабль новыми „убѣленными“, для чего прибѣгалъ даже къ насиліямъ **).

щикъ и Семенъ Ивановъ дворникъ — здѣсь въ домѣ; Романъ Шеметовъ поваръ — въ заводахъ съ бариномъ, Григорій Шеметовъ—въ Петербургѣ, Наумъ Васильевъ—въ отлучкѣ, Антипъ Григорьевъ—въ Тулѣ на фабрикѣ, Демидъ Астаховъ — въ Тулѣ на фабрикѣ, Евдокимъ Богатыревъ—въ Тулѣ на фабрикѣ. Той же секты, князя Волконскаго крестьяне, Михайла Ѳедоровъ съ братомъ—портные. Самъ капитанъ Лугининъ скопецъ ли? Не скопецъ, а имѣетъ на содержаніи дѣвку». Изъ названныхъ скопцовъ Шеметовъ, Астаховъ и Богатыревъ впослѣдствіи были богатыми людьми въ Петербургѣ.

*) «Дѣло московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ объ открывшихся въ Москвѣ скопцахъ», 1806 г., № 14.

**) Въ 1806 году коллежскій совѣтникъ Александръ Сухово-Кобылинъ представилъ при объявленіи въ московскую полицію крестьянина своего, Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда, деревни Грязновки, Сергѣя

Въ Ригѣ скопческій корабль, основанный Александромъ Шиловымъ во время заключенія его въ Динаминдской крѣпости, состоялъ преиму-

Михайлова Салтыкова, назначеннаго имъ за дурное поведеніе къ отдачѣ въ военную службу. Салтыковъ оказался оскопленнымъ. Ему было тогда 27 лѣтъ, онъ былъ женатъ, имѣлъ сына и дочь. Онъ разсказалъ московскому военному губернатору Беклешову слѣдующее: «По торговлѣ познакомился онъ въ Москвѣ съ купцомъ Ѳедоромъ Евсеевымъ Масономъ. Пріѣхавъ въ 1803 году изъ Петербурга съ пушнымъ товаромъ отъ своего хозяина, петербургскаго купца Григорья Алексѣева, Салтыковъ былъ у Масона, и этотъ сталъ уговаривать его «убѣлиться». На вопросы Салтыкова, что̀ значитъ «убѣлиться», Масонъ, обѣщая изъяснить это, пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Это было около Успеньева дня (15-го августа) 1803 года. Масонъ всегда произносилъ духовныя слова, говоря Салтыкову: «надобно уподобиться ангеламъ безплотнымъ и для того умертвить свою плоть и очистить чувствія». Поэтому я и обольстился, разсказывалъ Салтыковъ, тѣмъ болѣе, что прежде отъ родителей былъ всегда водимъ въ набожности. Поэтому я съ охотою пошелъ къ Масону. Масонъ, когда пришелъ къ нему Салтыковъ, какъ человѣка заѣзжаго, уговаривалъ его остаться у него ночевать. Салтыковъ согласился. Весь вечеръ хозяинъ уговаривалъ своего гостя убѣлиться, говорилъ много изъ священнаго писанія и, по словамъ Салтыкова, «пророчествовалъ неудобопонятное, что̀ меня весьма смущало». Послѣ того они пили кофе и ужинали. Въ самую полночь, продолжалъ Салтыковъ, Масонъ повелъ меня въ такъ-называемую моленную, которая у него подъ поломъ въ землѣ и въ которой дневного свѣта не бываетъ. Тутъ было въ собраніи мужчинъ и женщинъ человѣкъ до пятидесяти, всѣ въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Масонъ совершилъ обрядъ своего служенія, вертясь одинъ по серединѣ комнаты до усталости, между тѣмъ какъ другіе сидѣли вокругъ на стульяхъ, ударяя въ то же время ногами по полу, а руками по колѣнямъ, «въ означеніе первымъ пребыванія Христа вездѣсущаго, а прочихъ окружающихъ его топаніемъ и плесканіемъ летанія ангеловъ и Святого Духа вокругъ него. При чемъ онъ, упоясь якобы Святымъ Духомъ, паки пророчествовалъ». Послѣ того женщины и нѣкоторые мужчины вышли изъ моленной, осталось въ ней восемь человѣкъ. Масонъ сталъ повторять Салтыкову, что ему надо убѣлиться, а Салтыковъ опять спрашивалъ: что̀ это значитъ? Масонъ сказалъ: «теперь-то и настало время узнать», и велѣлъ ему раздѣться. Салтыковъ едва успѣлъ спросить: для чего?—какъ его схватили, одинъ схватилъ его сзади, другой завязалъ платкомъ глаза, а ротъ зажалъ подушкой. Тутъ его и оскопили раскаленнымъ ножомъ... «Я былъ безъ чувствъ около трехъ часовъ и затѣмъ былъ боленъ восемь дней,—продолжалъ разсказывать Салтыковъ.—Въ это время Масонъ и братъ его Тимоѳей уговорили меня дать присягу принять ихъ вѣру и никому объ нихъ не открывать. Въ такомъ только случаѣ, говорили они, рана заживетъ, иначе ты умрешь. Бывъ въ несносной тоскѣ и сильномъ страхѣ, я принялъ ихъ присягу...» Салтыковъ упомянулъ, что онъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ скопленій. «Во всякое воскресенье и торжественные праздники,—говорилъ онъ:—товарищество сходится въ моленную, и по большей части бываетъ всякій разъ скопленіе, не только одному, но нерѣдко двумъ и тремъ человѣкамъ. При мнѣ оскопляли въ Москвѣ у Масона одного, въ Петербургѣ у Кострова дважды, въ Ригѣ у Пищулина одного». Сказалъ Салтыковъ и про отца-искупителя: «въ Петербургѣ, говорилъ онъ, находится первый или глава ихъ секты, подъ именемъ Петра Ѳедоровича, называющагося государемъ, Іисусомъ, сыномъ божьимъ, который иногда живетъ у скопцовъ Ненастьевыхъ, Кострова и Огородникова, а временемъ неизвѣстно гдѣ».

щественно изъ солдатъ мѣстнаго гарнизона и квартировавшихъ въ городѣ войскъ. Онъ собирался въ домѣ скопца чиновника 14 класса Михаила Антоновича Пищулина. Этотъ Пищулинъ, служившій въ рижской полиціи надсмотрщикомъ за дорогами и мостами, по переводѣ Шилова въ Шлиссельбургъ, сдѣлался кормщикомъ рижскаго корабля. Домъ Пищулина находился въ Московскомъ форштатѣ, на Каменной улицѣ, у Каменнаго столба. Кромѣ его въ Ригѣ скопцы собирались въ домѣ тамошняго купца Ивана Васильевича Мацкова, на улицѣ Романовкѣ, и у богатыхъ мѣщанъ: Емельяна Пахомова и Якова Яковлева *).

Это были самые большіе скопческіе корабли того времени, но главнѣйшій находился въ Петербургѣ. Онъ образовался въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, преимущественно изъ сосновскихъ и моршанскихъ выходцевъ. Петербургскій корабль особенно усилился съ 1797 года, когда скопцы, заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ Сибирь, по повелѣнію императора Павла Петровича получили свободу, кромѣ повредившихся въ разсудкѣ. Они собрались въ Петербургѣ, ожидая обѣтованнаго пришествія отца-искупителя. Искупитель, какъ мы знаемъ, не замедлилъ.

Во главѣ петербургскаго корабля стояли Сидоръ Яковлевичъ Ненастьевъ и братъ его Иванъ. Не знаемъ, откуда они родомъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія принадлежали они къ купеческому сословію Выборгской губерніи, тогда входившей еще въ составъ имперіи. Сидоръ Ненастьевъ, его жена, особенно же дочь его, дѣвица Вѣра Сидоровна, были люди благочестивые и чрезвычайно набожные, усиленно искавшіе духовнаго свѣта, возрожденія и спасенія и дошедшіе до хлыстовщины **). Семейство Ненастьевыхъ дошло и до скопчества. Не знаемъ навѣрное, былъ ли убѣленъ Сидоръ Яковлевичъ, но въ его домѣ происходили радѣнія съ участіемъ бѣлыхъ голубей, въ его домѣ долго жилъ Кондратій Селивановъ, въ его домѣ производились оскопленія. „Благочестивое“ семейство Ненастьевыхъ находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ набожными монахами Александро-Невской лавры, Зеленецкаго и другихъ монастырей, гдѣ также появилась хлыстовщина и даже скопчество. Имѣло это семейство короткія знакомства и съ набожными людьми высшаго сословія. Вѣра Сидоровна впослѣдствіи сдѣлалась пророчицей въ хлыстовскомъ караблѣ, образовавшемся въ Михайловскомъ дворцѣ, что̀ нынѣ Инженерный за̀мокъ. Самый корабль г-жи Татариновой, по сви-

---

*) То же дѣло. Въ 1844 г. скопецъ Пищулинъ уже въ чинѣ губернскаго секретаря служилъ смотрителемъ казармъ въ Гатчинѣ.

**) Такъ выражается о нихъ г. Сушковъ со словъ московскаго митрополита Филарета, коротко и близко знавшаго петербургскихъ хлыстовъ и находившагося съ нѣкоторыми изъ нихъ (княземъ А. Н. Голицынымъ, тайнымъ совѣтникомъ В. М. Поповымъ, А. Ѳ. Лабзинымъ и друг.) въ дружескихъ отношеніяхъ. Сушкова «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго», стр. 75.

дѣтельству г. Сушкова, писавшаго по словамъ Филарета, митрополита московскаго, произошелъ изъ корабля Ненастьевыхъ.

Корабль Ненастьевыхъ находился въ собственномъ домѣ Сидора Яковлевича въ Староконюшенной улицѣ (нынѣ Басковъ переулокъ) близъ артиллерійскихъ казармъ. Послѣ Ненастьевыхъ домъ этотъ принадлежалъ Брилину. Кому теперь принадлежитъ, не знаемъ *).

Скопческій корабль въ Петербургѣ собирался еще въ домѣ купца изъ бѣлыхъ голубей Андрея Ивановича Кострова. Костровъ былъ женатъ (для вида) на Афросиньѣ Софоновнѣ, меньшой дочери „Андрея Первозваннаго“ (такъ скопцы величали первооскопившагося сосновскаго крестьянина Софона Авдеева Попова, по освобожденіи изъ заточенія сдѣлавшагося инокомъ православнаго Зеленецкаго монастыря). На ея имя и домъ былъ записанъ. Онъ петербургскими хлыстами и скопцами назывался „Рождественскимъ монастыремъ“. Сюда нерѣдко пріѣзжала изъ Моршанска переселившаяся туда послѣ ссылки отца старшая сестра ея Анна Софоновна, считавшаяся богородицей.

Кромѣ того, въ Петербургѣ бывали собранія людей божьихъ и бѣлыхъ голубей въ домахъ Алексѣя Даниловича Огородникова, Красниковыхъ, Артамонова и Добрецова. Всѣ они сами были скопцы.

Въ то время скопцовъ, только извѣстныхъ крестьянину Салтыкову въ Москвѣ, Петербургѣ и Ригѣ, было тысячъ до пяти. А сколько было ему неизвѣстныхъ? Сколько было ихъ по другимъ мѣстамъ: въ Кронштадтѣ, въ Тамбовской губерніи, въ Орловской, въ Тульской, въ Калужской и въ другихъ?

XIV.

Съ петербургскими хлыстами и скопцами въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сблизился Алексѣй Михайловичъ Еленскій. Родомъ полякъ, камергеръ послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго, онъ послѣ третьяго раздѣла Польши былъ, въ 1794 году, переименованъ въ статскіе совѣтники русской службы и получилъ пенсію въ пятьсотъ рублей изъ кабинета. Сумма по тому времени довольно значительная. Не знаемъ, былъ ли онъ до того православнымъ, или принялъ наше исповѣданіе, сдѣлавшись уже русскимъ статскимъ совѣтникомъ, но къ началу нынѣшняго столѣтія находимъ его не только уже православнымъ, но и живущимъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ особой квартирѣ, отведенной ему митрополитомъ Амвросіемъ **). Русскимъ языкомъ

*) «Въ дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ», 1806 г., № 14, сказано, что домъ Ненастьева былъ у Шести Лавочекъ, то-есть близъ нынѣшней Надеждинской, прежде Шестилавочной улицы. Басковъ переулокъ пересѣкаетъ Шестилавочную или Надеждинскую улицу.

**) Самого Амвросія ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ сочувствіи къ какой бы то ни было мистической или тайной сектѣ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ (см. мою статью «Изъ прошлаго», напечатанную въ № 4 «Русскаго Вѣстника» за 1868 годъ).

владѣлъ онъ совершенно, какъ увидимъ изъ приведенныхъ ниже отрывковъ его сочиненій. Когда и при какихъ обстоятельствахъ поступилъ Еленскій въ скопчество, не знаемъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ былъ уже самымъ виднымъ, самымъ почетнымъ и самымъ вліятельнымъ членомъ петербургскаго корабля *).

Когда Селиванова привезли въ Петербургъ, скопцы ободрились и пришли въ сильное движеніе. Обѣтованіе отца-искупителя исполнилось, онъ воскресъ. Въ цухтгаузѣ Обуховскаго дома Селивановъ принималъ ихъ посѣщенія, здѣсь познакомился съ нимъ Еленскій, увѣровалъ въ его божественность и, оскопившись, самъ сталъ скопить членовъ петербургскаго корабля. Его стараніямъ, его проискамъ Кондратій Селивановъ былъ обязанъ освобожденіемъ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря.

Селивановъ жилъ сначала въ домѣ Ненастьева. Здѣсь на радѣніяхъ стали отдавать ему божескія почести. Настало „златое время воскресенія", говорили бѣлые голуби.

Полиція знала обо всемъ, что дѣлается въ домѣ Ненастьева, знала, что тамъ живетъ прощенный ссыльно-каторжный, котораго считаютъ живымъ богомъ и императоромъ Петромъ III. Она знала, что число бѣлыхъ голубей съ каждымъ годомъ значительно умножается въ Петербургѣ, что въ Кронштадтѣ образовался другой корабль, находившійся въ зависимости отъ петербургскаго и считавшій въ числѣ своихъ членовъ не только матросовъ, но даже офицеровъ. Никакихъ однако мѣръ для пресѣченія распространяющагося зла предпринимаемо не было. Въ то время еще не существовало никакихъ узаконеній противъ скопчества, на эту секту смотрѣли снисходительно, на основаніи принципа вѣротерпимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ своего царствованія, желалъ религіозныя заблужденія устранять единственно мѣрами кротости, мѣрами церковнаго назиданія, убѣжденія, вразумленія, и предоставилъ это дѣло духовенству. Но духовенство оказалось дѣятельнымъ и строгимъ лишь въ отношеніи по-

*) Катерина Филипповна Татаринова, урожденная Буксгевденъ, основательница хлыстовскаго корабля въ Михайловскомъ дворцѣ, совратилась въ хлыстовщину изъ лютеранства въ западныхъ губерніяхъ (Гродненской и Виленской), гдѣ мужъ ея, служившій въ военной службѣ, стоялъ съ полкомъ. Племянникъ ея мужа (сынъ его сестры), полякъ, майоръ, а потомъ статскій совѣтникъ Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, находившійся въ кораблѣ своей тетки, былъ изъ Гродненской губерніи. Вдова майора польской службы Анна Францъ, находившаяся въ томъ же кораблѣ была изъ Виленской губерніи. Еленскій былъ оттуда же: ближайшіе его родственники владѣли имѣніями Гилушка и Великій-Дворъ въ Виленскомъ, Окписты въ Вилькомірскомъ, Резге въ Ковенскомъ уѣздахъ и другими. Можетъ-быть, Еленскій еще на своей родинѣ вступилъ въ сектаторское общеніе съ названными лицами и одновременно переселился съ ними въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Ненастьевыми, а посредствомъ ихъ и съ Кондратьемъ Селивановымъ, и затѣмъ сблизилъ Вѣру Сидоровну Ненастьеву съ своею теткой Татариновой.

повщины, секты самой близкой къ церкви, не хотѣвшей только зависимости своихъ поповъ отъ православныхъ архіереевъ. Чѣмъ болѣе удалялась отъ православнаго ученія какая-либо религіозная секта, тѣмъ большею снисходительностью она пользовалась. Хлысты и скопцы, какъ усердно исполняющіе обряды православной церкви, какъ щедрые прихожане, украшавшіе церкви иконостасами и колоколами и платившіе священникамъ за требы большими суммами, считались усердными сынами православія. Въ духовенствѣ, особенно изъ высшихъ лицъ, они постоянно находили защиту. Хлыстовщина и даже скопчество процвѣтали въ самихъ монастыряхъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи священники и іеромонахи уклонялись въ хлыстовщину, иные даже скопились *). Скопецъ и скопитель камергеръ Еленскій пользовался квартирой и содержаніемъ въ Александро-Невской лаврѣ и, живя подъ самыми митрополичьими покоями, писалъ свой проектъ объ учрежденіи въ Россіи ѳеократическаго правленія, съ тѣмъ, чтобы скопческіе пророки возвѣщали императору и правительственнымъ лицамъ волю самого Бога. При такомъ положеніи дѣлъ нечего было и думать о рѣшительныхъ мѣрахъ къ пресѣченію зла, распространявшагося съ каждымъ годомъ... „Какъ уже по многимъ опытамъ извѣстно,—писалъ въ іюнѣ 1806 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, московскому военному губернатору Беклешову:—что заблужденія сего рода формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются, то и найдено болѣе удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства: убѣжденія и вразумленія“ **).

Такое снисхожденіе правительства бѣлые голуби объясняли особымъ покровительствомъ ихъ сектѣ императора Александра Павловича. Въ одной скопческой рукописи такъ говорится о царствованіи этого государя: „Во славной Россіи красно солнышко появилось, и вся вселенная удивилась, что благоволитъ тайный синодъ до своихъ вѣрныхъ сиротъ, что оно (солнышко, то-есть императоръ Александръ Павловичъ) чудо творило, съ сыномъ божьимъ говорило (въ Обуховскомъ домѣ). Скоро радость намъ сотворится со восточной стороны... Скоро намъ другая такая радость сотворится: со восточной стороны сынъ божій прикатится въ златой колесницѣ, а вокругъ райскія птицы распѣваютъ гостю дорогому пѣснь нову“.

XV.

Злоупотребляя снисходительностью правительства, петербургскіе скопцы затѣяли такое дѣло, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ дикіе вы-

*) Не далѣе какъ въ 1867 году всѣ иноки Святогорскаго монастыря, Харьковской епархіи, считавшіеся самыми благочестивыми и набожными, оскопились.

**) «Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея къ генералу-отъ-инфантеріи Беклешову» 5-го іюня 1806 года, № 430, въ «Дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ», 1806 г., № 14.

мыслы ихъ о сынѣ божьемъ Петрѣ III. До сихъ поръ сказки ихъ о Кондратьѣ Селивановѣ не выходили изъ ихъ кораблей, сохранялись въ большой тайнѣ, такъ что вновь поступающіе въ ихъ общество не вдругъ ихъ узнавали. Теперь скопцы замыслили поставить своего отца-искупителя во главѣ правительства Руской имперіи, съ тѣмъ, чтобъ императоръ Александръ Павловичъ, оставаясь въ санѣ верховнаго правителя, дѣйствовалъ не иначе, какъ по велѣніямъ самого Бога, который будетъ прорекать волю Свою устами скопческаго „настоятеля, боговдохновеннаго сосуда, въ которомъ полный Духъ небесный Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ“ (то-есть Кондратья Селиванова).

Первые годы нынѣшняго столѣтія были годами внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія петровскія и екатерининскія упразднялись, на мѣста ихъ являлись новыя министерства, совѣты, канцеляріи. Самъ государь принималъ личное участіе въ преобразовательныхъ работахъ, раздѣляя труды съ молодыми любимцами своими: гр. П. А. Строгановымъ, Н. Н. Новосильцевымъ и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ; главнымъ дѣятелемъ былъ Сперанскій. Было общее убѣжденіе, что на этомъ дѣло не остановится, что будутъ измѣнены самые основные законы государства. Новосильцевъ, жившій передъ тѣмъ долгое время въ Англіи и изучившій тамошнее государственное устройство, стремился ко введенію его въ Россіи. Императоръ Александръ Павловичъ раздѣлялъ его мнѣнія, но желалъ, чтобъ измѣненіе государственнаго строя произошло постепенно. Объ этомъ знали въ Петербургѣ и по провинціямъ, и разными лицами присылаемы были Новосильцеву проекты о новомъ государственномъ устройствѣ. И вотъ, въ числѣ такихъ проектовъ, въ мартѣ 1804 года онъ получилъ проектъ Еленскаго объ учрежденіи „божественной канцеляріи“ и объ установленіи въ Россіи ѳеократическаго правленія, при чемъ бы скопческіе и хлыстовскіе пророки, какъ пророки дней Израиля, были посредниками между Богомъ и русскимъ императоромъ. При проектѣ представлена была особая рукопись подъ заглавіемъ: „Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“.

Мысль введенія въ Россіи скопческо-ѳеократическаго правленія едва ли принадлежала самому Селиванову. Ему въ то время было уже семьдесятъ пять лѣтъ, онъ былъ старикъ вялый, неповоротливый, больной, лежалъ больше въ постели, ни на сколько не имѣлъ энергіи и притомъ былъ близокъ къ помѣшательству. Ему ли быть изобрѣтателемъ такого проекта? Вѣроятно, эта затѣя принадлежала Еленскому. Человѣкъ образованный, начитанный, знавшій, какъ видно изъ его сочиненій, священное писаніе, имѣвшій по своему камергерству довольно видное положеніе въ высшемъ обществѣ, проведя съ Селивановымъ болѣе полутора года въ постоянныхъ, ежедневныхъ почти сношеніяхъ, Еленскій увѣровалъ въ его святость, въ его божественное происхожденіе и вздумалъ поставить его во главѣ правленія. Селивановъ и теперь, какъ и впослѣдствіи, былъ только игралищемъ въ рукахъ ловкихъ людей. Впрочемъ,

нельзя полагать, чтобъ Еленскій писалъ свое „Извѣщеніе“ съ какою-нибудь лукавою цѣлью. Искренность его трактата не подлежитъ сомнѣнію. Увлекшись мистицизмомъ и дойдя до хлыстовщины, даже до скопчества, онъ былъ убѣжденъ въ божественности Селиванова, и что ни писалъ, писалъ искренно. На его проектъ надо смотрѣть, какъ на плодъ разстроеннаго мистицизмомъ духа, а не какъ на обманъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ 1804 года проектъ былъ написанъ, а въ мартѣ, черезъ Новосильцева, представленъ императору Александру Павловичу *).

Еленскій имѣлъ въ Петербургѣ связи съ нѣкоторыми лицами тогдашняго высшаго общества, особенно съ тѣми, что подпали вліянію бывшаго тогда въ модѣ и съ каждымъ годомъ усиливавшагося мистицизма. Онъ близокъ былъ и съ масонами. Кажется, были люди, и не принадлежавшіе къ хлыстовщинѣ или къ скопчеству, которые смотрѣли на затѣю Еленскаго не какъ на сумасбродство. Въ письмахъ мистиковъ того времени, вовсе непричастныхъ къ хлыстовско-скопческимъ кораблямъ, встрѣчаются мысли о ѳеократическомъ образѣ правленія.

Въ „Извѣстіи, на чемъ скопчество утверждается“ Еленскій старается доказать, что хлысты и скопцы суть истинные христіане, сохранившіе все преподанное Іисусомъ Христомъ, между тѣмъ какъ прочіе, называющіе себя христіанами, отверглись живого Бога, отверглись Духа и все основываютъ на мертвыхъ книгахъ, на преданіяхъ и обрядахъ. Мысль та же, что была высказана еще саваоѳомъ Данилой Филипповичемъ. Вотъ выдержки изъ „Извѣстія“ камергера Еленскаго:

„Первоначально избранный народъ Божій, евреи, правимъ былъ самимъ Господомъ, изрекавшимъ волю Свою устами пророковъ. Такъ было при Моисеѣ, при судіяхъ и при царяхъ израильскихъ. Между тѣмъ написались книги, усилилось священство и пренебрегло пророками. Тѣмъ отвергло оно гласъ небесный, довольствуясь однѣми книгами Моисеевыми и пророческими, составило законы, обряды, уставы и приняло за правила преданія отцовъ. Это дѣлали священники для достиженія чести и славы, отметая славу Божью; когда же являлись глаго-

*) Вотъ письмо Еленскаго къ Новосильцеву, при которомъ онъ представилъ свой проектъ: «Ваше превосходительство, милостивый государь! Предстою вамъ, яко *таинственно возрожденному* и по сердцу цареву избранному мужу, подносясокровище таинственное на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россъ Мосоха именуемаго, а самъ для себя ожидаю или Даніила пророка участи многотрудной, или Іереміи печальной, либо Іоанна Крестителя скоро отрадной, однако неустрашимо тайно, въ тайну цареву проливая, на десницу вашего превосходительства посягаю, яко желаю быть вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя, преданнѣйшимъ слугою, Алексѣй Еленскій, марта дня 1804 года». Это письмо, равно какъ и двѣ записки, представленныя Новосильцеву Еленскимъ, напечатаны въ 4-й книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей» на 1867 годъ. Принадлежащій мнѣ списокъ (полученный въ 1852 году отъ покойнаго Надеждина) нѣсколько короче напечатаннаго.

лавшіе Духомъ Святымъ пророки — ихъ гнали и убивали. Израильское священство вознеслось, и архіереи стали править народомъ іудейскимъ безъ небесныхъ вождей (пророковъ) и безъ земныхъ царей. Израиль лишился живого Бога. Стали руководствоваться однѣми книгами закона, вся вѣра заключилась въ одномъ обрядѣ... Тогда Отецъ свѣтовъ, видя на землѣ гладъ слова Божья, послалъ въ міръ Сына Своего Іисуса Христа. Своимъ ученіемъ Сынъ Божій освободилъ людей отъ суетныхъ отеческихъ преданій, отъ обрядовъ, отъ суевѣрія, отъ невѣрія, отъ плотской жизни по Адамѣ, отъ наружной мудрости, отъ плотоугодія, даже самое плотское родство ни во что вмѣнилъ, говоря: „Кто есть мати моя, и братія моя и сестры? Сіи, иже „слушаютъ слово Божье и сотворятъ е“. Онъ же сказалъ: „Соблазняющіе уды отсѣки“...

„Наученные самимъ Богомъ, истинные христіане отъ временъ апостольскихъ скрывали пророчество втайнѣ. Въ ихъ собраніяхъ былъ тотъ порядокъ, что̀ предписанъ апостоломъ Павломъ въ 14 главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ. Такъ и нынѣ это бываетъ въ нашей *тайной церкви*, гдѣ хранится Новый Завѣтъ не письменный, но духовный, ибо письмо убиваетъ, а Духъ животворитъ, по слову апостола.

„Между тѣмъ христіане, привыкшіе къ обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, и сами, какъ древніе евреи, стали составлять обряды и основывать дѣла вѣры на законѣ, а не на Духѣ. Такимъ образомъ они во всемъ уподобились древнему Израилю—лишились живого Бога, лишились гласа небеснаго устами пророческими возвѣщающаго, лишились таинствъ Святого Духа, стали водиться книгами, а не Духомъ... Священники назвались преемниками апостоловъ, но дѣлами чужды имъ. Они уподобились жрецамъ, книжникамъ и фарисеямъ, кои взяли ключъ разумѣнія, сами въ царство Божье не входили и входящимъ запрещали внити. Такъ низко и дешево сдѣлалось христіанство, что теперь всѣ богоотступники и злѣйшіе міра любители, блудники, пьяницы, христіанами нарицаются, а сначала христіане были подъ названіемъ „святые“ и „сынове Божіи“ нарицались. Удалясь живой съ дѣлами вѣры, стали довольствоваться обрядами, преданіемъ святыхъ отецъ, дабы какъ можно побольше читать книги, сдѣлали духовный законъ, машинальное моленіе. И все то основано соборами на клятвахъ. Отъ сего санъ церковный, то-есть духовенство, только одеждами отличается отъ міра.

„Мы, истинные послѣдователи Христу (то-есть скопцы и хлысты)— родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, Бога боящіеся, царя почитающіе, властямъ покоряющіеся, воздающіе дани и оброки и исполняющіе рачительно службы, яко на дѣлѣ видѣть можно, не воздаемъ зло за зло, ниже досажденіе за досажденіе... Общество наше возрастаетъ на истинныхъ словахъ Христовыхъ: „Никто же пріидетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой небесный привлечетъ“. Тако собраны отъ всѣхъ странъ земли не человѣками, но самимъ Святымъ Духомъ: „Духъ, идѣже хощетъ, дышитъ, и гласъ его слышите, но не вѣсте, откуда пришелъ и камо идетъ“: тако и человѣкъ, отъ Бога рожденный. Чиновный и простой—вси единочадцы Отца свѣтовъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и такъ покорены волѣ Отца небеснаго, яко никто имущество свое своимъ именуетъ, но вся Бога Отца, а не наше. И ежели есть что̀ чистаго и цѣломудреннаго, то также не наше, а Божіе дѣйствіе, а наши собственныя только слабости и немощи, которыми во плоти обложены есмы. Наша должность отдать себя на волю Божію, а Его сила въ немощѣхъ нашихъ совершается.

„Сбираясь на слово Божіе, стараемся быть всѣ примирившіеся Богу въ единовѣріи и единодушіи, въ любви нелицемѣрной, въ простотѣ сердца. О чемъ молимся, никогда напередъ не знаемъ, но Духъ Божій

за кого и какъ молиться и поститься прикажетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіями неизглаголанными исполнять. Обрядное же моленіе не есть въ употребленіи. Книгъ никакихъ не употребляемъ, но ихъ не чуждаемся; ибо разумѣемъ, что всѣ книги написаны тѣмъ Духомъ Святымъ, который съ нами есть. А Онъ, истинный, самъ живая книга, а въ книгахъ Духа нѣтъ, тамъ бумага и чернила. Мертвыя буквы ради мертвыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Всѣ книги не ради Бога, но ради человѣковъ, а человѣкъ долженъ быть книга Божія.

„Занимаемся таинственными псалмами, пѣніемъ сіонскихъ пѣсней, кои на землѣ чуждей не поются: тимпаны, гусли, струны и органы подвигаемъ, яко Давидъ предъ кивотомъ Господнимъ былъ скачущій, и играющій, и плясающій, а когда Мельхола безумная посмѣялась, то онъ и паче скакаше и играше. Такъ и нынѣ та же Мельхола смѣется намъ и поноситъ, а рабы Божіи въ дому Давидовомъ и паче скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные. Пасха всечестная съ нами всегда пребываетъ.

„Да и то есть въ мірѣ, яко на кроткаго Давида и избраннаго по сердцу мужа и царя израильтянъ простой мужикъ, Семей, каменіе мещетъ и ругаетъ, и поноситъ. Но той же избранный Давидъ, который умѣетъ грѣхи давить, мимо идетъ и молчаливо терпитъ. Терпѣнія потребу имите, да волю Божью сотворите. Нѣсть Богъ въ разжизаніи, нѣсть Богъ въ гордости, нѣсть Богъ въ пьянствѣ, въ сквернословіи и буесловіи, но въ Дусѣ тонкомъ и чистомъ. Тамъ Богъ пребываетъ и благодать Его святая почиваетъ. А въ доказательство: приходили ко Христу всѣ окаянные грѣшники, но, познавши Его и услышавши о единомъ крещеніи во оставленіе грѣховъ, не обратились въ прежнія дѣла свои, но во святости пребывали, подражая своему Учителю. Павелъ апостолъ еще сильнѣе подтверждаетъ, говоря: „аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піаница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти“. Напослѣдокъ: „не льстите себе, ни блудницы, ни идолопоклонницы, ни досадители, ни прелюбодѣи, ни лихоимцы, ни татіе, ни піаницы царствія Божія не наслѣдятъ, и сими убо нѣціи бѣсте, ни освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“. Вотъ гдѣ можно найти антихриста и истиннаго христіанина съ плодами вѣры, а вѣрно: „сія глаголя, и намъ досаждаеши“?

„Сіе не тайна: всякій, возвратясь на древность, можетъ видѣть, какъ устроился законный обрядъ, какъ покорился суевѣрію, и когда лишились благодати Святого Духа, по Новому Завѣту устами пророкъ гласившаго, какъ, сдѣлавшися пустовѣрами, впали въ ереси, свары, здоры, споры и расколы; раздѣлилися греки съ римлянами и армянами, римляне съ лютеранами, лютеране съ кальвинами. А сколько еще мелкихъ ересей и несогласій во всякой религіи и въ каждомъ царствѣ находится! И числа имъ нѣтъ, а всѣ они, бывши плотскаго земного мудрствованія, ненавидятъ истинныхъ духовныхъ людей, которые втайнѣ отъ Еммануила питаются манною небесною. Убилъ плотской Каинъ духовнаго Авеля, гналъ плотской Исавъ духовнаго Іакова! И ближе видѣть можно: по наущенію архіереевъ, народъ вопіялъ: „Распни, распни! Разбойника Варавву отпусти, а Христа распни!“ Такъ и нынѣ дѣйствуется съ духовными людьми отъ ненависти плотскихъ міролюбителей.

„Правда неоспоримая, что нужны явныя церкви. Нужны обряды, нужно священство ради плотскихъ людей, кои земные и земному, видимому прилѣпляются. Такъ было во всѣхъ языцѣхъ и во всемъ мірѣ, такъ и нынѣ есть. Но только бы питающихся духомъ небеснымъ, истин-

ныхъ христіанъ оставили болѣе свободными отъ суевѣрія: ибо, по свидѣтельству Новаго Завѣта, слѣдовало бы въ истинные разумы пріити и воззрѣть, кто кого насильно можетъ спасти. Чѣмъ болѣе было гоненій на рабовъ Божіихъ, тѣмъ болѣе они умножалися во всѣхъ странахъ. „Аще изгнаша мя, изженутъ и васъ; аще бысте отъ міра были, любилъ бы міръ своя, а яко нѣсте отъ міра, затѣмъ ненавидитъ васъ міръ. Пріидетъ время, егда убьютъ васъ и будутъ думать, яко службу Богу приносятъ“. Такъ съ нами мірское земное священство поступаетъ, ненавидя истиннаго духа Христова. Воззри аще не тую ли власть составляетъ на земли духовенство, о которой пространно свидѣтельствуетъ евангеліе: „На сѣдалищѣ Моисеевѣ сѣдоша книжницы и фарисеи“? А затѣмъ: „Небо и земля мимо идутъ, а словеса Господни не прейдутъ“. Гдѣ законъ, тамъ нѣсть благодать Святого Духа, а гдѣ нѣтъ духа Христова, тамъ нѣтъ ни единой добродѣтели духовной, ни истинной любви Божіей, ни кротости, ни смиренія, ни воздержанія, ни любви ближняго.

„Сіе заповѣданіе Господа Іисуса Христа всегда подтверждается Духомъ: „Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, молитеся за творящихъ вамъ напасти и будьте милостивы, яко Отецъ вашъ небесный милостивъ есть“.

„Наблюдается у насъ духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи. „Не ищите мудрости, а кротости: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать: не дѣти бывайте умы, но злобою младенчествуйте“.

„У насъ чистота плоти отъ главы до ногъ, и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихіе и скромные глаголы. Даже не годится имени темнаго врага Божія помянуть ни въ какомъ разговорѣ. Всякаго рода напитки хмельные запрещены, и кофія не употребляется, яко разжизаніе плоти дѣлаетъ. Во яденіи со искусствомъ того не ядятъ, отчего вѣтры возбуждаются и похоть воюетъ на душу, по большей части отъ мясояденія удаляются. Однако не подъ грѣхомъ, если въ нуждѣ кто поѣстъ, а напитки хмельные подъ грѣхомъ запрещены, яко они не отъ нужды, а отъ слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на комедіи, на маскарады, на качели ходить, и подобныя сборища запрещены, яко они не отъ Христа, а отъ міра заведены. Лучше ходить въ явную церковь слушать литургію, яко она наша и отъ истиннаго Духа съ небесъ составлена, и прочаго чтенія и пѣнія; ибо, взявши отъ ихъ книгъ, да ихъ же книжниковъ можно обличать за неисполненіе и злоупотребленіе.

„Не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякаго человѣка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ, яко зміи, скрывая дѣло Господне, скрывать въ тайнѣ посты, молитвы, милостыни и всѣ добродѣтели духовныя. Въ такомъ дѣлѣ ради Бога можно и солгать, какъ іерихонская блудница, Раавъ, ради Бога солгала и похвалу имѣетъ, или какъ Іудифь Олоферну солгала и голову ему срубила; да и пастухъ, скрывшій Варвару мученицу, похвалу имѣетъ.

„Подаяніе всѣмъ бѣднымъ по возможности подаемъ, но паче сами ищемъ кому подать: въ бѣдахъ и тюрьмахъ братіи меньшей Христовой, нищимъ, святымъ и твердымъ въ вѣрѣ. Въ Духѣ Божіи возвѣщаемъ, гдѣ и кому подать.

„Напослѣдокъ всѣ посланія апостольскія, евангеліе и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла; ибо той истинный Духъ, который ихъ училъ и насъ учитъ и вѣщаетъ вся сокровенныя премудрости. Ежели чего не уразумѣемъ отъ гласу пророческаго, апостольскія письма растолкуютъ. Кто говоритъ во славу Господню, на спасеніе души и на службу Божію, тому не надобно ни одной

книги. Сыне, даждь сердце, и ищи не мудрости, а кротости, то и довольно. Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ и пренебреженное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть.

„Хотя постъ и чистота отъ главы до ногъ на насъ Святымъ Духомъ возложены, но еще есмы малолѣтки, „млекомъ, а не крѣпкою пищею насыщены, и не усовершены въ дѣла Божіи“. Потому, какъ скрываемся отъ міра, то даже и слабости нѣкоторыхъ не искореняемъ, опасаясь всегда отъ своихъ, дабы не возсталъ предатель и не разорилъ бы церковь Христову, какъ случалось во времена апостольскія. По силѣ и возможности крестъ Господень поднимаемъ, а свой носимъ и о помощи просимъ; ибо бѣды въ моряхъ, въ рѣкахъ, въ разбойникахъ и во лжебратіи. Въ скорби и тѣснотахъ, въ руганіи и поношеніи провождаемъ дни нашей жизни ради любезнѣйшаго Христа, возлюбившаго насъ и давшаго намъ обрученіе Святого Духа и показавшаго тѣсный путь и узкія врата въ царствіе Божіе. Но мало стадо Христово, и мало ходящихъ по сему пути.

„При всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшія немощи немощныхъ носить, и тако исполняемъ законъ Христовъ: „аще кто хочетъ быть болѣе, буди всѣмъ слуга“. Также въ богопознаніе приводимъ, отъ суевѣрія свобождаемъ, дабы знали живого Бога, который Духъ есть, не имѣющій никакого виду, а видимые образа стоятъ ради виду. И до насъ были люди подобные намъ и угодили Богу, и мы должны въ тую же силу подвизаться, дабы тому же Богу угодить и въ чистотѣ непорочнѣй Ему, Свѣту, служить; ибо рече Богъ: „Будьте святы яко и Азъ святъ есмь; такая заповѣдь тяжелая избраннымъ, а по отшествіи въ чемъ застану, въ томъ сужду“. Итакъ, по смерти не надѣемся ни на чужія молитвы, ниже на кадило и кутью священническую. Слѣдуетъ каждому не довольно вѣрою, но и житіемъ вообразить себѣ Христа и во Христа вообразиться; его же призва, того и оправда, а его же оправда, того и прослави во образѣ Сына Своего быти.

„Относительно скопчества, то оно на твердомъ основаніи Слова Божія, чрезъ уста Исаіи пророка сказаннаго, что скопцамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей Господнихъ дастся. И Христовыми устами дозволено, по силѣ и ревности, исказить себя или отъ человѣка обрѣзаться, и таковое дѣло есть истинное постриженіе монашеское и утвержденіе иноческаго сана, настоящая схима, печать дара Духа Святого, крещеніе Христово огнемъ и духомъ, едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, очищеніе плоти отъ похотныхъ соковъ. „Камень бѣлъ и на камени имя ново написано, котораго никтоже вѣсть, только пріемляй его“. Сіе тайное дѣло было отъ начала. Если кто удостоился получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрывалъ; ибо рѣдкимъ даетъ самъ Богъ Духомъ Своимъ, гласомъ небеснымъ и просящимъ. Не всякому дается сей камень бѣлъ, а безъ гласу небеснаго никто ни надъ собою, ниже надъ другимъ не можетъ сдѣлать. Сказано: „Могій вмѣстити да вмѣститъ“. Нѣсть на сіе дѣло ни обряду, ниже обыкновенія, а тайное отъ Промысла непостижимаго. И получившіе скрываютъ яко драгоцѣнный алмазъ, дабы міръ не позналъ, а буде узнаютъ, то тяжело на земли жить такому человѣку; ибо всѣ его ненавидятъ, яко нагло наступилъ на главу змія и искоренилъ въ себѣ грѣхъ Адамовъ. Тогда уже всѣмъ земнымъ, Адамову сѣмени—чужой; нѣтъ ему сродства, за то и ненавидятъ, готовы были бы живого огню предать. Только тѣ, которые возродились свыше и имѣютъ Христовъ духъ, тѣ терпятъ, яко ради Христа побѣдилъ плоть и всю силу вражію. Сей человѣкъ значитъ *убѣленный:* какъ Христова пелена, такъ и плоть его убѣлена.

„Въ прежнія времена, до VII вѣка отъ Христа, было открытое скоп-

чество отъ временъ апостольскихъ, и были нарочитые монастыри, „бѣлоризцами“ нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись. Было много архіепископовъ въ Греціи, въ Римѣ, какъ достаточно о сей матеріи свидѣтельствуютъ Книги Баронія двѣнадцатыхъ вѣковъ, Прологи, Четьи-Минеи, какъ-то: Меѳодія 14-го іюня, Мурина скопца, Оригена. Архіереи и даже славные воины были скопцы, какъ-то Стипиліонъ въ Греціи, который всю Африку побѣдилъ (?). Итакъ, скопцы въ монахахъ во святыхъ причтены, а въ свѣтскихъ славные мужи были. Ежели-жъ тогда Богъ ихъ благословилъ, то и нынѣ не оставитъ, яко той же Богъ Отецъ. Моисей въ законѣ написалъ: „скопецъ да не будетъ служай дому Господню, яко самъ онъ есть жертвенникъ, и не будетъ служай алтарю, и не будетъ приносяй жертвы и службы, яко свободенъ есть отъ земной службы“. Но законъ Моисеемъ данъ бысть, а благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть. И для того по благодати, яко сосуды очищенные, были не только иноками, священниками, но и архіереями скопцы были поставляемы: ибо сіи скопцы не ради корыстолюбія, не ради чести міра, но прямо ради царствія небеснаго. Достаточно и сіе понимаемъ, что нужны царю и отечеству министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы и прочаго званія люди, но кольми паче нужны, яко соль земли, молитвенники: ибо ради всѣхъ дѣлъ и производства надобно присутствіе Святого Духа. Имъ же вся быша. И то надобно знать, что Богъ грѣшника не послушаетъ, а только праведнаго молитва поспѣшествуетъ во благое, то долженъ молитвенникъ быть свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ, дабы слово было къ Богу, и Богъ былъ слово, и такъ чистъ, какъ хрустальный сосудъ въ царской рукѣ, такъ предъ очами Божіими и молитвенникъ долженъ быть непорочный.

„Затѣмъ повергаемся подъ покровъ небесный и просимъ Отца свѣтовъ, дабы открылъ сердечные глаза всѣмъ властямъ земнымъ видѣть истину Господню, чтобы не прогнѣвали Отца небеснаго, не вознесли бы хулы на Духа Святого, но, очистивъ чувствія, узрѣли бы неприступный свѣтъ: „блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“.

„Непостижимый Отецъ свѣтовъ прежде изволилъ избрать рыбарей и простыхъ людей. Тако и нынѣ соизволилъ обитать съ простяками и безчестными людьми. Если бы Богъ зашелъ прежде къ вельможамъ, гдѣ бы простымъ дойти и услышать гласъ небесный на освобожденіе грѣховъ? А къ простымъ людямъ всякій можетъ зайти и услышать безвѣстная и тайная Господней премудрости. „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Сіи слова, первая благовѣсть о рождествѣ Господнемъ, пастухамъ сказаны“.

Въ проектѣ объ учрежденіи въ Россіи ѳеократическаго правленія и объ образованіи „божественной канцеляріи“, Еленскій обращается къ императору Александру Павловичу тономъ еврейскаго пророка, пришедшаго къ какому-нибудь Езекіи или Охозіи. „Церковь таинственная, управляемая Святымъ Духомъ *), — говоритъ онъ: — подвергнувшись волѣ Отца свѣтовъ, получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечества, прославилась бы: яко съ нею воистину Богъ есть, и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ всероссійскаго монарха...“ „Такъ во истинѣ и въ правдѣ содѣйствуется слава Божія, — продолжаетъ Еленскій: — какъ было при Іисусѣ Навинѣ, который гласомъ небеснымъ

*) То-есть хлыстовско-скопческое общество.

управлялся и всѣ царства языческія покорилъ“. Здѣсь нельзя не понять, на что намекалъ Еленскій. Въ 1804 году уже предвидѣлась неизбѣжность борьбы съ Наполеономъ. Преклоняясь предъ величіемъ военнаго генія перваго консула Франціи, только-что надѣвшаго императорскую корону, лучшіе люди нашей земли не надѣялись на успѣшный исходъ этой борьбы. Совершенное пораженіе Наполеона почиталось дѣломъ невозможнымъ, это было бы, по мнѣнію большинства, сверхъестественнымъ чудомъ. Вращаясь иногда въ сферахъ образованнаго петербургскаго общества, Еленскій не могъ не знать такого настроенія. И вотъ онъ, именемъ Бога, говоритъ объ Іисусѣ Навинѣ, при которомъ отъ звука трубъ левитовъ сами собой пали стѣны крѣпкаго Іерихона. „Егда пріидетъ дѣло на исполненіе,—говоритъ онъ:—уповаемъ на помощь Отца свѣтовъ. Но безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ и силою Своею защититъ Свою Россію, которая великими трудами и изобильнымъ пролитіемъ крови человѣческой собрана, распространена и прославлена“. И въ самомъ дѣлѣ, если отъ трубъ еврейскихъ левитовъ пали стѣны Іерихонскія, отчего же не пасть стѣнамъ какого-нибудь Парижа отъ гласа „живогласныхъ трубъ“, то-есть хлыстовско - скопческихъ пророковъ? По логикѣ скопцовъ выходитъ такъ.

„Въ сей вѣкъ,—писалъ Еленскій:—сильное и славное дѣйствіе Россія воздвигнетъ и всему міру дастъ почувствовать, яко воистину съ нами Богъ“. Для этого стоитъ лишь учредить „божественную канцелярію“. „Какъ таинственной церкви люди, вкусившіе дара небеснаго, и причастницы животворящимъ и безсмертнымъ тайнамъ Христовымъ *), питаясь отъ сокровенной премудрости, довольно всѣ Богомъ учены, а притомъ есть нѣкакое число и грамотныхъ людей **), то изъ грамотныхъ, которыхъ Святый Духъ назнаменуетъ Своимъ судомъ небеснымъ ***), *долженъ я буду въ сію канцелярію представлять,* а правительство, имѣя именное высочайшее повелѣніе, будетъ обязано таковыхъ людей препровождать къ архіереямъ, ради постриженія въ монахи, произведенія въ іеромонахи и обученія церковной службѣ“.

Живя въ Александро-Невской лаврѣ и обращаясь съ монахами, Еленскій зналъ, что по церковнымъ правиламъ скопца нельзя рукополагать въ священство, а потому и предложилъ обманывать архіереевъ: „сіе производство дабы не было извѣстно никому, даже и архіереямъ, чтобы не знали, каковые люди и съ каковымъ намѣреніемъ таковое основаніе правительство производитъ, ежели случится въ числѣ тако-

*) Здѣсь разумѣются не таинства церковныя, но тайны хлыстовско-скопческихъ кораблей.

**) Стало-быть, большинство въ хлыстовско-скопческихъ корабляхъ было безграмотно.

***) Хлыстовско-скопческое выраженіе, означающее людей, приходящихъ въ восторженное состояніе и пророчествующихъ на радѣніяхъ.

выхъ избранныхъ людей найдутся скопцы *), то архіереи невѣдѣніемъ произведутъ ихъ въ священнодѣйствіе...“

Божественная канцелярія, по проекту Еленскаго, должна была дѣйствовать такъ:

„Нашъ настоятель, боговдохновенный сосудъ, въ которомъ Духъ небесный Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ (Кондратій Селивановъ), обязанъ быть при лицѣ самого государя императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, то всѣ тайные совѣты, по волѣ небесной премудрости, будетъ апробовать и намъ благословеніе и „покровы небесные“ посылать и молитвы изливать, яко кадило на всѣхъ ищущихъ Бога... Онъ, путеводитель нашъ, всегда своими святыми молитвами умилостивитъ Бога, если его совѣтъ небесный будемъ наблюдать. А что̀ онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то дѣйствительно Духъ Святый устами его возвѣщаетъ, ибо великая сила Божья въ немъ есть“.

Изъ хлыстовъ и скопцовъ, поставленныхъ въ іеромонахи, правительство стало бы опредѣлять на военные корабли, „присоединивъ ко всякому іеромонаху по одному пророку на каждый корабль. Іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно командиру того корабля совѣтъ предлагать какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что̀ Господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби. А командиръ долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха благопристойнымъ и полезнымъ совѣтомъ, не уповая на свой разумъ и знанія. Іеромонахъ съ пророкомъ пребудутъ всегда въ истинной молитвѣ, яко очищенные сосуды, а гдѣ таковыхъ избранныхъ будетъ два человѣка, то и Господь посреди ихъ. Затѣмъ градъ, корабль и полкъ сохранитъ Господь отъ всякаго вреда и непріятельскихъ нашествій или поврежденія“.

Себѣ Еленскій предполагалъ слѣдующее положеніе: „На меня возложена должность отъ непостижимаго Отца свѣтовъ какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ и простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся, истинныхъ и сильныхъ, собрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію. Я, съ двѣнадцатью пророками, обязанъ буду находиться всегда при главной арміи правителя, ради небеснаго совѣта и воли Божіей, которая будетъ намъ открываться при дѣлахъ нужныхъ на мѣстѣ... Я, слыша гласъ пророческій, и если бы что̀ недовѣдомо (непонятно) было, то на разсужденіе и апробацію долженъ буду письменно представлять, на чье имя повелѣно будетъ, ради растолкованія боговдохновенному нашему настоятелю и путеводителю, а иногда и самъ лично предстать (къ государю) для исполненія совѣта небеснаго“.

Еленскому не прошелъ даромъ его проектъ. На него взглянули какъ

---

*) Явно, что Еленскій разумѣлъ не однихъ оскопленныхъ, но вообще хлыстовъ.

на сумасшедшаго, и онъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь, гдѣ и умеръ въ мартѣ 1813 года *). Скопцы увѣряли, что онъ сосланъ за разглашеніе ихъ тайнъ.

---

*) Еленскій въ Суздалѣ познакомился съ монахиней тамошняго Покровскаго монастыря Паисіей (дочь крестьянина коннозаводскаго вѣдомства села Козлова, Суздальскаго уѣзда). Эта монахиня была совращена имъ въ хлыстовско-скопческую ересь и завела въ своей кельѣ радѣнія, на которыя въ разное время дня, особенно же по ночамъ, собирались дѣвушки, жившія въ послушницахъ Покровскаго монастыря. Нерѣдко приходили къ ней и мужчины разнаго званія, подъ видомъ ея сродниковъ. Другія жительницы монастыря слыхали въ кельѣ Паисіи пѣніе и стукъ. Впослѣдствіи Паисія при допросѣ показала, что съ полякомъ Алексѣемъ Михайловичемъ, содержавшимся въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ «за разглашеніе скопческой секты», она знакома, а познакомилась она съ нимъ потому, что онъ лѣчилъ ей руку. Въ собраніяхъ, бывшихъ въ ея кельѣ, до 1812 года принимали участіе: монахиня Назарета, суздальскія мѣщанскія дѣвушки Матрена и Арина Львовы Бирюкины, дьячкова дочь Настасья Андреева и послушницы: Устинья Михайлова, Арина Никитина, Аграфена и Марья Андреевы, Катерина Васильева, Настасья Антонова, Настасья и Марья Михайловы, Варвара, Авдотья и Агаѳья Ивановы. Всего пятнадцать дѣвицъ. Въ 1812 году о сборищахъ въ кельѣ Паисіи узналъ владимірскій епископъ Ксенофонтъ. По его резолюціи Паисія была отправлена подъ особый надзоръ въ Переяславскій Ѳедоровскій женскій монастырь, Назарета—въ Успенскій дѣвичій, что̀ въ городѣ Александровѣ, а прочія участницы въ радѣніяхъ, какъ бѣлицы, не находившіяся еще въ духовномъ званіи, были высланы изъ Покровскаго монастыря. Паисія оставалась подъ надзоромъ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ до 1820 года. Въ этомъ году, по ея просьбѣ и по удостовѣренію настоятельницы Ѳедоровскаго монастыря, что она совершенно исправилась, была она тѣмъ же епископомъ Ксенофонтомъ возвращена въ Покровскій Суздальскій монастырь. Такимъ образомъ Паисія возвратилась въ Суздальскій Покровскій монастырь въ томъ самомъ году, когда въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь былъ посаженъ Кондратій Селивановъ. Это, по всей вѣроятности, было дѣломъ петербургскихъ скопцовъ, не пожалѣвшихъ денегъ на то, чтобы близъ своего отца-искупителя имѣть преданнаго ему человѣка. Монастырь Покровскій отдѣляется отъ Спасо-Евфимьева только неширокимъ суходоломъ. Возвратясь въ Суздаль, монахиня Паисія завела обширную переписку со скопцами разныхъ мѣстъ; на ея имя были присылаемы письма даже изъ Иркутска. Въ 1825 году о монахинѣ Паисіи возникло новое дѣло. Тогда при обыскахъ, сдѣланныхъ въ ея кельѣ и въ селѣ Козловѣ, у двоюроднаго ея брата, скопца Ивана Елизарова Коробова, было найдено много писемъ отъ скопцовъ и хлыстовъ изъ разныхъ городовъ; въ этихъ письмахъ упоминалось о «полякѣ Алексѣѣ Михайловичѣ» и объ «отцѣ-праведникѣ», то-есть, по объясненію Паисіи, секретномъ арестантѣ, содержимомъ въ Спасо-Евфимьевѣ монастырѣ. Но кто онъ, и принадлежалъ ли къ скопческой сектѣ, монахиня Паисія при слѣдствіи не объяснила, сказавъ, что того не знаетъ, а только по народному слуху объ его подвижнической жизни почитаетъ за праведнаго. Само собой разумѣется, рѣчь шла о Кондратьѣ Селивановѣ. «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1825 года № 11.

XVI.

Сумасбродный проектъ Еленскаго повредилъ только ему одному. Братьевъ петербургскаго корабля, самого даже Кондратья Селиванова оставили въ покоѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что ни государь, ни лица, поставленныя во главѣ правительства, еще не знали въ то время тайнъ скопческой ереси, не знали, что глава петербургскаго корабля почитается сыномъ божіимъ и императоромъ Петромъ III. Это несправедливо. Самъ Еленскій писалъ о своемъ настоятелѣ, какъ о боговдохновенномъ сосудѣ, въ которомъ присутствуетъ Святый Духъ со Отцомъ и Сыномъ. Въ то же время какъ государю, такъ и высшимъ лицамъ государственнаго управленія было извѣстно, что Кондратій Селивановъ приверженцами своими почитается за императора Петра Ѳеодоровича. О томъ доносили государю и министру внутреннихъ дѣлъ изъ Москвы *).

Императоръ Александръ Павловичъ смотрѣлъ на скопческую ересь, какъ на заблужденіе жалкое, но не опасное, и приказывалъ относительно ея послѣдователей держаться мѣръ терпимости, имѣть только секретный полицейскій присмотръ для предупрежденія новыхъ оскопленій. Государь не желалъ даже, чтобы дѣла о скопцахъ производились посредствомъ бумажной переписки. Такимъ образомъ еще въ 1801 году, когда московскимъ военнымъ губернаторомъ, фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ доведено было до его свѣдѣнія, что скопчество въ Москвѣ распространяется, и что во главѣ его стоитъ купецъ Колесниковъ, прозванный Масономъ, государь ограничился приказаніемъ, чтобы московскій оберъ-полицеймейстеръ Эртель имѣлъ за скопцами секретный присмотръ, стараясь только о томъ, чтобъ они не умножались. Это повелѣніе объявлено было на словахъ. Никакого письменнаго производства не было. Эртель въ свою очередь ограничился тѣмъ, что поручилъ наблюденіе за Масономъ и другими скопцами полицеймейстеру Ивашкину. А о полицеймейстерѣ Ивашкинѣ и досел̂ѣ сохранилось преданіе, что это былъ человѣкъ расторопный, но приношеніями не брезговалъ. „Таковые (скопцы) и здѣсь въ Петербургѣ появились-было третьяго года **),—писалъ Эртель, будучи уже петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, къ Беклешову:—но также письменнаго производства не имѣлось, а подъ рукой приказано было (государемъ) за ними имѣть присмотръ, дабы не размножались, что̀ и выполнялось, но нынѣ болѣе уже объ нихъ не слыхать“ ***).

---

*) «Всеподданнѣйшій рапортъ московскаго военнаго губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Беклешова», 24-го мая 1806 г.

**) То-есть 1804 года, когда Еленскій подалъ свой проектъ.

***) Отношеніе Эртеля къ Беклешову 19-го мая 1806 г. въ «Дѣлѣ московскаго архива старыхъ дѣлъ» 1806 г. № 14.

Между тѣмъ съ разныхъ концовъ Россіи приходили въ Петербургъ извѣстія о распространеніи скопческой ереси.

Въ 1805 году скопцы были открыты въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Дѣло кончилось объявленіемъ херсонскому губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ слѣдующаго высочайшаго повелѣнія: „по принятымъ вообще на людей сего рода правиламъ, не должно вмѣшиваться въ образъ ихъ вѣроисповѣданій, предоставляя духовной власти обращеніе заблуждающихся, не должно и подвергать ихъ взысканію собственно за расколъ, но лишь за нарушеніе порядка, за явный соблазнъ, ежели бываетъ, и за покушеніе на оскопленіе себя“ *). Но духовныя власти, видя въ скопцахъ и хлыстахъ самыхъ усердныхъ прихожанъ, исполнявшихъ всѣ христіанскія обязанности, щедро награждавшихъ духовенство и щедро дававшихъ деньги на украшеніе церквей, никогда не представляли вѣроученія ихъ противнымъ христіанству.

Взглядъ тогдашняго правительства на скопцовъ выразился еще яснѣе въ отношеніи графа Кочубея къ московскому военному губернатору Беклешову, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшій рапортъ его объ открытіяхъ, сдѣланныхъ крестьяниномъ Салтыковымъ. „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ“, — писалъ графъ Кочубей: —

„сообщить вамъ, милостивый государь, слѣдующее: „Тому два года, какъ таковая же секта учинилась извѣстною здѣсь въ Петербургѣ. По точнымъ объ ней развѣдываніямъ открылось, что въ существѣ своемъ она имѣетъ два различные вида, или, такъ сказать, двѣ степени. Первая изъ нихъ состоитъ въ мысленномъ только заблужденіи, поставляющемъ святость въ плотской чистотѣ, другая въ практическомъ поведеніи людей сего рода, или въ скопленіи.

„По различію сихъ степеней, различныя приняты и правила въ поведеніи съ ними со стороны правительства.

„Оставляя первый изъ сихъ степеней подъ общимъ правиломъ терпимости, признано было нужнымъ изыскать способы, чтобъ остановить распространеніе втораго.

„Способы сіи состояли въ слѣдующемъ: какъ уже по многимъ опытамъ извѣстно, что заблужденія сего рода формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются: то и найдено было удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства убѣжденія и вразумленія. Для сего предположено было привлечь довѣріе и откровенность главныхъ секты сей начальниковъ и посредствомъ ихъ внушеній дѣйствовать на прочихъ. Мѣра сія столь успѣшное имѣла здѣсь дѣйствіе, что начальники сей секты, удостовѣрясь, что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, допустили людей къ сему употребленныхъ въ ихъ моленную, и убѣжденіями и кроткимъ съ ними обхожденіемъ приведены были къ тому, что не только дали обѣщаніе впредь не дозволять оскопленія, но и другимъ внушали, что время къ сему уже прошло, и что сіе средство не должно быть болѣе употребляемо. Послѣдствіемъ сего было то,

*) «Дѣло архива министерства юстиціи объ ольвіопольскихъ скопцахъ» 1805 г. № 4.015.

что въ продолженіе двухъ лѣтъ, по всѣмъ наблюденіямъ, дѣйствительно здѣсь оскопленій болѣе не происходило.

„Примѣняясь къ сему образу поведенія, коего успѣшное дѣйствіе самымъ опытомъ уже удостовѣрено, государь императоръ полагать изволитъ, что и въ Москвѣ должно въ семъ случаѣ распорядиться на томъ же самомъ основаніи, а именно: 1) Посредствомъ непримѣтныхъ развѣдываній открывъ людей, кои въ сектѣ сей наиболѣе имѣютъ важности, должно прежде всего привести ихъ кроткимъ съ ними обхожденіемъ къ довѣрію и откровенности. 2) Получивъ ихъ довѣріе, должно склонять ихъ къ тому, чтобъ они не только сами не дозволяли и не привлекали другихъ къ оскопленію, но и внушали бы своимъ единовѣрцамъ, чтобъ онаго ни подъ какимъ видомъ не производили. 3) За симъ, оставляя имъ свободу совѣсти въ мысленныхъ ихъ заблужденіяхъ и не входя съ ними о семъ въ состязанія, наблюдать только, чтобы практическаго дѣйствія не было, а если бы, послѣ всѣхъ убѣжденій, оно открылось, то и въ семъ случаѣ, не производя гласнаго и формальнаго слѣдствія, предварительно доносить о семъ его величеству“ *).

Кто же такіе были люди, имѣвшіе полномочіе удостовѣрить начальниковъ скопческой секты, что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, проникшіе внутрь скопческаго корабля и кроткимъ убѣжденіемъ доведшіе старшинъ его до того, что тѣ дали обѣщаніе никого не скопить болѣе и даже уговаривали другихъ этого больше не дѣлать? Когда могло это случиться?

Это было лѣтомъ 1804 года, какъ видно изъ отношенія графа Кочубея къ Беклешову, значитъ, тотчасъ послѣ отправленія камергера Еленскаго въ Суздаль, между мартомъ и іюнемъ того года.

Узнавъ изъ представленнаго Еленскимъ „Извѣстія“ сущность скопческаго ученія и взглядъ скопцовъ на православную церковь и ея духовенство, образумленіе заблудшихъ не могли поручить кому-либо изъ лицъ духовныхъ. Въ глазахъ скопцовъ всѣ архіереи, всѣ священники — книжники и фарисеи, поставляющіе вѣру въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ и изъ служенія церкви составившіе доходное для себя ремесло. Такихъ людей, какъ бы они учены ни были, какую бы нравственную жизнь ни вели, ни хлыстъ ни скопецъ никогда не послушаютъ, развѣ изъ лицемѣрія, развѣ изъ-за такъ-называемаго „страха іудейскаго“. Употребить на образумленіе скопцовъ полицію — дѣло немыслимое: оберъ-полицеймейстеры и другіе полицейскіе чины плохіе увѣщатели въ дѣлахъ совѣсти. Избранъ былъ на это дѣло человѣкъ близкій къ государю, склонный къ созерцательной жизни и притомъ завѣдывавшій съ 1803 года духовными дѣлами. Это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Въ годы первой молодости поклонникъ французскихъ энциклопедистовъ, особенно Вольтера, остроумный царедворецъ, поклонникъ женской красоты, онъ, не достигнувъ еще тридцатилѣтняго возраста, круто пово-

---

*) «Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея къ Беклешову», 5-го іюня 1806 г., № 43.

ротилъ на набожность, мистицизмъ, сталъ читать Бема, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Сенъ-Мартена и Сведенборга. Онъ окружилъ себя такими же мистиками и болѣе всѣхъ сблизился съ Василіемъ Михайловичемъ Поповымъ, кроткимъ изувѣромъ, котораго однакожъ, по словамъ Вигеля, именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія *). Это былъ самый приближенный къ Голицыну человѣкъ изъ всѣхъ его подчиненныхъ.

Князь Голицынъ вмѣстѣ съ Поповымъ былъ въ домѣ Ненастьева и говорилъ съ Селивановымъ. Глава скопцовъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на набожнаго оберъ-прокурора и на его наперсника. Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, когда въ Петербургѣ производились изслѣдованія о тамошнихъ скопцахъ, одинъ изъ нихъ, Хорошкѣевъ, сказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ посѣщенія Селиванова княземъ Голицынымъ и Поповымъ. „Это было часу въ одиннадцатомъ дня,—говорилъ онъ:—пріѣхали два лица: одинъ Поповъ, Василій Михайловичъ, другой не знаю кто. Поговоривъ съ Селивановымъ, они пожали плечами и шли отъ него задомъ, всплескивая руками и приговаривая: „Господи! Если бы не скопчество, за такимъ человѣкомъ пошли бы полкѝ полкàми“. Изъ другихъ показаній видно, что тотъ, кого не узналъ Хорошкѣевъ, былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Селивановъ дѣйствительно обѣщалъ ему впредь никого не скопить, но не сдержалъ обѣщанія. Оскопленія продолжались въ домѣ, гдѣ онъ жилъ и принималъ поклоненія обожавшихъ его послѣдователей. Пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ князя Голицына, онъ оставался безнаказаннымъ. Государя увѣрили, что скопцы не вредны, и что не слѣдуетъ принимать противъ нихъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

XVII.

Въ 1806 году крестьяниномъ Салтыковымъ, какъ уже было сказано, указаны Беклешову московскіе скопческіе соборы Колесникова (Масона), Жигарева и другихъ. Въ томъ же году открыты скопческіе корабли подъ самымъ Петербургомъ: въ городѣ Павловскѣ, въ Графской-Славянкѣ, въ слободахъ Покровской и Большой и въ посадѣ Ѳедоровскомъ.

Во главѣ ихъ стоялъ жившій въ Павловскѣ купецъ Яковъ Фроловъ; у него въ домѣ бывали сходбища, называемыя „соборами“. Назначенная для того большая комната не имѣла оконъ, выходившихъ на улицу; всѣ были обращены во дворъ и въ огородъ. Полъ въ той комнатѣ былъ устланъ холстомъ, въ углу висѣлъ большой образъ въ кіотѣ краснаго дерева, обложенный бронзою; кругомъ по стѣнамъ стояло много стульевъ. На чердакѣ устроена была особая комната, въ ней висѣлъ

---

*) «Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 г., № 2, стр. 447.

портретъ красивой и богато одѣтой женщины, которому скопцы и хлысты поклонялись, называя нарисованную на немъ своею „матушкой". Слѣдствіемъ не открыто, какая именно женщина была изображена на этомъ портретѣ. Впослѣдствіи говорили, что это былъ портретъ богородицы Анны Софоновны Поповой, жившей въ Моршанскѣ, но часто пріѣзжавшей въ Петербургъ. Въ углу комнаты на чердакѣ дома Якова Фролова нашли ящикъ съ крышкой и въ немъ высушенныя части человѣческаго тѣла.

Сбирались на радѣнія еще въ двухъэтажномъ домѣ крестьянина Алексѣя Фролова, въ Покровской слободѣ Графской-Славянки. Тамъ, во время совершенія богослуженія, скопцы кружились, вертясь на пяткахъ, пѣли пѣсни, поклонялись портрету „матушки", кланялись въ землю „передъ своимъ старшиной, сидѣвшимъ на подушкахъ, цѣловали его руки и одежды". По всей вѣроятности, это былъ Кондратій Селивановъ, какъ извѣстно изъ другихъ свѣдѣній, иногда уѣзжавшій изъ Петербурга на недолгое время. Скопцы мяса не ѣли, даже и въ Свѣтлое Воскресенье, не пили никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Всѣхъ было открыто 23 человѣка, кромѣ дѣтей. Въ радѣніяхъ принимали участіе и не оскопленные (то-есть хлысты).

Противъ скопческаго корабля въ Павловскѣ и Графской-Славянкѣ мѣстнымъ начальствомъ были приняты строгія мѣры, чтобы уничтожить вредную секту. При этомъ затронуты были скопцы петербургскіе. Оберъ-полицеймейстеръ Эртель встревожился. Но друзья скопцовъ и на этотъ разъ успѣли внушить государю, что заблужденіе ихъ нисколько не вредно. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: „имѣть за вновь открытыми скопцами секретный надзоръ и предупреждать лишь новыя оскопленія *).

---

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1807 года № 14. Софійскій уѣздъ впослѣдствіи вошелъ въ составъ нынѣшняго Царскосельскаго уѣзда. Скопцовъ Софійскаго уѣзда, открытыхъ тамошнимъ уѣзднымъ судьей, называли «духоборцами». Изъ донесенія судьи петербургскому гражданскому губернатору видно, что они совращали легковѣрный народъ рѣзкими выраженіями относительно обрядности православной церкви. «Часто духоборцы (скопцы) сіи при сборищѣ мужиковъ, которые поглупѣе или легковѣрны, говорятъ имъ: «на что-де молиться сухимъ мощамъ, не лучше ли живымъ (разумѣя Кондратья Селиванова)?» И какъ по обыкновенію заведено ставить свѣчи передъ иконами, они говорятъ: «мы-де медъ-то сами съѣдимъ, а воскъ на̀ Тебѣ, Боже!» Одинъ крестьянинъ спрашивалъ у женщины, принадлежавшей къ скопческой сектѣ:—«Что̀ же вы дѣлаете, когда сбираетесь?» Та отвѣчала ему:—«Вѣдь и у Христа есть тайна обрѣзующая, поди и узнаешь». «Тайна обрѣзующая» искажено изъ словъ херувимской пѣсни «тайно образующе». Крестьянинъ сказалъ ей:—«У васъ-де скачутъ и пляшутъ», а она отвѣчала:—«А развѣ у васъ въ церкви на Пасху не поютъ «скакаше играя» («Богоотецъ убо Давидъ» и проч.)?» Скопцы Софійскаго уѣзда въ православную церковь къ обѣднѣ ходили, но непремѣнно поѣвши. Для совершенія своихъ обрядовъ сбирались по ночамъ съ субботы на воскресенье и на

Въ томъ же 1806 году открыто большое общество скопцовъ и хлыстовъ въ Симбирской губерніи, въ городѣ Алатырѣ и въ селеніяхъ Алатырскаго, Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ *). Центръ ихъ былъ въ Алатырѣ, въ домѣ тамошнихъ купцовъ братьевъ Милютиныхъ. Оба Милютина были оскоплены, а сестра ихъ считалась богородицей и пророчицей и называлась „животною книгой". Въ алатырскомъ кораблѣ хлыстовъ было гораздо больше, чѣмъ скопцовъ. Они не признавали Кондратья Селиванова за императора Петра III и за Сына Божія. Впрочемъ, какъ обряды ихъ, такъ и вѣрованія были тожественны съ другими хлыстами и скопцами. Но все-таки они стояли особнякомъ, называясь „алатырскими людьми божьими", или „милютинскими". Противъ нихъ также не приказано было принимать строгихъ мѣръ; придерживаясь прежнихъ высочайшихъ повелѣній, и на этотъ разъ велѣно было заботиться лишь о томъ, чтобы не происходило новыхъ оскопленій" **).

Въ томъ же 1806 году открыты были скопцы въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Тамъ, на родинѣ скопчества, „убѣленіе" приняло такіе огромные размѣры, что орловскій губернаторъ Яковлевъ энергически настаивалъ предъ высшимъ правительствомъ на строгости мѣръ относительно скопцовъ.

Яковлевъ представилъ, что оскопленіе взрослыхъ и дѣтей производится съ цѣлью избавленія ихъ отъ поступленія въ военную службу. Мнѣніе неосновательное, но имѣвшее послѣдствіемъ перемѣну правительственнаго взгляда на скопцовъ. И правительство, и лица, стоявшія во главѣ правительства, въ качествѣ помѣщиковъ, увидѣли въ усиливающейся сектѣ нарушеніе собственныхъ интересовъ. Это было поводомъ къ первому строгому отношенію русскаго законодательства къ скопчеству. Чтобы разрушить надежды скопцовъ на избавленіе отъ военной службы, велѣно всѣхъ ихъ отдавать въ солдаты...

Въ день Новаго 1807 года, усердно защищавшій скопцовъ предъ государемъ графъ Кочубей оставилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, и чрезъ восемь дней послѣ того новый министръ князь Куракинъ объявилъ орловскому губернатору слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ Кочубей) донесъ мнѣ по представленію вашему о явившихся въ Малоархангельскомъ округѣ скопцахъ, кои палатой уголовнаго суда приговорены къ наказанію и

прочіе установленные православною церковью праздники. Чтобы кто не подслушалъ ихъ пѣсенъ и топанья, ставили караульныхъ вокругъ дома и на крышѣ. Въ Графской-Славянкѣ къ дому Алексѣя Фролова былъ пристроенъ во дворѣ хлѣвъ, куда убѣгали и запирались бывавшіе на радѣніяхъ, если входилъ въ домъ посторонній.

*) Талызинѣ, Стемасѣ, Ичиковѣ, Карталеевскомъ, Гартѣ, Шерапулинѣ и Борисовомъ.

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1809 года, № 6.

оставленію при прежнемъ жительствѣ. Находя, что таковымъ наказаніемъ соблазнъ, отъ людей сихъ происходящій, не прекратится, и что, напротивъ, примѣръ ихъ можетъ вовлечь и другихъ въ заблужденіе, повелѣваю: 1) всѣхъ вышепомянутыхъ скопцовъ, согласно объявленному вамъ прежде о скопцѣ Егурновѣ повелѣнію, отдать въ военную службу, зачтя помѣщикамъ ихъ и селеніямъ въ рекрутъ; 2) въ случаѣ открытія впредь скопцовъ, дѣйствительно себя оскопившихъ, поступать съ ними на семъ же основаніи". Объ этомъ высочайшемъ повелѣніи было объявлено повсемѣстно „для единообразнаго по всѣмъ губерніямъ поступленія" сенатскими указами 18-го февраля 1807 года *).

Еще рѣшительнѣе сказано было въ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ около того же времени министромъ юстиціи княземъ Лопухинымъ одесскому генералъ-губернатору герцогу де-Ришельё относительно скопцовъ, появившихся въ Одессѣ. Велѣно было: „впредь поступать со скопцами, *какъ съ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гражданскихъ*". Столь важное постановленіе не было однакоже распубликовано и осталось безгласнымъ, хотя впослѣдствіи и дѣлались на него ссылки **).

Что̀ было причиной столь быстрой и крутой перемѣны взгляда правительства на скопцовъ? Можно предполагать, что виною тому былъ московскій митрополитъ Платонъ. Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ ему составить записку о скопцахъ, и знаменитый Платонъ дряхлѣющею рукою начерталъ „Разъясненіе хлыстовско-скопческаго вѣроученія" въ двѣнадцати главахъ. Митрополитъ представилъ скопцовъ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гражданскихъ. Это его выраженія. Подъ вліяніемъ Платоновой записки и было объявлено высочайшее повелѣніе герцогу де-Ришельё 25 іюля 1806 года. Друзья скопцовъ успѣли однако вскорѣ убѣдить государя, что Платонъ написалъ на скопцовъ сущую напраслину, легковѣрно повѣривъ дошедшимъ до него ложнымъ свѣдѣніямъ объ ихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ. Дѣло пошло попрежнему.

Въ указѣ 8-го января 1807 года сказано: „а въ случаѣ открытія впредь скопцовъ, дѣйствительно себя оскопившихъ, поступать съ ними на семъ же основаніи", то-есть отдавать въ солдаты. Съ этимъ первымъ общимъ о скопцахъ постановленіемъ возникло и недоумѣніе: какъ понимать выраженіе *всѣхъ, дѣйствительно себя оскопившихъ?* Всѣхъ ли дѣйствительно оскопленныхъ, или однихъ самооскопителей? Если принять первый смыслъ, нельзя объяснить послѣдующихъ

---

*) Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XXIX, № 22.422.

**) Высочайшій указъ 25-го іюля 1806 года. Записка «о скопцахъ и скопческой ереси», представленная министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Л. А. Перовскимъ императору Николаю Павловичу въ 1845 году.

узаконеній; если же второй, то всѣ скопцы, оскопившіе себя *не своими руками*, не подлежатъ наказанію, чего нельзя согласовать съ высочайшимъ повелѣніемъ поступать со скопцами, какъ съ „врагами человѣчества“.

Въ слѣдующемъ 1808 году, октября 8-го, послѣдовало поясненіе: „всѣхъ *оскопившихъ себя*, кромѣ тѣхъ, кои имѣютъ отъ роду менѣе четырнадцати лѣтъ, отдавать въ военную службу, а оскопившихся малолѣтнихъ оставлять у помѣщиковъ и въ селеніяхъ до семнадцатилѣтняго возраста, по прошествіи же онаго и ихъ туда же отдавать, зачитая помѣщикамъ и селеніямъ тѣхъ изъ нихъ, кои окажутся годными къ военной службѣ, за цѣлыхъ, а малорослыхъ и имѣющихъ болѣе тридцати пяти лѣтъ — за половину рекрута; старѣе же пятидесяти лѣтъ совсѣмъ не зачитать“ *).

Здѣсь представляется прежняя неясность или двусмысленность въ выраженіяхъ: „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ“. Но такъ какъ оба эти выраженія встрѣчаются на этотъ разъ въ одномъ указѣ, то это и должно было вести къ тому, чтобы распутать дѣло и вывести истинный смыслъ буквы закона. Взрослыхъ, „оскопившихъ себя“, отдавать въ солдаты, малолѣтнихъ „оскопленныхъ“ подвергать тому же, когда они будутъ на возрастѣ — таковъ буквальный смыслъ, но, конечно, не разумъ указа. Быть не можетъ, чтобы малолѣтній подвергался наказанію за то, что̀ прощается взрослому, и, сверхъ того, за такое преступленіе, о которомъ онъ, по неразумѣнію, не можетъ еще имѣть надлежащаго понятія. Слѣдовательно выраженіе „оскопившіе себя“ должно принять въ томъ же смыслѣ, какъ и „оскопленные“, или вообще скопцы; другого объясненія допустить нельзя. Это согласно и съ выраженіями, употреблявшимися въ то время въ перепискѣ о скопцахъ. Дѣла того времени въ заголовкахъ надписывались: „о такихъ-то людяхъ, самовольно себя оскопившихъ“, между тѣмъ какъ изъ самаго дѣла видно, что они вовсе не сами оскопились, а были оскоплены другими. Принявъ правильный смыслъ, законъ все еще оставался несправедливымъ: ребенокъ, не будучи въ состояніи понять значенія оскопленія, къ которому его уговорили или приневолили, достигнувъ совершеннолѣтія, наказывался наравнѣ съ изувѣромъ, совершающимъ завѣдомо и съ полнымъ сознаніемъ столь важное преступленіе! Какъ бы то ни было, но указомъ 1808 года повелѣно: „всѣхъ скопцовъ, не исключая и малолѣтнихъ, отдавать въ солдаты“.

Такое распоряженіе было, какъ мы уже замѣтили, слѣдствіемъ неосновательнаго мнѣнія, представленнаго орловскимъ губернаторомъ Яковлевымъ, будто оскопляютъ себя и своихъ дѣтей ради избѣжанія военной службы. Это мнѣніе, впослѣдствіи вновь возникшее (въ 1822 году, вслѣдствіе донесенія курскаго вице-губернатора), доказы-

---

*) «Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи».

ваетъ, что сущность скопческой ереси тогда не была еще достаточно знакома законодателямъ, и что они, не зная, по всей вѣроятности, „Разъясненія" митрополита Платона и позабывъ высочайшее повелѣніе герцогу де-Ришельё, впали въ ошибку.

Съ отдачей скопцовъ въ солдаты, законодатели доставили имъ новое средство распространять свою ересь. И дѣйствительно, съ этого именно времени начинаютъ встрѣчаться оскопленные солдаты сотнями, и не только солдаты, но даже штабъ- и оберъ-офицеры, обращенные въ ересь скопцами, разосланными по полкамъ, портамъ и гарнизонамъ. Военно-судныхъ дѣлъ о скопцахъ разомъ возникло множество. Всѣ открытые по этимъ дѣламъ скопцы изъ военныхъ отличались твердостью въ своихъ вѣрованіяхъ, рѣшимостью и изувѣрствомъ. Такъ, напримѣръ, штабсъ-капитанъ Созоновичъ, сосланный въ 1819 году въ Соловецкій монастырь, и тамъ успѣлъ соблазнить и оскопить до тридцати человѣкъ изъ тамошней инвалидной команды. Замѣчателенъ еще слѣдующій фактъ: пока скопцовъ не отдавали въ солдаты, пока у скопцовъ не было единомышленниковъ въ арміи между офицерами, до тѣхъ поръ при всякомъ случаѣ они откровенно говорили, кто былъ ихъ оскопителемъ. Теперь они стали упорно скрывать объ этомъ. Такое упорство было повсемѣстно и вызвало 14-го марта 1812 года слѣдующее высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о скопцахъ, обнаруженныхъ въ Рязанской губерніи: „объявить тѣмъ скопцамъ, которые будутъ скрывать, гдѣ они оскоплены, что съ ними поступятъ какъ съ ослушниками, а тѣхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преслѣдовать" *).

Только въ 1816 году правительство обратило вниманіе на вышеуказанное обстоятельство, и комитетъ министровъ нашелъ, что законъ 1807 года не достигаетъ цѣли, такъ какъ скопцы распространяютъ ересь въ полкахъ и гарнизонахъ, пріобрѣтая тамъ новыхъ послѣдователей. Поэтому комитетъ полагалъ: отдавать скопцовъ на службу въ Сибирь и въ Грузію, а неспособныхъ ссылать въ Иркутскую губернію. Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ (4-го августа 1816 года) поступать такимъ образомъ лишь съ главными скопцами и съ оскопителями; изъ чего слѣдуетъ, что съ прочими скопцами должно было поступать на основаніи прежнихъ постановленій, то-есть отдавать въ солдаты, съ оставленіемъ на мѣстахъ **).

---

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 39.

**) «Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XXXIII, № 22.462 и «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 44. Тамъ сказано: «Комитетъ гг. министровъ по представленію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ о умершемъ отъ оскопленія крестьянинѣ Петровѣ и о находящихся въ Симбирской губерніи скопцахъ, имѣя въ виду, что причины, по которымъ велѣно отдавать скопцовъ въ военную службу, не достигаютъ своей цѣли, и скопцы, оставаясь въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, откуда поступили, содѣйствуютъ распространенію сего зла, журна-

Это положеніе комитета министровъ опять не могло соотвѣтствовать своей цѣли, заключая ошибку не менѣе важную, какъ постановленіе о разсылкѣ скопцовъ по полкамъ. Восточная Сибирь считается скопцами обѣтованною землей, тамъ, по ихъ вѣрованію, находится ихъ отецъ-искупитель, оттуда онъ долженъ придти для окончательнаго утвержденія своей ереси. Потому скопцы шли въ Иркутскую губернію съ радостью, говоря, что Промыслъ Божій видимо и явно совершается надъ ними, что отецъ-искупитель, вѣрный своему обѣтованію, собираетъ вокругъ себя своихъ дѣтушекъ, и проч. Сверхъ того петербургскіе скопцы посылали сибирскимъ значительныя суммы денегъ, собственно для распространенія скопчества, о чемъ неоднократно производились дѣла. Такимъ образомъ Восточная Сибирь сдѣлалась новымъ гнѣздомъ и притономъ скопчества, и эта ересь до того начала тамъ распространяться, что правительство впослѣдствіи принуждено было издавать особыя постановленія относительно оскопляющихся ссыльныхъ поселенцевъ и даже каторжныхъ.

Въ 1816 же году (27 октября) послѣдовалъ указъ о томъ, что оскопленіе, какъ преступленіе, близкое къ самоубійству, всемилостивѣйшимъ манифестомъ не прощается, ибо еще 1806 года (іюня 25-го) скопцовъ повелѣно признавать *врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божьихъ и гражданскихъ;* почему, за подведеніе скопцовъ подъ милостивый манифестъ, орловской уголовной палатѣ сдѣланъ былъ выговоръ *).

ломъ 4-го августа 1816 года состоявшимся, полагалъ: всѣхъ упомянутыхъ скопцовъ, такъ и всѣхъ другихъ по губерніямъ оказаться могущихъ, отсылать на службу въ Сибири и въ Грузіи находящіяся войска, а неспособныхъ къ оной въ Иркутскую губернію на поселеніе. При подписаніи сего журнала генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь императоръ, по выслушаніи меморіи комитета, не соизволяя на принятіе таковаго правила общимъ, повелѣть изволилъ: «поступать по оному съ однимъ только главнымъ зачинщикомъ изъ скопцовъ, или съ тѣмъ, кто производитъ оскопленіе». Объ этомъ 26-го августа 1816 года было послано циркулярное предписаніе министра полиціи, а октября 18-го сенатскій указъ.

*) «Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XXXIII, № 26.185. Сенатъ 27-го апрѣля 1816 года слушалъ три дѣла о скопцахъ, представленныя орловскимъ губернаторомъ: 1) о крестьянахъ малолѣтнихъ помѣщиковъ Кошелевыхъ: Андреѣ Печеревковѣ, Ѳедорѣ Ушаковѣ и Тимоѳеѣ Мурашовѣ; 2) о крестьянинѣ помѣщика Страхова Александрѣ Маринниковѣ и 3) о крестьянахъ князя Куракина: Ѳедорѣ Ивановѣ, Борисѣ Тимоѳеевѣ, Иванѣ Семеновѣ, Васильѣ Карповѣ, Петрѣ Филипповѣ и Никитѣ Кузьминѣ. Всѣ они были судимы за самооскопленіе. Орловская уголовная палата, на томъ основаніи, что они оскопили себя до изданія всемилостивѣйшаго манифеста 30-го августа 1814 года, полагала освободить ихъ отъ поступленія съ ними по законамъ. Сенатъ, на основаніи высочайшаго указа 8-го января 1807 года и высочайше утвержденной выписки изъ журнала комитета министровъ 27-го сентября 1812 года, постановилъ: годныхъ изъ нихъ отдать въ военную службу съ зачетомъ помѣщикамъ ихъ за рекрутъ, а неспособныхъ къ военной службѣ отослать на казенные

XVIII.

Между тѣмъ отецъ-искупитель преспокойно жилъ въ домѣ Ненастьева, принимая божескія почести отъ дѣтушекъ, посѣщая „соборы“ въ домахъ другихъ петербургскихъ скопцовъ и близкіе къ Петербургу корабли Фроловыхъ. Съ послѣдователями, жившими въ мѣстахъ отдаленныхъ, онъ велъ обширную переписку *). Со всѣхъ сторонъ скопцы при-

заводы. Орловской же уголовной палатѣ за неправильное заключеніе сдѣлать выговоръ. Преступленіе же, сказано въ сенатскомъ постановленіи, какъ близкое къ самоубійству, не прощается всемилостивѣйшимъ манифестомъ, ибо высочайшимъ указомъ, прописаннымъ въ ордерѣ министра юстиціи бывшему оберъ-прокурору Шетневу отъ 25 іюля 1806 года, повелѣно признавать таковыхъ преступниковъ врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божьихъ и гражданскихъ. Въ отвращеніе того, дабы по прочимъ губерніямъ не могло послѣдовать подобныхъ сдѣланному орловскою уголовною палатой неправильныхъ заключеній при рѣшеніи дѣлъ о скопцахъ, сенатъ разослалъ повсемѣстно печатные указы отъ 27-го октября 1816 года.

*) Нѣкоторые говорятъ, что Кондратій Селивановъ былъ безграмотенъ. Это несправедливо. Вотъ, напримѣръ, два письма его, писанныя къ калужскому священнику Ивану Сергѣеву, увлекшемуся-было въ хлыстовско-скопческую ересь и по раскаяніи представившему эти письма въ святѣйшій синодъ. Всѣхъ писемъ Селиванова къ нему болѣе десяти.

Письмо 3. Христосъ воскресе! Воистину воскресе во славу Божью, а намъ на спасеніе и вѣчную радость. Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю я тебѣ мое отеческое благословеніе и милость Божью съ неба и покровъ Отца моего небеснаго и низкой мой поклонъ съ покровомъ Отца моего небеснаго. Любезный мой сыночекъ, поживи, а мнѣ истинному отцу-искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ. Храните чистоту и дѣвство, оберегайтесь лѣпости и праздныхъ словъ и хмельныхъ напитковъ. А на бесѣду ходи, только не заглядывайся на сестеръ и не давай видимыхъ гостинцевъ. Отъ нихъ заходитъ лѣпость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отводитъ. А ты, любезный мой сыночекъ, самъ знаешь, какъ надобно жить и душу спасти. Еще, любезный мой сыночекъ И. С., нельзя ли тебѣ побывать ко мнѣ, отцу своему искупителю. А я сердечно тебѣ радъ и желалъ бы я тебя повидать лично и побесѣдовать съ тобою. Итакъ, остаюсь истинный вашъ отецъ-искупитель. Прошу и молю небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу до конца. Истинный вашъ отецъ, остаюсь живъ и здоровъ навѣки. Аминь. Еще желалъ бы я тебѣ знаться и водиться съ моимъ любезнымъ и стариннымъ сыночкомъ С. М.

Письмо 4. Христосъ воскресе! Воистину воскресе во славу Божью, а намъ на спасеніе и вѣчную радость. Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю тебѣ заочно миръ и мое отеческое благословеніе. Не заглядывайтесь на женскій полъ, отъ женскаго пола приходитъ человѣкъ въ слабость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога отвращаетъ. А намъ только дана чистота наша и душу спасти. А вы люди ученые, вамъ можно знать, кто какъ себя спасалъ: какое житіе велъ Дмитрій Ростовскій и Богу служилъ, такъ и Иннокентій Иркутскій, который взялъ благодать въ Москвѣ. Но и всѣ угодники на землѣ не въ славѣ были, а слава вѣчная на небеси. Возлюбленный мой сынокъ, воззри на житіе отца своего искупителя, какъ я жизнь свою проводилъ, какія нужды пріялъ въ дальней странѣ, и

ходили къ нему просить благословенія, милости и покрова. Онъ раздавалъ имъ сухарики, кусочки сахара, ладана, восковой свѣчи. Все это принималось, какъ великая святыня. Еще большею святыней почитались остатки пищи отъ стола Селиванова и части его „святыхъ живыхъ мощей“: обрѣзанные ногти, оставшіеся въ гребнѣ волосы, кусочки его одежды. Ихъ завертывали въ бумажкахъ и держали у образовъ, или зашивали въ ладонки и носили на крестѣ вмѣстѣ съ рублями и полтинниками, чеканенными въ непродолжительное царствованіе Петра III. Изъ монетъ Петра III особенно уважались такъ-называемые „крестовики“, на которыхъ четыре буквы П. вычеканены были крестообразно. Съ разныхъ сторонъ привозили въ Петербургъ къ Кондратью Селиванову скопческихъ учителей, наставниковъ, пророковъ и пророчицъ, которыхъ онъ благословлялъ на исполненіе ихъ должностей, махая на нихъ платкомъ *), давалъ имъ по тѣльному кипарисному кресту, по платку (покровъ) и по нѣскольку маленькихъ образковъ (финифтевыхъ) и сухариковъ для раздачи „вѣрнымъ-праведнымъ“ **).

обратите вниманіе и сердечныя очи на глаголы истинные своего отца и посмотрите на понесенныя мною скорби и раны и раздробленные мои члены. А все сіе сотворилъ для того, чтобы показать чистоту и дѣвство и утвердить истинный залогъ и разорить лѣпость и нечистоту. Такъ остаюсь истинный отецъ, прошу и молю небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благочестіи до конца и прочихъ. А тебѣ посылаю навѣки мой покровъ отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

*) Это называлось «подавать покровъ». Платокъ отца-искупителя скопцы называли «покровомъ».

**) Крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ донесеніи, поданномъ императору Александру Павловичу въ 1825 году, говоритъ: «Когда отецъ-искупитель благословляетъ какого-либо скопца на должность учителя, то служащіе отцу-искупителю даютъ благословенному съ головы его волосы... Я привезъ съ собой въ Петербургъ нѣсколько волосъ съ головы искупителя, мнѣ далъ ихъ учитель мой Алексѣй Ивановъ въ знакъ великаго подарка. Нѣсколько же волосковъ съ головы учителя моего (Алексѣя Иванова) дала мнѣ крестьянка, пророчица скопцовъ. Люди божьи такіе волоса принимаютъ съ великимъ уваженіемъ и называютъ таковые «частицами живыхъ мощей» и хранятъ у себя съ бережливостью». Въ 1827 году возникло въ Суздалѣ дѣло о монахинѣ Паисіи. У нея въ кельѣ найдены были волосы и обрѣзки ногтей, тщательно сохраняемые. По производившемуся вслѣдствіе дѣла о Паисіи разысканію. въ Москвѣ былъ обысканъ домъ купчихи Анны Аѳанасьевны Подкатовой, гдѣ бывали скопческія собранія и гдѣ передъ тѣмъ жилъ наставникъ, скопецъ Ларіонъ Подкатовъ, и цеховая Анна Ивановна пророчица, бывшіе въ сношеніяхъ съ монахинею Паисіею. Во время обыска и здѣсь были найдены обрѣзки ногтей и волосъ. Подкатова и Иванова сказали, что волосы и ногти остались у нихъ въ воспоминаніе отца Ларіона Андреевича Подкатова, тогда уже умершаго. Тутъ же найдено было шесть гусиныхъ перьевъ, очиненныхъ безъ раскепа и загнутыхъ крючкомъ, коихъ употребленіе неизвѣстно, четыре пряжки, особаго рода ножъ, шесть склянокъ съ примочками («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1829 г., № 26). Дезертиръ Будылинъ въ своемъ объявленіи показалъ, что всѣ почти скопцы имѣютъ у себя полученные отъ отца-искупителя волосы, которые сохраняютъ на

Крестьянинъ Иванъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи императору Александру Павловичу говорилъ: „Когда отецъ-искупитель новопоставленному скажетъ, бывало, свою милость и покровъ, то давалъ ему обѣ ручки, такъ же и каждому. А люди Божьи, принимая его ручки и платокъ, крестились, прикладывались къ онымъ и, крестясь, кланялись искупителю въ ноги. Служащіе же при искупителѣ давали нѣкоторымъ съ головы его волосы и „Посланіе отца-искупителя“, въ которомъ описаны его страданія“. По словамъ Андреянова, отецъ-искупитель спрашивалъ иногда у приходившихъ: убѣленъ ли такой-то и умѣетъ ли радѣть, и когда ему отвѣчали, что убѣленъ и радѣть умѣетъ, то говорилъ: „Ну, дай Господи, дѣтушки: тотъ у меня и архіерей, кто стоитъ у моихъ дверей, тотъ у меня, отца, и генералъ, кто плоть свою не замаралъ“. „Однажды,—продолжалъ Иванъ Андреяновъ:—нѣкая женка

крестахъ въ ладонкахъ и въ сундукахъ, и почитаютъ за великую святыню («Дѣло того же департамента» 1829 г., № 81). Тамбовской губерніи, Усманскаго уѣзда, въ 1829 году, при обыскѣ дома солдатки Дарьи Григорьевой Чулковой, принадлежавшей къ скопческой сектѣ, найдены человѣческіе волосы, аккуратно завернутые въ бумажку и хранившіеся въ деревянныхъ небольшихъ складняхъ. При осмотрѣ же въ домахъ жившихъ въ городѣ Усмани дѣвокъ, Матрены Чулковой, Надежды Мартемьяновой, Авдотьи и Надежды Трубниковыхъ (изъ нихъ Надежда Ивановна Трубникова, по показанію Будылина, была наставницею или пророчицею), найденъ въ сундукѣ кипарисный тѣльный крестъ, а при немъ привязаны ладонки, въ которыя были зашиты сѣдые волосы и два маленькіе кусочки ладана («Дѣло того же департамента», 1829 года, № 107). У скопцовъ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, въ 1829 году найдены были волосы и ногти, которые они носили на шеѣ при крестахъ. Тамошній скопческій учитель Захаръ Григорьевъ показалъ, что волосы и ногти достались ему въ знакъ памяти отъ бывшаго наставника скопцовъ Селиванова, жившаго въ Петербургѣ, въ домѣ Кострова, а потомъ сосланнаго въ Суздаль. Чиновникъ XIV класса скопецъ Ѳедоръ Васильевъ показалъ, что волосы и ногти далъ ему петербургскій скопецъ Андрей Костровъ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ носить на шеѣ, при крестѣ, ибо, по увѣренію Кострова, они отъ мощей Александра Невскаго («Дѣло того же департамента», 1829 года, № 148). Воронежскаго уѣзда, у солдатки Емельяновой и у другой женщины, состоявшихъ въ скопческой сектѣ, въ 1836 году найдены узелки съ ладаномъ, воскомъ и какими-то корешками («Дѣло того же департамента», 1836 г., № 270). При осмотрѣ въ началѣ нынѣшняго года дома моршанскаго купца Максима Плотицына, «скопца неоскопленнаго», найдены были завернутые въ бумажку сѣдые волосы. Калужскій священникъ Иванъ Сергѣевъ, бывшій въ перепискѣ съ Кондратьемъ Селивановымъ, въ своемъ «Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина», говоритъ: «Есть у нихъ высочайшій учитель, а о имени и въ письмахъ своихъ никому не объявляетъ. Послѣдователи его зовутъ «государемъ», «батюшкою», «богатымъ гостемъ», купцомъ, торгующимъ безцѣннымъ товаромъ, то-есть словомъ Божьимъ, «рѣкою Дономъ». Отъ него происходятъ всѣ пророки и учители. Оный «батюшка» всегда пребываетъ *въ одномъ изъ первыхъ городовъ*, къ нему со всѣхъ сторонъ съѣзжаются просить благословенія. Онъ одѣляетъ крестами и даритъ иконами, отсутствующимъ же посылаетъ сухарики, коими будто самъ питается, просфоры, баранки и воду святую. Употребляютъ все сіе какъ святыню».

принесла искупителю десять копеекъ мѣдью. Искупитель вынесъ эти деньги въ собраніе, положилъ на столъ и сказалъ: „сія женка принесла мнѣ только десять копеекъ, но отъ усердія, и оное мнѣ пріятнѣе прочихъ, пріятнѣе большого приношенія“. У искупителя мало молятся Богу: только полагаютъ по три поклона въ землю, а покланяются ему или его портрету; но всѣ радѣютъ досыта, поютъ духовныя пѣсни, слушаютъ отъ пророка слово и расходятся по своимъ мѣстамъ; а сходятся въ соборъ искупителя всегда въ полдень. Одинъ изъ пророковъ, провѣщавшій въ мірѣ искупителя, выпѣлъ, что въ искупителѣ ихъ Господь Саваоѳъ и съ ручками и съ ножками... Учитель мой (Алексѣй Ивановъ) говаривалъ: „у Небеснаго Отца слуги безплотные, такъ и у государя-батюшки слуги безъ плоти (то-есть оскопленные); прежніе святые бесѣдовали съ Богомъ лицомъ къ лицу, такъ и теперь святые божьи (то-есть скопцы) бесѣдуютъ съ богомъ лицомъ къ лицу“... Восемь лѣтъ тому назадъ (стало-быть, въ 1816 году) ѣздили въ Петербургъ къ искупителю двѣ дѣвицы-пророчицы, а по возращеніи говорили, что передъ святыми образами не должно возжигать масла, такъ какъ въ Питерѣ у искупителя и у хорошихъ людей масла не возжигаютъ передъ образами. Онѣ тогда же говорили, что не должно молиться за умершихъ. Все это по внушенію искупителя. Дѣвицамъ этимъ искупитель прорекъ: „Аннушка да Ѳеклушка! Я, отецъ, растворю для васъ соборы, и божьи люди васъ примутъ и угостятъ, и вы не будете въ нуждѣ“. Но онѣ теперь,— замѣчаетъ Иванъ Андреяновъ: — отъ божьихъ людей прогнаны и не имѣютъ пристанища... Искупитель благосклонно отзывался объ отсутствующихъ его послѣдователяхъ. Онъ говаривалъ: „невидящіе меня, отца, и вѣрующіе въ меня преблаженны; иной и со мной да стоитъ ко мнѣ спиной, а иной и далеко, да близко моего бока“. Нѣкоторые приходили къ искупителю въ веригахъ и просили позволенія носить ихъ; искупитель отвѣчалъ: „во иное время носите, а въ другое подъ лавку кладите; мои дѣтушки носятъ тайныя вериги“ *).

Отецъ-искупитель долго жилъ въ домѣ Ненастьева. Ненастьевы находились въ короткихъ отношеніяхъ съ разными лицами изъ петербургскаго духовенства, изъ купечества и даже изъ образованнаго общества. Многіе изъ ихъ знакомыхъ хотя и не принадлежали къ хлыстовщинѣ, но искали случая увидѣть Селиванова и получить отъ него благословеніе. Онъ слылъ за святого человѣка, объ немъ разсказывали много таинственнаго, чудеснаго, поговаривали, что онъ предсказываетъ будущее, а этого было достаточно для нѣкоторыхъ, чтобы спѣшить къ Ненастьеву и добиваться свиданія съ праведникомъ. Нерѣдко въ домѣ Ненастьева появлялись благочестивые монахи и монахини, какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжавшіе въ столицу за сборами. Нерѣдко по нѣ-

*) «Донесеніе крестьянина Ивана Андреянова императору Александру Павловичу», поданное въ февралѣ 1825 года.

сколькѹ каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четвернями и шестернями, стояли на Басковомъ переулкѣ, у дома Ненастьева. Это набожныя петербургскія барыни пріѣзжали къ праведнику принять благословеніе, послушать поученій, а можетъ-быть, и пророчество услышать. Не всѣ однако видали „праведника“, но только приводимые кѣмъ-либо изъ семейства Ненастьевыхъ. Селивановъ и ихъ одѣлялъ сухариками, пряниками, баранками, иногда финифтяными образками, и имъ давалъ цѣловать свои руки и одежду. При этихъ поклоненіяхъ, разумѣется, не происходило ничего оказывающаго хлыстовско-скопческую ересь. Для усыпленія бдительности полиціи и чтобы доказать неосновательность слуховъ, которые не могли же не распространяться о тайномъ ученіи и обрядахъ скопцовъ, Ненастьевы, а потомъ Костровъ и Солодовниковъ, у которыхъ жилъ Селивановъ, приглашали къ себѣ и министра полиціи Балашова, и петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, и графа Петра Александровича Толстого, и оберъ-полицеймейстеровъ и другихъ. При нихъ совершали они молитвы и слушали поученія, но тогда, конечно, не упоминалось ничего такого, что̀ могло бы показаться предосудительнымъ. Бывали у Селиванова и тогдашніе мистики: князь А. Н. Голицынъ, А. Ѳ. Лабзинъ, В. М. Поповъ и другіе, почитавшіе его боговдохновеннымъ сосудомъ. Въ Михайловскомъ дворцѣ, у Татариновой, совершались тѣ самые обряды, какіе совершались по ночамъ у отца-искупителя.

О собраніяхъ „вѣрныхъ праведныхъ“ у своего батюшки-царя израильскаго имѣемъ свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Приведемъ изъ нихъ три: одно того времени, когда Селивановъ жилъ у Ненастьева, другое — когда онъ жилъ у Кострова, третье — когда онъ имѣлъ пребываніе уже въ своемъ домѣ, построенномъ для него Солодовниковыми.

Въ сентябрѣ 1846 года, когда въ Петербургѣ и Кронштадтѣ производились розыски скопцовъ, семидесятилѣтній отставной фельдфебель Николай Ивановъ, служившій при маякахъ, а послѣ отставки жившій въ Кронштадтѣ, далъ весьма любопытныя показанія о собраніяхъ въ домѣ Ненастьева. Онъ не былъ оскопленъ, но нѣкоторое время находился въ обществѣ скопцовъ, отъ которыхъ вскорѣ отсталъ и женился.

Будучи лѣтъ тридцати съ небольшимъ, онъ въ 1808 году служилъ въ Ревелѣ и тамъ познакомился съ унтеръ-офицеромъ морского вѣдомства Александромъ Дмитріевымъ. Этотъ Дмитріевъ былъ оскопленъ, и онъ и жена его принадлежали къ скопческой ереси, чего однако не зналъ тогда Николай Ивановъ. Въ 1810 году обоихъ ихъ перевели изъ Ревеля: Иванова въ Кронштадтъ, гдѣ онъ съ тремя матросами (оскопленными) жилъ на Толбухинѣ маякѣ, а Дмитріева въ Петербургъ, въ адмиралтейскія мастерскія.

Зимой, когда службы на маякахъ не было, Николай Ивановъ по праздникамъ ѣзжалъ въ Петербургъ и посѣщалъ ревельскаго своего знакомца Александра Дмитріева въ его квартирѣ. Случилось два

праздника сряду, онъ поѣхалъ изъ Толбухина въ Петербургъ и остановился у Дмитріева. „Рано поутру,—сказывалъ Николай Ивановъ въ слѣдственной комиссіи 1846 года:—замѣтивъ, что Дмитріевъ сбирается идти со двора, и узнавъ, что онъ идетъ къ заутренѣ, я просилъ его взять меня съ собою, но онъ велѣлъ мнѣ остаться дома, а самъ ушелъ. Часу въ десятомъ утра пришелъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ купеческой одеждѣ, совершенно мнѣ незнакомый, назвалъ меня по имени, говорилъ, что онъ меня знаетъ, и пригласилъ идти съ собой къ обѣднѣ.

„— Куда же мы пойдемъ, къ Спасу на Сѣнной, что ли?—спросилъ я его, выходя изъ дому.

„— Да, къ спасу *),—отвѣтилъ молодой человѣкъ, и мы пошли.

„Но вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь Спаса на Сѣнной, онъ привелъ меня въ Староконюшенную улицу (Басковъ переулокъ), въ домъ Ненастьева.

„Мы вошли въ комнату нижняго этажа. Тамъ сняли съ меня бывшее на мнѣ платье и дали надѣть халатъ и туфли. Въ этой комнатѣ было нѣсколько оскопленныхъ мальчиковъ разнаго возраста. По ихъ лицамъ, я принялъ ихъ за выздоравливающихъ послѣ тяжкой болѣзни, не зная, что они излѣчивались тутъ отъ оскопленія. Мальчики просили моего вожатаго подвести меня къ нимъ. Вожатый сказалъ: „На что онъ вамъ?“ Но я самъ подошелъ къ мальчикамъ. Они, посмотрѣвъ на меня внимательно, сказали: „Этотъ будетъ нашъ“. Послѣ того вожатый повелъ меня вверхъ по лѣстницѣ. Ступивъ на третью ступень, услыхалъ я слѣдующія слова, пѣтыя нараспѣвъ: „Овцы, вы овцы, овцы бѣлыя мои!“. Я остановился отъ удивленія: но вожатый взялъ меня подъ-руку и повелъ далѣе, сказавъ: „Какой ты любопытный!“

„Мы пришли въ комнату, гдѣ нашли: Александра Дмитріева, чиновника Пищулина, до того времени мнѣ неизвѣстнаго, и еще одного чиновника, котораго я видалъ въ Ревелѣ. Мы сѣли на диванъ, и они стали давать мнѣ наставленіе, какъ должно жить на свѣтѣ, на что я отвѣчалъ имъ, что я и самъ понимаю, что̀ хорошо, что̀ худо. Поговоривъ немного, Пищулинъ сказалъ мнѣ:

„— Теперь пойдемъ къ „богу“, дѣлай, что̀ я буду дѣлать, и молись съ крестомъ“.

„Въ отвѣтъ на это, я показалъ ему бывшій у меня на шеѣ крестъ; но Пищулинъ съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ:

„— Ты не понялъ моихъ словъ; крестись на него“.

„Привели меня въ комнату, устланную цѣльнымъ большимъ ковромъ, на немъ вытканы были лики ангеловъ и архангеловъ. Мнѣ страшно стало ступать на святыя изображенія, но Пищулинъ дернулъ меня и велѣлъ идти. Я увидалъ кровать. Постланные на ней пуховики были въ

---

*) Скопцы Кондратья Селиванова звали «спасомъ».

мой ростъ, надъ кроватью былъ пологъ съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями. На постели лежалъ въ пуховикахъ старикъ въ батистовой рубашкѣ, котораго Пищулинъ и собратья его называли „богомъ“. Они молились ему, какъ мы молимся истинному Богу. Пищулинъ сталъ молиться на колѣняхъ и мнѣ велѣлъ то же дѣлать.

„Богъ, указывая на меня, спросилъ Пищулина:

„— Давно ли онъ желаетъ?

„— Уже съ годъ,—отвѣчалъ тотъ.

„Тогда богъ приказалъ Пищулину подать себѣ крестъ, взялъ его, поцѣловалъ и мнѣ далъ приложиться ко кресту и потомъ поцѣловать свою руку. Затѣмъ онъ сказалъ Пищулину:

„— Отведи его къ пророку.

„Пищулинъ привелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣло четыре человѣка, въ томъ числѣ и Дмитріевъ. Кромѣ нихъ тутъ находился еще одинъ человѣкъ, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ пророкомъ, а пророкъ, одѣтый въ бѣлую до пятъ рубашку и стоя, прорекалъ будущее, но слова его были для меня непонятны. И я въ свою очередь сталъ передъ пророкомъ на колѣни, и онъ обѣщалъ мнѣ золотой вѣнецъ и нетлѣнную ризу. Пророкъ оканчивалъ свои пророчества, махая платкомъ и говоря: „Оставайся, богъ съ тобой и покровъ мой надъ тобой“. Онъ велѣлъ отвести меня въ „соборъ“, и бывшіе въ комнатѣ повели меня внизъ, откуда раздавалось слышанное мною пѣніе.

„Комната, въ которую мы вступили, была огромной величины: вокругъ стѣны стояли стулья; тутъ было больше ста человѣкъ, въ томъ числѣ и мои товарищи по маяку, матросы Ефимъ Сидоровъ, Аверьянъ Ивановъ и Флоръ Гурьевъ. Всѣ были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ и, напѣвая, кружились въ два ряда. Это они, по ихъ выраженію, „ходили кораблемъ“. Въ маломъ пространствѣ, оставшемся середи круга, нѣсколько человѣкъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ. Меня поставили на стулъ и заставили, такъ же, какъ и у другихъ сидѣвшихъ на стульяхъ, разостлать на колѣни платокъ и подлаживать пѣнію кружившихся, ударяя въ тактъ руками и ногами. Такъ шло весь день до вечера. Часу въ девятомъ вечера пѣніе и круженіе вдругъ прекратилось минутъ на пять. Настала мертвая тишина. Потомъ запѣли:

Царство, ты царство,
Духовное царство,
Во тебѣ во царствѣ
Благодать великая,—

и послѣ того снова все затихло.

„Тутъ растворились двери, и богъ, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошелъ въ комнату. Его вели подъ-руки два человѣка, которыхъ называли Іоанномъ Предтечей и Петромъ Апостоломъ. На нихъ были темныя рясы, подпоясанныя ремнями. Увидя ихъ, всѣ пали на колѣни, а богъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, го-

ворилъ: „покровъ мой святой надъ вами", и прошелъ на женскую половину.

„Женское отдѣленіе было въ смежной комнатѣ; въ стѣнѣ же, раздѣлявшей обѣ комнаты, было прорублено низкое, но широкое окно, которое по приходѣ бога открыли. На этомъ окнѣ была постлана постель, на которую богъ и сѣлъ. Предтеча и апостолъ остались на женской половинѣ у самаго ложа бога. Пророчицы начали богу пророчествовать. Засимъ какъ женщины, такъ и мужчины стали кружиться. Богъ, пробывъ тутъ съ часъ времени, снова былъ отведенъ тѣми же, что̀ привели его. Съ уходомъ его, окно на женскую половину было закрыто, но круженія не прекращались.

„Часу въ двѣнадцатомъ пополуночи кружившіеся стали прыгать всѣ въ одинъ разъ, такъ что стѣны тряслись, и кричать: „Ай духъ!". Это навело на меня такой страхъ, что я хотѣлъ выскочить въ окно; но меня удержали. Вдругъ шумный крикъ замѣнился тихимъ пѣніемъ: „Царь Богъ, царь Богъ". И снова стали кружиться.

„Вскорѣ соборъ прекратился, всѣ разошлись, а я остался ночевать въ томъ домѣ, но въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ человѣкомъ, который меня привелъ туда. На другой день повторилось то же самое, и меня отпустили уже на третьи сутки. Я съ товарищами отправился въ Кронштадтъ.

„Въ Кронштадтѣ меня привезли въ „кронштадтское братское общество", находившееся въ Нижней Широкой улицѣ, въ домѣ Родіонова, куда я и прежде хаживалъ, но еще не зналъ о существованіи общества. По приходѣ нашемъ общество радушно насъ встрѣтило, всѣ стали молиться другъ на друга, а прибывшіе со мой товарищи сказали: „Батюшка и Духъ Святый и вѣрные праведные кланяются". Тутъ прочли письмо отъ Пищулина, въ которомъ было написано, что я былъ принятъ въ общество.

„Я хаживалъ къ нимъ рѣдко. Однажды меня затащили въ общество, мы стали кружиться, но у меня съ непривычки закружилась голова, я упалъ и уронилъ съ собою нѣсколько человѣкъ. Въ этомъ обществѣ читывали страданія ихъ бога. Слушая, они заливались слезами, а я, чувствуя ко всему этому омерзѣніе, оставался равнодушнымъ. За то они называли меня истуканомъ. Однажды я спросилъ чиновника, котораго видѣлъ въ домѣ Ненастьева, кто этотъ старичокъ, котораго они называютъ богомъ.

— Это государь Петръ Ѳедоровичъ,—отвѣчалъ онъ *).

*) Далѣе фельдфебель Ивановъ разсказывалъ слѣдующее: «Все, что̀ я видѣлъ и слышалъ въ этомъ обществѣ, настоящей цѣли котораго не постигалъ, поселило во мнѣ сильное къ нимъ отвращеніе. Но какъ я уже слышалъ, что всѣ эти люди оскоплены, то, желая въ томъ убѣдиться, сказалъ однажды Пищулину, что видѣлъ сонъ, будто бы Николай Чудотворецъ мнѣ говорилъ: «ежели хочешь быть спасенъ, оскопись».—«Экій ты глубый,—воз-

„Бога скопцовъ я видывалъ каждый разъ, какъ бывалъ въ Петербургѣ въ ихъ обществѣ, въ домахъ Ненастьева и Кострова. Въ семъ послѣднемъ домѣ видѣлъ я бога, такъ же, какъ и впервые, сидѣвшимъ на богатой постели. Въ другомъ положеніи я его не видывалъ. Когда же этотъ богъ бывалъ на соборѣ, то на ногахъ у него были золотомъ шитыя туфли, на которыхъ, какъ помнится, находились какія-то священныя изображенія".

Когда Селивановъ жилъ у Ненастьевыхъ, домъ ихъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ страннопріимной обители. Скопцы такъ и называли его. Сюда стекались многочисленные послѣдователи хлыстовско-скопческой ереси со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали изъ Иркутска, изъ Одессы, изъ Риги, изъ Алатыря, словомъ, отовсюду, гдѣ была распространена ересь, а распространена она была почти по всѣмъ губерніямъ *). Приходившіе на поклоненіе въ Петербургъ немедленно полу-

---

разилъ Пищулинъ: — это самъ богъ вложилъ тебѣ эту мысль».—«Да развѣ вы обрѣзаны?»—сказалъ я Пищулину. — «Да какъ же,—отвѣтилъ мнѣ онъ:— безъ того нельзя спастись». Тутъ я получилъ омерзѣніе и сталъ отъ нихъ удаляться. У меня были разныя духовныя книги, и когда скопцы замѣтили, что я стараюсь отъ нихъ удаляться, то сперва уговаривали меня сжечь эти книги, потомъ предлагали за нихъ большія деньги, говоря, что чтеніе ихъ развращаетъ меня и отвлекаетъ отъ истиннаго пути; но всѣ ихъ убѣжденія остались тщетными. Эти книги были моимъ утѣшеніемъ, и я сохранилъ ихъ. Пророкъ и еще какой-то купецъ пріѣзжали изъ Петербурга уговаривать меня не отходить отъ нихъ, требовали только, чтобъ я не женился, предоставляя свободу имѣть незаконныя связи, но всѣ ихъ убѣжденія остались безполезны, я оставилъ ихъ общество и въ 1813 году женился. Тѣмъ и прекратились мои сношенія съ этими людьми. Во время знакомства моего съ ними, когда я уже сталъ съ ними коротокъ, они говорили мнѣ, что міръ проклятъ, что божиться въ этомъ мірѣ нѣтъ грѣха, лишь бы не говорить правды; православную церковь называли «муравьинымъ гнѣздомъ», поносили св. причащеніе и говорили, что ежели они и ходятъ въ церковь, такъ только за тѣмъ, чтобы къ нимъ не привязывались. «Святое причащеніе принимаемъ мы,—говорили они:—по нуждѣ; возьмемъ за скулу, послѣ можно выплюнуть». Ихъ же причащеніе заключалось въ кренделяхъ, освященіе которыхъ состояло въ томъ, что богъ ихъ касался рукою до тѣхъ кренделей. Когда въ 1812 году въ Россію вступилъ Наполеонъ, скопцы говорили мнѣ, что это сынокъ батюшки (бога), который писалъ къ нему, чтобъ онъ шелъ къ намъ. Они увѣряли, что при Наполеонѣ будетъ хорошее царствованіе: всѣхъ крестьянъ возьмутъ отъ господъ. Когда же Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи, то я сказалъ скопцамъ:—«Что, много ли нацарствовалъ вашъ Наполеонъ?»—«А это оттого, — отвѣчали они:—что онъ батюшки не послушалъ». Въ Кронштадтѣ былъ только одинъ пророкъ, Яковъ Андреевичъ Кушеверскій, матросъ, находившійся постоянно на вѣстяхъ у корабельнаго мастера; пророчицъ же вовсе не было въ Кронштадтѣ. Онѣ находились въ Петербургѣ и каждому изъ насъ порознь пророчили. Онѣ, между прочимъ, говорили, что у нихъ была богородица Акулина Ивановна, умершая въ какой-то губерніи, названіе которой не припомню, и что она воскреснетъ».

*) Кромѣ Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Витебской, Волынской, Минской и Архангельской; но и въ этихъ губерніяхъ скопцы и

чали въ обители отца-искупителя покой и пищу и были осыпаемы всевозможными ласками приближенныхъ къ богу. Подъ видомъ заботливости и участія, они старались между тѣмъ вызнавать домашнія отношенія пришедшаго, житейскія его обстоятельства и пр., а потомъ, передавъ все это пророку, къ которому посылалъ обыкновенно Селивановъ поклонниковъ, ставили его въ возможность сказать при свиданіи съ посѣтителемъ нѣсколько словъ, которыя бы въ глазахъ пришедшаго свидѣтельствовали, что пророкъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ духомъ пророчества. Поклонники съ простосердечіемъ и вѣрой падали предъ Селивановымъ на землю и, получа утѣшеніе и увѣреніе, что благодать Божья всегда съ ними пребываетъ, орошали стопы своего „батюшки" радостными слезами. Снабженный краткимъ наставленіемъ для жизни и подаркомъ на благословеніе: бумажнымъ платкомъ, финифтянымъ образкомъ, сухарикомъ, пряникомъ или кусочкомъ сахара, поклонникъ отправлялся въ свою сторону, чтобы тамъ еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ, еще съ бо̀льшимъ фанатизмомъ распространять скопческія заблужденія *).

Вмѣсто всей этой „святыни", дешево стоившей приближеннымъ Селиванова, они получали отъ поклонниковъ дары болѣе существенные: деньги текли рѣкой, и въ непродолжительномъ времени казна „обители" въ домѣ Ненастьева обогатилась до чрезмѣрности. Очевидцы, изъ которыхъ многіе были живы въ сороковыхъ годахъ, а нѣкоторые, можетъ-быть, живы и теперь, увѣряютъ, что самъ Селивановъ изъ этихъ пожертвованій ничѣмъ не пользовался, зато приближенные его не упускали случая поживиться насчетъ легковѣрія ближнихъ и дальнихъ почитателей отца-искупителя. Многіе изъ нихъ нажили значительное состояніе. Больше всѣхъ Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ казначея въ обители Ненастьева, а впослѣдствіи державшій отца-искупителя въ своемъ домѣ.

хлысты не были только открываемы формальными слѣдствіями, втайнѣ же и тамъ находились.

*) В. И. Даля «Изслѣдованіе о скопцахъ». Скопческіе учители, жившіе въ отдаленныхъ мѣстахъ, и «страдальцы скопцы», то-есть находившіеся подъ судомъ или слѣдствіемъ и сидѣвшіе въ тюрьмахъ, также получали изъ Петербурга подарки: кулекъ пряничныхъ орѣховъ, кренделей, сухой рыбы, равно и другихъ предметовъ, остающихся отъ стола отца-искупителя. Эти объѣдки своего царя и бога принимали они какъ драгоцѣнную святыню, раздѣляли между «вѣрными-праведными» и употребляли не иначе, какъ натощакъ, съ великимъ благоговѣніемъ, тогда какъ, пріобщаясь въ православной церкви, передъ причастьемъ тихонько завтракали. Пузырьки съ помоями, оставшимися послѣ умыванья Селиванова, также разсылали какъ святыню, но самою великою святыней были «части святыхъ живыхъ мощей», то-есть волосы, обрѣзанные ногти и т. п. Самыя нечистоты Селиванова почитаемы были за святыню.

Оглавленіе

VI ТОМА.

Статьи и разсказы.

